Академическая
Библіотека Русскихъ Писателей

А. В.
Кольцовъ

Академическая Библіотека Русскихъ Писателей

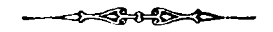
А. В. Кольцовъ

Академическая Библіотека Русскихъ Писателей.
Выпускъ I. (Изданіе 3-е).

Полное собраніе сочиненій
А. В. Кольцова.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями
А. І. Лященка.

Изданіе
Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ.



С.-Петербургъ.
1911.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Май 1911 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Печатано съ набора и со стереотипа—въ Государственной Типографіи и въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.
Автотипіи и всѣ клише исполнены у Р. Голике и А. Вильборга.
Бумага—Т-ва Красносельской Писчебумажной фабрики насл. К. П. Печаткина
Шрифтъ—Словолитни Г. Бертгольда.
Переплетныя работы—Государственной Типографіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Стихотворенія А. В. Кольцова.

II. Письма А. В. Кольцова.

стр.

III. Приложенія.

Портреты, рисунки, факсимиле.



Предисловіе къ 1-му и 2-му изданіямъ.

Задача представить нашихъ писателей-классиковъ въ научныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ общедоступныхъ изданіяхъ составляла за послѣдніе годы предметъ особыхъ заботъ Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ. Разрядъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ постояннымъ жалобамъ на крайнюю бѣдность нашего книжнаго рынка въ такихъ именно изданіяхъ и призналъ своею нравственною обязанностью передъ русскимъ обществомъ дать ему библіотеку русскихъ писателей въ изящныхъ и доступныхъ по цѣнѣ изданіяхъ, отвѣчающихъ требованіямъ науки и школы. Но чтобы это предпріятіе стало жизненнымъ, Разряду предстояло поставить дѣло изданія въ такія условія, при которыхъ оно шло бы безостановочно, велось по одной заранѣе опредѣленной программѣ и было бы гарантировано отъ случайностей, могущихъ задержать его естественное развитіе. Нужно было выработать типъ изданія и обезпечить его научными, а равно и матеріальными средствами, необходимыми для осуществленія такого предпріятія, которое по самой идеѣ своей не можетъ преслѣдовать коммерческихъ цѣлей. Подготовительныя работы велись въ особой Коммиссіи, организованной Разрядомъ изящной словесности. Въ этихъ работахъ приняли участіе члены Разряда, а также и непринадлежащіе къ его составу ученые изслѣдователи нашей литературы. Коммиссія подвергла всестороннему обсужденію практическіе способы осуществленія предпріятія, которое, служа по преимуществу интересамъ науки и школы, въ то же время могло бы получить болѣе широкое распространеніе въ публикѣ, могло бы привлечь къ себѣ вниманіе всѣхъ интересующихся отечественной литературой. Коммиссія разработала общую программу, обусловившую самый типъ изданія. Согласно этой программѣ, важнѣйшей задачей изданія признано установленіе текста издаваемаго писателя; необходимой частью

изданія признаны біографія и характеристика литературной дѣятельности издаваемаго писателя, въ формѣ сжатой и законченной, въ изложеніи вполнѣ общедоступномъ и объективномъ. Кромѣ того, рѣшено вводить въ изданіе рядъ статей и замѣтокъ, въ которыхъ былъ бы исчерпанъ существующій въ литературѣ матеріалъ, необходимый для всесторонняго изученія издаваемаго писателя. Коммиссіей намѣченъ былъ и рядъ писателей, сочиненія которыхъ представлялось возможнымъ издать въ первую очередь; были приглашены редакторы для ихъ изданія; совмѣстно съ редакторами были разработаны детали каждаго изданія, примѣнительно къ общей программѣ.

Время окончанія подготовительныхъ работъ совпало съ юбилейнымъ годомъ А. В. Кольцова (1909 г.), и Разрядъ изящной словесности постановилъ начать осуществленіе своего предпріятія,— которому рѣшено дать названіе „Академическая Библіотека русскихъ писателей“,—изданіемъ полнаго собранія сочиненій А. В. Кольцова: его сочиненіямъ посвященъ этотъ первый томъ „Библіотеки“, вышедшій подъ редакціею А. І. Лященка.

Успѣхомъ своихъ подготовительныхъ работъ Коммиссія въ значительной степени обязана просвѣщенному содѣйствію многихъ лицъ и учрежденій, къ которымъ она обращалась за помощью. Въ особенности цѣнныя услуги оказали Коммиссіи, предоставивъ ей для использованія рукописные и печатные матеріалы, слѣдующія лица: А. А. Бахрушинъ, А. Н. Боратынскій, Ф. А. Витбергъ, П. Я. Дашковъ, графиня М. А. Келлеръ, графиня Л. Г. Комаровская, В. Н. Поливановъ, В. И. Саитовъ, И. Ѳ. Тютчевъ, П. И. Щукинъ, а также учрежденія: Императорская Публичная Библіотека, Императорскій Россійскій Историческій Музей имени Императора Александра III въ Москвѣ и Отдѣленіе этого Музея—Музей П. И. Щукина; Московскій Публичный и Румянцовскій Музеи, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Архивъ Владимірскаго Дворянскаго Собранія, Архивъ Эриванскаго Губернскаго Правленія, Воронежская Публичная Библіотека, Воронежскій Губернскій Музей.

Выражая всѣмъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ подготовительныхъ работахъ Разряда, а равно учрежденіямъ, снабжавшимъ организаціонную Коммиссію Разряда и редактора настоящаго выпуска необходимыми рукописными и печатными матеріалами,—свою глубокую признательность, Разрядъ изящной словесности приноситъ особую

благодарность лицамъ, которыя съ живымъ сочувствіемъ отнеслись къ идеѣ общедоступности изданія и оказали ему денежную поддержку.

Въ организаціонную коммиссію поступили денежныя пожертвованія отъ нѣсколькихъ лицъ; наиболѣе крупныя пожертвованія сдѣлали коммерціи совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Губинъ и одно лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ. Оба эти лица, направляя свои пожертвованія на имя Августѣйшаго Президента Императорской Академіи Наукъ, выразили пожеланіе, чтобы ихъ жертвы легли въ основу особаго фонда для изданія „Академической Библіотеки русскихъ писателей“, при которомъ только и возможенъ дальнѣйшій безостановочный выходъ томовъ „Библіотеки“ въ томъ видѣ, въ какомъ является первый ея томъ. Наличность фонда, правда, пока очень скромнаго по своимъ размѣрамъ, ускорила осуществленіе задуманнаго Разрядомъ предпріятія, а матеріальная поддержка со стороны нѣсколькихъ лицъ, учрежденій и фирмъ, оказанная Коммиссіи при печатаніи этого перваго тома, обезпечила своевременный выходъ его въ свѣтъ и дала возможность пустить его въ продажу по вполнѣ доступной цѣнѣ.

Почетный членъ Академіи Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михаиловичъ пожертвовалъ Коммиссіи необходимое количество бумаги для отпечатанія въ первомъ изданіи факсимиле четырехъ автографовъ Кольцова.

Г. Министръ Финансовъ В. Н. Коковцовъ нашелъ возможнымъ удовлетворить ходатайство организаціонной Коммиссіи, разрѣшивъ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ принять заказъ Коммиссіи на изготовленіе и отпечатаніе клише для перваго изданія настоящаго выпуска на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Экспедиція безвозмездно изготовила клише для пяти автотипій и четырехъ автографовъ, помѣщенныхъ въ томѣ, и кромѣ того безвозмездно отпечатала нѣкоторую часть этихъ воспроизведеній въ первомъ и второмъ изданіи.

Группа лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными, приняла на себя нѣкоторые мелкіе расходы при выполненіи технической стороны изданія.

Поставщикъ Императорской Академіи Наукъ — Словолитня Г. Бертгольда, Товарищество Красносельской Писчебумажной фабрики насл. К. П. Печаткина и фабрика Фридриха Кана сдѣлали существенныя уступки при заказахъ Коммиссіи.

Воронежскій фотографъ М. Н. Селиверстовъ, по просьбѣ Коммиссіи, сдѣлалъ фотографіи памятниковъ Кольцова, воспроизведенныя въ изданіи.

Скорымъ же и прекраснымъ выполненіемъ технической стороны перваго изданія Сочиненій Кольцова Коммиссія была обязана главному технику по художественнографической части Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ Г. И. Франку и замѣстителю его Р. Г. Заррину, въ особенности же управляющему типографіею Императорской Академіи Наукъ—В. В. Нордгейму, а въ ихъ лицѣ и всему составу этихъ двухъ учрежденій.

Предисловіе къ 3-му изданію.

Первый выпускъ „Академической Библіотеки русскихъ писателей", заключающій полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова, вышелъ подъ редакціею А. І. Лященка въ концѣ сентября 1909 г., въ количествѣ 15.000 экземпляровъ. Это изданіе быстро разошлось и въ октябрѣ того же года было повторено въ количествѣ 20.000 экз., которые разошлись въ теченіе зимы 1909—1910 г. Обстоятельства не позволили повторить изданіе въ болѣе скоромъ времени, и оно выходитъ въ третій разъ лишь теперь, въ августѣ 1911 года. При третьемъ изданіи этого выпуска, въ виду значительно увеличившагося его объема, сравнительно съ двумя прежними изданіями, оказалось неизбѣжнымъ нѣсколько повысить его цѣну. Въ этомъ новомъ изданіи увеличено и количество воспроизведеній.

Нѣсколько первыхъ листовъ третьяго изданія отпечатано въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, но въ бóльшей своей части изданіе печаталось въ Государственной Типографіи, которая приложила всѣ старанія къ удачному выполненію задачи печатанія, усложненной исправленіемъ стереотипныхъ досокъ почти въ половинѣ всего тома.

Слѣдующіе выпуски „Библіотеки", со 2-го по 6-й, отведены сочиненіямъ М. Ю. Лермонтова, которыя печатаются подъ редакціею Д. И. Абрамовича (вышло четыре тома); выпуски 7—9 будутъ заняты сочиненіями А. С. Грибоѣдова, нынѣ находящимися въ печати.

Отъ редактора.

Первый выпускъ „Академической библіотеки русскихъ писателей", заключающій въ себѣ сочиненія А. В. Кольцова, редактированъ нами по плану, выработанному особой Коммиссіей, состоящей при Разрядѣ изящной словесности Императорской Академіи Наукъ.

Въ основу его положенъ текстъ, принятый въ первомъ посмертномъ изданіи „Стихотвореній Кольцова" (1846 г.), редакторомъ котораго былъ В. Г. Бѣлинскій. Произведенія, не вошедшія въ изданіе 1846 г., воспроизводятся по текстамъ, появившимся въ періодическихъ изданіяхъ, современныхъ Кольцову; если современныхъ поэту печатныхъ текстовъ нѣтъ, то устанавливается текстъ согласно рукописямъ.

Редакторъ старался сохранить особенности правописанія, свойственныя поэту. По отношенію къ Кольцову выполненіе этого условія вызвало нѣкоторыя затрудненія вслѣдствіе невыдержанности и непослѣдовательности ороографіи Кольцова.

Варіанты изъ рукописей и печатныхъ изданій приводятся (въ отдѣлѣ примѣчаній) только существенно-важные.

Что касается біографіи Кольцова, въ связи съ очеркомъ его литературной дѣятельности, то, согласно постановленію Коммиссіи, мы старались представить возможно объективно и въ исчерпывающей полнотѣ фактическія данныя изъ жизни и дѣятельности писателя и охарактеризовать всѣ стороны его творчества, избѣгая однако размѣровъ обширной спеціальной монографіи.

Къ изданію приложена хронологическая канва біографіи Кольцова, въ которую вошли также указанія на время написанія отдѣльныхъ произведеній поэта. Въ отдѣлѣ приложеній дано: описаніе рукописей издаваемаго поэта, обзоръ изданій его сочиненій, обзоръ (въ видѣ статьи) литературы о немъ. Послѣдній обнимаетъ: 1) воспоминанія о Кольцовѣ и статьи о немъ, имѣющія характеръ первоисточника, 2) критическія и самостоятельныя біографическія статьи о поэтѣ, 3) популярныя біографіи и статьи, 4) библіографическіе матеріалы. Къ нему примыкаютъ: обзоръ переводовъ стихотвореній Кольцова на иностранные языки, замѣтка о портретахъ его, иллюстраціяхъ къ біографіи и произведеніямъ, замѣтка о пѣсняхъ Кольцова въ музыкѣ. Пожеланіе Коммиссіи дать списокъ характерныхъ словъ и выраженій издаваемаго писателя исполнено редакторомъ въ „Замѣткѣ о языкѣ Кольцова".

Для облегченія справокъ даны: хронологическій списокъ стихотвореній Кольцова (въ оглавленіи), алфавитные указатели произведе-

ній по заглавію и по первому стиху, указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ.

Настоящее изданіе полнѣе предшествующихъ; въ немъ помѣщены: неизданное письмо А. В. Кольцова къ кн. В. Ѳ. Одоевскому, стихотвореніе „Тоска о миломъ“, двѣ народныя пѣсни, записанныя Кольцовымъ, составленый Кольцовымъ сборникъ „Русскихъ пословицъ“.

При редактированіи настоящаго изданія я встрѣтилъ просвѣщенное содѣйствіе со стороны многихъ лицъ. Приношу глубокую благодарность П. Я. Дашкову за разрѣшеніе воспользоваться для изданія его богатымъ собраніемъ рукописей Кольцова; Ф. А. Витбергу, подѣлившемуся со мною своими матеріалами о Кольцовѣ, въ особенности коллекціями лубочныхъ картинъ къ пѣснямъ Кольцова и музыкальныхъ произведеній на его слова; В. И. Саитову, предоставившему возможность заниматься въ его богатой библіотекѣ и сообщившему рядъ цѣнныхъ библіографическихъ данныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приношу глубокую благодарность слѣдующимъ лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе изданію своими указаніями и совѣтами: Н. Н. Бахтину, С. Н. Браиловскому, И. А. Бычкову, А. Н. Васильеву, С. А. Венгерову, П. А. Заболотскому, Ѳ. М. Ильинскому, В. В. Каллашу, А. О. Круглому, И. А. Кубасову, Н. М. Лисовскому, Х. М. Лопареву, В. В. Майкову, Б. Л. Модзалевскому, В. Д. Пагиреву, Н. К. Пиксанову, С. А. Переселенкову, В. А. Подгаецкому, С. Н. Прядкину, Ф. Т. Рославлеву, В. А. Францеву и А. А. Шахматову.

20 Сентября 1909 года.

Третье изданіе отличается отъ перваго внесеніемъ въ него четырехъ новыхъ писемъ Кольцова: къ В. И. Гарденину, В. Г. Бѣлинскому (11 сентября 1836 г.), Н. А. Полевому и Ѳ. А. Кони. Просмотрѣны и значительно дополнены примѣчанія и объяснительныя статьи. Опущена „Замѣтка о языкѣ Кольцова“, требующая переработки и дополненій; редакторъ надѣется напечатать ее въ спеціальномъ изданіи.

Приношу благодарность за указанія, дополненія и поправки слѣдующимъ лицамъ: Н. Н. Бахтину, П. Л. Вакселю, Ф. А. Витбергу, Э. А. Вольтеру, П. А. Заболотскому, свящ. С. Г. Звѣреву, П. И. Зиннеру, А. Ѳ. Кони, В. Н. Кораблеву, Н. О. Лернеру, Б. Л. Модзалевскому, Н. К. Пиксанову, Ѳ. П. Рыбскому, И. С. Свѣнцицкому, А. Г. Фомину, В. А. Францеву, Я. І. Швецу, Ю. А. Яворскому, В. Д. Языкову и В. И. Яковлеву.

А. Лященко.

15 мая 1911 года.



А. В. Кольцовъ въ 1838 году.

(Съ портрета масляными красками, работы К. А. Горбунова).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ СПБ.

А. В. КОЛЬЦОВЪ.

(Біографическій очеркъ).

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ происходилъ изъ довольно зажиточной мѣщанской семьи города Воронежа. Отецъ его Василій Петровичъ былъ прасолъ, торговавшій скотомъ въ степной части Воронежской и сосѣднихъ губерній. Незадолго до рожденія сына дѣла его шли съ особенной удачей; онъ сумѣлъ даже пріобрѣсти большой домъ на лучшей улицѣ города (Дворянской). Въ городѣ онъ пользовался извѣстностью. По родословію рода Кольцовыхъ, составленному въ 1803 г. Василіемъ и Алексѣемъ Акимовичами Исаевыми (Исаевы и Кольцовы составляли двѣ вѣтви одного рода), родной братъ Василія Петровича, сынъ прасола, былъ крестьянскимъ засѣдателемъ Коротоякскаго уѣзднаго суда; а Василій Петровичъ переѣхалъ изъ Коротоякскаго уѣзда въ г. Воронежъ. Здѣсь онъ приписался въ мѣщанство [1]). Вскорѣ женился онъ на дочери прасола Переславцова, Прасковьѣ Ивановнѣ, женщинѣ доброй, но совсѣмъ необразованной (неграмотной). Въ этой семьѣ и родился Алексѣй Васильевичъ 3 октября 1809 года.

Условія дѣтства были мало благопріятны для развитія мальчика Кольцова. Въ семьѣ, знавшей одинъ законъ,—законъ владыки дома, только мать поэта, Прасковья Ивановна, умѣвшая ладить съ мужемъ, могла оказать на мальчика болѣе благотворное вліяніе. Главныя заботы о мальчикѣ лежали, повидимому, на его нянѣ, Ѳедосьѣ Павловой,

---

1) „Сборн. Отд. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ“. Т. LV. СПБ. 1893, прилож. къ проток., стр. XIII—XVI. Вѣтвь Исаевыхъ принадлежала къ дворянамъ.

ухаживавшей за нимъ и въ послѣднiе дни его жизни, во время тяжелой болѣзни. Сверстниковъ въ семьѣ А. В. не имѣлъ: одна сестра была гораздо старше его, маленькiй братъ Владимiръ, недолго притомъ и жившiй, и другiя сестры не могли быть его сотоварищами въ играхъ. „Первые годы дѣтства поэта-прасола", говоритъ его бiографъ Я. М. Невѣровъ, „протекли мирно, въ тиши семейства. Предоставленный самому себѣ, онъ въ дѣтскихъ играхъ едва было на всю жизнь не разстроилъ своего здоровья; ходя босикомъ по болотамъ и лужамъ, Кольцовъ до того испортилъ свои ноги, что почти лишился способности ходить, и долгое время тяжко былъ боленъ".

Учить мальчика грамотѣ начали, когда ему минуло 9 лѣтъ; для этого приглашенъ былъ семинаристъ. Первоначальные успѣхи въ грамотѣ маленькаго Кольцова, повидимому, были довольно удовлетворительны; по крайней мѣрѣ, ему удалось, минуя приходское, поступить прямо въ первый классъ уѣзднаго училища (1818 г.). Недолго, однако, пришлось Кольцову учиться здѣсь; онъ кончилъ первый, пробылъ 4 мѣсяца во второмъ классѣ,—и былъ взятъ домой отцомъ, нашедшимъ полученныя сыномъ свѣдѣнiя вполнѣ достаточными для той жизни, къ которой онъ его готовилъ, т. е. къ торговлѣ скотомъ. Свѣдѣнiя эти были, однако, весьма незначительны. Первоначальныя рукописныя тетрадки Кольцова поражаютъ своею безграмотностью. Правда, впослѣдствiи, подъ конецъ жизни онъ научился, по крайней мѣрѣ, отдѣлять одно слово отъ другого; но знаки препинанiя и другiя тонкости правописанiя остались недоступны для него навсегда. Нѣтъ сомнѣнiя, однако, что училище оставило извѣстные слѣды въ жизни Кольцова: онъ полюбилъ чтенiе и стихи. Въ одномъ письмѣ къ В. А. Жуковскому онъ припоминаетъ: „Бывши мальчикомъ еще, уча наизусть ваши творенiя, душой сживаясь съ ними, думалъ ли я въ ту пору, что—придетъ время—увижу васъ?..." Разумѣется, что первыя книги, прочитанныя Кольцовымъ, были лубочныя изданiя, сказки про Бову, про Еруслана Лазаревича и т. п.; эти книги добывались мальчикомъ на деньги, назначенныя для лакомствъ и игрушекъ.

Цѣлый рядъ слѣдовавшихъ одна за другой случайностей измѣняли, и все къ лучшему, направленiе Кольцова въ чтенiи. Слѣдующей за сказками стадiей были романы; ихъ доставлялъ Алексѣю Васильевичу Варгинъ, тоже сынъ купца. Особенно нравились Кольцову „Тысяча и одна ночь" и „Кадмъ и Гармонiя" Хераскова. Дружба съ Варгинымъ продолжалась три года; въ 1824 г. Варгинъ умеръ и оставилъ другу въ наслѣдство свою библiотеку, состоявшую изъ 70 томовъ.

Нужно думать, что уже вскорѣ по выходѣ изъ училища Кольцовъ сталъ помогать отцу при его разъѣздахъ, преимущественно по Донскимъ степямъ, которыя начинались по Черкасскому тракту, въ 40 верстахъ отъ Воронежа. Потомъ эти разъѣзды совершались и имъ однимъ. Въ одномъ стихотвореніи 1829 г. [1]) поэтъ вспоминаетъ о своей юношеской жизни:

Скучно и нерадостно
Я провелъ вѣкъ юности:
Въ суетныхъ занятіяхъ
Не видалъ я красныхъ дней.
Жилъ въ степяхъ съ коровами,
Грусть въ лугахъ разгуливалъ,
По полямъ съ лошадкою
Одинъ горе мыкивалъ;
Отъ дождя въ шалашикѣ
Находилъ убѣжище;
Дикаремъ, степникою
Я въ Воронежъ ѣзживалъ
За харчами, деньгами,
Чаще—за отцовскими
Мудрыми совѣтами.
И въ такихъ занятіяхъ
Мнѣ пробило двадцать лѣтъ.

Степь сразу же оказала вліяніе на поэтическую душу Кольцова. Къ 1828 г. относится описаніе ея въ „Ночлегѣ чумаковъ".

До 1825 года, повидимому, Кольцовъ былъ мало знакомъ съ стихотвореніями. Случайно, однако, ему попались стихотворенія И. И. Дмитріева, которыя произвели на душу юноши сильное впечатлѣніе. Уединившись въ саду, онъ сталъ *распѣвать* произведенія Дмитріева, и въ особенности его „Ермака". Образецъ сильно повліялъ на читавшаго; ему самому захотѣлось создать свои стихи. Первымъ неуклюжимъ—по позднѣйшему сознанію самого поэта—стихотворнымъ его опытомъ были „Три видѣнія", передававшія сонъ одного его пріятеля. Кольцову было тогда 16 лѣтъ; слѣдовательно, стихотвореніе написано въ 1825 году. Это стихотвореніе Кольцовъ впослѣдствіи истребилъ, какъ слишкомъ неудачный опытъ. „Но какъ ни плохъ былъ этотъ опытъ",—говоритъ Бѣлинскій—„однако жъ онъ навсегда рѣшилъ поэтическое призваніе Кольцова; послѣ него онъ почувствовалъ

---

1) „Повѣсть моей любви", см. стр. 22 настоящаго изданія.

рѣшительную страсть къ стихотворству. Ему хотѣлось и читать чужіе стихи и писать свои, такъ что съ этихъ поръ онъ уже неохотно читалъ прозу и сталъ покупать только книги, написанныя стихами" [1]). Вскорѣ затѣмъ произошло знакомство Кольцова съ воронежскимъ книгопродавцемъ Дмитріемъ Антоновичемъ Кашкинымъ. Кашкинъ обратилъ вниманіе на молодого человѣка, покупавшаго у него сочиненія Ломоносова, Богдановича, Державина, разговорился съ нимъ; узнавъ, что Кольцовъ самъ пишетъ стихи, онъ посовѣтовалъ ему познакомиться съ „Русской просодіей", изданной въ Москвѣ въ началѣ XIX в. Кашкинъ былъ, несомнѣнно, довольно образованный человѣкъ; онъ могъ на первое время дать полезные совѣты начинающему поэту.

Тепло вспоминалъ Кольцовъ о Кашкинѣ, человѣкѣ, оказавшемъ ему первую серьезную поддержку на литературномъ пути:

Хочу порадовать игрою
Тебя, о милой другъ! И ты,
Въ замѣну хладной пустоты,
Съ улыбкой, дружеству пристойной,
Гласъ лиры тихой и нестройной
Прочтешь и скажешь про себя:
„Его трудовъ виновникъ я!"
Такъ точно, другъ, мечты младыя
И чувствъ волненье ты впервые
Во мнѣ, какъ ангелъ, разгадалъ.
Ты, помнишь, разъ сказалъ: „Разсѣй
Съ души туманъ непросвѣщенья,
И на крылахъ воображенья
Лети къ Парнасу поскорѣй!"
Совѣту милаго послушный,
Я духъ изящностью питалъ,
Потомъ, съ подругою воздушной,
Нашедши лиру, пѣть началъ:
Потомъ въ часъ лѣни молчаливой
Я рано полюбилъ покой,
Пріютъ избушки некрасивой
И разноцвѣтный садикъ мой...[2]).

Кашкинъ оказалъ сильную поддержку Кольцову. Въ теченіе пяти лѣтъ (1825—1829 гг.) поэтъ пользовался правомъ безвозмездно

---

1) „О жизни и сочиненіяхъ Кольцова", статья при изд. стих. Кольцова 1846 г., стр. X—XI.
2) Стр. 27 изданія.

брать книги изъ его библіотеки. Въ это время онъ познакомился съ произведеніями Жуковскаго, Дельвига, Козлова, Пушкина, которыя произвели на него, несомнѣнно, болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ поэты XVIII вѣка. Тогда же сказалось и подражаніе Кольцова этимъ новымъ образцамъ.

Стихи, однако, долго не давались Кольцову. Первые его опыты, 1826—1827 гг., напечатанные въ настоящемъ изданіи въ приложеніяхъ, поражаютъ своею нескладицею, неправильностью языка, вычурностью образовъ, даже отсутствіемъ логической связи. Это еще ученическія тетради, слабое подражаніе Дмитріеву, Жуковскому. Тѣмъ не менѣе, иногда замѣтенъ въ нихъ проблескъ мысли, образа, гладкій стихъ. Для изученія исторіи творчества Кольцова эти черновыя тетради—источникъ важный. Но къ тому же 1827 году относится прекрасное стихотвореніе „Сирота", вслѣдъ за которымъ написаны стихотвореніе „Ровеснику" и пѣсня „Если встрѣчусь съ тобой". Въ послѣдней изъ нихъ поэтъ уже отступалъ отъ формы и содержанія тогдашнихъ романсовъ. Послѣдняя однако была присуща ему всегда; никогда не могъ отрѣшиться отъ нея Кольцовъ, сдѣлаться исключительно изобразителемъ наблюдаемой имъ народной жизни, чуждой прикрасъ и розоваго освѣщенія, свойственнаго романсу.

Къ концу двадцатыхъ годовъ относится также благотворное для поэта сближеніе съ Андреемъ Порфирьевичемъ Сребрянскимъ, воспитанникомъ Воронежской семинаріи и впослѣдствіи студентомъ медикохирургической академіи. Сребрянскій былъ личностью довольно выдающейся, цѣлою головою стоявшею выше многихъ своихъ товарищей и имѣвшею огромное вліяніе на нихъ. Онъ самъ былъ поэтъ; правда, поэтъ плохой, поэтъ туманныхъ фразъ, неясныхъ, искусственно созданныхъ образовъ. Лучшею изъ пьесъ, принадлежащихъ ему, несомнѣнно, была незабытая и доселѣ студенческая пѣсня:

Быстры, какъ волны, дни нашей жизни:
Что часъ, то короче къ могилѣ намъ путь...
Налейте янтарной струею бокалы!
И кратокъ, и дорогъ веселый намъ мигъ.
Будущность темна, какъ осеннія ночи,
Прошедшее гибнетъ для насъ навсегда;—
Ловите жъ минуты, текущія быстро:
Какъ знать, что осталось для насъ впереди?

Напечатанная въ 1892 году, въ Воронежѣ, его ода „Безсмертіе" (извѣстная раньше въ отрывкахъ) и другія его пѣсни свидѣтельствуютъ

о слабомъ талантѣ Сребрянскаго. То же, повидимому, писалъ, уже по смерти Сребрянскаго, Кольцову Бѣлинскій, когда получалъ отъ него произведенія его друга. Какъ бы то ни было, Кольцовъ не сомнѣвался ранѣе этого отзыва Бѣлинскаго въ талантѣ и критическомъ чутьѣ Сребрянскаго. Послѣднее, быть можетъ, и было ему свойственно. Онъ безапелляціонно рѣшалъ, достойно ли печати или уничтоженія то или другое стихотвореніе Кольцова, поправлялъ послѣдняго; риѳмой онъ владѣлъ недурно. Въ оставшейся тетради его стихотвореній (среди бумагъ Кольцова) большинство романсы: „Къ цвѣтку", „На смерть незамѣнимаго", „Могила прекрасной" и т. д., и только одна *русская пѣсня* „Къ лучинѣ":

Гори, гори, лучинушка,
Гори, дубовая,
Свѣти сердцу кручинному
Счастьемъ миновалымъ...

Мы можемъ допустить вліяніе Сребрянскаго на Кольцова только въ отношеніи техники стиха; дать Кольцову тему, мотивы для разработки Сребрянскій не могъ. Кольцовъ не разъ въ письмахъ къ Бѣлинскому припоминалъ съ благодарностью дѣятельное участіе въ немъ Сребрянскаго, которому былъ обязанъ болѣе строгимъ выборомъ чтенія, знакомствомъ съ Шекспиромъ; припоминалъ бесѣды въ „кружкѣ" Сребрянскаго, носившія отчасти философскій характеръ. Сребрянскій былъ авторомъ статьи „Мысли о музыкѣ", о которой Бѣлинскій отзывался съ большою похвалою. Статья свидѣтельствуетъ о вліяніи на него философіи Шеллинга. Благодарный другу за его совѣты, Кольцовъ посвятилъ ему интересное въ автобіографическомъ отношеніи стихотвореніе „А. П. Сребрянскому" (1829 г.).

Конецъ двадцатыхъ годовъ былъ все еще школой для Кольцова. Пріобрѣтая извѣстность въ мѣстномъ обществѣ, совершенствуя свой стихъ, Кольцовъ не выступалъ еще въ печати. Въ это время имъ написаны: „Осень", „Ночлегъ чумаковъ", „Спящему младенцу", „Люди добрые, скажите" и др.

Къ концу двадцатыхъ годовъ относится первая любовь Кольцова, кончившаяся драматически. Поэтъ полюбилъ жившую въ его семьѣ крѣпостную дѣвушку Дуняшу; та отвѣчала ему взаимностью. Любовь молодыхъ людей не могла нравиться старику-отцу. Онъ поступилъ рѣшительно: въ одну изъ отлучекъ сына, Дуняша была продана на Донъ; потомъ очутилась замужемъ за какимъ-то казакомъ. Поэтъ

долго помнилъ свою первую идеальную любовь. Испытанное имъ потрясеніе повліяло и на его творчество. „Въ своемъ поэтическомъ призваніи увидѣлъ онъ вознагражденіе за тяжкое горе своей жизни, и весь погрузился въ море поэзіи, читая и перечитывая любимыхъ поэтовъ, и по ихъ слѣдамъ пробуя самъ извлекать изъ своей души поэтическіе звуки, которыми она была переполнена“ [1]). Наиболѣе сродной душѣ поэта въ это время оказалась „нѣжная мечтательная поэзія русскаго Шиллера“ [2]), т. е. Жуковскаго. Подъ вліяніемъ послѣдняго написаны стихотворенія „Первая любовь“, „Путникъ“, „Люди добрые, скажите“, „Уныніе“ и другія. Воспоминаніе о потерянномъ счастьѣ вдохновляло Кольцова нерѣдко и потомъ. Дуняшѣ посвящено и одно изъ послѣднихъ его стихотвореній „Звѣзда“.

Въ 1829 г. происходитъ знакомство и сближеніе Кольцова съ профессоромъ философіи и физико-математическихъ наукъ въ Воронежской семинаріи А. Д. Вельяминовымъ. Изъ посланія, адресованнаго ему поэтомъ [3]), видно, что сближеніе это произошло на почвѣ литературныхъ интересовъ. Въ томъ же году произошло событіе, способствовавшее появленію въ печати произведеній Кольцова. Черезъ Воронежъ изъ Одессы (или Таганрога) въ Москву проѣзжалъ „литераторъ“ В. Сухачевъ. Кажется, по рекомендаціи Кашкина, онъ познакомился съ Кольцовымъ; послѣдній далъ ему нѣсколько своихъ стихотвореній. Нѣкоторыя изъ нихъ и издалъ Сухачевъ въ Москвѣ въ 1830 году подъ своимъ именемъ. Такимъ образомъ, первыя печатныя произведенія Кольцова относятся къ 1830 г.

Счастливыя обстоятельства сблизили поэта въ это время съ человѣкомъ, давшимъ Кольцову не менѣе, чѣмъ Сребрянскій. Это былъ блестящій по уму и способностямъ, хорошо образованный и вліятельный среди московской учащейся и мыслящей молодежи, Николай Владиміровичъ Станкевичъ, сынъ Воронежскаго помѣщика. Знакомство съ нимъ состоялось при оригинальныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ разсказывалъ впослѣдствіи, со словъ самого Станкевича, его другъ Я. М. Невѣровъ. „Отецъ Станкевича имѣлъ винокуренный заводъ, куда мѣстные торговцы скотомъ пригоняли свои гурты для корма бардою. Молодой Станкевичъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ этими людьми. Однажды, ложась спать, онъ долго не могъ найти

---

1) Бѣлинскій, н. статья, стр. XIII.
2) Я. Невѣровъ. „Поэтъ-прасолъ Кольцовъ“, статья въ „Сынѣ Отеч.“ 1836, т. 176.
3) Стр. 20 настоящаго изданія.

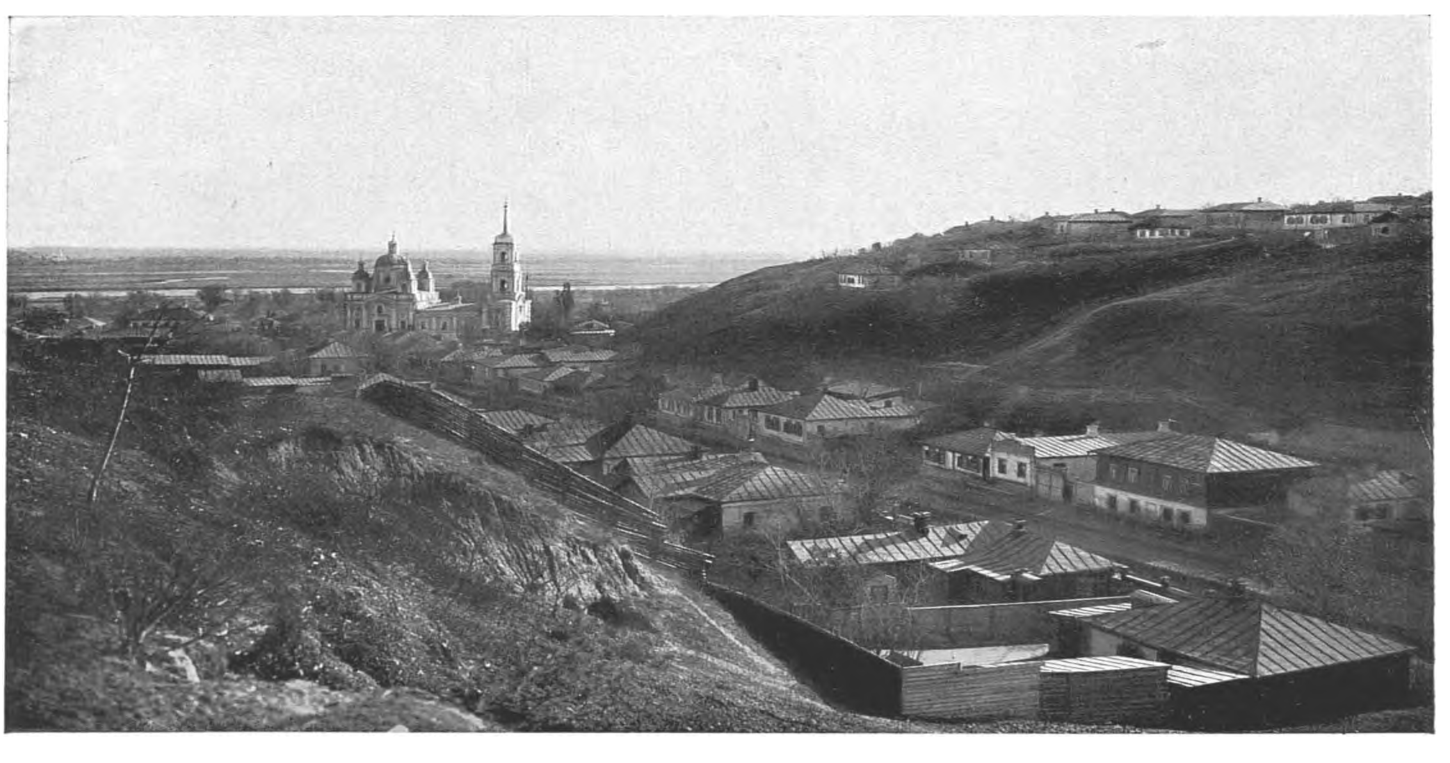
своего камердинера, и когда послѣдній явился, то, на замѣчаніе Станкевича, привелъ такое оправданіе: что вновь прибывшій прасолъ Кольцовъ за ужиномъ читалъ имъ такія пѣсни, что они всѣ заслушались и не могли отъ него отстать. При этомъ камердинеръ сказалъ нѣсколько оставшихся у него въ памяти куплетовъ, которые и на Станкевича произвели такое впечатлѣніе, что онъ пожелалъ лично узнать отъ Кольцова, откуда онъ досталъ такіе прекрасные стихи. На другой день онъ пригласилъ его къ себѣ и, къ удивленію своему, узналъ, что авторъ этихъ стиховъ самъ Кольцовъ. Разумѣется, Станкевичъ попросилъ Кольцова передать ему всѣ свои стихотворенія" [1]). Съ однимъ изъ нихъ Станкевичъ рѣшилъ познакомить читающую публику. Въ „Литературной Газетѣ" 1831 г. онъ помѣстилъ одно стихотвореніе Кольцова при письмѣ, рекомендующемъ публикѣ „самороднаго поэта", вдохновляющагося часто въ степи, „дорогою, ночью, верхомъ на лошади" [2]).

Въ маѣ 1831 года Кольцовъ былъ отправленъ отцомъ по дѣламъ торговымъ и тяжебнымъ въ Москву. Уже въ эту первую поѣздку Кольцовъ завязалъ, благодаря Станкевичу, литературныя знакомства, которыя помогли ему увидѣть нѣкоторыя изъ произведеній своихъ въ печати. Въ малоизвѣстномъ московскомъ изданіи „Листокъ" въ 1831 г. Кольцовъ помѣстилъ: „Вздохъ на могилѣ Веневитинова", „Посланіе къ ***" и „Посланіе къ А—ой" (Огарковой): „Опять тоску, опять любовь". Тогда же состоялось его знакомство съ Бѣлинскимъ [3]).

Поѣздки Кольцова въ Москву и С.-Петербургъ, вызванныя торговыми дѣлами отца, сослужили большую службу въ его развитіи и самообразованіи. Чрезъ Станкевича онъ познакомился съ его кружкомъ, съ Бѣлинскимъ. Извѣстность Кольцова, какъ автора, открыла ему доступъ во всѣ литературные кружки. Сначала Кольцовъ прислушивался къ разговорамъ другихъ, читалъ много по совѣту друзей, бесѣдовалъ о прочитанномъ. Впослѣдствіи, въ письмахъ къ Бѣлинскому,—находясь, конечно, подъ сильнымъ вліяніемъ послѣдняго,—онъ довольно толково судитъ о явленіяхъ русской литературы. Къ сожалѣнію, отсутствіе первоначальнаго общаго образованія сказывалось очень часто. Образованность Кольцова была чисто журнальная, и потому часто поверхностная. Молодые друзья Кольцова,

---

1) М. Де-Пуле. „Кольцовъ" С.-Пб. 1878, стр. 23—24.
2) Настоящее изданіе, стр. 357.
3) Бѣлинскій, н. статья, стр. XVIII.



Мѣстность Гусиновка, гдѣ родился Кольцовъ.

(Воронежъ).

(Съ фотографіи М Н. Селиверстова).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

люди сильно увлекающіеся, хотѣли посвятить его во всѣ интересы своей жизни, ознакомить даже съ философскими вопросами. Хотя Кольцовъ очень интересовался этими вопросами, но часто они были ему не по силамъ; съ полною искренностью онъ сознавался иногда въ непониманіи нѣкоторыхъ философскихъ терминовъ и положеній.

На средства, собранныя членами кружка Станкевича, была издана въ 1835 году въ Москвѣ книжка „Стихотвореній А. Кольцова", заключавшая въ себѣ 18 пьесъ, выбранныхъ Станкевичемъ изъ довольно „увѣсистой" тетради. Въ нее вошли такія прекрасныя произведенія, какъ „Размышленіе поселянина", „Не шуми ты, рожь", „Крестьянская пирушка" и другія. Бѣлинскій, принимавшій самъ дѣятельное участіе въ изданіи этой книжки, отнесся сочувственно къ новому литературному дѣятелю, признавши въ немъ талантъ небольшой, но истинный.

Отдаться всецѣло занятіямъ литературой Кольцовъ не могъ. Ему мѣшало въ этомъ постоянное участіе въ торговыхъ дѣлахъ отца, а главное—въ его тяжбахъ. Даже поѣздки его въ столицы (вторая—въ Москву и Петербургъ относится къ 1836 г.) вызывались именно этими тяжбами. Принятый довольно ласково во многихъ литературныхъ кружкахъ, Кольцовъ познакомился, помимо членовъ кружка Станкевича, съ Ѳ. Н. Глинкою, Шевыревымъ, Краевскимъ, кн. Вяземскимъ, кн. Одоевскимъ, Плетневымъ, Панаевымъ и друг. Онъ, однако, прекрасно понималъ, искреннее ли участіе или выжидательная осторожность заставляли столичныхъ литераторовъ принимать его у себя. Обстоятельства при томъ сложились такъ, что Кольцову приходилось во многихъ изъ нихъ видѣть не просто добрыхъ знакомыхъ, но и покровителей, могущихъ быть полезными въ его тяжбахъ. Кн. Вяземскій, Одоевскій, Жуковскій, Краевскій оказывали ему не разъ сильную поддержку въ его дѣлахъ. По отзывамъ видѣвшихъ его въ то время лицъ, Кольцовъ говорилъ въ кружкахъ мало, но прислушивался ко всему внимательно. Онъ былъ застѣнчивъ и робокъ, скромно оцѣнивая свой литературный талантъ. Такъ, на одномъ вечерѣ у Плетнева, воспоминаніе о которомъ оставилъ Тургеневъ, Кольцовъ никакъ не соглашался прочесть свою послѣднюю „думу".

— „Что это я сталъ бы читать-съ? Тутъ Александръ Сергѣевичъ только вышли, а я бы читать сталъ! Помилуйте-съ"!—говорилъ онъ.

Съ Пушкинымъ Кольцовъ познакомился въ 1836 г. Къ нему относился Кольцовъ постоянно съ особеннымъ уваженіемъ, даже благоговѣніемъ: его памяти посвятилъ онъ свой „Лѣсъ".

Кольцовъ призводилъ большею частью на своихъ новыхъ знакомыхъ очень благопріятное впечатлѣніе. Князь П. А. Вяземскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, сейчасъ же послѣ перваго знакомства съ поэтомъ, характеризуетъ его: „Дитя природы, скромный, простосердечный“ [1]). Н. А. Полевой пишетъ брату (Ксенофонту): „Вручитель этихъ строкъ Кольцовъ. Позволь мнѣ сказать тебѣ о немъ, что это чистая, добрая душа, которую не надобно смѣшивать съ Слѣпушкинымъ. О дарованіи его ни слова [2]); но я полюбилъ въ немъ человѣка. Пожалуйста, приласкай, поговори съ нимъ просто, и ты увидишь прекрасные проблески души и сердца, и полюбишь его. Можетъ быть оттого, что мнѣ здѣсь холодно, какъ подъ полюсомъ, съ Кольцовымъ грѣлся я, какъ будто у камина“ [3]).

И. И. Панаевъ отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ проницательномъ и осторожномъ, умѣвшемъ сдерживать себя [4]). Этотъ удивительный русскій самородокъ умѣлъ бесѣдовать съ европейски-образованнымъ В. П. Боткинымъ и съ блестящимъ по эрудиціи М. Н. Катковымъ. „Зашелъ я къ нему на минуту вечеромъ“ — вспоминаетъ Катковъ: „онъ не хотѣлъ отпустить меня безъ чаю. Слово за слово, и ночи — какъ не бывало. Часто захаживалъ онъ ко мнѣ и, засидѣвшись, оставался ночевать“ [5]).

Бѣлинскій отзывался о Кольцовѣ прямо восторженно. Въ письмѣ Боткину онъ пишетъ: „Когда пріѣхалъ Кольцовъ, я *всѣхъ тѣхъ* забылъ, какъ будто ихъ и не было на свѣтѣ. Я точно очутился въ обществѣ нѣсколькихъ чудеснѣйшихъ людей... И вотъ опять никого со мною, опять я одинъ — и пуста та комната, гдѣ еще такъ недавно мой милый Алексѣй Васильевичъ съ утра до ночи упоевался чаемъ и меня поилъ!“ [6]).

Отецъ смотрѣлъ на знакомства сына доброжелательно; онъ чувствовалъ выгоду, извлекаемую сыномъ изъ этихъ знакомствъ съ вліятельными людьми. Кольцовъ возвращался въ Воронежъ уже литературною извѣстностью: его стихотворенія печатались въ лучшихъ столичныхъ журналахъ („Современникъ“, „Московскій Наблюдатель“,

---

1) „Остафьевскій архивъ“, т. III, стр. 289.
2) О талантѣ Кольцова Полевой былъ невысокаго мнѣнія.
3) „Записки“ Кс. Полевого. С.-Пб. 1888, стр. 412.
4) И. Панаевъ. „Литературныя воспоминанія“. С.-Пб. 1876, стр. 145—146.
5) М. Катковъ. „Нѣсколько словъ къ характеристикѣ Кольцова“.—„Русск. Вѣстн.“ 1856, т. VI, ноябрь, стр. 170.
6) А. Пыпинъ. „Бѣлинскій“. 2-ое изд., стр. 345.

потомъ „Отечественныя Записки"); его привлекаютъ къ участію въ альманахахъ. Въ Воронежѣ къ нему стали относиться съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

Увлеченіе философіей, характеризовавшее кружокъ Станкевича, не прошло безслѣдно для Кольцова. Оно выразилось въ его „думахъ", въ которыхъ поэтъ старался поставить и разрѣшить міровые вопросы. Рѣшенія, конечно, онъ не находилъ; заданный вопросъ оставался безъ отвѣта. На созданіи этихъ думъ отразилось вліяніе кружковъ А. П. Сребрянскаго и Н. В. Станкевича [1]). Впрочемъ, нужно оговориться, что вліяніе это сказалось только на постановкѣ вопроса; въ развитіи же идеи чувствуется свойственная Кольцову наивная простота, какая-то растерянность передъ сложностью міровой жизни и ея тайнъ. Думы эти ставились Бѣлинскимъ гораздо ниже его пѣсенъ; но и онъ находилъ нѣкоторыя изъ нихъ прекрасными. Такъ, въ „Великой тайнѣ" онъ видѣлъ удивительную глубину мысли, соединенную съ замѣчательной простотой и благородствомъ. „Это—дума Шиллера, переданная русскимъ простолюдиномъ съ русскою отчетливостью, ясностью и съ простодушіемъ младенческаго ума" [2]). Вліяніе стихотвореній Шиллера на думы Кольцова довольно вѣроятно [3]).

Въ 1836 и 1837 годахъ, по возвращеніи изъ Петербурга и Москвы, Кольцовъ сталъ собирать, по совѣту А. А. Краевскаго, народныя пѣсни и пословицы. Небольшой сборникъ пословицъ, записанныхъ имъ съ соблюденіемъ особенностей народнаго говора, напечатанъ въ настоящемъ изданіи; сборникъ пѣсенъ, бывшій въ рукахъ П. В. Кирѣевскаго, остается пока не разысканнымъ.

Въ іюлѣ 1837 г. Воронежъ посѣтилъ В. А. Жуковскій, сопровождавшій Наслѣдника Цесаревича въ образовательной его поѣздкѣ по Россіи. Пріемъ, оказанный маститымъ поэтомъ поэту-прасолу, удивилъ многихъ. Во время своего пребыванія въ Воронежѣ Жуковскій видѣлся два раза съ Кольцовымъ, который сопровождалъ его при осмотрѣ достопримѣчательностей Воронежа. Весь городъ видѣлъ, какъ Жуковскій „прогуливался пѣшкомъ и въ экипажѣ вмѣстѣ съ поэтомъ-прасоломъ" [4]). Свои впечатлѣнія по поводу поѣздки Жуковскаго Кольцовъ излилъ въ письмѣ къ Краевскому (отъ 16 іюля 1837 г.):

---

1) В. Ярмерштедтъ. „Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія Кольцова".—„Вопросы философіи и психологіи" 1893, кн. 20; 1894, кн. 22.
2) „Сочиненія" Бѣлинскаго, подъ ред. С. Венгерова, т. II, стр. 311.
3) См. примѣчанія къ стихотвореніямъ, стр. 361, 371.
4) Де-Пуле „Кольцовъ" С.-Пб. 1878, стр. 93—94.

„Ахъ, любезный Андрей Александровичъ, какъ онъ меня принялъ и обласкалъ, что я не нахожу словъ всего вамъ пересказать. Много, много, много,—и все хорошо, прекрасно! Едва ли ангелъ имѣетъ столько доброты въ душѣ, сколько Василій Андреевичъ. Онъ меня удивилъ до безумія. Я до сихъ поръ думаю, что это все было со мной во снѣ, да иначе и думать невозможно. Жаль, что не могу всего разсказать вамъ подробно; словомъ, чудеса!.. Не только кой-какіе купцы, и даже батинька не вѣрилъ кой-чему; теперь увѣрились".

Жуковскій пытался сблизить мѣстныхъ педагоговъ съ Кольцовымъ. Во второе, менѣе оффиціальное, посѣщеніе гимназіи онъ обратился къ нимъ съ рѣчью о поэтѣ: „онъ говорилъ объ его общественномъ положеніи, о его стремленіи къ самообразованію и о трудностяхъ, соединенныхъ съ этимъ; онъ совѣтовалъ и даже просилъ воронежскихъ педагоговъ, какъ людей просвѣщенныхъ, сблизиться съ поэтомъ-прасоломъ" [1]). Этотъ призывъ не остался безъ вліянія. Молодые педагоги С. Я. Долинскій, И. А. Добровольскій старались сблизиться съ Кольцовымъ; у перваго изъ нихъ сталъ бывать поэтъ [2]).

Но это сближеніе не было серьезнымъ и сердечнымъ. Въ общемъ, Кольцовъ жилъ въ Воронежѣ одинокою жизнью, не имѣя друзей, особенно съ 1838 года. Въ этомъ году умеръ Сребрянскій, горько оплаканный нашимъ поэтомъ [3]). Съ Кашкинымъ онъ разошелся.

Во время поѣздки въ Москву и въ С.-Петербургъ въ 1838 году Кольцовъ особенно сблизился съ Бѣлинскимъ; онъ велъ въ Петербургѣ переговоры о переѣздѣ Бѣлинскаго туда изъ Москвы. Съ этого же времени начинается живой обмѣнъ между ними писемъ. Письма эти характеризуютъ самыя дружескія отношенія.

Въ Петербургѣ въ это время Кольцовъ измѣнилъ своей скромности и молчаливости. Самъ онъ отмѣтилъ это въ письмѣ къ Бѣлинскому въ началѣ 1838 г.: „Да, новость: я въ этотъ разъ вдвое поумнѣлъ противу прежняго; такъ славно толкую, говорю увѣренно, спорю, вздорю, что бѣда. Рискъ—благородное дѣло. Я съ важными, учеными людьми толкую, спорю, пускаюсь въ сужденія и убѣждаю ихъ на своемъ мнѣніи. Виссаріонъ Григорьевичъ, Михаилъ Александровичъ, какъ думаете?—вѣдь право смѣшно! Чего на свѣтѣ нѣтъ! Въ первый разъ я все больше разыгрывалъ молчанку, а теперь—

---

1) Это сообщаетъ Де-Пуле (н. соч., стр. 93), бывшій тогда воспитанникомъ Воронежской гимназіи.
2) Де-Пуле, н. соч., стр. 126—127.
3) См. письма его въ настоящемъ изданіи, стр. 191, 195, 200.

дудки. Нѣтъ, братцы, лихо говорю; это правда, что оно поподручнѣй; а мнѣ, ей-Богу, что-то хочется и самому кой-кого изъ молодежи одурачить; пусть наши копыты помнютъ"[1]). Болѣе рѣшительно начинаетъ онъ судить и о литературныхъ явленіяхъ. „Бернетъ прислалъ свою книгу, стихи, съ тѣмъ, чтобы я ему сдѣлалъ на нее безпристрастное сужденіе; только оно будетъ не въ его пользу"—сообщалъ онъ Бѣлинскому [2]).

До насъ не дошли отвѣтныя письма Бѣлинскаго къ Кольцову. Поэтому трудно судить о томъ, какъ относился знаменитый критикъ къ сужденіямъ Кольцова о литературныхъ явленіяхъ. Несомнѣнно однако, что эти сужденія создавались подъ вліяніемъ статей Бѣлинскаго и разговоровъ съ нимъ поэта. Отзывы Кольцова о Лермонтовѣ, Марлинскомъ, Полевомъ, объ игрѣ Мочалова являются повтореніемъ мнѣній Бѣлинскаго.

Но и люди, часто не соглашавшіеся съ взглядами учителя и друга Кольцова, признавали за сужденіями нашего поэта значительную цѣнность. „Съ нимъ—писалъ П. А. Плетневъ Я. К. Гроту—можно безъ скуки говорить, когда онъ разговорится. У него есть и смыслъ и вкусъ, хотя послѣдній подъ замѣтнымъ вліяніемъ Бѣлинскаго, его друга" [3]).

Жуковскій, отрицательно относившійся къ увлеченію Кольцова философіей [4]), рекомендовалъ его Н. М. Гамалею такъ: „Кольцовъ—человѣкъ весьма замѣчательный; онъ торгуетъ и пишетъ стихи весьма хорошіе".... „Буду много обязанъ вамъ, если не лишите своей благосклонности человѣка, который, хотя въ простомъ состояніи, но право достоинъ уваженія во многихъ отношеніяхъ" [5]).

Въ столицы пріѣзжалъ Кольцовъ ради тяжебныхъ дѣлъ отца. По пріѣздѣ въ столицы онъ начиналъ хлопотать, посѣщать вліятельныхъ знакомыхъ (Жуковскаго, кн. П. А. Вяземскаго, кн. В. Ѳ. Одоевскаго), выпрашивалъ у нихъ рекомендательныя письма. Съ этими письмами онъ обходилъ разныя правительственныя учрежденія и настойчиво добивался благопріятнаго для себя и для отца рѣшенія. Эта сторона отношеній Кольцова къ его столичнымъ знакомымъ производитъ на

---

1) См. стр. 176.
2) Тамъ же.
3) Переписка Грота съ Плетневымъ. Т. I, стр. 140.
4) См. ниже, стр. 242.
5) „Рус. Архивъ" 1910, № 12, 680—681.

читателя его просительныхъ и благодарственныхъ писемъ непріятное впечатлѣніе [1]).

Въ 1838 году Кольцовъ писалъ много. Этому благопріятствовало сближеніе съ Бѣлинскимъ и другими литераторами. Самъ поэтъ понималъ это. Въ одномъ изъ писемъ 1840 года къ Бѣлинскому онъ пишетъ: „А что въ 1838 году я въ Москвѣ написалъ такъ много и хорошо,—это потому, во-первыхъ, что я былъ съ вами и съ людьми, которые собой меня каждый день настраивали; а во-вторыхъ, я почти не дѣлалъ ничего, былъ празденъ; тяготило до смерти одно дѣло, но одно дѣло—не больше. И я еще писалъ тамъ весьма мало. А живя въ Воронежѣ, кругомъ меня другой народъ: татаринъ за татариномъ, жидъ на жидѣ; а дѣлъ беремя: торговля, стройка дома, которая кончилась съ мѣсяцъ, судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденія, посѣщенія, счеты, расчеты, брани, ссоры. И я какъ еще пишу? и для чего пишу? Только для васъ, для васъ одниxъ. А здѣсь я за писаніе терплю больше оскорбленій, чѣмъ снисхожденій.

„А что я пишу не все хорошо, вы объ этомъ сказали правду тоже. Почему же у меня идутъ пьесы не всѣ хороши? Онѣ всегда шли такъ, но прежде былъ Сребрянскій. Онъ дрянныя рвалъ, а теперь онѣ всѣ идутъ къ вамъ. Мнѣ же писать все равно, что хорошія, что дурныя—одно; и дрянь возьметъ иногда больше времени. И я, наконецъ, добился, почему онѣ выходятъ, что никуда не годятся. Иногда дурное дѣло дурно настроитъ душу, и хоть пройдетъ оно, а все-таки впечатлѣніе-то остается въ душѣ. А еще большой недостатокъ, что негдѣ у насъ мнѣ слушать хорошую музыку. Я до этихъ поръ помню Лангера и тотъ вечеръ, и никогда его не забуду. И самъ Питеръ, и Москва много своимъ величествомъ способствуютъ силамъ человѣка; а объ театрѣ ужъ и говорить нечего“ [2]).

Бѣлинскій сталъ для Кольцова единственнымъ литературнымъ судьею. Ему посылаетъ поэтъ свои новыя произведенія, совѣтуется о нихъ, ему повѣряетъ всѣ свои горести и радости.

Послѣднихъ было, однако, очень не много. Съ воронежскими знакомыми поэтъ мало-по-малу расходился. Они насмѣшливо отнеслись къ его попыткамъ завести рѣчь о томъ, что дѣлаютъ, о чемъ говорятъ въ умственныхъ центрахъ Россіи. Кольцовъ мечталъ быть въ родномъ

---

1) О тяжебныхъ дѣлахъ Кольцова мы не распространяемся, о нихъ много говоритъ самъ Кольцовъ въ своихъ письмахъ.

2) См. письма, стр. 222.

городѣ учителемъ, руководителемъ, а оказался „чижомъ-подражателемъ“, какъ назвалъ его въ своей сатирѣ-баснѣ одинъ изъ мѣстныхъ стихотворцевъ, Волковъ [1]). Кольцовъ, конечно, чувствовалъ неловкость своего положенія въ Воронежѣ. „Съ моими знакомыми расхожусь по-маленьку“,—писалъ онъ Бѣлинскому: „Наскучили всѣ они,—разговоры пошлые. Я хотѣлъ съ пріѣзда увѣрить ихъ, что они криво смотрятъ на вещи, ошибочно понимаютъ; толковалъ и такъ и такъ. Они надо мной смѣются, думаютъ, что я несу имъ вздоръ. Я повернулъ отъ нихъ себя на другую дорогу; хотѣлъ ихъ научить—да ба!—и вотъ какъ съ ними поладилъ: все ихъ слушаю, думаю самъ про себя о другомъ; всѣхъ ихъ хвалю во всю мочь; всѣ они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, живописцы, образцовые чиновники, образцовые купцы, образцовые книгопродавцы; и они стали мною довольны; и я самъ про себя смѣюсь надъ ними отъ души“ [2]).

Какъ умный человѣкъ, Кольцовъ скоро сталъ хорошо сознавать разладъ въ своей жизни, разладъ между запросами и дѣйствительностью: „Что я? Человѣкъ безъ лица, безъ слова, безо всего просто. Жалкое созданіе, несчастная тварь, которая годится лишь на одно: возить воду да таскать дрова,—вотъ и все. Торгашъ, копѣечникъ, жидъ, цыганъ, подлецъ я долженъ быть; вотъ мое значеніе. Вотъ въ какихъ слояхъ я могу быть президентъ. Лишь въ этихъ мѣстахъ я гражданинъ. И что еще всего хуже: жить дома, въ кругу купцовъ, рѣшительно я теперь не могу; въ другихъ кругахъ тоже. Безрадостная самая будущность у меня впереди. Я, кажется, собой одно выполню во всей точности: ворону... И, ей-Богу, я ужасно похожъ на нее; остается лишь сказать: она къ павамъ не попала, а отъ воронъ отстала. Больше этого ко мнѣ ничего нейдетъ“ [3]).

Зная положеніе Кольцова, друзья звали его въ Петербургъ, гдѣ предлагали или сдѣлаться управляющимъ конторою А. А. Краевскаго, или начать самому книжную торговлю. Кольцовъ яснѣе своихъ друзей понималъ непрактичность ихъ совѣтовъ. На торговлю, даже на книжную, онъ смотрѣлъ отрицательно, видѣлъ, что мало въ ней идеальнаго, честнаго, что заразительный примѣръ окружающихъ не можетъ не повліять на самаго честнаго человѣка. Приходилось жить

---

1) См. примѣчаніе къ письму № 44.
2) Письма, стр. 185.
3) Письма, стр. 241—242.

въ тяжелой семейной обстановкѣ, сносить обиды и „терпѣливо ждать конца“.

Въ сентябрѣ 1840 г. поэту снова пришлось уѣхать изъ Воронежа по дѣламъ отца. Новыя встрѣчи, бесѣды съ Бѣлинскимъ, Боткинымъ немного подняли его духъ. Новый 1841 годъ онъ встрѣтилъ въ Москвѣ у Боткина вмѣстѣ съ Кетчеромъ, Грановскимъ и другими. Одно дѣло отца Кольцовъ выигралъ, другое проигралъ; остался безъ денегъ въ Москвѣ. Отецъ не писалъ ему ни слова; положеніе было критическое. Съ грустью, на занятыя деньги, покидалъ поэтъ Москву; тяжелыя предчувствія не оставляли его. Отецъ перемѣнился къ сыну; быть можетъ, онъ ошибся въ расчетѣ, что при помощи вліятельныхъ людей всегда будетъ въ состояніи счастливо кончать тяжебныя дѣла. Разошелся Алексѣй Васильевичъ и съ горячо любимою прежде младшею сестрою Анисьей. Онъ думалъ развить ее чтеніемъ книгъ, завелъ для нея обученіе музыкѣ, французскому языку. По пріѣздѣ изъ Москвы засталъ онъ все это заброшеннымъ. Сестра увлеклась однимъ воронежскимъ мѣщаниномъ, стала мечтать о замужествѣ съ нимъ. Кольцовъ указывалъ на ничтожность души этого молодого человѣка, но безуспѣшно... Разговоры о приданомъ, выдѣленіи части сестры только породили большое неудовольствіе и разладъ между братомъ и сестрой.

Въ это время Кольцовъ горячо полюбилъ Варвару Григорьевну Лебедеву, которой ранѣе посвятилъ стихотвореніе „Ты въ путь иной отправилась одна“. Поэтизируя ее, Бѣлинскій[1]) говоритъ: „Страстною любовью озарился восходъ его жизни; пышнымъ, багрянымъ, но зловѣщимъ блескомъ страстной любви озарился и закатъ его жизни. Эта женщина была совершенно по немъ—красавица, умна, образована, и ея характеръ вполнѣ соотвѣтствовалъ его кипучей, огненной натурѣ. Нужда заставила ее разстаться съ нимъ“.

Еще ранѣе разлуки съ Лебедевой чувствовалъ Кольцовъ недомоганіе. Вскорѣ болѣзнь (чахотка) развилась съ необычайною силою. Отецъ поэта не давалъ денегъ на лѣченіе. Докторъ И. А. Малышевъ принялъ личное участіе въ судьбѣ Кольцова; какъ могъ, поддерживалъ его силы. Нѣкоторое время больной прожилъ на дачѣ своего родственника Башкирцева. Только одна мать, да старуха няня ухаживали за больнымъ. Въ послѣднее время жизни онъ писалъ очень мало, хотя продолжалъ читать и интересоваться литературой.

1) „О жизни и сочиненіяхъ Кольцова“, статья при изданіи 1846 г., стр. XXXIV—XXXV.



Мать поэта — Прасковья Ивановна Кольцова.



Отецъ поэта — Василій Петровичъ Кольцовъ.



А. В. Кольцовъ въ 1836 г.
(По фотографіи М. Н. Селиверстова, съ портрета масляными красками, писаннаго художникомъ Д. Курепинымъ).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

29 октября 1842 года Кольцовъ умеръ отъ чахотки.

Глубокою тоской и желаніемъ жизни звучитъ одно изъ послѣднихъ его стихотвореній: „На новый 1842 годъ“:

Но годъ прошелъ: однимъ—звѣздою ясной,
Другимъ онъ молніей мелькнулъ;
Меня жъ годъ, встрѣченный прекрасно—
Какъ другъ, какъ демонъ—обманулъ!
Онъ, за таинственнымъ покровомъ,
Мученья горькія скрывалъ,
И въ этомъ свѣтѣ безтолковомъ
Меня вполнѣ рокъ грозный испыталъ.
Тяжелый годъ, тебя ужъ нѣтъ, а я еще живу,
И новый тихо, безъ друзей, одинъ встрѣчаю,
Одинъ въ его заманчивую тьму
Свои я взоры потопляю.
Что въ ней таится для меня?
Ужели новыя страданья?
Ужель, безвременно, изъ міра выйду я,
Не совершивъ и задушевнаго желанья?

Изучая поэтическую дѣятельность Кольцова, мы можемъ прослѣдить ее почти отъ первыхъ опытовъ.

Робкія, часто не только не выдержанныя, но прямо неуклюжія юношескія произведенія 1825 и 1826 гг. вскорѣ смѣняются такими прекрасными по формѣ и духу стихотвореніями, какъ „Сирота“. Но и въ первыхъ опытахъ Кольцова мы найдемъ тѣ же мотивы и мысли поэта-лирика, которые звучатъ сильнѣе въ его лучшихъ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ.

Кольцовъ—поэтъ-лирикъ по преимуществу. Любовь („Первый шагъ любви“), неудовлетворенность жизнью („Отцвѣтшая краса“, „Сонъ“) изображаются имъ съ первыхъ же шаговъ поэтической дѣятельности рядомъ съ вопросами о личномъ счастьѣ, о цѣли жизни („Посланіе Переславцову“, „Прямое счастіе“). Еще начинающимъ юношей-поэтомъ Кольцовъ вдумчиво всматривался въ жизнь и отражалъ личныя настроенія и переживанія не только въ такъ называемыхъ „думахъ“, но и во многихъ другихъ пѣсняхъ. На основаніи его стихотвореній можно составить какъ бы поэтическую біографію поэта [1]).

---

1) Такъ разсмотрѣны стихотворенія Кольцова въ прекрасной статьѣ Ив. Иванова въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза-Ефрона, т. XV, стр. 798—803.—Недавно В. В. Даниловъ въ интересной работѣ „Очерки поэзіи Кольцова“ (въ „Рус. Филол. Вѣстникѣ“ 1910, т. LXIII, № 1) сдѣлалъ любопытныя сближенія пѣсенъ и писемъ Кольцова.

Желая дать самому себѣ отчетъ о своихъ переживаніяхъ, Кольцовъ говоритъ (1829 г.):

Вся жизнь моя—какъ сине море:
Съ вѣтрами буйными въ раздорѣ—
Бушуетъ, пѣнится, кипитъ,
Волнами плещетъ и шумитъ.
Уступятъ вѣтры,—и оно
Сравняется какъ полотно.
Иной порою, въ дни ненастья,
Все въ мірѣ душу тяготитъ;
Порою улыбнется счастье,
Отвѣтно жизнь заговоритъ;
Со всѣхъ сторонъ печаль порою
Нависнетъ тучей надо мною,
И, словно черная волна,
Душа въ то время холодна.
То мигомъ ясная година
Опять настанетъ,—и душа
Пьетъ радость, радостью дыша!
Ей снова все тогда прекрасно,
Тепло, спокойно, живо, ясно,
Какъ водъ волшебное стекло,—
И горя будто не было.

Но этихъ радостныхъ моментовъ поэзія Кольцова отмѣчаетъ мало. Гораздо больше и чаще она останавливается на невзгодахъ и разочарованіяхъ. Поэтъ, рано узнавшій сердечную тоску („Ровеснику“, „Къ ней“), считалъ себя сиротою, разочаровавшимся въ любви („Очи, очи голубыя“, „Мщеніе“), въ дружбѣ („Размолвка“) и въ людяхъ вообще („Разувѣреніе“, „Уныніе“).

Одновременно выливалось у него трогательное чувство дружбы и признательности въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ „Сестрѣ“, „Маленькому брату“, „Ровеснику“, „Д. А. Кашкину“, „А. Д. Вельяминову“, „А. П. Сребрянскому“. Чуткій, отзывчивый характеръ поэта не могъ впослѣдствіи успокоиться, пока онъ не отозвался на смерть друга-покровителя Н. В. Станкевича [1]).

И все-таки въ этихъ стихотвореніяхъ Кольцовъ еще „не нашелъ себя“. Онъ былъ городскимъ жителемъ, принадлежавшимъ къ зажиточной мѣщанской семьѣ, повидимому, далекой отъ радостей и горя, заботъ и забавъ деревни. Но рано, въ поѣздкахъ по степи съ отцомъ,

---

1) Академическое изд., стр. 269.

пришлось поэту познакомиться и съ природой степи и съ деревенскими обывателями. Понемногу это начинаетъ отражаться въ поэзіи Кольцова; вспомнимъ, напримѣръ, „Путникъ“, „Осень“, „Ночлегъ чумаковъ“, „Къ рѣкѣ Гайдарѣ“, нѣсколько позднѣе написанную „Крестьянскую пирушку“ и, наконецъ, „Кольцо“ (1830 г.), появившееся въ печати благодаря Н. В. Станкевичу. Конечно, нельзя отрицать того, что первыя стихотворенія Кольцова, изображающія народную жизнь, не избѣжали идеализаціи. Особенно замѣтна эта идеализація въ „Крестьянской пирушкѣ“, скорѣе напоминающей мѣщанскую, городскую. Но этотъ недостатокъ объясняется не столько слабымъ знакомствомъ съ крестьянскимъ бытомъ, сколько вообще тѣмъ, что Кольцову свойственъ былъ талантъ не описательный, а лирическій. Это прекрасно засвидѣтельствовано стихотвореніемъ „Кольцо“, помѣченнымъ въ тетради поэта тѣмъ же числомъ, что и „Крестьянская пирушка“. А „Кольцо“ проникнуто все чисто народнымъ настроеніемъ.

Рядомъ съ изображеніемъ народной жизни идутъ у Кольцова опять міровые вопросы. Въ стихотвореніи „Вечеръ“ (1830 г.) поэтъ говоритъ:

Одинъ я, въ темной тишинѣ,
Оставивъ свой семейный кругъ,
Съ раздумьемъ сердца въ глубинѣ,
Иду на освѣженной лугъ;
На немъ я съ новою отрадой
Дышу вечернею прохладой
И, съ новой радостью земной,
Веду бесѣды я съ луной:
О смерти, вѣчности, о жизни,
О нашей будущей отчизнѣ,
О нашихъ будущихъ мірахъ,
И преселенцахъ-мертвецахъ,
Которые, какъ мы, здѣсь жили
И духъ горѣ переселили.
Ахъ, что на ихъ тамъ сторонѣ?
Видна ли тайна назначеній?
Что не постигъ здѣсь гордой геній—
То тамъ постигнуто ль вполнѣ?
Луна! ты житель горнихъ странъ,
Ты безпредѣльной океанъ
Безъ утомленья протекаешь;
Луна! быть можетъ, ты бываешь
И въ тѣхъ странахъ,—повѣдай мнѣ
О тайнахъ ихъ... Но въ тишинѣ
Ты, ходъ урочной совершая
И молчаливо озаряя

Кладбище смерти, крестъ и гробъ
И отдаленной неба сводъ,
Лишь свѣтишь намъ, какъ всѣ тѣ звѣзды,
Въ знакъ доброй для людей надежды.

Таковы мысли въ этой, одной изъ первыхъ, „думъ" Кольцова. До насъ дошла рукопись этого стихотворенія [1]), съ поправками, сдѣланными рукою, по всей вѣроятности, Сребрянскаго. Эти поправки (въ 12 изъ 52 стиховъ)—чисто стилистическаго характера [2]). Онѣ показываютъ, какъ мало вѣроятны предположенія о заимствованіи Кольцовымъ у Сребрянскаго чуть ли не цѣлыхъ думъ.

Самъ Кольцовъ сознавалъ слабость своихъ силъ для рѣшенія сложныхъ міровыхъ вопросовъ.

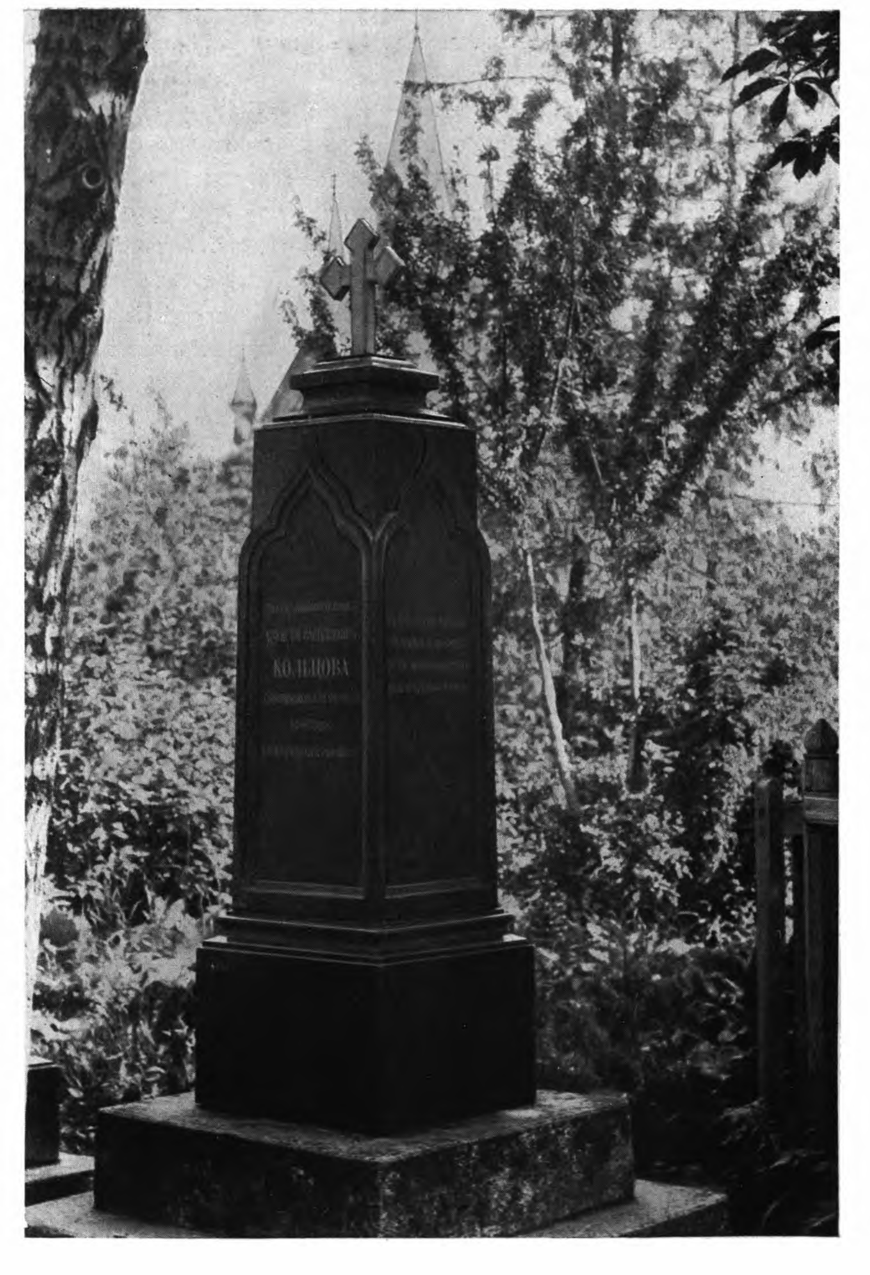
Что, крошка мелкая, я значу?
Живу, заботливо тружусь,
Въ желаньи счастья время трачу,
И вѣчно недовольный плачу!
Чего жъ ищу? къ чему стремлюсь?
Въ какой странѣ, на что гожусь?
Есть люди: до смерти желаютъ
Вопросы эти разгадать.
Но что до нихъ! пусть, какъ хотятъ,
О всемъ серьезно разсуждаютъ.
Я недоросль—я не мудрецъ,
И мнѣ нужнѣе знать немного;
Шероховатою дорогой
Иду шажкомъ я, какъ слѣпецъ;
Съ смѣшнымъ сойдусь ли—посмѣюсь;
Съ прекраснымъ встрѣчусь—имъ плѣнюсь;
Съ несчастнымъ—отъ души поплачу,—
И не стараюсь знать, что значу!

Однако, и позднѣе поэтъ задавалъ себѣ тѣ же вопросы и пытался отвѣтить на нихъ.

Талантъ Кольцова продолжалъ развиваться и крѣпнуть. За годы 1831 — 1835 сохранилось немного стихотвореній. Быть можетъ, подъ вліяніемъ Бѣлинскаго, поэтъ не внесъ въ свои тетради слабыхъ пьесъ... Послѣ трехъ подражательныхъ стихотвореній 1831 г. мы встрѣчаемъ прекрасныя стихотворенія: „Пѣсню пахаря", „Ты не пой, соловей", „Размышленіе поселянина", „Не шуми ты, рожь" и, наконецъ, замѣчательный „Урожай".

1836 годъ былъ временемъ болѣе тѣснаго сближенія поэта съ Бѣлинскимъ и московскимъ кружкомъ. Это сближеніе отразилось и

1) Въ тетради А. Ф. Маркса, въ И. Публичной Библіотекѣ.
2) Въ изданіи текстъ стихотворенія Кольцова освобожденъ отъ чужихъ поправокъ.



Памятникъ на могилѣ А. В. Кольцова
на Митрофаньевскомъ кладбищѣ въ Воронежѣ

(съ фотографіи М. Н. Селиверстова).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

на творчествѣ Кольцова: появился рядъ „думъ“, въ которыхъ поэтъ пытался поставить вопросы о Богѣ, о вѣчности, о человѣкѣ, о цѣли жизни и дать на нихъ посильные отвѣты. Эти думы проникнуты идеями, господствовавшими въ кружкѣ Станкевича и Бѣлинскаго. Таковы, напримѣръ, думы „Царство мысли“, „Человѣкъ“ [1]).

Въ первомъ изъ нихъ поэтъ говоритъ:

Повсюду мысль одна—одна идея,
Она живетъ и въ пеплѣ и пожарѣ;
Она и тамъ—въ огнѣ, въ раскатахъ грома;
Въ сокрытой тьмѣ бездонной глубины;
И тамъ, въ безмолвіи лѣсовъ дремучихъ;
Въ прозрачномъ и пловучемъ царствѣ водъ глубокихъ,
Въ ихъ зеркалѣ, и въ шумной битвѣ волнъ;
И въ тишинѣ безмолвнаго кладбища;
На высяхъ горъ безлюдныхъ и пустынныхъ;
Въ печальномъ завываньи бурь и вѣтра;
Въ глубокомъ снѣ недвижимаго камня;
Въ дыханіи былинки молчаливой;
Въ полетѣ къ облаку орлиныхъ крылій;
Въ судьбѣ народовъ, царствъ, ума и чувства, всюду—
Она одна—царица бытія!

Мысли, высказанныя въ этомъ стихотвореніи, близки къ слѣдующимъ положеніямъ Бѣлинскаго, въ его „Литературныхъ мечтаніяхъ“:

„Весь безпредѣльный, прекрасный Божій міръ есть не что иное, какъ дыханіе единой, вѣчной идеи (мысли единаго, вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи.... Для этой идеи нѣтъ покоя: она живетъ безпрестанно, т. е. безпрестанно творитъ, чтобы разрушать, и разрушаетъ, чтобы творить. Она воплощается въ блестящее солнце, въ великолѣпную планету, въ блудящую комету; она живетъ и дышитъ—и въ бурныхъ приливахъ и отливахъ морей, и въ свирѣпомъ ураганѣ пустынь, и въ шелестѣ листьевъ, и въ журчаніи ручья, и въ рыканіи льва, и въ слезѣ младенца, и въ улыбкѣ красоты, и въ волѣ человѣка, въ стройныхъ созданіяхъ генія“.....

Подъ вліяніемъ философскихъ бесѣдъ въ кружкѣ Бѣлинскаго сложились и другія думы, напримѣръ, „Поэтъ“ [2]).

---

1) В. Ярмерштедтъ. Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія Кольцова. „Вопросы философіи и психологіи“ 1895, ноябрь, кн. 20, стр. 109.— А. Ильинскій. Статья объ Академическомъ изданіи. „Рус. Филолог. Вѣстникъ“ 1910, № 1, стр. 179—180.

2) В. Даниловъ, назв. статья, стр. 43—45.

Самъ Кольцовъ иногда чувствовалъ это вліяніе московскихъ друзей на свое творчество. Такъ, по поводу „Думы двѣнадцатой" онъ пишетъ Бѣлинскому:

„Она у меня выскочила въ минуту; если она не изъ чего-нибудь, то пусть будетъ моя. Какъ-то такимъ образомъ у меня написалось, хотя я и не охотникъ на чужбинку" [1]).

Свидѣтельства современниковъ рисуютъ намъ, какъ иногда работалъ Кольцовъ. Подъ вліяніемъ бесѣдъ, будучи взволнованъ музыкой, часто брался поэтъ за перо. Но иногда не легко давались ему подходящіе образы для выраженія своихъ мыслей. Долго сидѣлъ онъ, перечеркивая и передѣлывая набросокъ стихотворенія „Пора любви".

„Помню,—говоритъ Катковъ—какое электрическое дѣйствіе произвела на друзей Кольцова эта пьеса, когда въ ней оказались слѣдующіе стихи:

Стоитъ она, задумавшись,
Дыханьемъ чаръ овѣяна;
Запала въ грудь любовь-тоска".

Подъ вліяніемъ игры Лангера на музыкальномъ вечерѣ у Боткина Кольцовъ набросалъ тутъ же, въ гостяхъ, „Міръ музыки":

Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни
Гармонической волной;
По душѣ волшебно ходятъ
И проходятъ съ быстротой....

И это стихотвореніе далось ему не сразу, о чемъ свидѣтельствуютъ тетради поэта.

Тамъ же неожиданно для друзей вырвалась у Кольцова, по свидѣтельству Анненкова, „Первая пѣсня Лихача Кудрявича" [2]).

Смерть Пушкина произвела сильное впечатлѣніе на Кольцова. Въ письмѣ къ Краевскому онъ незамѣтно для себя переходитъ къ стихамъ:

Прострѣлено сердце. Лицо обагрилось,
Безо́бразной глыбой упало на землю!
Кровь, хлынувъ потокомъ, дымилася долго... [3]).

Письма поэта, вообще, нерѣдко могутъ служить комментаріемъ его стихотвореній.

„Широкое поле передо мной; есть съ чѣмъ гулять по немъ, одна бѣда, никакъ не улажу своихъ дѣлъ, да и только; берутъ на-

---

1) Академич. изданіе, стр. 218.
2) См. примѣчаніе къ стихотворенію № 89 (Академ. изд., стр. 370).
3) Академич. изд., стр. 168.

сильно время, не даютъ покою, хоть ты вотъ что хочешь дѣлай" [1]).— Такъ писалъ Кольцовъ къ В. Ѳ. Одоевскому 15 февраля 1839 г., а 10 марта онъ то же повторилъ въ стихотвореніи „Путь":

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ;
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать ни ходить... [2])

Кольцовъ—поэтъ-лирикъ, съ удивительнымъ мастерствомъ изображающій душевныя настроенія и оттѣнки. Его поэзія—отраженіе его богатой души, съ ея серьезными запросами („Дума сокола", „Расчетъ съ жизнью"), радостями („Первая пѣсня Лихача Кудрявича", „Міръ музыки") и разочарованіями („Измѣна суженой", „Разлука"). Онъ былъ удивительный мастеръ находить для своихъ пѣсенъ прекрасные образы—немногословные, но яркіе. Эту особенность творчества Кольцова можно отмѣтить уже въ первыхъ его стихотвореніяхъ; напримѣръ, въ „Пѣснѣ" 1827 г. (Если встрѣчусь съ тобой). Съ ростомъ таланта поэта развивается и его замѣчательный по образности и мѣткости языкъ, въ такихъ, напримѣръ, пѣсняхъ, какъ: „Не шуми ты, рожь", „Урожай", „Лѣсъ", „Молодая жница".

Онъ не изобразилъ разлада, бывшаго въ душѣ *крѣпостного* крестьянина, его мечтаній и тяжелой дѣйствительности. Если и понималъ Кольцовъ тяжесть положенія крестьянъ, то не могъ, или не хотѣлъ изобразить ее въ своихъ пѣсняхъ. Мы думаемъ, однако, что поставить этого въ вину Кольцову нельзя. Правильнаго изображенія отдѣльныхъ сторонъ жизни крестьянской на Руси до Кольцова почти не было; его далъ онъ одинъ изъ первыхъ по времени, первый по художественному таланту. На долю другихъ ужъ выпало освѣтить эту жизнь разносторонне. Да и это дѣлалось постепенно...

Лучшія его произведенія—это тѣ, въ которыхъ изображается народная жизнь. Здѣсь Кольцовъ мастеръ вполнѣ; онъ изображалъ жизнь, какъ ее видѣлъ, наблюдалъ и понималъ. Ему знакомы: русская широкая удаль, сельскія работы, любовь и печаль, пирушка, разлука, гаданье и т. д. Онъ заговорилъ о крестьянинѣ безъ того сентиментальнаго оттѣнка, который просвѣчивается у его предшественниковъ въ изображеніи народной жизни, какъ, напримѣръ, у Дельвига, Мерзлякова. Мотивами его пѣсенъ являются не только счастье и удаль, но и бѣдность, нужда, преслѣдованія судьбы.

---

1) Академич. изд. стр. 196.
2) В. Даниловъ (назв. статья, стр. 33—36) дѣлаетъ нѣсколько такихъ сопоставленій писемъ со стихотвореніями Кольцова.

Бѣлинскій съ полнымъ основаніемъ далъ слѣдующую характеристику лучшихъ произведеній Кольцова: „Кольцовъ зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Поэзію этого быта нашелъ онъ въ самомъ этомъ бытѣ, а не въ реторикѣ, не въ піитикѣ, не въ мечтѣ, даже не въ фантазіи своей, которая давала ему только образы для выраженія уже даннаго ему дѣйствительностію содержанія. И потому, въ его пѣсни смѣло вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклоченныя бороды, и старыя онучи,—и вся эта грязь превратилась у него въ чистое золото поэзіи. Любовь играетъ въ его пѣсняхъ большую, но далеко не исключительную роль: нѣтъ, въ нихъ вошли и другіе, можетъ быть, еще болѣе общіе элементы, изъ которыхъ слагается русскій простонародный бытъ“ [1]).

Писалъ Кольцовъ языкомъ чисто русскимъ, неподдѣльнымъ, истинно народнымъ. Форма стиха его пѣсенъ также приближается къ народной.

Гораздо слабѣе стихотворенія Кольцова, писанныя обще-литературнымъ языкомъ. Это въ большинствѣ случаевъ подражанія Пушкину, Жуковскому, Дельвигу, Козлову и другимъ поэтамъ.

Взглядъ на думы Кольцова нельзя считать установившимся. До послѣдняго времени критики обыкновенно ставили ихъ ниже другихъ произведеній поэта; недавнія работы А. Волынскаго [2]) и В. Ярмерштедта [3]) выдвигаютъ ихъ значеніе.

А. Волынскій настаиваетъ на связи „думъ“ съ другими стихотвореніями Кольцова. Онъ указываетъ на то, что въ пѣсняхъ Кольцова замѣтны „проблески религіозности“, свѣтъ которой „струится въ каждой строкѣ думъ“. „Религіозность была въ натурѣ Кольцова, была естественнымъ свойствомъ его характера, его всегда глубокихъ чувствъ его непреходящей тоски по „небесной родинѣ“. Съ стихотвореніями о природѣ и пѣснями о любви эти думы связаны органически. Въ нихъ тотъ же общій взглядъ, то же благородство пониманія, но только въ болѣе откровенныхъ, ясныхъ выраженіяхъ“ [4]). Во всякомъ случаѣ думы свидѣтельствуютъ о серьезныхъ запросахъ, волновавшихъ умнаго и чуткаго, но мало образованнаго человѣка.

---

1) „О жизни и сочиненіяхъ Кольцова“, стр. LVII—LVIII.
2) А. Волынскій. „Борьба за идеализмъ“. СПБ. 1900 г.
3) Назв. статья въ „Вопрос. философіи и психологіи“.
4) А. Волынскій. „Борьба за идеализмъ“, стр. 108—109.

Пишу не для мгновенной славы:
Для развлеченья, для забавы,
Для милыхъ, искреннихъ друзей,
Для памяти минувшихъ дней.

14 декабря 1827 г.

1827 г.

1.

Сирота.

Не прельщайте, не маните,
Пылкой юности мечты!
Удалитесь, улетите
Отъ бездомной сироты!

Что жъ вы, злыя, что вы вьетесь
Надъ усталой головой?
Что вы съ вѣтромъ не несетесь
Въ край невѣдомой, чужой?

Были дни, — и я любила
Сны о радости земной;
Но надежда измѣнила;
Радость — сонъ въ судьбѣ моей.

На яву же, въ облегченье,
Только слезы проливать,
И не вѣрить въ облегченье
И покоя не вкушать.

Не прельщайте жъ, не маните,
Свѣтлой радости мечты!
Унеситесь, улетите
Отъ бездомной сироты!

2.

Ровеснику.

О чемъ, ровесникъ молодой,
Горюешь и вздыхаешь?
О чемъ серебряной струей
Ты слезы проливаешь?

1827 г.

О чемъ безсмѣнная печаль
И частыя стенанья?
Страшна ли жизни темна даль
И съ юностью прощанье?
Или нежданая бѣда
Явилась и сразила?
Житейская ль тебя нужда
Такъ рано посѣтила?
Иль сердца тайная любовь
Раскрыла въ немъ желанья,
И юнымъ пламенемъ вся кровь
Зажглась безъ упованья?
Я вижу думу на челѣ,
Безъ словъ, безъ выраженья;
Но есть во взорахъ, какъ въ стеклѣ,
Востока отраженье —
Замѣтное волненье:
Ахъ, то любовь, любовь!... Она
Въ твоей душѣ играетъ;
Она, въ пиру, на ложѣ сна,
Покой твой разрушаетъ.
Я отгадалъ. Дай руку мнѣ!
Ты не одинъ, кипя душою,
Горишь и гаснешь въ тишинѣ:
Прошу тебя, будь другъ со мною.

3.

Пѣсня.

Если встрѣчусь съ тобой,
Иль увижу тебя, —
Чтó за трепетъ-огонь
Разольется въ душѣ!

Если взглянешь, душа, —
Я горю и дрожу,
И безчувственъ и нѣмъ,
Предъ тобою стою!

Если молвишь мнѣ что̀,
Я на рѣчи твои,
На привѣты твои,
Что̀ сказать, не сыщу.

А лобзаньямъ твоимъ,
А восторгамъ твоимъ, —
На землѣ, у людей,
Выраженья имъ нѣтъ!

Дѣва-радость души
Это жизнь — мы живемъ!
Не хочу я другой
Жизни въ жизни моей!



1828 г.

4.

Размолвка.

Теперь яснѣй
Ужъ вижу я:
Огонь любви
Давно потухъ
Въ груди твоей.
Бывало ты —
Сестра и другъ;
Бывало ты —
Совсѣмъ не та!
А ныньче — грѣхъ
И вымолвить,
Какъ ты со мной
Суха, дика
И сумрачна!
Незваной гость,
Долой съ двора!
Немилой другъ,
Не знай меня!
Ахъ, радъ не радъ —

Пришлось и мнѣ
Сказать съ слезой:
Прости, прощай,
Любезной другъ
И недругъ мой!

5.

Спящему младенцу.

О, всеблагое Провидѣнье,
Храни его успокоенье!

Еще не знаетъ онъ, что́ скука,
Что́ безпредѣльная любовь,
И какъ тяжка любви разлука,
И какъ хладѣетъ въ сердцѣ кровь;
Не знаетъ жизненной заботы,
Тяжолыхъ сновъ и страшныхъ бѣдъ,
И міра гибельныхъ суетъ,
И дней безжизненной дремоты,
Коварства свѣта и людей,
Надеждъ, желаній и страстей.
Теперь онъ рѣзвится, играетъ,
Незрѣлой умъ мечтой питаетъ.
Во снѣ испугъ его не будитъ,
Нужда до солнца встать не нудитъ,
Печаль у ложа не стоитъ:
Священнымъ сномъ невинность спитъ...
Но эти дни, какъ тѣнь, проходятъ,
Прекрасной міръ съ собой уводятъ...

О, всеблагое Провидѣнье,
Храни его успокоенье!

6.

Красавицѣ.

Ахъ, кто ты, дѣва-красота?
Твои уста, твои ланиты

1828 г.

Такою прелестью покрыты!
И въ комъ чудесная мечта
Груди бъ младой не взволновала,
Когда бъ ты на скалѣ крутой,
Одна, надъ бездною морской,
Какъ дѣва Пушкина, стояла —
Подъ бѣлой дымкой покрывала?...
И вкругъ тебя одеждой снѣжной
Зефиръ привѣтливо бъ игралъ;
По сгибу плечъ, по шеѣ нѣжной,
Свитыя кудри развивалъ?...
Когда бъ, качаяся, дремало
Перо на шляпкѣ голубой;
И грудь лебяжая вздыхала
Любовью дѣвственной, святой?...
Тогда бъ, въ сердечномъ упоеньи,
Склонивъ колѣна предъ тобой,
Въ нѣмомъ и сладостномъ забвеньи,
Сгорѣлъ бы весь, какъ огнь степной!..

7.

Путникъ.

Сгустились тучи, вѣтеръ вѣетъ,
Трава пустынная шумитъ;
Какъ черной пологъ, ночь виситъ,
И даль пространная чернѣетъ;
Лишь тамъ, въ дали степи обширной,
Какъ тайной лучъ звѣзды призывной,
Зажженъ случайною рукой,
Горитъ огонь во тьмѣ ночной.
Унылой путникъ, запоздалой,
Одинъ среди глухихъ степей,
Плетусь къ ночлегу; на своей
Клячонкѣ тощей и усталой
Держу я путь къ тому огню;
Ему я радъ, какъ счастья дню.
И кто такъ пристально, средь ночи,

Вперялъ на дѣву страстны очи,
Кто, не смыкая зоркихъ глазъ,
Кто такъ стерегъ условной часъ,
Какъ я, съ походною торбою,
Трясясь на клячѣ чуть живой,
Встрѣчалъ огонь во тьмѣ ночной?
То нашъ очагъ горитъ звѣздою,
То спѣетъ каша степняка,
Подъ пѣснь родную чумака!...

8.

Ночлегъ чумаковъ.

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной.
Въ степи и пасмурно и темно:
Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны
На небѣ нѣтъ; и тишины
Ночной ничто не нарушаетъ;
Порой проѣзжій лишь играетъ,
И колокольчикъ почтовой,
Звеня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерываетъ.
Между возовъ огонь горитъ;
На таганѣ котелъ виситъ;
Чумакъ раздѣтый, бородатый,
Поджавшись на ногахъ, сидитъ
И кашу съ саломъ кипятитъ.
За таборомъ невдалекѣ
Волы усталые пасутся;
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно предъ огнемъ въ кружкѣ
Хохлы чумазые, сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, лежатъ
И въ даль невесело глядятъ.
Чѣмъ чумаковъ прогнать дремоту?

Давно ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?
Чѣмъ нынѣ такъ развлечены?
Бывало, часто, ночью темной,
Я съ ними время раздѣлялъ
И, помню, пѣснямъ ихъ внималъ
Съ какой-то радостью невольной...
Но вотъ во тьмѣ игра свирѣли,
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
Они про жизнь своихъ дѣдовъ,
Украйны вольныя сыновъ...
И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!...

9.

Пѣсня.

Очи, очи голубыя!
Мнѣ васъ болѣ не встрѣчать!
Дѣвы, дѣвы молодыя!
Вамъ меня ужъ не ласкать!

Побывали, унеслися
Дни моей златой весны;
Въ сердцѣ опытномъ слилися
Лишь отзывы старины.

Ахъ, на что́ же оживили
Предо мной мои мечты
Сердцу сладостныя были,
Ласки юной красоты?

Мнѣ ль привѣтливымъ казаться,
Съ хладнымъ сердцемъ вновь любить?
Мнѣ ль надеждой обольщаться?
Безпробудно другъ мой спитъ...

12 ноября 1828 г.

10.

Осень.

1828 г.

Настала осень; непогоды
Несутся въ тучахъ отъ морей;
Угрюмѣетъ лицо природы,
Не веселъ видъ нагихъ полей;
Лѣса одѣлись синей тьмою,
Туманъ гуляетъ надъ землею
И омрачаетъ свѣтъ очей.
Все умираетъ, охладѣло;
Пространство дали почернѣло;
Нахмурилъ брови бѣлой день...
Дожди безсмѣнные полились;
Къ людямъ въ сосѣдки поселились
Тоска и сонъ, хандра и лѣнь.
Такъ точно немочь старца скучна;
Такъ точно тоже для меня
Всегда водяна и докучна
Глупца пустая болтовня.

23 ноября 1828 г.

11.

Посланіе молодой вдовѣ.

Напрасно думаешь слезами
Тоску отъ сердца ты прогнать:
Всевышнимъ Богомъ — не людями
Тебѣ назначено страдать.
Конечно, сердцу нестерпимо
Разстаться съ тѣмъ, что̀ такъ любимо;
Что̀ мило, — больно потерять:
Нельзя не плакать, не вздыхать.
Такъ, вѣрно, вѣрно: ты несчастна;
Твоей души супругъ прекрасной
Такъ скоро отказался жить.
Онъ жертва смерти, онъ зарытъ.

Но что? ужель весну младую
Слезамъ ты хочешь посвятить?
Ужели юность золотую
Въ тоскѣ ты хочешь проводить?
Ужель утрата роковая
Пребудетъ памятна всегда?
Ужель, чтó было, забывая,
Не улыбнешься? Милая! слезами
Тоски отъ сердца не прогнать:
Всевышнимъ Богомъ, а не нами
Тебѣ положено страдать.

27 декабря 1828 г.

1829 г.

12.

Я былъ у ней.

Я былъ у ней; она сказала:
Люблю тебя, мой милой другъ!
Но эту тайну отъ подругъ
Хранить мнѣ строго завѣщала.

Я былъ у ней; на прелесть злата
Клялась меня не промѣнять;
Ко мнѣ лишь страстію пылать,
Меня любить, любить, какъ брата.

Я былъ у ней; я съ устъ прелестной
Счастливое забвенье пилъ,
И все земное позабылъ
У дѣвичьей груди, прелестной.

Я былъ у ней; я вѣчно буду
Съ ея душой душою жить;
Пускай она мнѣ измѣнитъ —
Но я измѣнникомъ не буду.

7 генваря 1829 г.

13.

Унынiе.

1829 г.

На что мнѣ, Боже сильный,
Далъ жизнь и бытiе,
Когда въ странѣ изгнанья
Прямаго счастья нѣтъ?
Когда въ ней вихри, бури
И вѣютъ, и шумятъ,
И сѣрые туманы
Скрываютъ солнца свѣтъ?
Я мнилъ, что въ мiрѣ люди
Какъ ангелы живутъ,
И дружбою прямою
Крѣпятъ сердецъ союзъ;
Я мнилъ, что въ сердцѣ, въ мысляхъ
Одинъ у нихъ законъ:
Къ Тебѣ, Отецъ Небесный,
Любовью пламенѣть
И ближнимъ неимущимъ,
Съ веселiемъ души,
Чѣмъ можешь, чѣмъ богатъ,
При крайности помочь.
Но нѣтъ, — не то мнѣ опытъ
Въ странѣ сей показалъ:
Всѣ люди, будто звѣри,
Другъ друга не щадятъ,
Другъ друга уязвляютъ
Нетрепетной рукой!...
Надменность, гордость, слава —
Молебный ихъ кумиръ,
Сокровища жъ и злато —
Владыка ихъ и богъ!
А истина святая
Забыта навсегда,
Любовь и добродѣтель
Чужда понятью ихъ.
И ты, Отецъ Небесный,
Создавшiй сихъ людей,

Не престаешь съ улыбкой
Щедроты лить на нихъ!...
Итакъ, внемли жъ молитву
Мою, Всезрящій Царь!
Прерви печальной жизни
Печально бытіе,
И въ міръ иной, чудесной
Пересели мой духъ.

26 генваря 1829 г.

14.

Отвѣтъ на вопросъ о моей жизни.

Вся жизнь моя — какъ сине море:
Съ вѣтрами буйными въ раздорѣ —
Бушуетъ, пѣнится, кипитъ,
Волнами плещетъ и шумитъ.
Уступятъ вѣтры, — и оно
Сравняется, какъ полотно.
Иной порою, въ дни ненастья,
Все въ мірѣ душу тяготитъ;
Порою улыбнется счастье,
Отвѣтно жизнь заговоритъ;
Со всѣхъ сторонъ печаль порою
Нависнетъ тучей надо мною,
И, словно чорная волна,
Душа въ то время холодна.
То мигомъ ясная година
Опять настанетъ, — и душа
Пьетъ радость, радостью дыша!
Ей снова все тогда прекрасно,
Тепло, спокойно, живо, ясно,
Какъ водъ волшебное стекло, —
И горя будто не было...

17 марта 1829 г.

15.

Приди ко мнѣ.

1829 г.

Приди ко мнѣ, когда зефиръ
Колышетъ рощами лѣниво,
Когда и лугъ, и степь — весь міръ
Одѣнется въ покровъ сонливой.

Приди ко мнѣ, когда луна
Изъ облакъ въ облака ныряетъ,
Иль съ неба чистаго она
Такъ пышно воды озлащаетъ.

Приди ко мнѣ, когда весь я
Въ любовны думы погружаюсь,
Когда, красавица, тебя
Нетерпѣливо дожидаюсь.

Приди ко мнѣ, когда любовь
Восторги пылкіе раждаетъ,
Когда моя младая кровь
Кипитъ, волнуется, играетъ.

Приди ко мнѣ; вдвойнѣ съ тобой
Хочу я жизнью наслаждаться,
Хочу къ твоей груди младой
Со всею страстію прижаться...

16.

* * *

По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ,
Во саду дорожка:
На нее бъ я все глядѣлъ,
Сидя, изъ окошка...

Тамъ съ кувшиномъ за водой
Маша проходила,
Томной взоръ потупивъ свой,
Со мной говорила.

„Маша, Маша!“ молвилъ я:
„Будь моей сестрою!

1829 г.

Я люблю... любимъ ли я,
Милая, тобою?“

Не забыть мнѣ никогда,
Какъ она глядѣла!
Какъ съ улыбкою любви
Весело краснѣла!

Не забыть мнѣ, какъ она
Сладко отвѣчала,
Изъ кувшина, въ забытьи,
Воду проливала...

Сплю и вижу все ея
Платье голубое,
Страстной взглядъ, косы кольцо,
Лентой перевитое.

Сладкой мигъ мой, возвратись!
Съ Дономъ я прощаюсь...
Ахъ, нигдѣ ужъ, никогда
Съ ней не повстрѣчаюсь!...

17.

Разувѣреніе.

Да! жизнь не то, чтó говорили
Мои мнѣ книги и мечты:
Ее не даромъ заклеймили
Печатью зла и суеты.
Сначала искренно встрѣчая
И утро дня благословляя,
Я въ мірѣ все благословлялъ...
Дитя! я ласки расточалъ,
Я простиралъ мои объятья
Ко всѣмъ съ любовію, какъ братьямъ!
Пришла пора; узналъ и я,
Но ужъ не то, чтó прежде снилось,
Чѣмъ сердце юное плѣнилось,
О чемъ такъ сладко думалъ я...
Узналъ родныхъ, къ родству холодныхъ;

Въ друзьяхъ — предателей притворныхъ;
Въ толпахъ людей — толпы невѣждъ;
Обманчивость земныхъ надеждъ;
Въ обѣтахъ — лживые обманы;
Въ невинномъ взглядѣ — хитрый взоръ;
Въ умахъ возвышенныхъ — туманы,
Надутой глупости позоръ...
Богъ съ ними! Я страну земную
Съ упрекомъ тайнымъ разлюбилъ;
Душой постигнулъ жизнь другую,
Въ ту жизнь мечту переселилъ:
И странствую безъ дальнихъ нуждъ,
Земли жилецъ, земнова чуждъ.

18.

* * *

Не мнѣ внимать напѣвъ волшебной
Въ тѣнистой рощѣ соловья;
Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ прибрежной
И говоръ свѣтлаго ручья.

Прошла пора! Но въ дни былые
Я слушалъ Филомелы гласъ;
Тогда-то въ сумраки густые
Веселья огнь во мнѣ не гасъ.

Тогда съ Анютой милой, нѣжной,
Часовъ полета не видалъ;
Тогда, надеждой обольщенной,
Я праздникъ жизни пировалъ.

Теперь же, о друзья! со мною
Анюты скромной болѣ нѣтъ...
Съ другимъ она... и я съ тоскою
Встрѣчаю дня огнистой свѣтъ.

Такъ мнѣ ль внимать напѣвъ волшебной
Въ тѣнистой рощѣ соловья?
Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ прибрежной
И говоръ свѣтлаго ручья...

19.

Мщеніе.

(Отрывокъ)

1829 г.

Скажи: какія возраженья
Разсѣютъ новыя сомнѣнья,
Какую снова хочешь лесть
Въ защиту чести произнесть?
Молчи, и словъ не трать напрасно;
Я знаю все — и знаю ясно,
Когда... и гдѣ... и какъ... кто онъ....
Но ты, ты скажешь: это сонъ
Развилъ невѣрное видѣнье,
Чтобъ поселить межъ насъ сомнѣнье...
Напротивъ, слушай: я скажу.
Вчера бьетъ полночь, я лежу,
Не сплю, но спящимъ притворился,
И чуткимъ сномъ какъ бы забылся;
Вдругъ слышу: робко ты меня
Своей рукой пошевеля,
Тихонько встала, — и потомъ
Исчезла въ сумракѣ ночномъ;
Я всталъ, гляжу: тебя ужъ нѣтъ.
Схватилъ кинжалъ, пустился въ слѣдъ.
Но я не видѣлъ, какъ ты съ нимъ
Дышала воздухомъ однимъ,
И какъ въ объятьяхъ ты его
Пылала, млѣла и сгарала,
Какъ жарко друга своего
При разставаньи цаловала...
Забывши страхъ, законъ, себя,
Кровавымъ мщеніемъ горя,
Ужаснымъ гнѣвомъ пламенѣя,
Бѣгу... Нечаянно злодѣя,
Какъ тѣнь могильную, схватилъ
И въ грудь ему кинжалъ вонзилъ...

Гдѣ вы, любви моей мечты?
И кто довелъ?... Теперь и ты
Страшись меня, какъ грѣшникъ ада;
Не то — подобная награда!...

20.

Пѣснь русалки.

Давайте, подруги,
Веселой толпой
Мы выйдемъ сегодня
На берегъ крутой;

И пѣснію громкой
Луга огласимъ,
Лѣса молчаливы
И даль усыпимъ.

Нарвемъ мы цвѣточковъ,
Вѣнки мы сплетемъ,
Любимую пѣсню
Царицы споемъ;

А съ утромъ, подруги,
Одна за другой
Сокроемся въ волны
Падучей звѣздой.

21.

На отъѣздъ Д. А. Кашкина въ Одессу.

Что груди тяжельше?
Что сердцу больнѣй?
Что конь мой удалой
Споткнулся не разъ?
Иль заяцъ трусливой
Мой путь перебѣгъ?
Ужъ видны мнѣ кровли
Родныхъ и друзей,

И храма святаго
Сіяющій крестъ.
О чемъ же ты грустномъ
Пророчишь, душа?...
Ужъ обнялъ съ восторгомъ
Счастливецъ семью.
Но гдѣ жъ, о родные,
Безцѣнной мой другъ?
Онъ отбылъ надолго
Въ низовы края...
Не даромъ же конь мой
Споткнулся не разъ,
Не даромъ же сердце
Вѣщало печаль!...
Когда жъ возвратишься
Въ родную страну?
Дождусь ли, въ уныньи,
Тебя, другъ, назадъ?

2 августа 1829 г.

22.

Къ М....

Вы милы всѣмъ, вы очень скромны;
Не спорю я, вашъ кротокъ нравъ,
Но я узналъ, что онъ притворный,
Что онъ съ природы такъ лукавъ.
Въ васъ нѣтъ капризовъ, нѣтъ и чванства,
Но только много шарлатанства;
Къ тому жъ вашъ вѣжливой языкъ
И увѣрять, и льстить привыкъ.
Къ свиданьямъ тайнымъ вы согласны,
Но тѣ свиданья мнѣ опасны,
Затѣмъ, что въ нихъ сокрытъ обманъ
Иль вновь затѣянный романъ.
Въ веселый часъ хоть вы твердите:
„Забудьте прежнее — любите!“
Да какъ, скажите, васъ любить,
Какъ непорочность обольстить?

О, нѣтъ, такія мнѣ оковы
Не милы, какъ вѣнокъ терновый.
Притомъ же хладная любовь
Въ объятіяхъ застудитъ кровь.
Сказать велите ль откровенно:
Во вѣкъ такой, какъ вы, презрѣнной
Затѣмъ не соглашусь любить,
Чтобы осмѣяннымъ не быть.

6 октября 1829 г.

23.

[А. Д. Вельяминову].

Милостивый государь
Александръ Дмитріевичъ!

Въ селѣ, при первой встрѣчѣ нашей,
Для васъ и для супруги вашей
Я, помню, обѣщалъ прислать
Торквата милое творенье,
Пѣвца любви и вдохновенья;
И слова даннаго сдержать
Не могъ донынь, затѣмъ, что прежде
Обманутъ былъ въ своей надеждѣ.
Но обѣщанью измѣнить
За стыдъ, за низость я считаю —
И вотъ, успѣлъ лишь получить
Двѣ книги, вамъ ихъ посылаю.
Мнѣ лестно вамъ угоднымъ быть.
Такъ — незначительный мечтатель —
Я вашимъ мнѣньемъ дорожу,
И восхищусь, коль заслужу
Вниманье ваше... Обожатель
Всего прекраснаго.

Вамъ покорнѣйшій
Мѣщанинъ Алексѣй Кольцовъ.

9 октября 1829 г.

24.

Къ М...

Подобныхъ Машѣ очень мало,
И въ мірѣ равныхъ не бывало:
Лицо, движенья, рѣчь и взглядъ
Стальное сердце распалятъ.
Любить ее и я бы радъ,
Когда бъ въ груди не скрылось жало,
Когда бъ въ любви ея — не ядъ.

12 октября 1829 г.

25.

Къ подругѣ моей юности.

Зачѣмъ ты, дѣва, не желаешь
Со мною быть наединѣ?
Скажи, скажи: зачѣмъ при мнѣ
Ты такъ робѣешь, такъ скучаешь?
Ужель со мной опасно быть?
Ужель тебѣ кажусь я страшенъ?
О, вѣрь мнѣ, вѣрь: я не опасенъ!
Я весь передъ тобой открытъ,
И въ сердцѣ лишь любовь горитъ.
Ты помнишь, другъ мой, съ юныхъ лѣтъ
Съ тобою мы росли, рѣзвились,
И что̀ на мысли ни придетъ,
Мы всѣмъ довѣрчиво дѣлились.
А нынь, не знаю почему,
Меня ты, дѣва, презираешь,
И средь людей, и одному
Невинныхъ чувствъ не довѣряешь.
Оставь, красавица, свой стыдъ,
Не будь ко мнѣ ты равнодушна;
Будь такъ, какъ прежде, простодушна,
Какъ прежде, будемъ братски жить.

25 октября 1829 г.

26.

Повѣсть моей любви.

Посвящаю Воронежскимъ дѣвушкамъ.

1829 г.

Красавицы-дѣвушки,
Одноземки-душеньки,
Вамъ хочу я, милыя,
На досугѣ кое-какъ
Исповѣдать таинство,
Таинство чудесное.
И у насъ въ Воронежѣ
Никому до этихъ поръ
Не хотѣлъ открыть его;
Но для васъ, для васъ однѣхъ
Я его повѣдаю,
И такъ, какъ по грамоткѣ,
Какъ хитрецъ по карточкамъ,
Разскажу по-дружески
Повѣсть о самомъ себѣ.

Скучно и нерадостно
Я провелъ вѣкъ юности:
Въ суетныхъ занятіяхъ
Не видалъ я красныхъ дней.
Жилъ въ степяхъ съ коровами,
Грусть въ лугахъ разгуливалъ
По полямъ съ лошадкою
Одинъ горе мыкивалъ;
Отъ дождя въ шалашикѣ
Находилъ убѣжище;
Дикаремъ, степникою
Я въ Воронежъ ѣзживалъ
За харчами, деньгами,
Чаще — за отцовскими
Мудрыми совѣтами.
И въ такихъ занятіяхъ
Мнѣ пробило двадцать лѣтъ.
Но, клянусь вамъ совѣстью,
Я еще не зналъ любви.
Въ городахъ всѣ дѣвушки

Какъ-то мнѣ не нравились,
Въ слободахъ, въ селеніяхъ
Всѣми брезгалъ-брезговалъ.
Разъ одинъ, въ Воронежѣ,
Гдѣ не помню, встрѣтилась
Со мной одна дѣвушка.
Смазливенькимъ личикомъ,
Умильными глазками,
Осанкою, поступью,
Рѣчью лебединою
Вспламенила молодца.
Вдругъ сердечко пылкое
Зажглось, раскалилося,
Забилось и искрами
По груди запрядало.
Я тогда не въ силахъ былъ
Удержать порывъ страстей —
И въ ея объятіяхъ
Уснулъ очарованный,
Упившись любовію;
И съ тѣхъ поръ той дѣвушки
Сталъ я вѣчнымъ плѣнникомъ.
Кто жъ она? вы спросите,
Одноземки милыя,
Не скажу... Но если вы
По весельямъ ѣздите,
На гульбахъ бываете,
Тамъ, повѣрьте мнѣ,
Вы ее увидите:
Всѣхъ скромнѣй, красивѣе,
Всѣхъ простѣй и ласковѣй,
Откровеннѣй, радостнѣй.

1 ноября 1829 г.

27.

Пѣсня.

Увижу ль я дѣвушку,
Увижу ль я красную,

Забьется неволею
Сердечко удалое —
Любовію чистою.

Полюбишь ли, дѣвушка,
Полюбишь ли, красная,
Безъ модной учтивости,
Любовію вѣрною
Удалова молодца?

Ахъ, что же ты, дѣвушка,
Ахъ, что же ты, красная,
Стыдишься? Аль, милая,
Любить не намѣрена
Удалова молодца?

— Любила бъ я молодца,
Любила бъ удалова;
Но мнѣ ли, сироточкѣ,
Безкровной и бѣдненькой,
Ласкаться любовію? —

— Желаю ль я, дѣвушка,
Желаю ль я, красная,
Палатъ раззолоченныхъ,
Богатствомъ украшенныхъ
И блескомъ обманчивыхъ?

Люблю тебя милую,
Люблю тебя юную,
За характеръ добренькій,
За стыдливость дѣтскую,
Всѣмъ дѣвицамъ сродную.

16 ноября 1829 г.

28.

Теремъ.

Тамъ, гдѣ теремъ тотъ стоитъ,
Я люблю всегда ходить
Ночью тихой, ночью ясной,
Въ благовонной май прекрасной!

Чѣмъ же теремъ этотъ милъ?
Чѣмъ меня онъ такъ плѣнилъ?
Онъ не пышный, онъ не новой,
Онъ бревенчатой — дубовой!

Ахъ, въ томъ теремѣ простомъ
Есть съ раскрашеннымъ окномъ
Разубранная свѣтлица:
Въ ней живетъ душа-дѣвица.

Какъ-то встрѣтился я съ ней:
Не свожу съ тѣхъ поръ очей;
Красна жъ дѣвица не знаетъ,
По комъ грудь моя вздыхаетъ.

Разрывайся, грудь моя!
Буду суженымъ не я:
Тотъ богатой; я безъ хаты,
Цѣлой міръ мои палаты!

Вѣщунъ-сердце говоритъ:
Жить тебѣ, дѣтинкѣ, жить
Не съ женою молодою —
Съ чужой-дальней стороною...

16 ноября 1829 г.

29.

Люди добрые, скажите.

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Гдѣ мой милой? Вы молчите!
Злую ль тайну вы храните?

За далекими ль горами
Онъ живетъ одинъ, тоскуя?
За степями ль, за морями
Счастливъ съ новыми друзьями?

Вспоминаетъ ли порою:
Чья любовь къ нему до гроба?
Иль, забывъ меня, съ другою
Связанъ клятвой вѣковою?

Иль ужъ ранняя могила
Приняла его въ объятья?
Чья жъ слеза ее кропила?
Чья душа о немъ грустила?

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Гдѣ мой милой? Вы молчите!
Злую тайну вы храните!

21 ноября 1829 г.

30.

Маленькому брату.

Расти счастливо, братъ мой милой,
Подъ кровомъ Вышняго Творца,
На груди матушки родимой,
Въ объятьяхъ нѣжнаго отца.
Будь добродѣтеленъ душою,
Великъ и знатенъ — простотою;
На сцену свѣта ты войдешь
Любимцемъ ли слѣпой фортуны,
Или, какъ я, полюбишь струны,
И посохъ бѣдный понесешь, —
Въ высокомъ званіи предъ бѣднымъ
Счастливой долей не гордись!
Но съ нимъ — чѣмъ Богъ послалъ — послѣднимъ,
Какъ съ рóднымъ братомъ, подѣлись.
Суму дадутъ — не спорь съ судьбою;
У Бога мы равны; предъ Нимъ
Смирися съ дѣтской простотою —
И съ сердца грусть слетитъ, какъ дымъ.
Пробудишь струны: пой безъ лести!
Будь неподкупенъ въ дѣлѣ чести;
Люби Творца, своихъ владыкъ
И будь въ ничтожествѣ великъ.

23 ноября 1829 г.

31.

Письмо къ Д. А. Кашкину.

1829 г.

Давно, за пустотой безсрочной,
Къ тебѣ я, милой, не писалъ
И въ тихій край земли полночной
Докучныхъ строкъ не посылалъ;
Давно на лирѣ я для друга,
Въ часы свободы и досуга,
Сердечныхъ чувствъ не изливалъ.
Теперь, освободясь душою
Отъ безпрерывныхъ бурь мірскихъ
И отъ заботъ и дѣлъ моихъ,
Хочу порадовать игрою
Тебя, о милой другъ! И ты,
Въ замѣну хладной пустоты,
Съ улыбкой, дружеству пристойной,
Гласъ лиры тихой и нестройной
Прочтешь и скажешь про себя:
„Его трудовъ — виновникъ я!“
Такъ точно, другъ, мечты младыя
И незавидливый фіалъ
И чувствъ волненье ты впервые
Во мнѣ, какъ ангелъ, разгадалъ.
Ты, помнишь, разъ сказалъ: „Разсѣй
Съ души туманъ непросвѣщенья,
И на крылахъ воображенья
Лети къ Парнасу поскорѣй!“
Совѣту милаго послушной,
Я духъ изящностью питалъ;
Потомъ, съ подругою воздушной,
Нашедши лиру, пѣть началъ;
Потомъ въ часъ лѣни молчаливой
Я рано полюбилъ покой,
Пріютъ избушки некрасивой
И разноцвѣтной садикъ мой,
Гдѣ я свободой упиваюсь,
Иль славой гибельной горю,
Гдѣ долго въ думы погружаюсь.

И, другъ, тебя благодарю
За тѣ нельстивые совѣты,
Какими хвалятся поэты.

5 декабря 1829 г.

32.

Сестрѣ.

(При посылкѣ ей моихъ пѣсень)

Сестра! вотъ были чудныхъ сновъ,
Вотъ звуки самодѣльной лиры,
Мои мечты, мои кумиры,
Моя душа, моя любовь!
Сестра! земная жизнь — мгновенье,
Судьбы жъ кто знаетъ назначенье?
Быть можетъ, раньше я другихъ
Не окажусь въ семьѣ живыхъ.
Пройдетъ годъ — два, — за суетою,
За лживой радостью мірскою, —
Забудешь ты меня; но вмигъ
Когда-нибудь прочтешь мой стихъ,
Вспомянешь брата,— и вздохнешь,
И сладкихъ слезъ потокъ прольешь.

11 декабря 1829 г.

33.

Мѣщанская любовь.

Итакъ, вчерашній разговоръ
Свершилъ нежданной приговоръ.
Не нужны темные намеки,
Ни ясной, ни лукавой взоръ,
Гдѣ въ честь за поцалуй — упреки,
За ласки — дерзостной укоръ,
За шутку скромную — презрѣнье
Платить обратно въ награжденье,
И доводить враждой до слезъ.
Чтò взглядъ послѣдній произнесъ?

Вы думали, меня смутите?
Нѣтъ, я не стану возражать,
Ни кланяться, ни умолять.
По-моему: любить — любите,
А нѣтъ — прощайте! Чтó вздыхать?
Я не дитя: я не заплачу,
Не потужу я, что утрачу
Для новыхъ благъ одну тебя.
Лишь ты, немилая моя,
Забудь презрѣннаго скорѣй;
А я найду, повѣрь, другую
Себѣ красавку городскую,
Тебя моложе и милѣй.

19 декабря 1829 г.

34.

А. П. Сребрянскому.

Не посуди: чѣмъ я богатъ,
Послѣднимъ подѣлиться радъ;
Вотъ мой досугъ; въ немъ умъ твой строгой
Найдетъ ошибокъ слишкомъ много;
Здѣсь каждый стихъ,—чай, грѣшной бредъ.
Чтó жъ дѣлать! я такой поэтъ,
Чтó на Руси смѣшнѣе нѣтъ!
Но не щади ты недостатки,
Замѣть, чтó требуетъ поправки...
Когда бъ свобода, время, чинъ,
Когда бъ, примѣрно, господинъ
Я былъ такой, чтобъ только съ трубкой
Сидѣть день цѣлой и зѣвать,
Роскошно жить, безпечно спать, —
Тогда, клянусь тебѣ, не шуткой
Я бъ вышелъ въ люди, вышелъ въ свѣтъ.
Теперь я самъ-собой поэтъ,
Теперь мой геній... Но довольно!
Душа грустить моя невольно.
Я чувствую, мой милой другъ,
Съ издѣтскихъ лѣтъ какой-то духъ

Владѣетъ ею ненапрасно!
Нѣтъ! я не даромъ сладострастно
Люблю богиню красоты,
Уединенье и мечты!



1830 г.

35.

Молодой четѣ.

Сбылось, чтò вы желали тайно.
Сбылось! насталъ желанной часъ:
Любовь благословила васъ,
И скоро перстень обручальной
На вашей ручкѣ заблеститъ,
И пастырь васъ соединитъ.
И жизнь счастливая польется,
Какъ серебристой ручеекъ
Черезъ муравчатой лужокъ,
Журча, игривой струйкой вьется.
Судьба васъ счастьемъ наградила,
И будетъ лучъ его свѣтить
Весь вѣкъ надъ нимъ и надъ тобой
Неизмѣнимою звѣздой.
Но если васъ — избави, Боже! —
Когда день черной навѣститъ,
Любовь все можетъ усладить!
Любовь и дружба! ты дороже
Всего на свѣтѣ, ты одна
Въ несчастьи, въ счастіи равна.
Надежды, радости земныя,
Мгновенья жизни дорогія
Измѣнчивы для насъ всегда;
Прямая жъ дружба — никогда!

4 генваря 1830 г.

36.

* * *

1830 г.

О, не кажи улыбки страстной!
Не мучь надеждою напрасно;
Прошу, такъ нѣжно не гляди;
Со мной рѣчей не заводи;
Будь больше недовольна,
Будь равнодушна, хладнокровна.
Какъ недруга, пренебрегай!
Въ бесѣдахъ съ злобою нѣмою
Со мною встрѣчи убѣгай.
Ахъ, ты неправдою такою,
Меня, быть можетъ, охладишь,
И, къ счастью, счастія лишишь!...

37.

Утѣшеніе.

Внимай, мой другъ, какъ здѣсь прелестно
Журчитъ серебряной ручей,
Какъ свищетъ соловей чудесно.
А ты — одинъ, въ тоскѣ своей.
Смотри: какой красой въ пустынѣ
Цвѣты пестрѣются, цвѣтутъ,
Льютъ ароматы по долинѣ
И влагу росъ прохладныхъ пьютъ.
Въ дали, тамъ, тихо и пріятно
Раскинулась березы тѣнь,
И свѣтитъ небосклонъ отрадно,
И тихо всходитъ Божій день.
Тамъ вешній рѣзвой вѣтерокъ
Играетъ, плещется съ водами,
Привѣтно шепчется съ листами
И даритъ ласками цвѣтокъ.
Смотри: на разноцвѣтномъ полѣ
Гоститъ у жизни рой дѣтей
Въ безпечной радости на волѣ;
Лишь ты, мой другъ, съ тоской своей...

Развеселись!.. проснись душою
Съ проснувшейся для насъ весною;
Хоть юность счастью посвятимъ!
Ахъ! долго ль въ жизни мы гостимъ!...

38.

Пѣсня.

Утративъ то, что́ прежде было,
Напрасно вновь къ себѣ зову;
Напрасно тѣнь подруги милой
Хочу я видѣть на яву.

Теперь съ тобой одно свиданье
Какой цѣною я бъ купилъ;
Я за твое существованье
Своей бы жизнью заплатилъ!

За нѣжной поцалуй, за встрѣчу,
За блескъ привѣтливыхъ очей,
За жаръ любви, за звукъ рѣчей
Я бъ голову понесъ на сѣчу.

Но нѣтъ, во-вѣкъ не возвратить,
Что̀ было такъ душой любимо!
Во-вѣкъ и тѣнь съ страны незримой
Къ призывамъ друга не слетитъ.

О лейтесь, лейтесь же ручьями,
Горючи слезы изъ очей!
Безъ ней нѣтъ жизни межъ людями —
Нѣтъ сердцу радости безъ ней.

26 мая 1830 г.
Лебедянь.

39.

Къ другу.

Развеселись, забудь, что́ было!
Чего ужъ нѣтъ,—не будетъ вновь!
Все ль намъ на свѣтѣ измѣнило?
И все ль взяла съ собой любовь?

Еще отрадъ у жизни много,
У ней мы снова погостимъ:
Съ однимъ развелъ насъ опытъ строгой,
Поладимъ, можетъ быть, съ другимъ!
И чтó мы въ жизни потеряли,
У жизни снова мы найдемъ!
Чтó намъ мгновенныя печали?
Мы ль ихъ съ тобою не снесемъ?
Чтó грусть земли? ужель за гробомъ
Ни жизни ни награды нѣтъ?
Ужели тамъ, за синимъ сводомъ,
Ничтожество и тьма живетъ?
Ахъ, нѣтъ! кто мучится душою,
Кто въ мірѣ за-живо умретъ,
Тотъ тамъ, за дальней синевою,
Награды вѣрныя найдетъ!
Не вѣрь истлѣнія кумиру,
Не вѣрь себѣ, не вѣрь людямъ,
Не вѣрь пророчащему міру,
Но вѣруй, вѣруй Небесамъ!
И пусть меня людская злоба
Всего отраднаго лишитъ,
Пусть съ колыбели и до гроба
Лишь зломъ и мучитъ и страшитъ:
Предъ ней душою не унижусь,
Въ мечтахъ не разувѣрюсь я;
Могильной тѣнью въ прахъ низринусь,
Но скорби не отдамъ себя!...

11 іюля 1830 г. Полночь.

40.

Къ ней.

Опять тоску, опять любовь
Въ моей душѣ ты заронила,
И прежнее, былое вновь
Привѣтнымъ взоромъ оживила.

Ахъ! для чего мнѣ пламенѣть
Любовью сердца безнадежной?
Мой кроткой ангелъ, другъ мой нѣжной,
Не мой удѣлъ тобой владѣть!
Но я любимъ, любимъ тобою!
О, для чего же намъ судьбою
Здѣсь не даны въ удѣлъ благой,
На зло надменности людской,
Иль счастье, иль одна могила?
Ты жизнь моя, моя ты сила!...
Горю огнемъ любви святымъ...
Довѣрься жъ, хоть на мигъ, моимъ
Объятіямъ! я не нарушу
Священныхъ клятвъ — ихъ грудь хранитъ,
И, вѣрь, страдальческую душу
Преступное не тяготитъ...
19 іюля 1830 г.

41.

Посланіе Н... П...

И вы на насъ грозой хотите?
И вы, и вы кинжалъ острите
Отцу на старческую грудь!
Накажетъ Богъ когда-нибудь!
Припомните, что̀ прежде были.
При томъ, не вы ль мнѣ говорили:
„Я бъ могъ давно, — но не хочу;
Нѣтъ, я и извергу не мщу,
Нѣтъ, я не съ варварской душою, —
За зло плачу я добротою.“
Враги ль мы вамъ? Пусть Богъ сразитъ,
Кто черной замыселъ таитъ!
Злодѣи ль мы? За что жъ хотите
Полуубитаго добить?
Его старайтесь защитить!..
Я знаю: сильному удобно
Невинныхъ ранить, — даже сродно...

Но тотъ не человѣкъ — злодѣй!
Вы жъ покровитель, другъ людей, —
Держите жъ слово — и не мстите,
Прошу, кинжала не острите
Отцу на старческую грудь:
Ей время въ жизни отдохнуть.

25 іюля 1830 г.

42.

Элегія.

Въ твои объятья, гробъ холодной,
Какъ къ другу милому, лечу;
Въ твоей обители укромной
Сокрыться отъ людей хочу.
Скорѣе, смерть, сверкни косою
Надъ юною моей главою!
Немного лѣтъ я въ мірѣ жилъ...
И чѣмъ сей міръ повеселилъ?
И кто съ улыбкой мнѣ отрадной
Отъ сердца нѣжно руку жалъ?
Со мной кто радостью желанной
Дѣлилъ веселье и печаль?
Никто! Но въ сей странѣ пустынной
Одинъ лишь былъ мнѣ вѣренъ другъ,
И тотъ, какъ пѣсни звукъ отзывной,
Какъ огнь мгновенной, надмогильной,
На утренней зарѣ потухъ.
Одна звѣзда меня плѣняла
Еще на небѣ голубомъ
И въ черномъ сумракѣ густомъ
Надеждой тайной грудь питала;
Но скрылася она — съ тѣхъ поръ
Привѣтныхъ звѣздъ не видитъ взоръ.
Безъ ней, какъ сирота безродной,
Влачусь одинъ въ толпѣ людей,
Съ душою мрачной и холодной,
Какъ нераскаянной злодѣй.

Съ людями, братьями моими
Еще хотѣлъ я жизнь дѣлить;
Попрежнему хотѣлъ межъ ними
Я друга по сердцу найтить.
Но люди взорами нѣмыми
Съ презрѣньемъ на меня глядятъ
И душу хладную мертвятъ.
Къ тебѣ отъ нихъ, о гробъ холодной,
Какъ къ другу милому, лечу,
Въ твоей обители укромной
Покоя тихаго ищу.
О, смерть! сомкни скорѣй мнѣ вѣжды!
Вѣрнѣй загробныя надежды.

30 іюля 1830 г.

43.

Къ рѣкѣ Гайдарѣ.

Стою, зловѣщей думы полнъ,
При шопотѣ, при плескѣ волнъ...
Гайдарь! все тѣми жъ ты волнами
Катишься вдаль, какъ и всегда,
Такими жъ свѣтлыми водами
Поишь людей, поишь стада;
И тѣ жъ въ тебѣ глядятся горы,
И моются корни лѣсовъ;
Все тѣ жъ кругомъ поля, озеры,
Все такъ же ночью вдоль бреговъ,
На лодкѣ легкой и качливой,
Плыветъ веселый рыболовъ;
По влагѣ сонной, прихотливой
Кидаетъ сѣть онъ — и впередъ
Весломъ размашисто гребетъ,
И пѣснь Украйны, для забавы,
Безъ мыслей, безъ желаній славы,
Напѣвомъ прадѣда поетъ!
Катись, Гайдарь, и пой водою
Брега, счастливые тобою!

Твой вѣкъ тебѣ не измѣнилъ;
А я, старикъ, всю жизнь прожилъ...
Гдѣ жъ вы, благія упованья,
Гдѣ ты, священной сердца жаръ?...
Катися, свѣтлая Гайдарь,
Неси съ собой мои стенанья!

44.

Совѣтъ старца.

Скучно съ жизнью старческой,
Скучно, други, въ мірѣ жить;
Грустно, среди пиршества,
О могилѣ взгадывать,
И съ сѣдою мудростью
Къ ней, наморщась, двигаться.
Поспѣшайте жъ, юноши,
Наслаждаться жизнію!
Отпируйте въ радости
Праздникъ вашей юности!
Много ль разъ роскошная,
Въ годъ, весна является?
Много ль разъ долинушку
Убираетъ зеленью?
Муравою бархатной,
Парчой раззолоченой?
Не одно ль мгновеніе
И веснѣ и юности?

1 августа 1830 г.

45.

Веселый часъ.

Дайте бокалы!
Дайте вина!
Радость—мгновенье.
Пейте до дна!
Громкія пѣсни

1830 г.

Гряньте, друзья!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!
Нынѣ пируемъ —
Юность на часъ —
Нынче веселье,
Радость у насъ!
Завтра что́ будетъ,
Знаю ль, друзья?
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!
Шумно, разгульно
Пойте, друзья!
Лейте въ бокалы
Больше вина!
Ну-те жъ все разомъ
Выпьемъ до дна!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!

46.

Къ Ж....

Не мучь, красавица моя,
Не мучь напраснымъ ожиданьемъ;
И такъ уже измученъ я,
И такъ томительнымъ страданьемъ
Душа влюбленная убита;
Она давно тоской покрыта.
Къ чему жъ незажитыя раны
Ты хочешь болѣ растравлять?
Скажи: придутъ ли дни желанны?
Иль намъ ихъ вѣчно не видать?
Иль ты, съ притворною душою,
Смѣешься, шутишь надо мною?
Теперь — увы! — въ послѣднiй разъ
Я жду любезнаго привѣта.

Жестокая! прощальной часъ!
Порадуй ласкою отвѣта!
Скажи, скажи! Но — дикой взоръ!..
Гдѣ сила снесть сей приговоръ!

8 августа 1830 г.

47.

Вечеръ.

Ужъ рощей лиственная сѣнь
Росой коралльною дымится,
И чуть замѣтливая тѣнь
На долы, на поля ложится;
Лѣнивой вѣтерокъ, порхая
И поминутно утихая,
Природу клонитъ въ сладкой сонъ;
Ужъ съ нею засыпаетъ онъ.
Одинъ я, въ темной тишинѣ,
Оставивъ свой семейный кругъ,
Съ раздумьемъ сердца въ глубинѣ,
Иду на освѣженной лугъ;
На немъ я съ новою отрадой
Дышу вечернею прохладой
И, съ новой радостью земной,
Веду бесѣды я съ луной:
О смерти, вѣчности, о жизни,
О нашей будущей отчизнѣ,
О нашихъ будущихъ мірахъ,
И преселенцахъ-мертвецахъ,
Которые, какъ мы, здѣсь жили
И духъ горѣ переселили.
Ахъ, что́ на ихъ тамъ сторонѣ?
Видна ли тайна назначеній?
Что́ не постигъ здѣсь гордой геній —
То тамъ постигнуто ль вполнѣ?
О, для чего съ земли судьбою,
Живымъ въ удѣлъ, не дано намъ
Туда къ нимъ улетать душою?

Я бъ, съ ними привитая тамъ,
Учился бъ жить съ самимъ собою;
Но я веригою земной,
Какъ цѣпію невольникъ злой,
Надолго связанъ и окованъ, —
Мой духъ неволей очарованъ
И дольнимъ счастіемъ прельщенъ.
Въ земныхъ онъ таинствахъ теряясь
И для небесныхъ омраченъ,
Безкрыльной думой окриляясь,
Туда напрасно рвется онъ...
Луна! ты житель горнихъ странъ,
Ты безпредѣльной океанъ,
Безъ утомленья протекаешь;
Луна! быть можетъ, ты бываешь
И въ тѣхъ странахъ, — повѣдай мнѣ
О тайнахъ ихъ... Но въ тишинѣ
Ты, ходъ урочной совершая
И молчаливо озаряя
Кладбище смерти, крестъ и гробъ
И отдаленной неба сводъ,
Лишь свѣтишь намъ, какъ всѣ тѣ звѣзды,
Въ знакъ доброй для людей надежды.

20 августа 1830 г.
Старобѣльскъ.

48.

Земное счастіе.

Не тотъ счастливъ, кто кучи злата
Сбираетъ жадною рукой
И — за корысть — роднаго брата
Тревожитъ радостной покой;
Не тотъ, кто съ буйными страстями
Въ кругу прелестницъ вѣкъ живетъ,
Въ пирахъ съ ничтожными глупцами
Бесѣды глупыя ведетъ,
И съ ними цѣнитъ лишь словами
Святую истину, добро,

А нажитое серебро
Хранитъ, не дремля, — подъ замками.
Не тотъ счастливъ, не тотъ, кто давитъ
Народъ мучительнымъ ярмомъ,
И кто свое величье ставитъ
На полразрушенномъ другомъ!
Онъ пренебрегъ земли законы, —
Онъ, презирая вопль и стоны,
И бѣдной, горестной мольбѣ
Смѣется въ перекоръ судьбѣ!..
Онъ Бога гнѣвъ, онъ кары неба
Считаетъ за ничтожной страхъ;
Суму, кусокъ послѣдній хлѣба
Отнялъ у ближняго — и правъ!
Не онъ! — Но только тотъ блаженъ,
Но тотъ счастливъ и тотъ почтенъ,
Кого природа одарила
Душой, и чувствомъ, и умомъ,
Кого фортуна наградила
Любовью — истиннымъ добромъ.
Всегда предъ Богомъ онъ съ слезою
Молитвы чистыя творитъ,
Доволенъ жизнію земною,
Законъ небесъ боготворитъ,
Открытой грудію стоитъ
Предъ казнью, злобою людскою,
И за царя, за отчій кровъ
Собой пожертвовать готовъ.
Онъ, и немногое имѣя,
Всегда дѣлиться радъ душой;
На помощь бѣдныхъ, не жалѣя,
Все щедрой раздаетъ рукой!

20 августа 1830 г.
Старобѣльскъ.

49.

Первая любовь.

1830 г.

Чтó душу въ юности плѣнило,
Чтó сердце въ первой разъ
Такъ пламенно, такъ нѣжно полюбило —
И полюбило не на часъ,
Тó все я силюся предать забвенью,
И сердцу пылкому и страстному томленью
Хочу другую цѣль найтить,
Хочу другое также полюбить!
Напрасно все: тѣнь прежней милой
Нельзя забыть!
Уснешь — непостижимой силой
Она тихонько къ ложу льнетъ,
Печально руку мнѣ даетъ,
И сладкою мечтой вновь сердце очаруетъ,
И очи томныя къ моимъ очамъ прикуетъ!.
И вновь любви привѣтной гласъ
Я внемлю страждущей душою...
Когда жъ ударитъ часъ
Забвенья о тебѣ, иль вѣчности съ тобою?.

21 августа 1830 г.
Близъ Муръ-могилы.

50.

Мука.

Осиротѣлой и унылой,
Ищу подруги въ свѣтѣ милой, —
Ищу — и всѣмъ „люблю“ твержу, —
Любви жъ ни въ комъ не нахожу.
На что жъ природа намъ дала
И прелести и розы мая?
На что рука твоя святая
Имъ сердце гордымъ создала?
Ужель на то, чтобъ въ первой разъ
Плѣнить любовію священной,

Потомъ упорностью надменной
Сушить и мучить вѣчно насъ?
Ужель на то, чтобъ радость рая
Въ ихъ взорѣ видя на земли,
Мы наслаждаться не могли,
Въ любови муки познавая?...
Но ты, земная красота,
Не стоишь моего страданья!
Развѣйся жъ, грѣшная мечта,
Проси отъ неба воздаянья!

27 августа 1830 г.
Кирчиская слобода.

51.

Сирота.

Когда мнѣ шелъ двадцатой годъ,
Я жилъ звѣриной ловлей,
И былъ укрытъ отъ непогодъ
Родительскою кровлей.
Отецъ мой всѣхъ былъ богатѣй,
Всякъ знался съ нашей хатой,
Обширенъ былъ нашъ кругъ полей, —
Былъ хлѣбъ, былъ скотъ рогатой . .
Моя богатая семья
Копѣйкой не нуждалась;
Такому счастію родня
Съ досадой улыбалась.
И кто бъ подумать прежде могъ,
Чтó послѣ съ нами стало:
Прогнѣвался на грѣшныхъ Богъ, —
Чтó было, все пропало.
Два года не рожался хлѣбъ,
Изсохнула долина,
Утратилась скотина, —
Нужда на дворъ — и денегъ нѣтъ!
Травою заросло гумно,
Кошары опустѣли,

Съ послѣднимъ нищимъ за одно
И въ праздникъ мы говѣли.
Еще бъ мой жребій сносенъ былъ,
Но съ безталанной доли
Я всю семью похоронилъ...
Отъ скорби и отъ боли
Безъ нихъ для горькаго меня
И радости скончались;
Чуждалась бѣднаго родня,
Сосѣди удалялись.
Пришлось съ могилою родныхъ
Навѣки распроститься,
И горевать среди чужихъ
Съ пустой сумой пуститься.
И люди мирныхъ деревень,
Живя безъ нуждъ, не знаютъ,
Что вся мнѣ жизнь есть черной день,
Иль, зная, — забываютъ.

4 сентября 1830 г.
Кокенское поле.

52.

Пѣсня.

На что ты, сердце нѣжное,
Любовію горишь?
На что вы, чувства пылкія,
Волнуетесь въ груди?

Напрасно, дѣвы милыя,
Цвѣтете красотой,
Напрасно добрыхъ юношей
Плѣняете собой, —

Когда обычьи строгіе
Любить васъ не велятъ,
Когда сердца холодныя
Смѣются, други, вамъ.

Любовь, любовь чистѣйшая,
Богиня нѣжныхъ душъ!

Не ты ль собою всѣхъ людей
Чаруешь и живишь.

Сердца, сердца холодныя,
Не смѣйтеся любви!
Она — и дѣвъ и юношей
Святыня и кумиръ.

5 сентября 1830 г.
Близъ Славяносербска.

53.

Кольцо.

Я затеплю свѣчу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.

Безъ него, для меня
Ты не надобно;
Безъ него, на рукѣ —
Камень на сердцѣ.

Чтó взгляну, то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горькимъ горемъ слезъ.

Возвратится ли онъ?
Или вѣсточкой
Оживитъ ли меня
Безутѣшную?

Нѣтъ надежды въ душѣ...
Ты разсыпься же
Золотой слезой,
Память милова!

Невредимо, черно,
На огнѣ кольцо,
И звенитъ по столу
Память вѣчную.

20 сентября 1830 г.

54.

Крестьянская пирушка.

Ворота тесовы
Растворилися,
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись;
Со двора повели
Въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ Святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные,
На сосновыхъ скамьяхъ
Сѣли званые.
На столахъ куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя.
Бахромой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подругъ
Съ поцалуями,
Разносила гостямъ
Чашу *горькова;*
Самъ хозяинъ, за ней,
Брагой хмѣльною
Изъ ковшей вырѣзныхъ

Ро́дныхъ подчуетъ;
А хозяйская дочь
Медомъ сыченымъ
Обносила кругомъ,
Съ лаской дѣвичьей.
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ:
Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку:
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено?
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются
Отъ вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись;
Призатихъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ;
Отъ воротъ поворотъ
Виденъ по снѣгу.

21 сентября 1830 г.

55.

Пѣсня старика.

Осѣдлаю коня,
Коня быстрова,
Я помчусь, полечу
Легче сокола,

Чрезъ поля, за моря,
Въ дальню сторону:
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь — и явлюсь
Прежнимъ молодцомъ,

И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ!

Но, увы, нѣтъ дорогъ
Къ невозвратному!
Никогда не взойдетъ
Солнце съ запада!

21 сентября 1830 г.

56.

Вздохъ на могилѣ Веневитинова.

Какія думы въ глубинѣ
Его души таились, зрѣли?
Когда бъ онѣ сказалися вполнѣ,
Кого бъ мы въ немъ, друзья, узрѣли?
Но онъ, нашъ сѣверный поэтъ,
Какъ юный лебедь величавый,
Средь волнъ тоскуя, пѣсню славы
Едва началъ — и стихъ средь юныхъ лѣтъ!

30 октября 1830 г.

57.

Что значу я?

Чтó, крошка мелкая, я значу?
Живу, заботливо тружусь,
Въ желаньи счастья время трачу,
И вѣчно недовольный плачу!
Чего жъ ищу? къ чему стремлюсь?
Въ какой странѣ, на чтó гожусь?
Есть люди: до смерти желаютъ
Вопросы эти разгадать.
Но чтó до нихъ! пусть, какъ хотятъ,
О всемъ серьезно разсуждаютъ.
Я недоросль,— я не мудрецъ,
И мнѣ нужнѣе знать немного;
Шероховатою дорогой
Иду шажкомъ я, какъ слѣпецъ;

Съ смѣшнымъ сойдусь ли — посмѣюсь;
Съ прекраснымъ встрѣчусь — имъ плѣнюсь;
Съ несчастнымъ отъ-души поплачу, —
И не стараюсь знать — чтó значу.

58.

Утѣшеніе.

Какъ жаль, что счастія звѣзда
На небѣ вашемъ закатилась!
Но развѣ горесть навсегда
Съ судьбою вашей породнилась?
Пройдетъ зима — настанетъ май.
Бѣда — глупа, взведетъ на счастье.
Всякъ Провидѣнью довѣряй:
Оно насъ цѣнитъ безъ пристрастья.
Пусть, кто доволенъ здѣсь не право,
Или не право кто гонимъ...
Земныя радости — съ отравой,
Отрава — съ счастіемъ земнымъ.
Все постоянно — лишь за моремъ,
И потому, что насъ тамъ нѣтъ;
А между тѣмъ кто минутъ горемъ?
Никто... таковъ ужъ бѣлой свѣтъ!...



1831 г.

59.

* * *

Мой другъ, мой ангелъ милой,
Тебя ли я съ такою силой,
Такъ нѣжно, пламенно лобзалъ,
И къ нѣжной груди прижималъ?
Или, въ минуту изступленья,
Въ жару сердечнаго волненья,

Я обнималъ одну мечту,
Твою рисуя красоту?
Какъ упоителенъ душѣ влюбленной
Живой твой взоръ полусмущенной,
Твой жгучій, страстной поцалуй! —
Приди же вновь! страдальца поцалуй!
Тобой любимымъ быть прекрасно!
Прекраснѣе — тебя любить!
Чтó муки мнѣ? душою страстной
О милой сладко мнѣ грустить!

60.

Соловей.

(Подражаніе Пушкину)

Плѣнившись розой, соловей
И день и ночь поетъ надъ ней;
Но роза молча пѣснямъ внемлетъ,
Невинной сонъ ее объемлетъ...
На лирѣ такъ пѣвецъ иной
Поетъ для дѣвы молодой;
Онъ страстью пламенной сгараетъ,
А дѣва милая не знаетъ —
Кому поетъ онъ? отъ чего
Печальны пѣсни такъ его?...

61.

Наяда.

Взгрустнулось какъ-то мнѣ въ степи однообразной
Я слегъ
Подъ стогъ,
И, дремля въ скукѣ праздной,
Уснулъ; уснулъ — и вижу сонъ:
На берегу морскомъ, подъ дремлющей сосною,
Съ унылою душою,

Сижу одинъ; передо мною
Со всѣхъ сторонъ
Безбрежность водъ и небо голубое —
Все въ сладостномъ ночномъ покоѣ,
На все навѣянъ легкой сонъ.
Казалось, море — небеса другія,
Казались моремъ небеса:
И тамъ и здѣсь, — одни свѣтила золотыя,
Одна лазурь, одна краса
Въ объятьяхъ дружбы дремлетъ.
Но кто вдали, нарушивъ тишину,
Уснувшую волну
Подъемлетъ и колеблетъ?
Прелестная, нагая
Богиня синихъ водъ —
Наяда молодая.—
Она плыветъ,
Она манитъ, она зоветъ
Къ себѣ на грудь мои объятія и очи...
Какъ сладострастный геній ночи,
Она, съ дѣвичьей красотой,
Являлась вся сверхъ волнъ нагой
И обнималася съ волной!...
Я съ береговъ, я къ ней... И — чудо! — достигаю.
Плыву ль, стою ль, не потопаю.
Я съ ней! — ее я обнимаю,
Съ боязнью дѣтскою ловлю
Ея привѣтливые взгляды;
Сжимаю станъ Наяды,
Цалую и шепчу: люблю!
Она такъ ласково ко мнѣ главу склонила;
Она сама меня такъ тихо обнажила,
И рубище мое пошло ко дну морей...
Я чувствовалъ, въ душѣ моей
Раждалась новая, невидимая сила,
И счастливъ былъ я у ея грудей...
То отъ меня притворно вырываясь,
Она, какъ дымъ, сгибаясь, разгибаясь,
Со мной тихонько въ даль плыла; —

То, тихо отклонивъ она меня руками,
Невидима была;
То долго подъ водами
Напѣвомъ чуднымъ пѣснь поетъ;—
То, охвативъ меня рукою,
Шалитъ лѣнивою водою
И страстной поцалуй даетъ;
То вдругъ, одѣтые въ покровъ туманной мглы,
Идемъ мы въ воздухѣ до дремлющей скалы,
Съ вершины — вновь въ морскую глубину!
По ней кружимся, въ ней играемъ,
Другъ друга, нѣжась, прижимаемъ
И предаемся будто сну...
Но вспыхнула во мнѣ вся кровь,
Пожаромъ разлилась любовь;
Съ воспламененною душою —
Я всю ее объемлю, всю обвилъ...
Но мигъ — и я отъ ужаса остылъ:
Наяда, какъ мечта, мгновенно исчезаетъ;
Коварное мнѣ море измѣняетъ:
Я тяжелѣю, я тону,
И страсть безумную кляну;
Я силюсь плыть, но надо мною
Со всѣхъ сторонъ валы встаютъ стѣною;
Разлился мракъ, и съ мрачною душой
Я поглощенъ бездонной глубиной...
Проснулся: потъ холодной
Обдалъ меня...
— Поэзія! подумалъ я:
Твой жрецъ — душа святая
И чистая и неземная!

62.

Пѣсня пахаря.

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ;
Ну! тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка —
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

26 ноября 1831 г.



1832 г.

63.

Домикъ лѣсника.

Въ темномъ лѣсѣ, за рѣкой,
Стоитъ домикъ небольшой,
Съ двумя свѣтлыми окнами,
Съ распашными воротами.

Подъ замкомъ тѣ ворота,
И калитка заперта,
Чтобъ не вшелъ туда рогатый
Лѣшій страшный и косматый.

Чтобъ не вшелъ туда упырь,
Ни проѣзжій богатырь.
Кто жъ живетъ тутъ одиноко
Отъ жилья кругомъ далеко?

Рыболовъ ли небогатый?
Иль разбойникъ бородатый —
Въ немъ спасается мольбой
Съ сундуками и казной?

Живетъ въ домѣ съ давнихъ поръ —
Караулитъ царской боръ —
Лѣсной староста, съ женою,
Съ третьей дочкой молодою.

И для ней старикъ сѣдой
Замыкаетъ домикъ свой,
Чтобы въ каменны палаты
Не увезъ купецъ богатый;

Чтобъ бояринъ окружной
Не прильнулъ бы къ молодой
Безотвязной повиликой,—
Чтобъ не быть ей горемыкой.

64.

Изступленіе.

Духи неба, дайте мнѣ
Крылья сокола скорѣй!
Я въ полночной тишинѣ
Полечу въ объятья къ ней!
Сладострастными руками
Кругомъ шеи обовьюсь!
Ея черными глазами
Залюбуюсь, загляжусь!
Беззаботно къ груди полной,
Какъ пчела къ цвѣтку, прильну,
Сладострастьемъ усыпленной,
Безпробудно я засну.

65.

Пѣсня.

Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ;
Улети ты въ лѣса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-дѣвицы...
Прощебечь нѣжно ей
Про мою тоску...

Ты скажи, какъ безъ ней
Сохну, вяну я,
Что́ трава на степи
Передъ осенью.

Безъ нея, ночью мнѣ
Мѣсяцъ сумраченъ;
Среди дня, безъ огня
Ходитъ солнышко.

Безъ нея, кто меня
Приметъ ласково?
На чью грудь, отдохнуть,
Склоню голову?

Безъ нея, на чью рѣчь
Улыбнуся я?
Чья мнѣ пѣснь, чей привѣтъ
Будетъ по сердцу?

Что жъ поешь, соловей,
Подъ моимъ окномъ?
Улетай, улетай
Къ душѣ-дѣвицѣ!

66.

Размышленіе поселянина.

На восьмой десятокъ
Пять лѣтъ перегнулось;
Какъ одну я пѣсню,
Пѣсню молодую
Пою, запѣваю
Старою погудкой;
Какъ одну я лямку
Тяну безъ подмоги!
Ровесникамъ дѣтки
Давно помогаютъ,
Только мнѣ на свѣтѣ
Перемѣны нѣту.
Сынъ пошелъ на службу,
А другой-въ могилу;
Двѣ вдовы невѣстки;
У нихъ дѣтей кучи —

Все малъ-мала меньше;
За́дной головою
Ничего не знаютъ,
Гдѣ пахать, что́ сѣять,
Позабыли думать.
Богу, знать, угодно
Наказать, подъ старость
Меня горемыку
Такой тяготою.
Сбыть съ двора невѣстокъ,
Пустить сиротъ въ люди! —
Старики на сходкѣ,
Про Кузьму, что́ скажутъ?
Нѣтъ, мой згадъ, ужъ лучше,
Доколь мочь и сила,
Доколь душа въ тѣлѣ,
Буду я трудиться;
Кто у Бога проситъ,
Да работать любитъ, —
Тому невидимо
Господь посылаетъ.
Посмотришь: одинъ я
Батракъ и хозяинъ;
А живу чѣмъ хуже
Людей семьянистыхъ?
Лиха-бѣда, въ землю
Кормилицу ржицу
Мужичку закинуть;
А тамъ Богъ уродитъ,
Микола подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля;
Такъ его достанетъ
Годъ семью пробавить,
Посбыть подать съ шеи
И нужды поправить,
И лишней копѣйкой
Божій праздникъ встрѣтить.



67.

Поэтъ и няня.

„Няня, няня! правда ль это,
Что̀ здѣсь сказано поэтомъ?
Будто мнѣ не вѣкъ играть;
Что достанется узнать
Дѣвушкѣ дѣвичье горе,
Своенравное, какъ море;
И что̀ мнѣ теперь такъ мило,
Будетъ горестно, постыло;
Что привыкну тосковать
И украдкою вздыхать...
День ли весело проснется —
Дѣва дню не улыбнется;
Выйдетъ съ грустью на крыльцо
Освѣжить свое лицо;
Поглядитъ ли на дубравы,
На невинныя забавы,
На шелковые луга,
На зеленые брега —
Все подъ твердью голубою
Дышитъ радостью земною;
Ей лишь скучно, и слеза
Ороситъ ея глаза...“

— И!... не вѣрь, мое дитя,
Они гуторятъ шутя;
Ихъ ты сказкамъ не внимай,
Плюнь на книжку! пой, играй!...

68.

Удалецъ.

Мнѣ ли, молодцу,
Разудалому,
Зиму-зимскую
Жить за печкою?

Мнѣ ль поля пахать?
Мнѣ ль траву косить?
Затоплять овинъ?
Молотить овесъ?

Мнѣ поля — не другъ,
Коса — мачиха,
Люди добрые —
Не сосѣди мнѣ.

Если бъ молодцу
Ночь да добрый конь,
Да булатной ножъ,
Да темны лѣса!

Снаряжу коня,
Наточу булатъ,
Затяну чекмень,
Полечу въ лѣса:

Стану въ тѣхъ лѣсахъ
Вольной волей жить,
Удалой башкой
Въ околоткѣ слыть.

Съ кѣмъ дорогою
Сойдусь, съѣдусь ли, —
Всякой молодцу
Шапку до земли!

Оберу купца,
Убью встрѣчнова
Мужика-глупца
За желѣзной грошъ!

Но не грѣхъ ли мнѣ
Будетъ отъ Бога
Обижать людей
За ихъ доброе?

Въ церкви попъ Иванъ
Міру гуторитъ,
Что душой за кровь
Злодѣй платится...

Лучше жъ воиномъ,
За царевъ законъ,
За крещеной міръ,
Сложить голову!...

69.

Великая тайна.

(Дума).

Тучи носятъ воду,
Вода поитъ землю,
Земля плодъ приноситъ;
Бездна звѣздъ на небѣ,
Бездна жизни въ мірѣ;
То мрачна, то свѣтла
Чудная природа...

Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ невозвратно
Вѣки за вѣками;
У каждаго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ:
„Чѣмъ кончилось дѣло?“
— Вопроси другова, —
Каждый отвѣчаетъ.

Смѣлый умъ, съ мольбою,
Мчится къ Провидѣнью:
Ты повѣдай мыслямъ
Тайну сихъ созданій!
Шлютъ отвѣтъ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя...

Что́ же совершится
Въ будущемъ съ природой?...

О, гори, лампада,
Ярче предъ Распятьемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!



1834 г.

70.

Не шуми ты, рожь.

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мнѣ не для чего
Собирать добро,
Мнѣ не для чего
Богатѣть теперь!

Прочилъ молодецъ,
Прочилъ доброе,
Не своей душѣ —
Душѣ-дѣвицѣ.

Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи, полныя
Полюбовныхъ думъ!

И тѣ ясныя
Очи стухнули,
Спитъ могильнымъ сномъ
Красна дѣвица!

Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи
Легла на сердце
Дума черная!



71.

Урожай.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелится.

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ;

Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась —
Что́ задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлова...

Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой-радугой;

Ополчилася,—
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко,
Напилась воды
Земля до́сыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся.

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою;

За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ за́крома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.

Третью думушку
Какъ задумали, —
Богу-Господу
Помолилися.

Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою;

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать;
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Чтó послалъ Господь
За труды людямъ:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти дò земи.

Словно Божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается.

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко —
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;

№ 1

Стихотворенія.

Алексѣя Кольцова

1836 и 1837

годовъ.

Воронежъ.

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

72.

Глаза.

Погубили меня
Твои черны глаза:
Въ нихъ огонь неземной
Жарче солнца горитъ!

Омрачитесь, глаза,
Охладѣйте ко мнѣ!
Ваша радость, глаза,
Не моя, не моя!...

Не глядите же такъ,
О, не мучьте меня!
Въ васъ, страшнѣе грозы,
Блещутъ искры любви.

Нѣтъ, прогляньте, глаза,
Загоритесь, глаза!
И огнемъ неземнымъ
Сердце жгите мое!

Мучьте жаждой любви!
Я горю — и въ жару
Безконечно хочу
Оживать, умирать, —

Чтобы, черны глаза,
Васъ съ любовью встрѣчать,
И опять, и опять
Горевать и страдать!



1836 г.

73.

Женитьба Павла.

Павелъ дѣвушку любилъ,
Ей подарковъ надарилъ:
Два аршина касандрики,
Да платокъ, да черевики,

Да китаечки конецъ,
Да золоченный вѣнецъ;
Она стала щеголиха,
Какъ богатая купчиха.

Плясать въ улицу пойдетъ,
Распотѣшитъ весь народъ;
Пѣсни ль на голосъ заводитъ,
Словно зельями обводитъ.

Одаль мóлодцы стоятъ,
Межъ собою говорятъ:
„Всѣ мы ходимъ за тобою;
Чьей-то будешь ты женою?“

Говорите. Самъ-третей,
Запрягъ Павелъ лошадей,
Везть товары подрядился.
Кой-гдѣ зиму волочился.

И, разгорившись казной,
Къ веснѣ ѣдетъ онъ домой;
Въ гости рóдныхъ созываетъ;
Свахой тетку наряжаетъ...

Большой выкупъ далъ отцу;
Кладъ достался молодцу.
Свадьбу весело играли:
Двѣ недѣли пировали.

74.

Молодая жница.

Высоко стоитъ
Солнце на небѣ,
Горячо печетъ
Землю-матушку.

Душно дѣвицѣ,
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи.

Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горитъ-горма все
Лицо бѣлое.

Голова со плечъ
На грудь клонится,
Колосъ срѣзанный
Изъ рукъ валится...

Не-съ-проста-ума
Жница жнетъ — не жнетъ,
Глядитъ въ сторону,
Забывается.

Охъ, болитъ у ней
Сердце бѣдное,
Заронилось въ немъ
Небывалое!

Она шла вчера —
Нерабочимъ днемъ,
Лѣсомъ шла — себѣ
По малинушку;

Повстрѣчался ей
Доброй молодецъ;
Ужъ не въ первой разъ
Повстрѣчался онъ.

Повстрѣчается,
Будто нехотя,
И стоитъ, глядитъ
Какъ-то жалобно.

Онъ вздохнулъ, запѣлъ
Пѣсню грустную;
Далеко въ лѣсу
Раздалась та пѣснь.

Глубоко въ душѣ
Красной дѣвицы
Озвалась она
И запала въ ней...

Душно, жарко ей,
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи...

75.

Косарь.

Не возьму я въ толкъ...
Не придумаю...
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.
У меня ль плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая —
Моей матушки.
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную.

Кудри черныя
Лежатъ скобкою;
Что́ работаю —
Все мнѣ спорится!
Да, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился!
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку?
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю....
Я ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачомъ слыветъ?
Пускай домъ его —
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо бѣлое —
Заря алая,
Щеки полныя,
Глаза темные
Свели молодца
Съ ума-разума...
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
Наотрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера...
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью...
Я куплю себѣ
Косу новую;

Отобью ее,
Наточу ее, —
И прости-прощай
Село ро́дное!
Не плачь, Грунюшка,
Косой вострою
Не подрѣжусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ:
Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!...
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Чорному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и по́перекъ
Съ ней хотѣлося...
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй

Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошóная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохните,
Какъ по Грунѣ я
Сохну, молодецъ!
Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ;
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь въ село —
Прямо къ старостѣ;
Не разжалобилъ
Его бѣдностью, —
Такъ разжалоблю
Золотой казной!...

1836 г. Москва.

76.

Божій міръ.

(Дума).

Отецъ свѣта — вѣчность;
Сынъ вѣчности — сила;
Духъ силы — есть жизнь;
Міръ жизнью кипитъ.
Вездѣ Тріединый,
Воззвавшій все къ жизни!
Нѣтъ вѣка Ему,
Нѣтъ мѣста Ему!
Съ величества трона,
Съ престола чудесъ

Божій образъ — солнце
Къ намъ съ неба глядитъ,
И днемъ повѣряетъ
Всемірную жизнь.
Въ другомъ мѣстѣ неба
Оно отразилось, —
И мѣсяцемъ землю
Всю ночь сторожитъ.
Тьма, на лонѣ ночи
И живой прохлады,
Всѣ стихіи міра
Сномъ благословляетъ.
Въ царствѣ Божьей воли,
Въ переливахъ жизни,
Нѣтъ безсильной смерти,
Нѣтъ бездушной жизни!

1836. Воронежъ.

77.

Неразгаданная истина.

(Дума).

Цѣлый вѣкъ я рылся
Въ таинствахъ вселенной,
До сѣдинъ учился
Мудрости священной.

Всѣ вѣка былые
Съ новыми повѣрилъ;
Чудеса земныя
Опытомъ измѣрилъ.

Мелкія причины
Тѣшились людями;
Карлы-властелины
Двигали мірами.

Райскія долины
Кровью обливались;
Карлы-властелины
Въ бездну низвергались.

Гдѣ пройдетъ коварство
Съ злобою людскою, —
Тамъ, въ обломкахъ, царство
Зарастетъ травою...

Племена другія
На нихъ поселятся:
Города большіе
Людьми разродятся.

Сторона пустая
Снова зацарюетъ, —
И жизнь молодая
Шумно запируетъ!

Подсѣку жъ я крылья
Дерзкому сомнѣнью,
Прокляну усилья
Къ тайнамъ Провидѣнья!

Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу;
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.

78.

Человѣкъ.

(Дума).

Всѣ творенья въ Божьемъ мірѣ
Такъ прекрасны, хороши!
Но прекраснѣй человѣка
Ничего нѣтъ на землѣ!

То себя онъ ненавидитъ;
То собой онъ дорожитъ;
То полюбитъ, то разлюбитъ;
За мигъ жизни вѣкъ дрожитъ...

Дастъ желаньямъ ли свободу, —
Землю кровью напоитъ;
Буйной волѣ дастъ ли волю, —
Подъ нимъ море закипитъ.

Но измѣнятся стремленья,
Озарится свѣтомъ умъ,—
И своей онъ красотою
Все на свѣтѣ помрачитъ...

15 іюня 1836 г.
Воронежъ.

79.

Умолкшій поэтъ.

(Дума).

Съ душою пророка,
Съ печатью величья
На гордомъ челѣ,
Родился младенецъ
На диво землѣ.

Земныя богини,
Какъ хитрыя дѣвы,
Манили младенца
Роскошной мечтою,
Притворною лаской
Любовь обманули;
Сожгли поцалуемъ
Румянецъ лица;
Сорвали улыбку —
Сіянье души.
Напрасно таилъ онъ,
Напрасно берегъ
Дары вдохновеній
Отъ горняго міра
Для жизни земной;
Напрасно онъ райской
И звучною пѣсней
Родимыя дебри,
Поля оглашалъ:
Пустыня молчала...
Толпа отступилась
Отъ взоровъ пророка!
Высокое чувство,

И жаръ вдохновенья,
И творчества силу
Толпа не признала:
Смѣшны ей и радость
И горе поэта...
Сгори онъ въ пожарѣ
Презрѣнныхъ страстей:
Она, какъ вакханка,
Его зацалуетъ,
И братскимъ восторгомъ,
Нечистымъ, постыднымъ,
На вѣкъ заклеймитъ...

Очарованъ утромъ,
Обманутый полднемъ,
Одѣтый вечернимъ
Туманомъ и тѣнью
Загадочной жизни, —
Глядитъ равнодушно
Безмолвный поэтъ...
Ты думаешь: палъ онъ?...
Нѣтъ, ты не замѣтилъ
Высокую думу,
Огонь благодатный
Во взорѣ его...

80.

Великое слово.

(Дума).

(В. А. Жуковскому).

Глубокая вѣчность
Огласилась словомъ:
То слово — „да будетъ!"
„Ничто" воплотилось
Въ тьму ночи и свѣтъ;
Могучія силы
Сомкнуло въ міры,
И чудной, прекрасной
Повѣяло жизнью.

Земля красовалась
Роскошнымъ эдемомъ,
И духъ воплощенный —
Владѣтель земли —
Съ челомъ вѣчно-юнымъ,
Высокимъ и стройнымъ,
Съ отсвѣтомъ свободы
И мысли во взорѣ,
На свѣтлое небо,
Какъ ангелъ, глядѣлъ...

Свобода, свобода!...
Гдѣ жъ рай твой веселый?
Слѣды твои страшны,
Отмѣчены кровью
На пестрой страницѣ
Широкой земли!
И лютое горе
Ее залило,
Ту дивную землю,
Безславную землю!...

Но слово: „да будетъ!"
То вѣчное слово
Не мимо идетъ:
Въ хаосѣ печали,
Въ полуночномъ мракѣ
Надземныхъ судебъ,
Божественной мыслью
На древѣ Креста
Сіяетъ и свѣтитъ
Терновый вѣнецъ...

И горькія слезы,
Раскаянья слезы,
На блѣдныхъ ланитахъ
Земнова царя
Зажглись упованьемъ
Высокимъ и свѣтлымъ, —
И духъ вдохновляетъ
Мятежную душу, —

И сладко ей горе,
Понятно ей горе:
Оно — искупленье
Прекраснаго рая...

Да будетъ! — и было, —
И, видимъ, — и будетъ...
Всегда — безъ конца.
Кто жъ Онъ, Всемогущій?
И гдѣ обитаетъ?...
Нѣтъ Богу вопроса, —
Нѣтъ мѣры Ему!...

1836 г. Степь гр. Орловой.

81.

Молитва.

(Дума).

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что́ слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что́ будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?

На крестъ, на могилу,
На небо, на землю,
На точку начала
И цѣли твореній,
Творецъ всемогущій
Накинулъ завѣсу,
Нало́жилъ печать:
Печать та на вѣки;
Ее не расторгнутъ
Міры, разрушаясь,

Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода!...

Прости жъ мнѣ, Спаситель!
Слезу моей грѣшной
Вечерней молитвы:
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ Тебѣ...

1836 г. Степь гр. Орловой.

82.

Могила.

(Дума).

Чья это могила
Тиха, одинока?
И крестъ тростниковый,
И насыпь свѣжа?
И чистое поле
Кругомъ безъ дорогъ?
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?
Татаринъ ли дикой
Свершилъ здѣсь убійство
Въ ночной темнотѣ,
И свѣжею кровью,
Горячею брызнулъ
На русскую быль?...
Или молодая
Жница-поселянка,
Ангела-младенца
На рукахъ лелѣя,
Оплакала горько
Кончину его, —
И подъ яснымъ небомъ
Въ полѣ, на просторѣ,
Въ цвѣтахъ васильковыхъ,
Положенъ дитя?...

Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку,
Перекати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ, не пробудитъ,
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы!...

1836 г. Воронежъ.

83.

Цвѣтокъ.

Природы милое творенье,
Цвѣтокъ, долины украшенье,
На мигъ взлелѣянный весной,
Безвѣстенъ ты въ степи глухой!

Скажи: зачѣмъ же такъ алѣешь,
Росой заискрясь, пламенѣешь,
И дышишь чѣмъ-то какъ живымъ,
Благоуханнымъ и святымъ?

Ты для кого въ степи широкой,
Ты для кого отъ селъ далеко?
Не для крылатыхъ ли друзей,
Поющихъ въ воздухѣ степей?

Для нихъ ли, въ роскоши, семьями
Румяной ягодой, цвѣтами,
И обаяньемъ для души,
Вы, травы, зрѣете въ тиши?

О, пой, косарь! зови пѣвицу,
Подругу, красную дѣвицу,
Пока еще, шумя косой,
Не тронулъ ты травы степной!

84.

Пѣсня.

Перстенечекъ золотой,
Ненаглядный, дорогой!
Свѣтлой памятью любви
Въ очи черныя гляди.

Если грустно будетъ ей,—
Ты потускни, почернѣй;
Если радость,— измѣнись,
Весь алмазомъ разгорись!

День забвенья ли придетъ,
Душа чувство изживетъ:
Тогда, перстень золотой,
Почернѣй ты самъ-собой!



1837 г.

85.

Раздумье селянина.

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря...

Вмѣстѣ съ бѣдностью,
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ —
Силу крѣпкую;

Лѣсъ.

посвящено памяти А. С. Пушкина

Что дремучiй лѣсъ
призадумался?
грустью тёмною
затуманился?

Что Бова-силачъ
заколдованный:
съ непокрытою
головой въ бою, —
ты стоишь — поникъ,
и не ратуешь
съ мимолётною
тучей-бурею.

Густолиственный
твой зелёный шлемъ
буйный вихрь сорвалъ —
и развеялъ въ прахъ.

плющъ унылъ. Къ почилъ
и разсвирѣпился...
ты стоишь, поникъ,
и не ратуешь.
Гдѣ жъ, дѣвалася
рѣчь высокая,
сила гордая,
доблесть царская?

У тебя ль — было —
въ ночь безмолвную
заливная пѣснь
соловьиная...
У тебя ль — было,
дни — роскошество —
другъ и недругъ твой
прохлаждаются...

У тебя ль — было,
поздно вечеромъ
грозно съ бурею
разговоръ пойдётъ;

Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

9 апрѣля 1837 г.

86.

Пора любви.

Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Пѣвучими полнымъ-полна;
Поютъ онѣ и день и ночь.
То пѣсенки чудесныя!
Ихъ слушаетъ красавица,
И смысла въ нихъ не вѣдаетъ,
Въ душѣ своей не чувствуетъ,
Что пѣсни тѣ-волшебныя:
Въ нихъ сила есть любовная...
Любовь — огонь; съ огня — пожаръ...
Не слушай ихъ, красавица,
Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,
Спокоенъ, тихъ до утра-дня!
Какъ-разъ бѣду наслушаешь:
Въ цвѣту краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорѣй платка износится.

Стоитъ она, задумалась,
Дыханьемъ чаръ овѣяна;
Запала въ грудь любовь-тоска,
Нейдетъ съ души тяжелый вздохъ:

Грудь бѣлая волнуется,
Чтó рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ;
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ — туманъ...
Смеркаетъ степь, горитъ заря...

Весной, въ рѣкѣ, при мѣсяцѣ,
Поитъ коня дѣтинушка;
Самъ думаетъ онъ думушку
Про дѣвицу завѣтную:
„Четвертый годъ, какъ я люблю
Меньшую дочь сосѣдскую...
Пойдешь за ней на улицу,
Затѣешь рѣчь сторонкою:
Такъ, нѣтъ, куда! сидитъ, молчитъ...
Пошлешь къ отцу посвататься:
Сѣдой старикъ спесивится:
Нельзя никакъ — жди череду“.

„Болитъ моя головушка,
Щемитъ въ груди ретивое,
Печаль моя всесвѣтная,
Пришла бѣда незваная,
Какъ съ плечъ свалить — не знаю самъ.
И сила есть — да воли нѣтъ;
Наружѣ кладъ — да взять нельзя:—
Заклялъ его обычай нашъ;
Ходи, гляди, да мучайся,
Толкуй съ башкой порожнею...

„Возьму жъ я ржи двѣ четверти:
Поѣду жъ я на мельницу;
Про мельника слухъ носится,
Что мастеръ онъ присушивать.
Скажу ему: „Иванъ Кузьмичъ!
Къ тебѣ нужда есть кровная:
Возьми съ меня, чтó хочешь ты,
Лишь сдѣлай мнѣ — по-своему“.

Въ селѣ, весной, при мѣсяцѣ,
Спокойно спитъ крещоный міръ;

1837 г.

Вдоль улицы нашъ молодецъ
Идетъ самъ-другъ съ сосѣдкою;
Промежъ себя ведутъ они
О чемъ-то рѣчь хорошую.
Даетъ онъ ей съ руки кольцо —
У ней беретъ себѣ въ обмѣнъ;
А не былъ онъ на мельницѣ,
Иванъ Кузьмичъ не грѣшенъ тутъ.

Ахъ, степь, ты степь зеленая,
Вы, пташечки пѣвучія,
Разнѣжили вы дѣвицу,
Отбили хлѣбъ у мельника!
У васъ весной присуха есть,
Сильнѣй присухъ нашоптанныхъ. .

87.

Лѣсъ.

(Посвящено памяти А. С. Пушкина).

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?

Что Бова-силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою, —

Ты стоишь-поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ —
И развѣялъ въ прахъ.

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь — поникъ —
И не ратуешь.

Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было,
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...

У тебя ль, было,
Дни — роскошество,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ;

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ.

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
„Вороти назадъ!
„Держи около!"

Закружитъ она,
Разыграется...
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ...

Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою, —
И несетъ свои
Тучи за море.

Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился...

Одичалъ, замолкъ...
Только, въ непогодь,
Воешь жалобу
На безвременье...

Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули.

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломенкой...

88.

„У р а“.

Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Ѣдетъ бѣлый русскій царь
Православный государь

Вдоль по царству-государству...
Русь шумитъ ему: „ура!“

Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Свѣтъ-царица въ путь идетъ —
Лаской жаловать народъ...
Ей навстрѣчу, на дорогу,
Русь валитъ, шумитъ: „ура!“

Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Князь наслѣдный, сынъ царя,
Дня румяная заря,
Ѣдетъ Русь святую видѣть...
Русь кипитъ, шумитъ: „ура!“

Мысль народа, звукъ души,
Всероссiйское „ура“!
Ты — во всемъ царю отвѣтъ;
Лучшей пѣсни въ мiрѣ нѣтъ.
Исполинъ царю послушный
Все сомкнулъ въ своемъ „ура“.

Это — пылъ любви живой,
Сильной, вѣчной и святой
Къ коронованнымъ главамъ;
Это — страхъ, гроза врагамъ;
Это — посвистъ богатырскiй —
Вотъ что русское „ура“!

89.

Первая пѣсня
Лихача Кудрявича.

Съ радости-веселья
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Они не сѣкутся.

Ихъ не гребень чешетъ —
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольцы
Молодецка удаль.

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.

Чего душа хочетъ,—
Изъ земли родится;
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.

Что́ шутя задумалъ,—
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями,—
Въ одинъ мигъ поспѣло.

Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
И что́ худо,—смотришь,
По водѣ поплыло!

Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело, на бѣломъ,
Съ черными бровями!

Во-время, да въ пору,
Медомъ рѣчи льются;
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.

Про тѣ рѣчи-пѣсни
Дѣвушки всѣ знаютъ, —
И о кудряхъ зиму
Ночь не спятъ, гадаютъ.

Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется!
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается!

Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой!
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, браво!

90.

Вторая пѣсня
Лихача Кудрявича.

Въ золотое время
Хмѣлемъ кудри вьются;
Съ горести-печали
Русыя сѣкутся.

Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота;
Полюбитъ забота,—
Не чешетъ и гребень!

Не родись въ сорочкѣ,
Не родись таланливъ:
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ.

Вѣкъ прожить — не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что́ тучу —
Не уноситъ вѣтромъ.

Зла бѣда — не буря —
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору.

Отъ ея напасти
Не уйти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ;

Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ,

Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ...

И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивое:
Все—изъ-рукъ-вонъ плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.

То—скосило градомъ,
То—сняло пожаромъ...
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ...

Къ старикамъ на сходку
Выйти приневолятъ:
Старые лаптишки
Безъ онучь обуешь;

Кафтанишка рваной
Нá плечи натянешь;
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь...

Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи...
Пусть не видятъ люди
Прожитова счастья.

91.

Горькая доля.

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла,
Волной въ непогоду
Радость прошумѣла.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
Съ тѣломъ износилась:

От҃ кручины-думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Что́ любилъ, какъ душу —
И то измѣнило.

Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо знобитъ,
Солнце — сожигаетъ.

До поры, до время
Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечъ долой свалился!

Безъ любви, безъ счастья
По міру скитаюсь:
Розойдусь съ бѣдою —
Съ горемъ повстрѣчаюсь!

На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ:
Подъ горой теперь
Онъ лежитъ — гніетъ…

4 августа 1837 г.

92.

Два прощанія.

„Такъ ты, моя
Красавица,
Лишилась вдругъ
Двухъ мо̀лодцовъ.
Скажи же мнѣ,
Какъ съ первымъ ты
Разсталася,
Прощалася?"

— Разсталась съ нимъ
Я весело;
Прощалася —
Смѣялася. . .

А онъ ко мнѣ,
Бѣдняжечка,
Припалъ на грудь
Головушкой;
И долго такъ
Лежалъ, молчалъ;
Смочилъ платокъ
Горючими . . .
Ну — Богъ съ тобой!
Промолвилъ мнѣ.
Схватилъ коня,
Поѣхалъ въ путь,
Въ чужихъ краяхъ
Коро́тать вѣкъ. —

„И ты надъ нимъ
Смѣялася?
Его слезамъ
Не вѣрила?
Скажи жъ теперь,
Мудреная,
Какъ ты съ другимъ
Прощалася?“

— Другой не то. . .
Не плакалъ онъ,
А и теперь
Все плачу я.
Ахъ, обнялъ онъ
Такъ холодно;
Такъ сухо рѣчь
Повелъ со мной:

Я ѣду — вишь —
Не надолго;
Еще съ тобой
Увидимся,
И въ-волюшку
Наплачемся.
По сердцу ли
Такой привѣтъ?

Махнулъ рукой,
Не кланяясь,
Въ мое лицо
Не смотрючи,
Пустилъ коня —
И былъ таковъ! —

„Кто жъ памятнѣй
Останется
Душѣ твоей,
Красавица?“

— Мнѣ перваго,
Конечно, жаль;
Люблю же я
Послѣдняго. —

18 сентября 1837 г.

93.

Вопросъ.

(Дума).

Какъ ты можешь
Кликнуть солнцу:
Слушай, солнце!
Стань, ни съ мѣста!
Чтобъ ты въ небѣ
Не ходило,
Чтобъ на землю
Не свѣтило!

Стань на берегъ,
Глянь на море:
Чтó ты можешь
Сдѣлать морю,
Чтобъ вода въ немъ
Охладѣла,
Чтобы камнемъ
Затвердѣла?

Какой силой
Богатырской
Шаръ вселенной
Остановишь,
Чтобъ не шелъ онъ,
Не кружился?

Какъ же быть мнѣ
Въ этомъ мірѣ,
При движеньи —
Безъ желанья?
Чтó жъ мнѣ дѣлать
Съ буйной волей,
Съ грѣшной мыслью,
Съ пылкой страстью?

Въ эту глыбу
Земляную
Сила неба
Жизнь вложила,
И живетъ въ ней,
Какъ царица!
Съ колыбели —
До могилы,
Духъ съ землею
Ведутъ брани:
Земь не хочетъ
Быть рабою, —
И нѣтъ мочи
Скинуть бремя;
Духу жъ неба
Невозможно
Съ этой глыбой
Породниться...

Много ль время
Пролетѣло?
Много ль время
Есть впереди!
Когда будетъ
Конецъ брани?

За кѣмъ поле?
Богъ ихъ знаетъ!
Въ этой сказкѣ
Цѣль сокрыта;
Въ моемъ толкѣ
Смыслу нѣту,
Чтобъ провидѣть
Дѣла Божьи...

За могилой
Рѣчь безмолвна;
Вѣчной тьмою
Даль одѣта...
Буду ль жить я
Въ безднѣ моря?
Буду ль жить я
Въ дальнемъ небѣ?
Буду ль помнить:
Гдѣ былъ прежде?
Чтó я думалъ
Человѣкомъ?...

Иль за гробомъ
Все забуду,
Смыслъ и память
Потеряю?...
Чтó жъ со мною
Тогда будетъ,
Творецъ міра,
Царь природы?...

20 сентября 1837 г.

94.

Человѣческая мудрость.

(Дума).

Чтó ты значишь въ этомъ мірѣ,
Духъ премудрый человѣка?
Какъ ты можешь кликнуть солнцу:
Слушай, солнце! Стань, ни съ мѣста!

Чтобъ ты въ небѣ не ходило!
Чтобъ на землю не свѣтило!
Выдь на берегъ, глянь на море:
Чтó ты можешь сдѣлать морю,
Чтобъ вода въ немъ охладѣла,
Чтобы камнемъ затвердѣла?
Чѣмъ, какою тайной силой
Шаръ вселенной остановишь,
Чтобъ не шелъ онъ, не кружился?...
Перестрой же всю природу!
Міръ прекрасенъ... Ты не хочешь...
Нѣтъ, премудрый, ты не можешь!
Да, не можешь, рабъ пространства,
Лѣтъ и времени невольникъ.
Будь ты бездна силъ, идей,
Самъ собой наполни небо,
Будь ты *все*, одинъ и всюду,
Будь ты Богъ, — и слово — дѣло!..
Но когда ужъ это *Все*,
Безконечно и одно,
Есть предъ нами въ ризѣ свѣта, —
То другой ужъ власти нѣтъ...
Все, чтó есть, — все это Божье;
И премудрость наша — Божья.

95.

Двѣ жизни.

(Дума).

Двѣ жизни въ мірѣ есть:
Одна свѣтла, горитъ она, какъ солнце;
Въ ея очахъ небесный тихій день;
Въ сіяніи — святая мысль и чувство;
Ея живая сила такъ роскошно
Звучитъ свободной и разумной рѣчью.
И это — жизнь земнова духа:
Долга она — какъ Божья вѣчность...

Другая жизнь темна:
Въ ея очахъ — земная грусть и ночь;
И спитъ она сномъ крѣпкимъ и мятежнымъ,
Таится мысль въ ея цвѣтистыхъ формахъ,
Но не звучитъ свободной рѣчью;
Наклоннѣе во тьмѣ она къ молчанью.
И это — жизнь земнова праха:
Кратка она, какъ блескъ звѣзды падучей...

96.

Царство мысли.

(Дума).

Горитъ огнемъ и вѣчной мыслью солнце;
Осѣнены все той же тайной думой,
Блистаютъ звѣзды въ безпредѣльномъ небѣ;
И одинокой, молчаливый мѣсяцъ
Глядитъ на нашу землю свѣтлымъ окомъ.
Во тьмѣ ночи возникаетъ мысль созданья;
Во свѣтѣ дня она уже одѣта,
И крѣпнетъ въ вѣяньи живой прохлады,
И спѣетъ въ нѣгѣ теплоты и зноя.
Повсюду мысль одна — одна идея,
Она живетъ и въ пеплѣ и пожарѣ;
Она и тамъ — въ огнѣ, въ раскатахъ грома;
Въ сокрытой тьмѣ бездонной глубины;
И тамъ, въ безмолвіи лѣсовъ дремучихъ;
Въ прозрачномъ и пловучемъ царствѣ водъ глубокихъ,
Въ ихъ зеркалѣ, и въ шумной битвѣ волнъ;
И въ тишинѣ безмолвнаго кладбища;
На высяхъ горъ безлюдныхъ и пустынныхъ;
Въ печальномъ завываньи бурь и вѣтра;
Въ глубокомъ снѣ недвижимаго камня;
Въ дыханіи былинки молчаливой;
Въ полетѣ къ облаку орлиныхъ крылій;
Въ судьбѣ народовъ, царствъ, ума и чувства, всюду —
Она одна — царица бытія!

1838 г.

97.

Измѣна суженой.

Жарко въ небѣ солнце лѣтнее,
Да не грѣетъ меня молодца!
Сердце замерло отъ холода,
Отъ измѣны моей суженой.

Пала грусть-тоска тяжолая
На кручинную головушку;
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.

Я пошелъ къ людямъ за помочью, —
Люди съ смѣхомъ отвернулися;
На могилу къ отцу, матери, —
Не встаютъ они на голосъ мой.

Замутился свѣтъ въ глазахъ моихъ,
Я упалъ въ траву безъ памяти.....
Въ ночь глухую, буря страшная
На могилѣ подняла меня...

Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ;
Безъ дороги въ путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться....

20 генваря 1838 г.
Москва.

98.

Къ милой.

Давно разстались мы съ тобою.
Быть можетъ, ты теперь не та;
Быть можетъ, ужъ другой
Тебя отъ сладкаго забвенья
Для новой жизни пробудилъ,
И въ тѣхъ же снахъ, другія сновидѣнья,
Роскошнѣе моихъ, твою лелѣютъ душу.

Хорошъ ли онъ? Вполнѣ ли замѣнилъ
Огонь любви моей могучей,
И силу страстнаго лобзанья,
И наслажденья безъ конца?
Что, если онъ, своею волей,
Сумѣлъ любовь пересоздать,
И на разрушенныхъ обломкахъ
Построилъ міръ другой —
Подобье дня подъ небесами?
И въ этотъ міръ, волшебной силой,
Прелестныя мечты безъ образовъ собралъ,
Кругомъ тебя разсыпалъ,
Преобразилъ въ живыя лица,
Святой любовью озарилъ,
И власть тебѣ онъ далъ
Ихъ безконечно ощущать?...
Ахъ, если такъ, то ты счастлива!
Среди духовъ небесныхъ,
Нѣтъ духа счастливѣй тебя!...
Что жъ я? — ненужное созданье?
Приди ко мнѣ, моя богиня,
Во время сна, въ покровахъ ночи,
Возьми къ себѣ въ его прекрасный міръ
И съ нимъ въ одно созданье слей!

1 февраля 1838 г.
Москва.

99.

Пѣсня.

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилова —
Мужа старова?

Небось весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія!

Небось весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье-бытье
Горемышное!

Небось сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На великой день;

Отъ дружка дары
Принесу съ собой:
На лицѣ — печаль,
На душѣ — тоску!

Поздно, родные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть изъ-за моря
Корабли плывутъ,
Пущай золото
На полъ сыпится:

Не расти травѣ
Послѣ осени;
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу!

5 апрѣля 1838 г.
Москва.

100.

Послѣдній поцалуй

Обойми, поцалуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ, поскорѣй,
Поцалуй горячѣй.
Что печально глядишь?
Чтó на сердцѣ таишь?

Не тоскуй, не горюй,
Изъ очей слезъ не лей;
Мнѣ не надобно ихъ,
Мнѣ не нужно тоски...

На полгода всего
Мы разстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутомъ берегу:
Тамъ отецъ мой живетъ,
Тамъ родимая мать
Сына въ гости зоветъ;
Я поѣду къ отцу,
Поклонюся родной —
И согласье возьму
Обвѣнчаться съ тобой.

Мучитъ душу мою
Твой печальный уборъ:
Для чего ты въ него
Нарядила себя?
Разрядись, уберись
Въ свой нарядъ голубой,
И на плечи накинь
Шаль съ каймой расписной;
Пусть пылаетъ лицо,
Какъ поутру заря,
Пусть сіяетъ любовь
На устахъ у тебя!
Какъ мнѣ мило теперь
Любоваться тобой!
Какъ весна, хороша
Ты, невѣста моя!
Обойми жъ, поцалуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ — поскорѣй,
Поцалуй горячѣй!

12 апрѣля 1838 г.
Москва.

101.

Деревенская бѣда.

На селѣ своемъ жилъ молодецъ,
Ничего не зналъ, не вѣдывалъ,
Со друзьями гулялъ, бражничалъ,
По всему селу роскошничалъ.

Въ день воскресный, съ утра до ночи,
Въ хороводѣ пѣсни игрывалъ;
Вмѣстѣ съ дѣвицей-красавицей
Пляски новыя выдумывалъ.

Полюбилъ я эту дѣвушку:
Что душою — больше разумомъ,
Больше поступью павлиною,
Да что рѣчью соловьиною...

Какъ бывало, лѣтомъ, съ улицы,
Мы пойдемъ съ ней рука-объ-руку:
До двора ея богатова,
До крыльца ея высокова.

Да какъ гляну, противъ зорюшки,
На ея глаза — бровь черную;
На ея лицо — грудь бѣлую,
Всю монистами покрытую, —

Аль ни потъ съ лица посыпится;
Аль ни въ грудь душа застукаетъ;
Мѣсяцъ въ облака закроется,
Звѣзды мелкія попрячутся....

Такъ, за полночь съ нею сидючи,
По душѣ мы рѣчь затѣяли:
Поцалуями помолвились,
Другъ за другомъ быть условились.

На погибель мою, староста
За сынка впередъ посватался;
И его казна несмѣтная
Повернула все по-своему.

Тошно, грустно было на сердцѣ,
Какъ изъ церкви мою милую,

При народѣ, взялъ онъ за руку,
Съ похвальбою поклонился мнѣ.

Тошно, грустно было на сердцѣ,
Какъ онъ съ нею, вдоль по улицѣ,
Что есть духу поскакалъ — злодѣй! —
Къ своему двору широкому.

Я стоялъ, глядѣлъ, задумался;
Снявши шапку — хватилъ объ землю.
И пошелъ-себѣ загуменьемъ —
Подъ его окошки красныя.

Тамъ огни горятъ; тамъ дѣвушки
Поютъ пѣсни, тамъ товарищи
Пьютъ, играютъ, забавляются,
Съ молодыми всѣ цалуются.

Вотъ приходитъ полночь мертвая;
Разошлися гости пьяные,
Добры молодцы разъѣхались,
И ворота затворилися....

Въ эту пору, для пріятеля,
Заварилъ я брагу хмѣльную,
Заигралъ я свадьбу новую,
Что бесѣду небывалую:

Аль ни дымъ пошелъ подъ облаки,
Аль ни пламя закрутилося;
По сосѣдамъ — черезъ улицу —
На мою избушку бросилось.

Гдѣ стоялъ его богатый домъ,
Гдѣ была избушка бѣдная:
Утромъ все съ землей сравнялося —
Только уголья чернѣлися...

Съ той поры я съ горемъ-нуждою
По чужимъ угламъ скитаюся,
За дневной кусокъ работаю,
Кровнымъ потомъ умываюся...

1838 г., мая 14 дня, полночь.
Москва.

1838 г. 102.

Примиреніе.

На пиръ сердечныхъ наслажденій,
На свѣтлый пиръ любви младой,
Съ судьбою грозной злые люди
Напали буйною толпой.
И я, въ безумномъ изступленьи,
Изъ міра дѣвственной любви,
Къ моимъ врагамъ на праздникъ шумный,
Съ челомъ открытымъ гордо вышелъ,
На злобу — злобой ополчился;
И на бѣду — съ бѣдой пошелъ;
Противъ людей я грудью сталъ,
На смертный бой судьбу я вызвалъ!
И гдѣ жъ она?... Гдѣ злые люди?...
Гдѣ сила ихъ, оружье, власть?...
Ихъ зло на нихъ же обратилось;
И все кругомъ меня безмолвно
Въ одно мгновенье покорилось;
А я стоялъ, глядѣлъ на небо, —
И улыбнулось небо мнѣ...
Не небо — нѣтъ! Ея прекрасный,
Привѣтный взоръ я встрѣтилъ тамъ...

Теперь, лукавый соблазнитель,
Ты, демонъ гибнущей души,
Оставь меня. Ни прелестью порока,
Ни буйной страстью грѣшныхъ наслажденій
Не увлечешь меня ты больше;
Не для тебя — для ней одной
Я жизнью пламенной живу.
И вотъ ужъ нѣтъ пространства между нами;
И вотъ ужъ нѣтъ въ пространствѣ пустоты;
Она и я — различные два міра —
Въ одну гармонію слились,
Одною жизнію живемъ!
Но что за грустныя сомнѣнья
Порой еще мою волнуютъ грудь?
Ужель, души моей надежды,

Есть за могилой вамъ конецъ?
Ужель всѣ истины на свѣтѣ —
Одна лишь выдумка ума?
Ужель и ты, святая вѣра чувствъ,
Людскихъ страстей пустая тѣнь?...
Нѣтъ, нѣтъ! не для того на небѣ солнце ходитъ,
Чтобъ бѣлый день покрылся тьмой...

20 мая 1838 г.
Москва.

103.

Міръ музыки.

Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни
Гармонической волной;
По душѣ волшебной ходятъ
И проходятъ съ быстротой.

Полечу я вслѣдъ за ними;
Погружуся въ нихъ душой;
Въ очарованномъ забвеньи
Позабуду міръ земной.

Сколько звуковъ, сколько пѣсень
Раздалося вновь во мнѣ!
Сколько образовъ чудесныхъ
Оживилось въ вышинѣ!

Между нихъ, она, младая,
Заблистала красотой!
Чистой пламенной любовью
Озарился міръ земной...

Улетайте жъ въ небо, звуки,
Сокрывайтеся вдали!
Здѣсь я съ нею, здѣсь я счастливъ —
Любо жить мнѣ на земли.

20 мая 1838 г.
Москва, вечеръ музыкальный у Боткина.

104.

Пѣсня.

Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ,
Травку колыхаетъ,
Путь, мою дорогу
Пылью покрываетъ.

Выходи жъ ты, туча,
Съ страшною грозою,
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой темнотою.

Молодецъ удалой
Соловьемъ засвищетъ —
Безъ пути, безъ свѣта,
Свою долю сыщетъ.

Что̀ ему дорога,
Тучи громовыя,
Какъ придутъ по сердцу
Очи голубыя!

Что̀ ему на свѣтѣ
Доля нелюдская,
Когда его любитъ
Она, молодая!

1838 г., іюня 10, утро 12 часовъ.
Москва.

105.

Послѣдняя борьба.

Надо мною буря выла,
Громъ по небу грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.

Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ — силу, въ сердцѣ — жаръ!

Чтó погибель! чтó спасенье!
Будь, чтó будетъ — все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно!

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна!
Безконечно въ ней стремленье!...
Въ ней покой и тишина...

Не грози жъ ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой:
Готовъ биться я съ тобою:
Но не сладишь ты со мной!

У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь,
Подъ крестомъ — моя могила;
На крестѣ — моя любовь!

20 сентября 1838 г.

106.

Пѣсня разбойника.

Памяти друга, А. П. Сребрянскаго).

Не страшна мнѣ, добру молодцу,
Волга-матушка широкая,
Лѣса темные, дремучіе,
Вьюги зимнія, крещенскія...

Ужъ какъ было: по темнымъ лѣсамъ,
Пировалъ я зимы круглыя;
По чужимъ краямъ, на свой таланъ,
Погулялъ я, поохотился.

А по Волгѣ, моей матушкѣ,
По родимой, по кормилицѣ,
Вмѣстѣ съ братьями, за дóбычью
На край свѣта леталъ соколомъ.

Но не Волга, лѣса темные,
Вьюги зимнія — крещенскія,

Погубили мою голову,
Сокрушили мочь желѣзную...

Въ некрещеномъ, славномъ городѣ,
На крутомъ, высокомъ островѣ,
Живетъ дѣвушка-красавица,
Дочка гостя новгородскова...

Она, въ теремѣ, что зорюшка,
Подъ окномъ сидитъ раствореннымъ:
Поетъ пѣсни задушевныя,
Наши братскія-отцовскія.

„Ахъ, душа ль, моя ты душенька!
„Что сидишь ты! Чт҃о ты думаешь?
„Али рѣчь моя не по сердцу?
„Али батюшка спесивится?..

„Не сиди, не плачь; ты кинь отца;
„Ты бѣги ко мнѣ изъ терема;
„Мы съ тобою, птицы вольныя,
„Жить поѣдемъ въ Москву красную“.

Отвѣчаетъ ему дѣвица:
„За любовь твою, мой милой другъ,
„Рада кинуть отца съ матерью;
„Но боюсь суда я страшнова!“

Забушуй же, непогодушка,
Разгуляйся, Волга-матушка!
Ты возьми мою кручинушку,
Размечи волной по бережку...

15 октября 1838 г.

107.

Бѣдный призракъ.

Убилъ я жизнь, искавши счастья,
Сгубилъ себя — а счастья нѣтъ;
Пойду къ друзьямъ на пиръ старинный,
И заживу я съ ними вновь.

„Противъ меня возстали люди;
„Судьба караетъ день и ночь;
„На свѣтѣ жить несносно, горько;
„Страдальцу дайте отдохнуть".

Отвѣта нѣтъ. Друзья-счастливцы
На бѣдность холодно глядятъ;
Со мною встрѣчи избѣгаютъ;
И „нѣту дома" говорятъ.

Какъ-будто я недобрый гость,
Пришелъ богатство ихъ присвоить;
Печалью радость отравить;
Свое имъ горе навязать?

И вотъ дожилъ на старость лѣтъ,
Что не съ кѣмъ слова перемолвить;
Сердечной скуки раздѣлить,
Кому бъ „ночь добрую" сказать.

О, ночь! приди хоть ты... Но съ этой мыслью,
Вся повѣсть прежнихъ дней
Изъ глубины души выходитъ
И тѣнью страшною стоитъ.

И грустно мнѣ смотрѣть
Весной на лугъ зеленый,
На плодъ любимыхъ яблонь
И на пожатый колосъ нивъ...

20 октября 1838 г.

108.

Бѣгство.

Ужъ какъ гляну я на поле:
Поле чистое дрогнетъ,
Нагуститъ свои туманы,
Въ нихъ одѣнется на ночь.

Я изъ поля въ лѣсъ дремучій:
Лѣшій по лѣсу шумитъ,
Про любовь свою къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говоритъ.

1838 г.

Крикну лѣсу, топну въ берегъ, —
Лѣшій за горы уйдетъ;
Съ тихимъ трепетомъ русалка
Въ берегахъ своихъ уснетъ.

Я чрезъ рѣчку, огородомъ,
Всю слободку обойду,
Съ темной полночью глухою
Къ дому барскому приду.

Свистну... въ теремѣ высокомъ
Вмигъ растворится окно;
Подъ окномъ душа-дѣвица
Дожидается давно.

„Скучно въ теремѣ весною,
„Одинокой горевать;
„То ли дѣло, на просторѣ,
„Друга къ сердцу прижимать!“

Поднимайся, туча-буря
Съ полуночною грозой!
Зашатайся, лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой, —

Чтобъ погони злой бояринъ
Вслѣдъ за нами не послалъ;
Чтобъ я съ милою до свѣта
На Украйну прискакалъ.

Тамъ всего у насъ довольно;
Будетъ гдѣ намъ отдохнуть.
Отъ боярина сокроютъ;
Хату славную дадутъ.

Будемъ жить съ тобой по-пански...
Эти люди — намъ друзья;
Чтó душѣ твоей угодно,
Все добуду съ ними я!

Будутъ платья дорогія,
Ожерелья съ жемчугомъ!
Наряжайся, одѣвайся
Хоть парчою съ серебромъ!

13 декабря 1838 г.

109.

Товарищу.

Что ты ходишь съ нуждой,
По чужимъ по людямъ;
Вѣруй силамъ души,
Да могучимъ плечамъ.

На заботы жъ свои
Чуть заря поднимись,
И одинъ во весь день,
Что есть мочи, трудись.

Неудачи, бѣда? —
Съ грустью дома сиди;
А съ зарею опять
Къ новымъ нуждамъ иди.

И такъ бейся, пока
Случай счастье найдетъ,
И на славу твою,
Жить съ тобою начнетъ.

Та же сила тогда
Другой голосъ возьметъ,
И чудно, и смѣшно,
Всѣхъ къ тебѣ прикуетъ.

И тѣ жъ люди-враги,
Что чуждались тебя,
Богъ ужъ вѣдаетъ какъ,
Назовутся въ друзья.

Ты не сердись на нихъ;
Но спокойно, въ тиши,
Жизнь горою пируй,
По желаньямъ души.



110.

Я дома.

Опять въ глуши, опять досугъ
Страдать и тѣломъ и душою,
И одиночества недугъ
Кормить привязчивой тоскою.
Охъ, этотъ кормъ! Какъ горекъ онъ!
Съ него душа не пополнѣетъ,
Не вспыхнетъ кровь, а смертный сонъ
Скорѣй крыломъ на жизнь повѣетъ!
Но я, въ укоръ моей судьбѣ,
Судьбѣ, враждующей со мною,
Томясь, съ злосчастіемъ въ борьбѣ,
Не отравленъ еще тоскою.
Еще я вѣрю, что минетъ
Година горькихъ испытаній,
И снова солнышко взойдетъ
И сгонитъ съ сердца мглу страданій!
Чтò нужды, если срокъ уйдетъ, —
Жизнь на закатѣ разсвѣтлѣетъ;
Насъ въ полдень солнце очень жжетъ,
А подъ вечеръ отрадно грѣетъ.

5 генваря 1839 г.

111.

Предъ образомъ Спаситепя.

Предъ Тобою, мой Богъ,
Я свѣчу погасилъ,
Премудрую книгу
Предъ Тобою закрылъ.

Твой небесный огонь
Негасимо горитъ;
Безконечный Твой міръ
Предъ очами раскрытъ;

Я съ любовью къ Тебѣ
Погружаюся въ немъ;
Со слезами стою
Передъ свѣтлымъ лицомъ.

И напрасно весь міръ
На Тебя возставалъ,
И напрасно на смерть
Онъ Тебя осуждалъ:

На крестѣ, подъ вѣнцомъ,
И спокоенъ, и тихъ
До конца Ты молилъ
За злодѣевъ своихъ.

20 февраля 1839 г.

112.

Путь.

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ;
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать ни ходить...

Кто же держитъ меня?
И чтó кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до сихъ поръ
Не стремлюся я вдаль?

Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась!

По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!

Много слугъ и казны
Подъ замками лежитъ;
И лихой-вороной
Ужъ осѣдланъ стоитъ.

посвящено [illegible] 1
и [illegible] Владиславлеву

Дума
предъ образомъ Спасителя.

Предъ тобою, мой Боже,
и свѣчу погасилъ,
и мудрую книгу —
предъ тобою закрылъ.

Твой небесный огонь,
неугасимо горитъ;
безконечный твой міръ
предъ очами раскрытъ;

И съ любовью къ тебѣ,
погружаюся въ немъ;
со слезами стою,
предъ свѣтлымъ лицомъ!

и напрасно весь міръ
на тебя возставалъ;
и напрасно на смерть
онъ тебя осуждалъ;

На крестѣ, подъ вѣнцомъ,
и спокоенъ, и тихъ,
до конца ты молилъ
за злодѣевъ своихъ!

1839
Февраля 20.

Да на путь — по душѣ —
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ,
Чтобъ въ чужой сторонѣ,
На людей поглядѣть;

Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;

И чтобъ съ горемъ, въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель итти —
Пѣсни пѣть соловьемъ!

10 марта 1839 г.

113.

Пѣсня.

Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ, завываетъ;
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ.

Горемышной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:
До сѣдыхъ волосъ любовью
Душа не согрѣта.

Нѣту силъ; усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,
А на свѣтъ посмотришь:
Жалко съ нимъ проститься!

Доля жъ, моя доля!
Гдѣ ты запропала?
До поры, до время,
Въ воду камнемъ пала?

Поднимись — что силы,
Размахни крылами:

Можетъ, наша радость
Живетъ за горами.

Если нѣтъ, у моря
Сядемъ, да дождемся;
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся!

5 августа 1839 г.

114.

Тоска по волѣ.

Загрустила, запечалилась
Моя буйная головушка;
Ясны очи соколиныя
Не хотятъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ.

Тяжело жить дома съ бѣдностью;
Даромъ хлѣбъ сбирать подъ окнами;
Тяжелѣй того въ чужихъ людяхъ
Быть въ неволѣ, въ одиночествѣ.

Дни проходятъ здѣсь безъ солнышка;
Ночи темныя — безъ мѣсяца;
Бури страшныя, громовыя,
Удалой души не радуютъ.

Гдѣ жъ друзья мои — товарищи?
Куда дѣлись? разлетѣлися?
Иль не хочутъ дать мнѣ помочи?
Или голосъ мой разноситъ вѣтръ?

Знать, забыли время прежнее,
Какъ, бывало, въ полночь мертвую,
Крикну, свистну имъ изъ-за лѣса:
Аль ни темный лѣсъ шелóхнется...

И они, мои товарищи,
Соколья, орлы могучіе,
Всѣ въ одинъ кругъ собираются,
Погулять ночь, пороскошничать.

А теперь, какъ крылья быстрыя
Судьба злая мнѣ подрѣзала,
И друзья, мои товарищи
Одново меня всѣ кинули...

Гой ты, сила пододонная!
Отъ тебя я службы требую —
Дай мнѣ волю, волю прежнюю,
А душой тебѣ я кланяюсь...

2 сентября 1839 г.

115.

Хуторокъ.

За рѣкой, на горѣ,
Лѣсъ зеленый шумитъ;
Подъ горой, за рѣкой,
Хуторочекъ стоитъ.

Въ томъ лѣсу соловей
Громко пѣсни поетъ;
Молодая вдова
Въ хуторочкѣ живетъ.

Въ эту ночь-полуночь
Удалой молодецъ
Хотѣлъ быть, навѣстить
Молодую вдову...

На рѣкѣ рыболовъ
Поздно рыбу ловилъ.
Погулять, ночевать
Въ хуторочекъ приплылъ.

„Рыболовъ мой, душа!
„Не ночуй у меня:
„Свекоръ дома сидитъ, —
„Онъ не любитъ тебя...

„Не сердися, плыви,
„Въ свой рыбачій курень;

„Завтра жъ, другъ мой, съ тобой,
„Гулять рада весь день“.

— „Сильный вѣтеръ подулъ...
„А ночь будетъ темна!...
„Лучше, здѣсь, на рѣкѣ,
„Я просплю до утра“.

Опознился купецъ
На дорогѣ большой;
Онъ свернулъ ночевать
Ко вдовѣ молодой.

„Милый купчикъ-душа!
„Чѣмъ тебя мнѣ принять...
„Не топила избы,
„Нѣту сѣна, овса.

„Лучше къ куму въ село
„Поскорѣе ступай;
„Только завтра, смотри,
„Погостить заѣзжай!“

— „До села далеко;
„Конь усталъ мой совсѣмъ;
„Есть свой кормъ у меня, —
„Не печалься о немъ.

— „Я вчера въ городкѣ
„Долго былъ — все купилъ;
„Вотъ подарокъ тебѣ,
„Что́ давно посулилъ“. —

„Не хочу я его!...
„Боль головушку всю
„Разломила на смерть;
„Ступай къ куму въ село“.

— „Эта боль — пустяки!...
„Средство есть у меня:
„Слова два — заживетъ
„Въ-мигъ головка твоя“. —

Засвѣтился огонь,
Закурилась изба;

Для гостей дорогихъ
Столъ готовитъ вдова.

За столомъ, съ рыбакомъ,
Ужъ гуляетъ купецъ...
(А въ окошко глядитъ
Удалой молодецъ)...

„Ты, рыбакъ, пей вино!
„Мнѣ съ сестрой наливай!
„Если мастеръ плясать:
„Пѣть мы пѣсни давай!

„Я съ людями люблю
„По-пріятельски жить;
„Ваше дѣло — поймать,
„Наше дѣло — купить....

„Такъ со мною, прошу,
„Безъ чиновъ — по рукамъ;
„Одну басню твержу
„Я всѣмъ добрымъ людямъ:

„Горе есть — не горюй,
„Дѣло есть — работай;
„А подъ случай попалъ, —
„На здоровье гуляй!“

И пошелъ съ рыбакомъ
Купецъ пѣсни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпѣлъ удалой,
Загорѣлась душа!
И — какъ глазомъ моргнуть —
Растворилась изба....

И съ тѣхъ поръ, въ хуторкѣ,
Никого не живетъ;
Лишь одинъ соловей
Громко пѣсни поетъ....

5 сентября 1839 г.

116.

Къ ★ ★ ★.

Ты въ путь иной отправилась одна,
И для преступныхъ наслажденій,
Для сладострастья безъ любви,
Другихъ любимцевъ избрала...
Ну, что жъ — далеко ль этотъ путь пройденъ?
Какія впечатлѣнья
Въ твоей душѣ оставилъ онъ?
Изъ всей толпы избранниковъ твоихъ
Съ тобой остался ль хоть одинъ,
И для спасенья твоего
Готовъ ли жертвовать собой?
Гдѣ жъ онъ? Дай мнѣ его обнять,
Обоихъ васъ благословить
На безконечный жизни путь!
Но ты одна; — надъ страшной бездной,
Одна, несчастная, стоишь!
Въ безумномъ изступленьи
Враговъ на помощь ты зовешь,
И съ безнадежною тоскою
На гибель вѣрную идешь.
Дай руку мнѣ: еще есть время
Тебя отъ гибели спасти....
Какъ холодна твоя рука!
Какъ тяжело намъ проходить
Передъ язвительной толпой!
Но я рѣшился, я пойду,
И до конца тебя не брошу,
И вновь я выведу тебя
Изъ бездны страшнаго грѣха...
И вновь ты будешь у меня
На прежнемъ небѣ ликовать,
И трудный путь судьбы моей
Звѣздою свѣтлой озарять!...

10 сентября 1839 г.

117.

* * *

Не разливай волшебныхъ звуковъ!
Не уноси ты въ свой прекрасный міръ!
Твоя душа — какъ Божій ангелъ!
Вся жизнь твоя — какъ свѣтлый день!

Ты можешь силой дивной пѣсни
Созвать невидимыхъ духовъ:
Они всю прелесть чудной жизни
Въ твоихъ видѣньяхъ разольютъ;

Мятежный міръ въ мечтахъ сокроютъ,
Съ печалью радость съединятъ;
Коснется ль грусть — на душу снидетъ
Всесильной жизни благодать!

А предо мной — лишь прошлыхъ дней
Всѣ образы страстей безумныхъ
Изъ глубины души поднимутъ
Во всей ихъ страшной наготѣ.

И если ты, мой милый другъ,
Не озаришь меня своимъ сіяньемъ,
Не дашь руки, „люблю“ не скажешь,
Со мною вмѣстѣ не пойдешь, —

Тогда погибъ я навсегда!
Тогда, страдалецъ одинокій,
Ни для земли, ни для небесъ
Я не воскресну никогда!

15 сентября 1839 г.

118.

* * *

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работáютъ давно.

1839 г.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Чтó ты былъ? и чтó сталъ?
И чтó есть у тебя?

На гумнѣ — ни снопа;
Въ закромахъ — ни зерна;
На дворѣ, по травѣ —
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ;
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ, и лугамъ,
Золотою рѣкой!

Со двора и гумна,
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углѣ
Было мѣсто твое!

А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ нескошенъ стоитъ.
Вѣтеръ точитъ зерно!
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

25 сентября 1839 г.

119.

Пѣсня.

Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись:
„Не грусти, не плачь ты по-пусту,
„Не печаль лица ты бѣлова,
„Не гаси румянца алова.

„Ты вѣдь знаешь, моя милая,
„Что иду я не охотою:
„Но судьба велитъ, нужда несетъ, —
„Отецъ силой проситъ дома жить.

„Я пойду, скажу: вотъ, батюшка,
„Мой избытокъ весь возьми себѣ;
„Но въ твоемъ дому родительскомъ
„Не жилецъ я, не кормилецъ твой!

„Не держи жъ, пусти, дай волюшку,
„Тамъ опять мнѣ жить, гдѣ хочется,
„Безъ талана гдѣ таланится,
„Молодымъ кудрямъ счастливится“...

Говорилъ такъ другъ, прощаючись,
А въ душѣ его былъ замыселъ:

Не къ отцу итти — въ иномъ селѣ
Замужъ взять вдову богатую...

Ну, Господь съ тобой, мой милый другъ!
Я за твой обманъ не сержуся...
Хоть и женишься — раскаешься,
Ко мнѣ, можетъ быть, воротишься.

2 ноября 1839 г.

120.

Лѣсъ.

(Дума).

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ сокрыты думы?
Ужель въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль?...

Коня скорѣй! Какъ соколъ быстрый,
На немъ весь лѣсъ изъѣзжу я:
Вездѣ глубокій сонъ, шумъ вѣтра,
И дикая краса угрюмо спитъ...

Когда-нибудь его стихія
Рвалася землю всю покрыть,
Но, въ сонъ невольно погрузившись,
Въ одномъ движеніи стоитъ.

Порой, во тьмѣ пустынной ночи,
Былыхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины его выходятъ, —
И на людей наводятъ страхъ.

Съ приходомъ дня, уходятъ тѣни,
Слѣдовъ ихъ нѣтъ; лишь на вершинахъ
Одинъ туманъ, да въ темной грусти
Ночь безразсвѣтная лежитъ...

Какая жъ тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно насъ влечетъ,
Въ забвенье погружаетъ душу
И мысли новыя рождаетъ въ ней?...

Ужели въ насъ духъ вѣчной жизни
Такъ безсознательно живетъ,
Что можетъ лишь въ предѣлахъ смерти
Свое величье сознавать?...

10 ноября 1839 г.

121.

Пѣсня.

Безъ ума, безъ разума
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій
Силой укорóтали.

Для того ли молодость
Соблюдали, нѣжили,
За стекломъ, отъ солнышка,
Красоту лелѣяли, —

Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ
Горевала, плакала,
Безъ любви, безъ радости
Сокрушалась, мучилась?

Говорятъ родимые:
Поживется — слюбится;
И по сердцу выберешь —
Да горчѣе придется.

Хорошо, состарѣвшись,
Разсуждать, совѣтывать,
И съ собою молодость
Безъ расчета сравнивать!

15 ноября 1839 г.

Посланіе.

(В. Г. Бѣлинскому).

Будь человѣкъ, терпи!
Тебѣ даны всѣ силы,
Какими жизнь живетъ
И міръ вселенной движетъ.
Не такъ природа-мать,
Но по закону воли
Свои дары здѣсь раздаетъ
Для царства бытія!
Когда жъ надъ ней есть воля,—
Безъ воли мигъ — и что она?—
Такъ какъ же могутъ люди
Твоей душою управлять?...

Пусть всѣ они возстанутъ,
Противъ тебя пойдутъ,
Въ твою главу ударятъ
Всей силою земной, —
Не пяться, другъ! стой прямо!
Главы предъ ними не склоняй!
Но смѣло въ бой неравный —
На битву Божію ступай!
Не уничтожить имъ
Твоей могучей воли;
Пока въ грудяхъ дыханье —
До тѣхъ поръ бейся съ ними ты...

Громада горъ земля —
Земля песчинка лишь одна;
И океанъ безбрежныхъ водъ —
Что капля утренней росы.
У духа жизни вѣса нѣтъ,
У воли духа нѣтъ границъ,
Вездѣ одна святая сила,
И часть ея есть сила та жъ.
Однимъ лучомъ огонь небесъ
Освѣтитъ тьму, согрѣетъ ледъ,

Но тьма и холодъ въ небѣ
Другова солнца не зажгутъ.

Зачѣмъ же долго медлить?
Другую мочь откуда ждать? —
Когда съ презрѣньемъ люди
Зовутъ тебя на брань,
Ступай во имя Бога,
Воюй за правду, честь,
Умри на полѣ брани;
Но не бѣги съ него назадъ.
И гдѣ война — тамъ дѣло
Великой жизни бытія!
Въ ея борьбѣ — паденье смерти
И новой мысли торжество!

16 ноября 1839 г.



1840 г.

123.

Дума сокола.

(В. П. Боткину).

Долго ль буду я
Сиднемъ дома жить,
Мою молодость
Ни на что губить?

Долго ль буду я
Подъ окномъ сидѣть,
По дорогѣ вдаль
День и ночь глядѣть?

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны?

Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой-мачихой
Самъ-собою жить?

Для чего жъ на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

Иль зачѣмъ она,
Моя милая,
Здѣсь сидитъ со мной,
Слезы льетъ рѣкой;

Отъ меня летитъ,
Пѣсню мнѣ поетъ,
Все рукой манитъ,
Все съ собой зоветъ?

Нѣтъ, ужъ полно мнѣ
Дома вѣкъ сидѣть,
По дорожкѣ вдаль
Изъ окна глядѣть!

Со двора пойду,
Куда путь манитъ,
А жить стану тамъ,
Гдѣ ужъ Богъ велитъ!

15 генваря 1840 г.

124.

Пѣсня.

Свѣтитъ солнышко,—
Да осенью;
Цвѣтутъ цвѣтики —
Да не-въ-пору;

А весной была
Степь желтая,
Тучки плавали
Безъ дождика.

По ночамъ роса
Гдѣ падала,
По утру трава
Тамъ сохнула.

И тѣ пташечки,
Касаточки,
Пѣли грустно такъ
И жалобно, —

Что, ихъ слушая,
Кровь стынула,
По душѣ лилась
Боль смертная.

Такъ прошла моя
Вся молодость, —
Безъ любви-души,
Безъ радости.

12 февраля 1840 г.

125.

Пѣсня.

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полямъ и лугамъ
Не сбираю цвѣтовъ.

Та весна далеко,
Тѣ завяли цвѣты,
Изъ которыхъ мы съ нимъ
Завивали вѣнки!

И тѣхъ нѣтъ ужъ и дней,
Что́ летѣли стрѣлой,
Что́ любовью насъ жгли,
Что́ палили огнемъ!

Все прошло ужъ давно...
Не воротишь назадъ!
Для чего жъ, безъ него,
Цвѣты стану я рвать?

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла...

26 февраля 1840 г.

126.

Вопль страданія.

Напрасно я молю святое Провидѣнье
Отвесть ударъ карающей судьбы,
Укрыть меня отъ бурь мятежной жизни
И облегчить тяжелый жребій мой;

Иль, слабому, ничтожному творенью,
Дать силу мнѣ, терпѣнье, вѣру,
Чтобъ могъ я равнодушно пережить
Земныхъ страстей безумное волненье.

Пощады нѣтъ! Душевную молитву
Разноситъ вѣтръ во тьмѣ пустынной,
И вопли смертнаго страданья
Безъ отзыва въ дали глубокой тонутъ.

Ужель во цвѣтѣ лѣтъ, подъ тяжестью лишеній,
Я долженъ пасть, не насладившись днемъ
Прекрасной жизни, досыта не упившись
Очаровательнымъ дыханіемъ весны?

6 марта 1840 г.

127.

Благодѣтелю моей родины.

(Д. Н. Бѣгичеву).

Есть люди — межъ людей они,
Стоятъ на ступеняхъ высокихъ,
Кругомъ ихъ блескъ, и слава
Далеко свой бросаетъ свѣтъ;
Они жъ, съ ходулей недоступныхъ,

Съ безумной глупостью глядятъ,
Въ страстяхъ, порокахъ утопаютъ,
И глупо такъ проводятъ вѣкъ.
И **люди** мимо ихъ смиренно
Съ лицомъ боязненнымъ проходятъ,
Взглянуть на нихъ боятся,
Колѣна гнутъ, цѣлуютъ платья;
А въ глубинѣ души своей безмолвно
Плюютъ и презираютъ ихъ.

Другіе люди есть: они отъ Бога
Поставлены на тѣхъ же ступеняхъ;
И также блескъ, величье, слава
Кругомъ ихъ свѣтъ бросаютъ свой.
Но люди тѣ — всю жизнь свою
Дѣламъ народа посвятили,
И искренно, для пользы государства,
И день, и ночь работаютъ свой вѣкъ...
Кругомъ же ихъ, съ почтеньемъ **люди**
Колѣна гнутъ, снимаютъ шапки,
Молитвы чистыя творятъ...

О, много разъ — несчастныхъ, бѣдныхъ
Васъ окружала пестрая толпа.
Когда вы всѣмъ, по силѣ-мочи,
Съ любовью помогали имъ,
Тогда, съ благоговѣньемъ тайнымъ,
Любилъ глядѣть я молча,
Какъ чудно благодатнымъ свѣтомъ
Сіяло ваше свѣтлое лицо.

14 марта 1840 г.

128.

Пѣсня.

Такъ и рвется душа
Изъ груди молодой!
Хочетъ воли она,
Проситъ жизни другой!

То ли дѣло — вдвоемъ
Надъ рѣкою сидѣть,
На зеленую степь,
На цвѣточки глядѣть!

То ли дѣло — вдвоемъ
Зимню ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать, —

Поутру, на зарѣ,
Обнимать-провожать,
Вечеркомъ, у воротъ
Его вновь поджидать!

1 апрѣля 1840 г.

129.

Разлука.

На зарѣ туманной юности
Всей душой любилъ я милую:
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ;
На лицѣ горѣлъ любви огонь.

Чтó предъ ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечеръ, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть-тоску!
А при ней васъ — хоть бы не было;
Съ ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мнѣ, какъ въ послѣдній разъ
Я сказалъ ей: „Прости, милая!
Такъ, знать, Богъ велѣлъ — разстанемся,
Но когда-нибудь увидимся“...

Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося, —
И, рыдая, какъ безумная,
На груди моей повиснула.

„Не ходи, постой! дай время мнѣ
Задушить грусть, печаль выплакать;
На тебя, на ясна сокола...“
Занялся духъ — слово замерло...

21 мая 1840 г.

130.

Пѣсня.

Не на радость, не на счастіе,
Знать, съ тобой мы, другъ мой, встрѣтились;
Знать, на горе горемышное,
Такъ сжились мы, такъ слюбилися.

Жилъ одинъ я, въ одиночествѣ:
Холостая жизнь наскучила;
Полюбилъ тебя — безродную:
Полюбивши — весь измучился.

Гдѣ ты, время, гдѣ ты, времечко,
Какъ одно я только думывалъ:
Гдѣ бы, какъ съ тобой увидѣться,
Однимъ словомъ перемолвиться.

Тогда было — иду, ѣду ли,
Ты всегда со мной, съ ума не йдешь;
На грудь полную ручкой бѣлою
Ты во снѣ меня всю ночь зовешь...

А теперь другая думушка
Грызетъ сердце, крушитъ голову:
Какъ въ чужомъ углѣ съ тобой намъ жить,
Какъ свою казну трудомъ нажить?

Но куда умомъ ни кинуся —
Мои мысли врозь расходятся,
Безъ слѣда вдали теряются,
Черной тучей покрываются...

Погубить себя? — не хочется!
Разойтиться? — нѣту волюшки!

Обмануть, своею бѣдностью
Красоту сгубить? — жаль до смерти!

12 іюня 1840 г.
Бобровъ.

131.

Перепутье.

До чего ты, моя молодость,
Довела меня, домыкала,
Что ужъ шагу ступить некуда,
Въ свѣтѣ бѣломъ стало тѣсно мнѣ!

Что жъ теперь съ тобой, удалая,
Пригадаемъ мы, придумаемъ?
Въ чужихъ людяхъ вѣкъ домаять ли?
Сидя дома ли состарѣться?

По людямъ ходить, за море плыть —
Надо кровь опять горячую,
Надо силу, силу прежнюю,
Надо волю безотмѣнную.

А у насъ съ тобой давно ихъ нѣтъ;
Мы, гуляя, — все потратили,
Молодую жизнь, до времени,
Какъ попало — такъ и прожили!

Сидѣть дома, ботѣть, старѣться,
Съ старикомъ-отцомъ вновь ссориться,
Работать, съ женой хозяйничать,
Ребятишкамъ сказки сказывать...

Хоть не такъ оно — не выгодно;
Но, положимъ — дѣлать нечево:
Въ непогоду — не до плаванья,
За большимъ въ нуждѣ не гонятся...

Но вотъ тутъ скажи, какъ придется
По душѣ спросить, по совѣсти:
Кто пойдетъ за насъ? и гдѣ будемъ жить?
Гдѣ избытокъ мой зарытъ лежитъ?...

Куда глянешь — всюду наша степь;
На горахъ — лѣса, сады, дома;
На днѣ моря — груды золота;
Облака идутъ — нарядъ несутъ!...

11 іюля 1840 г.
Бобровъ.

132.

Пѣсня.

Дуютъ вѣтры,
Вѣтры буйные;
Ходятъ тучи,
Тучи темныя.

Не видать въ нихъ
Свѣта бѣлова;
Не видать въ нихъ
Солнца краснова.

Во сырой мглѣ,
За туманами,
Только ночка
Лишь чернѣется...

Въ эту пору,
Непогожую,
Одному жить: —
Сердцу холодно.

Грудь другую
Ему надобно:
Огонь-душу —
Красну дѣвицу!

Съ ней зимою —
Лѣто теплое:
При бездольи —
Горе — не горе!

14 августа 1840 г.

133.

Военная пѣсня.

(Посвящена князю П. А. Вяземскому).

Затрубили трубы бранныя,
Собралася рать могучая,
Стала грудью противъ недруга —
За царя, за кровъ, за родину.

Ты прости теперь, отецъ и мать,
Ты прости теперь, мой милый другъ,
Ты прости теперь, и степь, и лѣсъ,
Дорогая жизнь, весь бѣлый свѣтъ!

Гей, товарищъ мой, желѣзный штыкъ!
Послужи жъ ты мнѣ по-старому:
Какъ служилъ ты при Суворовѣ
Силачу-отцу, дѣду-воину.

Гей, сестра, ты — сабля острая!
Попируемъ мы у недруга,
Погуляемъ, съ нимъ потѣшимся,
Выпьемъ браги бусурманскія!...

Ужъ когда мнѣ, добру молодцу,
Присудилъ Богъ сложить голову, —
Не на землю жъ я сложу ее!
А сложить-сложу — на груду тѣлъ...

Труба бранная, военная!
Что молчишь? Труби, дай волю мнѣ:
Въ груди сердце богатырское
Закипѣло, расходилося!

22 августа 1840 г.

134.

Всякому свой таланъ.

Какъ женился я, раскаялся;
Да ужъ поздно, дѣлать нечево:
Обвѣнчавшись — не разженишься;
Наказалъ Господь, такъ мучайся.

Хоть бы взялъ ее я силою,
Иль обманутъ былъ злой хитростью:
А то волей своей доброю,
Гдѣ задумалъ, тамъ сосватался.

Было кромѣ много дѣвушекъ,
И хорошихъ и таланливыхъ;
Да ни съ чѣмъ взять — видишь, совѣстно
Отъ своей родни — товарищей.

Вотъ и выбралъ, по ихъ разуму,
По обычаю — какъ водится:
И съ роднею, и съ породою,
Именитую — почетную.

И живемъ съ ней, только ссоримся,
Да роднею похваляемся;
Да проживши все добро свое,
Въ долги стали неоплатные...

„Теперь, придетъ время тѣсное:
Чтó намъ дѣлать, жена, надобно?“
— Какъ, скажите, люди добрые,
Научу я мужа глупова? —

„Ахъ, жена моя, боярыня!
Когда умной ты родилася,
Такъ зачѣмъ же мою голову
Ты сгубила, змѣя лютая?

Придетъ время, время грозное,
Кто поможетъ? куда дѣнемся?“
— Самъ прожился мой безумный мужъ,
Да у бабы ума требуетъ. —

28 августа 1840 г.

135.

Дума двѣнадцатая.

Не можетъ быть, чтобы мои идеи
Вліянья не имѣли на природу.

Волненіе страстей, волненіе ума,
Волненье чувствъ въ народѣ —
Все той же проявленье мысли.
Небесный свѣтъ перерождаетъ воздухъ,
Организуетъ и живитъ элементы
И движетъ всѣмъ — по произволу духа.

136.

Пѣсня.

Гдѣ вы, дни мои,
Дни весенніе,
Ночи лѣтнія,
Благодатныя?

Гдѣ ты, жизнь моя,
Радость милая!
Пылкой юности
Заря красная?

Съ какой гордостью
Я смотрѣлъ тогда
На туманную
Даль, волшебную!

Тамъ свѣтился свѣтъ
Голубыхъ очей;
Тамъ мечтамъ моимъ
Конца не было!

Но, среди весны,
Въ цвѣтѣ юности,
Я сгубилъ твою
Душу чистую...

Безъ тебя, одинъ,
Я съ тоской гляжу,
Какъ ночная тьма
Покрываетъ день...

3 декабря 1840 г.
Москва.

отдана Бѣлинскому

П О М И Н К И.

(посвящено памяти Н. В.)
~~Николаю Владимировичу~~ (Станкевичу.)

~~[illegible]~~ рощи
подъ сводомъ широкимъ
роскошныхъ небесъ

подъ тѣнью роскошной
кудрявыхъ березъ,
гуляютъ, пируютъ,
младые друзьѣ!

могучія силы
въ душѣ ихъ кипятъ;
на ~~[illegible]~~ блѣдныхъ ланитахъ,
румянецъ горитъ.

ихъ очи, какъ звѣзды,
по небу, блестятъ,
ихъ думы — какъ тучи;
ихъ рѣчи — горятъ.

давай-те веселье!
давай-те, печаль!
давно ихъ не манитъ,
волшебница даль!

и въ міре, исъ время —
покровы снесть;
загадочной жизни,
пронзить мечты.

Шумная ихъ беседы,
разгульно идетъ;
рискошная младость,
здоровьемъ цвететъ.

но вотъ къ нимъ приходитъ,
неведомый гость —
и молча садится,
какъ темная ночь.

лицо его мрачно;
и взгляды — что ядъ;
и весь на немъ страненъ
печальный нарядъ.

и, лучшему другу,
онъ руку пожалъ;
и глазъ его черный,
огнемъ засверкалъ.

Поэтъ.

(Дума).

Въ душѣ человѣка
Возникаютъ мысли,
Какъ въ дали туманной
Небесныя звѣзды...

Міръ есть тайна Бога,
Богъ есть тайна жизни;
Цѣлая природа —
Въ душѣ человѣка.

Проникнуты чувствомъ,
Согрѣты любовью,
Изъ нея всѣ силы
Въ образахъ выходятъ...

Властелинъ-художникъ
Создаетъ картину —
Великую драму,
Исторію царства.

Въ нихъ духъ вѣчной жизни,
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ
Себя проявляетъ.

И живетъ столѣтья,
Умъ нашъ поражая,
Надъ бездушной смертью
Вѣчно торжествуя.

Дивныя созданья
Мысли всемогущей!
Весь міръ, передъ вами,
Со мной изчезаетъ...

7 декабря 1840 г.
Москва.

138.

Пѣсня.

Много есть у меня
Теремовъ и садовъ,
И раздольныхъ полей,
И дремучихъ лѣсовъ.

Много есть у меня
Деревень и людей,
И знакомыхъ бояръ,
И надежныхъ друзей.

Много есть у меня
Жемчуговъ и мѣховъ,
Драгоцѣнныхъ одеждъ,
Разноцвѣтныхъ ковровъ.

Много есть у меня
Для пировъ — серебра,
Для бесѣдъ — красныхъ словъ,
Для веселья — вина!

Но я знаю, на что́
Травъ волшебныхъ ищу;
Но я знаю, о чемъ
Самъ съ собою грущу...

8 декабря 1840 г.
Москва.

139.

Расчетъ съ жизнію.

(В. Г. Бѣлинскому).

Жизнь! зачѣмъ ты собой
Обольщаешь меня?
Почти вѣкъ я прожилъ,
Никого не любя.

Въ душѣ страсти огонь
Разгарался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ,
Онъ сгорѣлъ и погасъ.

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ, —
И что̀ ждало меня,
Я не видѣлъ за нимъ.

Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма — судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;

Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ;
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ;

Да румянецъ лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела.

Жизнь! зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня?
Если бъ силу Богъ далъ —
Я разбилъ бы тебя!...

9 декабря 1840 г.
Москва.

140.

Грусть дѣвушки.

Отчего, скажи,
Мой любимый серпъ,
Почернѣлъ ты весь —
Что̀ коса моя?

Иль обрызганъ ты,
Въ скукѣ-горести,
По миломъ дружкѣ
Слезой дѣвичьей?

Въ широкихъ степяхъ
Дона тихова,

Зелена трава
Давно скошена;

На селѣ косцы
Давно женятся;
Только нѣтъ его,
Ясна сокола!

Иль онъ бросилъ домъ;
Разлюбилъ меня;
И не придетъ ужъ
Къ своей дѣвицѣ?...

Ахъ, не птица тамъ
Летитъ по небу:
То печальный слухъ
Объ немъ носится...

Не къ добру жъ тоска
Давитъ бѣлу грудь,
Нѣтъ, не къ радости
Плакать хочется.

10 декабря 1840 г.
Москва.

141.

Ночь.

(Князю В. Ѳ. Одоевскому).

Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,
Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою.

А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила,
Сладострастныхъ сновъ
Была ночь полна!

Лишь зеленый садъ
Подъ горой чернѣлъ;

Мрачный образъ къ намъ
Изъ него глядѣлъ.

Улыбаясь, онъ
Зубъ о зубъ стучалъ;
Жгучей искрою
Его глазъ сверкалъ.

Вотъ онъ къ намъ идетъ,
Словно дубъ большой...
И тотъ призракъ былъ —
Ея мужъ лихой...

По костямъ моимъ
Пробѣжалъ морозъ;
Самъ не знаю какъ,
Къ полу я приросъ.

Но лишь только онъ
Рукой за дверь взялъ,
Я схватился съ нимъ, —
И онъ мертвый палъ.

„Что жъ ты, милая,
„Вся, какъ листъ, дрожишь?
„Съ дѣтскимъ ужасомъ
„На него глядишь?

„Ужъ не будетъ онъ
„Караулить насъ;
„Не придетъ теперь
„Въ полуночный часъ!“ ...

— „Ахъ, не то, чтобъ я...
„Умъ мѣшается...
„Все два мужа мнѣ
„Представляются:

„На полу одинъ
„Весь въ крови лежитъ;
„А другой — смотри —
„Вонъ въ саду стоитъ!“ ...

11 декабря 1840 г.

Поминки.

(Памяти Н. В. Станкевича).

Подъ тѣнью роскошной
Кудрявыхъ березъ
Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья!

Могучая сила
Въ душѣ ихъ кипитъ;
На блѣдныхъ ланитахъ
Румянецъ горитъ.

Ихъ очи, какъ звѣзды
По небу, блестятъ;
Ихъ думы — какъ тучи;
Ихъ рѣчи горятъ.

Давайте веселья!
Давайте печаль!
Давно ихъ не манитъ
Волшебница даль!

И съ міра, и съ время
Покровы сняты;
Загадочной жизни
Прожиты мечты.

Шумна ихъ бесѣда,
Разумно идетъ;
Роскошная младость
Здоровьемъ цвѣтетъ.

Но вотъ къ нимъ приходитъ
Невѣдомый гость, —
И молча садится,
Какъ темная ночь.

Лицо его мрачно,
И взгляды — что́ ядъ.
И весь на немъ страненъ
Печальный нарядъ.

И лучшему другу
Онъ руку пожалъ;
И глазъ его черный
Огнемъ засверкалъ.

Вмигъ юноша вздрогнулъ,
И очи закрылъ;
И темныя кудри
На грудь опустилъ.

Прозрачно, какъ мраморъ,
Застыло лицо, —
Уснулъ онъ надолго!
Уснулъ глубоко!...

Подъ тѣнью роскошной
Кудрявыхъ березъ
Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья!

Ихъ такъ же, какъ прежде,
Бесѣда шумна;
Но часто невольно
Печаль въ ней видна.

12 декабря 1840 г.
Москва.



1841 г.

143.

Доля бѣдняка.

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмѣльная —
Не разымчива!

Рѣчи вольныя —
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва...

Изъ души ль, порой,
Радость вырвется,—
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится.

И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится;
Грустью черною
Міръ одѣнется.

И сидишь, глядишь,
Улыбаючись;
А въ душѣ клянешь
Долю горькую!

1 апрѣля 1841 г.
Воронежъ.

144.

Пѣсня.

Ты прости-прощай,
Сыръ-дремучій боръ,
Съ лѣтней волею,
Съ зимней вьюгою!

Одному съ тобой
Надоѣло жить,
Подъ дорогою
До зари ходить!

Поднимусь, пойду
Въ свою хижину,
На житье-бытье,
На домашнее.

Тамъ возьму себѣ
Молоду жену;
И начну съ ней жить —
Припѣваючи...

25 апрѣля 1841 г.

Доля бѣдняка.

У чужихъ людей
~~у чужихъ людей,~~
~~жить въ чужихъ сердцахъ,~~ —
горекъ, бѣлый хлѣбъ,
брага хмѣльная —
не ~~разборчива~~ разлучива.

2 рѣчи вольныя,
~~въ сѣтяхъ~~ какъ связаны,
чувства ~~теплыя~~ жаркія,
мрутъ, безъ отзыва....

3 изъ души, порой,
радость вырвется —
злой насмѣшкою
вмигъ отравится...

4 тутъ
и пойдетъ тутъ, горѣть.
подъ ночами полѣ;
изъ дали въ глаза,
искры счастьица.

4. ~~путь~~ ~~ясный бывый~~

3. И бѣлъ, ясенъ день,
За туманы тьмы;
Грустно черною —
мiръ
~~ночь~~ одѣтъ на тьмы.

6. путь, хоть, съ свѣтомъ, вонъ —
вездѣ
одна бѣдныя страсть:
За тобой идетъ,
на тебя глядитъ.

5 И сидишь, молчишь,
улыбаючись.
просьбы клянешь
а въ душѣ огонь,
думу горькую.
Кровью тѣло жжетъ!
а въ душѣ тебѣ
огонь смертной жжетъ
~~[illegible]~~
да въ душѣ клянешь
думу горькую.

5 И сидишь, глядишь,
улыбаючись;
а въ душѣ, клянешь,
думу горькую...

Москва.
1841.
1 января.
1 апрѣля
Воронежъ
1841.

[illegible]
~~[illegible]~~
[illegible]
сердце [illegible]
5. ~~путь~~ куда ни кинь
всюду бѣдныя страсть
За тобой стоитъ
на тебя глядитъ.

въ душѣ горитъ
что [illegible] горитъ

5 и сидишь молчишь
улыбаючись
а въ душѣ огонь
на ту смерть жжетъ
~~просьбы принимаешь~~
~~думу горькую~~
да клянешь свою
думу горькую.

145.

Пѣсня

Не весна тогда
Жизнью вѣяла,
Не трава въ поляхъ
Зеленѣлася;

Не заря съ небесъ
Красовалася,
Не луна на насъ
Любовалася!

Нѣтъ! подъ холодомъ,
Подъ туманами,
Ты въ объятьяхъ жгла —
Поцалуями!

Ночи темныя,
Ночи бурныя
Шли, какъ облачки,
Мимо солнышка...

Вьюги зимнія,
Вьюги шумныя
Напѣвали намъ
Пѣсни чудныя;

Наводили сны,
Сны волшебные,
Уносили въ край —
Заколдованный!

2 мая 1841 г.

146.

Звѣзда.

Гдѣ бъ ни былъ я, — всегда,
До утренней зари, алмазная звѣзда
Противъ меня стоитъ
И въ очи мнѣ язвительно глядитъ...

При ней когда-то часъ разлуки былъ...
Но я давно ее и часъ тотъ позабылъ!
Одинъ лишь этотъ лучъ неотразимъ, —
И я никакъ не свыкнусь съ нимъ!
Порою онъ приводитъ въ умиленье,
Порой въ восторгъ и изступленье,
Порою въ горькую печаль....
И мнѣ ее, погибшую, все жаль!

5 мая 1841 г.

147.

Пѣсня.

Разступитесь, лѣса темные;
Разойдитесь, рѣки быстрыя;
Запылись ты, путь-дороженька;
Дай мнѣ вѣстку, моя пташечка!

Я рѣкой пойду по бережку,
Полечу горой за облакомъ,
На край свѣта, на край бѣлова —
Искать стану друга милова...

Я найду его, гдѣ бъ ни былъ онъ,
Я скажу ему: „Стыдно, совѣстно,
„Бросить домъ свой, отца старова,
„Да Богъ вѣсть, куда завихриться".

Какъ завьетъ онъ кудри черныя,
Какъ надѣнетъ кафтанъ бархатный;
Подпояшетъ кушакъ шолковый;
Поцалуетъ, скажетъ ласково:

— „Нѣтъ, душа моя, ошиблась ты,
„Я не въ полѣ вихремъ вѣялся:
„По людямъ ходилъ, деньгу копилъ,
„За морями счастье пробовалъ.

„Моя доля здѣсь счастливая:
„Я нажилъ тебѣ два терема,
„Лисицъ, шолку, много золота, —
„Станетъ вѣкъ прожить боярами".

Ахъ, вы душеньки-подруженьки!
Не отъ горя плачу — съ радости;
На душѣ она огнемъ горитъ,
А нѣтъ силы, словъ души открыть!...

10 мая 1841 г.

148.

Пѣсня

Какъ здоровъ да молодъ, —
Безъ веселья — веселъ;
Безъ призыва — счастье
И валитъ и ѣдетъ.

Въ непогоду-вѣтеръ —
Шапка на макушкѣ;
Проходи, попъ, баринъ, —
Волоска не тронемъ!

Только думъ, заботы
У царя-головки:
Погулять по свѣту,
Пожить на распашкѣ;

Свою удаль-силку
Попытать на людяхъ, —
Чтобъ не стыдно вспомнить
Молодое время!...

15 мая 1841 г.

149.

Старая пѣсня.

Изъ лѣсовъ дремучихъ, сѣверныхъ
Поднялась не тучка темная;
А рать сильная — могучая,
Царя грознова, Московскова.

Словно птица быстролетная,
Пролетѣла море синее...
Перешла такъ — сила русская
Степь пустую, непроходную.

И пришла она, незваная,
Къ царству славному, Казанскому, —
Къ бусурману — хану лютому,
Къ свому недругу заклятому.

И куда еще — спитъ зорюшка,
А ужъ бьется Русь съ татариномъ, —
Стѣны крѣпкія разрушила, —
И пошла гулять по городу;

Воеводы — рати храбрыя,
Ѣздятъ, бьютъ Татаръ по улицамъ;
А на башнѣ, съ русскимъ знаменемъ,
Юный царь стоитъ — какъ солнышко!

17 октября 1841 г.

150.

Еще старая пѣсня.

Въ Александровской слободкѣ
Пьютъ, гуляютъ молодцы,
Все опричники лихіе,
Молодые чернецы.
Посреди ихъ царь святоша,
Въ рясѣ бархатной, сидитъ,
Распѣваетъ тихо псалмы,
Жезломъ по полу стучитъ.
Самъ изъ кубка золотова
Вина, меду много пьетъ;
Поднимается, какъ туча,
На всю Слободу реветъ:
„Враги царскіе не дремлютъ;
„Я жъ, какъ соня, здѣсь живу...
„На коней скорѣй садитесь,
„Да поѣдемте въ Москву!
„Что за медъ здѣсь? что за брага?
„Опротивѣлъ хлѣбъ сухой;
„На московской на площадкѣ
„Мы сготовимъ пиръ другой!
„Наѣдимся тамъ до-сыта
„Человѣчины сырой,

„Перепьемся мы до-пьяна
„Крови женской и мужской!
„Бѣдный рабъ, я — царь наслѣдный
„Надъ моими надъ людьми:
„На кого сурово взглянемъ —
„Скушаемъ съ дѣтьми!“
Царь-ханжа летитъ, какъ вихорь,
Съ саранчею удальцовъ,
Москву-матушку пилатить —
Кушать мясо и пить кровь!

151.

[Эпитафія].

Онъ жилъ,—и былъ здѣсь всѣмъ чужой;
Но всѣ душой его любили,
И сожалѣньемъ и слезой,
Прощаясь, прахъ его почтили.

18 октября 1841 г.

152.

Жизнь.

Умомъ легко намъ свѣтъ обнять;
Въ немъ мыслью вольной мы летаемъ;
Чтó не дано намъ понимать —
Мы все какъ будто понимаемъ.

И рѣзко судимъ обо всемъ,
Съ вѣковъ покрова не снимая;
Дошло, — что людямъ ни по чемъ
Сказать: вотъ тайна міровая!

Какъ свѣтъ стоитъ, до этихъ поръ,
Всего мы много пережили;
Страстей мы видѣли напоръ;
За царствомъ царство схоронили.

Живя, проникли глубоко
Въ тайникъ природы чудотворной;

Одни познанья взяли мы легко,
Другія — силою упорной...

Но все жъ успѣхъ нашъ не великъ.
Чтó до преданій? — мы не знаемъ.
Впередъ чтó будетъ — кто проникъ?
Чтó мы теперь? — не разгадаемъ.

Одинъ лишь опытъ говоритъ,
Что прежде насъ здѣсь люди жили, —
И мы живемъ, — и будутъ жить.
Вотъ каковы всѣ наши были!...

18 октября 1841 г.

153.

* * *

(Князю П. А. Вяземскому).

Не время ль намъ оставить
Про высоты мечтать,
Земную жизнь безславить,
Чтó есть — иль нѣтъ, желать?

Легко, конечно строить
Воздушные міры,
И увѣрять, и спорить:
Какъ въ нихъ-то важны мы!

Но отъ-души ль порою
Въ насъ чувство говоритъ,
Что жизнію земною
Нѣтъ нужды дорожить?...

Темна, страшна могила;
За далью — мракъ густой;
Ни вѣсти ни отзыва
На вопль нашъ роковой!

А тутъ дары земные,
Дыханіе цвѣтовъ,
Дни, ночи золотыя,
Разгульный шумъ лѣсовъ,

И сердца жизнь живая,
И чувства огнь святой;
И дѣва молодая
Блистаетъ красотой!

18 декабря 1841 г.

154.

Пѣсня.

Я любила его
Жарче дня и огня,
Какъ другимъ не любить
Никогда, никогда!

Только съ нимъ лишь однимъ
Я на свѣтѣ жила;
Ему душу мою,
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
Вся блѣдна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вотъ идетъ онъ, поетъ:
„Гдѣ ты, зорька моя?“
Вотъ онъ руку беретъ,
Вотъ цалуетъ меня!

„Милый другъ, погаси
„Поцалуи твои!
„И безъ нихъ, при тебѣ,
„Огнь пылаетъ въ крови;

„И безъ нихъ, при тебѣ,
„Жжетъ румянецъ лицо,
„И волнуется грудь,
„И блистаютъ глаза,
„Словно въ небѣ звѣзда!“

20 декабря 1841 г.



155.

На новый 1842-ой годъ.

Прожитый годъ, тебя я встрѣтилъ шумно,
Въ кругу знакомыхъ и друзей;
Широко, вольно и безумно,
При звукахъ бѣшеныхъ рѣчей.

Тогда, забывшись на мгновенье,
Впередъ всякъ дерзостно глядѣлъ,
Своихъ страстей невольное стремленье
Истолковать пророчески хотѣлъ.

Въ комъ сила есть на радость, на страданье,
Въ томъ духъ огнемъ восторженнымъ горитъ,
Тотъ о своемъ загадочномъ призваньи
Свободно, смѣло говоритъ.

Такъ, до зари, бесѣда наша
Была торжественно шумна!
Веселья круговая чаша
Всю ночь не осушала дна!

Но годъ прошелъ: однимъ звѣздою ясной,
Другимъ онъ молніей мелькнулъ;
Меня жъ годъ, встрѣченный прекрасно —
Какъ другъ, какъ демонъ — обманулъ!

Онъ, за таинственнымъ покровомъ,
Мученья горькія скрывалъ;
И, въ этомъ свѣтѣ безтолковомъ,
Меня вполнѣ рокъ грозный испыталъ.

Тяжелый годъ, тебя ужъ нѣтъ, а я еще живу,
И новый, тихо, безъ друзей, одинъ встрѣчаю,
Одинъ въ его заманчивую тьму
Свои я взоры потопляю.

Что въ ней таится для меня?
Ужели новыя страданья?
Ужель, безвременно, изъ міра выйду я,
Не совершивъ и задушевнаго желанья?

1 января 1842 г., полночь.

156.

Пѣсня.

Что онъ ходитъ за мной,
Всюду ищетъ меня
И, встрѣчаясь, глядитъ
Такъ лукаво всегда?

Что смѣшнова во мнѣ —
Я понять не могу;
И за мною ходить —
Кто далъ право ему?

Помню, какъ-то давно
У знакомыхъ былъ балъ;
Какъ безумный, всю ночь,
Онъ со мной танцовалъ!

Слова нѣтъ — онъ хорошъ:
Брови, носъ и лицо,
Но глаза — за глаза —
Ненавижу его!

Голубые они...
И какъ жарко горятъ!
Будто яда полны, —
Будто съѣсть васъ хотятъ!...

Нѣтъ, отстаньте, прошу,
Не слѣдите меня;
Вашихъ дьявольскихъ глазъ
Я боюсь, какъ огня!...

8 февраля 1842 г.

157.

* * *

Когда есть жизнь другая тамъ,
Прощай! Счастливый путь!
А нѣтъ — скорѣе къ намъ,
Пока жить можно тутъ.

Пѣсня.

Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду.
„Безъ знакомыхъ, одинъ",
Сказалъ: — „радость! приду.

„Мѣсяцъ будь, иль не будь, —
„Конь дорогу найдетъ;
„Самъ лукавый, въ потьмахъ,
„Съ ней его не собьетъ.

„И до ночи мятель
„Снѣгомъ путь весь закрой:
„Безъ дороги — чутьемъ,
„Сыщетъ домикъ онъ твой!"

— Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду;
Онъ, прощаясь, сказалъ:
„Хоть умру, а приду.

„Чтó мнѣ крѣпкой замокъ,
„Караулъ, ворота? —
„Воеводская дверь
„Мнѣ всегда расперта.

„Не любивши тебя,
„Въ селахъ слылъ молодцомъ:
„А съ тобою, мой другъ,
„Города ни по чемъ!"

5 марта 1842 г.



Письма А. В. Кольцова.

---

1. В. П. Кольцову.

Москва. 1831 года, мая 8 дня.

Милостивый государь, батинька, Василій Петровичъ! По выѣздѣ изъ Воронежа пріѣхалъ въ Москву 2 мая. Дорога была очень неспособная къ скорой ѣздѣ; но этой медленностію, слава Богу, упущенія никакого не сдѣлалось. Рапортъ въ Сенатѣ только получили 5 мая: вѣрно, гдѣ-нибудь пролежалъ, дожидаясь почты. Теперь онъ поданъ въ экспедицію; но когда будетъ выслушиваться, этого еще неизвѣстно. Нынче написали прошеніе и копіи на гербовыхъ листахъ со всѣхъ контрактовъ; завтра подадимъ въ Сенатъ, и Александръ Саввичъ поѣдетъ узнать, когда будетъ слушаться рапортъ, и кой съ кѣмъ повидаться. Онъ теперь немного нездоровъ и живетъ за Москвой, въ Сокольничьей слободкѣ. Я у него бываю часто, часто и ночую. Изъ казенной палаты до будущихъ обстоятельствъ требовать рапорта другова не будемъ; и здѣсь еще дурнаго ничего не видно; если жъ что случится, то въ слѣдующихъ письмахъ буду извѣщать подробно. Богъ знаетъ, что̀ будетъ дальше, а Александръ Саввичъ твердо увѣренъ въ хорошую сторону.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе Ивану Ѳедоровичу и Василью Ивановичу; желаю вамъ быть здоровымъ и благополучнымъ, остаюсь вамъ покорный сынъ Алексѣй Кольцовъ.

Адресы на письмахъ пишите: На Бѣлевскомъ-Елецкомъ подворьѣ, у дворника Василія Захарова *такому-то.*

Съ этимъ письмомъ посылаю пачпортъ Елецкаго гуртоправа. Я его нашелъ; — живетъ онъ на фатерѣ довольно бѣдно и малой лѣнтяй, нехорошихъ правилъ; просилъ еще денегъ 40 рублей — я ему

не далъ, видя его корочь. Онъ безъ того не пошелъ въ Воронежъ; денегъ не даетъ имъ забратыхъ, и не хочетъ отдать. Сдѣлайте, чтобъ его по пачпорту послали по пересылкѣ. Если наши деньги пропадутъ, то будутъ дураку наука, а ничего сдѣлать съ нимъ болѣе нечего.

За 16 рублями не заѣзжалъ потому, что черезъ Ефремовъ я ѣхалъ въ полночь. Петръ Кузьмичъ Саламатинъ хотѣлъ по своему дѣлу послать сюда Бирюкова; я говорилъ о его долѣ Полякову. Они берутся это сдѣлать; и если вамъ это не будетъ противно, то отдайте незапечатанное письмецо, вложенное въ этомъ, ему.

2. В. И. Гарденину.

1834, Iюня 14.

Любезнѣйшій мой Василий Ивановичъ!

Свидѣтельствую тебѣ мое почтеніе и увѣдомляю васъ, что у насъ въ Воронежѣ все хорошо, какъ было прежде. Твои родимые всѣ живы и здоровы. Александръ Алексѣевичъ Абрамовъ уѣхалъ въ Москву къ тебѣ въ гости 13 числа сего мѣсяца. Постарайся, братъ, его принять хорошенько (впрочемъ, самъ-другъ съ женою).

Прошу тебя, Василій Ивановичъ, напишите своему батюшкѣ объ Костянской атавѣ; они мнѣ половину,— болѣе не даютъ; а вы говорили дать мнѣ сей годъ весь. Будьте слову господа.

Еще прошу тебя: поговорите въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы имѣете свои дѣла, съ знакомыми вамъ лицами о моемъ дѣлѣ, которое скоро тамъ будетъ. Меня, братъ, послѣ тебя въ казенной палатѣ по Чужовскому дѣлу отбоярили славно; кончили такъ: за всю неудобную землю, и поступившую въ другое владѣніе и не содержанную вовсе нами, и за лишній годъ взыскать съ меня деньги, болѣе двѣнадцати-то тысячъ, — по знакомству. Поздравили съ праздникомъ! На сихъ дняхъ пошлю прошеніе и, какъ вы мнѣ тогда напишете, буду къ вамъ: пособлю вамъ допѣть заунывную пѣсню. Если это вамъ не трудно, то пожалуста поговорите: дѣло, какъ вы знаете, необходимое.

Въ ожиданіи отъ васъ доброва отвѣта, остаюсь васъ, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

Иванъ Дмитріевичъ господинъ Даниловъ вамъ кланяется.

[На оборотѣ письма адресъ:] Милостивому Государю Василію Ивановичу Гарденину, купцу Воронежскому. Въ Москвѣ, на Ильинкѣ.

3. В. Г. Бѣлинскому.

3 марта 1836 г. Питеръ.

Любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Позвольте вамъ изъ Петербурга засвидѣтельствовать почтеніе. Я знаю, это нынче не въ модѣ; но я ничего болѣе не имѣю, какъ только одно лишь это: почитать людей, которыхъ я душою почитаю. Вы меня приняли въ Москвѣ довольно ласково; и мнѣ изъ-за васъ Москва показалась гораздо теплѣе, нежели была прежде. Да, вы подъ доброю планетой рождены, и эта планета велика собой: по крайней мѣрѣ, она черезъ пространство 700 верстъ имѣетъ сильное вліяніе на того человѣка, на котораго вы бросили отблескъ своего луча. Извѣстный вамъ довольно Януарій Михайловичъ г. Невѣровъ о бытѣ моемъ составилъ біографію (которая печатается въ „Сынѣ Отечества"). И здѣсь я передъ вами много грѣшенъ: принужденъ былъ отдать въ нее „Косаря", котораго прирядилъ ужъ вамъ. Извините меня великодушно: ей-Богу, было передъ нимъ и другими совѣстно и стыдно, что не могъ ничего кромѣ его отдать болѣе лучшаго. Согрѣшилъ — простите. Если онъ еще нигдѣ не помѣщенъ, прошу васъ, нельзя ли никуда не помѣщать; въ противномъ случаѣ, что́ дѣлать, не знаю самъ. Проклятой свѣтъ: въ немъ часто встрѣчаются такія вещи, что и Боже упаси. Сначала все идетъ хорошо, потомъ и еще хорошо, потомъ посмотришь, бѣда на носу, а двери заперты; тутъ въ петлю радъ, — на тотъ грѣхъ судьба забыла петлю прицѣпить. Я не смѣю просить васъ ко мнѣ писать, но прошу васъ, на первой почтѣ, — и то, если можно и если удобно будетъ вамъ и не въ трудъ, — прислать ко мнѣ 20 моихъ книжекъ. Если же вы не имѣете на это у себя время, простите меня, что я хотѣлъ васъ утрудить. Я и такъ много чувствую ваше доброе расположеніе, которымъ долженъ бы былъ дорожить болѣе съ такой стороны, съ которой — стыдно — сказать не умѣю. По добротѣ своей часто Богъ даетъ намъ понятія выше нашихъ чувствъ. За дурное письмо не ругайте, потому что проза со мною еще при рожденіи разошлась самымъ неблагороднымъ образомъ. Желаю вамъ здоровья и желаю здоровья вамъ. Остаюсь съ истинымъ почтеніемъ и уваженіемъ вашъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

4. В. Г. Бѣлинскому.

21 марта 1836 г. Питеръ.

Милостивый Государь Виссаріонъ Григорьевичъ! Въ одномъ письмѣ нескромно безпокоилъ я васъ моею пустенькою просьбой; послѣ одумался, что я это сдѣлалъ очень дурно; спохватился поздно: нельзя возвратить звука, который прозвучалъ. Простите ошибки: бываютъ въ головѣ людей такіе промежутки, въ которые забываемъ то, о чемъ бы помнить нужно. Шатаясь полупраздный по улицамъ Петербурга, самъ не знаю какъ и гдѣ, залѣзла въ голову эта неблагородная мысль, что есть у людей минуты, въ которыя не хочется дѣлать дѣльнова. Думалъ очень глупо: человѣкъ, который посвятилъ себя возвышеннымъ думамъ, который въ полныхъ идеяхъ здраваго смысла выводитъ священныя истины и отдаетъ ихъ цѣлому міру, — толпа людей любуется ими безусловно: хвала жрецу, исполнителю искусства! (это не мои слова; такъ разумѣетъ о васъ здѣшній литературный людъ) — а я, глупецъ, потревожилъ ваши великія думы своей бездѣлкой... Нужда говорлива: изъ одной крайности я перехожу въ другую. Если можно, подателю сего письма, прошу васъ покорнѣйше, дайте 50 книжекъ, и онъ ихъ перешлетъ ко мнѣ, я его при семъ же просилъ особеннымъ письмомъ. Вѣроятно, въ Питерѣ я проживу Святую. Новости въ Питерѣ: печатается новый журналъ „Современникъ", издаваемый Пушкинымъ; 1 № ожидается 15 апрѣля. „Джулію Мости" Кукольника печатаетъ Смирдинъ отдѣльно. — Слышно, на Ѳоминой въ понедѣльникъ дадутъ на театрѣ комедію Гоголя, новую; всѣ заняты ею. — Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

5. Кн. П. А. Вяземскому.

22 мая 1836 г. Воронежъ.

Ваше сіятельство, Петръ Андреевичъ! Препорученныя вами письма въ Москву я доставилъ; ихъ приняли отъ меня очень ласково, и дѣло мое тотчасъ же кончили, послали указъ; но еще у насъ не полученъ; думаю, получится на этихъ дняхъ. Сегодня поутру я доставилъ послѣднее письмо нашему вицъ-губернатору Александру Яковлевичу Мѣшковскому. Онъ принялъ его весьма сухо; отъ меня не хотѣлъ выслушать ни слова, и только сказалъ, что онъ своего заключенія никакъ не перемѣнитъ. Гдѣ я не думалъ, тамъ случилось напротивъ. Много я васъ обезпокоивалъ моими просьбами; теперь опять въ крайней моей нуждѣ прибѣгаю подъ покровительство ваше, не оставьте меня своей защитой: вы съ самаго начала приняли участіе, и теперь, покорнѣйше прошу ваше сіятельство, не откажитесь помочь мнѣ при концѣ. — Съ истиннымъ почтеніемъ и уваженіемъ честь имѣю пребыть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

Если что-нибудь дурно написалъ, простите, ваше сіятельство: въ первой съ роду пишу къ князю.

6. А. А. Краевскому.

22 мая 1836 г. Воронежъ.

Дорогой и любезнѣйшій Андрей Александровичъ! Новыя обстоятельства перемѣнили совершенно всѣ задуманные дорогой планы. Хотѣлъ впереди встрѣтить одно хорошее; напротивъ, прежде всего повстрѣчался съ дурнымъ, да еще съ такимъ дурнымъ, котораго не дай Богъ никогда ни знать, ни вѣдать никому. Письмо, полученное отъ его сіятельства князя Петра Андреевича Вяземскаго къ нашему вицъ-губернатору, къ удивленію моему, было принято сухо. На это я хотѣлъ объясниться; но онъ, по добротѣ своей, не хотѣлъ выслушать ни слова и, кажется, подумалъ, что я его получилъ какъ-нибудь чрезъ протекціи низкія, по перепискѣ изъ Воронежа. Хотѣлъ разувѣрить, — не успѣлъ и не могъ, а поскорѣй убрался за погоду. Боже мой! какъ эти люди у насъ горды и недоступны, вы представить себѣ не можете. Это не люди, а академическіе сфинксы. Теперь надежда вся на васъ, любезнѣйшій Андрей Александровичъ. Бога ради, помогите мнѣ въ этомъ случаѣ; попросите еще его сіятельство написать къ ему письмо; авось, Богъ дастъ, получшѣетъ.

Извините, что не могу писать вамъ болѣе. Дѣла мои въ совершенномъ разстройствѣ. Послѣ меня отца моего такъ стѣснили взысканіемъ, что онъ принужденъ былъ уѣхать изъ дома и жилъ кой-гдѣ болѣе мѣсяца; и товару рогатаго купилъ очень мало. Богъ дастъ, хоть немного поправлю торговыя дѣла свои, буду писать вамъ больше. Януарію Михаиловичу съ сею же почтою я послалъ „Молодую жницу"; пожалуйста, прочтите ее. Если она не годится въ „Современникъ", то киньте въ Неву. „Умолкшій поэтъ" я отдалъ въ „Телескопъ", и, кажется, бранить не будете. Еще другія вамъ пришлю въ скоромъ времени. Теперь ничего стихотворнаго не дѣлаю, и проза въ головѣ ходитъ чортъ знаетъ все какая! Желаю вамъ быть здоровымъ, жить весело. Еще напоминаю: не оставьте просьбы, помогите! Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь вашъ, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

Когда какіе стихи написаны, всѣ года въ слѣдующую почту пришлю. (Занятыя мною у васъ деньги посылаю съ моею благодарностью, девяносто пять рублей ассигнаціями). — Не приняли на почтѣ съ деньгами, опоздалъ; въ слѣдующую почту пришлю. А. К.

7. Неизвѣстному лицу.

[1836 г. Воронежъ].

Господи, помилуй! Господи, помилуй! Не бракъ — любовь бы насъ соединила вѣчною взаимностью другъ къ другу. Не блести никогда вѣнчальный вѣнецъ на главѣ моей; дай мнѣ лучше, Провидѣніе, факелъ философіи; разверни, природа, темные покровы, покажи, при-

рода, въ зеркалѣ жизни ту... Сестрица, созданье любви и красоты, если бы это идеальное существо были вы, чѣмъ былъ бы съ вами я? И какія минуты счастья посѣщали насъ всегда! Чѣмъ бы намъ казались мгновенія, проведенныя въ объятьяхъ любви и дружбы?

Не бывъ съ вами, писать къ вамъ, передавать свои чувства—и это счастье, однимъ этимъ рѣдкій равенъ со мною. Вы не знаете, какъ мнѣ драгоцѣнны ваши письма! Часто читая ваше письмо въ душевномъ восхищеніи, улетая мыслію къ вамъ, я думаю: Провидѣніе, вотъ чувство той, которой я весь принадлежу; Провидѣнье, ты дало мнѣ завидливый удѣлъ; я не оцѣню своего блаженства!

Что за счастье, что за рай
Жить вдали отъ милой,
И былое оживлять
Памятью унылой?

Что за радость, что за счастье
О ней плакать, тосковать,
Вѣчно съ нею не вкушать
Любви сладострастье?

Сердцу что за наслажденье,
Что за дружескій обѣтъ,
Коль въ сердечномъ упоеньѣ
Цаловать ее не смѣть?

Если судьба надъ кѣмъ хитритъ несправедливо, ужель тому ей рабски покоряться? Нѣтъ, судьба опредѣляетъ, а природа даетъ: слѣдственно, не законъ судьбы, а законъ природы для насъ святѣе. Постигнуты вы судьбою,—не унывайте предъ горемъ, лишь бойтесь погасить искру сердца, искру чувства и любви священной. Это сокровище я вѣчно ни съ чѣмъ не сравню и ни на что не промѣняю. Владѣйте равнодушно талантомъ безталаннымъ, и старайтесь быть счастливою талантами природы—и вы будете счастливы!.. Что за обязанность сохранять до гроба вынужденную предъ алтаремъ клятву—ничтожному рабу послушной быть рабыней! Хранить ему вѣрность, любить его противъ желаній, и вѣчно, вѣчно быть рабыней! И страшно, и смѣшно! Любезный Вольтеръ, если бы всѣ могли понимать твои возвышенныя истины, что̀ бъ былъ рабъ предъ рабыней, рабыня предъ рабомъ!

Глупцомъ
Съ большими рогами,
Осломъ
Съ длинными ушами.

Тише, еще это люди считаютъ за грѣхъ. Настанетъ часъ, заблещетъ, какъ лѣтнее солнце, свѣтильникъ истины; до той поры надо молчать и смѣяться суевѣрнымъ предразсудкамъ легковѣрныхъ людей. Милая сестрица, вы говорите несправедливо: когда бъ прежде смолвились съ вами, насъ бы соединили узы брака. Вѣрю, узы соединяютъ людей, но не сердца. Скажите, что̀ же значатъ эти узы?

Что за райская мечта,
Что земная красота,
Коль любить ее мученье,
Слезы—награжденье?

Если бъ ты у ногъ прекрасной
О свиданьѣ умолялъ,
Если бъ ты съ подругой страстной
Въ полной нѣгѣ утопалъ!

Удались, лукавый, не шепчи, голосъ преступленья; не обольщай очарованными прелестями небесныхъ наслажденій. Мое все со мной. Я доволенъ тѣмъ, чтȯ дано мнѣ.

Чтȯ могу своимъ назвать,
Мнѣ всего то лучше, краше;
Чѣмъ другимъ дано владать,—
То чужое, то не наше.

О красавицѣ младой
Страстны юноши вздыхали;
Каждый взглядъ ея живой
Даромъ неба бы считали.

8. А. А. Краевскому.

28 мая 1836 г. Воронежъ.

Добрый и любезный мой Андрей Александровичъ!

Взятыя у васъ деньги въ займы при семъ посылаю. Хотѣлъ послать на прежней почтѣ, не приняли съ посылкой, и я принужденъ былъ деньги выложить и послать одно письмо. Дѣла мои немножко безъ меня шли дурно; занимаюсь крѣпко ими и, Богъ дастъ, въ мѣсяцъ надѣюсь привести ихъ въ порядокъ. Болѣе разстроило ихъ то дѣло, за которымъ жилъ въ Питерѣ. Я вамъ скучалъ просьбою: если можно, не оставьте. Мнѣ остается уладить во всемъ Воронежѣ съ однимъ вицъ-губернаторомъ, — и все бы могло пойти хорошо; а безъ васъ уладить съ нимъ я не могу, потому что человѣкъ весьма дурной, который нашего брата считаетъ ни за грошъ. Я съ нимъ личности и никогда еще не имѣлъ, да Богъ знаетъ, что-то онъ ко мнѣ не ласковъ. Можетъ быть, насказалъ ему кто-нибудь съ дурной стороны; только, ей-Богу, не знаю. Посылаю вамъ, какъ вы говорили, чтȯ когда писалось изъ тѣхъ вещей, которыя вы приняли подъ свое покровительство. За одолженіе денегъ покорно васъ благодарю. Какъ управлюсь дѣлами, буду писать вамъ болѣе. Погода у насъ чудесная: и ясно, и тепло. Желаю вамъ быть здоровымъ. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ покорнѣйшій вашъ слуга Алексѣй Кольцовъ.

Въ Москвѣ познакомился я съ Глинкою, Ѳедоромъ Николаевичемъ; онъ меня обласкалъ весьма хорошо. Посылки ваши я роздалъ всѣ.

9. А. А. Краевскому, Я. М. Невѣрову и В. В. Григорьеву.

2 іюля 1836 г. Воронежъ.

Добрые и любезнѣйшіе мои Андрей Александровичъ, Януарій Михайловичъ и Василій Васильевичъ!

Дай Богъ здоровья вамъ, дай Богъ веселья вамъ,—вотъ все, что желаю вамъ я отъ души. Благодарю, благодарю сердечно васъ за память вашу обо мнѣ, благодарю за письма ваши: много принесли они мнѣ радости и минутъ отрадныхъ; да за ваши ласки, за все то, что вы для меня и сдѣлали и дѣлаете. Кажется, никто въ цѣломъ свѣтѣ скуднѣй не платится, какъ я. Грустно и думать, и не имѣть силы выполнить то, что выполнить надо. Письмо, съ котораго я получилъ копію отъ васъ, замѣтно, что перемѣнило порядочно нашего Кривосудова, какъ взвеличили его вы.

Этотъ гостинецъ пришелъ къ намъ кстати. Посылаю вамъ при семъ „Цвѣтокъ". Я его написалъ, или лучше — переправилъ еще дорогою изъ Питера въ Москву; но прежде не посылалъ затѣмъ: думалъ, что онъ не успѣетъ войти въ собраніе. Въ Москвѣ отдалъ его Бѣлинскому; напечатаетъ ли онъ, или нѣтъ, — не знаю. Болѣе — писалъ и не писалъ: все хлопочу по дѣламъ торговли, которыя безъ меня шли ужъ очень дурно, — а разлитую воду подбирать съ земли не всякому легко. Теперь, слава Богу, ходъ ихъ получшѣлъ гораздо. Въ степи ѣздилъ только разъ, и то на скорую руку, какъ баба поетъ надъ могилой. Я вамъ далъ слово написать, и не выполнилъ по сю пору, подождите пожалуйста: Богъ дастъ, выполню все. Прошу васъ, примите отъ меня посылаемую бездѣлку за вашу хлѣбъ-соль въ уплату. Еще пожалуйста, любезнѣйшій Андрей Александровичъ, поблагодарите за меня его сіятельство князя Петра Андреевича Вяземскаго за ихъ благодѣянія и покровительство. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и уваженіемъ имѣю честь пребыть вашъ, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

10. В. Г. Бѣлинскому.

Воронежъ. 11 сентября 1836 г.

Здравствуйте, добрый и любезный мой Виссаріонъ Григорьевичъ! Вотъ еще я къ вамъ съ моей бездѣлкой. Посмотрите ее пожалуста, чего она стоитъ; вашъ взглядъ — ея судьба. Мнѣ стыдно передъ вами и даже передъ собой самимъ: „Телескопъ" по расположенности вашей и почтеннѣйшаго Николая Ивановича получаю, а моего ничего нѣтъ. За что же получаю? Вѣдь стыдно сказать. Если она стоитъ, то удостойте „Телескопа" — „Неразгаданную Истину, думу".

Другую пьеску „Пѣснь" посылаю къ вамъ же на судъ. Это новое произведеніе новаго молодаго человѣка, купчика. Онъ просилъ меня ее прислать къ вамъ. Я посылаю. — „Ему даже отвѣтъ вашъ дорогъ" — такъ онъ говоритъ.

„Нѣтъ ли чего у насъ?" — хотите вы спросить. Нѣтъ ли чего новаго у васъ, любезный Виссаріонъ Григорьевичъ? Да, лестно будетъ мнѣ получить отъ васъ строку.

Желаю вамъ быть здоровымъ. Ивану Васильевичу Станкевичу, господину Бакунину, Каткову, Бакунину и Ефремову почтеніе не нарочно прошу васъ развести, а такъ, при случаѣ.

Съ душевною преданностію честь имѣю пребыть покорнѣйшимъ слугою. Алексѣй Кольцовъ. *

* Приложена дума „Неразгаданная истина".

11. В. Г. Бѣлинскому.

20 ноября 1836 г. Воронежъ.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Здоровы ли вы? Объ васъ давно я ничего не слыхалъ. Николай Владиміровичъ Станкевичъ уѣхалъ въ Острогожскъ; хотѣлъ быть въ октябрѣ, но до сихъ поръ еще не проѣзжалъ черезъ Воронежъ, а кромѣ его узнать объ васъ мнѣ не отъ кого больше. Недавно слышалъ я весьма непріятное извѣстіе: говорятъ, будто бы „Телескопъ" запрещенъ Царемъ и не будетъ издаваться; ежели правда, то мнѣ жаль до смерти лишиться „Телескопа": я его люблю душою. Ради Бога, любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ, увѣдомьте меня. Да позвольте вамъ сдѣлать маленькій гостинчикъ съ нашего тихаго Дона Ивановича; мнѣ давно

хотѣлось вамъ послать его, да все не было случая, а время шло день за день. Съ истиннымъ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

12. А. А. Краевскому.

27 ноября 1836 г. Воронежъ.

Добрый и любезный Андрей Александровичъ! Давнымъ-давно ко мнѣ вы ни полслова. Бывало, не вы, такъ Януарій Михайловичъ кое-когда посѣщалъ торгаша-горемыку, а нынче и онъ что-то замолчалъ. Конечно, всегда вы заняты, всегда дѣла. Да, вы небомъ избранные жрецы священнодѣйствовать у алтаря высокаго искусства. Много надо время и трудовъ оправдать это великое призваніе: легко мечтать и думать, но трудно выполнять. Можетъ-быть, нехорошо дѣлаю, что часто такъ скучаю вамъ, да какъ мнѣ быть, когда до смерти хочется узнать отъ васъ кой о чемъ нужномъ! Желанью сѣнца не подложишь: оно насильно требуетъ, что̀ ему надобно. Пуще всего позвольте мнѣ поговорить съ вами о моей книгѣ, въ которой вы приняли на себя трудъ благодѣтельствовать. Какъ она, сердечная? Скоро будетъ напечатана? — или, какъ мать родила, пошлете во-свояси? Что, если это правда? — то жить ей у меня будетъ неловко; лучше не присылайте, а то я ее изволочу, какъ шельму. Нѣтъ, было бы лучше ей, если бы она пріѣхала ко мнѣ расфранченная, принаряженная, какъ петербургская щеголиха-барыня.

Другая рѣчь. Посланныя къ Януарію Михайловичу „Могила“ и „Великая Истина“ и еще семь піесъ — скажите пожалуйста — будутъ гдѣ напечатаны? Они писали ко мнѣ, что имъ непонятно въ „Великой Истинѣ“, начиная съ „Свобода, свобода“, до: „Но слово: да будетъ“. Я разумѣлъ здѣсь: просто чистоту души перваго человѣка въ мірѣ, потомъ его грѣхопаденіе и что, черезъ этотъ грѣхъ, въ буйной свободѣ человѣческой воли — разросшіяся разнообразныя страсти, которыя донынѣ господствуютъ надъ нами, какъ говоритъ Священное Писаніе, а потомъ искупленье не вполнѣ. Если я ошибся (что за мной часто водится), пожалуйста, объясните. Теперь еще посылаю вамъ двѣ піески: „Міръ Божій“ и „Слеза молитвы“. Если онѣ стоютъ быть въ „Современникѣ“, — помѣстите, а нѣтъ, — куда угодно вамъ, отдайте.

Болѣе ничего не писалъ: недосуги! Батинька два мѣсяца въ Москвѣ; продаетъ быковъ. Дома я одинъ, дѣлъ много: покупаю свиней, становлю на винный заводъ на барду; въ рощѣ рублю дрова; осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ селы; дома по дѣламъ хлопочу съ зари до полночи. Забочусь о томъ дѣлѣ, въ которомъ вы приняли участіе, — дай Богъ здоровья вамъ и Василію Андреевичу Жуковскому и Петру Андреевичу Вяземскому! — но по которому до этихъ поръ хотя ничего въ палатѣ не дѣлаютъ. Да я до смерти радъ и тому, что денегъ не взыскиваютъ пока, а то было вовсе проняла бѣда: хоть ложись, да умирай! Вы замѣтили нескладицу въ „Неразгаданной истинѣ“; вотъ эдакъ будетъ, кажется, лучше:

Сторона пустая
Снова зацаpюетъ,
И жизнь молодая
Шумно запируетъ.

А „Женитьба Павла“, которая вамъ нравилась, если угодно,—напечатайте. Да, новосты! Съ мѣсяцъ назадъ былъ въ Воронежѣ Ѳедоръ Николаевичъ Глинка съ женой. Обои два раза посѣтили мой домъ, привѣтили, обласкали мое семейство; обои такіе добрые, какъ я не ожидалъ. Были у меня. Чего это стóитъ?... „Телескопъ“, я слышалъ, понесся шибко, да наѣхалъ на пень. Жаль „Телескопа“, — славной былъ малой! О вашемъ новомъ журналѣ, къ несчастью, тоже слышалъ непріятность, — какихъ желалъ бы не слышать никогда! Жаль, очень жаль!... Кланяйтесь отъ меня... кому же? Можетъ быть, это неловко и не годится; тутъ нуженъ вашъ совѣтъ. Съ душевнымъ почтеніемъ и всегдашнею преданностью къ вамъ, любезнѣйшій Андрей Александровичъ, имѣю честь пребыть покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

13. Ѳ. Н. и А. П. Глинкамъ.

9 декабря 1836 г. Воронежъ.

Ваше Превосходительство, Ѳедоръ Николаевичъ и Авдотья Павловна! До того вы ко мнѣ были ласковы и добры, что не побрезгали посѣтить мой простой уголокъ. Сколько радости, сколько удовольствій чувствовалъ въ минуту вашего посѣщенія! Да, можетъ быть, это первыя лучшія минуты моей шереховатой жизни; можетъ быть, послѣднія минуты моего земнова счастія. Я не говорю, чтò со мной тогда было, но и теперь, когда думаю: Ѳедоръ Николаевичъ и Авдотья Павловна были у меня, вотъ здѣсь въ домѣ, вотъ въ этой самой комнатѣ, — и душѣ вдругъ станетъ что-то грустно и сладко, тепло и отрадно. Справедливъ Господь Богъ въ судьбахъ своихъ, положившій за годъ печали—день радости. Тяжело годъ идетъ, горою проходитъ, ляжетъ на груди, сердце раздавитъ. Небесная жъ радость *птичкой* прилетаетъ, минуту гоститъ, сладкія пѣсни поетъ; вспорхнетъ, улетитъ, — а звучныя пѣсни долго въ душѣ раздаются, долго слушаетъ она, и слушать ихъ душѣ все бы хотѣлось. И вотъ бѣдные отзывы вашихъ пѣвучихъ, сладкихъ пѣсенъ. Вы въ меня ихъ вдохнули, виновники ихъ — вы. Примите ихъ, ваши они! Съ душевнымъ почтеніемъ, честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

Вы изволили говорить: послѣдній стихъ перемѣнить у пьески „Цвѣтокъ“. Вотъ эдакъ будетъ, кажется, лучше:

О, пой, косарь! зови пѣвицу,
Подругу — красную дѣвицу,
Пока еще, шумя косой,
Не тронулъ ты травы степной.

14. А. А. Краевскому.

12 февраля 1837 г. Воронежъ.

Добрый и любезнѣйшій Андрей Александровичъ! Старое „Литературное Прибавленіе“ съ новою жизнію, Плюшара съ издателемъ, а васъ съ редакторствомъ и журналомъ поздравляю. Душевно радъ, что, наконецъ, вы все-таки поставили на своемъ. Пусть ваши враги скинутъ шапки и поклонятся въ поясъ побѣдителю; правымъ дѣломъ Богъ владѣетъ! А вашему новому журналу успѣха и талану и долгихъ лѣтъ. Трудно сначала отыскать дорожку, а дорожка на дорогу выводитъ, а по битой дорогѣ хоть день, хоть ночь ступай, — съ пола-горя, — не собьешься! Жалко, что до этихъ поръ не видалъ еще новаго „Литературнаго Прибавленія“. Въ Воронежѣ я говорилъ объ немъ кой-кому, и человѣка три подписались, но до сихъ поръ еще не получили. Въ „Сынѣ Отечества“ я читалъ вашего „Бориса Ѳедоровича Годунова“ съ душевнымъ удовольствіемъ два раза, и еще прочту. Долго думали, много трудились — и хорошо сдѣлали...

О изданіи моей книги очень жаль, что вы объ ней такъ много безпокоитесь: невозможнаго сдѣлать невозможно. Вы хлопочете, чтобы ее продать какому-нибудь книгопродавцу. За нее дорого дать никто не согласится, а если 300 или 500 рублей, то и хлопотать нечего: такія бездѣлицы продавать дороже стыдно. Въ теперешнее время она болѣе ничего, какъ ветошь; а ветошь когда была въ цѣнѣ? Если вы все тѣ же и если ваше желаніе не перемѣнилось, то позвольте просить васъ вотъ о чемъ. Сберите всѣ пьесы, какія остались у васъ въ рукописи, прибавьте къ нимъ, какія я посылалъ Януарію Михайловичу; послѣ же разбросайте по нихъ напечатанную книжку,—и выйдетъ подъ шестьдесятъ. Расположите, какъ признаете лучше. Януарій Михайловичъ обѣщался прибавить къ нимъ свою статейку, и вы, съ своей стороны, прибавьте то, что прибавить хотѣли, — и будетъ славная книжка. Еще мнѣ бы хотѣлось напечатать на хорошей бумагѣ, пороскошнѣй, и оттисните въ добрый часъ. Мало словъ, много хлопотъ, и дѣла куча. Отдайте Смирдину на комиссію, или кому вамъ угодно, — и дѣло съ концомъ. — А если публика не поддержитъ? Богъ съ ней! пускай она думаетъ себѣ, какъ хочетъ. Вѣдь вы жъ сказали, что правда, какъ масло, наверхъ выплыветъ. Если они хороши, публика полюбитъ; плохи, — нѣтъ. Какъ можно заставить молодца-красавца любить противу силъ дурную жену? Я на публику никогда не надѣялся и надѣяться не буду. За свои стихи денегъ не бралъ и буду ль брать когда-нибудь? Цѣна имъ дешевая, а награда великая. Вы не побрезговали мною, слава Богу: приняли въ число своихъ знакомыхъ, помогли, обласкали, во-первыхъ, познакомили меня съ людьми, которыхъ я не стою и не буду стоить никогда. Чего же мнѣ больше! Отъ Христа рожна, что-ли? Нѣтъ, я и этимъ доволенъ черезчуръ. Не выручатся деньги, а платить въ типографію будетъ нужно, — напишите: я тотчасъ вамъ деньги вышлю. А чтобъ васъ совершенно увѣрить и успокоить въ исправномъ платежѣ, посылаю росписку. Еще

меня на это станетъ: живъ Богъ, жива душа. А если бы вы ее посвятили Наслѣднику, кто бы былъ счастливѣе меня во всей Россіи! Но это мысль несбыточная. Впрочемъ, пора издавать ее, или нѣтъ, какъ издавать, поспѣетъ ли она кстати, или вовсе погодить, — мнѣ отсель узнать трудно, но я во всемъ отдаюсь на вашу полную волю: какъ хотите, такъ и дѣлайте.

Вы ничего не пишете, отчего именно не могли войти въ „Современникъ" мои пьески? Тутъ что-нибудь должно быть другое. Меня сильно безпокоитъ эта тайна, а вы скрываете; пожалуйста, объясните просто. Я къ вамъ присталъ, какъ арипей: требую и того и того, а какое имѣю право и чѣмъ заплачу? Ничѣмъ! Въ своемъ „Литературномъ Прибавленіи", какія угодно вамъ будутъ, помѣстите мои пьески; я буду душевно вамъ благодаренъ.

Вы думаете, кончилъ? Нѣтъ! я еще собираюсь васъ просить... Ужъ эти мнѣ просьбы, просьбы! Самого ножомъ на части рѣжутъ; и неловко и совѣстно, а нужда говоритъ. Нашъ вицъ-губернаторъ Александръ Яковлевичъ Мѣшковскій, зять статсъ-секретаря Марченко, теперь у васъ въ Петербургѣ. Зачѣмъ, — Богъ его знаетъ; только по моему дѣлу до сихъ поръ ничего дѣлать не начиналъ. Нельзя ли, черезъ кого-нибудь, его вамъ попросить кончить мое дѣло поскорѣе? Бога ради, не оставьте! Въ дѣлѣ вы приняли участіе и много уже благодѣтельствовали. „Отшельника" посылаю при семъ; помѣстите куда-нибудь.

Я собралъ нѣсколько пословицъ; но не знаю, какія мнѣ именно записывать: какія попало, или какихъ нѣтъ у Богдановича и Снегирева „Русскіе въ своихъ пословицахъ". Если кромѣ ихъ, то собирать трудно, и мало разбросано въ людяхъ. Для совѣта я приведу ихъ въ порядокъ и, если велите, пришлю къ вамъ. А пѣсни, какія и волочатся, то просто всѣ безпутныя, изъ нихъ посылаю вамъ посмѣяться при семъ.

Но болѣе всего меня останавливаютъ отъ занятій литературныхъ дурныя обстоятельства нашей коммерціи. Дѣла торговли все худшаютъ. Скотомъ прошедшій годъ торговали дурно. Сало продали 11 руб. 25 к. за пудъ, кожу бычью—13 р., говядину обрѣзную продаемъ 2 р. 50 к., и 2 р. и 1 р. 50 к. за пудъ. Дровами торговля посредственная. Хлѣбъ у насъ: мука оржаная 3 р. 50 к. четверть, овса 1 р. 80 к. четверть, пшено 1 р. 40 к. мѣра, крупа 80 к. мѣра, гречиха 3 р. четверть, пшеница 8 р. 50 к. и до 10 р. четверть.

Душевно желаю вамъ быть здоровымъ. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь пребыть вашъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

1837 года, февраля 1 дня, я, нижеподписавшійся, далъ сію росписку его высокоблагородію Андрею Александровичу Краевскому въ томъ: сколько будетъ имъ истрачено своихъ денегъ на изданіе моей книги, обязуюсь я таковыя еньги, по первому его требованію, немедленно заплатить, въ чемъ и подписуюсь. Воронежскій мѣщанинъ Алексѣй Кольцовъ.

15. А. А. Краевскому.

13 марта 1837 г. Воронежъ.

Добрый и любезный Андрей Александровичъ!

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ померъ; у насъ его уже болѣе нѣту!... Едва взошло русское солнце, едва освѣтило широкую русскую землю небесъ вдохновеннымъ блескомъ, огня животворной силой; едва огласилась могучая Русь стройной гармоніей райскихъ звуковъ; едва раздалися волшебныя пѣсни родимаго барда, соловья-пророка...

Прострѣлено солнце. Лицо помрачилось, безобразной глыбой упало на землю! Кровь, хлынувъ потокомъ, дымилася долго, наполняя воздухъ святымъ вдохновеньемъ недожитой жизни! Толпой согласной соберитесь, други, любимцы искусства, жрецы вдохновенья, посланники Бога, пророки земные! Глотайте тотъ воздухъ, гдѣ русскаго барда, съ послѣднею жизнью, текла кровь на землю, текла и дымилась! Глотайте тотъ воздухъ, глотайте душою: та кровь драгоцѣнна. Сберите ту кровь, въ сосудъ положите, въ роскошный сосудъ. Сосудъ тотъ поставьте на той на могилѣ, гдѣ Пушкинъ лежитъ.

О, лейтесь, лейтесь же ручьями
Вы, слезы горькія, изъ глазъ:
Нѣтъ больше Пушкина межъ нами, —
Безсмертный Пушкинъ нашъ угасъ!

Слѣпая судьба! Развѣ у насъ мало мерзавцовъ? Развѣ кромѣ Пушкина тебѣ нельзя было кому-нибудь другому смертный гостинецъ передать? Мерзавцовъ есть много,—за чтó жъ ты ихъ любишь, къ чему бережешь? Мерзавка судьба!.. Творецъ Всемогущій свѣта! Твоя воля, Твои совѣты мудры; но непостижимъ намъ Твой законъ!...

Къ вамъ, любезнѣйшій Андрей Александровичъ, есть у меня просьба. Нельзя-ли потрудиться сказать господину Плюшару, — выслать мнѣ кое-какія книги. Сколько денегъ за нихъ, — по присылкѣ тотчасъ я пошлю. А книги имѣть вотъ какія мнѣ хотѣлось.

Новое изданіе „Отелло, венеціанскій Мавръ“, Шекспира;

„Сказанія русскаго народа о семейной жизни его предковъ“, Сахарова, 1836 г.;

„Недоросль“ Фонвизина;

Новый курсъ философіи Жеразе, 1836 г.;

Руководство къ исторіи литературы, соч. А. Вахлера, съ нѣмецкаго. 2 части;

„Двумужница“, Шаховскаго;

„Серапіоновы братья“, Гофмана.

Желаю вамъ здоровымъ благополучно убивать время въ Божьемъ мірѣ. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь пребыть вась любящій и почитающій покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

16. А. А. Краевскому.

16 іюля 1837 г. Воронежъ.

Добрый и любезнѣйшій Андрей Александровичъ! Давно я къ вамъ не писалъ ни строчки; дурно, самъ знаю, и каюсь передъ вами. Не то чтобъ не хотѣлъ,—Боже упаси! Но хлопоты, но дѣла, но непріятности, — вотъ мои друзья, которые такъ прилежно за мной ухаживаютъ и день, и ночь; вотъ мои друзья, товарищи, сослуживцы! Богъ знаетъ, когда они отъ меня отстанутъ; съ ними я хожу, лежу, и ѣмъ, и сплю. Досадно, мочи нѣтъ! а помочь горю нечѣмъ! Да, въ настоящемъ мы горюемъ, въ будущемъ ждемъ лучшева; приходитъ будущее и — хуже стараго въ семь седмерицъ. Вы думаете: какія дѣла? Пустыя, гражданскія? — Нѣтъ, торговыя, торговыя дѣла дурны, — вотъ что! За что ни возьмись, валится все изъ рукъ, — хоть плачь! Что купишь, думаешь: барышъ! Анъ нѣтъ: убытокъ да убытокъ. Сказать вамъ откровенно? Этотъ чортовъ убытокъ ужъ какъ не хорошъ! Жуешь-жуешь, никакъ не проглотишь, такъ въ глоткѣ коломъ и становится! Ледащій малой этотъ убытокъ, чортъ съ нимъ совсѣмъ! Старая пѣсня, — въ сторону! Ей, чортъ съ ней! Ею только вамъ можно наскучить. Сѣмъ, поговорить о другомъ, — и дѣло пойдетъ глаже.

Я къ вамъ давно не писалъ, во-первыхъ, за дѣлами, во-вторыхъ,— стыдно сказать! — ничего не успѣлъ написать, ничего. Что дѣлать?— выносишь. Не живи, какъ хочется, — живи, какъ Богъ велитъ! Право, нѣтъ время, или, сказать лучше, время свободнаго имѣю я много, да такъ всегда мысли разстроены, что не лѣзетъ ничего въ голову; а что и лѣзетъ, то чортъ знаетъ, что такое: ни медвѣдь, ни человѣкъ, а такъ какой-то кавардакъ. Стоишь, думаешь-думаешь, да и сядешь на пень: ноги свѣсишь, голову повѣсишь, какъ дуракъ. Теперь, съ горя, принялся, какъ говорили вы мнѣ, собирать русскія народныя пѣсни. Присказками-то я васъ уже употчивалъ, чай, не захотите въ другой разъ: больно сольно! Что вы до сихъ поръ не сказали объ нихъ ни слова? Да, кажется, никогда не скажете ничего. А объ Януаріи Михайловичѣ и слухъ совсѣмъ застылъ: слышалъ мелькомъ, что поѣхалъ онъ въ чужіе края путешествовать. Дай Богъ ему здоровья, въ добрый часъ! Послѣ присказокъ, я теперь собираю народныя пѣсни, и ужъ собралъ немножко. Это дѣло, кажется, лучше. Вотъ изъ нихъ одна. Посмотрите, если она хороша, помѣстите гдѣ-нибудь, а нѣтъ, — въ огонь! Перегоритъ, да выгоритъ, такъ лѣтъ черезъ сто будетъ славная пѣсня.

Впрочемъ, скажу вамъ, не ждите: въ нашемъ народѣ лучше этой-то и нѣтъ. Я ихъ переслушалъ много, да все, знаете ль, такая дрянь, что уши вянутъ: похабщиной биткомъ набиты. Стыдно сказать, какъ нашъ русскій простой народъ бранчивъ. Если же они вамъ приглянутся, — напишите, я ихъ еще къ вамъ пришлю: есть въ сумкѣ про запасъ, и собирать буду. Но ужъ какая скука ихъ собирать! Съ этими людьми, ребятами, сначала надобно сидѣть, балясничать, потомъ поить

ихъ водкой, и пить съ ними самому зачередъ; потомъ начать самому имъ пропѣть пѣсни двѣ. А я пѣть большой мастакъ! Если бы кто послушалъ, нахохотался бы до-сыта, по горлушко. Потомъ они затянутъ, ты съ ними же, пишешь и поешь! Пріѣзжайте, послушайте, любезнѣйшій Андрей Александровичъ! Ей-Богу, смѣшно: черевушки порвете! А иначе ничего не сдѣлаешь,—хоть брось. Только и я за нихъ принялся крѣпко: что хочешь — дѣлай, а пѣсни пой: намъ надобны!

7-го іюля былъ у насъ, въ Воронежѣ, дорогой гость, великій князь, и съ нимъ Василій Андреевичъ Жуковскій. Я былъ у него, онъ меня не забылъ. Ахъ, любезный Андрей Александровичъ, какъ онъ меня принялъ и обласкалъ, что я не нахожу словъ всего вамъ пересказать. Много, много, много, — и все хорошо, прекрасно! Едва ли ангелъ имѣетъ столько доброты въ душѣ, сколько Василій Андреевичъ. Онъ меня удивилъ до безумія. Я до сихъ поръ думаю, что это все было со мной во снѣ, да иначе и думать невозможно. Жаль, что не могу всего разсказать вамъ подробно; словомъ, чудеса!.. Дай Богъ ему добраго здоровья. Я благоговѣлъ передъ нимъ. Пріѣздъ Василія Андреевича въ Воронежъ много меня осчастливилъ. Не только кой-какіе купцы, и даже батинька не вѣрилъ кой-чему; теперь увѣрились. И ничего, слава Богу! Много бы, много вамъ объ этомъ надобно поговорить, да не могу; душа чувствуетъ, да высказать не можетъ. Словомъ, мнѣ теперь жить и съ горемъ стало теплѣй дюже. Желаю вамъ добраго здоровья. Всѣмъ, кого увидите изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, засвидѣтельствуйте почтеніе; я всѣхъ ихъ свято помню. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностью, вашъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

17. А. А. Краевскому.

28 іюля 1837 г. Воронежъ.

Добрый и любезный мой Андрей Александровичъ! Не получая отвѣта на посланную вамъ пѣсню, теперь посылаю другую. Отвѣтъ мнѣ вашъ нуженъ въ теперешнее время потому болѣе, что я, какъ вамъ уже писалъ, принялся собирать русскія народныя пѣсни пристально. Но, можетъ быть, онѣ вамъ или не понравятся, или нѣтъ, какія бы нужно собирать; слѣдственно, трудъ мой будетъ въ такомъ случаѣ совершенно напрасенъ; а ихъ собирать и копотко, и трудно; притомъ мнѣ, безъ вашихъ наставленій, самому потрафить трудно. Въ Воронежѣ не то, что въ Петербургѣ. Тамъ показалъ тому-другому, выслушалъ мнѣніе и, благословясь, валяй впередъ! Здѣсь не то: у насъ о словесныхъ предметахъ добраго слова и на Рожество Христово не услышишь. Эту пѣсню поютъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ волости Хатунской, весною, въ хороводѣ, съ слѣдующимъ порядкомъ.

Хороводъ становится въ кругъ; берутъ другъ друга за руки дѣвушки и молодцы; въ срединѣ хоровода одинъ парень становится въ вѣнкѣ, расхаживаетъ, поетъ и пляшетъ:

Сро́нилъ я вѣночекъ;

здѣсь онъ снимаетъ съ себя вѣнокъ и бросаетъ на-земь. Онъ надъ нимъ стоитъ; хороводъ ходитъ — поетъ до „Ты стой, моя роща". Здѣсь онъ поднимаетъ вѣнокъ, надѣваетъ на голову, вновь ходитъ, пляшетъ и поетъ; и во второй разъ повтореніе дѣлаютъ такъ же. Въ третій разъ сначала тоже:

Дѣвушка идетъ,
Красная идетъ,
Вѣночекъ несетъ,—

хороводъ становится, поетъ; одна дѣвушка изъ него выходитъ, поднимаетъ вѣнокъ, надѣваетъ на молодца, или, какъ она говоритъ, на „хороводчика", цалуетъ его. И конецъ игрѣ! Надобно замѣтить: такъ, какъ я ее записалъ, она имѣетъ слова точныя, изъ слова въ слово; но поютъ въ хороводѣ ее иначе. Всѣ стихи у нихъ повторяются нѣсколько разъ и большею частію перемѣшиваются; и есть при другихъ стихахъ прибавленіе изъ гласныхъ буквъ, частицы къ стихамъ, напримѣръ: *о, ай, оой, аой, ай-ой.* У меня есть она и этакъ списана, и очень вѣрно. Буде угодно, я вамъ пришлю. Эта пѣсня удивительно какъ хороша на́ голосъ; жаль, что я не умѣю положить голоса.

Дѣла мои теперь торговыя опять немножко получшѣли: приливъ и отливъ ихъ безпрестанный. Вы, пожалуйста, не безпокойтесь, если я иногда вамъ пишу о нихъ грустно. Часто тяготятъ они душу, грустишь, и объ эту пору пишешь, къ кому что должно и не должно,— безъ ума. Вамъ они кажутся, можетъ-быть, новы, а мнѣ ничего: и горе, и радость должны итить въ этой жизни рука-объ-руку,—такъ велѣлъ быть здѣсь нашъ Хозяинъ! Теперь надѣюсь заниматься коечѣмъ поприлежнѣй; кажется, впереди свободнаго много время. Впередъ, впередъ!..

Желаю вамъ, любезнѣйшій Андрей Александровичъ, добраго здоровья. Януарію Михайловичу, если онъ въ Петербургѣ, душевное почтеніе. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю пребыть вашъ покорнѣйшій слуга Ал. Кольцовъ.

У насъ погода жаркая, чудесная для уборки хлѣба, объяденье! Хлѣба очень хороши, а ужъ погода—чистая, ясная, теплая, горячая... Чудеса!

18. А. А. Краевскому.

15 декабря 1837 г., 2 часа ночи, за полночь. Воронежъ.

Милый и любезный Андрей Александровичъ! Горькому горькая пѣсенка поется. Прежде, живя въ этой жизни, ничѣмъ не наслаждаясь, я все думалъ: „Время наше впереди, будетъ праздникъ и у насъ! Пусть ихъ живутъ, а мы еще успѣемъ: потрудимся, поработаемъ, какъ Богъ велѣлъ, устроимся и пойдемъ плясать!"—Хорошо. Пришла пора. Затянулъ пѣсню и я, да горькую; пошелъ и въ плясъ, да не казачка въ обмитку, а пародію медвѣдя на привязи. Это—предисловіе къ теперешней моей драмѣ. Мой золотой вѣкъ кончился: я его прожилъ у васъ, между вами, въ Петербургѣ. Послѣ все не такъ, все наперекоръ:

ты отъ бѣды ворота на запоръ, а бѣда лѣзетъ черезъ заборъ. Торгую дурно. То дѣло еще не кончилось; тянутъ, мучаютъ, жмутъ и конца не становятъ,—хоть бы чортъ ихъ взялъ! Что, вамъ грустно? Вы жалѣете обо мнѣ? Не жалѣйте: это ничего, я ужъ обтерпѣлся, привыкъ. Захочетъ, само пройдетъ! Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья. За ночью день ужъ долженъ быть, а ежели захочетъ ночь его скушать,—подавится! Горе, забота, дѣла и это все—вдругъ! Конечно, неловко; но все бы ничего, когда бы, за всѣмъ этимъ, у меня было время заниматься, чѣмъ мнѣ хочется. Его-то нѣтъ,—вотъ бѣда! Вы думаете, я говорю это къ тому, что, дескать, за этимъ-то мы давно къ вамъ ничего не посылали, ничего не писали, что де дурныя обстоятельства все останавливали?—Э, нѣтъ, ей-Богу, нѣтъ! Несмотря на всѣ мои антипатическія обстоятельства, я все-таки читаю и пишу попрежнему, конечно, не столько, сколько бы могъ, пользуясь свободой, но все пишу хоть малость. У насъ теперь есть: и „Ура", и „Царство мысли", и „Двѣ жизни", и „Пора любви", и „Два прощанья", и „Весна", и „Грусть удалова", и „Пѣсни Кудрявича", и „Человѣческая мудрость", и „Лѣсъ". Вотъ какъ! чуть ли и не очень довольно.

Теперь спросите, почему же я ихъ къ вамъ не посылаю? Вотъ почему: на всѣ мои посланья вы мнѣ ничего не писали; такъ я теперь и боюсь! Вѣдь что у васъ тамъ на умѣ,—я не Святъ Духъ: хороши ль они, какъ вамъ кажутся,—Богъ вѣсть! Но за то, что вы ко мнѣ не писали, я вѣдь не сержуся,—Боже меня сохрани! Развѣ меня взбѣситъ. Что вы заняты и день и ночь по уши, я знаю, и очень хорошо знаю; и вамъ часто скучать этой вздорной перепиской безсовѣстно. Но погодите; я скоро ѣду изъ Воронежа далеко и надолго. Погодите, дайте улизнуть, авось буду свободнѣй; тогда оттоль буду писать больше и сообщу вамъ все дочиста. Теперь же, прошу васъ, и не пишите: я ѣду, и ѣду скоро. Какъ это будетъ хорошо! Воронежскія новости: у насъ въ городѣ на 1838-й годъ „Литературное Прибавленіе" будутъ выписывать человѣкъ десять, а „Библіотеку" многіе, какіе выписывали прежде, не хочутъ выписывать теперь. И слава Богу! Василію Васильевичу Григорьеву, прошу васъ, засвидѣтельствуйте большое почтеніе, и всѣмъ моимъ милымъ знакомымъ почтеніе. Любящій васъ всей душой Алексѣй Кольцовъ.

19. В. Г. Бѣлинскому.

[2 февраля 1838 г. Петербургъ].

Любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Простите, Бога ради, меня, что я такъ долго ничего не писалъ къ вамъ. Не думайте, что я забылъ ваше порученіе,—нѣтъ, Боже сохрани, этого грѣха я никогда противу васъ не сдѣлаю; а такъ, были мои мелкіе расчеты, и даже было вотъ какъ: пріѣхавъ въ Питеръ, два дни разыскивалъ квартиру Полеваго, взялъ адресъ въ субботу; невѣренъ—не нашелъ; въ

воскресенье лавки заперты, въ понедѣльникъ не засталъ, во вторникъ поутру — дома. Я подалъ письмо, посылку. Онъ принялъ меня очень ласково, даже весьма ласково и радушно, какъ будто мы съ нимъ были знакомы два года. Былъ часа три. Сначала онъ все извинялся, что недосуги, хлопоты, устройство дѣлъ журнальныхъ, новая партія, новые люди, знакомства, распорядокъ новый журналовъ мѣшали писать къ вамъ; а все сбирался, и завтра, и завтра, — и вотъ до этихъ поръ не писалъ. — „Я его люблю и почитаю, какъ добраго и умнаго человѣка: онъ такой прекрасный, такой милой, любезной человѣкъ, я это знаю. Но вотъ — что жъ будешь дѣлать — обстоятельства все воротютъ по-своему; думалъ, думалъ — покорился опять на время имъ, хотя бы это и не кстати, не въ пору. И мнѣ ужъ, старику, 42 года; я бы что-нибудь написать могъ свое — у насъ въ мірѣ такъ много прекраснаго, есть вещи, которыя душа хочетъ выполнить, — а вотъ, несмотря ни на что, я работникъ на 5 лѣтъ; да, 5! — еле роли пройдутъ. Я теперь старикъ, а тогда мнѣ будетъ 47 лѣтъ; а тутъ цензура все такъ и придирается: у людей хуже сходитъ, у меня — нѣтъ, вымарываютъ да и только; безпрестанно долженъ ѣздить самъ; объ всякой малости говорить, объясняться“. — Какъ это Богъ васъ управляетъ, Николай Алексѣевичъ? — „Что жъ дѣлать? — крайность“. — Николай Алексѣевичъ! Виссаріонъ Григорьевичъ меня просилъ узнать у васъ о его статьѣ, разборъ Гамлета. — „Да, я ее получилъ давно, — да вѣдь видите, самъ я не знаю, что́ съ нею дѣлать“. — Что жъ, развѣ дурная статья? — „Нѣтъ, она статья прекрасная; да сначала я получилъ отъ него немного, — думалъ въ „Пчелѣ“ напечатать, номерахъ въ трехъ, — смотрю, валитъ огромная другая, — вотъ она, посмотрите, — вѣдь ужасъ какъ велика!“ — Да, точно, статья большая. — „Ну, вотъ, мой любезнѣйшій, я теперь и не знаю самъ, что́ мнѣ съ ней сдѣлать. Помѣстить въ „Пчелу“, такъ куда — она займетъ номеровъ 30, а въ „Сынъ Отечества“, такъ ужъ въ „Пчелѣ“ напечатано начало; это, мнѣ кажется, неловко; да и подумаютъ, что жъ это такое? тамъ начало, здѣсь продолженіе. Положимъ, это все бы ничего, — да вотъ что мнѣ не нравится, посмотрите; я не знаю, что онъ за чудакъ такой; пишетъ, да и только — посмотрите, Бога ради — цѣлые монологи, цѣлыя сцены изъ Гамлета; для чего это — не знаю, вѣдь Гамлета всѣ знаютъ. Довольно бъ, кажется, было два-три стиха для примѣра, а ниже сказать „и прочее, вотъ докуда“. Опять, я перевелъ Гамлета, я издаю журналъ, и у меня же такой разборъ; могутъ подумать: видно, попросилъ. Если бъ и хотѣлъ онъ такъ, то ужъ лучше бы было ему изъ подлинника брать по-англійски что-либо. Послѣ этого, и съ первымъ напечатаннымъ началомъ много было мнѣ хлопотъ; такъ вотъ и смотрятъ, ни съ того ни съ сего: то нейдетъ, то нельзя; а во всей статьѣ много есть выраженій, которыя вовсе не понравятся, и я ихъ не хотѣлъ бы передавать; а выкинуть сцены, перемѣнять слова самому, безъ согласія, — такъ вы вѣдь знаете Бѣлинскаго и его самостоятельный характеръ. Вотъ почему я ничего съ ней не дѣлаю“. — Пожалуйте жъ, Николай Алексѣевичъ, ее мнѣ, онъ меня просилъ прислать ее къ нему

обратно. — „Нѣтъ, я вамъ ее не дамъ, а сначала съ нимъ перепишусь, что онъ мнѣ на это скажетъ". — Ну, такъ, пожалуйста, напишите ему поскорѣй. — „На этихъ дняхъ непремѣнно напишу!" — Поспѣшите жъ, Николай Алексѣевичъ, онъ ждетъ отъ васъ письма съ нетерпѣніемъ.— „Да, я знаю; почему мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ сюда пріѣхалъ, и мы тамъ съ нимъ говорили, да вотъ видите-ли, любезнѣйшій Алексѣй Васильевичъ, и этого мнѣ теперь сдѣлать нельзя, еще мои дѣла не такъ устроены; тамъ-то мы думали такъ, а здѣсь совсѣмъ вышло наоборотъ. Я и хочу съ этимъ вотъ какъ сдѣлать: буду его просить, чтобы онъ послѣ Святой пріѣхалъ ко мнѣ такъ. Квартира у меня ему есть; кушать, слава Богу, есть что; живи онъ у меня хотя цѣлое лѣто, я буду душой радъ, какъ другу; я его почитаю и уважаю. Мы будемъ съ нимъ гулять по Питеру, смотрѣть диковинки, людей, показывать себя, бесѣдовать, а что онъ напишетъ, я буду помѣщать въ журналѣ и платить деньги. И мнѣ будетъ это очень, очень пріятно; а если ему полюбится, то онъ можетъ остаться и жить здѣсь постоянно. Мнѣ кажется, такъ сдѣлать будетъ ему лучше, а мнѣ бы такой сотрудникъ необходимо нуженъ. Да все дѣла-то неустроены, бѣда. Богъ знаетъ за что, косятся на меня — да и только. Все наши старыя проказы довели до этого. Какъ тогда я былъ глупъ, что увлекался пустяками: ничего, да ничего, — а это ничего и понынѣ никакъ не сотрешь; нужно поселить о себѣ невыгодное мнѣніе, такъ ужъ трудно его перемѣнить". — Вотъ какъ отзывается о себѣ, о васъ и о вашей статьѣ Николай Алексѣевичъ Полевой; я нарочно, какъ просили писать прямо, пишу всѣ его слова, какъ онъ ихъ говорилъ мнѣ. Прощайте, любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Любящій васъ душою Алексѣй Кольцовъ.

На это письмо къ Полевому писать погодите; онъ велѣлъ мнѣ быть у него черезъ два дня, я буду, и къ вамъ напишу тотчасъ; тогда будете писать, — такъ нужно. Михаилу Александровичу почтеніе отъ души. Мой адресъ: на Литейной, въ Басковомъ переулкѣ, въ домѣ г-жи Титовой, № 11, во второмъ этажѣ. Его благородію Ивану Васильевичу Бондаревскому; мы съ нимъ вмѣстѣ.

20. В. Г. Бѣлинскому.

[14 февраля 1838 г. Петербургъ].

Любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Станкевичъ, Невѣровъ и Грановскій черезъ почту пишутъ письма къ Григорьеву, — письма изъ-за границы. Какъ видно, живутъ они весело втроемъ. Здѣсь Григорьевъ выхлопоталъ для Невѣрова, чтобы его въ Берлинѣ приняли въ университетъ на казенный счетъ слушать лекціи два года. Послѣ онъ пріѣдетъ въ Россію; послѣ испытанія дадутъ профессорство; — это для Невѣрова, слава Богу, хорошо; а Плюшаръ изъ редакціи Лексикона ему не платитъ денегъ до 700 руб., а ему деньги тамъ нужны. Вчера у Венеціанова за обѣдомъ пили здоровье въ день рожденія Невѣрова.

2 февраля былъ въ Петербургѣ славный день, какой едва ли былъ когда въ Россіи: по соизволенію Царя дѣлали юбилей Крылову, праздновали 70-ти-лѣтіе его жизни и 50-ти-лѣтіе его трудовъ на литературномъ поприщѣ. Только не былъ Сенковскій, будто за болѣзнью; Гречъ отказался и Булгаринъ; за это имъ былъ строгой выговоръ. Полевой былъ. На него напалъ кто-то и, какъ онъ говоритъ, чуть не прибилъ; да спасибо, развелъ ихъ кн. Одоевскій, — такъ говорилъ Полевой. Вы ему ничего не пишите объ этомъ, а то онъ будетъ на меня серчать. Полевой спрашивалъ объ „Уголино". Я ему сказалъ ваше мнѣніе, и какъ оно было принято; это ему не показалось. О Гамлетѣ спрашивалъ, я сказалъ, что̀ сумѣлъ. Впрочемъ, ему болѣе нравится игра Каратыгина, нежели Мочалова.

Я былъ на Гамлетѣ въ Питерѣ, и вотъ мое мнѣніе: Каратыгинъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, прекрасно образованъ, чудесно дерется на рапирахъ, великанъ собою; и этотъ талантъ, какой онъ имѣетъ, весь ушелъ онъ у него въ искусство, и гдѣ роль легка, тамъ онъ превосходенъ, а гдѣ нужно чувство, тамъ его у Каратыгина нѣту,— извините. Напримѣръ, сцена послѣ театра, монологъ „быть или не быть", разговоръ съ матерью, разговоръ съ Офеліей: „удались отъ людей, иди въ монастырь",—здѣсь съ Мочаловымъ и сравнивать нечего: Мочаловъ превосходенъ, а Каратыгинъ весьма посредственной. У Мочалова немного минутъ, но чудесныхъ; у Каратыгина съ начала до конца вся роль проникнута искусствомъ. Полонія игралъ Сосницкій; ню Сосницкаго и сравнивать нечего съ Полоніемъ московскимъ: тотъ ужъ дуренъ, а этотъ превосходенъ, такъ что его роль второстепенная противу Гамлета, а онъ на сценѣ съ Каратыгинымъ равенъ, — какъ будто эти двѣ роли обои первостепенныя. Асенкова въ Офеліи, до безумія,—лучше Орловой, а безумная Орлова—вдвое лучше; это оттого, что у Орловой болѣе чувства, у Асенковой болѣе образованности. Король—Брянской прекрасно выполняетъ свою сухую роль, и противу Орлова впятеро лучше. Лаертъ петербургскій сносенъ, а въ Москвѣ дуренъ.

Я говорилъ про это Полевому; онъ со мною не согласенъ. Его мнѣніе, что актеру нужно имѣть природный талантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ надобно обладать искусствомъ, для этого должно учиться и образовываться. Каратыгинъ у него таковъ, а Мочаловъ и съ талантомъ, да не образованъ; у него больше чувства, менѣе искусства.

Былъ на оперѣ „Жизнь за Царя", и говоря про оперу, я совершенно согласенъ съ Михайломъ Александровичемъ; онъ на нее смотритъ съ настоящей точки умозрѣнія. Былъ на оперѣ „Жидовка" (въ нѣмецкомъ театрѣ). Эту оперу надобно посмотрѣть: она не то, чтобы была прекрасная опера, полная: отчетливости въ полномъ смыслѣ слова этого въ ней нѣтъ; — но надобно посмотрѣть, какъ господа нѣмцы ее выполняютъ удивительно; всѣ первыя роли выполняютъ неимовѣрно хорошо; пѣвцы чудо, пѣвицы прелесть. Да, надобно чаще смотрѣть нѣмецкую оперу.

Теперь о самомъ себѣ. Жуковскій принялъ меня два раза что-то

очень холодно, такъ что къ нему пойду развѣ по дѣлу или проститься. Вяземскій тоже холоднѣй прежняго, даже сухъ. Одоевскій вдвое ласковѣй прежняго. Плетневъ впятеро ласковѣй прежняго, приглашалъ на вечеръ къ себѣ, и я былъ, отдалъ ему въ „Современникъ“ „Царство мысли“ и „Два прощанья“. Краевскій поважнѣлъ и погордѣлъ, и немного суше; говорилъ о книгѣ, что она ходитъ по книгопродавцамъ, никакъ онъ съ ними не сладитъ, все прижимаютъ, оттого болѣе, что онъ у ней, человѣкъ посторонній, и не лично я. Видно, онъ хотѣлъ употребить меня на сдѣлку съ ними, поклонничать и пресмыкаться, а я сказалъ, что я очень радъ, что она еще не напечатана, и благодарю васъ за то, что вы дождались меня. Съ него рукописной еще не бралъ, да возьму.—„А почему вы, Андрей Александровичъ, не помѣщали моихъ стиховъ въ свой журналъ? — я васъ просилъ въ письмѣ“.—Да видите-ли, книга небольшая, много изъ ней напечатано, не хотѣлось вырывать послѣдняго хорошаго“.—„Можетъ быть, не стоютъ быть въ вашемъ журналѣ?“ — „О нѣтъ, тамъ есть нѣсколько вещей хорошихъ“. Я ему отдалъ „Ура“ и „Пора любви“; все-таки по старой дружбѣ я счелъ отдать лучше. Жуковскому передалъ „Ура“, онъ ничего на нее не сказалъ. Познакомился съ Давыдовымъ, партизаномъ, онъ ко мнѣ хорошъ. Губеръ ходитъ около журналистовъ изъ-за хорошихъ рецензій; онъ отдалъ въ печать Фауста. Я немного читалъ, переводъ дуренъ, они у него сами выбираютъ изъ всего лучшія мѣста для журналовъ. Бенедиктовъ ко мнѣ не холоденъ, лучше прежняго, далъ 2-ю часть своихъ стиховъ. Полевой подарилъ „Гамлета“. Гребенка также далъ свои „Повѣсти Пирятинца“. Бернетъ прислалъ свою книгу, стихи, съ тѣмъ, чтобы я ему сдѣлалъ на нее безпристрастное сужденіе; только оно будетъ не въ его пользу. Другіе мои знакомые все тѣ же: добры и ласковы.

Да, новость: я въ этотъ разъ вдвое поумнѣлъ противу прежняго; такъ славно толкую, говорю увѣренно, спорю, вздорю, что бѣда. Рискъ-благородное дѣло. Я съ важными, учеными людьми толкую, спорю, пускаюсь въ сужденія и убѣждаю ихъ на своемъ мнѣніи. Виссаріонъ Григорьевичъ, Михаилъ Александровичъ, какъ думаете?— вѣдь право смѣшно! Чего на свѣтѣ нѣтъ! Въ первый разъ я все больше разыгрывалъ молчанку, а теперь—дудки. Нѣтъ, братцы, лихо говорю; это правда, что оно поподручнѣй; а мнѣ, ей-Богу, что-то хочется и самому кой-кого изъ молодежи одурачить; пусть наши копыты помнютъ.

21. В. Г. Бѣлинскому.

21 февраля 1838 г. [Петербургъ].

Любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Теперь рѣчь пойдетъ о вашей грамматикѣ. Н. А. Полевой говоритъ: „Вотъ и этимъ я бы былъ душою радъ помочь ему; готовъ сдѣлать все, что только можно, а посудите сами, что я вовсе не могу ничего сдѣлать. Во-первыхъ, ежели я скажу о ней Смирдину, буду хвалить, я, какъ человѣкъ



Кольцовъ. Губеръ. Владиславлевъ. Жена Плетнева. Воейковъ. Гребенка.
Одоевскій. Тургеневъ. Плетневъ. Скобелевъ.

Литературный вечеръ у П. А. Плетнева
(съ рисунка П. Бореля).

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. СПб

новый для него и не очень давно знакомъ, — ну, самъ по себѣ, какъ человѣкъ, я въ дѣлѣ словесности немножко извѣстный, — то Смирдинъ предложеніе мое, я увѣренъ, приметъ; но вполнѣ онъ мнѣ вѣдь не повѣритъ, а у него есть другіе знакомые, напримѣръ, Булгаринъ, Сенковскій, Гречъ. Посудите же: что́ на это скажетъ Гречъ, тутъ не трудно догадаться, Смирдинъ же, какъ человѣкъ, — купецъ, спекуляторъ; онъ только имѣетъ одну предпріимчивость, а самъ въ томъ дѣлѣ не смыслитъ. Въ такомъ случаѣ я Виссаріону Григорьевичу помочь ничѣмъ не могу, хоть бы и предложилъ Смирдину. Во-вторыхъ, эти вещи пишутъ люди, близкіе къ самому дѣлу, или которые имѣютъ вѣсъ и живутъ въ этой сферѣ. Они видятъ, что́ нужно; въ какомъ родѣ ученая книга пойдетъ, въ томъ и пишутъ; и такія, какія въ учебныхъ заведеніяхъ приняты и употребляются, по тѣмъ правиламъ, какія преподаватели понимаютъ. Бѣлинскаго жъ грамматика совсѣмъ другова рода, сдѣлать по ней новое введеніе трудно. Слѣдственно, и Смирдинъ, купивши,—она у него ни въ какомъ случаѣ пойти не можетъ. Она,—какъ онъ говоритъ,—для дѣтей, а вовсе не дѣтская; это грамматика болѣе философская. Дѣти ея не поймутъ, а взрослые немногіе читаютъ. Притомъ въ ней много отвлеченности; онъ человѣкъ странной, чудакъ большой: пишетъ то, чего у насъ еще не понимаютъ. Вотъ почему я ничѣмъ пособить не могу".—Я къ вамъ пишу, Виссаріонъ Григорьевичъ, прямо, какъ говорилъ Полевой, потому что вы велѣли мнѣ все писать, что́ онъ скажетъ. Изъ этого всего, по моему мнѣнію, выходитъ вотъ что: насчетъ грамматики Полевой не хочетъ сказать Смирдину ничего и, можетъ быть, по его обстоятельствамъ не вовсе можетъ. Статью вашу о Гамлетѣ напечатаетъ тогда, когда вы позволите ему ее переправить; или я ее возьму у него и вамъ отошлю, если вы ему этого не позволите сдѣлать. Сотрудникомъ вамъ быть у Полевого нельзя до время, — и это одно, какъ онъ мнѣ говорилъ, чистая правда, этому вы вѣрьте; а быть вамъ у него лѣтомъ, жить какъ друзья, помѣщать статьи какъ отъ человѣка не участвующаго и посторонняго, это тоже лучше,—и онъ насчетъ этого говоритъ сущую правду.

Еще говоритъ Полевой, что „Бѣлинскому непремѣнно надобно себя образовать болѣе, а для этого онъ лучшаго мѣста не найдетъ, кромѣ Питера. Если онъ пріѣдетъ сюда, то совершенно со мною согласится. Я самъ, живши въ Москвѣ, думалъ иначе, а здѣсь совсѣмъ другое, куда!—Мнѣ тоже необходимо перемѣнить себя во многомъ надобно. Мы совершенно отстали далеко отъ современныхъ новыхъ понятій: необыкновенно какъ все идетъ скоро впередъ; направленіе за направленіемъ слѣдуетъ на-вскачь". (А правда ль это—не знаю). „Я знаю, его нельзя въ томъ увѣрить, а вотъ пріѣдетъ ко мнѣ самъ, тогда я увѣренъ, что онъ убѣдится въ этой необходимости." — „Онъ человѣкъ добрый, умный весьма",—часто повторяетъ,—„да жаль, что пишетъ вычурно; мысль прекрасна, ума море, да кой-какія безпрестанно вставляетъ вещи, которыя совсѣмъ не слѣдуетъ". — Вотъ теперь, кажется, всѣ слова Полеваго касательно васъ; я ихъ слушалъ со всѣмъ

усиліемъ понятія. Мнѣ жаль до смерти, Виссаріонъ Григорьевичъ, что васъ въ другомъ письмѣ кормлю однѣми непріятностями. Досадую, что я въ такую погоду попалъ въ невыгодные для васъ переговоры. И если бъ зналъ, ей Богу не взялся бы писать; но вы велѣли писать все; хоть съ неохотой, пишу.

Я у Полеваго еще не былъ, буду завтра; вы погодите къ нему писать. Сначала я отъ него всѣ мнѣнія отберу, потомъ вамъ ихъ напишу, безъ утайки: тогда вы все сами увидите безошибочно, а то, можетъ быть, вы его поймете не такъ, какъ бы поняли послѣ. А я придумалъ у него спросить еще кое о чемъ.

Краевскій о васъ говорилъ, что Бѣлинскій большой негодяй, пишетъ чортъ знаетъ что. „Онъ мнѣ прислалъ двѣ статьи, просилъ помѣстить въ журналъ, и чтобъ участвовать сотрудникомъ. Но его статьи никуда негодны. Человѣкъ началъ писать о томъ, повелъ рѣчь вовсе о постороннемъ; потомъ завлекся, что и не поймешь. Сдѣлалъ мнѣ предложеніе, чтобы въ журналѣ быть въ родѣ панибрата. Я ему пишу, что въ этомъ журналѣ хозяинъ я, — а другого нипочему не надобно, и я, братъ, въ тебѣ не нуждаюсь."

Гребенка съ Прокоповичемъ говорили при мнѣ о вашей грамматикѣ такъ: „Его грамматики начало очень хорошо, а послѣ онъ самъ срѣзался, пошелъ говорить чортъ знаетъ о чемъ, ввелъ бездну посторонностей, совсѣмъ ненужныхъ, и заврался напропалую. И она не дѣтская, а для знающихъ не нужная. Что де самая хорошая грамматика въ свѣтѣ—большая Греча; Гречъ великій человѣкъ.—А все-таки жаль, что другой части онъ не печатаетъ: посмотрѣть бы любопытно, что въ ней у него тамъ за диковинки". Любящій васъ душевно Алексѣй Кольцовъ.

22. Н. А. Полевому.

26 февраля 1838 г.

Мой любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ!

Я радъ, что вы забыли день, въ которой обѣщались быть у меня. Чрезъ это я имѣю у себя на память вашей руки записку. Ко мнѣ жъ прошу пожаловать въ воскресенье 27 февраля, — это значитъ завтра, въ вечеру, — чѣмъ много обяжете любящаго васъ всей душою Алексѣя Кольцова.

[На оборотѣ письма:] Его высокоблагородію Николаю Алексѣевичу Полевому.

23. В. Г. Бѣлинскому.

7 марта 1838 г. Питеръ.

Любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Извините, что я такъ долго къ вамъ не писалъ. Причина: кой-какія хлопоты по дѣлу, лѣнь, а главное мнѣ хотѣлось взять сначала у Полеваго вашу статью, потомъ писать къ вамъ.

Вчера я былъ у него, передалъ вашу записку, приложенную къ письму; онъ ее прочелъ съ не большой пріятностью. „Экой чудакъ, экой чудакъ этотъ Бѣлинскій; не знаю, что онъ хочетъ дѣлать. Нате, вотъ она, пошлите къ нему, когда ужъ онъ такъ хочетъ. Да пожалуйста, будете въ Москвѣ, вы его образумьте". — Хорошо-съ, я это непремѣнно сдѣлаю. — Теперь она у меня, и я вамъ ее не завтра, то послѣзавтра пошлю непремѣнно. Сколько жъ я проживу въ Питерѣ, ей Богу, самъ еще не знаю; мои дѣла пока темны. Вотъ, въ пятницу, я узнаю о своемъ дѣлѣ; буде оно кончится скоро, то я проживу двѣ недѣли, а нескоро, — то гораздо болѣе; смотря, насколько оно растянется, настолько и мое житье здѣсь подлиннѣетъ. Во всякомъ случаѣ я устрою такъ: попрошу Александра Васильевича Никитенку, чтобы вамъ къ нему поселиться прямо. Завтра буду у Плетнева, поговорю о ней; можетъ, онъ возьметъ въ „Современникъ". А нѣтъ, — въ четвергъ посылаю къ вамъ. И я послѣ того буду писать; слѣдственно, вамъ и безпрестанно будутъ видны мои дѣла. У Краевскаго завтра жъ спрошу о вашей статьѣ. А мнѣ еще кой о чемъ надобно говорить съ вами много, да теперь почта мѣшаетъ. Вы будете писать къ Николаю Алексѣевичу, то пожалуйста не пишите, что вы получили отъ него письмо черезъ почту, посланное Кольцовымъ. Вы меня этимъ срѣжете; я его просто обманулъ, — сказалъ, что у меня знакомый землякъ ѣдетъ, я съ нимъ и пошлю; а принесъ домой, печать долой, конвертъ въ огонь, одѣлъ въ свой и послалъ на имя Бакунина.

Михаилу Александровичу, Константину Сергѣевичу, Василію Петровичу и г. Каткову душевное почтеніе. Любящій и почитающій Васъ Алексѣй Кольцовъ.

24. В. Г. Бѣлинскому.

14 марта 1838 г. Питеръ.

Любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ! Вотъ когда я передъ вами виноватъ, такъ ужъ просто виноватъ: недѣля, какъ я взялъ статью у Николая Алексѣевича, и вотъ сегодня только посылаю. Для чего же я такъ медлилъ? Чѣмъ былъ занятъ? Чортъ ее знаетъ, какъ все это случилось. Забылъ? Избави Богъ! этого грѣха со мной еще не было. Главная, кажется, причина, что я со дня пріѣзда въ Питеръ какъ-то нездоровъ; отъ этого все время и дѣла у меня тянутся—и не въ свою пору, и медленно. Третьяго дня былъ я у Краевскаго, говорилъ ему о разборѣ Гамлета, и вотъ его отвѣтъ: „Пожалуйста напишите вы Виссаріону Григорьевичу, чтобъ онъ ее пристроилъ къ слѣдующей игрѣ московскихъ актеровъ, напримѣръ, вотъ какъ будутъ играть на Святой недѣлѣ, и чтобъ тотчасъ ко мнѣ онъ ее прислалъ; тогда она будетъ нова, по времени, и напечается въ пору. И вмѣстѣ съ этимъ попросите его, чтобы онъ увѣдомилъ меня, его ли статьи прислано одно начало подъ именемъ Быстрицкаго; буде его, то чтобы онъ прислалъ мнѣ и остальную,—я ее напечатаю съ удовольствіемъ, а одно начало печатать не буду“. — Я ему сказалъ, что Виссаріонъ Григорьевичъ желаетъ, чтобы его статьи были печатаны съ его именемъ.—„На это я согласенъ съ охотою. Еще напишите, буде у него есть своего сочиненія повѣсти, статьи ученыя, или чисто журнальныя, то пусть ко мнѣ присылаетъ; я буду печатать ихъ съ его фамиліей, и съ большимъ, большимъ удовольствіемъ; я не буду печатать отъ него только одного, разборы книгъ, а если бы и напечаталъ, то, во-первыхъ, безъ имени, а во-вторыхъ, и съ перемѣною, чтό въ нихъ будетъ противу моихъ связей“. Онъ что-то къ вамъ вдругъ получшѣлъ: то сперва бранилъ, а теперь другое дѣло. Я полагаю (можетъ быть, впрочемъ, и ошибочно), что сперва онъ думалъ навѣрное, что вы будете участвовать у Полеваго, тогда казались ему страшны. Я же, тонко не зная всѣхъ журнальныхъ продѣлокъ, пишу вамъ, что слышалъ, и кто что говоритъ.

Въ прошлую среду былъ я на вечерѣ у Плетнева. Тамъ былъ Воейковъ, Владиславлевъ, Карлгофъ, Гребенка, Прокоповичъ и Тургеневъ. Зашла у нихъ рѣчь объ васъ. Воейковъ говорилъ: „Онъ малый дѣйствительно весьма умной, съ талантомъ, но бѣдовая голова, увлекся въ какую-то односторонность, и эта система его погубила“.— А какая?—„Богъ Святой знаетъ. Вы съ нимъ знакомы?“ —Да, знакомъ.— „Какъ это васъ Богъ свелъ съ этимъ человѣкомъ?“ —Очень просто, я съ нимъ знакомъ лѣтъ шесть.— „А, это другое дѣло“. Скажу вамъ еще, что Николай Алексѣевичъ, кажется, принимаетъ на самого себя очень много небывалаго, и что его сомнѣнія не только о васъ, но и о себѣ совсѣмъ несправедливы, и онъ сперва пужалъ себя, потомъ напугалъ меня, а я ужъ напугалъ васъ. Я ему повѣрилъ на слово безусловно, въ этомъ состояла вся ошибка. Его, какъ и васъ, не любитъ одна бездарность за одинъ умъ, а не за что другое. А можетъ быть и то: Полевой хотѣлъ надуть меня, чтобы я надулъ васъ. Если и не такъ, то все-таки его мнѣнія отчасти несправедливы. О разборѣ Гамлета онъ мнѣ просто навралъ; это ужъ я вижу, какъ настоящій день. Говоритъ: въ немъ и то и то есть; а въ немъ ровно того-то и того-то нѣтъ. Его же не терпятъ нѣкоторые еще и за то, что онъ знакомъ съ Булгаринымъ и Гречемъ; съ ними многіе не хотятъ и встрѣчаться.

Теперь рѣчь другая. У Жуковскаго я былъ еще разъ по своему дѣлу; онъ ни то ни се. У Вяземскаго былъ только разъ, онъ тоже ни то ни се. У Муравьева былъ разъ; онъ тоже ни то ни се, и, кажется, онъ человѣкъ замаскированный, у него души немного, а чужая душа большая..... Одоевскій немного лучше, или ласковѣй. Онъ затѣялъ рѣчь о другомъ изданіи. „Что? оно напечатано у васъ давно?“ —Еще не печаталось.—„Такъ скоро думаете печатать?“—Хотѣлъ бы скоро, да не имѣю средствъ.—„Да помилуйте, это бы, кажется, можно сдѣлать какъ-нибудь иначе“.—Какъ же, скажите, ваше сіятельство!— „Постойте,—вотъ мы соберемся, поговоримъ, да и поручимъ Краевскому“.—Въ прошедшій мой пріѣздъ Краевскій за это дѣло уже принимался.—„Да, помню; что жъ онъ, почему не выполнилъ?“—Не знаю, думаю, одному показалось тяжело.—„Ну вотъ, что касается до денегъ, то я самый пустой человѣкъ“.—Я про это не смѣлъ и думать, ваше сіятельство.—Вотъ вамъ кн. Одоевскій. Всѣмъ большимъ людямъ я говорю: хотѣлъ бы, да средствъ не имѣю; а другимъ: погодить хочу, еще прибавлю, тогда ужъ разомъ. Жуковскому въ первый разъ отдалъ я „Ура“ и „Къ милой“; онъ передалъ Краевскому. Я говорю Краевскому: у меня есть то-то и то-то. „Приносите пожалуйста все“.—Постойте, дайте переписать набѣло, я все къ вамъ принесу.—А между тѣмъ безъ его вѣдома я отдалъ двѣ пьесы Воейкову въ сборникъ, три пьесы въ альманахъ Владиславлева, двѣ въ „Современникъ“ Плетневу; три пьесы оставилъ у Полеваго.—Краевскій напечаталъ „Ура“ съ ужаснѣйшей похвальбой, надѣясь еще печатать мои новыя. Я послѣ прихожу къ нему. „Что жъ, переписали, принесли?“ —Нѣтъ.—„Что же?“ —Да вотъ что, я кое-какіе изъ нихъ

отдалъ.—„Куда?"—Да вотъ туда-то и туда-то.—„Гмъ, для чего жъ вы такъ сдѣлали?"—Да просятъ: совѣстно отказать.—За эти невинныя продѣлки будете ли вы меня бранить или нѣтъ? Какъ вамъ угодно, а на мои глаза болѣе мнѣ не оставалось, кажется, дѣлать, что я сдѣлалъ.

По воскресеньямъ я обѣдаю у Венеціанова, а иногда у Григоровича.—Эти обои добрые люди; ко мнѣ ласковы, хороши и, кажется, любятъ. По вторникамъ бываю у Гребенки; онъ ко мнѣ хорошъ. По средамъ у Кукольника и у Плетнева. Плетневъ ко мнѣ будто неподдѣльно хорошъ. По четвергамъ у Владиславлева; онъ мнѣ сулитъ горы, а что-то дастъ?—По пятницамъ у Никитенки.—По субботамъ у моихъ земляковъ вечера ихъ собственно, гдѣ бываемъ и мы. По понедѣльникамъ вечера у меня, и всѣхъ ихъ было два. На первомъ были Полевой, Кукольникъ, Краевскій, Булгаринъ, Бенедиктовъ, Гребенка, Бернетъ, Прокоповичъ, Пожарской, Шевцовъ, Сахаровъ и моихъ земляковъ человѣкъ восемь. На другомъ—Владиславлевъ, Краевскій, Никитенко, Григоровичъ, Мокрицкой, Венеціановъ, Турановъ, трое Крашенинниковыхъ, Посылинъ, Бенедиктовъ, Гребенка, Бернетъ, Пожарской, Прокоповичъ, Губеръ, Шевцовъ, Сахаровъ и земляковъ человѣкъ пять.

Вотъ каково, Виссаріонъ Григорьевичъ! Въ Питерѣ живемъ, и добрымъ людямъ вечера даемъ!

О душевной жизни вечеровъ моихъ и прочихъ не знаю, что́ вамъ сказать. Кажется, они довольно для души холодны, а для ума мелки; въ нихъ нѣтъ ничего питающаго душу; искра Божьей святой благодати не проникаетъ. Молчанье въ нихъ играетъ первую ролю; оттого-то, кажется, я и не послѣдній. Тихій разговоръ по уголкамъ между двухъ-трехъ человѣкъ. Кругомъ диваннаго стола серьезный разговоръ о пустоши людей серьезныхъ—не по призванью, а по роли, ими разыгрываемой. На нихъ можно скорѣе пріучить себя къ ловкому свѣтскому обращенію, а ума прибавить нельзя ни на лепту. Завтра буду у Ишимовой; хочется посмотрѣть, что́ есть еще здѣсь.—Дѣло мое еще не кончилось; проживу въ Питерѣ двѣ недѣли, а можетъ и больше; но только это будетъ противъ моего желанія, а развѣ дѣло задержитъ. Вы еще успѣете прислать ко мнѣ Гамлета, я его отдамъ Никитенкѣ, и если его не успѣю обратно взять, то попрошу Никитенку отослать его въ Москву . . . .

. . . .

У Губера выходитъ исторія съ Фаустомъ. Онъ Пушкину отдалъ отрывокъ Фауста посмотрѣть; а послѣ смерти его взялъ съ поправками Пушкина и напечаталъ въ „Современникѣ". Пріѣхалъ Бекъ изъ Германіи и говоритъ, что этотъ отрывокъ ни Губера, ни Пушкина, а его. Онъ, бывши въ Германіи, перевелъ и послалъ его Пушкину въ журналъ, печатать. Хочетъ войти съ претензіей; а у Губера взятъ изъ цензуры и отданъ печатать. Какъ они съ этимъ: уладятъ? нѣтъ-ли?—Владиславлевъ, Жуковскій, Воейковъ затѣваютъ новый журналъ на акціяхъ. Воейковъ слишкомъ меня проситъ дать ему еще стиховъ въ

другой сборникъ; самъ завезъ третьяго дни въ подарокъ Муравьева „Странствованія“ три книги; а вотъ сейчасъ былъ, — завезъ „Елену“ Бернета, и „Поучительныя рѣчи и слова“ какого-то протоіерея. Что мнѣ съ нимъ дѣлать, пожалуйста скажите. Милому Михаилу Александровичу душевное почтеніе, Василію Петровичу душевное почтеніе, г. Каткову и Константину Сергѣевичу Аксакову душевное почтеніе и поклонъ до земли. Теперь буду писать чаще: кажется, впереди пойдетъ время посвободнѣй.

Теперь прощайте, любезный мой Виссаріонъ Григорьевичъ, будьте здоровы, веселы, и дай вамъ Богъ всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ. Всей душой почитающій васъ Алексѣй Кольцовъ.

Объ „Уголино“ говорилъ Краевскому; онъ сказалъ: я самъ написалъ и уже печатаю на него разборъ.

25. А. А. Краевскому.

30 марта 1838 г. [Петербургъ].

Любезный Андрей Александровичъ! Въ послѣдній разъ, какъ были у меня, забылъ я вамъ сказать, гдѣ тетради, отданныя мною Василію Андреевичу Жуковскому. Переданы имъ Петру Александровичу Плетневу, и онъ изъ нихъ хотѣлъ напечатать въ „Современникѣ“. Если вы увидитесь съ нимъ, покорно прошу васъ подѣлить ихъ на-двое: половину напечатайте въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“, а другую оставить у Петра Александровича. Въ этихъ дѣлахъ я такъ близорукъ и глупъ, что, ей-Богу, совѣстился объ этомъ и сказать-то вамъ. Въ послѣдній разъ, при разставаніи, Кукольникъ взялъ у меня „Неразгаданную истину“—думу и „Могилу“—думу. Ей-Богу, я не нашелся иначе ничего сдѣлать, какъ поскорѣй отдать. Судите сами! Въ первый разъ онъ мнѣ сказалъ: „Дайте“. Ну, какъ же мнѣ не дать? Вѣдь было бъ стыдно мнѣ и совѣстно. Впрочемъ, у васъ и кромѣ ихъ еще останется весьма много. Любящій и почитающій васъ Алексѣй Кольцовъ.

26. Неизвѣстному лицу.

9 апрѣля 1838 г.

Ваше превосходительство, Александръ Александровичъ! Мнѣ далъ Богъ при рожденьи одно бѣдное богатство: прошу васъ, по добротѣ души вашей, не откажитеся принять съ этой маленькой книжонкой и мою душевную благодарность за принятое покровительство въ моемъ дѣлѣ. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

27. В. А. Жуковскому.

2 мая 1838 г. Москва.

Ваше превосходительство, добрый вельможа и любезный поэтъ Василій Андреевичъ! Снова нарушаю вашъ покой, снова, можетъ быть,

въ эту минуту я прерываю священныхъ вашихъ трудовъ любимыя мечты, которыми съ давнишнихъ поръ воспламенялъ и теперь воспламеняю мою холодную душу. Не нарушать, молиться бъ, молиться бъ мнѣ за нихъ должно... Думалъ ли я когда-нибудь дѣлать такъ, какъ дѣлаю теперь?.. Люди! до чего вы меня довели! Что не принудили сдѣлать? Куда направите еще?.. На все готовы вы, на все безъ исключенія, вамъ все равно, что̀ будь, не будь, лишь было бы смѣшно; чужое жъ горе не упадетъ на вашу грудь горячей сталью, и искра Божьей мысли не доищется въ ней чувства... Богъ съ ними! Пущай тѣснятъ,— я ихъ люблю, хоть эта любовь для свѣта и небольшая важность. Бывало, въ тѣсной моей комнаткѣ поздно вечеромъ сидѣлъ одинъ и велъ бесѣду съ вами, Пушкинымъ, княземъ Вяземскимъ и Дельвигомъ. Какъ хорошо тогда мнѣ было! Какою полной жизнью жила моя душа въ безпредѣльномъ мірѣ красоты и чувства! На легкихъ крылахъ вашей фантазіи куда не уносился я мечтою! Гдѣ не былъ я тогда! Бывало, скоро свѣтъ, а я сижу да думаю, не сводя глазъ съ портретовъ вашихъ: какъ хороши эти люди, Боже мой! какъ хороши! Гдѣ жъ живутъ они?.. Небось въ Москвѣ да Питерѣ? Гдѣ это Москва да Питеръ? Охъ, если бъ мнѣ удалось побыть въ нихъ! Ужъ какъ-нибудь, а посмотрѣлъ бы я изъ нихъ хоть на одного. Пришло время, былъ я на Москвѣ и на Питерѣ, видѣлъ всѣхъ милыхъ мнѣ людей издавна, былъ у васъ, благоговѣлъ предъ вашею святынею... Въ самую счастливую пору моей жизни что̀ жъ сдѣлала со мной судьба? Наваливши на меня груды дрянныхъ дѣлъ, заставила прибѣгнуть подъ ваше покровительство. Тяжело мнѣ было приходить къ вамъ съ моей нуждою; тяжело мнѣ было говорить о ней, тяжело мнѣ было просить васъ, особенно въ послѣдній бытъ мой въ Петербургѣ, — просить, и въ ту же пору знать почти, что вамъ не до меня, знать, что вы заняты больше обыкновеннаго, и какъ это нужно... И въ эту-то пору необходимость меня заставила ходить къ вамъ, мѣшать, просить васъ. Проклятая судьба! До чего ты не доведешь человѣка?! Одно только утѣшало меня въ это время, что не дьявольской умыселъ, а крайность такъ велѣла дѣлать; старость отца, дурныя его дѣла, въ которыхъ онъ запутанъ, его честное имя — все мое настоящее, а можетъ быть и будущее богатство. Скажутъ: „плати“. А денегъ нѣтъ. И гдѣ взять? Негдѣ... Пуще всего еще страшитъ меня одна мысль: если лишатъ всего, и если случай приведетъ явиться къ вамъ того человѣка, котораго вы такъ много обласкали, которому покровительствовали, — придетъ [онъ] къ вамъ, измаянный весь горемъ, оборванный, зимой въ лѣтнемъ платьѣ... О, дай Богъ все претерпѣть, но не дожить до этой встрѣчи...

Простите меня, ваше превосходительство; не новая бѣда говоритъ вамъ въ первый разъ все чистосердечно, но душевная моя благодарность. Признаюсь, я всѣмъ теперь такъ бѣденъ, что кромѣ чувства души благодарить васъ не могу ничѣмъ больше... Данное вами письмо къ О... и письмо князя Вяземскаго имѣли полное вліяніе на мое дѣло. О... П... и М..., прочитавши дѣло, сказали, что, сдѣлавши одинъ

разъ, мы не можемъ перемѣнить нашего рѣшенія, вслѣдствіе пристрастнаго заключенія М..., которымъ онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Они утвердили первое заключеніе министра и свое рѣшеніе, и чрезъ двѣ недѣли пошлютъ его опять къ двуличному и неприступному для меня Гамалѣю. Богъ вѣдаетъ, что будетъ, но я надѣялся и надѣюсь на однихъ васъ; и если вамъ доступна моя просьба,—не оставьте ее, поговорите, ради Бога, Гамалѣю утвердить представленіе Сената.— Литературныя мои занятія немного остановились. Въ цѣлый мѣсяцъ написалъ только три пьески, да и въ тѣ, кажется, слишкомъ много подлилъ горя.—Любящій васъ всею силою души, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

28. А. А. Краевскому.

15 Іюня 1838 г. Воронежъ.

Добрый и любезный Андрей Александровичъ! Дѣло, которое такъ долго меня мучило и носило по свѣту, въ которомъ вы такъ много принимали участія, по добротѣ души вашей,—я былъ такъ счастливъ,— приняли на себя трудъ покровительствовать мнѣ въ немъ его превосходительство Василій Андреевичъ Жуковскій и его сіятельство Петръ Андреевичъ Вяземскій, которымъ я обязанъ навсегда моею благодарностью,—это дѣло, наконецъ, слава Богу, кончилось, и кончилось хорошо. Благодарю васъ, душевно благодарю и благодарю васъ, любезнѣйшій Андрей Александровичъ! Безъ помочи вашей оно не могло бы никогда окончиться, какъ кончилось. Клянусь вамъ Богомъ моимъ, я не подличалъ въ немъ передъ вами, а просто самая крайняя необходимость въ послѣдній разъ заставила меня такъ настойчиво просить васъ о помочи. Мнѣ горько было, тяжело утруждать васъ такими просьбами,—да что жъ было дѣлать, когда на васъ однихъ была вся моя надежда! Хотѣли пособить другіе, да на словахъ,—а на дѣлѣ вышло не то. Еще благодарю васъ. Теперь немного полегчѣло на душѣ, и вотъ одно сильно еще тревожитъ. Въ эту поѣздку я, кажется, такъ наскучилъ Василію Андреевичу, что мнѣ замѣтно очень показалось его на меня неудовольствіе. Можетъ быть, я ошибаюсь; дай-то Богъ, чтобы я ошибся! А все сомнѣнье мучаетъ. Пожалуйста, ради Бога, выведите меня изъ этого сомнѣнія; вамъ должно быть все извѣстно. Если правда, то эту потерю тяжело мнѣ будетъ перенесть; я ей священно дорожилъ и такъ несчастно потерялъ.

Посылаю вамъ двѣ пьески Красова, ихъ мнѣ передалъ Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій и проситъ васъ напечатать въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“.

Я живу въ Воронежѣ, занимаюсь своими торговыми дѣлами, которыя во время моей поѣздки почти совершенно разстроились. Хлопочу сильно; привожу въ порядокъ; не знаю, приведу ли? Писать вновь нечего, не писалъ совершенно, некогда: день и ночь на службѣ матеріальныхъ дѣлъ. Если успѣю привесть ихъ въ порядокъ, можетъ

напишу и еще что-нибудь. Будь то, что будетъ. Совсѣмъ я положился безусловно на волю Промысла. Конечно, хочется читать, писать, да ба!.. Не дѣлай, видно, что хочешь; дѣлай, что обстоятельства велятъ! Въ Москвѣ познакомился я съ Шевыревымъ и Мельгуновымъ, которыми былъ принятъ и обласканъ чрезвычайно хорошо. Ахъ, Андрей Александровичъ! Сколько вы дали мнѣ золотыхъ часовъ. Сколько провелъ я, чрезъ васъ, счастливыхъ дней, которыхъ мнѣ безъ вашего добраго желанія я никогда бы не имѣлъ. Вы многому виновники. И теперь, здѣсь, въ глуши, въ Воронежѣ, часто очаровываетъ то время сладостнымъ воспоминаніемъ прошедшаго и все живѣй и живѣй оживляетъ въ памяти моей былое. Простите меня, что я не могу и не умѣю благодарить васъ, какъ чувствую. Не я виноватъ, — природа, которая дала мнѣ такъ немного, и послѣднее немного при всѣхъ усиліяхъ слабо переходитъ въ холодную букву. Въ той тетради, которая у васъ была прежде, не печатайте, пожалуйста, дрянныхъ пьесъ, какъ-то: „Женитьба Павла“ (я ее ненавижу просто!), „Размолвка“, пѣсня „Перстенечекъ золотой“, „Плачъ души“, „Спящій юноша“, „Утѣшеніе“. Онѣ всѣ прегадкія пьесенки.

Любящій и почитающій васъ Алексѣй Кольцовъ. Я въ Воронежѣ недѣля, какъ пріѣхалъ изъ Москвы.

29. В. Г. Бѣлинскому.

15 іюня 1838 г. Воронежъ.

Любезный Виссаріонъ Григорьевичъ! Въ Воронежъ я пріѣхалъ хорошо; но въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже: скучно, грустно, бездомно въ немъ. И все какъ-то кажется то же, да не то. Дѣла коммерціи безъ меня разстроились порядочно, новыхъ непріятностей куча; что день—то горе, что шагъ—то напасть. Но, слава Богу, какъ-то я ихъ всѣ переношу теперь терпѣливо, и онѣ сдѣлались для меня будто предметами посторонними и до меня почти не касающимися. На душѣ тепло, покойно. Хорошее лѣто, славная погода, синее небо, свѣтлый день, вечерняя тишь — все прекрасно, чудесно, очаровательно, и я жизнію живу и тону всей душою въ удовольствіяхъ нашего лѣта. Да, благодарю васъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, благодарю вмѣстѣ и всѣхъ вашихъ друзей. Вы и они много для меня сдѣлали, о, слишкомъ, много, много! Эти послѣдніе два мѣсяца стоили для меня дороже пяти лѣтъ воронежской жизни. Въ эту пору я много разрѣшилъ темныхъ вопросовъ, много разгадалъ неразгаданныхъ прежде истинъ, много узналъ я отъ васъ для души моей святаго, чего я цѣлый вѣкъ самъ бы не разрѣшилъ и не сдѣлалъ. Да, я теперь гляжу на себя — и не узнаю. Гдѣ эта безсмѣнная моя печаль, убійственная тоска, эта гадкая буря души, раздоръ самого себя съ собою, съ людьми и съ дѣлами? Нѣту ничего, все прошло, все исчезло,— и я на все гляжу прямо, и все сношу, и сношу тяжелое безъ тягости. И всѣмъ этимъ вамъ обязанъ. Вотъ что приковало меня къ вамъ, вотъ почему въ Москвѣ я ничѣмъ не хотѣлъ заняться другимъ, не хотѣлъ

быть въ другомъ мѣстѣ, кромѣ васъ. Жалѣю объ одномъ, что нельзя было жить еще мѣсяцъ съ вами; хоть бы мѣсяцъ одинъ еще, а то есть еще кое-какіе вопросы темные. Я понимаю субъектъ и объектъ хорошо, но не понимаю еще, какъ въ философіи, поэзіи, исторіи они соединяются до абсолюта. Не понимаю еще вполнѣ этого безконечнаго игранія жизни, этой великой природы во всѣхъ ея проявленіяхъ,— и меня ничего на свѣтѣ такъ не успокоиваетъ въ жизни, какъ вполнѣ пониманіе этихъ истинъ. Чортъ ее знаетъ, какъ худо работаетъ моя голова: что̀ хочется понять, не скоро понимаетъ, а теперь, безъ васъ, я самъ собою вовсе не доберусь до этого. Словесностью занимаюсь мало, читаю немного—некогда, въ головѣ дрянь такая набита, что хочется плюнуть; матерьялизмъ дрянной, гадкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый. Плавай, голубчикъ, на всякой водѣ, гдѣ велятъ дѣла земныя; ныряй и въ тинѣ, когда надобно нырять; гнись въ дугу и стой прямо въ одно время. И я все это дѣлаю теперь даже съ охотою. Новаго не написалъ ничего, — некогда.

Воронежъ принялъ меня противу прежняго въ десять разъ радушнѣе; я благодаренъ ему. До меня люди выдумали, будто я въ Москвѣ женился; будто въ Питеръ уѣхалъ на-всегда жить; будто меня оставили въ Питерѣ стихи писать; будто за „Ура“ я получилъ тьму благоволеній. И всѣ встрѣчаются со мной, и такъ любопытно глядятъ, какъ на заморскую чучелу. Я сгоряча немного посердился на нихъ за это; но подумалъ, и вышло, что я былъ глупъ. На людей сердиться нельзя, и требовать строго отъ нихъ нельзя; кривое дерево не разогнется прямо, а въ лѣсу болѣе криваго и суковатаго, чѣмъ ровнаго. Слѣдовательно, люди правы: они судятъ по-своему, какъ имъ угодно. Спасибо и за это, и мнѣ они нравятся въ этихъ странностяхъ. Старикъ-отецъ со мною хорошъ; любитъ меня за то, что дѣло кончилось хорошо: онъ всегда такія вещи очень любитъ. Мы ѣздили съ нимъ вмѣстѣ на степи; дорогою я взялся ему все доказывать, разсказывать философски; разсказалъ, какъ умѣлъ, и онъ со мною совершенно во всемъ согласился; даже согласился, что онъ самъ большой фанатикъ, т.-е. старинный почитатель однихъ призрачныхъ правилъ безъ чувства души (такъ-ли я понимаю слово фанатикъ?). А это все ручается, что мы съ нимъ скоро будемъ ладить хорошо. Дай-то Богъ!

А степь опять очаровала меня; я, чортъ знаетъ, до какого забвенія любовался ею. Какъ она хороша показалась! И я съ восторгомъ пѣлъ: „Пора любви“; — она къ имъ идетъ (пѣлъ, конечно, дурно). Только это чувство было не прежнее, другаго совсѣмъ рода; послѣ мнѣ стало на ней скучно. Она хороша на минуту, и то не одному, а самъ-другъ, и то не надолго. Къ ней пріѣхалъ погостить, — и въ городъ, въ столицу, въ кипятокъ жизни, въ борьбу страстей, въ головоломный омутъ жизни; а то она сама по себѣ слишкомъ однообразна и молчалива.

Сребрянскій доѣхалъ до двора, но очень боленъ; кажется, проживетъ не больше мѣсяцевъ двухъ, а можетъ, я ошибаюсь (адресъ къ нему черезъ меня).

Находится дѣвушка, купчиха, хочетъ быть моей женой; она очень собой хорошенькая: блондинка, высокая, стройная, граціозная, добренькая, хорошаго поведенія, людей зажиточныхъ, отца-матери добраго, семейство большое, капитала порядочно; приданаго много, денегъ ничего — и, кажется, безъ душевныхъ интересовъ. Моя мать, отецъ совѣтуетъ, но мнѣ самому что-то выдти за нее замужъ не хочется; дѣло разойдется . . . .

. . . .

Съ моими знакомыми расхожусь по-маленьку... Наскучили всѣ они,—разговоры пошлые. Я хотѣлъ съ пріѣзда увѣрить ихъ, что они криво смотрятъ на вещи, ошибочно понимаютъ; толковалъ и такъ и такъ. Они надо мной смѣются, думаютъ, что я несу имъ вздоръ. Я повернулъ отъ нихъ себя на другую дорогу; хотѣлъ ихъ научить — да ба!—и вотъ какъ съ ними поладилъ: все ихъ слушаю, думая самъ про себя о другомъ; всѣхъ ихъ хвалю во всю мочь; всѣ они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, живописцы, образцовые чиновники, образцовые купцы, образцовые книгопродавцы; и они стали мною довольны; и я самъ про себя смѣюсь надъ ними отъ души. Такимъ образомъ, все идетъ ладно; а то что въ самомъ дѣлѣ изъ ничего наживать себѣ дураковъ-враговъ. Ужъ видно, какъ кого Господь умудрилъ, такъ онъ съ своею мудростью и умретъ.

„Московскаго Наблюдателя“ я въ Воронежѣ не получилъ ни одного номера. Видно, какъ-нибудь ошиблись, или посылаютъ не ко мнѣ, или въ другое мѣсто; справьтесь пожалуйста. А я бы его читалъ теперь; у насъ въ Воронежѣ его никто не получаетъ. Вчера говорилъ знакомому полковнику о немъ: онъ хотѣлъ подписаться. А я, какъ получу, отдамъ его въ книжную лавку; пусть книгопродавецъ раздаетъ его въ чтеніе, этимъ я все-таки съ нимъ ознакомлю многихъ. Василію Петровичу, князю, Ивану Петровичу, Каткову, Кирюшѣ почтеніе. Да пожалуйста пришлите и мои книги: онѣ мнѣ нужны бы теперь были читать.

30. А. В. Никитенку.

27 іюля 1838 г. Воронежъ.

Любезный Александръ Васильевичъ! Извините меня, что я передъ вами остался такой скотина: не отвѣчалъ вамъ до этихъ поръ на двѣ записки, полученныя мною по городской почтѣ на одинъ день. Вы были такъ добры къ своему земляку, что приняли на себя трудъ хлопотать обо мнѣ у Смирдина. Пусть это не удалось, но мнѣ нужна не удача, а я дорого цѣню участіе ваше, оно мнѣ дороже всѣхъ вздорныхъ выгодъ, которыя я въ дѣлѣ литературы считаю ни за что. Я бы отвѣчалъ самъ давно, но до этихъ поръ мѣшали мнѣ два обстоятельства: первое, поѣздка моя въ Питеръ по дѣлу моего отца была въ этотъ разъ такъ дурна, что ни на что ужъ не похоже, и я былъ всю пору въ самомъ гадкомъ состояніи. Этотъ грузъ мучилъ, тяготилъ,

тиранилъ просто; сколько трудовъ, хлопотъ, время, тратъ, и все это ни за грошъ. Ну, просто нестерпимо! Въ Москвѣ тоже все горевалъ; послѣ было получше, очень недолго. Пріѣхалъ въ Воронежъ, опять та же пѣсня пошла на новый ладъ: бился, колотился, хлопоталъ, — и теперь, слава Богу, немножко небо стало проясняться. Если бы прояснилось, — дай-то Богъ! Другое обстоятельство: въ Москвѣ слышалъ я отъ Кони, что вы поѣхали въ Острогожскъ, на родину; думалъ, изъ Острогожска поѣдете черезъ Воронежъ, побываете у меня. Не тутъ-то было: вы взяли другую дорогу, и послѣдняя моя надежда видѣть васъ у себя лопнула. Вотъ такъ-то все у меня въ жизни идетъ наоборотъ. Да, Александръ Васильевичъ, вы бы подарили мнѣ минуту такую, которой у меня въ жизни не было; грустно было на душѣ услышать: уѣхали въ Харьковъ. Чортъ ихъ знаетъ, отчего дилижансы ходятъ не прямо изъ Острогожска черезъ Воронежъ въ Москву! Вѣчно эти дороги лежатъ у меня въ жизни поперекъ моихъ цѣлей, особенно большія. Я видѣлся съ Головченкомъ. Благодарю васъ, что вы не забываете меня.

Съ вами ужасно хочетъ познакомиться Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, теперешній издатель „Московскаго Наблюдателя". Его сильно тѣснитъ цензоръ въ Москвѣ, и онъ хотѣлъ просить васъ, чтобы вы ему позволили кой-какія статьи посылать цензоровать къ вамъ въ Петербургъ, особенно одну прекрасную статью переводную изъ Марбаха. Онъ такъ почему-то посумнился пропустить. Такая статья была бы въ теперешнее время полезна въ журналѣ. И я ее изъ Москвы было послалъ къ вамъ, но она уже не застала васъ. Если вы позволите Бѣлинскому безпокоить такими просьбами, то вы бы для него сдѣлали весьма много добра. Онъ добрый человѣкъ, душою любитъ васъ съ давнишнихъ поръ.

Послѣ Питера я еще кое-что написалъ новенькое, и если велите, то когда нибудь пришлю къ вамъ. Несмотря на всѣ трудныя обстоятельства моихъ дѣлъ, порою я теперь занимаюсь понемножку, и чѣмъ тяжелѣе жить мнѣ въ мірѣ, тѣмъ болѣе становится желаніе заниматься словесностью. Почти полюбилъ эти досуги всей душою. Милой супругѣ вашей почтеніе.

Душевно любящій и уважающій васъ Алексѣй Кольцовъ.

31. В. Г. Бѣлинскому.

27 іюля 1838 г. Воронежъ.

Любезный Виссаріонъ Григорьевичъ! Писать къ вамъ хочется, а ничего не идетъ изъ головы. Плоха что-то моя голова сдѣлалась въ Воронежѣ, — одурѣла малова вовсе, и самъ не знаю отчего: не то отъ этихъ дѣлъ торговыхъ, не то отъ перемѣны жизни. Я было такъ привыкъ быть у васъ, съ вами, такъ забылся для всего другаго, — а тутъ вдругъ все надобно позабыть, дѣлать другое, думать о другомъ; вѣдь и дѣла торговыя тоже сами не дѣлаются, тоже кой о чемъ надо

подумать да подумать. Такъ одряхлѣлъ, такъ отяжелѣлъ, что право боюсь, чтобы мнѣ не сдѣлаться вовсе человѣкомъ матеріальнымъ. Боже избави! Ужъ это будетъ весьма рано: не хотѣлось бы это слышать отъ самого себя. Что-то скажетъ осень? Кажется, у ней будетъ для меня время больше свободнаго; посмотримъ.

Досадно: читать нечего. „Наблюдатель“ не получаю, а брать въ Воронежѣ не у кого. Если это для васъ не весьма трудно, пришлите Бога ради; мнѣ бы въ другой разъ не приходилось совсѣмъ напоминать вамъ, да желанье читать его сильнѣе приличья. Недавно получилъ я письмо изъ Питера отъ Гребенки; пишетъ, что кое-кто изъ моихъ знакомыхъ сердятся на меня, что я отдалъ стихи къ вамъ, въ „Наблюдатель“, а не говоритъ, кто; вѣроятно, Краевскій и Плетневъ. Богъ съ ними, пусть ихъ сердятся, я радъ. Я, впрочемъ, написалъ къ нему письмо такого рода: „Дескать, пожалуйста извинитесь за меня и оправдайте передъ тѣми, кто сердится. Право, мнѣ иначе нельзя поступить: Бѣлинскій давно мнѣ знакомъ, человѣкъ, котораго я люблю, и который какъ-то владѣетъ мной, какъ онъ хочетъ. Опять, я пріѣхалъ изъ Питера въ самомъ грустномъ состояніи моихъ дѣлъ; Бѣлинскій раздѣлилъ мое горе, и по моему дѣлу хлопоталъ больше своихъ силъ, безо всякой просьбы, безо всякихъ видовъ, а просто какъ человѣкъ, сострадающій въ душѣ въ дурныхъ дѣлахъ чужому человѣку“. Это, понимаете, я самъ написалъ нарочно, въ пику.

Стройка дома безъ меня и дѣла торговыя у отца шли дурно; теперь, слава Богу, плыветъ ровнѣй. Съ отцомъ живемъ хорошо, ладно,— и лучше. Онъ ко мнѣ имѣетъ больше уваженія теперь, нежели прежде,—а все виною хорошій конецъ дѣла; онъ эти вещи очень любитъ, и хорошо дѣлаетъ; ему старику это идетъ. . . . . . .
. . . .

Въ Воронежѣ ничего не писалъ. Разъ какъ-то толкнулось стишка четыре въ письмѣ къ Михайлѣ Александровичу Бакунину; я тотчасъ ихъ поправилъ, пристроилъ заголовокъ, и кажется, вышла штука. Вотъ посмотрите: если хороша, годится — возьмите; а нѣтъ,— такъ и быть. Перемѣнить нечѣмъ. Никитенко уѣхалъ изъ Острогожска и не былъ у меня,—ему дорога лежала на Харьковъ. Жаль, что все у меня строится не такъ, какъ я хочу. Пожалиться надо Ивану Петровичу и попросить, чтобъ онъ оттоль уладилъ хорошенько. За вами слово писать ко мнѣ. Душою любящій васъ Алексѣй Кольцовъ.

Милому Василью Петровичу почтеніе. Князю и всѣмъ почтеніе [1]).

32. В. Г. Бѣлинскому.

7 октября 1838. Воронежъ.

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Хотѣлось бы писать къ вамъ совсѣмъ не такъ, какъ пишу теперь. Но что жъ прикажете дѣлать,

1) Приложена дума „Человѣкъ“.

когда дѣла дьявольски работаютъ со мною? Бойка скота, стройка дома и туда — сюда, — ажъ на душѣ тошнитъ: такъ хорошо мнѣ жить!

Недавно написалъ вотъ эту пьеску, годится ли названіе? Я право не читалъ хорошо исторіи Разина и поставилъ на удалую; если оно нейдетъ къ ней, то пойдетъ безъ названія; я полагаюсь на васъ: какъ сдѣлаете, такъ и будетъ; а если она не годится никуда, ну, такъ и быть. Сколько я не бьюся самъ съ собой, но все эстетическое чувство не управляетъ мной, не обладаю имъ я, какъ бы мнѣ хотѣлось, хоть ляжь, да умри, порою кой-что и скользитъ, а все не управляетъ смысломъ.

Сребрянскій умеръ. Да, лишился я человѣка, котораго любилъ столько лѣтъ душою, и котораго потерю горько оплакиваю. Третьяго августа былъ роковой день его жизни... Много желаній не сбылось, много надеждъ не исполнилось... Проклятая боль! Прекрасный міръ души прекрасной, не высказавшись, сокрылся навсегда. Да, внѣшнія обстоятельства нашей жизни иногда могутъ подавить и великую душу человѣка, если они безпрерывно тяготятъ ее, и когда противу нихъ защиты нѣтъ. На плодотворной почвѣ земли хорошо человѣкъ удобритъ свою ниву, посѣетъ хлѣбъ, но не сберетъ плода, если лѣто выжжетъ корень; роса зари ему не пóмочь: ей нуженъ въ пору дождь; а этой-то земной благодати и капли не сошло въ его жизнь; нужда и горе сокрушили тѣло страдальца. Грустно думать: былъ нѣкогда, недавно даже, милый человѣкъ, — и нѣтъ его, и не увидишь никогда, и все вокругъ тебя молчитъ, и самый зовъ свиданья мретъ безотвѣтно въ безчувственной дали... Если эта пьеска вамъ понравится, мнѣ бы хотѣлось ее посвятить памяти Сребрянскаго.

Милому Василью Петровичу почтеніе. „Наблюдателя“ не получаю. „Современникъ“, третій №, получилъ. Вы пишете въ письмѣ: „Твоей пьески нѣтъ во второмъ № „Современника“; она будетъ напечатана въ седьмомъ № „Наблюдателя“. Какая она? — Не знаю. Еще я послалъ вамъ „Человѣкъ“ — думу. Какова она? — скажите. Тогда я не смѣлъ требовать, — у васъ были хлóпоты; теперь, можетъ, вы свободнѣй, то пожалуйста пишите ко мнѣ, особенно вотъ объ этой и о „Человѣкъ“ — дума. Вашимъ сужденіямъ я вѣрю: хорошо ли, худо ли, и то и другое мнѣ слышать отъ васъ равно пріятно.

Князю почтеніе. Душою васъ любящій и почитающій васъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ [1]).

33. В. Г. Бѣлинскому.

28 октября 1838 г. Воронежъ.

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! На дняхъ получилъ письмо изъ Питера отъ Владиміра Андреевича Владиславлева, въ которомъ онъ пишетъ: „Стихи ваши напечатаны въ моемъ альманахѣ; онъ выйдетъ

1) Приложено стихотвореніе „Стенька Разинъ“, напечатанное въ изданіи 1846 г. подъ заглавіемъ „Пѣсня разбойника“.

къ пятнадцатому ноября. Петербургскіе знакомцы васъ помнятъ, жалѣютъ, что вы живете далеко. Письмо, что̀ вы просили къ совѣтнику, я не посылаю, затѣмъ что не у кого взять". Хорошо, пусть не у кого взять; такъ,—положимъ; конечно, не хочется заняться. Ну, да заставить нельзя, — пусть такъ. Только я ему сейчасъ надралъ славное письмо, говорю: „мои дѣла худы, деньги прожилъ, скотъ подохъ, караулъ! помогите, добрые люди!" Оно немножко не хорошо конфузить себя черезчуръ, да почему жъ передъ ними на колѣно не понизить своихъ обстоятельствъ, когда они сами, ставши на него, говорятъ: „помилуйте, ей-Богу не виноваты; мнѣ можно обмануть, а другому давши слово"... Но ничего, ... [1]) на свѣтѣ и не такихъ еще диковинокъ много.

Я читаю теперь Вальтеръ Скотта. „Пуритане" прочелъ съ удовольствіемъ. „Робъ-Рой" другой день читаю первую часть, а ужъ дочту. Смотри, шотландецъ, не сконфузься (вы не любите этого слова): вотъ авось раскусимъ мы тебя; что дальше, а твой старинный большій братъ британецъ дивно больно хорошъ. Когда будете писать, увѣдомьте о „Ромео и Юліи": если переведенъ, нарочно пріѣду въ Москву читать его. Хотѣлъ учиться начать по-нѣмецки, — некогда. Дѣла мои въ самомъ дѣлѣ очень похужѣли; отецъ мой натворилъ новыхъ чудесъ, и я совершенно теперь положился на волю Божію. Что будетъ, то пусть и будетъ; живъ Богъ, жива душа.

Субъектъ и объектъ я немножко понимаю, а абсолюта ни крошечки, — впрочемъ, о немъ надо говорить долго, — а если и понимаю, то весьма худо; хорошо тогда понимать, когда самъ можешь передать; безъ этого понятья не понятья. Посылаю письмо Никитенки, которое прошу прислать обратно. Я еще недавно написалъ одну пьесу,—посылаю къ вамъ. Она странно какъ сложена, а подъ этимъ неуклюжимъ нарядомъ будто что-то есть; вы увидите. Любящій васъ всей силой души Алексѣй Кольцовъ.

34. А. А. Краевскому.

27 декабря 1838 г. Воронежъ.

Вы пишете, частію ваше время занимаютъ семейныя дѣла. Ужъ не женитесь ли вы? Скажите, ради Бога. Я, еще бывши въ Питерѣ, слышалъ кое-что объ этомъ. Пожалуйста, будьте добры, скажите правду. Во всякомъ случаѣ, я желаю вамъ отъ всей души всего прекраснаго, что только въ мірѣ нашемъ есть прекраснаго... Что дѣлаю я?—спросите. Какъ вамъ сказать!.. Чортъ знаетъ, что я дѣлаю теперь. Право, я и самъ не очень хорошо про это знаю; лучше — ничего не дѣлаю. Что читаю? Ваши „Литературныя Прибавленія", „Современникъ", „Наблюдатель", Вальтеръ Скотта, болѣе всего Пушкина, Шекспира. Да, о Пушкинѣ. Недавно я былъ въ одномъ мѣстѣ. Мнѣ ужасно по-

1) Слово не разобрано.

нравилось: молодой человѣкъ, разсказывая неудачную свою поѣздку, которая весьма много нанесла ему вреда,—онъ, наконецъ, заключилъ: „Надобно же тому быть такъ, чтобы я въѣхалъ въ самый несчастный день, именно въ день кончины Александра Сергѣевича Пушкина!“

Какъ я думаю кой о чемъ? — вы спросите. Пожалуйста, милый Андрей Александровичъ, отложьте и этотъ вопросъ до другого времени: право, я теперь думаю даже о себѣ весьма мало. На вашъ призывъ, если вы готовы потребовать рѣшительный отвѣтъ, я показалъ всѣ мои обстоятельства передъ вами, и изъ нихъ вы сами видите, что ѣхать мнѣ никакъ нельзя, а поправить дѣла мои скоро невозможно.

Почему я не писалъ къ вамъ такъ долго, — причина простая: мѣсяца полтора я былъ не въ городѣ. Жилъ за 100 верстъ отъ города, въ лѣсу, мѣрялъ сосны, рубилъ дрова, а вечеромъ слушалъ, какъ волки воютъ. Гадкій ихъ голосъ положенъ на ноту: нѣту никакой точности и весьма мало складу; безпрестанная неровность; то ужъ дюже много долгихъ выгибовъ, то вдругъ шершевато; то длинные подъемы, то рѣзкія остановки... Они сами, бѣдные, жалуются на свой недостатокъ и сильно винятъ своего прадѣда, который научилъ ихъ такой нескладицѣ. Я обѣщался имъ прислать новаго капельмейстера. Въ городѣ, у моего сосѣда, на цѣпи образовался молодой волченокъ. Пошелъ къ нему, а онъ, проклятый, ужъ лизу далъ изъ города; куда,—чортъ его знаетъ! Дня черезъ два поѣду съ извиненіемъ, скажу: „Ну, дорогіе пріятели, извините, не выполнилъ слова; былъ на примѣтѣ славный вашъ товарищъ, да ушелъ куда-то; пойте по-прежнему, нечего дѣлать!“ Очень жаль, что у насъ въ Воронежѣ негдѣ достать „Фауста“, переводъ Губера, да драму, переводъ Кукольника, о которой я читалъ въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“ рецензію. Съ Гете я почти совсѣмъ незнакомъ, а надобно непремѣнно познакомиться хорошенько: онъ человѣкъ дюже хорошій. Владиміру Андреевичу, если можно, пожалуйста скажите, что того письма, которое я у нихъ просилъ, если оно неготово, чтобъ не присылали: оно ужъ пользы сдѣлать теперь не можетъ. И прошу васъ имъ и Александру Ѳедоровичу Воейкову, Нестору Васильевичу Кукольнику, Ивану Ивановичу Панаеву и Эдуарду Ивановичу Губеру передать мое душевное почтеніе. Уважающій и любящій васъ всей силой души Алексѣй Кольцовъ.

35. В. Г. Бѣлинскому.

[Начало 1839 г. Воронежъ].

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Здѣсь вотъ онъ — я. Весь день пробылъ на заводѣ, любовался на битый скотъ и на людей оборванныхъ, опачканныхъ въ грязи, облитыхъ кровью съ ногъ до головы. Что дѣлать? — дѣла житейскія такія завсегда. А вечеромъ сижу въ своей маленькой горенкѣ, пишу къ вамъ письмо. Охъ, совсѣмъ было погрязъ я въ этой матерьяльной жизни, въ кипятку страстей, стра-

стишекъ, дѣлъ и дѣлишекъ. Эти мнѣ дѣла! ужъ когда-нибудь эту я матерьяльность приберу къ рукамъ, зауздаю, да осѣдлаю, да такъ натру бока, что чертямъ будетъ тошно. Теперь пусть ее пока потяжается со мною; что нужды? — пусть ее пока. Если необходимо въ двѣнадцать часовъ кушать, а ночью спать, такъ ужъ пусть себѣ и она валяетъ своимъ чередомъ. Наѣдетъ на пень, пробьетъ лобъ, тогда посмѣюсь и я надъ ней. Дай Богъ все горькое пить, да на-смерть не упиться. Во времена прошедшія каждый въ нашемъ родѣ долженъ быть непремѣнно человѣкъ безнравственный, запивала, оторви-голова, поклонникъ порока, другъ разврата, горемышный потѣшникъ дураковъ. Нынче не такъ: все перемѣнилось. Хорошее живетъ, пошлое огадилось. И всякой человѣкъ долженъ быть ничего больше, какъ просто человѣкъ. Чѣмъ потѣшать чудаковъ, лучше самому потѣшаться надъ чудаками. Эту-то рѣчь началъ я потому: мои земляки рѣшили наконецъ: если бъ онъ былъ человѣкъ, что-нибудь маломальски похожій на людей, то онъ долженъ бы вести себя вотъ такъ, вотъ такъ, да вотъ такъ, а то живетъ себѣ какъ мы: дуракъ! — Но пусть ихъ говорятъ, мнѣ же въ настоящую пору надобно непремѣнно заняться было дѣломъ вещественнымъ. Шестимѣсячная отлучка моя надѣлала хлопотъ, многія дѣла торговли шли уже дюже плохо; вотъ я и принялся ихъ поправлять, да поправлять, да кое-что и пошло своей дорогой.

А не писалъ я къ вамъ не потому, что было некогда или не имѣлъ времени; вздоръ, другое затрудняло, — про васъ у меня во всякую пору есть въ запасѣ часъ. А вотъ, по совѣсти сказать, моя бѣда такъ ужъ настоящая: порою хочешь къ вамъ писать, и хочешь, и начнешь, да подумаешь, подумаешь, и пусто въ головѣ. Вотъ и теперь—пишу, пишу, а о чемъ? Думать тошно, а силы нѣтъ горю пособить... Мнѣ даны отъ Бога море желаній, а съ кузовокъ души. Я очень знаю, чтó вы такое; да вамъ надо того, чтó часто у меня не дома.

Какъ ни начну къ вамъ писать, всякой разъ, чортъ знаетъ какая, встрѣчается трудность; самый выговоръ словъ не ладится: все какъ-то они у меня становятся на-выворотъ, не по-христіански. Или оттого, что міръ людей, который меня окружаетъ, не слишкомъ благовиденъ? Да, я чувствую, что они постоянно уничтожаютъ всѣ потребности души. Чудна ихъ рѣчь, грязна душа. Еще и то порою приходило въ мысль, чтобъ васъ не безпокоить слишкомъ черезчуръ мелкою дрязгою глупыхъ словъ. Хотя я и давно замѣчалъ въ васъ болѣе во сто разъ, чѣмъ въ другихъ, но все-таки боялся: душа темна, не скоро въ ней дойдешь до смысла.

Недавно сколько людей мнѣ клялись въ томъ и томъ; а кто изъ нихъ на опытѣ откликнулся мнѣ? Никто. Вы — не они. Но все-таки, согласитесь сами, между нами многаго не достаетъ; и какъ я ни посмотрю пристрастно даже къ себѣ, а все разница велика. Людей не соединяетъ одинъ наружный интересъ, а если и соединяетъ, на долго ли? Мнѣ возвыситься до вашей дружбы мудрено; я вашъ давно, но вы мой еще недавно. Послѣднее письмо много сомнѣній рѣшило. Въ немъ я

прочелъ то, чего словами выяснить нельзя. Ваше душевное сожалѣніе порадовало меня; оно было повторено мною съ вашимъ чувствомъ вмѣстѣ; ни по извѣстію, ни по слуху, ни по просьбѣ, а такъ просто само вошло въ душу и сказалось въ ней. Миръ съ отцомъ вы одобрили,—онъ мнѣ теперь нравится самому. Женитьба всегда была противъ моихъ желаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ я человѣкъ, могъ думать такъ и сякъ. Ну что, если отецъ, мать, насядутъ на душу, поневолѣ въ другой часъ скажешь: давайте, хорошо. Теперь я рѣшительно бросилъ думать объ ней. Вы сказали правду, и я покоенъ. Въ этомъ дѣлѣ нуженъ голосъ другой души . . . .

. . . .

Теперь веду себя тихо, смирно, что-то на душѣ неловко, пропади она пропастью! Свѣтъ у меня перемѣнился: люди получшѣли, дни какъ приходятъ, такъ и уходятъ. Дышу вольно, живу широко, и такая полнота обладаетъ мной, какой съ роду и не чувствовалъ. Вы въ своемъ кружкѣ переродили меня; въ послѣднюю поѣздку много добра захватилъ я у васъ: прежде только и зналъ, что людей проклиналъ, теперь благодарю Бога за жизнь свою. Одно измѣнило мнѣ... Жаль Сребрянскаго — вы одни замѣтили его... Какая прекрасная душа была, какъ онъ васъ любилъ и уважалъ! — На той почтѣ пришлю стихи его, о которыхъ я говорилъ вамъ въ Москвѣ . . . . . .

У насъ есть уѣздное училище, а въ училищѣ есть уѣздный смотритель; зовутъ его Николай Лукьяновичъ господинъ Грабовскій. Онъ человѣкъ извѣстный: два года назадъ издалъ: „Историческую картину религіи", съ французскаго (двѣ части, цѣна 10 руб.). Подписка была объявлена на всю Россію, посвящена архіерею. Остальные экземпляры разыгрываются теперь въ лотерею насильно, т. е. ко всѣмъ исправникамъ, городничимъ посланы билеты: раздай, да и хвать; не раздашь, свои деньги плати,—не великъ баринъ какой-нибудь исправникъ. Два дня назадъ вечеромъ я уморенъ былъ на-смерть. — Смотрю, лѣзетъ Грабовскій. — Здравствуйте. — „Мое почтеніе".—Я къ вамъ.—„Очень радъ".—Не просто, съ просьбой.—„Готовъ выполнить, если могу".— О, что до этого, — безъ сомнѣнія, можете. — „Готовъ служить".— Дѣло вотъ въ чемъ. — „Хорошо". — Вчера я читалъ ваши стихи въ „Сборникѣ" — „Благодарю". — Вы, какъ видно, посвятили себя на бѣлые стихи. — „Да-съ". — А по моему риѳмованные стихи какъ-то лучше. — „И я также думаю". — Что-жъ вы сами не пишете? — „Не умѣю". — И, полноте, вамъ захотѣть, вотъ и все. — „Выполню ваше желаніе, попробую какъ-нибудь".—Впрочемъ, они и безъ риѳмъ очень хороши.—„Покорно благодарю".—Вы не изволили читать-съ мой переводъ, „Историческую картину религіи"?—„Нѣтъ, еще не читалъ".— Развѣ вы прозы не любите?—„Не только не люблю, съ роду не читаю". — Напрасно-съ вы это дѣлаете, а проза дѣло хорошее.— „Знаю" ...[1]).

---

1) Окончанія письма нѣтъ.

36. Кн. В. Ѳ. Одоевскому.

15 февраля 1839 г. Воронежъ.

Ваше сіятельство, любезный князь Владиміръ Ѳедоровичъ! Недавно я былъ съ вашимъ письмомъ у графа и графини Евдокіи Петровны Растопчиной, и цѣлый вечеръ пробылъ у нихъ чудеснымъ образомъ. Что за женщина эта графиня! Въ нашемъ матерьяльномъ городкѣ, послѣ этой пошлой толпы людей и дрянныхъ женщинъ, такая встрѣча невольно погружаетъ душу въ сладкое упоительное забвеніе; заботы, горе, нужды какъ-то принимаютъ другой образъ, волнуютъ душу, — но не рвутъ, не мучатъ ея. Благодарю ваше сіятельство! Кромѣ минутъ священнаго унынья, если были когда-нибудь въ моей жизни прекрасныя минуты, которыя навсегда остались памятными мнѣ, то всѣ онѣ даны мнѣ вами, княземъ Вяземскимъ и Жуковскимъ: вы могучею рукою разогнали грозную тучу, вы изъ непроходимаго лѣса моихъ горькихъ обстоятельствъ взяли меня, поставили на путь и повели по немъ. И чѣмъ еще я не былъ обязанъ вамъ? Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ. А чѣмъ за это все вамъ я заплатилъ? И чѣмъ заплатить могу? Грустно. Я навсегда останусь вашимъ должникомъ... Иди дѣла мои теперь не такъ, какъ они идутъ, — и я бы жилъ уже славно. Великимъ богатствомъ обладаю я теперь: получаю „Отечественныя Записки“, „Современникъ“, „Московскій Наблюдатель“—три журнала; чего жъ мнѣ еще больше? Читай и трудись, трудись и читай. Широкое поле передо мной, есть съ чѣмъ гулять по немъ; одна бѣда, никакъ не улажу своихъ дѣлъ, да и только; берутъ насильно время, не даютъ покоя, хоть ты вотъ что хочешь дѣлай. Но воля Божья; можетъ быть и они какъ-нибудь уладятся. Въ свѣтѣ чудесъ много, авось и эти горы свалятся съ плечъ; вѣдь и не этакія широкія рѣки переплываютъ добрые люди. Одинъ случай навернись, и все устроится, можетъ быть, опять; худо крылья опустить...

Досадно только, что какъ-то все у меня идетъ къ верху дномъ; вотъ едва только уладилъ дѣла свои въ казенной палатѣ и погасилъ огонь, какъ, на бѣду мою, открылась новая палата, и стороной я слышалъ ужъ, что новый управляющій ея Дмитрій Васильевичъ Похвисневъ хочетъ опять раздуть погаснувшій огонь и возобновить то дѣло, по которому такъ много принимали участія вы, его сіятельство князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, и его превосходительство Василій Андреевичъ Жуковскій... Если онъ въ самомъ дѣлѣ эдакъ сдѣлаетъ, ну, тогда дѣлу конецъ... Ваше сіятельство, не смѣю васъ просить, но кромѣ васъ просить мнѣ некого: что хотите, дѣлайте, но еще примите участіе въ моемъ положеніи, еще замолвите слово и разгоните собирающуюся надъ головой моей тучу, пока она мнѣ не разбила голову. Пока вы за меня, никто противъ меня. Вотъ моя надежда,—и повѣрьте, что я хлопочу не изъ пустяковъ, и прибѣгаю подъ ваше покровительство не для того, чтобы подлымъ образомъ выплакать сначала

отъ человѣка сильнаго участіе, потомъ безсовѣстно наѣзжать на встрѣчнаго и поперечнаго (какъ дѣлаютъ подлецы). Нѣтъ, я хочу какъ-нибудь выйти лишь изъ моихъ тѣсныхъ обстоятельствъ и меньше съ людьми дѣлать шуму, и какъ-нибудь уладить съ ними тише и потомъ вздохнуть свободно; вотъ все, что нужно мнѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю пребыть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

37. В. Г. Бѣлинскому.

[Май 1839 г. Воронежъ].

Милый, любезный Виссаріонъ Григорьевичъ! Я такъ забылся передъ вами, такъ много задолжалъ, что ничего уже не могу сказать въ оправданіе, ровно ничего. Все это время шло у меня какъ-то глупо, дурно, такъ — Богъ знаетъ какъ. Хлопотъ съ утра до ночи каждый день, на ногахъ не постоишь, и, кажется, если посмотришь на настоящій день, видишь много сдѣлано, а сказать, право, обо всемъ двухъ словъ нельзя. Торговля — грязь, дрянь, а на моемъ мѣстѣ вещь необходимая, — вози покуда запряженъ; придетъ другое время, можетъ, будемъ другіе и мы. А знаете-ли: сто разъ сбирался къ вамъ писать, не пишется, стыдно какъ-то пестрить бумагу безъ пути, и еще бы, кажется, не написалъ бы къ вамъ, и долго бы, до зимы, да крайность, да случай.

Не взыщите, если я буду теперь говорить совсѣмъ не такъ, какъ бы хотѣлъ говорить. Но первое, сначала всего благодарю васъ за милый, прекрасный и умный подарокъ. Какъ хорошъ вашъ журналъ, чудо! Какъ много пользы онъ мнѣ дѣлаетъ! Еще благодарю васъ за него. Одно меня печалитъ въ немъ, что онъ дюже опаздываетъ. Конечно, это бы еще ничего, да то бѣда, вѣрно вы никакъ не выйдете съ нимъ еще на ровную дорогу, вѣрно до сихъ поръ еще добрые люди всѣми силами тѣснятъ его, и вы до сихъ поръ еще съ нимъ бьетесь, колотитесь; досадно! Странно у людей дѣла идутъ на свѣтѣ: „Московскій Наблюдатель“ стой, а какой-нибудь брюханъ-толстякъ иди. А жирны „Отечественныя Записки“, черезчуръ жирны! Вотъ ужъ чего хочешь, того просишь. Навозу, платья, отрепья, сору, дряни—вволю, и кой-гдѣ алмазы есть. Мнѣ весьма нравится повѣсть „Бела“ Лермонтова.

Вы не можете представить, какой богачъ я сталъ хорошими книгами, — есть что читать. Вашъ подарокъ получилъ; „Отечественныя Записки“, „Современникъ“ то же; отъ Губера получилъ „Фауста“, отъ Владиславлева альманахъ „Утреннюю Зарю“. Купилъ полное сочиненіе Пушкина, „Исторію философскихъ системъ“ Галича; мнѣ ихъ наши бурсари шибко расхвалили; а я прочелъ первую часть; вовсе ничего не понялъ; развѣ философія другое дѣло? Можетъ быть. Итакъ, будемъ читать еще до конца. Теперь одинъ недостатокъ показался: еще надобно обзавестись непремѣнно Исторіей Карамзина.

У меня есть Полеваго и Ишимовой краткая, а хочется имѣть полную. Да оперъ нѣсколько: Робертъ-Дьяволъ, Фенелла, Донъ-Жуанъ, Виндзорскія кумушки Шекспира; хоть дурной переводъ, да все лучше, чѣмъ ничего. А Донъ-Жуана прочесть послѣ Пушкинскаго! А каково сострилъ Росковшенко съ Катковымъ: въ одинъ...[1]) перевелъ Ромео, и, я думаю, деньги взялъ съ „Библіотеки". Видно у Каткова почему-нибудь дѣло сѣло на пень. Онъ хотѣлъ напечатать прошлый годъ, а еще нѣтъ. Какъ бы хорошо было его переводъ прочесть весь послѣ отрывковъ.

Скажите, ради Бога, что мнѣ дѣлать съ Владиславлевымъ? Четыре письма прислалъ, все проситъ стиховъ въ альманахъ: хоть вынь, да положь — да и только. Жаль, что не могу вамъ переписать всѣхъ писемъ: крайне любопытны. Въ нихъ онъ другой человѣкъ, чѣмъ наружи; по крайней мѣрѣ я кой-что изъ нихъ выпишу. Я просилъ, чтобъ онъ къ одному человѣку прислалъ письмо.—Первое: „Отыскивалъ я добраго человѣка, который бы далъ мнѣ нужную вамъ рекомендацію, и за всѣми стараніями и поисками не найду никого — да и только. Пишите, пожалуйста, пишите о себѣ, авось что-нибудь и придумаемъ". Другое: „Я вполнѣ сочувствую вамъ — какъ скучна и томительна эта жизнь!—и дарю вамъ правило: Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья. Вѣруйте въ него; оно не оставитъ, а вы меня за него поблагодарите. Краевскій писалъ вамъ о нашемъ предположеніи о книжной торговлѣ. Мысль завербовать васъ родилась во мнѣ съ перваго знакомства съ вами. Обдумайте-ка это дѣльце пообстоятельнѣй, да и рѣшитесь на что-нибудь; вѣдь, кромѣ прибылей, которыя очевидны, вы будете жить между людей. Если найдетъ на васъ вдохновеніе, пришлите мнѣ, любезный другъ Алексѣй Васильевичъ, вашихъ стихотвореній для будущаго альманаха; можетъ быть, балуя меня, вы позволите и выбрать, хотя у васъ все одинаково прекрасно. Дружески обнимаю васъ". Третье: „Вы не отвѣчаете на призывы пріятельскіе, такъ вотъ вамъ пѣсня; слушайте-ка: я издаю на будущій годъ альманахъ въ пользу дѣтей больницы и печатаю его въ числѣ пяти тысячъ экземпляровъ; и для этого надо начать дѣло съ мая, потому что надо имѣть время, кромѣ печати, для сушки, прессовки и сортировки бумаги и для изготовленія пяти тысячъ переплетовъ, потому что всякой экземпляръ будетъ въ переплетѣ. Все это требуетъ много и много времени. Полагая, что вы не совсѣмъ забыли насъ, петербургскихъ, и по пріязни вашей не откажетесь отъ участія въ моемъ альманахѣ на будущій годъ, я прибѣгаю къ вамъ со всеусерднѣйшею просьбою: прислать мнѣ ваши пьесы поскорѣй. Прозы у меня много, — но стиховъ будетъ мало очень, и то отборнѣйшіе. Вотъ почему мнѣ нужны ваши стихи. А не пришлете, такъ и всѣ стихи по боку, и будетъ одна проза,—и грѣхъ будетъ на вашей душѣ. Торговля наша идетъ помаленьку; при ней два журнала, только нѣтъ

1) Слово не прочитано.

хозяина. Рискните, погадайте, авось и впрямь выйдетъ по-нашему. Неужели вы думаете, что у столичныхъ жителей нѣтъ участія?". — Четвертое: „Что же вы мнѣ не шлете вашихъ стиховъ, — стихи меня крѣпко жмутъ". — Пятое: „Стихи ваши хороши, да нѣтъ цѣлаго, у васъ бываютъ гораздо лучше. А какъ альманахъ мой не журналъ, который прочтутъ, да и бросятъ; къ тому же онъ печатается въ пяти тысячахъ экземпляровъ, а потомъ перепечатается другое изданіе, — а потому я, любя вашъ талантъ, не напечатаю вашей пьески. Присылайте мнѣ лучшее, вы не опоздаете, а эту пьеску я передамъ Краевскому; современемъ скажете спасибо. Да пріѣзжайте-ка къ намъ въ Питеръ служить, а?"

Я писалъ ему: „Хоть мои дѣла очень дурны, но все мнѣ нельзя ѣхать къ вамъ, потому я долженъ двѣ тысячи рублей; отдать нечѣмъ, и полиція не пуститъ. Хотѣлъ бы душою—да нельзя".—Конечно, мои дѣла дурны, да не такъ еще, какъ я писалъ къ нему. Но что жъ съ ними дѣлать? Вѣдь надо какъ-нибудь дощупаться правды,—а у этихъ людей деньги скорѣе всего откроютъ грудь. Я впередъ зналъ: не только рублей двѣ тысячи, а копѣекъ—Владиславлевъ и Краевскій не дадутъ. И онъ объ этомъ во всѣхъ письмахъ деликатно молчитъ. Послѣ четвертаго письма я послалъ одну пьеску. Что жъ было дѣлать? Вѣдь стыдно въ самомъ дѣлѣ не послать: что ни говори, а я отъ него уже два альманаха взялъ, чего жъ еще? — и это великая милость. И хоть я Владиславлеву не вѣрю, что пьеска дурна, но однакожъ, можетъ быть, онъ и правъ. Вѣдь было жъ со мной нѣсколько разъ: кажется хорошо, а вы говорите:—дрянь; дурно—хорошо. Такъ и теперь, можетъ быть. Я вамъ ее посылаю — „Путь". Пожалуйста, посмотрите. Если въ самомъ дѣлѣ дрянь, такъ ужъ лучше попросить Краевскаго, чтобы и онъ ее не печаталъ. Чортъ знаетъ — я въ этихъ дѣлахъ большой оселъ. А другая — „Старому товарищу". Тоже, если хороша, напечатайте у себя въ журналѣ, а не хороша, такъ и быть,— не надо. Да я къ вамъ послалъ прежде три пьески, скажите о нихъ словца два: что хорошо, и что гадко, и про „Бѣгство", чтò напечатано въ „Современникѣ". Не годится ли „Дума передъ образомъ Спасителя"? Если хороша, я ее пошлю Владиславлеву, а нѣтъ,—ну и у меня ужъ больше ничего нѣтъ, и совѣсть будетъ чиста. Вы мнѣ особенно теперь скажите обо всемъ, потому что я теперь болѣе всего дорожу вашимъ мнѣніемъ, и мнѣ оно нужно. Прежде былъ живъ Сребрянскій, онъ чудную имѣлъ мысль и любилъ говорить правду. Теперь его нѣтъ, и я одинъ, и кромѣ васъ у меня никого нѣтъ. Видите ли, почему я васъ прошу въ такую пору, когда вамъ можетъ-быть не до меня и не до себя.

Да дайте пожалуйста сему подателю моихъ книжонокъ двадцать. Я все ими сорю кое-кому. Василію Петровичу, Ивану Петровичу почтеніе. Всему собору вашему низкой поклонъ.

38. В. Г. Бѣлинскому.

28 сентября 1839 г. [Воронежъ].

Милый, любезный мой Виссаріонъ Григорьевичъ! Все недосугъ и недосугъ, да сколько жъ терпѣть мнѣ? Полно, кончено! Сколько могу я, сколько успѣю (не ладно, не въ порядкѣ), но хочу говорить съ вами; давно душа хочетъ бесѣды, давно ей хочется сказать вамъ, что есть у ней къ вамъ. Много у ней есть интересовъ, но мертвая буква укорачиваетъ ея желанья. Боже мой, какъ я виноватъ передъ вами! непростительно виноватъ! Сколько времени получилъ отъ васъ письмо, и какое! вмигъ хотѣлъ, по прочтеніи его, переселиться къ вамъ весь. Но, — чортъ съ ними! эти дѣла опротивѣли! — пусть хоть сегодня на вечеръ не приступятъ къ горлу. И что напишу къ вамъ послѣ вашего письма? Милый Виссаріонъ Григорьевичъ, стыдно мнѣ за ваши письма угощать васъ моею дрянью, и, кажется, подъ разными формами дѣлъ... Эта мысль удерживала меня писать къ вамъ. А что жъ придумаю? что напишу? Ровно ничего, все то же, что и тогда. Видно такая моя участь: чѣмъ больше думаешь, тѣмъ глупѣе; вѣчно не то дѣлается, что дѣлать хочешь. Или я желаю невозможнаго? Нѣтъ, повѣрьте, мои желанія весьма ограничены. Если бы образцовъ не было; — они передъ глазами. Почему жъ у добрыхъ людей дѣлается иначе, чѣмъ у меня? Тамъ вездѣ логика, теорія, а у меня чортъ знаетъ что такое; чтó ни начнешь писать, не строится, не вяжется, а ежели и свяжется, то страшно смотрѣть. Если не обманутъ я другими, и если вы ко мнѣ не пристрастно великодушны, — то или я дуракъ, или я безсовѣстно обманутъ всѣми. *Горькое сознаніе робкой думы-мысли.*

Да, Виссаріонъ Григорьевичъ, вы совершеннѣйшій колдунъ. Еще не было въ жизни моей мучительнѣе состоянія, какъ въ прошломъ годѣ. Плохое, мучительное дѣло, больной Сребрянскій; смерть его все довершила. Если вы не понимали прежде... Но нѣтъ, не можетъ быть, вы и тогда понимали много. Скажите же: въ одну минуту разломать то, что крѣпло пять лѣтъ, моя любовь къ нему! Его прекрасная душа, желанья, мечты, стремленья, ожиданья, надежды на будущее, — и все вдругъ... Вмѣстѣ мы съ нимъ росли, вмѣстѣ читали Шекспира, думали, спорили; и я такъ много былъ ему обязанъ; онъ черезчуръ меня баловалъ. Вотъ почему онѣмѣлъ было я совсѣмъ и всему хотѣлъ сказать „прощай“; и если бъ не вы, я все бы потерялъ навсегда. Вы мнѣ много сдѣлали. Меня вѣдь не очень увлекала и увлекаетъ блестящая толпа; сходки, общество людей, конечно, хорошо, — но если есть *человѣкъ*, то такъ, а безъ него толпа не много даетъ. Опять я такой человѣкъ, которому надобны сильныя потрясенія, а иначе я нуль; никто меня не уничтожитъ съ другой душой, а собственно мою уничтожитъ всякой. Не поддержите вы меня въ Москвѣ, — я бы ни одной строки не состряпалъ. Но все я сомнѣвался, захотите ли вы меня держать на помочахъ, или нѣтъ. Сами знаете, вѣдь объ этомъ нельзя ни умолить, ни упросить: когда душою не хочется, — и дѣло

рѣшено. И вотъ ваше письмо совершенно меня обрадовало; здѣсь вы пророчески узнали мою потребность, чего я ждалъ отъ васъ долго молча, и, слава Богу, дождался наконецъ. — Я весь вашъ, весь, навсегда! И пьесъ моихъ вы хозяинъ полный: никуда, кромѣ васъ, не пойдетъ ни одна; и скажу вамъ откровенно, если я ихъ кой-куда разбрасывалъ, на то была или необходимость, или разсчеты, конечно не денежные (избави Богъ, я объ нихъ не мыслю), а разсчеты другого рода. Теперь же мнѣ хочется быть въ „Отечественныхъ Запискахъ" и кой-когда въ „Современникѣ" и въ альманахѣ у васъ; а у Владиславлева быть или не быть, все равно; въ другихъ журналахъ также.

Благодарю васъ, милый Виссаріонъ Григорьевичъ, за вызовъ вашъ, отъ всей души благодарю. Радъ до смерти, что вы сошлись съ Панаевымъ, — онъ славный, добрый человѣкъ; и мило сдѣлали, что теперь сотрудники Краевскаго. Андрей Александровичъ тоже человѣкъ славный и добрый, хоть и въ своемъ родѣ; но все онъ почтенный человѣкъ, и его нельзя не любить, онъ большой мастеръ, умѣетъ расположить къ себѣ всякаго, и право въ немъ есть *искра Божія добра.* Въ Петербургъ вы ѣдете — не только это хорошо; но вамъ нужно тамъ быть. Пусть онъ на первый разъ васъ не очень ласково приметъ, пусть многіе будутъ на васъ смотрѣть подозрительно, пусть будутъ говорить и то и се... Богъ съ ними! Ничего не сдѣлаютъ. Вся ихъ выгода въ одномъ: иногда нанесутъ на первый разъ непріятностей, и то легкихъ. Пусть ихъ отуманятъ утро, а оно все-таки разведрится опять, и солнушко засвѣтитъ въ немъ роскошнѣй прежняго и блистательнѣй. Они бы рады сдѣлать и больше, да вы не дадитесь; вы ужъ знаете, какъ съ ними ладить; опытъ васъ заранѣе приготовилъ къ нимъ. *„Ты царь, живи одинъ"* — святая правда, и вашъ девизъ она. Но Эрмитажъ, но Брюловъ, но весь Петербургъ снаружи даже, Нева, море стóютъ гораздо больше; и, можетъ быть, года черезъ два за границу, къ Гоголю, въ Италію. Надо быть въ Италіи и Германіи, непремѣнно надо; безъ того вамъ умереть нельзя.

А смерти „Наблюдателя" и радъ я, и не радъ; радъ потому, что онъ мучилъ васъ, не радъ потому, что Василій Петровичъ, кажется, могъ бы здѣсь поступить иначе, — кажется, могъ бы... Чего не можетъ человѣкъ, когда захочетъ, особенно купецъ, у котораго въ дѣлѣ спекуляціи все идетъ по заказу невозможнаго? Неужели нужны страшныя суммы для поддержки его?... Одно досадно: много усилій я уже употребилъ, чтобы быть зимою въ Москвѣ; пріѣду, васъ не найду, и скучно будетъ мнѣ въ ней жить, къ вамъ-то и рвалась душа моя. Но отъ всей души дай Богъ вамъ добрый путь на дѣло трудное и великое. Все прекрасное лежитъ въ будущемъ, настоящее пройдено — и тайны нѣтъ; безъ ней жизнь не жизнь.

Да, я нашелъ въ Воронежѣ славнаго человѣка, хохла, и порядочнаго другаго. Одинъ пишетъ по-малороссійски сонеты, чудные сонеты. Напишите, если ихъ можно помѣстить въ вашъ альманахъ, я нѣсколько пришлю; къ Гребенкѣ послалъ ужъ четырнадцать штукъ. А другого скоро одну пьеску пришлю, русскую. Теперь посылаю двѣ пьесы Кра-

сова. Въ „Вакханкѣ“ не угодно ли вамъ будетъ выкинуть нѣсколько стиховъ, отмѣченныхъ черточками, тогда пьеска будетъ славная; именно отъ нихъ она была и растянута, и сладострастна. Конечно, сладострастье хорошо, да у него какъ-то вышло приторно. И своихъ три пьески, двѣ вамъ извѣстныя. Въ „Примиреніи“ я то мѣсто, что говорили, поправилъ, и отмѣтилъ черточками нѣсколько стиховъ; не угодно ли будетъ выкинуть: и съ ними хорошо, и безъ нихъ хорошо, а чѣмъ короче, тѣмъ лучше. Третья — „Умолкшій Поэтъ“. Его видно Плетневъ почему-то не хочетъ печатать въ „Современникѣ“, видно потому, что онъ умолкшій, а ему, знаете, надобны живые, говорливые. „Тоска по волѣ“ недавно написалъ; не знаю, понравится ль. Въ ней старое слово я поставилъ: „гой“, но оно хорошо, кажется, стоитъ; съ нимъ „пододонная“ — эдакъ говорится по-русски про адъ. Еще непремѣнно напишу въ вашъ альманахъ, и скоро пришлю. И ужъ коечто хочется написать.

А если угодно вамъ спросить, почему мало? — трудно отвѣчать, и отвѣтъ смѣшной: не потому, — что некогда, что дѣла мои были дурны, что я былъ все разстроенъ; но вся причина — эта суша, это безвременье нашего края, настоящій и будущій голодъ. Все это какъ-то ужасно имѣло нынѣшнее лѣто на меня большое вліяніе или потому, что мой бытъ и выгоды тѣсно связаны съ внѣшней природою всего народа. Куда ни глянешь — вездѣ унылыя лица; поля, горѣлыя степи наводятъ на душу уныніе и печаль, и душа не въ состояніи ничего ни мыслить, ни думать. Какая рѣзкая перемѣна во всемъ! Напримѣръ: и теперь поютъ русскія пѣсни тѣ же люди, что пѣли прежде, тѣ же пѣсни, такъ же поютъ; напѣвъ одинъ, а какая въ нихъ, не говоря ужъ грусть — онѣ всѣ грустны, — а какая-то болѣзнь, слабость, бездушье. А та разгульная энергія, сила, могучесть будто въ нихъ никогда не бывали. Я думаю, въ той же душѣ, на томъ же инструментѣ, на которомъ народъ выражался широко и сильно, при другихъ обстоятельствахъ можетъ выражаться слабо и бездушно. Особенно въ пѣсни это замѣтно; въ ней кромѣ ея собственной души есть еще душа народа въ его настоящемъ моментѣ жизни.

Не знаю, отчего вамъ не нравится „Стенька Разинъ“, развѣ по названію: названіе можно перемѣнить, а пьеса, кажется, хорошая. Конечно, она не выражаетъ образности; но въ ней эта образность скрывается въ силѣ души, которая выражаетъ себя въ своемъ напряженномъ состояніи внѣшнихъ обстоятельствъ. „Бѣдный призракъ“ — тоже, кажется, вещь хорошая; въ ней нѣтъ буквально высказанныхъ періодовъ жизни одного человѣка съ его конечною душою; но изъ нѣскольких моментовъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ, ясно видно, о чемъ идетъ рѣчь, что ему надобно и отъ чего онъ ....[1]) вездѣ донельзя. „Послѣдняя борьба“, можетъ, пахнетъ Пушкинымъ, — не спорю; но въ ней своя форма, свои слѣдствія битвы. О другихъ я не говорю ничего.

---

1) Слово не разобрано.

Нетерпѣливо жду услышать о стихахъ Сребрянскаго. Ужели онъ въ самомъ дѣлѣ былъ плохой поэтъ? Да разскажите, Бога ради, почему „Флейта“ хороша; два раза читалъ — не понялъ, а хорошаго не понимать весьма худо.

Посылаю еще сказку Усова. Посмотрите; годится куда-нибудь — отдайте, не годится — въ огонь. „Наблюдателя“ у меня нѣтъ; и если у васъ нѣтъ лишняго экземпляра, и взять его сопряжено для васъ хоть съ малѣйшей трудностью, то пожалуйста не присылайте: у васъ много безпокойствъ и кромѣ этого. И если можно, и то если можно, то пожалуста пришлите экземпляровъ двадцать моихъ книжонокъ. Я, знаете, иной разъ ихъ растаскиваю кое-куда. Что-жъ дѣлать! есть такія мѣста, гдѣ денегъ не берутъ, а даже одолжаютъ, — такъ я и поблагодарю книжкой; все лучше, чѣмъ одни слова. Ахъ, какъ хороши въ восьмомъ номерѣ „Записокъ“ пять русскихъ пѣсней! Чудо — какъ хороши, вотъ ужъ объяденье — такъ объяденье. Я тутъ подозрѣваю Лермонтова, чуть ли не онъ опять проказитъ, какъ въ пѣснѣ про Царя Ивана. Кто бы ни былъ, онъ или нѣтъ, а все большое спасибо за нихъ, и тому, кто написалъ, и тому, кто напечаталъ. Дѣла нѣтъ, что онѣ всѣ изъ старыхъ пѣсней переправлены, — да мастеромъ переправлены, молодцомъ. И разборъ пѣсенъ Сахарова, — Каткова, чудо какъ хорошъ; меня чрезвычайно какъ настроилъ его разборъ. Чуть ли всѣ не ошиблись въ своемъ заключеніи, онъ человѣкъ дюже хорошій, и если былъ страненъ тогда, то не потому ль, что дорóга ему самому была нова. На слѣдующей почтѣ еще пошлю къ вамъ письмо. Любящій, почитающій и уважающій васъ всей силой души Алексѣй Кольцовъ.

39. В. Г. Бѣлинскому.

12 октября 1839 года. Воронежъ.

Милый, любезный мой Виссаріонъ Григорьевичъ! Вашъ альманахъ вынулъ еще изъ черной тетради двѣ пьески; ихъ достоинства я не защищаю, онѣ передъ вами, смотрите — и судите. Въ „Пѣснѣ“ я одинъ стихъ замѣнилъ вновь, но если онъ не годится, такъ по старому; какъ лучше, такъ и поступите. Въ „Хуторкѣ“ тоже чортъ знаетъ: иногда прочтешь „Хуторокъ“, покажется, а иногда разорвать хочется. Есть вещи въ свѣтѣ, милыя сердцу, и есть ни то, ни се; такъ и вездѣ. Да впрочемъ, что жъ больше можетъ быть среди безлюдной почти степи? Конечно, драма вездѣ, гдѣ человѣкъ; но иная драма хороша, другая дурна. Если смотрѣть на него [„Хуторокъ“] въ обширномъ смыслѣ страстей человѣческихъ, такъ эта жизнь не очень хороша, а если глянуть на степь, на хуторъ да небо, такъ и эта бредетъ. Лучше, чтó есть, говорить, а не собирать всякой чепухи и брызгать добрымъ людямъ по глазамъ; и стыдно и грѣшно. Вамъ смѣшно, я думаю, что такую дрянь я сую въ драмы; на безрыбьи и ракъ рыба: такъ [какъ]

у меня нѣтъ большихъ, ну и маленькую туда жъ, — все какъ-то лучше, чѣмъ нѣтъ ничего.

Если вы не посылали еще мнѣ письма, то погодите маленько; я напишу вамъ на той почтѣ письмо, въ немъ пошлю три пьески чужія, и тогда ужъ я васъ не шутя попрошу написать мнѣ обо всемъ. Если будетъ и недосугъ, такъ о томъ и о томъ покороче, но пожалуйста обо всемъ. У васъ такая куча вопросовъ отъ меня, и изъ нихъ кое-какіе меня очень интересуютъ. А ужъ если совершенно вамъ не захочется писать, или гадкія обстоятельства не дадутъ для этого ни минутки,—ну, дѣлать нечего: послѣ. Да увѣдомьте, когда вы уѣдете изъ Москвы, гдѣ васъ тамъ найти, — а то безъ адреса писать писемъ нельзя. Досадно, что я васъ не найду въ Москвѣ; прежде ноября мнѣ ѣхать изъ города нельзя, а вы уѣдете прежде; пріѣду, — васъ нѣтъ, и скука съѣстъ, такъ — да не такъ. Когда въ Москвѣ Иванъ Ивановичъ Панаевъ, кланяйтесь отъ меня ему низко. Изъ Питера ко мнѣ никто не пишетъ. Владиславлеву я ничего не посылалъ и не пошлю: мнѣ теперь только и хочется быть у васъ въ альманахѣ, хоть съ одной пьеской, въ „Запискахъ“ и „Современникѣ“,—и довольно. Ўже море,— ближе берегъ. Алексѣй Кольцовъ.

40. А. А. Краевскому.

[Ноябрь 1839 г. Воронежъ].

Любезный, добрый, милый мой Андрей Александровичъ!

Благодарю васъ, благодарю, и еще благодарю за ваше письмо, за все его. Оно все — одно слово, одна мысль, полная благихъ утѣшеній. Вы давно озаряете тѣсную сферу моей жизни своимъ блистательнымъ лучомъ; давно хотите оживить почти завялую былинку и много разъ ее кропили живой водой; но чтобы вполнѣ ее оживить,—невозможно. И званіе, и время, и обстоятельства, и самая возможность — все противъ меня! Дерево, разрушенное грозою, можно собрать, можно одѣть корой, но оживить едва ли льзя! Еще благодарю за ваше доброе желаніе, чтобы я ѣхалъ въ Петербургъ, былъ у васъ, въ конторѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Это дѣло такое, котораго я лучше бы не желалъ; да вотъ бѣда: я не могу этого сдѣлать, не могу ѣхать.

Полно молчать, скрываться; скажу вамъ откровенно, по душѣ. Отецъ мой имѣлъ прежде весьма много дурныхъ дѣлъ судопроизводныхъ, о которыхъ я уже вамъ много разъ и говорилъ. Изъ нихъ койкакія кончены до перваго пріѣзда моего въ Петербургъ, еще кой-какія кончились послѣ того самимъ мною. Оставалось одно главное, большое горе — для моей гибели. Въ этомъ дѣлѣ вы приняли участіе и добрый Василій Андреевичъ и князь Вяземскій (вы не отпирайтесь, вамъ совѣстно отпираться; если бы не вы, я бы въ Питерѣ не нашелъ слѣдка, не только что дорожки), которое, слава Богу, теперь кончилось. Это горе съ плечъ долой бухнуло. Теперь еще осталось два дѣла. Одно: слѣдуетъ отцу взять землю на пять лѣтъ, 350 десятинъ,

у мужиковъ; деньги, пять тысячъ, отданы, а дѣло заспорилось. Другое: по поручительству слѣдуетъ ему заплатить пять тысячъ рублей. Но все это ничего... дѣло уже конченное! При дурномъ его окончаніи, грозило отцу моему полицiей; вы его изъ ней вытащили. Теперь вотъ бѣда! Нынѣшній годъ по нашей торговлѣ былъ весьма дуренъ, у насъ много рогатаго скота упало, т. е. подохло, а капитала своего мы имѣли самую малость: торговали на чужой, пользуясь довѣріемъ. Скотъ подохъ, деньги, на него употребленныя, пропали, а онѣ были чужія. Люди не виноваты, что у насъ скотъ подохъ: ихъ надобно заплатить, а заплатить нечѣмъ. Что вы прикажете тутъ дѣлать? Будь ихъ немного, — тысяча, другая, третья, — я бы тотчасъ нашелся, какъ горю пособить, а то ихъ до двадцати. Какъ перевернуться? Какъ эту рѣку перейти, не захлебнуться? Вотъ мое настоящее горе. Конечно, Богъ не безъ милости, человѣкъ не безъ грѣха, и я бы отъ этого грѣха хоть бы ускользнулъ изъ города, — но что будетъ съ старикомъ? Положимъ, можно забыться и для этого на время уѣхать; да не пустятъ проклятые кредиторы: вида — чортъ ихъ побери! — не дадутъ, на дорогѣ остановятъ, въ уголъ прикуютъ. Вотъ дѣла-то какія состроила мнѣ судьба! И что ни будетъ, — я покоряюсь имъ. Пока это еще негласно, пока еще я тѣмъ и тѣмъ скрываю истину, указываю имъ на то и на то, а далѣе — я далѣе дня пока не думаю, что́ будетъ. Пройди хорошо этотъ одинъ годъ, и все бы пошло какъ нельзя лучше. Я было порядочный началъ строить домъ, который бы приносить могъ дохода двѣ тысячи рублей, да самъ бы въ немъ занялъ лавченку книжную, — и можно бы жить припѣваючи. Конечно, достройка его должна остановиться, и всѣ мои желанья — пополамъ!

Видите ли, любезный Андрей Александровичъ, теперь мои дѣла? Можно надъ ними сгрустнуть, или нѣтъ? Хороши они? И изъ-за пустяковъ ли я часто пригорюнясь сижу?... Вы говорите, я упалъ духомъ. Нѣтъ, духомъ я не упалъ, и бѣдѣ моей смотрю въ глаза прямо, и грудь не сокрыта предъ ней. Я не бѣгу, а стою и жду бури: сломитъ — упаду, выдержу — пойду впередъ. Но не стану передъ ней на колѣна, не буду слезно молить о пощадѣ и бабой выть; нѣтъ, этого не будетъ! Я русскій человѣкъ. Шапку снимемъ предъ грозой, а въ сердцѣ кровь не остановимъ; холодъ по тѣлу пустимъ, но въ тѣлѣ не удержимъ. Еще смѣемъ сказать: „убирайся, откуда пришла!“ Тряхнемъ стариной, — будетъ хуже. Нѣтъ, Андрей Александровичъ, духомъ я не упалъ и не упаду, развѣ мощь измѣнитъ, развѣ отъ напряженья силы тѣло лопнетъ; тогда — конецъ!

Вы такъ добры, что извиняетесь передо мной, что рѣдко пишете. Могу ль я требовать, чтобъ часто вы писали, и можно ль вамъ, при вашихъ хлопотахъ и недосугахъ, при вашихъ занятіяхъ огромныхъ? Вы славно начали подвизаться: два журнала вдругъ! Это выше силъ одного человѣка. Признаюсь, я завидую такой дѣятельности: лѣсъ занятій, трудныхъ, отчетливыхъ. Великое дѣло — пахать большую ниву для пользы человѣка!

41. В. Г. Бѣлинскому.

[Ноябрь 1839 г. Воронежъ].

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Теперь я начинаю понимать, что всякая конечность, въ какой бы она прекрасной формѣ ни была, — все конечность. . . . .

Нашимъ желаньямъ нельзя довѣрять: врутъ они противъ разсудка и себя, ихъ обманываетъ безсовѣстно инстинктъ натуры, ихъ надо держать въ рукахъ, на привязи. Не можетъ быть на землѣ полнаго упоенія любви, какое рисуетъ воображенье, или, если можетъ быть, то ужъ весьма рѣдко, и то только тогда, когда сами обстоятельства сведутъ на пути жизни двухъ человѣкъ одинакихъ понятій, страстей, желаній. Я свой расчетъ кончилъ, не буду желать, не буду искать счастья тамъ, гдѣ нѣтъ его. Рѣшено: буду питаться воздухомъ, любоваться звѣздами. Какъ живу? Этого вопроса я не разрѣшу вамъ самъ. Чортъ знаетъ, какъ я живу теперь! Что я дѣлаю? Въ нынѣшнюю пору кто изъ порядочныхъ людей что дѣлаетъ? Это скучно, отъ зрѣнья можно потерять глаза, отъ пѣшковой ѣзды — ноги; отъ рукодѣлья — надолго ли станутъ однѣ руки? Право, надобно дѣлать какъ можно меньше, больше ѣсть, курить трубку; — чаще будетъ затменіе луны, больше ночей. Нѣкоторымъ образомъ я жалѣю, что много всякой всячины на свой вѣкъ передѣлалъ. Но прошедшаго не воротить, а надо пользоваться настоящимъ, и я, слава Богу, въ этомъ славно подвизаюсь; недостаетъ одного колпака, а то совсѣмъ бы я былъ дуракъ. Почему знать, можетъ за сходную цѣну куплю и его? Тогда прощайте, добрые люди, уйду надолго въ лѣсъ по грибы, въ поле по груши. Да, въ самомъ дѣлѣ, мое теперешнее положеніе почти похоже на этотъ несвязный, глупый сонъ. Ищу должности, хочу попробовать разыграть паяца, я его ужъ играю съ нѣкотораго времени дома. Что жъ въ самомъ дѣлѣ я, какъ не паяцъ, когда я не могу усвоить за собою ни одного дня въ жизни, какъ бы хотѣлъ? Прекрасное у меня вѣчно перемѣшано съ гадкимъ, милое съ отвратительнымъ. Жизнь дѣловая, матерьяльная требуетъ всего меня, я ее обманываю. Жизнь, на служеніе которой хотѣлъ бы посвятить себя всего, напрасно призываетъ въ свой тѣсный уголъ: демонъ матерьялизма не пущаетъ. И такъ проходятъ дни, мѣсяцы, годы, и золото время гублю, на что попало.

Съ людьми, съ которыми живу, никакъ не сойдуся: они требуютъ, чего нельзя имъ дать; чего хочу, — у нихъ нѣтъ... И время отъ времени я съ ними все дальше и дальше расхожусь. Боже мой, до какой степени я съ ними не въ ладу! Наружной брани нѣтъ, да безъ ней грустно. Этотъ слой народа низокъ, гадокъ, пошлъ до несказанной степени; а выйти изъ него ни дороги, ни силъ нѣтъ. Иногда затѣваешь думать о чемъ-нибудь порядочномъ, чтобы оно проложило дорогу выйти на просторъ, — нѣтъ силы вовсе для выполненія. Тоска, какъ собака, грызетъ меня. Что-то будетъ. Но ужъ хуже, ей Богу, не будетъ ничего, потому что и такъ ужъ худо. Ничего не радуетъ,

ничего совершенно. Москва! вотъ когда я постигаю твое блаженство, вотъ когда я вижу, чѣмъ жизнь твоя прекрасна. Но мнѣ не быть счастливымъ никогда. Въ Москвѣ не жить мнѣ вѣкъ.

Я получилъ два письма: одно отъ Краевскаго, другое отъ Плетнева. Краевскому писалъ я прежде, что мои дѣла дурны; онъ на это со всѣмъ тономъ великаго мецената зоветъ меня къ себѣ управлять конторою журнала „Отечественныхъ Записокъ"; изъ мальчика просить пойти въ работники: удачная будетъ перемѣна! Плетневъ пишетъ, чтобъ я прислалъ къ нему реестръ пьесъ, которыя я назначаю ему собственно въ „Современникъ", а то говоритъ одну пьесу ... [1])

42. В. А. Жуковскому.

1 декабря 1839 г. Воронежъ.

Ваше превосходительство, милый и любезный нашъ поэтъ Василій Андреевичъ! Дѣло, въ которомъ вы по добротѣ души вашей приняли живое участіе, наконецъ, слава Богу, получило рѣшительный конецъ; искъ свалился съ плечъ моихъ долой; большая бѣда прошла, и моя свобода и свобода отца моего еще у насъ. Какъ тяготило, мучило меня и все семейство и старика отца это проклятое дѣло! Семь лѣтъ и день и ночь—исторія одна, и если бы не вы, что̀ бы съ нами было? И все значенье цифры смяло бъ до нуля. Бывши мальчикомъ еще, уча наизусть ваши творенія, душой сживаясь съ ними, по нимъ любя всѣхъ васъ, думалъ ли я въ ту пору, что—придетъ время—увижу васъ, обласканъ буду вами, и какъ обласканъ! и что милый поэтъ Россіи приметъ меня подъ свое покровительство, что въ мутную пору матерьяльныхъ обстоятельствъ приметъ меня подъ свою защиту и отведетъ отъ беззащитной головы страшную тучу, выведетъ изъ мрака моего забвенія, укрѣпитъ доброе имя, дастъ другое мнѣніе, лицо и жизнь; думалъ ли я когда нибудь? — Даже до этихъ поръ, часто въ сладкомъ воспоминаніи воскрешая прожитое время въ Петербургѣ, ваши ласки, вниманіе, покровительство, ваше посѣщеніе Воронежа, оживляя васъ самихъ у себя дома, въ своемъ городѣ, — думаешь, и самъ не знаешь, что́ это было; сонъ или быль? волшебная сказка или святая истина? Выше всѣхъ понятій возвысили вы меня, и что же я, — чѣмъ заплатилъ вамъ за все это и чѣмъ заплачу за все, что сдѣлано вами для меня? Ничѣмъ, — ровнехонько ничѣмъ... Тяжело быть должнымъ—и не имѣть никакой возможности заплатить долга; одной же искренней душевной благодарности, горячаго чувства весьма недостаточно, мало, чтобъ уничтожить всю силу моихъ желаній. Надѣяться на будущее? Но что же будущее мнѣ дастъ? Кругомъ туманъ и тьма; какой, откуда лучъ засвѣтитъ мнѣ? Возможно ли для самой мочной воли олицетворить себя до невозможности? Есть чудеса, и будутъ, но для меня они ужъ исключенье; ужасное сознанье робкой

1) Окончанія письма нѣтъ.

думы: „будь то, что будетъ!“ До тѣхъ поръ примите вновь отъ меня за сдѣланное добро одну искреннюю, чистую, горячую благодарность отъ моей души. Больше ея я ничего не могу вамъ ни сдѣлать, ни сказать; нѣтъ жизни у меня для васъ, кромѣ этой жизни... Чувствую, что лучше бы было мнѣ пріѣхать нарочно въ Питеръ и благодарить васъ лично, но этого я не могу сдѣлать теперь.

Прежде иначе я гадалъ, даже переселиться, совсѣмъ жить въ Петербургѣ; теперь пошло все иначе: въ одинъ день съ разныхъ сторонъ дуетъ вѣтеръ, и у меня нынче другой ужъ дуетъ вѣтеръ. Андрею Александровичу Краевскому про этотъ вѣтеръ я уже говорилъ; осталось мнѣ издали смотрѣть, какъ міръ въ своихъ страстяхъ воюетъ самъ съ собой. Можетъ, было бы еще хуже жить, но ясный лучъ вашего свѣта освѣщаетъ меня до этихъ поръ. Губернаторъ нашъ, его превосходительство Николай Ивановичъ Лодыгинъ, не даетъ съѣсть меня людямъ. Чуть они задумаютъ запутать въ своихъ сѣтяхъ, я къ нему тотчасъ — и вновь дышу свободно. Боже мой! Чего хочутъ отъ меня эти честные люди? за что скрипятъ зубами? Что надо имъ? — не знаю. Если я съ ними не пьянствую, не играю въ карты, не просиживаю ночей праздно, то, кажется, за это имъ сердиться дюже не должно; а кромѣ,—божусь вамъ!—другихъ грѣховъ за мною и нѣтъ. Теперь тянутъ они меня, по дѣлу отца моего, опять въ Москву, въ сенатъ, въ 7-й департаментъ. Нужды нѣтъ, пусть тянутъ; такъ и быть, поѣду; поклонюсь вновь добрымъ людямъ, побьюсь съ нуждою; ужъ съ горемъ мы давно свои, съ нуждою живемъ за панибрата, а все-таки, быть можетъ, своей свободы въ руки имъ не дамъ...

Угодно ли будетъ вамъ спросить: занимаюсь я словесностью, или нѣтъ? Все свободное время посвящаю постоянно ей одной; выше этого дѣла я ничего не знаю. Но что мало пишу? Это оттого, что мало время есть у меня, которое могу я отложить отъ дѣлъ житейскихъ на святое дѣло духа. А что пишу? Чтобы не наскучить вамъ *многимъ,* посылаю одну пьеску, которую, если вамъ понравится, хотѣлъ бы посвятить вашему имени... Вы милый нашъ поэтъ, поэтъ народной жизни русскаго духа и человѣкъ государственный! Соединить эти двѣ великія крайности довольно трудно и тяжело, а вы соединили ихъ... Поэтому каждый часъ вамъ, кромѣ моихъ бездѣлокъ, необходимо дорогъ для дѣлъ великихъ и святыхъ...

Вновь за принятое покровительство въ моемъ дѣлѣ приношу вамъ благодарность, — не ту благодарность, которая холодно выговаривается въ холодной буквѣ, но ту благодарность, которая долго и глубоко живетъ въ теплой груди сознательнаго человѣка; которая меньше выговаривается, но въ тысячу разъ больше чувствуется на каждомъ шагу нашей жизни. Весь преданный вамъ и всей силой души моей любящій и почитающій васъ, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ [1]).

---

1) Приложена дума „Лѣсъ“.

43. А. Н. Черткову.

28 декабря 1839 г. [Воронежъ].

Любезный, добрый Алексѣй Николаевичъ! Съ праздникомъ васъ, почтенье вамъ, привѣтъ вамъ отъ души!.. Еще бы чего? Гармоническаго состоянія вашей душѣ! Все теперь. Благодарю за „Исторію“. Извините, что не могу быть у васъ, простудился, боленъ немного, въ комнатѣ сижу. Если есть у васъ весь Луганской, то пожалуйста дайте прочесть. Съ душевнымъ уваженіемъ вашъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

44. В. Г. Бѣлинскому.

20 февраля 1840 г. Воронежъ.

Милый, любезный мой Виссаріонъ Григорьевичъ! Въ Питерѣ вы—часъ добрый, жить-поживать припѣваючи! Каковъ Петербургъ? Сѣръ, и воздухъ мутенъ, и дни грустны? На первый разъ онъ кажется для всѣхъ таковъ, а обживешься въ немъ—и получшѣетъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше да лучше, а наконецъ, и вовсе полюбится этотъ русскій богатырь, Питеръ-городокъ. Конечно, дальше въ лѣсъ — больше дровъ: Германія, Италія, я думаю, другое дѣло. Но пока намъ туда грязенъ путь, хорошо и въ Питерѣ побрататься съ нуждой. Какъ бы мнѣ хотѣлось теперь хоть маленькую получить отъ васъ вѣсточку. А еще чего не хотѣлось бы мнѣ отъ васъ?—Да дѣло въ томъ, что вамъ-то не хочется сказать мнѣ ничего. Я терплю и думаю, что у васъ все шли такія обстоятельства, что вамъ было не до меня и, можетъ быть, порою часто и не до себя. Иначе я не могу думать о вашемъ долгомъ-долгомъ молчаніи. Если и теперь не до меня, не пишите еще,—справляйтесь со своими внутренними и внѣшними требованіями. Богъ дастъ, придетъ время лучшее, тогда можно поговорить и со мной.

До какой степени мы люди: говорю вамъ отъ души, а въ этой же душѣ какой-то демонъ шепчетъ: все бы лучше скорѣе получить отъ васъ письмо. Въ самомъ дѣлѣ, я его уже давно жду съ такою же жаждою, какъ вы въ Москвѣ отъ Николая Алексѣевича; но все-таки опять скажу: некогда—не надо. Я знаю васъ, и это сознаніе всегда говоритъ мнѣ такъ же, какъ и прежде. Мой землякъ, а вашъ морякъ, Сергѣй Петровичъ Крашенинниковъ выѣхалъ изъ Питера тогда еще, какъ вы только въ него пріѣхали, и онъ мнѣ говорилъ о васъ, что вы въ Питерѣ. И это меня порадовало: два дни какъ вы въ Питерѣ, — люди ужъ знаютъ, что вы въ немъ; стало быть, вы имъ нужны, что занимаются вами.

А Станкевичъ второй былъ у меня проѣздомъ, говорилъ, что въ Москвѣ получили отъ васъ письма, въ которыхъ пишете, что вамъ въ Питерѣ страхъ какъ ужъ наскучило и сгрустнулось. Это меня опечалило. Впрочемъ за грусть я не стою, она тамъ своя. Былъ у меня третій Станкевичъ. Онъ какъ-то странно перемѣнился, зарылся въ науку, въ формальность, математически сурьезно. Оно хорошо съ

молодыхъ лѣтъ поучиться хорошенько, а все-таки странно видѣть человѣка ученаго, сухаго, безъ огня въ душѣ и безъ фантазій жизни. Аксаковъ изъ путешествія воротился. Слава Богу, что все такъ кончилось и скоро, и благополучно.

Я теперь къ вамъ посылаю семь пьесъ; посмотрите на нихъ, что хорошо, отдайте напечатать, что не хорошо — оставьте у себя. Изъ нихъ думу „Лѣсъ" я давно уже послалъ Жуковскому; нужно было послать письмо, а не хотѣлось его послать одно, — ну и приложилъ „Лѣсъ". Письмо же состояло изъ двухъ пунктовъ; первый: искренно благодарилъ его за дѣло, въ которомъ принималъ онъ участіе, а другой,—въ которомъ говорилъ о моихъ теперешнихъ обстоятельствахъ, и за которыя я теперь краснѣю. Глупо сдѣлалъ, что писалъ ему о нихъ; для чего? Слабость. Думаешь, авось или то-то и то не будетъ ли. Худо сдѣлалъ я, и жаль, что нечѣмъ воротить. Если „Лѣсъ" онъ захочетъ напечатать, то пошлетъ, я думаю, въ „Современникъ" или „Записки"; а если долго его не будетъ тамъ, и вамъ онъ понравится, то передайте вы его туда. Въ немъ я прежде видѣлъ много, а теперь, переписывая, какъ-то онъ показался мнѣ вовсе гадкимъ. Другія мои пьески мнѣ кажутся лучше прежнихъ; а впрочемъ, вы увидите это лучше; у меня часто и то хорошо, что никуда не годится. Одно меня радуетъ, что я началъ писать опять легче и скорѣе, и есть охота написать еще кой-что. Жаль, что нѣтъ у меня вашего адреса.

Я въ Москвѣ буду въ апрѣлѣ, а въ Питерѣ рѣшительно быть нельзя, — средства не позволяютъ, — а до смерти жаль. Видно, васъ ужъ я скоро не увижу.

Андрей Александровичъ, спасибо ему, присылаетъ мнѣ свою газету. „Записки" у насъ еще никто не получилъ. А добрый Плетневъ прислалъ первый номеръ „Современника"; хотя онъ и легонекъ, но все ему большое спасибо за него. Прошлый годъ „Записки" я всѣ получилъ отъ Андрея Александровича, и онѣ мнѣ много сдѣлали добра: славный журналъ, есть что читать въ немъ, и есть надъ чѣмъ задуматься. У насъ ихъ нынче получаютъ немного больше, а все никакъ не увѣришь людей, что „Библіотека" гадость: по привычкѣ хвалятъ да читаютъ ее, — да и только. Русь, разъ покажи хорошій калачъ изъ пазухи, долго будетъ совать руку за нимъ по старой привычкѣ. „Сына Отечества" у насъ совсѣмъ нѣтъ, онъ бѣдненькій все болѣе хромаетъ; старъ мужъ деньги началъ собирать, а время еще не много—и на покой. За то ужъ драма за драмой, водевиль за водевилемъ дождемъ валитъ. „Сквозь старое рѣшето скорѣе мука сѣется", говорятъ мужички.

Посылаю вамъ еще одного моего знакомца двѣ пьески; а чортъ знаетъ, можетъ я вамъ ихъ посылаю — только скучаю; скажите, — не буду. Я вѣдь не изъ того бьюсь, чтобы услужить моимъ знакомымъ, а изъ того: если у нихъ что выйдетъ хорошо, жаль такъ пропадетъ. Если у васъ есть что изъ моихъ дать въ журналъ Плетневу, пожалуйста дайте, а то мнѣ стыдно передъ нимъ и передъ Андреемъ Александровичемъ. Я поступаю передъ ними не хорошо: въ прошлый

годъ получилъ „Современника“ четыре книги, а напечаталъ онъ мою только одну пьеску, а за одну пьеску взять четыре книги—довольно жирно. Съ Андрея Александровича тоже за четыре пьески я получилъ двѣнадцать прекрасныхъ книгъ. Они, положимъ, люди добрые и хорошіе; да все-таки за бумагу и въ типографію, а иногда и [за] пьесы платятъ, я думаю, деньги. Не знаю, какъ пойдетъ у меня время, а кажется я на нынѣшній годъ напишу больше; если это пойдетъ такъ, то съ долгомъ выплачусь. Не знаю, отчего Плетневъ не хочетъ напечатать у себя „Божій Міръ“ и „Умолкшій Поэтъ“; положимъ „Божій Міръ“ и не того..., а „Умолкшій Поэтъ“, кажется, годится.

Что жъ еще вамъ написать? Ей Богу! больше нечего. О себѣ?—не велика спица въ колесницѣ, и въ молчанку съѣдетъ съ рукъ; о другихъ?—всѣ живутъ и дѣтокъ водятъ; о погодѣ?—лѣто было сухое, время плохое, хлѣбъ дорогъ, кое-гдѣ желудки пробираетъ голодъ пуще мороза. Театръ у насъ есть, да такой гадкой, что тошно въ немъ быть: мужчины безталанные, а женщины и безобразныя. Играютъ все однѣ и тѣ же трагедіи, драмы, комедіи, водевили, оперы, мелодрамы, балеты и всякія другія вещи. „Ревизоры“ свои и „Гамлеты“—ни почемъ. И сборы идутъ хорошіе. Какъ можно звонкимъ рискомъ да и въ пору у насъ много выигрывать! Особенное наводненіе ощутительно въ стихописателяхъ; много ихъ у насъ развелось, не по мѣсту: городишко маленькой, а есть штукъ двадцать пять, и чаще всего пописываютъ рифмованными стихами, и даже на разные случаи пакостныя критики. Любящій васъ, какъ никого больше изо всѣхъ живыхъ, Алексѣй Кольцовъ.

45. Кн. В. Ѳ. Одоевскому.

4 апрѣля 1840 г. [Воронежъ].

Ваше сіятельство, князь Владиміръ Ѳедоровичъ! Ко мнѣ бѣда за бѣдою идутъ не по одиночкѣ, но цѣлою толпою: не успѣлъ еще васъ благодарить за дѣло, въ которомъ вы принимали участіе и которое, благодаря вашей защитѣ, кончилось уже совсѣмъ, вслѣдъ за нимъ тотчасъ посыпали еще одно, другое, третье, четвертое, пятое; хоть меньше того, что кончено, а все-таки вяжутъ руки и ноги. Кой-какъ самъ собою началъ биться, сладилъ, и хоть не вышелъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ попятилъ назадъ—и то хорошо. За ними вслѣдъ суша, падежъ скота, лажъ,—опять пошла писать... Бился, бился, опять кой-какъ сдержался на ногахъ. А теперь, ни оттуда, ни отсюда новое горе: снялъ землю, думалъ хоть немножко поправить свои обстоятельства,—не тутъ-то было. Контрактъ не утверждаютъ, жмутъ, тянутъ, волокутъ. Словомъ, крайность! Чувство души, здравый смыслъ—одна игра слова, насмѣшка надъ истиной. Другія нынче стали добродѣтели, другіе пороки. Кто безличенъ, безсиленъ—мошенникъ, плутъ. А если есть то и другое у кого, головы рви съ плечъ,—прекрасный человѣкъ, честный человѣкъ, и даже очень умный! Прежде я очень злился

на старика отца своего, что онъ при небольшой торговлѣ такъ много положилъ дѣлъ на мои плечи: а вотъ теперь и мной начато первое дѣло, начато со всею аккуратностью человѣка опытнаго и испытаннаго, безъ крючковъ и задирокъ. Что жъ вышло? Еще хуже. Почти два года контрактъ не утверждаютъ, а отчего? — Богъ ихъ знаетъ. Конечно, у нихъ на это есть, я думаю, свой резонъ, ужъ вѣрно безъ всякаго резона не станутъ человѣка мучить, особенно честные люди. Одинъ губернаторъ вошелъ въ положеніе моего дѣла, помогъ, сколько могъ, а честные люди, наперекоръ, послали въ департаментъ. По какому слѣду? И что за слѣды! Ихъ можно выдумать,—сколько угодно; семъ, пошлемъ — и послали.

Добрый князь, кромѣ васъ мнѣ некого просить; вы облегчили мою судьбу. Помогите же свободно глянуть на свѣтъ. Вы, Петръ Андреевичъ и Василій Андреевичъ, — вотъ всѣ, кого носитъ память въ смутную пору моихъ несчастій. Кромѣ васъ немного кто мнѣ помогалъ и немногіе будутъ помогать; это не то, что дѣлать дурно: то какъ-то легче. Способнѣе людской натурѣ дѣлать зло, чѣмъ добро. По слову Василія Андреевича нашъ губернаторъ и теперь поддерживаетъ меня, а если бы не онъ, давно бы честные люди свернули бъ ужъ меня въ комокъ. Самъ чувствую, что васъ утруждать недобросовѣстно съ моей стороны; вамъ часы дороги, ихъ, можетъ быть, отнимаютъ у васъ насильно и кромѣ меня, на это вездѣ, всегда охотниковъ много. Но, князь, кого же кромѣ васъ я буду просить, скажите? Если вы подумаете, что я безпокою васъ потому только, что ради какихъ-нибудь прихотей пустяшныхъ безпокоить васъ хочу? О, нѣтъ! Необходимость. Хочется сбросить эту грязь, потому что жить такъ, какъ живу я теперь, нѣтъ ужъ силы.

Вотъ сцены, которыя со мной бываютъ всякой почти день. Посмотрите: я проситель-мѣщанинъ; честный совѣтникъ дѣло мое тянетъ, какъ проволоку. Какъ быть? Подумалъ, и пошелъ бить челомъ управляющему; стою, дожидаюсь выхода его знатности. Его знатность изволили выйти, подойти ко мнѣ и удостоили сказать: „Что ты?“ — Къ вамъ, съ просьбою. — „О чемъ?“ — Мое есть дѣло у васъ, другой годъ контрактъ не утвержденъ! — „Контрактъ не утвержденъ?“ — Да-съ. — „А отчего жъ это?“ — Не знаю. — „Не знаю! то-то, не знаю! ходите по угламъ да закоулкамъ сначала, плутуете, мошенничаете, а какъ дѣло — и лѣзете ко мнѣ“. — Н. И., позвольте вамъ сказать: я ходить по угламъ ходокъ самый плохой. — „Знаю я васъ, всѣ вы одно поете“. — Посмотрите на дѣло: мое дѣло, я увѣренъ, скажетъ вамъ обо мнѣ совсѣмъ другое. — „Что мнѣ твое дѣло; у меня есть куча ихъ“. —Дѣлъ много, но всѣ ли они одного качества?—„Контрактъ— и все равно одни“. — Но мой контрактъ другова рода. —„Отчего жъ онъ не утвержденъ, когда другова рода?“ — Оттого, что другіе всѣ утверждены, а мой нѣтъ. — „Ты хочешь сказать мнѣ, что ты ходилъ больше всѣхъ по угламъ, да не успѣлъ?“ — Точно, съ моимъ дѣломъ я былъ въ одномъ углѣ, но быть въ немъ никому не стыдно (т. е. у губернатора). — „Ну, если ты тамъ былъ, мы опять его туда по-

шлемъ". — Какъ вамъ угодно, прощайте. — „Прощай". — Обидно, чортъ возьми, показалось незаслуженное оскорбленіе, и такого рода! Грустно стало на душѣ.

Время идетъ, а дѣло сидитъ. Стой. Семъ, пущусь на спекуляцію. У управляющаго я видѣлъ человѣка; онъ мнѣ немного знакомъ, пойду къ нему, попрошу его: не поговоритъ ли онъ ему обо мнѣ.—Дома?— „У себя-съ". — Доложи, пожалуйста. — „Сейчасъ, пожалуйте". — Здравствуй, Кольцовъ, что ты?—Вотъ что, вотъ что, пожалуйста помогите. — „Хорошо. Принеси-ка мнѣ свою книжку, — я поѣду къ нему завтра, передамъ ее, разскажу о тебѣ, поговорю о дѣлѣ. А ты дня черезъ два и ступай къ нему прямо, — онъ самъ былъ попечителемъ гимназіи, науку любитъ и кой-что знаетъ". Прихожу. — „Что, о дѣлѣ?" —Да-съ. — „Да что, твое дѣло получено отъ г[убернатора], да только онъ изволилъ написать намъ немножко щекотливо". — Мнѣ губернатору нельзя же приказывать, какъ писать. — „Оно такъ, только твое дѣло пойдетъ въ д[епартаментъ]".—Зачѣмъ же, позвольте узнать? — „А вотъ зачѣмъ: г[убернаторъ] написалъ щекотливо, такъ пусть насъ д[епартаментъ] разберетъ". — Но мое дѣло не стоитъ, кажется, посылать, и въ немъ, сами видите, плутовскихъ штукъ, какъ вы называли сначала, совсѣмъ нѣтъ. — „Положимъ и справедливо, положимъ и здѣсь кончить можно, да не хочу, а пусть идетъ въ д[епартаментъ]". — Скажите жъ, для чего его длить, когда его кончить можно здѣсь?—„А для того, что я хочу здѣсь все перевернуть кверху ногами". — Если такъ, извините, я васъ больше и просить ни о чемъ не смѣю.

Вотъ какова рода пытки я долженъ испытывать то и дѣло. Бросить же торговлю и дѣла, заниматься словесностью, — чѣмъ жить? Взяться за торговлю другова рода, — нѣту капитала. Служить — нельзя. Ѣхать куда глаза глядятъ — не пустятъ. А жить, какъ живется, — горько. Конечно, есть люди, которые умѣютъ пресмыкаться, подличать, и имъ и нужды нѣтъ, и все у нихъ идетъ хорошо. Я дѣлать по нихъ не могу. Бѣда, кто между людьми стоитъ одинокъ. Пока онъ не уйдетъ отъ нихъ изъ глазъ, давятъ они его со всѣхъ сторонъ.

Любящій и почитающій васъ, съ истиннымъ почтеніемъ вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

46. В. Г. Бѣлинскому.

28 апрѣля 1840 г. Воронежъ.

Любезный, милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Я получилъ отъ васъ изъ Петербурга письмо, и благодарю, душою благодарю васъ за него. Оно развязало вновь мнѣ руки, и развязало надолго. Конечно, ваше молчаніе чему я приписывалъ, такъ и вышло: хлопоты, заботы, труды, работа, и работа не человѣческая, переѣздъ въ Питеръ, дума объ немъ, приготовленіе, прощаніе съ Москвою. Все это не бездѣлка; особенно работа, которую вы выполняете, — надобно къ ней силы, а

то и голова треснетъ. Много и еще приходило и уходило у меня мыслей и другихъ; были и такія, что вмѣсто чертенка все доброе перешептываютъ въ дурную сторону. Въ душѣ, Боже избави, я никогда и не думалъ; однако жъ всѣ мы люди: какъ порою удержаться, чтобы не пришло въ голову? Вѣдь, знаете, иногда напишешь хорошо, иногда и дурно. Особенно: какъ-то получилъ отъ васъ письмо, гдѣ говорите вы, что изъ присланныхъ нѣсколькихъ пьесъ вамъ ни одна не понравилась. Еще ничего, — не нравится одна, двѣ, три; а пять, десять — дурно, и мнѣ шибко стало грустно. И еще больше оттого, что мнѣ самому сдается, что прежде я писалъ лучше, а теперь почему-то пишу хуже, и этой зимой вновь начала эта мысль измѣняться; вы же мною теперь такъ владѣете, что ваше слово — приговоръ. А вѣдь неловко, чортъ возьми, такъ долго сидѣвши, не написавши почти ничего еще дѣльнаго, и выписаться... Худая посылка къ самому себѣ. Если послано вами письмо другое въ Москву, то прекрасно, а не послано, то пошлите тогда, когда вамъ захочется; мнѣ больше этого не надобно. Пожалуй, я сто писемъ получу съ одинаковою любовью, но вамъ время дорого, и оно надобно въ настоящее время самому себѣ, и употребляйте его, какъ хотите; а мы, Богъ дастъ, этою же зимой въ Питерѣ увидимся.

Видите ли, у меня вышли перемѣны: вмѣсто апрѣля я поѣду въ Москву къ сентябрю. Поживя тамъ осень,—и къ вамъ. Время будетъ свободнѣе, и дѣла торговли въ ту пору у насъ меньше, и я могу побыть дольше, даже до масленой; а если бъ уѣхалъ въ апрѣлѣ, то лишь въ одной Москвѣ я лишь хлопоталъ бы поскорѣй о дѣлѣ, — и вонъ. Дѣло же не я такъ повернулъ, а оно само какъ-то такъ расположилось. Мнѣ скучно въ Воронежѣ: живу-страдаю, — людей нѣтъ, одиночество, жутко; дѣла грязны и время берутъ почти всѣ сутки. Однако жъ, ни на что не смотря, я, кажется, недѣли три поживу хорошо, и, можетъ быть, примусь за работу. Двадцать третьяго апрѣля пріѣхалъ къ намъ Павелъ Степановичъ Мочаловъ съ женою, и разъ ужъ, вчера, двадцать восьмого, игралъ „Скопина Шуйскаго", тридцатаго будетъ играть „Коварство и любовь", второго мая — „Смерть или честь", шестого — „Гамлета", потомъ „Отелло", „Короля Лира", „Ненависть къ людямъ". И у насъ въ Воронежѣ большой праздникъ; у театра шумъ и давка. Онъ собой пробудилъ нашъ сонный городъ. Я не былъ на „Скопинѣ Шуйскомъ", не буду и на „Коварствѣ и любви", а потомъ всѣ раза буду, и впередъ увѣренъ, что онъ мою холодную натуру разогрѣетъ... Мука жить въ тихомъ, матерьяльномъ городѣ одному, сиротой.

Сегодня Павелъ Степановичъ былъ у меня; онъ такъ же ко мнѣ добръ, хорошъ и ласковъ, каковъ былъ прежде, даже лучше. Жалѣетъ, что разошелся съ Катковымъ. Говорилъ, что васъ видѣлъ и былъ у васъ рѣдко; вы у него съ тѣхъ поръ не были; онъ не знаетъ, это къ чему отнести; хоть разъ, встрѣтившись, вы и говорили, что вы къ нему все тѣ же и не перемѣнились нисколько, — чему онъ отъ души вѣритъ. Гоголь въ Москвѣ, однако Павелъ Степановичъ его не

видалъ. Досадно, чортъ возьми, если онъ скоро опять улетитъ въ Италію, и я его не увижу; а ужъ онъ, поѣдетъ туда,—скоро не воротится. Павелъ Степановичъ говорилъ, что Кетчеръ съ братіею хотятъ приняться за всего Шекспира, переводить; дай-то Богъ, въ ноги поклонюсь за него, только бы поскорѣй. Хочу выписать пока „Пантеонъ"; онъ не очень дорогъ, а въ немъ, я слышалъ, будутъ напечатаны: „Буря", „Сонъ въ лѣтнюю ночь", „Коріоланъ". Да, можетъ, у Мочалова возьму „Ричарда Третьяго". Онъ вамъ низко кланяется.

Да, былъ Николай Алексѣевичъ Полевой въ Москвѣ и жалился ему на васъ, что вы про него пишете дурно, и такъ дурно, что ни на что ужъ не похоже, и что напрасно такъ дѣлаете, что онъ не понимаетъ причины такого гнѣва. „Конечно", говоритъ, „передъ Виссаріономъ Григорьевичемъ я немножно неправъ, но для чего же не въ мѣру горячиться? Онъ могъ бы пріѣхать, дескать, ко мнѣ, мы бы съ нимъ поговорили, я бы объяснилъ ему обстоятельства, почему я сдѣлалъ такъ и такъ, а не эдакъ, — онъ бы самъ разсудилъ, согласился, и мы бы съ нимъ сошлись и начали жить попрежнему". Я объяснилъ Павлу Степановичу, что эта ссора началась совсѣмъ не по личностямъ, какъ онъ думалъ, а чисто изъ раздоровъ внутреннихъ интересовъ, на чемъ одно остановилось, съ того другое пошло писать, и что пора прошла неопредѣленности, намековъ, восклицаній и недоумѣній; что настало время рѣшительныхъ положеній внутреннихъ интересовъ,—какіе они въ настоящую пору, какъ ихъ толкнутъ, и каковы они быть должны; а что отъ всякой личности вы далеки, и имѣть ихъ не имѣете охоты. А видно, Полевой пѣлъ ему объ этомъ много, и Павелъ Степановичъ разсказываетъ объ немъ подробно и съ участіемъ.—Глупое положеніе нашей братьи-рифмачей: вотъ теперь и хочется написать о Павлѣ Степановичѣ статейку, а чортовы размѣры не даютъ хода прозѣ и велятъ молчать.

Поблагодарите, пожалуйста, Андрея Александровича за меня: я получаю отъ него „Отечественныя Записки", и ужъ получилъ три номера. Журналъ — чудо, критика небывалая; у насъ всѣ хватились читать его, и критику преимущественно; и вездѣ и всегда рѣчь постоянно толкуется о критикѣ. За разборъ „Горя отъ ума" всѣ безъ исключенія довольны, и читаютъ и перечитываютъ; за Марлинскаго всѣ бранятъ, — это ихъ еще кумиръ, и кумира ихъ вы за воротъ ухватили безъ чиновъ! Итакъ, его читаютъ и бранятъ, бранятъ и читаютъ. О разборѣ въ третьемъ номерѣ еще ничего не слыхалъ; недавно полученъ. Я читалъ и перечитывалъ, и всѣ они чудо, особенно „Горе отъ ума"; впрочемъ, и тѣ превосходны. Иванъ Петровичъ Клюшниковъ началъ поправляться и шибко пошелъ впередъ; его пьески прелесть, объяденье. „Тамань" Лермонтова чертовски поразила меня. „Казачья колыбельная пѣсня" необычайно хороша. А Каткова изъ Гейне „Ратклифъ" я не понимаю. Но критика опять-таки всего лучше; это такія вещи, что много головъ сдѣлаютъ порядочными головами и много глазъ настроятъ совсѣмъ иначе, какъ они глядѣли до тѣхъ поръ. Я встрѣтилъ кой-какихъ харьковцевъ, изъ университета, ко-

нечно людей, которые любятъ словесность, и всѣ они любятъ васъ безъ ума, и ими хорошо читался и учился „Наблюдатель".

Я прочелъ „Физіологію" Велланскаго. Жалѣю, что не читалъ его давно. Теперь читаю „Исторію" Данилевскаго, „Характеръ исторіи" Шульгина, „Американскія степи", „Шпіонъ" Купера. И Куперъ человѣкъ геніальный, однако не Вальтеръ Скоттъ. Получаю я и „Газету Литературную". Судя по ней и что́ нужно для нея, хороша, — не больше и не меньше. Сто четыре номера въ годъ, по листу въ номерѣ и по два въ недѣлю — чертовская работа; однако, она у насъ проходитъ глухо. „Сынъ Отечества" никто не читаетъ, а кто выписалъ, жалѣетъ, и это, вѣроятно, выписали въ послѣдній разъ. Поклонники „Библіотеки" начали разочаровываться, и жаркіе споры затихли; поборники ея примолкли и начали во всеуслышаніе сознаваться, что „Библіотека" плоха. Я вамъ пишу не отъ лица публики, которой у насъ нѣтъ, а что говоритъ народъ: его потребности, рѣчи и разсужденія.

Скажите Бога ради: въ третьемъ номерѣ „Сына Отечества" напечатана „Народная сказка" Пушкина. Не спекуляція это? Положимте сказка русская, весь ея матерьялъ высказанъ прекрасно, коротко и полно, и по внутреннему достоинству она Пушкина, можно согласиться; но словесность, рифма—и уху больно, и читать тяжело. Впрочемъ, я прочелъ ее съ удовольствіемъ, потому что русскую чисто сказку съ рифмою писать нейдетъ: она ее не жалуетъ; не будь рифмы, тогда бы другая была словесность, — она, быть можетъ, стала бы къ „Рыбаку и рыбкѣ". Еще меня порадовало: Павелъ Степановичъ прочелъ мнѣ двѣ пьески свои, и онѣ у него вышли чисто русскимъ размѣромъ и стали въ русское слово. Я думаю, если бы подобный ему человѣкъ взялся написать стихи, то они бы у него вышли не русскіе, а европейскіе; человѣкъ жизнь провелъ на сценѣ, а что на нашей сценѣ есть русскаго, кромѣ „Горе отъ ума", „Ревизора", „Недоросля"? Да и то Ревизора онъ не играетъ, Недоросля, я думаю, тоже; одного Чацкаго. Онъ обѣщалъ мнѣ ихъ дать.

Теперь я къ вамъ посылаю семь пьесъ, и о каждой буду говорить отдѣльно. 1) „Послѣдній вопль земныхъ страданій" или просто „Страданіе". О ней вамъ ничего не скажу; понравится — хорошо, не понравится — лучше. 2) Пѣсня: „Не скажу никому". Она мнѣ нравится; и я до вашего письма послалъ Владиславлеву въ альманахъ; онъ прислалъ письмо, проситъ прислать, — она была написана, а вы молчали, я и послалъ. Если онъ ее не напечатаетъ, и если она хороша, то напечатайте ее въ „Отечественныхъ Запискахъ". 3) „Его Превосходительству Дм. Б.". Эту пьеску родня Бѣгичева—живетъ въ Воронежѣ и во многомъ мнѣ помогаетъ — просилъ для Бѣгичева что-нибудь написать, я и написалъ. Ему она не понравилась; если не полюбится и Бѣгичеву,—будетъ лучше; но если она даже дурна и печатать ее будетъ нельзя, то скажите, — не смотря ни на что, я ее удержу дома. Лучше пусть сердятся, чѣмъ грязнить лицо. 4) „Къ ней же". Эта пьеска такая, какая есть: она иногда мнѣ кажется хороша, а иногда

гадка. 5) Пѣсня „Такъ и рвется душа“. Посмотрите на ея конецъ, что-то онъ у меня въ одномъ стихѣ заломился. 6) „Дума двѣнадцатая“. Она у меня выскочила въ минуту; если она не изъ чего-нибудь, то пусть будетъ моя. Какъ-то такимъ образомъ у меня написалось, хотя я и не охотникъ на чужбинку. 7) „Божій міръ“. Онъ былъ отданъ Плетневу, да онъ его почему-то не напечаталъ; если онъ хорошъ — такъ; а нѣтъ — такъ нѣтъ. Съ этихъ же поръ, клянусь вамъ, кромѣ васъ никому не пошлю ни слова, а все, что напишу, прямо къ вамъ, и лучше „Отечественныхъ Записокъ“ для меня мѣста не надобно. Дай Богъ только удержаться въ нихъ, и не отстать: чертовскій журналъ! Я такъ и смотрю въ немъ на свои пьески: не торчитъ ли какая вонъ? Горячо пошелъ работать въ нихъ родной нашъ разумъ. Дай-ка мнѣ еще распахнуться нынѣшній годъ, а на слѣдующій пойдетъ покосъ добрый.

Несмотря, что я осенью буду въ Питерѣ, однако жъ поспѣшу вамъ послать мою тетрадь, и, какъ вы желаете, напишу всѣ худыя и добрыя: онѣ что у меня, что у васъ — все равно; а можетъ, изъ нихъ еще сыщется и путное. Вышлю вамъ письмо, какое вы говорили. Но только буду васъ просить при сборѣ книги выбирать вещи однѣ добрыя, а кой-какія слабыя, хотя бы онѣ и были напечатаны, въ книгѣ не печатать; и надобно смотрѣть на нихъ не со стороны мѣщанина, а со стороны обыкновеннаго человѣка. Людямъ не много толку, что я мѣщанинъ, а надо, чтобы книга стояла сама за себя, безъ уменьшенія и увеличенія; а съ ограниченіемъ—толку немного. Другая моя просьба: подождать продавать ее книгопродавцу. Больно мнѣ бы не хотѣлось ее продавать съ молотка; авось, Богъ дастъ, я соберусь деньгами, и тогда пошлю или привезу вамъ ихъ. На свои деньги безъ поклоновъ напечатать лучше; будетъ польза — хорошо, не будетъ — не бѣда. Русская пословица: „охотку держать...“ Книга же, думаю, теперь соберется порядочная, листовъ въ пятнадцать печатныхъ. А къ осени-то еще что-нибудь напишу. Однако жъ я это такъ говорю про себя, а вамъ пошлю тетрадь и письмо и полную волю: что хотите, то и дѣлайте—вы ея хозяинъ. Чтó напишу, буду посылать къ вамъ: прямо одни стихи, безъ письма, а то эти письма рѣдко удается написать хорошо. А у васъ на нихъ время немного, нечего терять его на пустяки.

А вотъ что мнѣ нужно, хоть въ одномъ словѣ напишите. Есть у Луганскаго, въ четвертой части его „Былей и небылицъ“, „Ночь на распутьи“; она написана, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, языкомъ варварскимъ, а матерьялъ драмы русскій превосходный; и мнѣ все думается, что я изъ ней сдѣлаю русскую оперу; если это можно и труды не пропадутъ понапрасну, я начну, а нельзя — не надо. Я разумѣю труды не въ деньгахъ, а чтобы время употребить на дѣло, а не на пустякъ. Конечно, я сдѣлаю оперу не такую, чтобы можно поставить на сцену, а по крайней мѣрѣ, чтобы можно было прочесть; а то ее теперь и прочесть нельзя. Будьте здоровы. Душой и тѣломъ весь вашъ, почитающій и любящій Алексѣй Кольцовъ. Кланяйтесь Андрею Александровичу.

47. В. Г. Бѣлинскому.

15 августа 1840 г. Воронежъ.

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Простите меня, что я долго такъ къ вамъ не писалъ. Письмо ваше получилъ давно, и все сегодня-завтра, и это сегодня-завтра прошло до этихъ поръ. Причина же самая обыкновенная. Люди такъ меня мучатъ, такъ отнимаютъ время, что — цѣлые дни проходятъ — я ничего не думаю, ни о днѣ завтрашнемъ, ни о дѣлѣ настоящемъ. И, Боже мой! — какіе люди глупые, пошлые, чванные и многорѣчивые; разговоры: курьи ли выраженія, свиньи ли длиннопѣнія, — не знаю. А время все-таки берутъ, и оно уходитъ, и уходитъ невозвратно. Вотъ и сегодня: и выбралъ праздникъ, и очистилъ дѣло, и заперъ дверь; нашелся человѣкъ, отперъ ее — и нѣсколько часовъ ушло; насилу отдѣлался. Не отпереть — стучатъ дьявольски; и какъ-то эти меня ихъ разговоры начали сильнѣе тяготить, такъ что иногда въ головѣ становится круженіе.

За письмо ваше благодарю, тысячу разъ благодарю. Получа одно, я уже больше не ждалъ, зная ваши теперешнія занятія, труды и дѣло, которое вы дѣлаете. Вамъ не до писемъ. Счастливы вы, Виссаріонъ Григорьевичъ, что вошли въ этотъ міръ прекрасный и святой, и живете въ немъ широко и раздольно, и выносите съ собою изъ него такъ много святыхъ, божественныхъ истинъ, и такъ одушевленно передаете ихъ намъ. Не шутя и не льстя говорю вамъ, давно я васъ люблю, давно читаю ваши мнѣнія, читаю и учу; но теперь читаю ихъ больше и больше, и учу ихъ легче, и понимаю лучше. Много они ужъ сдѣлали добра, но болѣе дѣлаютъ и, — можетъ быть, я ошибаюсь, — но только мнѣ все думается, что ваши мнѣнія тащатъ быстро меня впередъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ у меня другихъ минутъ въ жизни, кромѣ тѣхъ, когда я читаю ихъ. Я не знаю, кто бы не убѣдился этими истинами, кому бы онѣ не пришлися по душѣ. Апостолъ вы, а ваша рѣчь — высокая, святая рѣчь убѣжденія. У меня много молодыхъ людей, которые всѣ васъ любятъ душою, а есть много и старовѣровъ, которые почему-то не понимаютъ васъ и говорятъ, что слова „субъектъ и объектъ“ ставятся напрасно. Эти люди, конечно, порядочные, ихъ увѣрить нельзя и трудъ напрасный; имъ самъ Богъ покровительствуетъ, они смѣшны — и больше ничего.

Пророчески вы угадали мое положеніе; у меня у самого давно ужъ лежитъ на душѣ грустное это сознаніе, что въ Воронежѣ долго мнѣ не сдобровать. Давно живу я въ немъ, и гляжу вонъ, какъ звѣрь. Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ; горько жить мнѣ въ немъ; и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно. Какая-нибудь добрая сила невидимо поддерживаетъ меня отъ паденья, и если я не перемѣню себя, то скоро упаду. Это неминуемо, какъ дважды два [четыре]. Хоть я и отказалъ себѣ во многомъ, и частью живя въ этой грязи, отрѣшилъ себя отъ ней, но все-таки не совсѣмъ, но все-таки я не вышелъ изъ нея.

Ваша боязнь о моей женитьбѣ — боязнь напрасная; это было давно,

кажется, въ третьемъ годѣ, когда я началъ было объ этомъ немного думать, и то не изъ того, чтобъ хотѣлось, а старики отецъ и мать пристали ко мнѣ да пристали, уговариваютъ, сердятся; мать плачетъ и проситъ: имъ непремѣнно почему-то захотѣлось видѣть меня женатымъ. Можетъ, и самъ я подалъ на это поводъ, былъ боленъ; ну, хоть и шло все это тайно отъ нихъ, — да видно кто-нибудь сказалъ. Вотъ они изъ жалости ко мнѣ и начали уговаривать жениться, и я, чтобы скорѣе отдѣлаться, хотѣлъ было жениться, писалъ къ вамъ, и по вашему слову перемѣнилъ мнѣніе. И теперь, если женюсь, то ужъ знаю, какую жену мнѣ надо; а до тѣхъ поръ мои внутреннія требованія весьма не велики. Я не хочу быть человѣкомъ богатымъ — и никогда не буду. Не хочу быть никогда женатымъ, и можетъ быть не буду. Подло у подлецовъ ничего не ищу. Кланяюсь, гнусь кой передъ кѣмъ по дѣламъ, по необходимости, и поклоны эти крайне мнѣ не по плечу. Впереди ничего не гадаю, живу — какъ Богъ велитъ, дѣлаю то, что должно, бываю въ обществахъ рѣдко; всячески стараюсь, чтобы и у меня людей было меньше. Цѣню дороже всего день настоящій, браню себя за прошедшие...

Глупъ я былъ, давно бы надо было мнѣ оставить Воронежъ, тогда еще, когда мнѣ было двадцать, а теперь и кинулся бы въ даль съ голыми руками, да ба! — ужъ съ годомъ тридцать, и тѣло что-то стало тяжело, и я сталъ лѣнивъ, мнѣ ужъ нуженъ больше покой, а не жизнь разнообразная. Нѣтъ голоса въ душѣ быть купцомъ, а все мнѣ говоритъ душа день и ночь, хочетъ бросить всѣ занятія торговли — и сѣсть въ горницу, читать, учиться. Мнѣ бы хотѣлось теперь сначала поучить хорошенько свою русскую исторію, потомъ естественную, всемірную, потомъ выучиться по-нѣмецки, читать Шекспира, Гете, Байрона, Гегеля, прочесть астрономію, географію, ботанику, физіологію, зоологію, Библію, Евангеліе, и потомъ года два поѣздить по Россіи, пожить сначала годъ въ Питерѣ. Вотъ мои желанья, и кромѣ ихъ, у меня ничего нѣтъ. Можетъ быть, это бредъ души больной и слабой; но мнѣ бы все-таки хотѣлось бы это сдѣлать, и я ужъ началъ понемногу, и кое-что прочелъ.

А чтобы быть мнѣ хорошимъ книгопродавцемъ, — едва ли я имъ буду. Конечно, прежде можетъ такъ, а теперь начать трудъ не по силѣ, особенно въ Питерѣ. На книжную торговлю я смотрю тѣми же глазами, какъ и на всякую; и чистая аксіома: гдѣ торговля, тамъ и подлость. Будь человѣкъ святой — и тотъ сдѣлаетъ низко, а сдѣлавши разъ, почему не продолжать? Конечно, есть исключенія: напримѣръ, Василій Петровичъ Боткинъ. Онъ — не сравненіе со мною. Онъ выросъ, у его отца были ужъ средства порядочно учить, — выучился. Торговля шла правильная, капиталъ большой, а большой капиталъ въ дѣлѣ торговли вещь великая. Ворочая на милліонъ, я могу нанять тогда хорошихъ людей, заплатить большое жалованье; они дѣлаютъ всѣ дѣла, и въ случаѣ моей отлучки на время, замѣняютъ мѣсто хозяина, а я себѣ подвожу итоги, повѣряю, да считаю ихъ, знакомлюсь съ людьми, покупаю кучей товаръ, въ сроки плачу деньги, и все идетъ прекрасно,

и много время отъ дѣлъ торговли на другія всякія дѣла. А маленькая торговля и небольшой капиталъ—и съ нечего и подниматься въ гору; похвальное дѣло, но трудное дѣло, и я на опытѣ ужъ это знаю. Здѣсь собраться съ силами надо человѣку, работать неутомимо пять лѣтъ, а ступать нога за ногу — десять. Если я возьмусь за это теперь, послѣ десяти — мнѣ стукнетъ сорокъ. А взяться съ ничего и торговать, и учиться литературѣ — нельзя. Можно, — но не позднѣе двадцати лѣтъ; въ ту пору еще силы человѣка работаютъ неутомимо и разнообразно. Вотъ основная причина, отчего ваши петербургскіе книгопродавцы — всѣ мошенники. Имъ другими и быть нельзя, они всѣ торговлю начали сами, а не ихъ отцы и дѣды, и начали съ ничего; слѣдственно, сначала они думали, какъ бы пріобрѣсти мало-мальски, а пріобрѣтая — время прошло много: поздно перемѣниться. И подличая сначала, по привычкѣ должно ужъ подличать до конца. Если и я начну торговать, — будь у меня пять тысячъ, дай мнѣ Андрей Александровичъ пять тысячъ, вы двѣ тысячи, всего — двѣнадцать тысячъ, — въ двѣнадцать тысячъ, что за лавка въ Питерѣ? На чтó имѣть хорошаго молодца, платить восемьсотъ рублей? — За лавку семьсотъ, капиталъ триста рублей, содержаніе на себя тысяча пятьсотъ; всего три тысячи триста. Слѣдственно, надо съ двѣнадцатью тысячами добыть въ годъ по тридцати копѣекъ процентовъ на рубль, кромѣ барышей. А если иначе сдѣлать, — будетъ выгоднѣе, и лавка пойдетъ, и капиталъ умножится. Напримѣръ, сначала дѣлать такъ: привезть своихъ пять тысячъ, взять у Андрея Александровича тоже пять тысячъ, у васъ двѣ тысячи, заниматься самому, приказчика не имѣть; черезъ годъ вамъ денегъ ни копѣйки не отдать, входить во всякія дряни, позволять себѣ все, — и лавка пойдетъ славно, и капиталъ выростетъ. И такъ дѣлаютъ многіе. Но я рѣшительно на это не способенъ и дѣлать такъ не могу и не мастеръ; поэтому и буду худой книгопродавецъ. Обмануть же Андрея Александровича я ни за что не соглашусь, я его уважаю не этою стороною души, а васъ, милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ, и говорить нечего! Моя любовь къ вамъ другая. Боже сохрани! Лучше пропади я пропастью, чѣмъ обмануть васъ!

Приказчикомъ же быть мнѣ, — я тоже не гожусь. У меня тысяча примѣровъ на глазахъ; самый паршивый хозяинъ не годится быть приказчикомъ, а приказчикъ и не завидной можетъ быть порядочнымъ хозяиномъ. Жить у хозяина — надо деньги заслужить, я долженъ наняться весь, а не половина; а человѣкъ, дѣлая одно и другое, — что за человѣкъ? Вы думаете, я теперь и самъ дрянной хозяинъ, занимаясь любимымъ мнѣ дѣломъ. Не дѣлай упущеній по торговлѣ, а много-много посвяти себя я одной торговлѣ, — и у меня давно ужъ былъ бы большой капиталъ; но самъ бы я ни къ чорту не былъ ужъ годенъ. Я вѣрно пріобрѣтаю часть, а четыре упущаю — и не жалѣю, Богъ съ ними! Хоть меньше — да лучше.

А вотъ что вы говорите взять контору „Записокъ“ — это дѣло другое, на это дѣло можно рѣшиться скорѣй. Есть на первый разъ уже основаніе небольшое, но прочное, безъ употребленія своихъ де-

негъ. Брать двѣ тысячи пятьсотъ на расходы — пока сумма порядочная, и если бы меня выпустили изъ Воронежа, это дѣло бы на себя я съ великою охотою взялъ.

Вы спросите: кто не выпуститъ меня изъ Воронежа? Полиція. Вы говорили: вамъ отвѣчать откровенно и искренно; я такъ и долженъ вамъ говорить, хоть и не хочется до смерти. Ничего нѣтъ хуже, какъ говорить искренно о своихъ грѣхахъ. Мы должны съ отцомъ до двадцати тысячъ рублей; векселедатели онъ и я, и кое-гдѣ и одинъ я. Хоть, можетъ быть, сумма эта для уплаты долговъ и соберется, но на это надо время, и надо, чтобы я и отецъ мой оба вмѣстѣ хотѣли сдѣлать такъ. А такъ какъ я поѣду жить въ Питеръ противъ его воли, пустить же онъ ни за что волею не согласится, то какъ я уѣду, а какому-нибудь векселю придетъ срокъ, онъ и скажетъ: „Я не долженъ по немъ, а сынъ, а онъ въ Питерѣ — пошлите туда". — Что̀ было въ прошлую мою поѣздку? Пріѣзжаю домой, зовутъ въ полицію, просятъ по одному векселю три тысячи; но хорошо, въ пору пріѣхалъ, уладилъ съ нимъ и деньги заплатили, а то бы вексель былъ посланъ въ Москву. Онъ человѣкъ простой, купецъ, спекуляторъ, вышелъ изъ ничего, вѣкъ рожь молотилъ на обухѣ,—такъ его грудь такъ черства, что его на все достанетъ, для своей пользы и для дѣлъ своей торговли. Купецъ настоящій устраиваетъ одни свои дѣла, а есть ли польза изъ нихъ для другихъ,—ему и дѣла нѣтъ, и онъ, что только съ рукъ сойдетъ, все дѣлать во всякую пору готовъ. А мой отецъ, къ несчастью, одинъ изъ этихъ людей; мнѣ отъ него и такъ достается довольно. Чуть мало-мальски что не такъ, — такъ ворчитъ и сердится. „Вы, говоритъ, все по книжному, да по печатному. Народъ грамотный — ума палата!" Вотъ почему я не могу принять ваше предложеніе, за которое васъ благодарю.

А думаю сдѣлать вотъ какъ. Перваго сентября я ѣду въ Москву, хлопотать по 7-му департаменту, по дѣлу старому моего отца; съ него тамъ идетъ искъ тысячъ въ десять, и какъ кончу дѣло, можетъ какъ-нибудь сберусь пріѣхать въ Питеръ къ вамъ. Я готовъ бы улетѣть и теперь къ вамъ душою, но нельзя: крыльевъ нѣтъ, т. е. средствъ. Но можетъ какъ-нибудь пріѣду, а если Богъ дастъ выиграю дѣло, то ужъ какъ Богъ святъ пріѣду, и проживу мѣсяца два-три. Тогда отецъ пришлетъ денегъ—и тамъ тогда обо всемъ. Но чтобы я не повредилъ позднѣе своей поѣздкой Андрею Александровичу, то прошу васъ ему объ этомъ сказать, а то въ настоящую пору, прождавъ меня, передачу конторы упуститъ; а послѣ мнѣ, можетъ, нельзя будетъ остаться, и дѣло отъ этого потерпѣть можетъ убытокъ, а я собой вовсе не хочу доводить до этого никого.

Вы боитесь за меня, чтобъ я скоро не потерялся. Это правда, и такая правда, какая она лишь можетъ быть, — не только черезъ пять лѣтъ, даже скорѣе, живя такъ и въ Воронежѣ. Но что жъ дѣлать? Буду жить, пока живется, работать, пока работается. Сколько могу, столько и сдѣлаю; употреблю всѣ силы, пожертвую, сколько могу, буду биться до конца края; приведу въ дѣйствіе всѣ зависящія отъ

меня средства, и когда послѣ этого всего упаду, мнѣ краснѣть будетъ не передъ кѣмъ, и передъ самимъ собой я буду правъ. Другова сдѣлать нечего. А что въ 1838 году я въ Москвѣ написалъ такъ много и хорошо, — это потому, во-первыхъ, что я былъ съ вами и съ людьми, которые собой меня каждый день настраивали; а во-вторыхъ, я почти не дѣлалъ ничего, былъ празденъ; тяготило до смерти одно дѣло, но одно дѣло — не больше. И я еще писалъ тамъ весьма мало. А живя въ Воронежѣ, кругомъ меня другой народъ: татаринъ за татариномъ, жидъ на жидѣ; а дѣлъ беремя: торговля, стройка дома, которая кончилась съ мѣсяцъ, судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденія, посѣщенія, счеты, разсчеты, брани, ссоры. И я какъ еще пишу? и для чего пишу? Только для васъ, для васъ однихъ. А здѣсь я за писаніе терплю больше оскорбленій, чѣмъ снисхожденій. Всякой подлецъ такъ на меня и лѣзетъ: дескать, писакѣ-то и крылья ощипать. — Это меня часто смѣшитъ, какъ какой-нибудь чудакъ пѣтушится.

А что я пишу не все хорошо, вы объ этомъ сказали правду тоже. Почему же у меня идутъ пьесы не всѣ хороши? Онѣ всегда шли такъ, но прежде былъ Сребрянскій. Онъ дрянныя рвалъ, а теперь онѣ всѣ идутъ къ вамъ. Мнѣ же писать все равно, что хорошія, что дурныя— одно; и дрянь возьметъ иногда больше времени. И я, наконецъ, добился, почему онѣ выходятъ, что никуда не годятся. Иногда дурное дѣло дурно настроитъ душу, и хоть пройдетъ оно, а все-таки впечатлѣніе-то остается въ душѣ. А еще большой недостатокъ, что негдѣ у насъ мнѣ слушать хорошую музыку. Я до этихъ поръ помню Лангера и тотъ вечеръ, и никогда его не забуду. Да, надо непремѣнно изучить живопись и скульптуру. Онѣ все вещи чудесныя, и для человѣка, который пишетъ стихи, особенно необходимы. И самый Питеръ, и Москва много своимъ величествомъ способствуютъ силамъ человѣка; а объ театрѣ ужъ и говорить нечего: здѣсь Мочаловъ и Щепкинъ люди необходимые. Вотъ почему у меня выходятъ вещи негодныя и часто не полныя, что я человѣкъ такой самъ, у меня въ натурѣ большіе недостатки; а будь натура гигантская... Все всего сила создать не можетъ... Будь человѣкъ геніальный, а не умѣй грамотѣ, ну—не прочтетъ и вздорной сказки. На всякое дѣло надо имѣть полные способы.

Прежде я таки—грѣшный человѣкъ! — думалъ о себѣ и то и то, а теперь кровь какъ угомонилась, такъ и осталося одно желаніе въ душѣ: учиться; и думаю, что это хлѣбъ прочный, и его мнѣ надолго станетъ, а тамъ, что Богъ дастъ. Васъ же прошу объ одномъ: всѣ дурныя пьесы бросайте безъ вниманія, а какія нравятся, тѣ печатайте. Мнѣ много будетъ говорить съ вами при свиданіи объ этомъ. Ахъ, дай-то Богъ, чтобы оно скорѣе исполнилось. Рвется моя душа видѣть васъ, слушать васъ.

Чортъ знаетъ, какая ошибка въ „Лѣсѣ"! Онъ мнѣ шибко нравился,— мнѣ думалось, читая его, что какой-то злой демонъ выходитъ изъ него и шепчетъ грустныя мысли, и въ какую образность ни входитъ,

всюду разрушаетъ жизнь, и, наконецъ, въ общемъ уничтоженіи, выводитъ смерть; а сила души, въ самой смерти сознавая свое величіе, уничтожаетъ его и, торжествуя, расширяетъ жизнь. Но можетъ, оно и не вышло такъ; какое дѣло? ихъ бросить! — все, и дѣлу конецъ. Изъ тѣхъ, что прислали вы, я не буду поправлять, кромѣ двухъ: „Стеньки Разина" и „Пѣсни". Поправки дѣло дьявольское. Что написалось, то давно забылось. Насильно же заставить жить тотъ моментъ, который давно не въ груди,—вещь трудная. „Пѣсню" я поправилъ, а „Стеньку Разина" поправлю, и посылаю вамъ еще новыхъ четыре пьески: какія хороши — тѣ такъ, какія нѣтъ — въ сторону.

О журналѣ вамъ говорить право я ничего не сумѣю, и объ немъ говорить довольно трудно. „Записки" — не „Библіотека", не „Сынъ Отечества"; о тѣхъ бы я насказалъ коробы. Въ „Запискахъ" отдѣленіе о Россіи идетъ какъ должно. Повѣсти, проза прекрасны. „Недоумѣніе" лучше всѣхъ. Стихи, исключая моихъ, очень хороши, многіе чудо хороши! Особенно остаются въ памяти Лермонтова всѣ, а Клюшникова, Ивана Петровича: „Собирателямъ моихъ элегій", „Къ ней"; Каткова: „Гренадеры", кой-какіе Красова. А всего журнала лучше критика, — не льстя и не шутя; одно жаль: нѣтъ вашего имени подъ нею. Это для многихъ было бы нужно. Лѣтопись тоже чудо какъ хороша... А часть наукъ и такъ и сякъ. Статьи от. Іакинфа „О Китаѣ" интересны— не больше. А кажется можно бы пріобрѣтать статьи, какія были въ „Телескопѣ" во время оно или въ прибавленіи „Одесскаго Вѣстника" прошлыхъ лѣтъ.

А хуже всего „Сельское Хозяйство". Оно вовсе не по журналу, и особенно какого-то дурака напечатана статья о покражѣ хлѣба и мѣрѣ, — гадость-гадостью. Да и всѣ статьи не шибкія. Эти господа агрономы напитаны иностранными теоріями и принятыми методами тридцатаго года, которыя во мнѣніи начали упадать, кромѣ методъ: сахарной, машинной и мануфактурной. — На сельское русское хозяйство надо смотрѣть по-русски, а не по-нѣмецки. Нѣмецкія методы намъ не годятся, и ихъ орудія — не наши орудія. Нашъ черноземъ любитъ соху, а чтобы улучшить соху, надо улучшить руки людей, которые ею работаютъ. Дѣло и въ орудіи; но дѣло и въ умѣніи управлять имъ. Можно и на одной струнѣ играть хорошо, а глупецъ и на четырехъ уши деретъ. Кто-то написалъ въ номерѣ шестомъ статью, подписался *Пахарь;* началъ хорошо, а кончилъ дурно. А часть хозяйства въ журналѣ вещь не лишняя. Черезъ нее много можно выиграть у степняковъ помѣщиковъ; они любятъ этакія штуки читать; и имъ бы все надо, если не такъ хорошо, да больше. Смѣсь идетъ хорошо. Картинки модъ очень хороши. Да все мнѣ жаль, что такой хорошій журналъ началъ издаваться въ дурное время. Несчастливъ Андрей Александровичъ. Въ прошломъ годѣ былъ неурожай, и сей годъ; а это много значитъ: другой бы и степнякъ помѣщикъ, и житель городской выписалъ журналъ, да людей надо кормить, да купить хлѣба, а денегъ нѣтъ. Будь иное время, онъ вѣрно бы имѣлъ подписчиковъ больше третьею частью теперешняго, если не больше.

Всѣ говорятъ: „Библіотека“ больно плоха, „Сынъ Отечества“ никуда не годится, „Записки“ хороши. Мнѣніе хорошо, а денегъ нѣтъ, покупать не на что. Если же, неравно, выписываютъ журналы, то потомъ „Библіотеку“ — ради Брамбеуса; онъ много сперва захватилъ кредиту своими грязными остротами: они приходились по людямъ какъ разъ; а „Сынъ Отечества“ — ради Полеваго, котораго по старой дружбѣ (стариковъ много еще и теперь) любятъ. Теперь „Репертуаръ“ дуренъ, а „Пантеонъ“ лучше, а всѣ говорятъ: „Репертуаръ“ чудо, а „Пантеонъ“ дрянь; такъ, какъ „Маякъ“,—гадость, кромѣ, можетъ, въ четвертомъ номерѣ статьи о философіи Бурачка, въ которыхъ я больно толку не знаю, а радъ каждую статью философскую, какъ и статью о Шекспирѣ, читать и уважать; а за плоскія грязныя, безсовѣстныя штуки и остроты Бурачка похваливаютъ. Онъ, говорятъ, вишь какъ всѣхъ пощелкиваетъ, да надо всѣми подсмѣиваетъ, что ну-поди, а! Народъ же, какъ ни дуренъ, но имѣетъ свое время, пору, силою же въ одинъ часъ его не передѣлаешь.

У васъ въ „Литературной Газетѣ“ напечатана статья г-на Кронеберга о поправкахъ Гамлета; очень вещь не выгодная для Кронеберга — и довольно дурно его рекомендуетъ. Можно замѣчать и поправлять ошибки, какъ ему угодно, можно даже перевести Гамлета лучше Полеваго и легче Вронченки; но такъ безсовѣстно бранить старше себя и вѣрно лучше себя, и за такой трудъ, за который Николай Алексѣевичъ Полевой заслуживаетъ въ настоящее время полную благодарность! Безъ его перевода, не было [бы] на сценѣ такого Гамлета и въ немъ такого Мочалова, какіе у насъ есть теперь. Надо бы Кронебергу сначала его перевесть, а потомъ напечатать, а потомъ и ругать другихъ, — и дѣло бы тогда было похвальное. Бранить Полеваго за „Уголино“, за драмы, водевили и передѣлку ихъ съ французскаго— другое дѣло; здѣсь всякая брань у мѣста.

Андрею Александровичу прошу васъ передать мое искреннее почтеніе. Итакъ, до свиданія, милый, любезный мой, Виссаріонъ Григорьевичъ, и это свиданіе буду стараться устроить какъ можно скорѣй. Въ Москвѣ не заживусь, тамъ теперь одинъ Василій Петровичъ, Павелъ Степановичъ, Михаилъ Семеновичъ. Да если бъ Богъ далъ увидѣть Гоголя! Застану ль? нѣту ль въ Москвѣ? И не знакомъ, а ужъ пойду къ нему: хочется быть у него да и только. Любящій васъ, какъ люблю и любилъ душою, Алексѣй Кольцовъ.

О напечатаніи книги ужъ вѣрно, пріѣду, поговоримъ. Мнѣ все почему-то хочется погодить этотъ годъ: книга мала. Если бы еще написать, а ужъ напечатать порядочную книгу страницъ триста, а то вѣдь хорошихъ пьесъ не такъ много; кой-какія и изъ напечатанныхъ печатать не годится, тогда иныя были порядочныя, а теперь читать совѣстно. А впрочемъ, ваша воля: какъ хотите, такъ и дѣлайте; васъ слушать я готовъ. А русскія народныя пѣсни тетрадь, вѣрно, вы потеряли. „Записки“ и „Газету“ всѣ номера получаю исправно; и вамъ, и Андрею Александровичу за нихъ много благодаренъ.

48. А. А. Краевскому.

1 декабря 1840 г. Москва.

Дорогой и любезный Андрей Александровичъ! По желанію вашему третьяго дня былъ я съ Васильемъ Петровичемъ Боткинымъ въ конторѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Она на Кузнецкомъ мосту; но только входъ въ нее не прямо съ улицы, а надо взойти въ вороты и перейти сначала цѣлый дворъ, не очень чистый, съ одной стороны, и надъ крыльцомъ ея, вмѣстѣ съ вывѣскою „Контора журналовъ“,— „Здѣсь диктируютъ сукна“. — Это не очень ловко. И войдя въ сѣни, направо—то же, а налѣво—контора журналовъ. Дверь всегда заперта, колокольчика нѣту, а какъ постучишь, отпираютъ скоро. За маленькой прихожей довольно большая чистая комната. На стѣнахъ разныя большія и маленькія картины, очень порядочныя; прилавки и шкапы сдѣланы очень хорошо, журналы за стеклами въ порядкѣ, на столѣ записныя книги и счета, какъ слѣдуетъ. За комнатой конторы еще другая большая хорошая комната, гдѣ живетъ самъ Кони. Приказчикъ у него нѣмецъ, дурно говоритъ по-русски, Кони тоже; говорятъ много и охотно, хоть слова ихъ и съ трудомъ понимаешь; и что-то мнѣ показалось, что Кони и его приказчикъ или такіе отъ роду нѣмцы-чудаки, или часто попиваютъ винцо, лица довольно у обоихъ красны. Болѣе любятъ говорить не объ „Отечественныхъ Запискахъ“, а объ „Литературной Газетѣ“, что этотъ журналъ съ новаго года будетъ издавать г. Кони, и журналъ будетъ очень хорошій. Большая вывѣска на улицѣ очень велика и наглазна, только сдѣлана не въ пользу вашу: на ней, послѣ верхняго слова *Контора,* въ другой строкѣ во всю длину доски огромными словами: *Литературная газета,* потомъ небольшими словами въ одну строку ниже *и Отечественныхъ Записокъ и Русскаго Пантеона,* потомъ въ нижней самой строкѣ: *и всѣхъ другихъ россійскихъ журналовъ.* А по-моему, кажется, слѣдовало бы написать: *Контора О. Записокъ, Л. Газеты и Пантеона,* — это было бы лучше, и вашъ журналъ былъ бы на первомъ глазѣ. Кромѣ этого, о г. Кони слышалъ я отъ многихъ мнѣніе не очень хорошее, что онъ человѣкъ поведенія дурнова и ужъ много разъ замѣченъ въ весьма дурныхъ разнаго рода дѣлахъ, и кредиту никакого не имѣетъ. Какъ у васъ и кѣмъ все это сдѣлано, я не знаю, и, можетъ, Кони вы знаете лично совсѣмъ съ другой стороны; мнѣ до этого дѣла нѣтъ, а я пишу вамъ, что видѣлъ и слышалъ.

Былъ у Улитина; онъ самъ началъ рѣчь о конторѣ, о Кони, конечно соболѣзнуя и жалѣя васъ, и кончилъ тѣмъ, что онъ у себя бы въ лавкѣ согласился на какихъ вамъ угодно было бы условіяхъ вести подписку честно и аккуратно,—чего на дѣлѣ онъ, можетъ быть, и не исполнитъ, но все таки глядите, чтобы и Кони васъ не надулъ. Какія нужно взять мѣры, возьмите; переводить же въ другое мѣсто и поздно, и некуда, и неловко. Развѣ угодно вамъ сдѣлать только то, чтобы и обезпечить себя, и уладить это дѣло какъ-нибудь получше. Такъ можно сдѣлать вотъ какъ: я говорилъ Василью Петровичу Бот-

кину, и онъ соглашается въ этомъ дѣлѣ принять участіе: черезъ 2 недѣли приходить въ контору, дѣлать счетъ, брать деньги отъ Кони и посылать ихъ къ вамъ. Если это вамъ сдѣлать будетъ угодно, то вы пришлите на имя В. П. Боткина довѣренность, а насчетъ вывѣски распорядитесь, какъ знаете. Если можно перемѣнить квартиру и сочтете надобнымъ въ другое, лучшее мѣсто, чтобы ходъ былъ прямо съ улицы, — то это ваше дѣло.

Извините, что пишу какъ-то неловко, нескладно и на гадкой бумагѣ: пріѣхалъ недавно, дѣла много, а написать къ вамъ хоть какъ-нибудь, а хочется поскорѣй. Будете говорить объ этомъ дѣлѣ съ Ф. А. Кони, обо мнѣ пожалуста не говорите, а то онъ будетъ сердиться. Я проживу въ Москвѣ двѣ недѣли. Захотите писать ко мнѣ, пишите на имя Боткина. Искренно любящій и уважающій васъ Алексѣй Кольцовъ.

49. В. Г. Бѣлинскому.

15 декабря 1840 г. Москва.

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Вамъ до послѣдней степени кажется невѣроятнымъ мое долгое молчаніе. Восемнадцать дней я живу въ Москвѣ, и къ вамъ еще ни слова. Да мнѣ самому это уже, наконецъ, показалось очень страннымъ; но или такъ у меня въ натурѣ, или, поѣхавши изъ Питера, мнѣ было очень горько. Разстаться съ вами прежде было дѣломъ обыкновеннымъ; теперь не такъ. А какъ долго не могъ привыкнуть, что уѣхалъ: ѣду, въ Москвѣ, — и васъ со мною нѣтъ. Питеръ меня, въ нынѣшнее мое житье въ немъ, меньше привязывалъ: мало я въ немъ оставилъ, меньше онъ во мнѣ. Проигрышъ дѣла также сильно подавилъ меня, хоть я и молчалъ, и онъ-то былъ больше виною моего молчанья. У меня, вы знаете, было другое дѣло въ Москвѣ. Съ первыхъ дней пріѣзда я занялся имъ, оно перемѣнило было свой ходъ. Надо приложить силы и время, — и десять дней какъ не было. Теперь оно кончено, и, слава Богу, хорошо. Письма князя Вяземскаго имѣли полный успѣхъ; безъ нихъ я бы ничего не сдѣлалъ: и хлопоты и труды пропали бы напрасно. Послѣ десяти дней я собирался писать каждый день къ вамъ, но такъ пришло ко мнѣ время хорошо, такая полная жизнь вдругъ посѣтила мою грудь, что я подобной не видалъ давно, давно... Мнѣ не хотѣлось упустить эту пору, — за карандашъ и началъ кропать стишонки. Ихъ всѣ посылаю съ этимъ письмомъ къ вамъ; прочтете, — увидите, что время шло у меня не даромъ. Но, кромѣ этого всего, я къ вамъ теперь писать часто какъ-то не могу, сдѣлалось тяжельше; все собираешься, хочешь написать и больше, и лучше, и оставлялось до завтра; завтра — опять то же; и я увѣренъ, что и теперь пишу къ вамъ такъ же, какъ бы написалъ вчера и третьяго дни. Но что жъ дѣлать? — Я человѣкъ, подверженъ общей слабости подобныхъ мнѣ людей.

Однако, несмотря на худой ходъ моего дѣла сначала, все-таки, какъ говорили съ вами, что во вторникъ вечеромъ я успѣлъ быть у

Василія Петровича, и у насъ съ нимъ начался разговоръ о васъ и шелъ за полночь далеко. Говорилъ ему обо всемъ: гдѣ вы живете, какъ вы живете, съ кѣмъ вы живете и проч. и проч. Онъ обо всемъ слушалъ съ полнымъ къ вамъ участіемъ,—да иначе и нельзя было,— и совсѣмъ согласенъ съ вами. А какъ онъ, любитъ васъ? Этотъ вопросъ совсѣмъ лишній. Изъ прежней апатіи своей онъ почти вышелъ; остаются въ ней и еще кой-какія части прежнихъ впечатлѣній, да ужъ дѣйствуютъ легко и, кажется, скоро совсѣмъ улетучатся въ ничто, — и хорошо будетъ. Я прежде не зналъ этого, и потому онъ казался мнѣ иногда страненъ. Но, впрочемъ, онъ ко мнѣ гораздо лучше. Я подозрѣваю, что виною этого вы. Вы что-то мнѣ объ этомъ, помню, намекнули; за что васъ благодарю, и вмѣстѣ, если бы вы мнѣ объ этомъ сказали тогда, я бы попросилъ васъ не говорить ни слова. Подобныя вещи не очень удобны: или мы можемъ отяготить человѣка противу его желаній, или вовсе оттолкнуть рекомендованнаго человѣка. И я сначала бывалъ у него не очень часто, несмотря на то, что онъ былъ ко мнѣ всегда хорошъ; но потомъ увидѣлъ, что, кромѣ всего сказаннаго и переданнаго, есть у него свое для меня мѣстечко, особенное; тутъ мнѣ стало легче, и я бывать началъ чаще. Красовъ у него живетъ въ домѣ, и они сжилися, — и Красову очень хорошо.

Ваша статья о театрѣ ему, т. е. Боткину, очень понравилась. Онъ ее прочелъ пожирая. За критику о Ломоносовѣ въ Москвѣ всѣ люди стараго времени васъ бранятъ на чемъ свѣтъ стоитъ, и даже Константинъ Аксаковъ пишетъ объ немъ диссертацію въ опроверженіе вашего мнѣнія, въ которой именно — онъ говóритъ — онъ будетъ разбирать Ломоносова, какъ поэта сначала, чтò и докажетъ, а потомъ ужъ—какъ ученаго. Онъ имѣетъ кой о чемъ довольно странныя мнѣнія. У него Шекспиръ, Гомеръ и Гоголь — поэты пластическіе,— и больше ихъ нѣтъ поэтовъ въ свѣтѣ; а всѣ другіе поэты романтическіе, и проч. А старый Аксаковъ кой-гдѣ говорилъ объ васъ, какъ о человѣкѣ самомъ негодномъ,—хуже даже, чѣмъ объ Александрѣ Анфимовичѣ Орловѣ сказалъ бы какой-нибудь добрый человѣкъ;— такова знать нынче дружба!

Вашъ братъ однако жъ бываетъ у Аксаковыхъ разъ въ недѣлю по середамъ, и онъ его охотно учитъ по-англійски. — Константинъ все ждетъ отъ васъ письма. У меня спрашивалъ, не забыли ли вы его; я говорю: нѣтъ, и такъ же любите; да я иначе и сказать не могу. Брату вашему посылку отдалъ. Онъ живетъ не очень хорошо, Дмитрій Ивановичъ немножко къ нему перемѣнился, у нихъ была уже нѣсколько разъ ссора. Денегъ не даетъ ни копѣйки, только не отказываетъ въ столѣ и комнатѣ; конечно, спасибо и за это. Платья у него весьма немного, и если бы не далъ ему Боткинъ своей шинели, то бы и не въ чемъ было ходить. И теперь, кажется, нуждается кое въ чемъ крѣпко; особенно ему надо кое-какія книги, и я взялъ у него на нихъ записку, посылаю къ вамъ. Если вамъ можно ихъ будетъ взять и прислать, то чѣмъ скорѣе, тѣмъ будетъ лучше. Дарья Титовна ждетъ денегъ и больно нуждается, и ей приходило тѣсно очень; но какъ-то

перевернулось, и теперь живетъ опять у своихъ господъ. Этимъ я васъ, конечно, не утѣшаю, но надо было жъ однако вамъ сказать все, что я узналъ, и передать вамъ, какъ оно есть. Съ братомъ вашимъ говорилъ, о чемъ вамъ хотѣлось, и много; и онъ самъ жалѣетъ, да не возвратишь, что утратилъ время понапрасну, да воротить его ужъ нельзя. Онъ даже хочетъ взять переводить съ нѣмецкаго работу для Погодина, чтó Аксаковъ взялся устроить. Онъ ужъ пробовалъ, — что-то прозою переводилъ изъ Гете, и говоритъ, что дается. Чтó я ему совѣтовалъ, — сдѣлалъ. Оно конечно, и не надо бы для Погодина, но тутъ дѣло какъ-нибудь забить копѣйку. И мнѣ кажется, что изъ него путь будетъ. Натура была его изгажена, однако жъ поправляется, и въ немъ много застѣнчивости и конфузу. Я ему совѣтовалъ всѣ эти гадости оставлять и смотрѣть на вещи иначе. Онъ у меня кой-когда бываетъ.

Я у Дмитрія Ивановича былъ разъ, — да больше и быть, кажется, не за чѣмъ, и его доброта къ вамъ основана на томъ, что вы ему сдѣлали много добра; а самъ въ себѣ онъ гораздо меньше. Клюшниковъ давно пріѣхалъ; на Кавказѣ, говоритъ, ничего не писалъ, а началъ какую-то длинную повѣсть въ прозѣ. Поздоровѣлъ, потолстѣлъ тамъ, и личико теперь у него сдѣлалось полно и пухло и кругло, чтò къ нему не очень идетъ. Кудрявцевъ отъ критики московскихъ книгъ хочетъ отказаться, а взять ее хочетъ Красовъ съ жадностью. О конторѣ „Отечественныхъ Записокъ" я давно къ Андрею Александровичу писалъ; и Василій Петровичъ съ охотою берется въ ней хозяйничать, считать, брать деньги и посылать къ Андрею Александровичу; но для этого отъ него нужна довѣренность. Я писалъ и объ этомъ; но довѣренности еще нѣтъ, и вѣрно этого или сдѣлать нельзя, или не хочетъ, а было бы лучше. Но это дѣло не мое; что сумѣлъ я, сказалъ и сдѣлалъ, а что по этому сдѣлаютъ, — дѣло [не мое].

Боткинъ перевелъ съ англійскаго критику какой-то женщины объ Юліи и объ Офеліи; скоро пошлетъ. Кудрявцевъ пишетъ новую повѣсть, начало читалъ Боткину, еще не кончилъ; какую, — не знаю. Онъ живетъ хорошо, имѣетъ много мѣстъ. „Ромео" Мочалову отдалъ; онъ взялъ съ радостью, и тотчасъ закутилъ. Орлова учитъ роль съ большой охотою. А денегъ еще Мочаловъ не платилъ, вѣрно нѣтъ, и объ этомъ не было рѣчи; хотѣлъ пріѣхать къ Боткину и не былъ. Сатинъ напечаталъ „Бурю" Шекспира. Переводъ — Боткинъ говоритъ — вылощенъ, сглаженъ и слабъ, хоть довольно вѣренъ; а Каткова „Ромео" сравнивалъ, и выходитъ очень не вѣренъ: и мелкіе цвѣты, и тѣни — все упущено. Былъ я у Улитина, Николая Николаевича, и у Ксенофонта Алексѣевича Полевого. Говорятъ, что подписка на журналы идетъ весьма дурно, и почти ничего нѣтъ; что будетъ дальше? Будете у Полякова въ лавкѣ, пожалуйста скажите, чтобъ онъ послалъ. „Кота Мурра", который я взялъ у Песоцкаго; отдалъ ему дослать ихъ Боткину — а ихъ нѣтъ до сихъ поръ. Благородный малый! самъ вызвался — и не посылаетъ.

Былъ у Щепкина; онъ принялъ очень ласково, спрашивалъ много

о васъ, съ такою заботой и искренностью. Я говорилъ, какъ вы живете, гдѣ, и что много лучше, чѣмъ жили въ Москвѣ, и чѣмъ дальше, то все у васъ будетъ лучше, и еще кое-что прибавилъ, — въ вашу пользу, конечно. Онъ живетъ одинъ; семейство все его уѣхало въ Казань. Говорятъ, что денежныя дѣла его не такъ хороши; но онъ все одинаковъ: человѣкъ умный, добрый, теплый и милой. До моего пріѣзда на маленькомъ театрѣ въ первый разъ игралъ онъ „Ревизора". Боткинъ видѣлъ, и говоритъ, что былъ онъ такъ хорошъ, какъ никогда не былъ. Красовъ ту работу, которую взялъ выбрать и сдѣлать статью, кажется, не сдѣлаетъ, и Андрей Александровичъ былъ правъ. Каткова мать получила изъ-за границы отъ Каткова письмо. Чтб пишетъ, не знаю. „Отечественныя Записки" здѣсь почитываютъ, и тоже кое-кто бранитъ, больше за то, что все, по ихъ разумѣнію, много въ нихъ есть для нихъ непонятнаго.

Я проживу въ Москвѣ до пятаго генваря новаго года. Если захотите написать ко мнѣ письмо вскорѣ, то оно еще меня застанетъ здѣсь. Пишите лучше на имя Боткина; а если не захотите скоро, то пишите уже въ Воронежъ. Я вѣдь въ этомъ насильно сдѣлать вовсе не думаю, хоть ваши письма и радъ отъ души получать тысячу разъ въ годъ. Что вамъ не понравится въ этихъ моихъ пьескахъ, пожалуйста замѣтьте и пришлите; я поправлю. А если всѣ понравятся, то мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы одну изъ нихъ отдали Плетневу въ „Современникъ"; но это, какъ вамъ будетъ угодно, такъ и дѣлайте: онѣ въ полномъ вашемъ владѣніи. А что до ихъ посвященій, то я и князя Вяземскаго и Одоевскаго спрашивалъ, и они свое согласіе изъявили.

Объявленіе на „Москвитянина" объявлено, и съ новаго года будетъ пущенъ въ ходъ. Аксаковъ кажется въ немъ будетъ участвовать. Гоголь обѣщалъ прислать Погодину повѣсть, но еще не прислалъ. А Боткина братъ пишетъ, что онъ началъ писать драму; интересъ взятъ изъ малороссійской исторіи, и что много написалъ и скоро кончитъ. Для кого написалъ онъ? Кому отдастъ? Неизвѣстно. Ну вотъ вамъ подробный и длинный рапортъ обо всемъ, чтȯ я знаю, и чтȯ по должности службы могу вамъ передать безъ прибавленія и утайки.

Теперь конецъ кислой исторіи. — Какъ вы поживаете? Что у васъ новаго? Ваши дѣла? Житье-бытье? Что Марья Ивановна? Не побранились еще? Дурачитесь? Работаете, и много? У васъ теперь, я думаю, самая головоломная работа и много непріятностей; это я особенно представляю. И дай Богъ, чтобы обманулся. Какъ ни вспомню я о васъ, все мнѣ что-то дѣлается грустно, и на что ни смотрю, все темно, кромѣ если сладили съ Плетневымъ; да я думаю еще нѣтъ: время мало, а для этого его надо больше. Но если ужъ имѣете гдѣ-нибудь урокъ — и то въ половину ужъ хорошо. Мнѣ какъ-то теперь все вы сдѣлались ближе, и, кажется, ваша боль больна и мнѣ. Когда жъ прояснится вашъ горизонтъ? или онъ чистъ и теперь? Напишите, вы меня обрадуете, а мое долгое молчаніе простите. Я всѣ причины разсказалъ, и онѣ точно тѣ, какъ были. Съ этихъ поръ буду писать

чаще. Скажете, однѣ обѣщанья; нѣтъ, будетъ исполненіе. Ахъ, если бъ къ вамъ скорѣй!

Если бъ знали, какъ не хочется мнѣ ѣхать домой,—такъ холодомъ и обдаетъ при мысли ѣхать туда. А надо ѣхать. Необходимость—желѣзный законъ. О мелочахъ какъ ни говорилъ вамъ много, а о чемъ собирался говорить, сказалъ на страничкѣ, и совсѣмъ не такъ сказалъ, какъ хотѣлъ. А если бъ вы знали, сколько было сборовъ писать къ вамъ: сперва бумаги купилъ, перо часъ чинилъ, комнату заперъ, чтобъ никто не помѣшалъ, и вотъ чѣмъ кончаются эти сборы—пустяками. Хоть врать бы что-нибудь еще — и того не умѣю. О Музы! дайте хоть вы своихъ небесныхъ словъ и мыслей, чтобы кончить это начатое съ такой заботою письмо и такъ веденное печально кончить не смѣхомъ, а чѣмъ нибудь другимъ: возвышеннымъ, выспреннимъ и важнымъ. Не стыдитесь, Музы, прилетѣть въ вонючее Зарядье: теперь ночь, и никто изъ людей солидныхъ васъ не увидитъ... И васъ нѣтъ, дорогія мои гостьи! Ну, что дѣлать?—до слѣдующей поры подожду. Видите-ли, вотъ моя штука — пакость чистая. Въ этомъ родѣ я все хуже, — и не хвалюсь.

Александру Александровичу искреннее почтеніе; я его полюбилъ всей душой, и самъ не знаю за что. — Михаилу Александровичу, Ивану Ивановичу и Авдотьѣ Яковлевнѣ низкой поклонъ, Кирюшѣ также, Андрею Александровичу съ Анной Яковлевной на особицу посылаю челобитье отъ души. Смертельно васъ любящій, вашъ Алексѣй Кольцовъ.

50. В. Г. Бѣлинскому.

[Декабрь 1840 г. Москва].

„Грусть дѣвушки", шестой куплетъ я отчеркнулъ; онъ кажется мнѣ лишнимъ; если и вы найдете то же, то его вонъ, и тогда уже будетъ надо въ послѣднемъ куплетѣ вмѣсто: „Нѣтъ, не въ радости" поставить: „Ахъ, не въ радости". Эдакъ будетъ она полнѣе. „Жалобу" я посвятилъ вамъ потому, что въ ней много сказано отъ души и про васъ и про меня. Въ этой сторонѣ нашего житія у меня съ вами много схожаго. Конечно, если напечатать ее въ журналѣ, то посвященіе можно будетъ замарать. Я вовсе не думалъ посвятить вамъ печатно, а лишь положить ее на ваше чувство. „Шекспиръ, дума" если хороша, то мнѣ бы весьма хотѣлось ее напечатать съ посвященіемъ князю Вяземскому, и объ этомъ я у него спрашивалъ; онъ съ охотой согласился. „Ночь" — эта пѣсня пахнетъ какою-то русскою балладой. Пожалуй, если я не ошибаюсь, то поставьте и „баллада". И тоже, если она вамъ понравится, то напечатайте съ посвященіемъ князю Одоевскому. Согласіе и отъ него тоже взято. „Поминки" — названіе не хорошо. Какъ хотите, такъ и назовите. Въ ней я сначала чертовски хвалю всю нашу братію, но все-таки въ ней чистая правда. А о Станкевичѣ, конечно, надо бы говорить больше, но я этого сдѣлать не сумѣлъ. По крайней мѣрѣ я сдѣлалъ, что̀ могъ, и сказалъ,

какъ сумѣлъ; другіе пусть скажутъ лучше. Но у меня спала тяжесть съ души, а то все укоряла меня его безвременная смерть. И эта прекрасная, чистая душа какъ будто говорила мнѣ все на ухо: „схоронили, — позабыли“. „Ночь“ и пѣсня „Много есть у меня“ страшно понравились Рабусу. Послѣднюю онъ тотчасъ же перевелъ по-нѣмецки.

Каково, Виссаріонъ Григорьевичъ! нежданно-недуманно я написалъ такую пропасть! И еще, кажется, напишу, и что выйдетъ, прямо къ вамъ. Мое маранье теперь исключительно дѣлается больше для однихъ васъ; такъ ужъ у меня давно рѣшено.

Я писалъ вамъ о вашемъ братѣ, но забылъ еще сказать одно слово. Если вы захотѣли бы его взять къ себѣ въ Питеръ, то я этого дѣлать не совѣтую, по крайней мѣрѣ до экзамена. Да и онъ самъ ѣхать не хочетъ; сегодня я съ нимъ говорилъ объ этомъ. Осталось время немного — доживетъ и здѣсь. Аксаковъ далъ ему переводить повѣсть изъ Гофмана для „Москвитянина“, и сказалъ, если она не напечатается въ немъ, то тогда отошлетъ въ „Записки“. Я ему растолковалъ, чтó это значитъ.

Еще разъ прощайте, милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ. Вашъ Кольцовъ.

51. А. А. Краевскому.

23 декабря 1840 г. Москва.

Добрый и любезнѣйшій Андрей Александровичъ! Николай Христофоровичъ г. Кетчеръ покорнѣйше васъ проситъ принять участіе въ переведенной имъ изъ Шекспира комедіи „Ошибки“, которую онъ для бенефиса Михаила Семеновича Щепкина перевелъ на скорую руку; потому что онъ прежде перевелъ было для него же первую часть „Генрихъ IV“. И она съ другой еще, не знаю какой, была послана черезъ театральную московскую контору въ петербургскую цензуру; но онѣ обѣ цензурою играть на театрѣ не позволены. Теперь на бенефисъ у Михайла Семеновича играть и нечего. Ну, вотъ Кетчеръ этому горю опять помогъ: взялся и въ одну недѣлю перевелъ цѣлую комедію. Послать же ее опять если черезъ контору, — пройдетъ много времени. Безъ вашего жъ пособія, какъ бы и эту не остановили, хотя въ ней предосудительнаго ничего нѣту; но ужъ тращенная птичка — вѣтки боится. Бенефисъ же Щепкина назначенъ 24-го генваря: время не много, а дѣла много, и дорога длинна.

Вся надежда на васъ, и кромѣ васъ уладить подобное дѣло никто не можетъ. Васъ же Кетчеръ, Михайло Семеновичъ и я покорнѣйше просимъ передать ее въ цензуру и попросить въ ней г. цензора, чтобъ процензуровалъ ее поскорѣй, и послать, хоть черезъ контору, если можно, къ Щепкину. Если она получится и 20 генваря, то еще ничего. Теперь вопросы: почему, скажете, пишешь ко мнѣ ты, а не Кетчеръ? — Онъ готовъ къ вамъ написать двадцать разъ, да съ вами лично не знакомъ. Еще: изъ чего я хлопочу? — Изъ того, что я поддерживаю честь вашей фамиліи.

По пріѣздѣ въ Москву, я послалъ къ вамъ письмо — извините, спѣшилъ — на чемъ попало: хотѣлось поскорѣе, лишь бы написать, о чемъ было вамъ угодно знать. Получили вы его? Подписка здѣсь на всѣ журналы идетъ весьма тихо; что будетъ дальше? Василій Петровичъ Боткинъ на дняхъ посылаетъ къ вамъ славную статью, которую перевелъ онъ съ англійскаго, изъ какой то миссъ... миссъ... ей Богу, позабылъ.

Аннѣ Яковлевнѣ низкое почтеніе. Искренно уважающій и любящій васъ, вашъ Алексѣй Кольцовъ.

52. А. В. Кольцовой.

10 генваря 1841 г. Москва.

Милая сестра моя, Анисья Васильевна! Благодарю тебя душевно за письмо; оно такъ полно души и чувства любви и искренности, что я прочелъ его нѣсколько разъ. Такія письма не всегда у насъ выходятъ изъ души. Это была у тебя прекрасная минута, въ которую жила жизнь чудесная, — непостижимая тайна души человѣческой. Въ ней въ одной сколько жизни, сколько сторонъ различныхъ, сколько угловъ и тайниковъ добрыхъ и злыхъ. Порою именно святая благодать неба осѣняетъ ее и вѣетъ упоительно на все такою магическою силою, и въ эту пору къ чему она ни прикасается, все освѣщаетъ своимъ божественнымъ свѣтомъ, самую ледяную душу согрѣваетъ теплотою своего чувства, и всѣ помыслы исчезаютъ какъ дымъ отъ лица огня. Но бываетъ другая пора, пора тяжолая, полная грязныхъ мыслей и грустныхъ думъ и замирающей тоски; и весь свѣтъ намъ кажется печаленъ и мраченъ, и злой духъ невидимо преслѣдуетъ насъ и шепчетъ намъ какія-то страшныя рѣчи, и силою тянетъ насъ на грѣхъ, на зло, на муку и на гибель. И если въ чьей груди не лежитъ нравственнаго сознанія о самомъ себѣ, — бѣда. Онъ въ одну минуту погубитъ насъ навсегда, и ужъ никогда изъ-подъ его вліянія не освободится человѣкъ; каждую минуту онъ изъ одной крайности начнетъ итить въ другую, пока бездна погибели не поглотитъ и его добраго имени, и его существованія.

Эта-то минута, этотъ-то злой духъ погубилъ бѣдную Варю, и она, не имѣвши въ груди нравственнаго долга, погибла навсегда. Теперь у ней одинъ остался выходъ изъ этого состоянія, и этотъ выходъ — смерть. Потому-то она безсознательно и призываетъ ее прежде времени. Какія страшныя драмы разыгрываются въ жизни, и разыгрываются въ нашихъ глазахъ! Бѣдная Варя — если не вспомнила, то скоро вспомнитъ мои слова! Я говорилъ ей еще ихъ во-время; но видно не было у ней въ душѣ чувства понять ихъ. Да, есть натуры, которыя видятъ свою гибель — и идутъ на нее, и никакая посторонняя сила не властна ихъ остановить. И потому, что онѣ лишены, можетъ быть, отъ самой природы этого благороднаго сознанія въ собственное свое „я“, ихъ жизнь — любить вещи, находить — внѣ самихъ себя. Бѣдные люди! жаль ихъ, а помочь нечѣмъ. Другой гибнетъ тоже; но онъ

Милай сестра моя Анисья Васильевна благодарю
тебя душевно за письмо оно так полно души
ичувства любви иискрености что я прочял
его отсколько раз. такия письма невсегда у нас
выходят издуши. это было у тебя прекрасна
минуты вкоторую жила жизнь чудесныя
непостижимая тайны души человеческой
внейводной сколько жизни, сколько сторон
различных. сколько уголов и тайников
добрых излых. порою и можно все тые бла-
годати неба однеётта и вдать у понятно
нився такою магическою алою, ивъ эту пору
къ чину она не привнеся вся освящетъ
своимъ божественымъ светочиъ. ей муро
медиую душу сочувствует нежнотного своего
чувства. ився помыслы изчезают какъ
дымъ отъ лица огня. побыват дручая
пора. пора темная, полная грязных мыс-
лий игрустных думъ изамиращей тоски.
ивсе светъ какъ канетъ начилачь иупречекъ
злой духъ невидимо предъдуетъ нивъ силъ
нимъ какието страшныя речи. имолою тайного
нетъ ни глазъ, низло. ни муку, и неглубина-
иесли въ чвей груди незложить грисвется много
сознанія осимомъ ней, беда. онъ водну минут-
ту погубит неъ ни вседи. и уже никогда из-
подъ его влиянія неосвободится человекъ Кирдри

знаетъ прежде, что онъ гибнетъ, и идетъ твердо по избранной дорогѣ; и часъ паденья — часъ его торжества, потому что онъ все стремленіе своей жизни сосредоточилъ давно ужъ въ одной минутѣ. И благословенна его гибель.

Но будетъ объ этомъ. Закроемъ молчаніемъ эту печальную страницу несчастныхъ людей; перейдемъ къ другому. Но къ чему же? Прежде всего: странно для меня, что ты получила въ одно время три письма? Они посланы изъ разныхъ мѣстъ, въ разное время. Гдѣ жъ они были? кто ихъ держалъ и для чего? — не знаю. Всѣ ли получили посылки? Я послалъ съ Карпомъ Петровичемъ Капканщиковымъ: „Герой нашего времени", двѣ книги; Пушкина 3 часть; „Ламермурскую невѣсту" Вальтеръ-Скотта; „Гецъ" Гете драму; писанную драму Шекспира — „Ричардъ Второй". Боткинъ послалъ ноты: тетрадь, музыка Шуберта; мой „Соловей"; изъ Питера кое-какія разныя, не помню, сколько нотъ, трубкою свертокъ. Ноты посланы, обѣ посылки, на имя Андронова. Теперь еще для тебя купилъ пѣсни Пушкина, „Съ Богомъ въ дальнюю дорогу" и „Лѣсной царь", Гете, музыка Шуберта, и еще кой-какіе пустяки. Хотѣлъ купить школу для пѣнія Варламова, да дорога: 28 руб. просятъ, а денегъ нѣтъ; выпишу изъ Воронежа.

Въ письмѣ ты, наконецъ, мнѣ ужъ много слишкомъ льстишь, насказавши такъ много похвалъ; а не написала, поняла ли думу „Лѣсъ". Прочти въ 11 нумерѣ „Отечественныхъ Записокъ", въ отдѣленіи наукъ, статью о четырехъ драмахъ Шекспира, — тамъ увидишь въ ней, что̀ значитъ нравственный долгъ человѣка.

Боткинъ со мной теперь очень хорошъ, а тогда были у него сердечныя дѣла, но только я не зналъ; они-то и мѣшали всему. Бѣлинскій со мной былъ такъ хорошъ, что писать объ этомъ не достанетъ дести бумаги; пріѣду — разскажу. Я скоро теперь пріѣду. Еще дѣло задерживаетъ меня немного, но на дняхъ, кажется, всему будетъ конецъ. Ты, другъ мой, ужасно меня обидѣла, говоря, что я куда-то опредѣлился, и тебѣ не сказалъ. Отцу и матери извинительно такъ судить, — я имъ самъ много подалъ примѣровъ такъ думать; но тебѣ грѣхъ, сестра, думать, чтобы я отъ тебя скрывался... Что же я отъ тебя сокрылъ? — скажи. Сколько помню, кажется, я всегда съ тобой былъ откровененъ. Глупые люди выдумали и разнесли пустой слухъ, а вы и повѣрили. Ужели чужой народъ больше имѣетъ для тебя вѣры, чѣмъ родной братъ? Жаль, что такъ вы ошиблись всѣ во мнѣ.

Фамусовъ выдаетъ свою Софью Павловну за „Пряника", — часъ добрый, пора костямъ на мѣсто. Славная парочка: гора со спичкой, бочка съ иголкой, масло съ водою... А какъ ни смѣшно, но мнѣ все-таки Тимофѣева жаль: онъ добрый человѣкъ, какъ бы она его не завербовала. Но судьба рѣшила, — съ Богомъ; они обои не малолѣтки, и вещи ужъ понимаютъ хорошо.

Недавно былъ я на концертѣ. Пѣла Паста, итальянка, женщина 48 лѣтъ; но Боже мой! — что за голосъ, что за музыка, что за звуки, за грація, что за искусство; что за сила, за энергія въ этомъ голосѣ роскошнаго Запада! Если бъ ты слышала! чудеса! диво дивное, чудо

чудное! Я весь былъ очарованъ, упоенъ ея звуками; кровь вся въ жилахъ кипѣла кипяткомъ. Еще былъ я съ Красовымъ въ дворянскомъ собраніи, въ маскарадѣ, гдѣ было людей двѣ тысячи человѣкъ, много замаскированныхъ женщинъ, мужчинъ. Огромная зала полна людей, богато, разнообразно одѣтыхъ, танцующихъ; и музыка съ высокихъ хоръ, какъ съ дальняго неба, волнами разливаясь во всѣ стороны, падала внизъ, на насъ, людей наземныхъ.

Я написалъ еще нѣсколько пьесокъ, и довольно удачно; послалъ ихъ къ Бѣлинскому. Онъ просто отъ нихъ въ восторгѣ. Нѣсколько дней было такъ удачныхъ, что я написалъ весьма хорошо. Одну изъ нихъ, не лучшую, я послалъ къ тебѣ давно, въ батенькиномъ письмѣ.

Батенькѣ, маменькѣ, сестрамъ, зятьямъ отъ меня кланяйся. Скажи батенькѣ, что я скоро буду домой, живъ, здоровъ, только постарѣлъ; ты едва ли узнаешь; — въ эти четыре мѣсяца я пережилъ больше, чѣмъ въ четыре года. Желаю тебѣ больше въ тысячу разъ, чѣмъ желаю самому себѣ. Живи, пой и стучи на фортепьянахъ, и да Господь сохранитъ тебя отъ всякаго зла и горя. Цалую тебя горячо и крѣпко. Прощай.

Любящій тебя братъ твой Алексѣй Кольцовъ.

53. В. Г. Бѣлинскому.

10 генваря 1841 г. Москва.

Милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ! Вотъ когда, наконецъ, собрался я къ вамъ писать. Некогда было, скажете, недосугъ, занятъ; ничего не бывало: ничего почти не дѣлалъ, ничѣмъ не былъ занятъ, время все проходило какъ-то глупо, сквозь руки. Какая-то лѣнь холодная, пустая, убійственная овладѣла мной. Скука, пустота, грусть и чортъ знаетъ что еще не лежитъ во мнѣ. Какое-то состояніе самое несносное, самое гадкое, ничего не дѣлаешь — и дѣлать ничего не хочется. Движешься, ходишь, бродишь, смотришь на все равнодушно, спокойно, — и только ищешь двери, чтобъ скорѣй вонъ. Куда? — и самъ не знаешь. Хочешь забыться — и не можешь, о чемъ-то думаешь — и ничего не думаешь въ то же время. Собираешься писать, сядешь, возьмешь перо и держишь его въ рукахъ, какъ уракъ палку. Не то чтобы хотѣлъ письмо написать получше, нѣтъ, хоть бы какъ-нибудь, и слова съ пера нейдетъ; до чего это доведетъ, не знаю, а только жить приходитъ невыносимо тяжело. Прежде пилось, а теперь и пить не хочется: гадко, все потеряло интересъ, и самый порокъ потерялъ свою обольстительную силу. Приходитъ день, приходитъ ночь — ровно будь ихъ, или не будь . . .

Какъ вы живете? Не дай Богъ если такъ же. Благодарю васъ за письмо, тысячу разъ благодарю, и на колѣнахъ стою передъ вами и прошу васъ простить за мое невѣжество. Да — это чисто невѣжество. Теперь отвѣчу вамъ на все по силѣ мочи. Съ прискорбіемъ прочелъ я первое ваше письмо . . . .

Отъ души благодарю Комарова, Панаева и Языкова и Авдотью Яковлевну, что они меня помнятъ и полюбили; это чрезвычайно польстило моему самолюбію. Да, милый Виссаріонъ Григорьевичъ, гдѣ вы, — тамъ для меня жизнь всегда теплѣе, а гдѣ васъ нѣтъ, — другое дѣло. Чѣмъ больше проходитъ время, тѣмъ больше эта истина доказывается опытомъ. Я теперь яснѣй началъ чувствовать, какъ цѣлый міръ иногда сосредоточивается въ одномъ человѣкѣ. Кажется, скоро придетъ пора, что вы для меня замѣните всѣхъ и вся. Моя душа часто начинаетъ говорить про это, и никуда не просится жить, какъ къ вамъ. Когда-то придетъ это время, когда-то можно это будетъ мнѣ сдѣлать не словами, а дѣломъ? Боже сохрани, если Воронежъ почему-нибудь меня удержитъ у себя еще надолго, — я тогда пропалъ.

Аксаковъ пріѣхалъ изъ Питера и говоритъ, что подписка на „Отечественныя Записки" идетъ хорошо и равняется подпискѣ на „Библіотеку". Дай-то Богъ! Я былъ третьяго дни у Аксакова. Онъ мнѣ говорилъ, что Павловъ, Николай Филипповичъ, получилъ отъ кого-то письмо изъ Питера, въ которомъ пишутъ къ нему, что вы отъ сотрудничества въ „Отечественныхъ Запискахъ" отказались; почему — неизвѣстно. Я былъ у него для этого нарочно; не засталъ дома: уѣхалъ на двѣ недѣли въ деревню. Кажется, это сказки; но для чего онѣ выдуманы, не знаю. — Аксаковъ это сказалъ мнѣ съ какой-то тайной радостью. Друзья, друзья! сердечные друзья!..

Онъ учить вашего брата по-англійски отказался, а учитъ его Петровъ, и занимается съ нимъ съ охотою и искренно. Ну, о переводѣ его для „Москвитянина": Аксаковъ далъ ему какую-то повѣсть Гофмана; онъ ее началъ переводить, а Аксаковъ все говорилъ: „не годится для „Москвитянина", то можно тогда напечатать въ „Запискахъ". Я это повернулъ иначе. Сегодня былъ у меня вашъ братъ и сказалъ, что Аксаковъ ему рѣшительно просилъ перевесть и что Погодинъ дастъ ему тридцать рублей съ листа. Переводы вамъ не нравятся; но что же дѣлать? Ему деньги кой на что нужны необходимо скоро, а вы, можетъ, пришлете нескоро. Да если онѣ и будутъ, то вамъ ихъ платить кромѣ этого есть куда, а онъ ее можетъ перевести въ двѣ недѣли и получить сто или сто пятьдесятъ рублей. Это пока ему годится.

Онъ съ Дмитріемъ Петровичемъ теперь ладитъ. Здоровье его лучше, хоть онъ этому и не вѣритъ; онъ даже немножко было началъ и трусить; да этому была причина не его здоровье, а мои слова, которыхъ я ему насказалъ большую кучу. А письмо ваше я ему не читалъ: вы слишкомъ воспламенились гнѣвомъ, онъ и такъ убитъ положеніемъ обстоятельствъ. Я ему на словахъ кое-что говорилъ и почти все то же, но все иначе; думаю, что теперь онъ будетъ работать хорошо, и кой-какія вещи сознаетъ иначе и начнетъ глядѣть кой на что попрямѣе, — или ужъ ничего никогда изъ него не выработается. Однако, я этого не думаю: въ его натурѣ много лежитъ не разгаданнаго, и оно запало въ ней глубоко, потому что онъ былъ заброшенъ, да и такія натуры развиваются поздно. А что до вашихъ угрозъ и до

корпуса, это, кажется, совсѣмъ лишнее; если онъ не выдержитъ экзамена на слѣдующій годъ, тогда ужъ будетъ и эта мѣра необходима. Только этого никогда не будетъ, а все пойдетъ по своей дорогѣ, какъ должно.

Книги ему нужны; да если Поляковъ ихъ пошлетъ, то напередъ вамъ скажу: онъ васъ обманетъ, а будетъ надобно книги у него взять и самому по почтѣ отправить.—„Кота Мурра" онъ еще до сихъ поръ не прислалъ, и я слышалъ, что онъ его переплелъ и продаетъ: такой добрый человѣкъ! А я передъ Кетчеромъ остался дуракъ дуракомъ. У васъ, кажется, два экземпляра; если можно, пришлите мнѣ одинъ въ Воронежъ, а то купить денегъ нѣтъ, а имѣть хочется; отъ Полякова присылки видно ужъ не дождешься.

Дарья Титовна больно нуждается въ деньгахъ и проситъ васъ прислать ей хоть двадцать пять рублей. Я бы ей далъ свои, да теперь у меня денегъ нѣтъ; я живу кой-какъ займомъ, а отецъ не шлетъ ни копѣйки. Я въ Москвѣ открылъ секретъ за дешевую цѣну на толкучемъ рынкѣ покупать бѣлье, и купилъ штукъ десять — рублей за двадцать — славныхъ полотняныхъ рубашекъ, что́ бы совѣтовалъ сдѣлать и вамъ; у васъ рубашки все пестрыя, а нужно непремѣнно имѣть всякому порядочному человѣку бѣлье полотняное. Новыя онѣ дороги, а поношенныя на толкучкѣ ни почемъ. Жаль, что я не зналъ этого въ Питерѣ, а то тамъ бы купилъ и себѣ и вамъ.

Кто-то И. Е. Великопольскій въ Петербургѣ на слѣдующій годъ будетъ издавать альманахъ, и Аксаковъ свою трагедію „Олегъ подъ Константинополемъ" отдалъ ему напечатать, и говоритъ, что Великопольскій далъ бы ему за нее, если бъ только онъ захотѣлъ, тысячу рублей. Я взялъ ее у Аксакова, и въ ней интересны сужденія Великопольскаго и Аксакова объясненія. Особенно два мѣста, которыя вамъ и сообщаю.

Великопольскій: „Я бы не желалъ выставлять имени Эврипидина: оно и звучитъ какъ-то семинарски, и, не смотря на это, прекрасное созданіе не имѣетъ извѣстности, и не выгодно ни для автора, ни для альманаха. Если же авторъ не захочетъ выставить собственнаго, то лучше напечатать безъ имени. А о томъ, что отрывки были помѣщены въ „Молвѣ" подъ псевдонимомъ Эврипидина, я скажу въ предисловіи. Впрочемъ, какъ угодно". Аксаковъ: „Я совершенно согласенъ. Прошу, Иванъ Ермолаевичъ, напечатать безъ имени и сдѣлать какія угодно примѣчанія. Сдѣланная въ концѣ тетрадки выписка изъ „Молвы" помѣщена здѣсь только для памяти и соображенія, а не для того, чтобы быть перепечатанною при пьесѣ". Великопольскій: „Я прошу Константина Сергѣевича мѣста, которыя, по моему мнѣнію, не будутъ пропущены цензурою, или окончательно перемѣнить, или дать мнѣ перемѣны на особомъ листочкѣ въ запасъ, на случай, если не пропустятъ. Не вписанныя слова прошу его вписать разборчиво, и для этого вѣрнѣе употребить не свою ручку". — Наконецъ, выписана ваша гумористическая приписка при отрывкѣ, напечатанномъ въ „Молвѣ". И Великопольскій сверху до низу сдѣлалъ двѣ черты и въ серединѣ написалъ такъ: „чепуха". А Аксаковъ ниже подмахнулъ еще: „Въ самомъ

дѣлѣ чепуха; я удивляюсь, какъ я тогда же не замѣтилъ, что Бѣлинскій накаталъ дичь". Странны подобныя душевныя изліянія! Другое дѣло какому-нибудь ослу наговорить объ уважаемомъ человѣкѣ того и сего; но дѣлать подобныя замѣтки, и какому-то Великопольскому!..

Наканунѣ Рожества были мы съ Боткинымъ у Ксенофонта Алексѣевича Полевого; у него застали только что пріѣхавшаго Николая Алексѣевича. Былъ разговоръ объ васъ. Ксенофонтъ васъ не любитъ и побраниваетъ, а Николай Алексѣевичъ, замѣтно съ большимъ усиліемъ, но отзывается съ уваженіемъ, и что много находитъ онъ у васъ мнѣній весьма хорошихъ.

На дняхъ былъ я у Чаадаева; онъ говорилъ какъ-то къ рѣчи слово, что у васъ въ „Наблюдателѣ" или „Телескопѣ" была напечатана ваша статья о Пушкинѣ, и что онъ ее показывалъ ему. Пушкинъ прочелъ съ большой охотой и послѣ прислалъ ему номеръ „Современника", просилъ передать вамъ, не сказывая, что онъ его прислалъ нарочито для васъ.

Въ Москвѣ „Отечественныя Записки" вездѣ почитываютъ противу другихъ журналовъ съ большимъ уваженіемъ, и порой побраниваютъ. Красовъ написалъ двѣ славныя пьески (съ его письмомъ при семъ посылаю) и, кажется, у „Сосѣдей" послѣдній куплетъ оторвать лучше, я его отчеркнулъ. Какъ лучше, такъ и сдѣлайте. Клюшниковъ пишетъ какія-то октавы и написалъ пропасть; въ нихъ много соли, юмору и остроты; и кое-какія онъ читалъ намъ, — очень хороши. Кудрявцева давно не видалъ, на Святкахъ пропалъ изъ глазъ. „Москвитянинъ" 1 № вышелъ—и шибко подгулялъ. А Шевыревъ и Погодинъ—на славу. Я ничего не писалъ и писать не хочется: — лѣнь и скука совсѣмъ овладѣли, и въ головѣ какой-то налитъ студень. Самому на себя смотрѣть гадко.

Наканунѣ новаго года Василій Петровичъ придумалъ дать вечеръ— встрѣтить новый годъ и день его ангела. Людей собрались къ нему довольно. Вотъ вамъ полный реестръ: Грановскій, Крыловъ, Крюковъ, Кетчеръ, Красовъ, Клюшниковъ, Щепкинъ, Боткинъ, Сатинъ, Клыковъ, Лангеръ, Иванъ Ивановичъ, Иванъ Петровичъ и я грѣшный. И какъ ударило двѣнадцать часовъ, такъ за столъ, — и пошло писать: начали ѣсть, пить, и кое-кто перепились мертвецки. Ужинъ былъ богатый, вина чудесныя: рейнвейнъ, портвейнъ, шампанское лилось рѣкою, и старая мадера Красова сбила съ ногъ. Пили ваше здоровье,—икалось ли вамъ? Пировали до шести часовъ утра, а кой-кто начали пѣніе и ударились въ плясъ, и, знаете, эдакъ не красиво, но весьма усердно. До смерти жаль, что васъ однихъ не было на этомъ дружескомъ тѣсномъ и тепломъ кружкѣ. Ужъ встрѣтили новый годъ по-русски, какъ лучше встрѣтить ужъ нельзя. Я думаю, Василій Петровичъ разорился рублей на пятьсотъ, — вотъ какъ наши начали гулять.

Четвертаго генваря Паста въ залѣ дворянскаго собранія давала концертъ. Было въ залѣ тысяча двѣсти человѣкъ, на хорахъ шестьсотъ; собрали денегъ, за расходами, двѣнадцать тысячъ. И пѣла удивительно, чудо какъ хорошо! Всѣ были упоены ея волшебными пѣс-

нями; одобреніямъ и вызовамъ не было конца. Восьмаго генваря я съ Красовымъ былъ въ дворянскомъ собраніи въ маскарадѣ. Народу было много, женскихъ масокъ пропасть, и костюмы были прекрасные; мужчинъ замаскированныхъ было мало, и тѣ весьма дурно; и московская молодежь во многомъ уступаетъ женщинамъ, — все какіе-то толстяки, коротышки, какъ я, и лицо безъ выраженья, нескладица, угловатость въ движеніяхъ и пріемахъ, а о граціозности и говорить нечего. Разгула жизни и не спрашивай. Если всѣ свѣтскія общества такъ безжизненны, то Богъ съ ними!

Я, кажется, дождусь бенефиса Мочалова. Не выѣхавши изъ Москвы, напишу еще вамъ письмо или два. Вчера былъ въ конторѣ „Отечественныхъ Записокъ", спрашивалъ, сколько на нихъ подписки. Нѣмецъ сказалъ, что болѣе двухъ сотъ и что подписка все еще идетъ, не прекращаясь. Если нужно будетъ почему-нибудь знать Андрею Александровичу, то скажите, что Ширяевъ очень боленъ и, говорятъ, едва-ли долго проживетъ. Князь Шаховской съ Верстовскимъ передѣлываютъ изъ Луганскаго „Ночь на распутьи" — оперу. Шаховской пишетъ русскія пѣсни; я думаю, будутъ зѣло хороши. Нашъ Воронежскій книгопродавецъ купилъ два экземпляра 1841 г. „Отечественныхъ Записокъ" по двадцать пять рублей. Какіе это билеты продаютъ книгопродавцы такъ дешево, и во время самой подписки? Это вѣдь много вредитъ настоящей подпискѣ. 1 № „Отечественныхъ Записокъ" въ Москвѣ еще не полученъ, ждемъ съ нетерпѣніемъ посмотрѣть и почитать.

Василій Петровичъ пятаго генваря съ Клыковымъ уѣхалъ въ Харьковъ и будетъ оттуда къ пятнадцатому февраля. Здоровье его начало поправляться. Только какъ-то опять началъ онъ входить въ прежнее тяжелое положеніе. Передъ отъѣздомъ онъ видѣлъ сонъ, который совершенно погрузилъ его въ апатію. Будете къ нему писать про меня, прошу объ этомъ не говорить; онъ мнѣ не говорилъ про это, а передалъ мнѣ по секрету Красовъ; ну, а я — вамъ, потому что я отъ васъ ужъ ровно ничего скрыть не могу, и о чемъ, если и о пустякахъ сказать забуду, то все въ горлѣ такъ шиломъ и колетъ.

До смерти радъ, что вамъ понравилась „Ночь". Забылъ, у ней такъ ли написалъ конецъ; вотъ онъ на случай:

На полу одинъ
Весь въ крови лежитъ,
А другой — смотри —
Вонъ въ саду стоитъ.

Пожалуйста напечатайте ее съ посвященіемъ князю Одоевскому. „Жалоба", „Пѣснь" и „Грусть дѣвушки" вамъ нравятся, и я этимъ чертовски доволенъ: получилъ ваше письмо, прочелъ и подо мной земля загорѣлась. Слава Богу, что онѣ пришли вамъ по душѣ. „Поминки по Станкевичу" тоже кажется вещь порядочная. Вы пишете, что не поняли, кто это пришелъ въ кружокъ мрачной гость, — тѣнь Станкевича или другой кто? Нѣтъ, это не тѣнь Станкевича, а зага-

дочный гость, что мы называемъ смертью. Она—не новость, конечно, но въ томъ кружкѣ, который жилъ такой полной жизнью и такъ могуче и раздѣльно, вдругъ нечаянно приходитъ къ первому Станкевичу, беретъ за руку, — и онъ уснулъ. А что вамъ не нравится стихъ: „Роскошная младость здоровьемъ цвѣтетъ“? Вы говорите: гдѣ же между насъ здоровье? Я думаю объ этомъ иначе. Мы здоровы если не тѣломъ, то, слава Богу, здоровы душой. Если жъ оно вышло въ образѣ тѣлесномъ, ну что жъ дѣлать? — Не всякое лыко въ строку. Дума „Шекспиръ“ вамъ не нравится. Да, ваша правда: она не вся вышла; я хотѣлъ сказать иначе, но не сказалось. Вы знаете, что этотъ предметъ не по моему мозгу, я его только чуть понимаю, но не совсѣмъ переварилъ; да и переварю ли? — кто знаетъ? Впрочемъ, это названіе не то, которое я бы ей далъ; я бы назвалъ ее „Богъ“, но вѣдь тогда она никуда не можетъ показаться. Впрочемъ, я попробую ее поправить и, какъ сдѣлаю, пришлю къ вамъ. Будете ко мнѣ писать, напишите пожалуйста: если на нее глядѣть съ названіемъ „Богъ“, какъ она: лучше или нѣтъ?

Я получилъ извѣстіе изъ Воронежа, что о смерти Станкевича къ отцу Грановскій написалъ недавно письмо; онъ его получилъ въ Воронежѣ и, какъ прочелъ, пришелъ къ страшное изступленіе и ухватилъ гдѣ-то топоръ и поколотилъ въ домѣ весь хрусталь, мебель и образа.

Увѣдомьте пожалуйста объ распущенномъ слухѣ Н. Ф. Павловымъ объ отказѣ вашемъ отъ „Отечественныхъ Записокъ“: откуда вышла эта сказка и кѣмъ сочинена? Кирюшѣ поклонъ. Всей душой любящій васъ Алексѣй Кольцовъ.

54. В. Г. Бѣлинскому.

27 января 1841 г. Москва.

Милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ! Вамъ не шутя, я думаю, наконецъ странно кажется мое житье-бытье въ Москвѣ такъ долго и безо всякаго дѣла. Да, иногда у насъ бываютъ странныя задачи, которыхъ мы сами разрѣшить не можемъ. Вотъ слишкомъ два мѣсяца я изъ Питера; шесть недѣль, какъ дѣло мое кончилось; — ну, положимъ, оно кончилось передъ самымъ Рожествомъ, и тутъ ужъ на носу стояли святки, остался подурачиться; и пока Василій Петровичъ былъ въ Москвѣ — было и тепло и хорошо, а какъ онъ уѣхалъ, пошло другое. Теперь отчего жъ бы мнѣ вслѣдъ за нимъ не ѣхать домой? Ну подите жъ, разберите, какъ это случилось, — и самъ не знаешь. Не знаю, не хотѣлось ѣхать — да и только. Вотъ пришло время: и домъ и родные не взлюбились, наконецъ. И если бъ была какая-нибудь возможность жить въ Питерѣ, я бы прямо маршъ и остался бы въ немъ навсегда. Но безъ средствъ этого сдѣлать нельзя,— и я ѣду домой. И эта поѣздка много похожа на ловлю сурковъ: ихъ изъ земли выливаютъ водой, а меня нужда посылаетъ голодомъ.

Я писалъ къ отцу по окончаніи дѣла (которое кончилось, какъ вы уже знаете, хорошо), чтобы онъ прислалъ мнѣ денегъ. Старикъ мой говоритъ: „Денегъ нѣтъ тебѣ ни копейки, а что дѣло кончилось хорошо, мнѣ все равно, — хоть бы кончилось и дурно. Мнѣ шестьдесятъ восемь лѣтъ, и жить осталось меньше, чѣмъ вамъ. Я даже слышалъ, что ты хочешь остаться въ Питерѣ: съ Богомъ, въ святой часъ, благословеніе дамъ, а больше ничего". — Я прочелъ сіи радостныя строки и сказалъ: „вотъ тѣ, бабушка, и Юрьевъ день!" Спросите, отчего же это такъ сдѣлалось? А вотъ отчего: дѣло кончилось послѣднее, и самое гадкое; слѣдственно, его кредитъ теперь очищенъ совершенно. Прежде онъ боялся полиціи, и потому любилъ меня до излишества, а теперь она ему не страшна. И домъ его и все у него въ рукахъ; такъ я, выходитъ, ему сталъ и не нуженъ. Да, нынче отецъ и мать, видно, хороши по расчетамъ. Однакожъ, эта новость и особенно эта непризнательность меня срѣзала глубоко.

Вотъ причина, отчего я такъ долго живу въ Москвѣ и отчего не ѣду домой; и ѣхать не хочется, и не пишу къ вамъ. Я, признаться, сначала махнуть думалъ въ Питеръ; но какъ прохватилъ меня голодъ, я и присѣлъ, — и хорошо сдѣлалъ. Теперь кое на что я сталъ глядѣть совсѣмъ иначе. Напримѣръ, грѣшный человѣкъ, иногда таки я немножко полагался и на литературное значеніе, и думалъ, что оно со временемъ будетъ лучше. По справкѣ оказалось, что это такой вздоръ, что мочи нѣтъ. Конечно, есть люди, съ которыми я сошелся, и у которыхъ порою я могу быть свободно. Жить могу съ вами и еще кой у кого бывать — и только. Да, и только! . . . А другіе люди, и ихъ много,—они всѣ по-своему добрые люди, ихъ винить нельзя,—и быть у нихъ тоже нельзя. А что порой они ласковы, — это обманъ, сущая ложь. И человѣкъ литературный — человѣкъ опальный, его можетъ всякой и всячески оскорблять и, если угодно, надѣлать съ нимъ — чего угодно, даже выпачкать рожу сажей и повесть по улицѣ; и если этого еще не дѣлаютъ, то будутъ дѣлать скоро. Развѣ не пойдутъ одни только тѣ, которые имѣютъ много силъ физическихъ, какъ Кудрявцевъ.

Меня особенно обманывало покровительство меценатовъ, въ число которыхъ я никакъ не поставлю князя Вяземскаго и Одоевскаго; а всѣ другіе мнѣ помогали не ради того, чтобы что-нибудь во мнѣ видѣли и хотѣли изъ этого человѣка сдѣлать человѣка, а такъ, — изъ эгоизма, изъ того, что неловко отказать. Въ ихъ глазахъ я былъ не больше, не меньше, какъ нищій. Въ число ихъ я не ставлю людей, которыхъ я люблю душою, и которыхъ вы знаете на перечетъ, и ихъ у меня есть во всемъ свѣтѣ двѣнадцать. И я говорю здѣсь никакъ не о нихъ, а о прочихъ.

Конечно, и съ этими людьми ужъ можно бы жить припѣваючи, и грѣхъ бы было желать больше; но главное — меня связываетъ мое званіе. Проклятое званіе, какъ я узналъ его короче. Что я? Человѣкъ безъ лица, безъ слова, безо всего просто. Жалкое созданіе, несчастная тварь, которая годится лишь на одно: возить воду да таскать дрова,—

вотъ и все. Торгашъ, копѣечникъ, жидъ, цыганъ, подлецъ я долженъ быть; вотъ мое значеніе. Вотъ въ какихъ слояхъ я могу быть президентъ. Лишь въ этихъ мѣстахъ я гражданинъ. И что еще всего хуже: жить дома, въ кругу купцовъ, рѣшительно я теперь не могу; въ другихъ кругахъ тоже. Торговать какъ-то охота не идетъ на умъ. Даже жить въ Петербургѣ, быть книгопродавцемъ — значитъ быть Поляковымъ; иначе—нельзя. Каковы люди, таковъ и купецъ. Онъ не самъ по себѣ гадокъ и плутъ, а его такъ вамъ вырабатываютъ люди, съ которыми онъ имѣетъ сдѣлки. Кто въ Питерѣ честенъ? Кто въ Москвѣ честенъ изъ нихъ? Никто. Что жъ я за звѣзда, что одинъ между ними буду честенъ? Съ кѣмъ же буду дѣла я вести, какъ не съ ними? Они плуты; ну, и я долженъ быть плутъ. А мнѣ плутомъ быть—до-смерти не хочется. Безрадостная самая будущность у меня впереди. Я, кажется, собой одно выполню во всей точности: ворону... И, ей-Богу, я ужасно похожъ на нее; остается лишь сказать: она къ павамъ не попала, а отъ воронъ отстала. Больше этого ко мнѣ ничего нейдетъ.

Перваго февраля рѣшительно ѣду домой, и что будетъ и какъ пойдутъ дѣла,—сейчасъ вамъ напишу безъ утайки. И прошу объ одномъ: такъ какъ я съ вами теперь хитрить не буду ни въ одномъ словѣ, а вы такой человѣкъ, что вамъ чужая боль, какъ своя, больна, то напередъ условіе: какъ бы у меня дѣла ни пошли дурно, и что̀ бъ впереди гадкаго ни случилось, — меня не утѣшать, надеждъ не сулить, говорить правду, и чужую боль на душу не принимать, считать все, что̀ мое, дѣломъ постороннимъ и до васъ вовсе не касающимся. Пусть будетъ у всякаго свое горе, своя печаль,—все равно. Главное: надо жить, дорожить часомъ, минутой, краткимъ мгновеніемъ; а безъ этого — я васъ буду обманывать.

Москва въ литературной жизни совсѣмъ устарѣла, выжилась. Можетъ, и есть кружки молодыхъ людей; но я ихъ не знаю. Въ ней остается одинъ Василій Петровичъ; запрись онъ, и послѣдніе обломки стараго, таланливаго, горячаго, вдохновеннаго кружка — какъ не бывало: все разсыпется врозь, и едва ли когда опять соберется. Кажется, никогда. Конечно, эти люди всѣ будутъ работать всякъ у себя; но они будутъ сами по себѣ лишь хороши, а все новое въ него ужъ не войдетъ: оно или соберется особенно, если будетъ изъ кого собраться, или, не давши плодовъ, проживетъ свою жизнь матерьяльной жизнью, что̀, кажется, въ наше время и сдѣлать всего легче.

Вы спросите, зачѣмъ, имѣя крайность, не обратился я къ Боткину? Обращался и взялъ. Но, Виссаріонъ Григорьевичъ, не надежны чужія деньги, горько душѣ быть въ долгу. Не съ наслажденіемъ берешь ихъ, и съ грустью тратишь. Отравлены онѣ ядомъ, и онъ уничтожаетъ въ нихъ всякое значеніе. О, я выразумѣлъ теперь качество чужой монеты, займа, чужова обѣда; да, я знаю теперь, отчего онъ плохо въ желудкѣ варится и разстраиваетъ здоровье. А ваше слово „много"? — Помните, мы шли съ вами какъ-то по линіи Васильевскаго Острова; съ нами встрѣтилась хорошенькая; вы мнѣ сказали: „да, ихъ здѣсь *много*, да всѣ онѣ не наши". Молотомъ по душѣ стучитъ это „много" до этихъ

поръ, и, кажется, долго будетъ бить въ мою дурацкую голову. Я сказалъ ужъ: „много" есть у меня, да все не то, что хотѣлъ сказать; скажу еще: я уразумѣлъ вполнѣ его значеніе. Если успѣю себя обезпечить, то я житель Питера, а не успѣю, то безъ средствъ я никуда не ѣздокъ. Суждено чему быть, пусть будетъ, а назначено сиднемъ сидѣть — сяду: я не виноватъ — доля. И хотѣлось, да не смогнулось. Ходъ обстоятельствъ одинъ не остановишь, а если и можно, то при условіяхъ. Сидя въ болотѣ, не полетишь орломъ; будь и крылья, — да глупая грязь ихъ такъ сплющитъ, что и на ногахъ не устоишь, а ужъ куда летѣть! — хоть бы глупые ребятишки не закидали камнями! Благодарю обстоятельства, что они открыли мнѣ глаза и многое показали, какъ оно есть въ самомъ дѣлѣ, а не какъ я смотрѣлъ на вещи. Одно заботитъ: скорѣй уплатить долги — и аминь. Пріѣду домой, стану почитывать, порой пописывать, и буду на все смотрѣть равнодушно; но къ чорту всю эту дрянь, будь проклята она навѣкъ!

Да вѣдомость: Никольскій боленъ, писемъ брату и Щепкину не отдалъ; а недавно братъ къ нему ходилъ, взялъ ихъ и Щепкину передалъ. Михаилъ Семеновичъ живетъ одинъ, жена и дочери его въ Казани; когда будетъ [въ Москвѣ] не знаю. Василій Петровичъ въ Харьковѣ, будетъ къ 10 февраля. Кудрявцева съ Рожества не видалъ. Красовъ живетъ у Боткина, — и пока пьетъ чашу горькую; онъ написалъ еще три пьески, ихъ при семъ письмѣ посылаю.

Жуковскій въ Москвѣ. Я у него былъ; говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ, что я немного знаю философію, жалѣетъ объ этомъ; совѣтуетъ бросить все къ чорту. „Философія — жизнь, а нѣмцы дураки", и проч.

„Ромео и Юлія" на бенефисъ Мочалова наконецъ сыграли, и я видѣлъ. Мочаловъ былъ нестерпимо дуренъ, изъ крайности переходилъ въ другую; на бѣднаго Ромео натягивалъ и Карла Моора, и Гамлета, и Богъ знаетъ что, — и хоть бы одно мѣсто было хорошо. Наконецъ, и роли не зналъ. Юлія — Орлова была въ кой-какихъ сценахъ очень хороша: въ окнѣ съ няней, въ первый разъ, и въ другой — съ Ромео, у Лоренца въ склепѣ. Чудо какъ хороша! А въ другихъ сценахъ изыскана, неестественна и не хороша. Орловъ — Лоренцо былъ гадокъ. Няня до подлости гадка. Самаринъ въ Меркуціо очень хорошъ. Славинъ въ Парисѣ — дерево. Усачевъ въ Бенволіо — пень. Щепкинъ, отецъ Юліи, кой-гдѣ былъ хорошъ, но горячился, — и роль сошла плохо; и онъ рѣшительно отъ нея отказался навсегда. И всѣ другіе были очень гадки. Театръ былъ полонъ. Давали послѣ въ другой разъ; какъ, и каковъ былъ успѣхъ, — не знаю. До бенефиса онъ далъ брату Каткову денегъ четыреста рублей; заплатилъ ли послѣдній, — не знаю.

Кетчеръ боленъ горячкою, и весьма опасно. Былъ у Аксакова; онъ сказалъ, что Нащокинъ одну первую часть [„Сочиненій"] Сарры Толстой далъ, и то ему, а не вамъ, и что онъ, увидя Нащокина, возьметъ для васъ; обѣ вамъ и перешлетъ. Онъ, кажется, читалъ пѣсни изъ „Олега подъ Константинополемъ" Жуковскому, и будто онѣ ему понравились. А что до перевода брату для „Москвитянина" хлопо-

талъ Аксаковъ, вышло все пустое, и онъ безъ совѣсти только его бѣднаго проводилъ два мѣсяца. Онъ принялъ на себя какую-то странную роль мецената, но какого—не знаю; и я даже совѣтовалъ вашему брату оставить его совсѣмъ въ покоѣ. Аксаковъ, кажется, только того и ждалъ, чтобы какъ-нибудь отвязаться; желаніе его, наконецъ, исполнилось. Брату вашему крѣпко нужны книги, да если будете ихъ посылать, то возьмите у Полякова и сами пошлите, а то онъ васъ обманетъ. „Кота-Мурра" все еще нѣтъ, и онъ вретъ, что послалъ, а вѣрно продалъ. Увидите его, возьмите квитанцію и пришлите Боткину. Если же не отдастъ, то потребуйте деньги за восемнадцать экземпляровъ; разсчетъ по 14 р. = 252 р.; съ нимъ больше дѣлать нечего.

До смерти радъ, что „Отечественныя Записки" идутъ хорошо. Первый номеръ хорошъ, и здѣсь его читаютъ, и даже кое-кто не говорятъ, что читаютъ: „мы еще его не видали", а дальше, смотришь,— и проговорятся, что „это въ нихъ ни на что не похоже".—А, голубчики, попались! Объ вашей статьѣ ходятъ сужденія разныя; одни—и весьма немногіе — говорятъ, что первая половина хороша, а вторая ужъ очень нахальна; а другіе удивляются, какъ ее напечатали, и видятъ въ ней вещи небывалыя; ну, а всѣ — критику, библіографію и смѣсь читаютъ исключительно, а другія статьи и повѣсти многіе и совсѣмъ не читаютъ.

Ксенофонтъ Алексѣевичъ Полевой говорилъ: какая ошибка въ „Отечественныхъ Запискахъ", въ критикѣ, что Тимковской ѣздилъ по Бухарѣ; онъ по ней никогда не ѣздилъ и объ ней не писалъ, а былъ онъ въ Китаѣ, а о Бухарѣ писалъ совсѣмъ другой; онъ называлъ, но кто,—забылъ. По крайней мѣрѣ, всѣ говорятъ въ одно, что „Отечественныя Записки" лучшій журналъ, а „Библіотека", „Сынъ Отечества", „Русскій Вѣстникъ", „Москвитянинъ" — никуда въ сравненіи не стоятъ. Можетъ быть, есть и другія сужденія; но я ихъ не знаю. Я живу больше въ номерѣ и бываю весьма у немногихъ, или, короче, почти ни у кого. Чаще всего вижусь съ Красовымъ. Василія Петровича нѣтъ, а безъ него мы всѣ похожи на тѣни. Брату вашему, сколько силъ моихъ было, все говорилъ, совѣтовалъ, толковалъ на всѣ манеры до самаго конца дней моихъ въ Москвѣ.

Пишете: получивши деньги тотчасъ всѣ долги заплатите въ Москвѣ. Я этого дѣлать вамъ не совѣтую, а прежде бы, кажется, лучше заплатить Комарову и другимъ въ Питерѣ, а тутъ только нужно дать часть Дарьѣ Титовнѣ, а другіе и подождутъ. А живя въ Петербургѣ, сначала надо одѣться порядочно, а потомъ на всякой случай имѣть въ запасѣ сотъ пятокъ, и будетъ на душѣ полегче. Грѣхъ эдакъ, говорятъ, дѣлать; но какъ же быть, когда на деньгахъ нынче все основано. Безъ гроша нельзя нигдѣ ничего подѣлать.

Я добылъ „Элегію" Пушкина на смерть Грибоѣдова. Если бы можно было напечатать, было бы славно, хоть бы съ выпускомъ нѣсколькихъ стиховъ въ срединѣ. И если вы ее не читали, ну я ее посылаю для васъ. Увѣряютъ, что она нигдѣ не была напечатана, и немногимъ извѣстна; такъ или нѣтъ, а я ее вамъ все-таки посылаю . .
. . . .

У Степанова взялъ я „Наблюдатель", теперь онъ у меня весь. Читалъ въ немъ ваши статьи; но какія! чудо, какъ хороши! На „Уголино" Полеваго—образцовая вещь! Читая ихъ, мнѣ все приходило на умъ: современемъ кое-что въ нихъ поправить и кое-какія, получше, собрать и напечатать отдѣльною книгой; — было бы хорошо. У насъ подобныхъ изданій еще нѣтъ; я полагаю, нѣсколько статей прочесть въ одной книгѣ разомъ — для молодыхъ людей было бы полезнѣе, чѣмъ прочесть сто книгъ. Можно изъ номеровъ ихъ вырвать и собрать въ одну книгу. Но тутъ много затрудненій: или другіе не всѣ номера и годы и журналы получали, гдѣ онѣ напечатаны, или другіе вовсе ихъ не получали. А то—въ одной книгѣ и всѣ вмѣстѣ: и можно купить всегда, и можно прочесть всѣ вдругъ. А у насъ, кажется, много еще пройдетъ времени, пока кто-нибудь начнетъ [читать] подобныя вещи, не какъ критики, но какъ отдѣльно ученыя статьи, т. е. разбирая лучшія произведенія домашней словесности и образцовыя произведенія другихъ литературъ. Да когда это будетъ?—Мы не доживемъ. „Москвитянинъ", кажется, весьма желаетъ услышать судъ „Отечественныхъ Записокъ"; но я говорилъ, что „Записки" едва ли объ немъ что-нибудь скажутъ, и что онѣ войну вести съ „Москвитяниномъ" едва ли и будутъ.

Напрасно вы Савельеву говорили, что вы отъ „Отечественныхъ Записокъ" отказались. Это вездѣ разнеслось: вы человѣкъ сдѣлались теперь такой, котораго втайнѣ всѣ любятъ и боятся. Ваши мнѣнія всѣ читаютъ, и они стали приговоромъ; противъ нихъ скоро никто выйти не захочетъ, да и не сможетъ. Ну, а въ случаѣ, если вы себѣ сломите шею, то многіе будутъ очень рады, и въ ихъ сожалѣніи будетъ выражаться душевная радость. На васъ глаза всѣхъ обращены, и ваше мѣсто торжественно и шатко. Одно мнѣ больше всего у васъ нравится, особенно теперь, что вы можете безпощадно мстить людямъ за ихъ эгоизмъ, особенно гнили стараго вѣка. Они всѣ стоятъ на важныхъ ступеняхъ, а пользы отечеству [отъ нихъ] ни на алтынъ. Они чужое право присвоили себѣ. Если человѣкъ завладѣлъ общимъ интересомъ, то и выполняй дѣло, какъ оно требуетъ, или откажись, или передай его другимъ, когда нѣтъ силъ дѣлать пользу; а кто употребляетъ для себя одного — тотъ дрянь!

Нельзя ли Полякову поговорить, чтобы онъ прислалъ мнѣ „Пантеонъ", а за пересылку я бы ему выслалъ деньги; въ немъ все-таки будетъ много хорошихъ статей; особенно мнѣ имѣть хочется „Ромео и Юлію" Каткова. Будете писать къ Каткову, поклонитесь ему отъ меня.

А „Примиреніе" мое напечатано въ „Наблюдателѣ"; я много номеровъ не читалъ, потому и думалъ, что оно не напечатано. Когда увидите Плетнева, пожалуйста скажите ему, чтобъ онъ его не печаталъ.

Во второмъ письмѣ вы назвали меня своимъ другомъ; не насмѣшка ли это? Вѣрю отъ души, что вы надо мной смѣяться не захотите; но, Виссаріонъ Григорьевичъ, надо быть здѣсь особенно

откровеннымъ. Я этого имени не стою и не заслужилъ, и не оправдаю, кажется, его передъ вами никогда. Другъ — дѣло великое; я только сознаю все значенie этого слова, но овладѣть и усвоить его у меня въ душѣ силъ такихъ и столько нѣтъ. Съ нѣкотораго времени я сознаю яснѣе, что душа у меня груба, и если есть въ ней чувство, то его не такъ въ ней много, и оно тепло, но не горячо, а для дружбы надо чувство чистое и горячее. Если Богъ мнѣ дастъ устроить свои дѣла, прiѣду въ Петербургъ, поживу съ вами; тогда увидите лучше, и я ужъ покажусь вамъ весь на распашку, съ хорошими и дурными сторонами.

Не знаю, чтȏ я буду дѣлать въ Питерѣ, но все мнѣ почему-то быть книгопродавцемъ не хочется. Торгашъ — мерзкое слово, гадко шумитъ въ ушахъ. Если бъ воля, — поѣхалъ бы по Россiи, проѣздилъ бы хоть годъ. Вотъ чего всей душой хотѣлъ бы я; но это все впереди. Прощайте. Всего вамъ желаю больше, чѣмъ себѣ. Алексѣй Кольцовъ.

55. Кн. П. А. Вяземскому.

1 марта 1841 г. Воронежъ.

Ваше сiятельство, князь Петръ Андреевичъ! Дѣло мое въ седьмомъ департаментѣ Правительствующаго Сената кончилось, хотя не совсѣмъ еще, но все-таки, слава Богу, хорошо; по крайней мѣрѣ и остановилося взысканiе на время, и дана возможность оправдать себя. Письма ваши мнѣ помогли какъ нельзя лучше, а безъ нихъ я ровно бы самъ собой ничего не сдѣлалъ; съ ними всѣ меня приняли довольно ласково, выслушали мою просьбу, и всѣ судьи мои вообще захотѣли помочь мнѣ и помогли. Вамъ, добрый князь, я обязанъ снова; вы, какъ духъ-защитникъ притѣсненныхъ, даете руку помощи людямъ безпомощнымъ и помогаете имъ и словомъ и дѣломъ. Благодарю, колѣнопреклоненно благодарю васъ, за всѣ сдѣланныя вами мнѣ благодѣянiя. Не подумайте, ваше сiятельство, что я, притворно изгибаясь и подличая вамъ на однихъ словахъ, только льстилъ бы вамъ. Нѣтъ, вы сдѣлали для меня то, чего не сдѣлалъ мнѣ никто на свѣтѣ. Дѣла моего отца были такъ дурны, что ихъ поправить безъ васъ никогда бъ ничѣмъ не могъ, я бы ихъ вѣчно бъ не поправилъ. Полицiей настоятельно требовали деньги, а денегъ не было, взять было негдѣ, а она и знать этого не хотѣла, ей вынь да положь. Просилъ людей помочь бѣдѣ,—людямъ чужая нужда смѣшна, всякъ живетъ для себя, и всѣ заняты своей заботой; а что другимъ плохо — имъ дѣла нѣтъ.

Теперь, слава Богу, положенiе наше стало лучше, и я началъ дышать свободнѣй. Теперь и въ наше семейство стала приходить порою мирная радость, и начало уже въ немъ показываться небольшое довольство. Часто я по цѣлымъ часамъ смотрю на отца, на мать, на сестру; ихъ жизнь какъ-то идетъ теперь полнѣе, лица не омрачены печалью, время проходитъ незамѣтно, и я радуюсь, какъ ребенокъ. И всѣмъ этимъ обязаны мы вамъ, ваше сiятельство, однимъ вамъ. Благодарю

васъ, тысячу разъ благодарю; вы сдѣлали для меня много, и я никогда этого не забуду. Душою любящій васъ, покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

Какъ пріѣхалъ въ Москву, тотчасъ же порученія ваши выполнилъ. Доктору Іовскому сказалъ о положеніи его дѣла, книгопродавцу Кузнецову о книгѣ, княгинѣ Щербатовой вашъ подарокъ доставилъ; она была чрезвычайно рада, искренно благодаритъ ваше сіятельство за него и за память о ней.

56. В. Г. Бѣлинскому.

1 марта 1841 г. Воронежъ.

Тысячу разъ, милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ, простите меня за ничѣмъ неизвинительное молчаніе, и долгое, и неумѣстное! Что жъ дѣлать? — виноватъ и опять виноватъ, и только. Положимъ, въ Москвѣ я жилъ послѣднее время дурно, грустно, гадко; какая-то дрянь убивала мою душу. Ну, а въ Воронежѣ? — Это другое дѣло, о Воронежѣ послѣ... Этотъ бездушный городишко прислужился мнѣ вдругъ чертовски, и онъ теперь имѣетъ ужъ для меня другое значеніе. Но о Воронежѣ послѣ.

Въ Москвѣ я прожилъ до второва дня масляной; насилу выбрался. Писалъ къ старику о деньгахъ, онъ не прислалъ; ѣхать было не съ чѣмъ, спасибо одному человѣку — вызволилъ, и я давай Богъ ноги. Дѣло мое тамъ кончилось весьма порядочно. Дома послѣ меня дѣла у старика шли дурно, онъ больше ничего безъ меня не дѣлаетъ, какъ разстраиваетъ послѣднее состояніе, и я принялся снова по-здорову улаживать дѣла, которыя, сказать по совѣсти, не очень веселы, и кажется, я съ ними провожусь полгода. А о выѣздѣ моемъ въ Питеръ прежде года нечего и думать; дай Богъ въ годъ управиться! Да и то, если поѣду, — безо всякихъ средствъ, развѣ можно будетъ взять тысячу рублей: что было, все убито чисто: нескладно, мелко и тѣсно.

Однако жъ я не горюю, привыкъ, стерпѣлся, большія горы перешелъ, маленькія не такъ стали страшны. По силѣ мочи тружусь и живу, и живу чертовски хорошо; такъ живу, какъ никогда не жилъ. Жизнь перемѣнилась, недоступная дверь блаженства растворилась для меня. Одинъ человѣкъ такъ перестроилъ весь Воронежъ, весь міръ, весь свѣтъ, всего меня. Откуда и какъ все это пришло и сдѣлалось, и самъ еще хорошенько не знаю. Много лѣтъ небосклонъ мой покрывала черная безразсвѣтная туча пустоты, горя, заботъ; — и не было ужъ у меня ни одной надежды, ни одного желанья; все и вездѣ одно и одно: ничто. И я привыкъ къ этому „ничто“ и со всѣмъ распрощался, и на все окружающее махнулъ рукой; все свое считалъ чужимъ, и, признаюсь, на смерть и на ничтожество я уже начиналъ посматривать довольно благосклонно, и уже видѣлъ тамъ, въ нихъ порою часть себя. Но все прошло, какъ сонъ передъ чудеснымъ сномъ дѣйствительности.

Въ Воронежѣ у меня была одна знакомая женщина, знакомая давно; и я ее любилъ, но молча, но такъ, какъ любимъ мы душою милыя созданія. Ухаживалъ за нею года два „безмолвно, безнадежно". Я ей изъ Москвы и изъ Питера писалъ много писемъ; въ отвѣтъ ни пол-строки. Пріѣзжаю домой, являюсь къ ней, — и словомъ: мы съ ней сошлись. Надо вамъ знать сначала, что это за женщина: чудо! Съ меня ростомъ, брюнетка, стройна до невѣроятности, хороша чертовски, умна, образована порядочно, много читала, думала, страдала, кипѣла въ страстяхъ. Голубые большіе глаза, черныя брови, тѣло — мраморъ, темнорусые волосы, коса — шелкъ, дивная коса, ножки лучшей нѣтъ въ Воронежѣ, и — что больше — она меня немножко любитъ . . . .

Всю жизнь мою я не жилъ такою жизнью: ни дня, ни минуты; а если и жилъ, то когда-то давно, въ огнѣ первой юности, и то, можетъ быть, жилъ тогда такъ, потому что сама кровь была кипяткомъ. Теперь и эта полуостывшая холодная кровь закипѣла бывшимъ огнемъ, но пламеннѣй, но этотъ огонь продолжительнѣй. Этому наслажденію конца нѣтъ; я весь утонулъ въ блаженствѣ до самозабвенія, до изступленія. Она въ одну минуту сдѣлала изъ меня другова человѣка, и я ужъ не на шутку боюсь за себя. Теперь буду писать къ вамъ чаще: есть о чемъ писать. Порадуйтесь моей радости; на томительномъ полднѣ моей жизни засвѣтила, наконецъ, и для меня звѣзда блаженства. О другомъ я писать теперь ничего не могу, и другого, кажется, ничего у насъ особеннаго нѣтъ.

„Отечественныхъ Записокъ" номеръ весьма хорошъ, я видѣлъ его еще въ Москвѣ, но не читалъ. Здѣсь въ Воронежѣ еще не видалъ. Второй у насъ еще не полученъ. Андрей Александровичъ что-то поскупился: нынче годъ не присылаетъ мнѣ „Записокъ" и, вѣроятно, не пришлетъ. Я это отношу къ тому, что дѣла журнала, несмотря на ваши увѣренія къ Боткину, все таки идутъ дурно. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, а у насъ всѣ въ одно слово говорятъ теперь, что „Отечественныя Записки" — самый лучшій журналъ. Самые поклонники „Библіотеки" на сторонѣ „Записокъ". И ваши мнѣнія о Марлинскомъ, наконецъ, принимаютъ за святую истину, что́ меня порадовало.

Скажите, пожалуйста, Андрею Александровичу: отчего такъ запаздываютъ „Записки", и не всѣ получаютъ въ одно время. Одни получили недавно 1 №, а другіе еще не получали до сей поры; а 2 № еще никто не получалъ. „Пантеонъ" первый № тоже еще не получали, а недавно пришелъ прошедшій, за прошлый годъ; а между тѣмъ „Библіотеки" и „Сына Отечества" получены и другіе номера; „Русскій Вѣстникъ" и „Москвитянинъ" — также. Ужъ нѣтъ ли какой тутъ съ чьей-нибудь стороны штуки? Явно, что ихъ гдѣ-нибудь удерживаютъ. Первый № „Современника" я давно получилъ.

Будете у Полякова, хорошенько побраните за „Кота-Мурра", и если есть у него квитанціи, возьмите и пошлите Боткину; онъ передастъ Кетчеру. А буде не отдастъ, то возьмите съ него за 18 экзем-

пляровъ деньги, по 14 руб. за экземпляръ. Стыдно мнѣ было передъ Кетчеромъ; отдался я дураку себя обмануть. Что будешь дѣлать съ петербургскими книгопродавцами? Честные люди, честнѣй цыганъ во сто разъ.

Если нынче дурно кончилась подписка на „Отечественныя Записки", то надо Андрею Александровичу всѣ силы употребить дотащить этотъ годъ аккуратно; а на будущій годъ, я головою ручаюсь, подписка увеличится. Другихъ журналовъ я еще почти не видалъ, кромѣ первыхъ номеровъ „Библіотеки", „Русскаго Вѣстника", „Современника", „Сына Отечества", „Москвитянина". О нихъ и говорить нечего, кромѣ „Русскаго Вѣстника": первый номеръ очень хорошъ; расположены и собраны статьи, каждая на своемъ мѣстѣ, и каждая по своему можетъ заинтересовать; а другой номеръ, я видѣлъ объявленіе, будетъ гадость гадостью. Владиславлевъ прислалъ мнѣ альманахъ, съ надписью и кудрявой, и льстивой; но все-таки спасибо за него, картинки прелесть какъ хороши.

Теперь не читаю ничего, да и некогда — не то въ головѣ, другая книга. . .

Писать — ничего не писалъ, какъ-то не хочется, и если что и напишу, то напишу для васъ. Отнынѣ вамъ однимъ посвящаю мой досугъ, а все другое — какое то грустное впечатлѣніе оставило въ душѣ. Но чтó напишется, то тотчасъ къ вамъ пришлю.

Теперь скажите, какъ вы поживаете? Что у васъ новаго? Какъ Марья Ивановна? Какъ дѣла матерьяльныя? Плохи? Я думаю, теперь они ужъ поправились. Напишите; они меня больше всего заботятъ. Что пишетъ Катковъ? Будете писать къ нему,—поклонитесь отъ меня низко. Развязались ли какъ нибудь съ своими служителями? Какъ живетъ Кирюша? обѣщался писать и не пишетъ. Поклонитесь Языкову, Панаеву, Комарову. Я ихъ люблю все такъ же. Въ одномъ пакетѣ я вложилъ письмо къ Андрею Александровичу и Ѳедору Алексѣевичу Кони. — Кони прошу прислать мнѣ „Пантеонъ", если нельзя за сей годъ, хоть за прошлый; это, я думаю, ему не очень много будетъ стоить. Ужъ за одну подлость Полякова стоитъ взять журналъ.

О чемъ бы вамъ еще написать, про что спросить? — ей Богу и самъ не знаю. Что придетъ въ голову,—буду писать еще. Еще разъ, Бога ради, простите за долгое молчаніе и не сердитесь; право не могу никакъ справиться съ собой, особенно въ ту пору, когда идутъ дѣла не такъ, какъ хочется. Много прошло, повѣрьте, дней въ сожалѣніи, что не могу ѣхать въ Петербургъ. Интрижка не удержитъ, дѣла держатъ. Я ей говорилъ о своей поѣздкѣ, она сама со мной готова бросить въ Воронежѣ все и ѣхать въ Питеръ съ радостью. Вотъ бы хорошо: двое насъ и хорошая женщина третья — зажили бъ на славу. А я знаю напередъ, что она бы вамъ понравилась.

Всею душою любящій васъ, больше чѣмъ любящій, Алексѣй Кольцовъ.

57. А. А. Краевскому.

1 марта 1841 г. Воронежъ.

Добрый и любезнѣйшій Андрей Александровичъ! Дѣла мои черезъ поѣздку въ Москву и Петербургъ на этотъ разъ нисколько не улучшились, а значительно похужѣли. Дѣло, которое было въ Питерѣ, я проигралъ, и съ нимъ проигралъ я все, какъ оказалось теперь. Дѣло, которое было въ Москвѣ, я выигралъ, но оно ничего мнѣ не дало, кромѣ только улучшило отношенія мои съ полиціей, — по крайней мѣрѣ, она меня теперь не будетъ тѣснить. Искъ былъ въ пять тысячъ; онъ на время сложенъ. А выиграй я дѣло въ Питерѣ, я бы за него сейчасъ въ Воронежѣ взялъ денегъ десять тысячъ: дѣло мое и деньги были бы у меня.

А старикъ отецъ послѣ меня велъ дѣла торговли гораздо хуже прежняго, и я долженъ по крайней мѣрѣ провозиться съ ними годъ, чтобы привести ихъ опять въ порядокъ. Ты на гору,—чортъ за ногу! Поэтому я къ вамъ, какъ говорилъ, къ осени пріѣхать не могу; а если и поѣду, то не ближе года, — и то ѣхать съ деньгами не могу; много-много, если удастся взять съ собой денегъ тысячу рублей. Что буду съ ними дѣлать, — не знаю! Съ тысячью рублей будь человѣкъ о семи головъ — и тотъ купецъ не слишкомъ большой величины. Предположеніе и дѣйствительность — двѣ вещи несовмѣстимыя, особенно у меня, вѣчно между ними разлады. Или я не успѣю справиться съ ними, или въ такомъ поставленъ я положеніи, — не знаю. Жаль только, что взялъ у васъ напрасно реестръ книгамъ: лежитъ безъ дѣла; будетъ оказія, перешлю вамъ его обратно.

Какова то на нынѣшній годъ кончилась у васъ подписка на вашъ журналъ и какъ объ немъ думаютъ въ другихъ мѣстахъ? А у насъ въ городѣ общее мнѣніе на сторонѣ „Отечественныхъ Записокъ", и самые закоренѣлые поклонники „Библіотеки" стали читать „Записки" и предпочитать для нихъ „Библіотеку". О „Сынѣ Отечества" и „Москвитянинѣ" и говорить нечего. Если нынѣшній годъ подписка была и не вполнѣ хороша, то вамъ непремѣнно надобно вести журналъ аккуратно. Я головой могу поручиться, что на слѣдующій годъ она значительно увеличится; это должно быть непремѣнно такъ; возстановился кредитъ „Отечественныхъ Записокъ", и до того упало мнѣніе о другихъ журналахъ.

Только одно странно! У васъ номера выходятъ аккуратно, а у нихъ нѣтъ; но вашу первую книжку кой-кто недавно получили, а кой-кто еще не получали, а о другой и помину еще нѣтъ. „Пантеона" недавно тоже послѣднія книжки получены за прошлый годъ, а первой этого года еще не получили. Другіе же журналы всѣ получены въ свое время аккуратно; ужъ нѣтъ ли какихъ-нибудь, съ чьей-нибудь стороны, хитростей? Впрочемъ, можетъ быть вамъ это извѣстно, и вы знаете причину; но все-таки, — знаете ли вы, не знаете,—а мой долгъ сказать вамъ объ этомъ. Въ Москвѣ же первая книжка „Отечественныхъ Записокъ" получена была ужасно скоро.

Теперь моя къ вамъ просьба. Если можно вамъ и не слишкомъ будетъ затруднительно, то пришлите мнѣ „Отеч. Записки“ и на сей годъ. Я потому прошу васъ, что думаю: не посылаются ли они ко мнѣ, и не получаетъ ли ихъ кто другой, вмѣсто меня. Если вамъ это сдѣлать почему-нибудь невозможно, — ну, не надо: я ужъ буду какъ-нибудь перебиваться около людей.

Аннѣ Яковлевнѣ покорно васъ прошу передать низкое почтеніе. Искренно почитающій, уважающій и любящій васъ, вашъ покорнѣйшій Алексѣй Кольцовъ.

58. Ѳ. А. Кони.

Воронежъ. 1 марта 1841 г.

Милостивый государь Ѳедоръ Алексѣевичъ! По порученію Николая Христофоровича Кетчера я взялъ въ Петербургѣ у Песоцкаго 18 экземпляровъ „Кота Мурра“, оставилъ ихъ въ лавкѣ Василья Петровича Полякова. Онъ взялся ихъ переслать въ Москву къ Кетчеру, и до сихъ поръ не посылаетъ; но хочетъ ли послать, или онъ ихъ удержалъ у себя, или продалъ, — не знаю. Впрочемъ, и послѣднее сдѣлать — его достанетъ. Пусть онъ ведетъ себя, какъ знаетъ: это его дѣло; но мнѣ-то каково было въ Москвѣ передъ Кетчеромъ? — „Взялъ?“ — Взялъ. — „Гдѣ жъ они?“ — У Полякова. — „Зачѣмъ?“ — Онъ ихъ хотѣлъ вамъ отослать. — „Я не получилъ“. — Получите. — „Да скоро ли?“ — Скоро. — А ея нѣтъ. Ужасно гадко.

Я писалъ къ Виссаріону Григорьевичу; онъ говорилъ Полякову. Поляковъ сказалъ: „послалъ и квитанцію имѣетъ“. А квитанціи не отдалъ; да, вѣрно, ея и нѣтъ у него, а будь, отчего же бы ее не передать? На что ему она? И вотъ, наконецъ, хоть и не ловко, но рѣшился просить васъ; пожалуйста, скажите Полякову, если онъ не послалъ Кетчеру „Кота Мурра“, чтобы послалъ, а буде продалъ, чтобы по крайней мѣрѣ отослалъ ему за нихъ деньги. Я знаю, вы съ нимъ умѣете управляться и ска́жите по-своему такъ, что онъ тотчасъ выполнитъ. Да другая моя къ вамъ просьба, Ѳедоръ Алексѣевичъ, вотъ какая. Нельзя ли мнѣ какъ-нибудь прислать, если не на сей годъ, „Пантеона“, то хоть за прошлый годъ. Вѣдь, вѣроятно, Поляковъ ихъ печаталъ лишнее количество экземпляровъ, сколько было подписчиковъ. И эти лишніе экземпляры, вѣрно, лежатъ въ кучѣ такъ. Если бы можно было хоть одинъ первый номеръ за сей годъ. Въ немъ, я слышалъ, напечатано *„Ромео и Юлія“, переводъ Каткова.* Я эту драму чертовски люблю. Пріобрѣсти ее весьма хочется. Я бы и выписалъ его, но мои средства не совсѣмъ на это соглашаются. За помѣщеніе въ „Литературной Газетѣ“ и „Пантеонѣ“ моихъ піесокъ благодарю, и если вамъ угодно, я еще вамъ нѣсколько пришлю. Да скажите пожалуйста, отчего у насъ, въ Воронежѣ, „О. Записки“ и „Пантеонъ“ получаются такъ дурно. „О. Записки“ до этихъ поръ кой-кто получилъ первый номеръ и кой-кто еще не получили. А втораго еще и слуха нѣтъ. „Пантеонъ“ послѣднюю

книжку за прошлый годъ получили недавно, а первой не получали, и между тѣмъ „Библіотека", „Сынъ Отечества", „Русскій Вѣстникъ", „Москвитянинъ", „Современникъ" давно получены въ свое время аккуратно. Это позднее получаніе немножко вредитъ вашимъ журналамъ; если бы они опаздывали выходомъ, а то, по объявленіямъ, выходъ ихъ идетъ весьма аккуратно. Гдѣ жъ они задерживаются?

Съ почтеніемъ, уважающій васъ Алексѣй Кольцовъ.

Адресъ мой: Въ Воронежъ, Алексѣю Васильевичу Кольцову.

59. А. Н. Черткову.

[Мартъ 1841 г.].

Любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ! Насилу далъ Богъ храбрости одолѣть этого гадкаго идіота Галича. Слѣдовало бы его и его творенія на костеръ — да и сожечь. Извините, что долго продержалъ. Начнешь читать — сонъ. Не прочтя отослать—стыдно не одолѣть дряни. Вы были у меня, — не застали. Я и зналъ, что вы будете, и ждалъ васъ, да прислали нечаянно за мной изъ одного дома, для дѣла, по которому не быть мнѣ никакъ нельзя. Послѣ заходилъ къ вамъ мимоходомъ, шляясь по солнечному утру, извиниться. Не засталъ. Теперь я дома, пока дурна погода. Пошла ростепель, боюсь выходить. Когда будете свободны и имѣть желаніе быть у меня, очень буду радъ. Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь почитать изъ журналовъ, „Репертуара" или „Пантеона"? Скучно; тяжелаго читать нельзя. Есть, — одолжите пожалуйста. Уважающій васъ Алексѣй Кольцовъ.

Если есть „Москвитянинъ", дайте и его.

60. Кн. В. Ѳ. Одоевскому.

22 марта 1841 г. Воронежъ.

Ваше сіятельство, любезный князь Владиміръ Ѳедоровичъ! Наскучилъ я вамъ своими просьбами, или нѣтъ, угодно ли вамъ быть моимъ покровителемъ, или неугодно, — не знаю самъ. Имѣя нужды, лѣзу съ ними къ вамъ, прошу васъ. Да и кого жъ мнѣ больше просить о нихъ? У меня, кромѣ васъ, князя Вяземскаго и Василія Андреевича Жуковскаго, никого нѣту, кому бы могъ передать ихъ такъ, какъ вамъ. Кто, кромѣ васъ, былъ и будетъ ко мнѣ такъ снисходителенъ, какъ вы? Не одинъ мѣсяцъ, а годы, — цѣлые годы подтвердили эту истину. Каковы вы были ко мнѣ въ первый, точно таковы же остались и въ послѣдній разъ: хороши, ласковы и добры. Василій Андреевичъ Жуковскій, бывши у насъ въ Воронежѣ, просилъ обо мнѣ нашего губернатора Лодыгина; по его просьбѣ Лодыгинъ былъ ко мнѣ всегда хорошъ, дѣлалъ мнѣ много добра. Кой-какіе люди, Богъ знаетъ изъ чего, на всякомъ шагу дѣлали мнѣ непріятности; но подъ защитою Лодыгина, наконецъ, дѣлать ихъ мнѣ перестали, и все у насъ съ ними пошло мирно и покойно.

Теперь Лодыгина нѣтъ, а вмѣсто его, какъ говорятъ, будетъ у насъ губернаторомъ генералъ-маіоръ Молоствовъ, который былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ надъ Оренбургскими казаками. Онъ теперь еще въ Петербургѣ. Я васъ покорнѣйше прошу, ваше сіятельство, попросить Молоствова, чтобы онъ меня принялъ подъ свою защиту. Если этого вамъ сдѣлать будетъ нельзя, то прошу васъ пришлите мнѣ къ нему письмо. Я прошу васъ не ради того, чтобы черезъ губернатора выиграть что-нибудь подлымъ образомъ, — я не способенъ на подобныя штуки, — а чтобы, въ случаѣ нужды, я имѣлъ возможность пойтить къ своему начальнику и объяснить ему: что̀? и отчего? и чѣмъ помочь? Ручаюсь вамъ напередъ, что я вашу рекомендацію собой не очерню; и прежде не имѣлъ я буйнаго характера, а теперь и вовсе сталъ смотрѣть на наши дѣла житейскія и холодно и спокойно.

То дѣло, по которому я ѣздилъ въ Петербургъ и которымъ безпокоилъ васъ много разъ, совершенно изгажено. Киселевъ не захотѣлъ сдѣлать ничего, и я потерялъ съ этимъ дѣломъ пять тысячъ рублей. Можно было бы его и теперь еще поправить, если бъ въ нашей палатѣ былъ управляющій хорошій человѣкъ. А то, вы знаете ужъ его, что я объ немъ вамъ говорилъ;—онъ таковъ и есть; и дѣла идутъ по прежнему: не лучше— а хуже. Жаль, что я не выпросилъ у васъ къ нему письма; — я бъ сходилъ бы къ нему разъ шесть, посмотрѣлъ бы этому праведнику въ глаза поближе. Но знать, Богъ имъ судья! Кто боленъ отъ природы, того вылѣчить, видно, ничѣмъ нельзя.

Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ искренно васъ любящій и уважающій, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

61. **В. Г. Бѣлинскому.**

25 марта 1841 г. Воронежъ.

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Браните вы меня, что долго я къ вамъ не писалъ. И какъ не бранить, не сердиться; сколько времени прошло, какъ я оставилъ васъ, а сколько писемъ написалъ — стыдно сказать. Человѣкъ—воздухъ, мечты, желанья—имъ нѣтъ границъ, а дѣйствительность—грязная земля, груба и тяжела; и горе,— кто враждуетъ съ нею, и счастливъ, кто побѣдитъ ее, и умеръ тотъ, кто уступитъ ей. Давно я началъ этотъ бой, долго бился съ ней, и чуть-чуть она меня не срѣзала; но, видно, еще не судьба моя, не время еще паденья.

Живя въ Москвѣ, кончивъ порядочное дѣло, писалъ къ отцу объ немъ, и отъ него получилъ письмо — гадкое письмо. Но я бы ему не повѣрилъ,—но оно мнѣ лишь объяснило то, что̀ у него было замѣтно давно. Оно меня убило, до того убило, что я потерялся весь, и больше мѣсяца прожилъ въ Москвѣ безъ всякова дѣла; не зналъ, что̀ дѣлать, на что̀ рѣшиться: нищенствовать ли? оставаться въ Москвѣ, или ѣхать къ вамъ въ Питеръ, или въ Воронежъ? Но при одной мысли ѣхать

въ Воронежъ грусть убивала душу; и чортъ знаетъ ужъ какъ собрался и поѣхалъ.

Дома отецъ принялъ меня холодно; послѣ, дня черезъ два, затѣялся у насъ съ нимъ разговоръ, въ которомъ, какъ сынъ и человѣкъ, я высказалъ ему все. Но это все мнѣ нисколько не помогло, а только усилило мою къ нему ненависть; онъ такъ былъ въ эту пору гадокъ, низокъ и пошлъ, что вы гаже его не можете себѣ представить человѣка. Подробно всего не хочу вамъ разсказывать, — долгая исторія, — и она меня нестерпимо мучитъ. Я потерялъ къ нему съ тѣхъ поръ всякое уваженіе; онъ на меня смотритъ, какъ на человѣка подозрительнаго и мѣшающаго ему дѣйствовать по произволу.

Я молчалъ и страдалъ мучительно, убійственно невыносимо; и силы мои какъ-то начали мнѣ измѣнять. Въ тѣлѣ оказалась слабость, грудь начала болѣть больше, и я думалъ, что эти непріятности и безнадежность на будущее, и своевольное уничтоженіе собственныхъ своихъ силъ могутъ скоро и вѣрно дѣйствовать разрушительно. И у меня оставалось одно: если силы вынесутъ это состояніе, то хоть пѣшій, но къ вамъ; и что̀ бы ни случилось со мною впереди,—ничего: рѣшимость каменная напоръ воды удержитъ.

И вотъ въ этомъ-то гадкомъ, болѣзненномъ состояніи я писалъ къ вамъ изъ Москвы письмо, о которомъ весьма теперь жалѣю; это сдѣлалъ я нехорошо. Гадкую пору жизни всегда надо убивать въ самомъ себѣ, не передавая ее другимъ, особенно людямъ тѣмъ, которыхъ любишь. Въ Москвѣ удержался; Василію Петровичу однажды намекнулъ слегка — и только. Ну, ужъ чортъ знаетъ, какъ хотѣлось сказать кому-нибудь о себѣ хоть слово, — и сказалъ его вамъ: и дурно сдѣлалъ—васъ оно потревожило; вы человѣкъ такой, который или ото всей души презираете, или всей душой принимаете радость и горе. Впредь буду умнѣй; да думаю, что впереди такихъ горестей со мною и не случится.

Помню, была у меня подобная болѣзнь во время оно, назадъ тому 10 лѣтъ, когда я въ первый разъ полюбилъ и бѣшено и безумно, и кончилъ исторію плохо для нея и въ тысячу разъ хуже для себя. Но то время прошло, пережилось и забылось; такъ и теперь: самая дрянь прошла, болѣзни нѣтъ. У меня такая натура: сначала—чортъ знаетъ какъ—убьетъ ее горе; потомъ пройдетъ, забудется—и навсегда. Можетъ быть, я бы еще и теперь былъ въ томъ же состояніи, но нечаянно мнѣ помогла изъ него выйти одна женщина; объ ней я къ вамъ ужъ писалъ; я думаю, это письмо ужъ получили. Я ей много обязанъ, она встрѣтилась со мной именно въ ту пору, когда была она всего нужнѣй. За то что̀ за женщина — дьяволъ сущій! . . .

Кажется, я отъ этой женщины скоро не откажусь; самъ я этого ни за что въ свѣтѣ не сдѣлаю,—скорѣй готовъ погибнуть, чѣмъ оставить ее,—развѣ она развяжетъ этотъ узелъ. Не знаю, сумѣю ли я ей отвѣчать долго; ея фантазія слишкомъ капризна и прихотлива: каждый день ей нужна пища — увлекай ея фантазію: она ребенокъ; не увлекай — прощай. Ей нужна вседневная пища, она все живетъ въ

идеальномъ мірѣ. Вещественность для нея вещь ничтожная; она на вещи смотритъ сквозь призму своихъ фантазій; куда желанія влекутъ, туда она слѣдуетъ: къ погибели ль — ничего. Но у ней въ натурѣ не лежитъ глубокое чувство; она все понимаетъ, но понимаетъ одну цвѣтистую внѣшность. Вдова, не связана никакимъ условіемъ, свободна какъ воздухъ. Вчера былъ у ней, чудо какъ она была хороша! Много сторонъ у ней есть прекрасныхъ, человѣческихъ. Она можетъ обезумить и не меня: не даромъ весь Воронежъ волочился за нею. И не счастье ли принадлежать такой женщинѣ. Если я поѣду въ Питеръ, и захочу,—она поѣдетъ со мной. „Куда хочешь—всюду готова". Какъ у насъ съ ней пойдетъ дальше, буду писать. Но будь, чтò будетъ, по крайней мѣрѣ я ей обязанъ въ настоящую пору весьма многимъ; она возродила меня снова къ жизни, и я теперь началъ жить лучше. Въ душѣ такая полнота.

Одна забота, объ одномъ грущу, что не могу еще ѣхать въ Петербургъ. Смерть какъ хочется уѣхать къ вамъ скорѣй. Воронежъ въ глазахъ моихъ потерялъ всякое значеніе. Чтò въ немъ у меня своего? чего жаль? кто есть, о комъ бы пожалѣть? Никого; свои — чужіе, чужіе — статуи, безъ духа и жизни. Отецъ — человѣкъ копѣечной, алтынникъ. Куй я ему денежку — славный сынъ; подличай — прекрасный человѣкъ. Мать — простая женщина, съ которой можно жить — и не жаль оставить. Сестра — я любилъ ее прежде; но она какъ-то перемѣнилась, и я понимаю ея положеніе. По обстоятельствамъ ей должно перемѣниться; она купается въ родномъ болотѣ и должна въ немъ утонуть; и все, что я пробудилъ въ ней, по необходимости должно снова заснуть. Женщины — цвѣточки; поливай ихъ роса и дождь — онѣ цвѣтутъ; а грѣй одно солнце—засохнутъ.— Она, да, она ѣхать можетъ со мной, куда угодно; весь Божій свѣтъ для нея одинъ роскошный храмъ. За будущее не ручаюсь, а теперь по крайней мѣрѣ такъ...

Ну, о другомъ. Съ отцомъ моимъ я пока кончилъ вотъ какъ: жить въ Воронежѣ все лѣто, заниматься дѣломъ, начать новую стройку въ домѣ, кончить ее къ осени, привести домъ въ такое положеніе, чтобы онъ платилъ доходу до семи тысячъ рублей, изъ нихъ онъ согласенъ давать мнѣ въ годъ тысячу рублей, и меня отпускаетъ на всѣ на четыре; иначе съ нимъ дѣлать нечего. Деньги вексельныя согласился заплатить; онѣ меня мучили всего болѣе. Торговать скотомъ не хочетъ— это хорошо. Другихъ условій сдѣлать я съ нимъ не могъ, да и нельзя: все у него въ рукахъ, а у меня по справкѣ оказалось — шишъ. — Хорошо бы, если бъ сдержалъ хоть это слово; онъ такой человѣкъ, что ему перемѣнить его ничего не значитъ. Горе, если онъ меня снова подсѣчетъ. Хотѣлъ съ нимъ ссориться больше, но, ей-Богу, какъ-то я для подобныхъ ссоръ не способенъ; самому передъ собой за него какъ-то неловко, и не хочется во мнѣніи людей себя уронить; хоть оно ничего почти не значитъ, а все дурно; ужъ что принято, заведено — то надобно поддерживать лучше, чѣмъ свою же постройку самому же и ломать. Да и что я съ нимъ сдѣлать могъ лучшаго? Домъ

записанъ за матерью, а кромѣ него у насъ почти ничего нѣтъ. Одно ужасно тягостно: смотришь—кругомъ всего много, старикъ командуетъ, а у тебя нѣтъ гривеника въ карманѣ. При посредственномъ избыткѣ терпѣть крайность невыносимо страшно; но дѣлать нечего—потерплю; много времени прошло ни во что, пусть пройдетъ и еще—такъ и быть.

Живу теперь, однако, я очень порядочно, занимаю въ третьемъ этажѣ на мезонинѣ четыре комнаты: двѣ маленькія, небольшую прихожую, пріемную, другую гостиную и четвертую кабинетъ; комнаты безъ мебели, но свѣжія и чистыя. Получилъ позволенье нанять мальчика, — и будь денегъ малую толику, то жить можно по-христіански. Одинъ, свободенъ, никѣмъ не связанъ, дѣлами торговли занимаюсь мало; много время свободнаго, хоть его и трачу чортъ знаетъ какъ глупо и праздно; но этому я самъ виноватъ, а не кто другой. Чтò дѣлать? Читать ничего не хочется, писать — и подавно; особенно это писаніе на умъ нейдетъ, какъ оно мнѣ опротивѣло. Почему-то жаль, что такъ уходитъ время, и радъ, что ничего не дѣлаю.

Вы говорите, что мои занятія отворили мнѣ двери и тамъ, и сямъ; такъ, это правда — двери отворили, но какъ? — вотъ вопросъ. Не Христа ради ль? Пусть я ошибаюсь въ этомъ, какъ сивый меринъ, но въ этой ошибкѣ нѣтъ ли правды? У меня на повѣркѣ, на расчетѣ строгомъ съ самимъ собой выходитъ все иначе.

Если литература дала мнѣ что-нибудь, то именно вотъ что: я видѣлъ Пушкина, жилъ долго съ Сребрянскимъ, видѣлъ Станкевича, много захватилъ добра отъ васъ и полюбилъ васъ; знаю Щепкина, Мочалова; обязанъ князю Вяземскому; и много, очень много: не то теперь, что былъ, не тѣмъ буду, чѣмъ бы долженъ быть. Смотрю кое на что иначе, чѣмъ другіе; понимаю вещи, какъ понимаютъ ихъ не всѣ. Между своими братьями я чучело, но чучело другова рода; смѣшонъ, но только между ними. Конечно, это богатство — великое богатство. Въ хорошемъ отношеніи теперь съ Василіемъ Петровичемъ. Все это такъ, всего этого черезчуръ много; нельзя ни за что купить и сотой доли. Я все это знаю. Но, Виссаріонъ Григорьевичъ, я человѣкъ, а у человѣка желаньямъ нѣтъ конца, они вѣчно неистощимы. Положимъ, увлекаться ими вполнѣ не должно; но и остановить ихъ не въ нашей волѣ, они не удовлетворимы; а не имѣть желаній — не имѣть ничего. Я думаю, что ничего несчастнѣе на свѣтѣ нѣтъ, какъ судьба бѣдняка,— и такого бѣдняка, которому добрые люди еще помогаютъ: ничего не жди онъ, ни отъ кого не надѣйся помочи — и дѣлу конецъ; онъ живетъ и терпитъ, и помочи не ждетъ; но кому люди помогли вполовину, тотъ ужъ по закону необходимости ждетъ больше, и его жажды напитать ничѣмъ нельзя. Чиновникомъ я никогда не буду, — эта должность не по мнѣ.

Вы ставите въ примѣръ мнѣ Полеваго. Полевой — спартанецъ, онъ живетъ, какъ жили они, — наслаждаясь природою, занимаясь искусствомъ, и мучили до смерти и безчеловѣчно своихъ илотовъ. Онъ много сдѣлалъ хорошаго, а теперь крадетъ разныя вещи, и хорошій другъ Булгарина. Вы говорите въ письмѣ много отъ души и искренно,

но не сказали всего о моихъ недостаткахъ; эти замѣтки всего нужнѣе, и, пожалуйста, скажите мнѣ ихъ всѣ прямо и откровенно; лучше этого вы ничего мнѣ не скажете. Я теперь самую горькую истину полюбилъ всей душой. Самый желудокъ мой перемѣнился, — вмѣсто сладкова варитъ лучше горькое; маслины прежде я терпѣть не могъ, съ одной рвало меня, а нынѣ я обжираюсь ими и глотаю по полусотнѣ; и если бъ попались на эти зубы устрицы, и съ ними бы церемониться не сталъ. Кислое, горькое, соленое, уксусное сдѣлалось моимъ любимымъ кушаньемъ.

Кланяйтесь отъ меня всѣмъ, кому кланяться можно. Всѣхъ людей, которыхъ я люблю въ Питерѣ, осталось немного, и ихъ въ одну минуту можно перечесть по пальцамъ: вы, Вяземскій, Краевскій, Панаевъ, Языковъ, Одоевскій, Комаровъ — вотъ и всѣ. Простите ради Бога за долгое молчаніе; теперь мое положеніе немного улучшилось, — буду писать больше. Если вамъ не наскучитъ моя исторія съ нею, я готовъ о ней писать много: кромѣ ея писать не о комъ. Какъ я люблю васъ — объ этомъ ни въ концѣ, ни въ началѣ нечего больше и подписывать: люблю я васъ, какъ больше любить никого на свѣтѣ не могу. Алексѣй Кольцовъ.

62. В. Г. Бѣлинскому.

22 іюля 1841. Воронежъ.

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Вы, я думаю, на меня сердитесь чортъ знаетъ какъ жестоко; болѣе трехъ мѣсяцевъ прошло, а я къ вамъ ни слова. Долгое молчаніе досадно и оскорбительно; но выслушайте, какъ это все случилось, и вы на меня не станете сердиться нисколько.

Я, кажется, писалъ вамъ, что изъ Москвы я домой пріѣхалъ какъ чужой. Отецъ принялъ другой характеръ, потому что его дрянныя дѣла всѣ кончены; и какія остались, тѣ ему полиціей не грозятъ, и онъ очень радъ бы былъ, если бы я никогда не пріѣзжалъ. Въ Воронежѣ разнесся слухъ, что я остался въ Питерѣ приказчикомъ съ десятью тысячами жалованья: „Я, говоритъ, услышалъ про это, обрадовался". Послѣ этого у насъ съ нимъ пошли отношенія самыя сухія. Онъ хотѣлъ, чтобы я былъ мальчикъ, его лошадь, безъ гривеника въ карманѣ; я не согласился. Наконецъ, рѣшились побыть мнѣ дома годъ, построить еще домъ, и онъ даетъ послѣ мнѣ каждый годъ по тысячѣ рублей, а жить я буду, гдѣ захочу. Я обрадовался; но послѣ подумалъ: вѣдь онъ поступилъ со мною дурно не разъ, такъ можетъ поступить и теперь. Я сталъ просить тысячу рублей утвердить за мною актомъ; куда! — „не хочешь ли, говоритъ, печенаго рака!" Ну, я и остался жить, ничего не дѣлая, да и дѣла сведены порядочно, такъ что я ему и не нуженъ. Вотъ отношенія мои съ отцомъ. Представьте, до чего меня это взбѣсило и оскорбило; человѣкъ работалъ, работалъ, и уже думалъ жить свободно, а тутъ-то его всего и остригли, — и кто же? отецъ! Вы скажете: ослабѣлъ я, какъ съ нимъ

не поправиться? А какъ поправиться, когда у него все въ рукахъ? Я оселъ, что прежде все къ нему направилъ.

Мать моя, — отъ которой нечего ни ждать, ни требовать. Сестра, дѣвушка была очень порядочная, и много въ ней было прекраснаго, граціознаго, святаго; она кое-какъ почти выучилась по-французски, играть на фортепьянахъ, порядочно пѣла, жила со мною братски. Пріѣзжаю, — она ужъ не та милая дѣвушка, что̀ была, а дѣвушка мѣщанка стала. Фортепьяны брошены, французскій языкъ забытъ, пѣніе затихло. Вмѣсто этого она начала плесть кружева, вышивать шерстью; и она ужасно не рада моему пріѣзду; думала, рѣшительно я остаюсь въ Питерѣ; тогда бы она одна осталась, и домъ былъ бы за ней — подлость, которую я не ожидалъ. Это все вмѣстѣ меня бѣсило, мучило. Въ эту пору встрѣчается эта женщина, о которой я вамъ писалъ

. . . .

По самый отъѣздъ свой изъ Воронежа увѣряла, что она не чувствуетъ, что она больна. Ужасно горько было мнѣ провожать ее: она поѣхала къ помѣщику въ компаньонки, а все изъ того, что у меня денегъ нѣтъ ни гроша; будь въ годъ пятьсотъ рублей — и она бъ жила въ Воронежѣ сколько мнѣ было бъ угодно. Она права, что уѣхала: чѣмъ же ей было жить? Не воздухомъ же питаться. Здѣсь я вполнѣ почувствовалъ свое нищенство. Она поѣхала здоровая, а я остался больной. Къ лѣкарю, — и все прошло; только вслѣдъ за этимъ открывается боль въ груди, потомъ распаденіе во всемъ организмѣ. Убійственная испарина каждую ночь, желудокъ разстроился, открылся кашель желудочный, и я едва-едва уцѣлѣлъ живой — жизнь висѣла ужъ на волоскѣ; но лѣкарь мой увидѣлъ, что худо, послалъ меня на рѣку Донъ купаться. Я тотчасъ отправился за двѣнадцать верстъ отъ города къ родственнику на дачу, и началъ купаться, и купался два мѣсяца съ половиной; однако же, здоровье хотя немного улучшилось, но все еще весьма плохо. Купаться еще не кончилъ, но ужъ вода шибко холодна. Поправлюсь ли? Выздоровѣю ли? — Богъ знаетъ.

Вотъ почему я къ вамъ и никому не писалъ, и ничего не читалъ и не читаю, и ничего не пишу, и не до писанья. Я только теперь и хлопочу объ одной жизни. Придумываю, что̀ бы къ обѣду вмѣстѣ сдѣлать по вкусу, пройду въ кухню, такъ ли дѣлаютъ; пью траву, купаюсь, ѣмъ, сплю, хожу, лежу, ни о чемъ не думая, кромѣ пищи и жизни. Вотъ какъ прошло у меня лѣто. И это письмо къ первымъ вамъ.

Не знаю, получили ли вы письмо, посланное мною въ посту съ однимъ нѣмцемъ; адресъ на имя конторы „Отечественныхъ Записокъ“, а онъ взялъ, да и отдалъ его на городскую почту; получили или нѣтъ, будете писать, пожалуйста увѣдомьте. Съ нимъ вмѣстѣ я послалъ письмо князю Вяземскому и очень важное. Да, пожалуйста, при письмѣ напишите адресъ князя Одоевскаго. „Отечественныя Записки“ получаю исправно. „Современникъ“ присылаетъ Плетневъ, а за что̀, Богъ вѣсть. Выздоровѣю — буду читать; ваши же статьи всѣ до одной прочтены. Вторая статья о Петрѣ Великомъ урѣзана вами много. Что̀

это вамъ вздумалось такъ ее сократить? Болѣе писать не знаю вамъ чтò и о чемъ. Не сердитесь, пожалуйста, за долгое молчаніе. Любящій васъ тѣломъ и душою Алексѣй Кольцовъ.

63. В. Г. Бѣлинскому.

23 октября 1841 г. Воронежъ.

Тысячу разъ, милый Виссаріонъ Григорьевичъ, благодарю васъ за участіе, которое вы такъ искренно принимаете въ моемъ положеніи, и въ которомъ я никогда не сомнѣвался. Ваша благородная натура или любитъ всей душой, или ненавидитъ. Но ваше участіе меня не обрадовало, но опечалило. Я писалъ вамъ обо всемъ, чтò у меня дѣлается и чтò со мною дѣлаютъ, не для того, чтобъ васъ этимъ поразить, убивать и мучить, а потому, что у меня на душѣ мои дѣла отяготѣли, и мнѣ ихъ надо было куда-нибудь передать, чтобы хоть на время отвязаться отъ нихъ, забыться. Передать — кому же? Кромѣ васъ, у меня некому; ну, вотъ вамъ я и написалъ о нихъ. Съ этихъ же поръ между нами должно положить условіе, что я долженъ къ вамъ писать обо всемъ откровенно, какъ это и было до сей поры, — да иначе я не могу и сдѣлать; — но чтобы вамъ обо мнѣ не безпокоиться, не заботиться, не мучиться. Когда ужъ придетъ до послѣдней крайности, тогда я самъ къ вамъ напишу и попрошу васъ обо мнѣ позаботиться.

Не въ первый разъ я подъ тяжестью обстоятельствъ, не въ первый разъ я ихъ переживалъ. Проживши за тридцать, немного видѣлъ я свѣтлыхъ дней, а непогожихъ цѣлые годы, — а живъ еще. И будь я хоть немного приготовленъ къ этому обману, къ этой отцовской подлости, я бъ перенесъ бы легко, какъ необходимость, а всякая необходимость есть дѣло святое: отъ нея не убѣжишь. А то нечаянно, вдругъ, въ одну минуту изломилось то, что строилъ я много лѣтъ такъ осторожно, осмотрительно, съ такими лишеніями и времени и силъ.

Вотъ что ошеломило меня; а тутъ еще эта женщина, эта дьяволъ-женщина свела съ ума. Сойдись она со мной годомъ раньше, и ничего бъ, и все бы пошло прекрасно. Но вѣдь нужно же сойтиться всему въ одно время; подлость отца, моя ошибка, погибшій десятилѣтній трудъ, разрушенныя надежды, безденежье, — и въ нихъ крайняя необходимость... Они, чортъ возьми, хотя бы не моимъ силамъ не въ переносъ, — и я упалъ. Духъ измѣнилъ, натура распалась, обезсилѣла, въ ней давно, можетъ быть, и приготовлялось это распаденіе, и оно еще бы скрывалось до времени и, открывшись, разомъ положило бъ меня наповалъ. Да и то чуть не положило. Но ее посторонній толчокъ обнаружилъ и пробудилъ до времени.

Начинаетъ болѣть грудь чертовски. Лѣчимъ. Пошла испарина, всякую ночь обливаюсь пóтомъ, какъ водой, жажда страшная, адская — мочи нѣтъ; все идетъ въ испарину, тѣло слабнетъ; купаемся въ рѣкѣ — открывается кашель желудочной; чтó ѣшь, все вонъ; мокрота валитъ.

Кашель лѣчимъ, желудокъ разстроился: поносъ, не варитъ ничего; во всемъ тѣлѣ разломъ, мучитъ скрытый геморой; внутри изъ одного мѣста въ другое переходитъ ревматизмъ. Въ это время я вижу: дѣло дурно, гадко, жизнь измѣняетъ; я оставилъ дѣла торговыя, всѣ занятія, оставилъ чтеніе, принудилъ себя ни о чемъ не мыслить, сказалъ: писемъ мнѣ не отдавать, и даже пересталъ грезить о Петербургѣ; изъ человѣка я сдѣлался идіотъ. Съ утра думаю до вечера, какую пищу, какъ приготовить; толковать объ этомъ по цѣлымъ часамъ съ кухаркой; ѣсть насильно, купаться, спать, не спится—лежать въ постели зажмуря глаза и увѣрять самого себя, что спишь.

Такъ прошло три мѣсяца. Сталъ выздоравливать, понемногу поправляться, осиливать, началъ ходить, проѣхаться,—бухъ, воспаленіе въ почкахъ, и я снова чуть-чуть не умеръ. Но умный мой лѣкарь началъ возиться и съ этой болью, и она тоже насилу начала проходить, и я снова началъ поправляться здоровьемъ.

Хоть я и теперь еще сижу въ комнатѣ, но мой лѣкарь увѣрилъ меня, что скоро можно будетъ показываться на воздухъ, что это былъ кризисъ самый опасный и послѣдній, что у меня остается еще ревматизмъ, что надобно будетъ принимать содовые порошки—и долго. Я бы ему во всемъ бы и не повѣрилъ,—нѣтъ, онъ такой человѣкъ, что ему не вѣрить нельзя. Но въ самомъ дѣлѣ, я сталъ чувствовать, что мнѣ лучше: и силы снова стали показываться въ тѣлѣ, и состояніе моего духа начало приходить въ прежнее положеніе. Что-то будетъ дальше, а то ужъ я октябрь-то сталъ кое-что почитывать; что было вчернѣ написано весной, поправилъ, кое-что поправилъ изъ старыхъ пьесокъ, съ пятокъ написалъ вновь. Это меня самого обрадовало чертовски, и я началъ снова кой о чемъ мечтать, фантазировать, каждый день бесѣдовать съ вами, съ Василіемъ Петровичемъ, волочиться мыслью по Петербургу.

И до того я иногда погружаюсь въ міръ моихъ мечтаній, что я предчувствовалъ впереди, что вы написали и послали мнѣ письмо, и готовился уже отвѣчать. Въ воскресенье посылаю на почту: нѣтъ ли номера „Записокъ“ и письма; сказали, нѣтъ. Досадно, кажется, должно бы быть,—и почталіонъ приноситъ письмо. Обрадовался, какъ ребенокъ. Читаю: и Василій Петровичъ тутъ же; чортъ возьми, этого я не ждалъ; я думалъ, онъ въ Москвѣ, а онъ въ Питерѣ съ Бѣлинскимъ,—и мнѣ стало грустно, глубоко грустно. Крыльевъ нѣтъ, разстояніе большое. Если бы я пріѣхалъ теперь въ Питеръ, я бы пришелъ прямо на вашу квартиру, не спросилъ бы: „здѣсь ли квартируетъ Бѣлинскій?“ но—„дома ли Бѣлинскій?“ Вотъ вопросъ: и Марья Ивановна вновь у васъ, не прежняя, а другая;—и эта, вы говорите, лучше? Чего же трусить, робѣть? Къ дѣлу,—осрамился, и квитъ; по крайней мѣрѣ можно будетъ сказать, какъ чиновники говорятъ XIV-го класса: „она хотѣла, да я пренебрегъ“.

Видите ли, что мое положеніе было гадко, очень гадко, а болѣзнь не шуточная; положимъ, положеніе или дѣла мои съ отцомъ все тѣ же, но здоровье мое стало поправляться, а это не шутка: выйтить изъ

подобной болѣзни — все равно, что родиться вновь. И лѣкарь у меня, — хоть вы не предполагаете ихъ у насъ, да и въ самомъ дѣлѣ почти нѣтъ, — но на мое счастье какъ-то случайно живетъ у насъ человѣкъ очень хорошій, — расположенъ ко мнѣ прежде болѣзни, я его слишкомъ уважаю; все это питало мою надежду и заставило слѣпо ему вѣрить, — и я не обманулся.

Вы говорите, что вы пишете ко мнѣ слишкомъ резонабельно, думаете, какъ чиновникъ восьмова класса, философствуете пошло; все это лишь слова. Вы говорите не резонабельно, солидно, серьезно, и я съ вами во всемъ совершенно согласенъ. Ссора съ отцомъ еще не погибель, она необходима, бороться я не прочь; ошеломилъ онъ меня, но не навсегда; вотъ я, наконецъ, и очнулся. Будь у меня деньги, конечно, съ этой женщиной надѣлалъ бы я пустяковъ и прожился бы весь. И это должно бы быть непремѣнно, и было бы. Но, милый Виссаріонъ Григорьевичъ, такъ долго ѣвши горькую гадость, не видавши ничего порядочнаго давно, ужъ истомившись до смерти голодомъ, вдругъ попадаетъ сладкій кусокъ; схватилъ его, и думаешь обожраться, и въ эту-то минуту долженъ его отъ себя оттолкнуть; а откушавши немного, — и узналъ въ немъ такую сладость, какой никогда не воображалъ. Вѣдь теперь и больно; знаю, что есть лучше этой жизни, знаю прелесть божественныхъ идеаловъ, и какъ они человѣку необходимы, и какъ безъ нихъ человѣкъ — скотина. Но въ физической жизни есть жизнь не скотская, а человѣческая, святая; но пожить ею, конечно, не цѣлую жизнь — это невозможно — но годъ, другой въ свой вѣкъ было бы и у васъ и у меня дѣло не лишнее. Готовъ до гроба всей душой любить я жизнь духовную, готовъ обожать и благоговѣть передъ тѣми образами, которые въ горкія минуты нашей жизни являются къ намъ, какъ ангелы утѣшители, готовъ любить и долго и свято красоту земную. Но встрѣться вновь милая женщина, эта живая волшебница земной дѣйствительности, не смотря на слабое мое тѣло, упаду опять весь въ ея горячія объятія, — и умереть, когда это будетъ необходимо. Но умереть насильно — это глупо; жизнь должно тратить и беречь. Смѣшно вамъ слышать отъ больнова такія душеспасительныя мысли. Что жъ дѣлать? — и умираю, а все ищу кого другова.

Вы говорите, что ужъ у васъ для меня есть отдѣльная комнатка. Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю за нее. Въ настоящемъ моемъ положеніи это для меня кладъ. Жить въ Петербургѣ и съ вами, — вѣнецъ желаній. Это не лесть, ея у меня къ вамъ не было и нѣтъ. Совѣтуете скорѣе, какъ можно, перебраться туда на житье, хоть бы это было и безъ средствъ, и пѣшкомъ. Эту необходимость давно ужъ я чувствую душою, давно мнѣ день и ночь шепчетъ тайный голосъ объ этомъ, давно я мыслію живу не въ Воронежѣ, а въ Питерѣ, и нѣсколько лѣтъ одно у меня тайное желаніе переселиться въ Петербургъ, бросить Воронежъ. Да здѣсь мнѣ и не ужиться, всѣ люди не по мнѣ, и я не по нихъ, мы съ ними другъ другу не нравимся, другъ къ другу холодны, разошлись. Теперь во всемъ городѣ у меня не

только нѣтъ милова человѣка, нѣтъ даже и такова, съ кѣмъ можно убивать время, и кто бъ пришелъ ко мнѣ и не былъ бы мнѣ тяжелъ. Конечно, это не житье, а каторга, и я, чтó день, больше начинаю чувствовать это убійственное одиночество, пустоту въ людяхъ.

Но, за всѣмъ тѣмъ, я рѣшительно вамъ теперь ничего не скажу — до тѣхъ поръ, пока совершенно выздоровѣю, — и больной изъ двора никуда ни шагу. Характеръ моей болѣзни не позволяетъ мнѣ отваживаться ни на какой свободный рѣзкой шагъ, она же притомъ имѣетъ неожиданные, но смертельные кризисы: въ теченіе шести мѣсяцевъ три раза я былъ на порогѣ гроба. Одна мысль, что подобный случай сдѣлается въ дорогѣ, уже дѣлаетъ меня трусомъ; притомъ, выздоровѣвши, мнѣ непремѣнно надобно рѣшительно говорить съ старикомъ о уплатѣ долга, сдѣланнаго мной въ Петербургѣ и Москвѣ, и здѣсь рублей триста, потому что я лѣчился займомъ, и онъ на лѣкарства денегъ давать отказался. Теперь, однако жъ, въ этомъ я не нуждаюсь; у насъ въ домѣ половину верха заняла аптека, такъ я началъ лѣкарства брать у себя, и старикъ молчитъ.

Второе: надо же съ нимъ поговорить въ послѣдній разъ и о моемъ отъѣздѣ, и какъ онъ его думаетъ ли, да хочетъ ли чѣмъ поддержать, или нѣтъ, дастъ ли что или ничего. И тогда-то уже я къ вамъ напишу, что я долженъ дѣлать, и какъ у насъ все кончится. Теперь же мнѣ говорить съ нимъ нельзя; иногда дѣло дойдетъ, что надо будетъ погорячиться, а всякое раздраженіе для меня слишкомъ опасно. Я теперь ни больше ни меньше, какъ тѣло въ пеленкахъ, связанный по руки и по ноги: тутъ средствъ никакихъ; самъ собою чтобы сдѣлалъ, — нельзя, силъ нѣтъ. Опасно выходить, опасно много ѣздить, опасно быть на сыромъ воздухѣ, опасно сердиться, опасно слишкомъ отягощать голову заботами. Чортъ возьми это состояніе, такъ оно хорошо. Но только я не трушу; проживаю время спокойно, не думая о многомъ, жду лучшаго времени и лучшаго вѣтра; дождусь — хорошо, не дождусь — не надо; вѣдь не одинъ я прождалъ его свой вѣкъ. Глупая мысль! О лучшемъ — воли нѣтъ. Ужъ меня, наконецъ, сказать прямо, не старикъ связалъ, а болѣзнь, да пострѣлъ побери все это, авось пройдетъ.

Какъ выздоровѣю, тотчасъ я вамъ напишу. Чѣмъ кончу съ старикомъ, тоже за разъ напишу. До тѣхъ же поръ прошу васъ обо мнѣ не заботиться, не тревожиться. Какія нужно мѣры взять, взяты, а въ животѣ-смерти Богъ воленъ.

Вы не такъ поняли о тѣсномъ кругѣ моихъ знакомыхъ. Я писалъ вамъ о нихъ, не жалуясь на малое число, а гордясь, что я имѣю ихъ, — такихъ людей, которыхъ можно душой любить, и которые весьма рѣдки. И ихъ часто сотни не имѣютъ одного, а я одинъ имѣю нѣсколько.

О пьескахъ, съ этимъ письмомъ посылаемыхъ, я вамъ ничего не скажу; которыя хороши — напечатайте, которыя дурны — оставьте, которыя нужно поправить — замѣтьте и пришлите.

О вашей статьѣ, ошельмованной цензурой, я зналъ тогда же, что

она вами написана была не такъ, зналъ, что она была полна и что вы ни за что бъ не выкинули изъ нея одного слова, но что ее такъ обасурманила цензура. Но я намекнулъ вамъ объ этомъ не такъ, потому что боялся за васъ; я началъ подумывать, чего не сдѣлали ли дурнова, а ваше долгое молчаніе каждую недѣлю болѣе и болѣе эту мысль мою утверждало, и меня до смерти мучила объ васъ неизвѣстность. Чортъ знаетъ, чего съ нами не могутъ сдѣлать! Вѣдь мы люди грѣшные; особенно теперь, въ моей болѣзни, нужно хоть немножко укорениться мысли, хоть бы самой нелѣпой, — ну ужъ она отъ меня и не отстанетъ и начнетъ разрастаться болѣе и болѣе.

Не въ добрый часъ я началъ это письмо! Только я сяду, начну писать, кто-нибудь тотчасъ явится и перерветъ. Досадно. Напримѣръ, вчера является молодой офицеръ, или хорунжій, съ Дона; жилъ въ Питерѣ, учился военному ремеслу, ѣдетъ домой; въ Воронежѣ у него не достало денегъ, — пришелъ просить сто рублей (у меня сто рублей!) Говорю: нѣтъ. Не вѣритъ, — нужно, да и только. Насилу отвязался, нашелъ ему человѣка, который далъ. Такіе чудные люди эти офицеры: въ одну минуту и знакомятся, и просятъ объ одолженіи.

Я слышалъ: началъ издаваться тетрадями Гете; будете писать, напишите, пожалуйста, кто переводитъ и какая цѣна? Я выпишу, если переводъ хорошій. Да напишите, какъ идутъ „Отечественныя Записки"? Какъ поправляется Андрей Александровичъ? Развязаны ль долги? И на слѣдующій годъ будутъ издаваться, какъ шли послѣдніе два года, или для сведенія конца съ концами? Это все меня весьма интересуетъ. Но больше всего мнѣ знать хочется, какъ идутъ ваши дѣла, такъ же ли, какъ прежде, лучше ли? Хорошая квартира и богатая мебель — знакъ улучшенія. Но отколь она? — Не знаю.

Въ концѣ сентября былъ у насъ въ Воронежѣ Глинка Ѳедоръ Николаевичъ съ женою, проѣздомъ изъ деревни; просили меня шибко, чтобы я что-нибудь, но непремѣнно послалъ въ „Москвитянинъ". Я сказалъ: теперь у меня ничего нѣтъ; боленъ, — не пишу. Но объ васъ и „Запискахъ" — ни слова; и я ничего не затѣвалъ.

Лермонтова убили до смерти, это старая новость; но она меня такъ сильно поразила, что до сей поры не выходитъ изъ думы. И жаль, и досадно: только что покажется, хорошо не успѣешь полюбить, — какъ его и нѣтъ. Много мы въ немъ потеряли, незамѣнимая потеря! Нашъ одинъ купецъ въ одно время съ нимъ жилъ на Кавказѣ, и онъ мнѣ, пріѣхавши оттуда, говорилъ, что у Лермонтова много въ портфелѣ найдено послѣ смерти стиховъ; одно изъ нихъ онъ читалъ подъ названіемъ „Чинаръ". Скажите-ка Андрею Александровичу, не отыщетъ ли онъ этого портфеля.

Андрею Александровичу, Аннѣ Яковлевнѣ, И. И. Панаеву, Авдотьѣ Яковлевнѣ, А. А. Комарову, М. А. Языкову, Прокоповичу душевное почтеніе и низкой поклонъ.

Милому Василію Петровичу не пишу теперь письма особеннаго, первое потому, что не знаю, гдѣ онъ: въ Питерѣ ли еще, или уже

уѣхалъ въ Москву. Когда услышу, что онъ въ Москвѣ, тотчасъ напишу; а если еще въ Питерѣ это письмо его застанетъ, то я крѣпко жму руку и цалую его. Жалѣю, что онъ скучаетъ. . . . . . .

Много тысячъ разъ прошу не сердиться за деньги; при первомъ удобномъ случаѣ вышлю, душой благодарю за его „здравствуйте". Люблю его чѣмъ дальше — больше.

Ну, теперь, милые мои, пришло сказать: „прощайте"; на долго ли, не знаю; но какъ-то это слово горько отозвалось въ моей душѣ, но еще: „прощайте", и въ третій разъ: „прощайте"! Если бы я былъ женщина, — хорошая бы пора плакать. Минута грустнаго горя, побудь хоть ты со мной подольше!

Всею душою васъ любящій, весь вашъ Алексѣй Кольцовъ.

64. Кн. П. А. Вяземскому.

24 октября 1841 г. Воронежъ.

Добрый, любезный князь Петръ Андреевичъ! Вы обязали меня давно и недавно, и вновь обязываете до такой степени, что я ничѣмъ и никогда не могу ни заслужить вамъ, ни заплатить и сотой доли. Ваше письмо, давно уже полученное мною, такъ полно искренности, участія, дышитъ такою теплотою, что я не могъ долго писать къ вамъ ни одного слова: вся душа моя была наполнена имъ, и я нарочно длилъ это наслажденіе, не хотѣлъ нарушить святова очарованія. Благодарю васъ, добрый князь, тысячу разъ благодарю за него, и милліонъ разъ благодарю за спокойствіе, которымъ пользуюсь я и мое семейство. Полиція насъ оставила совершенно: дѣло, производившееся въ Сенатѣ, хотя имъ кончено не совсѣмъ, но прежнее его опредѣленіе разрушено, и оно оттолкнуто въ низшія инстанціи года на два, на три, — и этого пока довольно. Есть еще дѣлишка два самыхъ старыхъ; только они меня не тревожатъ нисколько.

Съ этой стороны все идетъ прекрасно, за то въ другихъ не очень хорошо; знать, такова наша жизнь. Съ апрѣля до сихъ поръ я нездоровъ, и было очень дурно, теперь началъ понемножку поправляться. Это мнѣ много помѣшало; цѣлое лѣто мнѣ нельзя было ничѣмъ заниматься, а дни проходятъ, время летитъ, а я сижу. Жизнь моя туманная! Доля неудачная! Выздоровѣю, — начну догонять прожитое.

Пришло поздно къ вамъ письмо мое, по моей ошибкѣ въ нѣмцѣ (онъ у насъ содержитъ пансіонъ): при отъѣздѣ его въ Петербургъ я далъ ему письмо въ руки, просилъ доставить вамъ лично, а онъ продержалъ его у себя; наконецъ, отдалъ на городскую почту. Мой нѣмецъ въ Петербургѣ растерялся, оплошалъ.

Глубоко васъ почитающій и любящій васъ всею силою души, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

65. Кн. В. Ѳ. Одоевскому.

24 октября 1841 г. Воронежъ.

Ваше сіятельство, любезный князь Владиміръ Ѳедоровичъ! Опять я къ вамъ съ тою же просьбою, о которой я васъ еще весною просилъ, когда уѣхалъ отъ насъ губернаторъ Лодыгинъ. Говорили, вмѣсто его будетъ (забылъ ужъ кто), и я писалъ вамъ объ немъ письмо; дѣла измѣнились, и вмѣсто его пріѣхалъ на губернаторство его превосходительство генералъ-маіоръ фонъ-деръ-Ховенъ, человѣкъ дѣятельный и умный. Объ немъ-то моя опять къ вамъ просьба: нельзя ли меня познакомить съ нимъ. У меня теперь къ нему нѣтъ дѣлъ никакихъ, но, въ случаѣ нужды, я къ нему пойти и не могу...

Особенно я боюсь нашего большого барина управляющаго, безсребреннаго Карачинскаго. Онъ, пріѣхавши изъ Петербурга, косится на меня косѣе прежняго, а у него въ палатѣ есть еще кой-какія отца моего старыя дѣлишки неконченны. Они пустыя; но есть мастера изъ ничего сдѣлать гору, и онъ ихъ все замѣтно протягиваетъ вдаль. Дѣлайся все какъ должно,—хорошо. А если неровенъ часъ,—и я одинъ здѣсь, безъ поддержки. Какъ идетъ управленіе въ палатѣ г[осударственныхъ] и[муществъ], сказать вамъ не могу; по пріѣздѣ изъ Москвы, великимъ постомъ, было своихъ дѣлъ много; и въ апрѣлѣ сдѣлался нездоровъ и до сихъ поръ. Кромѣ этого, едва ли подобныя вещи вамъ нужны; вѣдь въ прошлый разъ осталось же все безо всего, и слова святой истины не сдунули пылинки съ чернаго дѣла.

Не знаю, какъ пойдетъ настоящій наборъ, а прошлогодній былъ самый безчеловѣчный. Были жалобы — ихъ никто не слушалъ. Кто больше обиженъ, тотъ больше остался виноватъ. А кто сіе учинилъ, тѣ всѣ остались людьми благородными.

Ваше сіятельство, если не затруднитъ васъ слишкомъ моя просьба, то прошу васъ покорнѣйше не оставить ея безъ вниманія. Почитающій и любящій васъ, вашего сіятельства покорный слуга Алексѣй Кольцовъ.

66. И. А. Малышеву.

[Октябрь 1841 г. Воронежъ].

Добрый и любезнѣйшій Иванъ Андреевичъ! Я услышалъ, что у васъ былъ батинька и П—нъ, старикъ, сегодня по утру: гости не въ пору и едва ли по нутру. Не подумайте жъ, ради Бога, что я ихъ къ вамъ снарядилъ. Правда, съ мѣсяцъ назадъ я говорилъ П-нымъ обратиться къ вамъ въ ту пору; они заняться этимъ почитали ненужнымъ, лѣчили больнаго самъ и нѣмецъ, и залѣчили до того, что онъ теперь такъ плохъ, что, кажется, и сверхъестественная помочь ужъ не въ помочь. Вчера была у нихъ моя мать по долгу родства; больной спросилъ: что я? каковъ? Мать сказала: здоровѣетъ, поправляется, слава Богу! Онъ такъ взбѣсился, что началъ кричать, метаться, бить въ грудь, просить жену, отца — достать денегъ. Къ Малышеву, скорѣе

за Малышевымъ! давайте денегъ! Просить хватился, голубчикъ, да поздно! — прежде бы не жалѣть денегъ! Зовутъ моего старика; условились сегодня быть у васъ обоимъ, и были. Онъ мнѣ дядя, да это не стоитъ полушки: у меня чужіе — родные, свои — чужіе; но мнѣ жаль его, упрямца, не ради его, а ради семейства. И потому, когда я говорилъ имъ о васъ, въ то время помочь была еще возможна, теперь же, кажется, поздно. Но если вы себя обремените въ такую, для васъ хлопотливую и безъ этого, пору поѣздомъ къ нему, то, ради Бога, не подумайте, что тутъ виновникъ я: тѣломъ и душою я чистъ, и умываю по этому дѣлу руки. А ваши посѣщенія *безъ полученія впередъ* не оказались бы безплодными!

Мое здоровье поправляется, видимо лучшѣетъ, несмотря на дурное время. Это меня радуетъ: пью, ѣмъ, сплю хорошо, порою бываю дома очень веселъ.

Стыдно, а надобно сознаться, что въ томъ четверостишіи, которое у васъ, — и вы замѣтили, — стихъ-то въ самомъ дѣлѣ невѣренъ: въ четверостишіи — ошибка! Хороши же мы! Теперь вотъ какъ:

И сожалѣньемъ и слезой,
Прощаясь, прахъ его почтили.

Съ почтеніемъ глубоко уважающій васъ Алексѣй Кольцовъ.

67. В. Г. Бѣлинскому.

18 декабря 1841 г. Воронежъ.

Милый Виссаріонъ Григорьевичъ! Въ Петербургѣ ли вы теперь, или нѣтъ, — мнѣ дѣла нѣтъ: я хочу писать къ вамъ, хочу говорить съ вами, душа жаждетъ бесѣды. Одиночество надоѣло, — и день одинъ, и ночь одинъ, недѣли, мѣсяцы идутъ, а у меня, чтó было вчера, то непремѣнно будетъ завтра, а если встрѣтится что-нибудь новое, то ужъ непремѣнно какая-нибудь дрянь, которая только взбѣситъ, — и конецъ. Что до досадъ, у меня въ нихъ недостатку нѣтъ: слава Богу, этимъ больной богаче здороваго. Да такъ и должно быть. Однако же послѣднія непріятности многое мнѣ открыли, чего я прежде не зналъ, и обозначили небольшую надежду на будущее. „Обозначили" — слово не у мѣста; ну, да ужъ написалось, — стой!

Съ полученіемъ вашего письма до этихъ поръ, у меня много перемѣнилось. Главное — сестру отецъ помолвилъ; на святкахъ сговоръ, а тамъ и свадьба; только навѣрное не знаю когда, еще нерѣшено: послѣ ль новаго года, или на красную горку. Здѣсь отецъ, а паче всего сестра сдѣлали со мной удивительную подлость. Отецъ не пригласилъ меня и на совѣтъ (чему я былъ очень радъ); кромѣ того, даетъ за ней деньгами 3,000 руб. Я ему сталъ говорить, что обошлось бы безъ этого, а давать деньги — ихъ у насъ нѣтъ, — долговъ много, а платить нечѣмъ. Онъ мнѣ на это: „Я выдаю дочь послѣднюю, и дамъ за ней послѣднее, чтò есть. А нечѣмъ будетъ долговъ платить,

продамъ домъ. Я старъ, мнѣ жить немного, а объ тебѣ я и не думаю: ты — голова у меня. Послѣ этой свадьбы женись самъ, корми меня, мать; а не женишься — прогоню со двора". Взорвало меня страшно. Особенно теперь моя натура еще весьма разстроена; чуть что, я не выдерживаю, взбѣшусь, какъ чортъ, въ минуту. Но на этотъ разъ я какъ-то хладнокровно проглотилъ эту крѣпительную пилюлю и сказалъ: „Какъ хотите, такъ и дѣлайте. Я ни въ чемъ вамъ не мѣшаю, и въ этомъ дѣлѣ не участвую, а васъ прошу оставить меня въ покоѣ, — и спасибо". Съ нимъ тѣмъ у насъ и кончилось, и мы держимъ слово хорошо. Я по этому дѣлу ничего не дѣлаю; разъ — не могу, другой — и слабъ еще весьма; и послѣ этого всего нѣтъ охоты дѣлать; а онъ съ своей стороны меня ничѣмъ не безпокоитъ, и началъ кормить хорошо, купилъ много пива, которое мнѣ весьма полезно, и я пью его до-воли.

Сестра сдѣлала другое. Ея будущій мужъ — малый молодой, красивый и статный довольно собою мужчина, мѣщанинъ, безъ всякаго образованія, безъ всѣхъ благородныхъ качествъ и, кажется, съ алтынной и скверной душой. По крайней мѣрѣ, въ минуту радости у него хриповатымъ, густымъ басомъ разрывается голосъ, не похожій на человѣческій; а въ обыкновенномъ разговорѣ голосъ порядочный. И что-то, всматриваясь въ лицо его глубже, видишь, подъ красивой личинкой молодости, какую-то невообразимо гадкую образину. Я замѣчалъ въ людяхъ очень часто, какъ лѣтъ въ двадцать личико оживлено жизнію довольно пріятно, а въ тридцать изъ этого личика выходитъ сущій уродъ. Какъ бы хорошо лицо ни было, но если натура у человѣка не хороша отъ природы, то, всматриваясь въ нее хорошенько, гдѣ-нибудь, но ужъ непремѣнно отыщешь часто едва замѣтную черту гадости, и эта гадость современемъ обхватитъ всего человѣка, безъ его вѣдома, какъ его натуральная идея, и онъ стоитъ уже вѣкъ на этомъ пьедесталѣ. Если я ошибаюсь, дай Богъ. Какъ ни дурно со мной поступили, а я все-таки имъ и сестрѣ искренно и отъ души желаю всего добраго.

Сестрѣ онъ своею наружностью понравился больше года. Я это зналъ, нѣсколько разъ намекалъ ей объ этомъ. Она ни слова, а всегда увѣряла меня, что это однѣ сплетни говорливыхъ языковъ. Я и отсторонился и издали глядѣлъ лишь, чтобы не пошло въ дурную сторону, что̀ иногда съ нами грѣшными и бываетъ. А между тѣмъ бесѣды у нихъ идутъ чаще, у двухъ замужнихъ моихъ сестеръ, изъ которыхъ одна — дура, а другая — женщина хитрая и въ мелкихъ дѣлахъ жизни довольно умная. Смотрю — начались шушуканья, переговоры, сватанье; спрашиваю у сестры: правда? „Нѣтъ, вздоръ". Я говорю: сегодня вечеромъ рѣшенье сдѣлаютъ навсегда, подумала ль ты обо всемъ этомъ хорошенько? какимъ онъ тебѣ кажется, пожалуйста, сообщи? Отвѣтъ: „не ваше дѣло; будьте спокойны: все обойдется безъ васъ; о чемъ нужно, я сама знаю". Я гдѣ стоялъ, тутъ и сѣлъ, какъ ракъ на мели.

Не то ужъ больно что она, кажется, увлеклась его одной наруж-

ностью, и что я всѣ силы употреблялъ хоть немножко очеловѣчить ее, дать ей кой-какія понятія, пробудить всѣ силы жизни; но больно то, что я въ ней въ одну минуту глубоко такъ ошибся. Я былъ съ ней всегда искрененъ и откровененъ, дѣлалъ для нея, что̀ могъ; все, что̀ ни было у меня за душою, ей все было извѣстно: и хорошее, и дурное — все, все, безъ исключенія. И вотъ чѣмъ она мнѣ заплатила съ своей стороны!

Кромѣ того узнаю, что перемѣнился ко мнѣ отецъ черезъ нее. Говоря съ ней откровенно, часто говорилъ и о своей любимой мечтѣ переселиться въ Питеръ; она это передала отцу съ прибавленіемъ, что я хочу обобрать его — и уѣхать; вотъ откуда вышла его низкая осторожность. Еще слова два о будущемъ ея мужѣ. Богатство все его заключено въ одномъ довольно старомъ домѣ на хорошей улицѣ, дающемъ доходу 2,000 р. въ годъ.

Теперь я живу покойно, свадьбой не занимаюсь; досады, которыя меня мучили недѣли двѣ, прошли; я положился: что̀ будетъ, пусть то будетъ. Мать очень уважаю; съ отцомъ веду себя прилично и хладнокровно; съ замужними сестрами схожусь рѣдко, какъ чужой; съ послѣднею ничего не говорю, кромѣ вещей необходимыхъ, — ничѣмъ ей не мѣшаю. Съ женихомъ и прочими по силѣ вѣжливъ, выдерживаю тонъ, будто у насъ между собой ничего нѣтъ. И эдакъ идетъ ужъ съ мѣсяцъ.

Дѣло свадьбы, — какъ теперь зависитъ отъ одного старика, а онъ старъ и въ этихъ дѣлахъ большой невѣжда, — поэтому идетъ дурно; и въ ней замѣтно сильное началось страданіе, и мнѣ ее стало очень жаль. Ужъ я начинаю бранить себя, что я принялъ ихъ подлости горячо; жалѣю, что и не вмѣшался въ это дѣло сначала и не помогаю ей въ самую трудную ея пору жизни. Безъ меня она оказалась совершенно безъ характера, а взяла-то на себя много-много, и оно начало ее давить; время ея проходитъ тяжело. На всемъ какой-то печальный виденъ колоритъ, и я самъ не знаю, что̀ мнѣ дѣлать. Пожалуйста, скажите, — я нарочно вамъ написалъ обо всемъ подробно — такъ ли я поступилъ, какъ должно, или нѣтъ, и что отъ меня въ этомъ случаѣ требуется. Перемѣнить тонъ, — что жъ пользы? Приняться помогать дѣломъ? — надо войти въ долги и засѣсть въ Воронежѣ еще года на два, на три. Безъ меня старикъ условій не сдержитъ, это родитъ худыя послѣдствія; сдержать ихъ мнѣ — засѣсть дома надолго, а измѣнить ихъ поздно, и они сдѣланы не мною, — старикомъ... И ея жаль, ея печаль начинаетъ дѣлаться моею печалью. Какъ скажете? Ея же замужество ясно улучшаетъ мою будущность.

Болѣзнь моя понемножку проходитъ; натура замѣтно укрѣпляется, потребность внутренней дѣятельности еще спитъ, память самая плохая: что̀ читаю сегодня, черезъ два дня совершенно забываю; но для физическаго здоровья угрожаетъ одинъ постъ; пройдетъ онъ, — начнется весна, и ежели я доживу до ней, кончено: я еще жилецъ на свѣтѣ. Къ веснѣ свадьба кончится; послѣдняя сестра будетъ замужемъ, останутся дома отецъ, мать да я. Послѣдняя обязанность упадетъ съ

моей шеи; тогда счетъ покорочаетъ, здоровье будетъ видно. Сколько долговъ, сколько товара, все что̀ за нами останется, — будетъ видно, и съ старикомъ говорить я буду имѣть причину основательнѣй, а что́ у отца на умѣ, то тотчасъ выйдетъ наружу. Тогда собравши все въ одно время, и можно будетъ опредѣлить рѣшительное о себѣ заключеніе.

Та женщина для меня все-таки весьма интересна, и я объ ней часто провожу цѣлые часы въ сладкомъ воспоминаніи; она много дала мнѣ такихъ дней, о которыхъ я не скоро забуду.

Ваше послѣднее письмо меня чрезвычайно успокоило; оно мнѣ указало, какъ глядѣть кой на какія вещи, что́ онѣ, и въ какія отношенія себя къ нимъ поставить. А за вашъ радушный, задушевный привѣтъ, за ваше участіе ко мнѣ, за готовность подѣлиться со мною при случаѣ, — за это за все я васъ и не благодарю. Здѣсь всякая благодарность не стоитъ гроша, и всѣ слова — одни слова. Но что я вполнѣ чувствую, — скажу вамъ безо всякой лести — чувствую глубоко-глубоко. Одни вы изъ цѣлыхъ милліоновъ людей объявили подѣлиться со мной, чѣмъ богаты. Говорите, что вы не можете въ другихъ забыться вовсе; да кто забывается до того нынче, до чего забываетесь вы? (Подобные разговоры, какъ бы ни были отъ души, а все сейчасъ сбиваются на *вы).*

Радъ вѣсточки, что „Отечественныя Записки“ будутъ издаваться и на слѣдующій годъ. Не знаю, какой онѣ вѣсъ имѣютъ въ другихъ мѣстахъ, а у насъ изо всѣхъ журналовъ кредитъ упрочивается преимущественно за однѣми ими. „Библіотека“ у всякаго глупца, наконецъ, упала въ мнѣніи, а печатаніе безконечнаго романа Кукольника въ десяти номерахъ—одна изъ самыхъ важныхъ ошибокъ редакціи: эта продолжительность не только отбила охоту читать, но и уронила весь журналъ. И я слышалъ отъ многихъ жалобы однѣ: „Бѣда, если не окончится романъ въ этомъ годѣ, и если ухитрятся конецъ его напечатать въ первомъ номерѣ слѣдующаго года, тогда поневолѣ для его конца принуждены будемъ выписать еще годъ“.

Сталъ вашъ журналъ и особенно васъ сильно ненавидѣть „Москвитянинъ“. У насъ, въ Воронежѣ, живетъ одинъ его сотрудникъ, бывшій товарищъ по университету Погодина, довольно ученый человѣкъ, убитый судьбою, чудакъ, съ старыми понятіями, претензіями и похвалами на ихъ молодое время и съ бранью на все новое, особенно на философію, — хоть они прежде всего и корчатъ изъ себя уродовъ-философовъ. При встрѣчѣ съ нимъ, онъ прежде всего объ васъ ни слова, а теперь только слова о „Запискахъ“; ну, и бѣда — брань безъ конца. А на васъ пуще всего. И знаетъ ужъ почему-то, что вы выгнанный студентъ, дурной самой жизни молокососъ, неучъ, а взялся говорить о людяхъ порядочныхъ, умныхъ, воспитанныхъ, образованныхъ.

Я полагаю, Погодинъ это все ему сообщилъ; онъ съ нимъ ведетъ переписку. Фамилія чудака нашего Баталинъ; и убѣдительно всегда проситъ меня участвовать въ „Москвитянинѣ“ и бросить этотъ дрян-

ной журналъ „Отечественныя Записки". Вотъ какъ вы стали посоливать.

Недѣли двѣ тому назадъ получилъ я письмо изъ Харькова, отъ какого-то Бецкаго, наполненное самой безстыдной лести о моемъ, изволите ли видѣть, огромнѣйшемъ талантѣ, съ изъявленіемъ своей душевной любви, преданности и уваженія, и окончивающееся просьбою, чтобы я поскорѣй прислалъ въ замышленный имъ издать альманахъ „Молодикъ" нѣсколько своихъ пьесъ. Я къ нему не писалъ ничего и безъ совѣта вашего ничего не напишу.

Критика ваша о „Древнихъ стихотвореніяхъ Кирши Данилова" чудо какъ хороша. Я не читаю, но пожираю ее. А переводы ваши изъ стиховъ въ прозу — цѣны имъ нѣтъ. Разсказъ о Прометеѣ чрезвычаенъ; только, кажется, вы весьма много отдаете Гете; у Эсхила онъ точно таковъ же, идея та же, развѣ Гете облекъ его въ лучшую, свою нѣмецкую, форму. А если идея во время Эсхила не была такъ выяснена, какъ во время Гете, то здѣсь, кажется, главное уясненіе во времени; человѣчество — живя и своею жизнью — дало ей такой огромный интересъ. Одно нехорошо: ваша эта статья растянулась на четыре номера. Я понимаю эту необходимость, но въ другомъ отношеніи она васъ не оправдываетъ. Можно еще критическую статью раздвоить на два номера, одинъ мѣсяцъ еще ничего, но три мѣсяца — другое дѣло. Критическая статья, какая бы она ни была, но непремѣнно должна занимать читателя въ одинъ разъ съ начала до конца. Это не то, что повѣсть, романъ. То читать легче, — прочелъ половину, прошелъ мѣсяцъ, — другую забылъ. Нѣтъ нужды, послѣдняя половина съ пяти страницъ напомнитъ о прежней, а кто читаетъ съ толкомъ, тотъ или первую половину не будетъ читать, или, при полученіи второй, первую перелистуетъ. Съ критической статьей, особенно съ философской, этого дѣлать нельзя.

„Демона" Лермонтова спишу и къ новому году пришлю; ѣдетъ нашъ купецъ въ Питеръ и свезетъ его.

Стихи на память Станкевича посылаю. Гробъ его недавно привезенъ изъ-за границы въ имѣніе Станкевичей и похороненъ съ торжествомъ. И покойникамъ отъ отцовъ дѣтямъ лучшій почетъ, чѣмъ живымъ. Въ этомъ случаѣ они поступаютъ точно, какъ чужіе.

Гдѣ Катковъ? Что онъ замолчалъ? Будете писать, напишите, пожалуйста, о немъ. Жаль, что недосугъ вамъ было ничего сказать о моихъ послѣднихъ пьескахъ. Можетъ, онѣ всѣ нехороши, и вы пожалѣли меня больнова сказать правду. Если эта причина, то, пожалуйста, напишите объ нихъ все, что́ думаете. Я вамъ вѣрю безусловно, а правда мнѣ всего нужнѣе; хороши — хороши, дурны — дурны.

Если у васъ еще милый и любезный Василій Петровичъ, то я его цалую отъ души. Люблю какъ нельзя больше. Писать къ нему не пишу особеннаго письма, потому что не могу. Это письмо къ вамъ и къ нему, а будетъ въ Москвѣ — буду писать. А теперь о чемъ? повторять то же? Вы и Василій Петровичъ — два существа на землѣ самыя любезнѣйшія и близкія моему сердцу. И если онъ еще въ Пи-

терѣ, то попросите его сходить къ Полякову, взять 18 экземпляровъ „Кота Мурра". Вѣдь они были мною адресованы на его имя, я позабылъ написать прежде.

Да если не въ тяжесть вамъ будетъ, напишите мнѣ о своей „Исторіи словесности": кончили вы ее, или нѣтъ, и скоро ль издастъ ее Поляковъ? Или это дѣло разошлось? Берегитесь его:—мошенникъ. И какъ Андрея Александровича денежныя дѣла журнала—поправляются ли хоть немного? При изданіи журнала это главное.

Я ничего не пишу. Голова, что лукошко. А къ вамъ опять буду писать скоро . . . .

Прощайте. Весь вашъ и всякой день бесѣдующій съ вами Алексѣй Кольцовъ.

68. В. Г. Бѣлинскому.

27 февраля 1842 г. Воронежъ.

Милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ! Давно я къ вамъ не писалъ; давно не получалъ отъ васъ ни слова; но я отъ васъ и не жду письма, вамъ теперь не до меня. Я и свободенъ и ничего не дѣлаю, да и то, видите ль, когда, наконецъ, собрался, черезъ сколько времени,—стыдно сказать. А между тѣмъ, каждый день думаю объ васъ, бесѣдую съ вами по нѣскольку часовъ.

Въ декабрѣ послалъ я вамъ письмо, въ которомъ писалъ вамъ обо всемъ, что̀ у насъ дѣлалось въ семействѣ и что̀ дѣлалось со мной.

Послѣ его въ скорости у насъ былъ дѣвишникъ, на которомъ я шибко простудился и снова заболѣлъ. Сначала воспаленіе не очень большое было выше праваго костреца; потомъ образовалось довольно опасное въ правомъ боку противу сердца. Ну, это воспаленіе мало того, что было чрезвычайно мучительно, а больше опасно, и я ужасно трусилъ за жизнь, и духъ мой былъ въ самомъ тревожномъ состояніи; и какъ-то онъ не только упалъ, но эдакъ странно какъ-то возмущался. И въ эту пору у насъ была свадьба, пиры, вечеринки почти каждый день. Комната моя была на самомъ проходѣ, черезъ нее съ утра до полночи все ходило, бѣгало, суетилось, шумѣло... А добрая сестра моя, соединившись съ другими замужними, общими силами овладѣли стариками, одурачили ихъ, расположили ко мнѣ отца еще дурнѣе, чѣмъ онъ былъ прежде. Дѣлали безо всякаго стыда все мнѣ на зло—до того, что однажды, когда меня жаръ убійственно томилъ, онѣ въ другой комнатѣ положили дѣвушку, накрыли ее простыней и начали отпѣвать покойника. Это, по ихъ, называлась шутка!!! Въ другой разъ добрая сестра моя, дѣвушка-невѣста, бранила мать; я за нее вступился; она мнѣ говоритъ: „пожалуйста, выйдите изъ комнаты: ваше дѣло молчать, безъ васъ все обойдется".—Ну что жъ, послѣ этого я и вышелъ молча. Еще какъ-то она меня оскорбляя, мать за меня вступилась; она ей говоритъ: „что вы! за него? погодите, онъ вамъ носъ-то скуситъ".

Но, слава Богу, все я стерпѣлъ, пережилъ, только онѣ меня такъ

озлили, что я началъ сплетничать. Эта сплетня открыла много дурныхъ ихъ сторонъ передъ лицомъ другихъ людей, сдернула маску съ ея суженова, и онъ оказался скотина дворникъ, безъ совѣсти, безъ души. Теперь я и жалѣю о этой сплетнѣ, но тогда не утерпѣлъ, — былъ очень слабъ и раздражителенъ, — а лучше бъ слѣдовало терпѣть до конца. Въ отомщеніе жъ мнѣ за нее, доброй сестрѣ моей хотѣлось свадьбу протянуть до Троицы; этимъ бы онѣ меня дорѣзали рѣшительно. Весной таки еще ничего, можно бъ уходить куда-нибудь, но до Святой погода дурная, — выходить можно только въ хорошіе дни. Бѣда бъ мнѣ была, да и только. Да, къ счастью, сплетня моя такъ на нихъ подѣйствовала, что они сами начали спѣшить кончить свадьбу, и вотъ десять дней, какъ ихъ обвѣнчали.

Но послѣ сейчасъ же встрѣтилась новая бѣда. На третій день послѣ свадьбы отецъ поутру приходитъ ко мнѣ и велитъ мнѣ переходить жить въ другую комнату, въ сырую до смерти. Я заупрямился, онъ сказалъ: „рѣшительно не хочешь — такъ со двора долой! живи, гдѣ хочешь". И подобныхъ утѣшеній наговорилъ кучу. Послѣ обѣда уѣхалъ въ гости. Я, пользуясь его отсутствіемъ, самъ перешелъ въ сухую, покойную комнату и никому ненужную, легъ въ постель и сталъ приготовляться къ рѣшительной послѣдней ссорѣ. Однако жъ, дѣло обошлось безъ нея. Онъ пріѣхалъ — не сказалъ ничего. Я, съ своей стороны, увидѣлъ его снисхожденіе, пошелъ къ нему поутру, разсказалъ причину моего переселенія, что оно дѣлалось не изъ каприза и упрямства, а по необходимости. Дѣло тѣмъ и кончилось. Комната осталась за мной.

Въ ней я живу теперь тихо, покойно, дышу свободно; а отдыхаю, сколько угодно; ѣмъ хорошо, обѣдъ готовятъ хорошій, сплю довольно; и это такъ меня успокоило, что здоровье мое стало лучше. Я бросилъ всѣ сплетни и даже нарочно ѣздилъ къ моей доброй сестрѣ и къ двумъ другимъ съ извиненіемъ, и просилъ прощенія въ нанесенномъ мною имъ, можетъ быть, оскорбленіи. Помирился, просилъ ихъ, чтобъ и онѣ меня не безпокоили и не сердили. Богъ съ ними! Имъ какъ ни жить — все равно, онѣ здоровы; да имъ даже моя сплетня дала жизнь, движеніе. — Да мнѣ-то что изъ этого? Мнѣ надо думать о себѣ, и о здоровьѣ, а всякое огорченіе меня разстраиваетъ.

Итакъ теперь, милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ, я живу, слава Богу, хорошо пока. Горе упало съ плечъ. Чорное время пережилъ; силы моей жизни и въ самыя горькія убійственныя минуты поддерживали меня, и я еще живу и пишу къ вамъ, и силы мои лучшаютъ, — не говорю: духовныя, ихъ еще нѣтъ, но я радъ пока и физическимъ. Онѣ мнѣ необходимы. Съ отцомъ рѣдко вижусь, дѣлъ онъ мнѣ не наваливаетъ. Оскорблять — пока не оскорбляетъ. Необходимое, кромѣ денегъ, даютъ, но я радъ ужъ и послѣднему. Вотъ почему я такъ долго къ вамъ не писалъ. Теперь у меня все положено ждать весны. Постъ своею ростепелью страшитъ; однако лѣкарь мой говорилъ, чтобы я за себя не боялся. Болѣзнь продолжится, но за жизнь онъ

ручается, и я ему вполнѣ вѣрю. Конечно, о себѣ, о болѣзни и дѣлахъ семейныхъ я сказалъ вамъ все. Миръ имъ.

Мое послѣднее письмо, какъ я и думалъ, васъ ужъ въ Питерѣ не застанетъ. Эту пору вы были въ Москвѣ, и я думалъ, оно къ вамъ не дойдетъ; но вчера, получивши второй номеръ „Записокъ“, увидѣлъ „Поминки“ и успокоился: значитъ, вы его получили. „Демонъ“ Лермонтова переписанъ и готовъ, и я бы его ужъ послалъ, да въ первомъ номерѣ увидалъ, что его не напечатаютъ, и потому теперь не пошлю,— онъ вамъ не нуженъ.

Журналъ вашъ „Отечественныя Записки“ ужасно поздно у насъ получается, послѣ всѣхъ журналовъ: 1 № полученъ 2-го февраля, 2 №—25 февраля. Въ Курскѣ же 1-й полученъ десятью днями раньше. Меня ужасно опечалило, когда я услышалъ, что губернаторъ получилъ отъ внутренняго министра номера на „Отечественныя Записки“ и раздаетъ черезъ думу. Это значитъ, что подписка была пустая и Андрей Александровичъ прибѣгъ къ этой мѣрѣ по необходимости. Плохо. Издавай у насъ послѣ этого хорошіе, умные журналы! Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, а у насъ большая часть голосовъ въ пользу „Записокъ“. А другіе побраниваютъ: онѣ не по ихъ мозгу. „Библіотеку“ всѣ бранятъ, но ея кредитъ такъ утвердился, что бранятъ, бранятъ, а все-таки выписываютъ. Они не хотятъ прямо сознаться въ своемъ тупоуміи, а внутри всякой идіотъ чувствуетъ, что „Библіотека“ ему по плечу, а съ „Записками“ горе: ихъ надо читать съ толкомъ. „Библіотеку“ можно читать безъ толку. А о другихъ журналахъ у насъ почти не говорятъ, ихъ какъ будто нѣтъ на свѣтѣ.

Первый номеръ „Записокъ“ чрезвычайно хорошъ, всѣ отдѣлы полны интересомъ. „Актеона“, повѣсть Панаева, весьма хороша, и ее всѣ читаютъ и хвалятъ, кромѣ помѣщиковъ, особенно молодыхъ; тѣмъ она не по-нутру. Жаль, кой-гдѣ въ ней Иванъ Ивановичъ хочетъ смѣшить и силою натягиваетъ комизмъ. Его у него нѣтъ, а у него очень много свѣтской, тонкой, язвительной ироніи. Эта сторона ему далась — и недавно; важное пріобрѣтеніе, владѣть ироніей — великое дѣло. Ольга Павловна у него тоже натура новая, удивительная натура и поставлена художественно — въ эти мерзкіе характеры, между низкими подлыми душонками. Она погибла между ними безъ воплей, безъ страданій, но за то какіе задушены внутри ея души вопли и страданія, и какъ они громко раздаются въ каждомъ чувствующемъ человѣкѣ, и какая къ ней возбуждается въ душѣ любовь и сожалѣніе, и какъ готовъ торжественно проклясть ея палачей и губителей!

А „Письмо учителя“! Его не читаешь, а пожираешь, и не въ одинъ разъ, а въ нѣсколько. Статья Сабурова о сельскомъ хозяйствѣ дѣльная, умная статья, за которую многіе, многіе скажутъ спасибо. Это не то, что̀ писалось изъ иностранныхъ теорій статьи въ „Библіотекѣ“. Здѣсь видишь человѣка чисто русскаго, образованнаго, умнаго, наблюдательнаго, съ тактомъ, который не простыми, а вооруженными глазами смотритъ и въ воздухъ и въ землю. Подобныя вещи для журнала сокровище. Письма Анненкова—чудо какъ хороши; онъ пишетъ

прямо и просто,—какъ, что̀ видѣлъ, думалъ, подслушалъ, не мудрствуя лукаво, — и живой интересъ въ нихъ такъ и трепещетъ.

Вашу критику прочелъ съ остервенѣніемъ, прочелъ и перечелъ. Въ ней много ужъ вами сказаннаго, но тутъ оно получило новый интересъ, тамъ было отрывочно, здѣсь исторически, въ порядкѣ отъ начальнаго интереса слѣдуетъ до послѣдней строки съ такою ясностью, опредѣленностью и убѣжденіемъ. Одно мнѣ не понравилось: напрасно вы ее расположили въ разговорную форму. Разговорная форма необходима въ драмѣ, на сценѣ, въ драматическихъ отрывкахъ; но, кажется, ужъ никакъ не въ критикѣ и ученой статьѣ. Какъ-то второе лицо останавливаетъ всегда и охлаждаетъ вниманіе. Видишь каждую минуту въ немъ миѳъ, который, по приказу перваго лица, иногда затѣетъ новый интересъ, потомъ либо сейчасъ же откажется, или согласится съ первымъ; тогда какъ первое ежеминутно все ползетъ впередъ, какъ жизнь въ человѣчествѣ. По-моему, критика должна высказываться прямо отъ одного лица и дѣйствовать повелительно и державно. Во второмъ номерѣ критика хороша, умна, тактично умна; въ ней на многое указано мѣтко и искусно; но она толпѣ не понравится, она ее не пойметъ. При разборѣ драмы Неѣлова—указанъ матерьялъ для драмы глубоко провидящаго человѣка въ исторію человѣческой жизни; именно на этомъ моментѣ могла бы быть образцовая драма.

Лермонтова „На украинскія степи“ чудо какъ хорошо, изъ рукъ вонъ хорошо! „Бѣснующійся“ Одоевскаго повѣсть глубокая, превосходная и мастерски разсказанная.

Вы смѣетесь, можетъ быть, что я пустился въ такія разсужденія; но я имѣю причину говорить объ нихъ. Болѣзнь такъ меня ошеломила, что у меня до сей поры нѣтъ ни памяти ни мыслей, и я какъ-то живу дуракомъ... И мнѣ бы хотѣлось услышать отъ васъ, хорошо или глупо понимаю вещи, о которыхъ сейчасъ говорилъ, и о тѣхъ пьескахъ, которыя я вамъ послалъ. Хорошо—ладно, дурно—говорите, не жалѣя, и чѣмъ о дурномъ скажете горче, тѣмъ для меня будетъ лучше, полезнѣй.

Какъ вы живете? Здоровье ваше? дѣла? Какъ живутъ И. И. Панаевъ, А. А. Краевскій, Комаровъ, Языковъ? За моремъ Катковъ? Мнѣ бы весьма хотѣлось знать.

Мѣсяца три назадъ А. А. Краевскій писалъ къ моему знакомому Черткову, чтобъ онъ его увѣдомилъ, какъ я живу, что̀ дѣлаю, въ какомъ здоровьи. Не знаю, по какому случаю и зачѣмъ не ко мнѣ прямо. Правда, больше года я не пишу къ нему, но не потому, чтобы не хотѣлъ, или забылъ, а о чемъ я буду писать, и какъ я буду писать, когда я знаю, что у него гора дѣлъ безъ меня, а я еще собой буду время отнимать. Чертковъ же, хотя мнѣ и знакомъ, но онъ моихъ домашнихъ дѣлъ не знаетъ, какъ и всѣ чужіе. Къ чему я буду о нихъ разсказывать, помогутъ ли мнѣ они? Самъ о нихъ говори, — это другое дѣло. Слѣдственно, что Чертковъ обо мнѣ ни написалъ, все не такъ. Если что̀ нужно, то сообщите Андрею Александровичу обо мнѣ.

Люди, которые подписались на „Отечественныя Записки“ въ

думѣ, не получили еще до сей поры ни перваго, ни второго номера! За это сердятся.

Новая бѣда грозитъ мнѣ впереди: послѣ Святой опять въ Воронежъ пріѣдетъ та женщина... Если въ самомъ дѣлѣ пріѣдетъ, и я съ ней встрѣчусь, то чувствую впередъ, что отъ этой встрѣчи добра будетъ мало. А я ужъ съ охотой жду, и въ моей душѣ къ ней злобы нѣтъ.

Кому можно, поклонитесь отъ меня, всѣмъ, кого я люблю, — вы всѣхъ сами знаете. Васъ вижу сію же минуту у себя живаго и крѣпко обнимаю и цалую. Вашъ Алексѣй Кольцовъ.

69. В. П. Боткину.

27 февраля 1842 г. Воронежъ.

Вотъ, милый мой Василій Петровичъ, вы такъ извинялись передо мною весною въ письмѣ, что долго не писали ко мнѣ, что много разъ сбирались и откладывали до завтра. А лучше ли теперь сдѣлалъ я, исправнѣй ли поступилъ? Писалъ ли даже на ваше письмо,—не помню. А сколько съ той поры прошло время,—ужасъ! Вы ужъ заняты, и у васъ больше разсѣянія, больше людей, которыхъ любите, а у меня и время свободно, и ничего не дѣлаю, и людей въ цѣломъ Воронежѣ ни одной души; не только некому сказать двухъ словъ, но и не у кого пожать руки... И кажется, надо будетъ писать письмо безъ извиненій. Но не думайте, однако жъ, чтобы я не хотѣлъ къ вамъ писать, или не имѣлъ желанія; но были причины, и теперь есть, и ихъ много, и причины уважительныя. И сколько могу, рады ль вы будете,—не рады, а я вамъ ихъ сообщу,—нельзя не передать, хочется. Больше некому,—Виссаріону Григорьевичу и вамъ. Ему я ихъ всѣ передалъ, теперь—вамъ.

Живя въ Москвѣ, вы все знали, что́ я дѣлалъ, думаю, какія были мои и семейныя обстоятельства, и что ужъ тамъ меня начали тревожить темныя предчувствія, которыя послѣ разрѣшились—и много хуже, чѣмъ я думалъ.

Съ перваго пріѣзда домой, отецъ мой обошелся весьма холодно. Дѣло, которое я выигралъ, его нисколько, при разсказѣ о немъ, не порадовало. Это меня поставило въ тупикъ. Я не жилъ никогда въ однѣхъ комнатахъ съ ними. Притомъ, въ домѣ нашемъ есть мезонинъ, я одну зиму ужъ въ немъ зимовалъ; безъ меня его не топили. Я хочу перейти въ него,—мнѣ говорятъ: живи съ нами. Живу недѣлю: скучно, безпокойно. Топлю мезонинъ, перехожу силой; мнѣ не даютъ дровъ. Беремъ ночью, крадучи. Не даютъ свѣчей, чаю, сахару. Плохо. Я къ отцу, — говорю объ этомъ. Онъ: „Я говорилъ, — живи съ нами, и я писалъ тебѣ: хочешь остаться въ Москвѣ, — останься; я и не ждалъ тебя; думалъ, ты тамъ останешься." Кой-какъ пробился до весны. Весной дровъ не надо, и я сталъ жить покойнѣй; но отецъ меня шибко огорчилъ. Это на меня шибко подѣйствовало. Я началъ шляться кой-куда и безъ дѣла; дѣла мнѣ опротивѣли.

Въ эту пору встрѣчаюсь съ женщиной, о которой я вамъ писалъ, и два мѣсяца убилъ съ нею такъ, какъ никогда не жилъ съ женщинами съ роду. Ну, конечно, объ этомъ дошли слухи и до отца. Подобное мое поведеніе ему не понравилось. Я всегда въ глазахъ его и цѣлаго города велъ себя святошей, и вдругъ онъ увидалъ во мнѣ человѣка распутнаго.

И это, конечно, не обошлось бы мнѣ даромъ, да я заболѣлъ. Боль сначала заключалась въ трехъ опухоляхъ, и лѣкарь мой ихъ въ двѣ недѣли прогналъ. За ними новая боль: распаденіе во всей натурѣ. Вдругъ я упалъ и тѣломъ и духомъ; вдобавокъ отецъ не даетъ денегъ ни гроша ни лѣкарю ни на лѣкарство. Я занимаю; лѣчусь. Меня плохо кормятъ, и то тихонько отъ отца готовили обѣдъ мнѣ. Я это узналъ, сказалъ лѣкарю. Онъ присовѣтывалъ мнѣ удалиться изъ дома, купаться въ рѣкѣ. Къ счастью, у родственника надъ самымъ Дономъ, въ 12 верстахъ отъ Воронежа, есть дача. Я къ нему; онъ велѣлъ съ охотой переѣхать и далъ мнѣ всѣ средства, и я жилъ на дачѣ три мѣсяца такъ покойно, — пилъ, ѣлъ, спалъ, купался.

Здоровье мое немножко поправилось, но только поправилось, а не исправилось. Въ августѣ я домой, съ мѣсяцъ шло лучше, и я началъ прохаживаться. Въ концѣ сентября у меня сдѣлалось воспаленіе въ почкахъ, и я чуть не отправился на онъ-полъ. Но пьявки, припарки, прохладительное — возвратили къ жизни.

Отецъ, не смотря ни на что, мучить меня не переставалъ и очень равнодушно сказалъ мнѣ, что если я умру, онъ будетъ радъ, а если буду жить, то онъ предувѣдомляетъ меня впередъ, чтобъ я ничего не ждалъ и не надѣялся; что онъ дома и ничего мнѣ никогда не предоставитъ; что если не успѣетъ при жизни прожить, то сожжетъ. И это говорилъ онъ тогда, когда я ни слова ему ни о чемъ подобномъ не сказалъ и ничего отъ него не требовалъ. Мать моя простая, но добрая женщина; хотѣла мнѣ помогать, но я ее отклонилъ и поддерживалъ себя займомъ.

Воспаленіе прошло, и я немножко опять началъ поправляться. Осень. Мезонинъ холоденъ, по необходимости помѣстился вмѣстѣ. Комнату занялъ на проходѣ: удобнѣй не было; была, — да въ ней жили старики, ее не дали. Ну, ничего, живу.

За сестру сватаются. Завязалась свадьба, все начало ходить, бѣгать черезъ мою комнату; полы моютъ то и дѣло, а сырость для меня убійственна. Трубки благовонія курятъ каждый день; для моихъ разстроенныхъ легкихъ все это плохо. У меня опять образовалось воспаленіе, сначала въ правомъ боку, потомъ въ лѣвомъ противу сердца, довольно опасное и мучительное. И здѣсь-то я струсилъ не на шутку. Нѣсколько дней жизнь висѣла на волоскѣ. Лѣкарь мой, не смотря на то, что я ему мало очень платилъ, пріѣзжалъ три раза въ день. А въ эту же пору у насъ вечеринки каждый день,—шумъ, крики, бѣготня; двери до полночи въ моей комнатѣ минуты не стоятъ на петляхъ. Прошу не курить,—курятъ больше; прошу не благовонить—больше; прошу не мыть половъ,—моютъ. Я началъ бѣситься, злиться, и даже,

стыдно сказать, сплетничать. Но эта сплетня помогла и, наконецъ, кое-что, чего я не зналъ, открыла. Но объ этомъ послѣ.

Не смотря ни на что, старанія лѣкаря и моя натура все превозмогла. Оказалось, что я очень живучъ, какъ кошка. Мнѣ стало лучше.

На пестрой свадьба кончилась. Шумъ съ плечъ долой. На третій день послѣ конца свадьбы, отецъ ко мнѣ приходитъ. Говоритъ, чтобы я перешелъ въ его комнату. Я отказался: она зимой сыра, а это мнѣ вреднѣй всего. Онъ сказалъ: „Не хочешь? Ну, переходи, куда хочешь, или со двора". И много наговорилъ въ этомъ родѣ. Послѣ обѣда уѣхалъ въ гости. Я безъ него перебрался въ комнату сестры моей, теплую, сухую, съ прекраснымъ воздухомъ, и приготовился со старикомъ поспорить за нее. Но дѣло обошлось, слава Богу, безъ шума. Ему сказали, [что] я было перешелъ въ его, но сдѣлался нездоровъ— и перебрался въ сестрину. Я точно было и перешелъ, но у меня разболѣлись грудь и голова, я и тягу изъ ней до него. Онъ молчалъ. Я поутру пошелъ къ нему, объяснилъ причину, просилъ не сердиться за комнату, какую занялъ, и дѣло тѣмъ кончилось.

Да во время болѣзни и свадьбы за мою сплетню на меня сестра озлилась такъ, что начала ругать всячески и увѣрять мать, что я ей „носъ скушу". И даже однажды подлѣ меня поставила столъ на средину комнаты, положила дѣвушку и начала отпѣвать меня, а я лежу и слушаю. И это та сестра, которую я весьма любилъ, о которой я много хлопоталъ учить на фортепьянахъ, пѣть, по-французски... И за фортепьяны мнѣ досталось отъ старика порядочно. Но какъ еще пріѣхалъ я изъ Москвы, удивился: пѣніе брошено, фортепьяны забыты, языкъ тоже. Ноты, которыя ей прислалъ, не разыгрывались. Это меня удивило. Послѣ узнаю, — она влюблена. Я и сложилъ все на это, разъ намекнулъ объ этомъ слухѣ; она меня отклонила такъ сухо, будто я это самъ выдумалъ. Я и замолчалъ. Конецъ.

Но вы спросите, отчего ко мнѣ сдѣлался такъ дуренъ отецъ и сестра? Отецъ мой отъ природы съ сильною физическою природою человѣкъ, жилъ въ приказчикахъ, пріобрѣлъ кое-что, сдѣлался хозяиномъ наживалъ капиталу до 70 тысячъ рублей три раза, и проживалъ ихъ вновь; въ послѣдній разъ прожился, — и осталось у него много дѣлъ. Онъ ихъ кое-какъ затушилъ, а окончить было нечѣмъ. Они пали на меня; въ 8 лѣтъ я ихъ поуладилъ, и это дѣло, за которымъ я жилъ въ Москвѣ, было послѣднее. Оно кончилось на время хорошо, теперь у него нѣтъ ихъ, онъ покоенъ. Выстроилъ домъ, приноситъ доходу до 6000 въ годъ, да еще у насъ девять комнатъ за собой. Кромѣ того у него осталось до двадцати [тысячъ]. Онъ самолюбивъ, хвастунъ, упрямъ, хвастунъ безъ совѣсти. Не любитъ жить съ другими въ домѣ человѣчески, а любитъ, чтобы все передъ нимъ трепетало, боялось, почитало и рабствовало. И я все это переносилъ и терпѣлъ, но какъ у меня была особая комнатка, уйду въ нее и отдохну. Не думалъ о себѣ, а только о дѣлахъ. Но принявъ дѣла, уладилъ ихъ.

какъ былъ Жуковскій, онъ далъ мнѣ большой вѣсъ, и старикъ,

ради дѣлъ, по необходимости, далъ мнѣ свободы болѣе, чѣмъ желалъ. Это ему наскучило. Ему хотѣлось одолѣть меня прежде, настаивая жениться. Я не хотѣлъ. Это его взбѣсило. Женись, — онъ бы тогда надо мной разговѣлся. Сестра же послѣ меня его пуще возбудила. Она всѣ мои фантазіи, которыя я ей разсказывалъ, перетолковала по своему, и кончила, что я пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы обобрать старика, да и въ Питеръ. Она же такъ сбывала съ рукъ меня, чтобы выйти замужъ и войти во дворъ и овладѣть всѣмъ. И въ кого она влюблена была, и вышла замужъ? Человѣкъ видный, красивый собой, но пустой, недалекой, ограниченный, безъ совѣсти и пошлой. И теперь оказалось, что она была влюблена, а онъ и не думалъ. Но если бъ я и умеръ, все бы они ошиблись въ разсчетѣ. Отецъ по смерти можетъ и отказать за ними домъ, но при жизни, когда гонитъ послѣдняго сына со двора, чтобы деспотически властвовать одному, то приметъ ли къ себѣ чужова человѣка — зятя. Кажется, — нѣтъ.

Устроившись въ комнатѣ, я поѣхалъ къ сестрѣ, просилъ извиненія и прощенія у ней и у двухъ другихъ, буде я ихъ чѣмъ оскорбилъ. И скажу вамъ откровенно: сплетня мнѣ наскучила, и я былъ ими часто огорченъ, встревоженъ, взбѣшенъ. Чтобы успокоить себя, чѣмъ продолжать ссоры, — кончить миромъ.

И я теперь, слава Богу, живу покойно, смирно; онѣ меня не безпокоятъ. Въ комнатѣ тишина; самъ большой, самъ старшой; съ отцомъ вижусь рѣдко. Онъ меня не оскорбляетъ пока, и я доволенъ имъ. Обѣдъ готовятъ порядочной; чай есть, сахаръ тоже; а мнѣ пока больше ничего не нужно. Здоровье мое стало лучше, началъ прохаживаться и два раза былъ въ театрѣ. Лѣкарь увѣряетъ, что я въ постъ не умру, а весной меня вылѣчитъ. Но силъ, — не говоря: духовныхъ, — и физическихъ еще нѣтъ; памяти тоже. Волоса начали расти, на лицѣ зелень сошла, глаза чисты. Пока, — слава Богу.

Еще одно. Вы не знаете, какая у меня была сплетня? И подумаете, гадкая? Нѣтъ, а въ подобномъ родѣ: „сестра моя зла, желаетъ моей смерти, отпѣла заживо; другая — дура; третья зла и ехидна и скряга; старикъ меня не любитъ, не даетъ денегъ лѣчиться, женихъ недалекъ, безсовѣстенъ“ и т. д. Оно все правда, да и правды-то не любятъ. А чтобы я чтò-нибудь дѣлалъ отцу или сестрамъ во вредъ, — Боже сохрани! Ничего.

Вотъ, милый Василій Петровичъ, исторія моей болѣзни и моихъ обстоятельствъ съ той поры, какъ я разстался съ вами, до сихъ поръ.

Я подробно разсказалъ вамъ и для того, что, кромѣ васъ и Виссаріона Григорьевича, мнѣ некому передать о себѣ ничего, а во-вторыхъ, и для того, чтò вы мнѣ посовѣтуете дѣлать. Пока я боленъ, конечно, — ничего; умру — также. Но — выздоровѣю? Какъ вы скажете: удерживаться ли въ Воронежѣ дома, бросать ли все, — ѣхать въ Петербургъ? Удерживаться дома, — житье мнѣ будетъ плохое. Но все старикъ меня, какъ ни говори, а съ двора не сгонитъ. У меня много знакомыхъ здѣсь людей хорошихъ, которымъ я еще ни слова. Про это знаютъ лѣкарь и у кого я жилъ на дачѣ; скажи имъ, — они по-

могутъ; но расположить человѣка силою, конечно, не могутъ; этого нельзя. Уладить съ нимъ можно легко: жениться, и онъ будетъ ко мнѣ хорошъ; но за то надо будетъ взять тамъ, гдѣ ему будетъ угодно. Это значитъ: пожертвовать собой, сгубить женщину и себя. Ѣхать въ Питеръ, — онъ не дастъ ни гроша. Ну, положимъ, я найдусь туда пріѣхать, у меня есть вещей рублей на 300 — этого достаточно; но пріѣхавши туда, что̀ я буду дѣлать? Наняться въ приказчики? не могу. Отъ себя заниматься? не на что. Положить надежду на мои стишонки, — что̀ за нихъ дадутъ? и что буду за нихъ получать въ годъ?—пустяки: на сапоги, на чай—и только. Талантъ мой, надо говорить правду въ рѣшительное время, — талантъ мой пустой; нѣсколько пѣсенокъ въ годъ—дрянь. За нихъ много не дадутъ. Писать въ прозѣ не умѣю, а мнѣ 33 года—четвертый, пока то да се—34. Вотъ мое положеніе.

Пожалуйста, напишите мнѣ ваше мнѣніе, я имъ дорожу больше всего. Виссаріонъ Григорьевичъ пишетъ: ѣхать; да боюсь, страшно. Я, живя на свѣтѣ, хорошаго не видалъ, или видѣлъ—да немного, да и то живя въ Москвѣ и въ Питерѣ, а въ Воронежѣ не помню когда. Вы знаете жизнь и людей больше, опытнѣй въ этомъ дѣлѣ, и я вамъ больше всѣхъ повѣрю. Что если въ сорокъ [лѣтъ] прійдется нищенствовать? — Плохо, особенно на чужой сторонѣ; жить же на чужой счетъ — вѣкъ не проживешь. Я теперь долженъ вамъ и другимъ. Вы ихъ не просите, а если бъ... Какъ они меня мучаютъ! По дѣламъ торговли затянуть туда-сюда — не хорошо, но при нуждѣ еще таки; но эти займы—другое дѣло. Есть [и другіе долги]: я занялъ у такихъ людей, которые сами для меня заняли. Небольшая сумма, да въ 1000 разъ хуже большой! Здѣсь занималъ—ужъ такъ съ условіемъ: когда будутъ — тогда отдать. Это еще легче, да легче при крайности, а то отведи, Господи, отъ моего врага такую легкость. Ради Бога, напишите на все это искренно и откровенно.

Писать—ничего не пишу, не въ состояніи. „На новый годъ" написалъ больной въ минуту горькой скуки, и вамъ ихъ посылаю. Гадость, но онѣ вамъ напомнятъ чудесную ночь, проведенную у васъ многими. Если вамъ подобныя вещи не интересны, то для меня это воспоминаніе весьма дорого. Читать — мало читаю, не могу: слабъ, и памяти нѣтъ. Если читаю два часа, то дѣлаюсь, какъ ледъ. Убиваю время такъ, кое-какъ. Наслаждаюсь спокойствіемъ, важничаю одинъ въ свѣтлой, сухой комнатѣ, сплю до десяти. Необходимое есть—и довольно. Забочусь о здоровьѣ...

Благодарю васъ за письмо, присланное ко мнѣ, за приписку къ письму Виссаріона Григорьевича изъ Петербурга, за совѣтъ, котораго я пока и придерживаюсь. Извините меня, что я не пишу вамъ ничего о литературѣ, которую и больной люблю душою. Но писать о ней ничего не могу. Нѣтъ памяти, нѣтъ мыслей. Я пока сдѣлался чисто животное существо и, видите ль, пишу къ вамъ о всякихъ мелочахъ; въ другую пору о нихъ бы, можетъ быть, постыдился намекнуть. Что, если и выздоровѣю, такимъ останусь? Тогда простите, Василій Петро-

вичъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, Москва, Петербургъ! Нѣтъ, дай, Господи, умереть, а не дожить до этого паралитическаго состоянія. Или жить для жизни, или маршъ на покой[1]).

Есть еще пьески три новыхъ, хотѣлъ бы сообщить ихъ вамъ, да усталъ; писать мочи нѣтъ. Послѣ когда-нибудь. Отъ души посмѣялся я, читая ваше письмо. Павловы и Бакунины меня бранятъ за Языкова,—это хорошо. Бѣда у меня новая, Василій Петровичъ, готовится впереди; вчера услышалъ: та моя женщина будетъ въ Воронежѣ послѣ Святой. Я какъ-то боюсь ее увидѣть... и хочется видѣть. И если къ той порѣ поздоровѣю и если пойдетъ по старому, тогда ужъ мнѣ матъ; а лучше пусть пріѣзжаетъ; жду. Братцамъ вашимъ мое почтеніе, Ивану Петровичу—глубокое. Васъ цалую крѣпко. До свиданія. Вашъ Алексѣй Кольцовъ.

Теперь спросите у меня, для чего я десять лѣтъ улаживалъ дѣла отца, торговалъ, хлопоталъ, строилъ домъ, обманывалъ людей и иногда подличалъ? Сестрѣ на свадьбу отецъ нашелъ 10,000 р., а больному сыну нѣтъ 200 — дать лѣкарю. Чудны дѣла на свѣтѣ!

Пропустилъ: Зачѣмъ я снялъ ту маску, что̀ носилъ прежде? Наскучило носить ее, стало въ тягость наряжать себя, обманывать людей и себя. У васъ я былъ — я; въ Воронежѣ и въ дѣлахъ — другой я, не — я. И старикъ началъ всюду говорить, что онъ меня кормитъ, что я всѣ у него завелъ дѣла, которыя онъ насилу кончилъ, и что я живу — воздухъ копчу, даромъ хлѣбъ ѣмъ. И это меня огорчило. Отчего моя сестра перемѣнилась? Вотъ отчего: безъ меня она и двѣ другія, одна съ дурью и живетъ богато, и ея голосъ былъ важенъ, [стали говорить]: „Станкевичъ померъ, Сребрянской тоже, Пушкинъ застрѣлился, Марлинскаго убили; да и нашему молодцу не сдобровать. И кто этихъ людей слушаетъ и держится, тотъ человѣкъ пустой. Главное былъ бы хлѣбъ, а для хлѣба извинительно сдѣлать всякую подлость. Люди побранятъ — да перестанутъ, а мы наживемся“. Изъ этого письма увидите, если я самъ не виноватъ. Сдѣлался глупъ, гадокъ, золъ. Пожалуйста, скажите правду. Я за себя теперь не ручаюсь, можетъ, мое болѣзненное состояніе меня и перестроило иначе, и, можетъ, я дѣлаю не такъ, какъ должно.

70. В. Г. Бѣлинскому и В. П. Боткину.

[Май 1842 г. Воронежъ].

Любезнѣйшіе, добрые мои Виссаріонъ Григорьевичъ, Василій Петровичъ! У меня нѣтъ силъ писать къ вамъ двухъ писемъ, а изъ послѣдняго письма Василія Петровича я знаю, что вы оба живете вмѣстѣ въ Петербургѣ.

Благодарю васъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, за послѣднее ваше письмо: оно меня много успокоило; со многимъ здѣсь дома поми-

1) Въ текстѣ письма помѣщено стихотвореніе „На новый 1842 годъ“.

рило, и я сталъ на окружающія меня вещи смотрѣть еще равнодушнѣе. Живу, не думая о многомъ; стараюсь забыть, чтò со мной сдѣлали и дѣлаютъ; становлю себя между своими человѣкомъ посторроннимъ. Вашъ зовъ въ Питеръ совершенно воскрешаетъ мою душу, но никакъ еще я не справлюсь съ тѣломъ: оно измѣняетъ. Правда, и физическихъ силъ я чувствую небольшой въ себѣ избытокъ; но все онѣ есть, и больше — чѣмъ въ тѣлѣ; тѣло сколько разъ падало, хотѣло разрушиться, уничтожиться, а я все живу... Кто же пересиливаетъ болѣзнь тѣла, какъ не сила духа? Лѣкарь, лѣкарство—они много значатъ, но если бы упала физическая сила, тогда бы и средства были безплодны.

Весь постъ я былъ здоровъ какъ нельзя лучше. Сначала это меня радовало, потомъ я сталъ на себя смотрѣть подозрительно; и подозрѣнье оправдалось: въ половинѣ страстной болѣзнь моя опять меня схватила, да какъ! какъ никогда. Пять сутокъ не было сна, аппетита, шибкой поносъ, ночью жаръ, бредъ безъ сна, кашель всю ночь и ужасъ мокроты; да такъ—съ недѣлю (пока мой лѣкарь справился съ этимъ кризисомъ). Меня боль [такъ] измучила, что жизнь висѣла на волоскѣ. И вотъ три недѣли прошло—все еще не въ очень хорошемъ состояніи. Однако, мнѣ лучше съ каждымъ днемъ: теперь ѣмъ, сплю, хожу, выѣзжаю за городъ, только силъ нѣтъ.

Вы говорите въ письмѣ, что я слѣпо отдался людямъ мерзкимъ обмануть себя. Такъ, это правда. Но, Виссаріонъ Григорьевичъ, эти люди не хороши, но вѣдь они — отецъ, сестры. Какъ же мнѣ было остерегаться отца, гдѣ я жилъ, отъ него началъ дѣйствовать и вмѣстѣ съ нимъ? У кого же должно было быть тогда все въ рукахъ: у сына ль, молодова человѣка, или у старика отца? Да, дѣла наши такъ были темны, что я цѣлый годъ топъ въ нихъ по самыя уши, и еще не дома, всегда на сторонѣ; дома былъ гостемъ, и былъ всегда отецъ ко мнѣ хорошъ. Я думалъ, что онъ меня любитъ, какъ порядочнаго сына, который старается дать ему и семейству лучшее значеніе, усилить отношеніе людей съ хорошей стороны, увеличить честь въ обществѣ. Ай, нѣтъ: онъ ласкалъ меня, оказалось, не ради этого, а ради того, что я у него хорошая рабочая лошадь, которая хорошо и ловко дѣлаетъ дѣла, очищаетъ его отъ судебныхъ дѣлъ. Пришло почти это все къ концу, онъ и показалъ, за чтò онъ меня любилъ; начни я дѣлать попрежнему, онъ опять меня полюбитъ. Я буду пріобрѣтать— и изъ этого не долженъ смѣть истратить гроша; а онъ ихъ будетъ проживать глупо, — и надо его хвалить! Чтò не проживаетъ, а все самъ одинъ пріобрѣтаетъ. О себѣ ни слова: вози и молчи. Ошибка моя состояла въ необходимости. Теперь мы рѣдко съ нимъ видимся, въ недѣлю разъ, два, и то какъ-нибудь встрѣтимся нечаянно. Во время самой сильной болѣзни былъ у меня въ недѣлю на минуту разъ: и то, я замѣтилъ, радостно глядѣлъ на меня, отходящаго къ смерти. Мать одна оказала мнѣ искреннее участіе.

Теперь къ вамъ, Василій Петровичъ! Я писалъ вамъ письмо большое, подробное, все, чтò было со мной и есть. Въ немъ я вамъ

писалъ все, чтò у меня за душою было и жило долго: и про мои намѣренія, и про мои опасенія, и про себя самого. Такое письмо я только и могъ написать вамъ или Виссаріону Григорьевичу, никому больше на свѣтѣ: ни брату, ни женѣ. Горькое было у меня время, горько, — вамъ во всемъ и сознался. Но вы, милый Василій Петровичъ, поскупились отвѣтить мнѣ на все, на чтò я просилъ отвѣта. Слова нѣтъ, тяжело вамъ о многомъ сказать прямо, — щекотливо: я васъ поставилъ въ самое затруднительное положеніе. Но я къ вамъ-то объ этомъ и писалъ, отъ васъ-то и требовалъ, и отъ васъ-то я и могу все выслушать и легко снести непріятное; чтò бы вы дурно про меня ни сказали, это все бы только значило, что вы сказали мнѣ не въ укоръ, а въ похвалу, а чѣмъ бы прямѣй и рѣшительнѣй, тѣмъ бы было для меня пріятнѣе и легче. Видите ли, у меня сдѣлалась нечаянная перемѣна во всемъ, и я, такъ сказать, оторопѣлъ. Мнѣ сдѣлалось нужно броситься въ другую сферу; но прежде нужно же сознать свои силы и свои недостатки. Упавши разъ, и то никакъ не поднимусь, но упавши другой разъ,—значитъ наповалъ. Вотъ почему мнѣ нужно знать о самомъ себѣ именно отъ васъ, и потому отъ васъ, что я къ вамъ обоимъ неограниченную имѣю любовь и довѣріе, а между своими чиниться въ крайности нечего: чтò плохо, то и наружу прежде всего. Отъ всего сердца благодарю васъ за ваше письмо.

Переселиться въ Питеръ—послѣднее средство; чтò будетъ, то будетъ—другова выхода нѣтъ. За приглашеніе жить съ вами на дачѣ, за вопросъ: есть ли у меня на проѣздъ деньги,—за это за все такъ я вамъ благодаренъ, что не умѣю вамъ и высказать. Ваше письмо благодатью повѣяло на меня, въ немъ столько любви, участія, вниманія, теплоты, души, искренности; читая его, такъ и рвешься къ вамъ душою, милые мои, да крыльевъ нѣтъ.

Положеніе моего состоянія здоровья лучше опять. Лѣкарь говоритъ, что боль продолжительна, но не опасна, и что онъ за жизнь ручается. Онъ же и лѣчитъ годъ, получивъ бездѣлицу, и знаетъ, если и вылѣчитъ, то тоже получитъ бездѣлицу: много, если я могу передать ему 300 рублей. Но онъ меня немножко любитъ, и потому всегда ко мнѣ усерденъ. Во время этой самой схватки болѣзни, я даже говорилъ ему: докторъ, если моя болѣзнь неизлѣчима, если вы только протягиваете жизнь, то прошу васъ не тянуть ее необходимо; чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше, и вамъ меньше хлопотъ. Онъ сказалъ, что у него есть увѣренность справиться съ моей болѣзнью. Когда такъ, — будемъ лѣчиться.

Я сказалъ, что у меня, чтобы жить, выходъ одинъ — въ Питеръ; я это самъ сознаю душою; но пока я боленъ, пока не вылѣчусь, пока силы и тѣло не укрѣпнутъ, пока я не буду годенъ снести длинный путь — до тѣхъ поръ я изъ Воронежа ни ногою. Выгонитъ отецъ со двора больнова, — есть родственникъ, готовый меня взять къ себѣ и безо всякаго счета доставить мнѣ все нужное. Это — Башкирцевъ. Онъ человѣкъ чисто математической и лѣтъ пятидесяти; да онъ меня издавна любитъ, и онъ больше всѣхъ въ городѣ, послѣ матери, обо

мнѣ заботится. Какъ скоро выздоровѣю, тогда тотъ же часъ письмо къ вамъ и Виссаріону Григорьевичу. Вчера проѣхалъ за городъ, за 10 верстъ, сбиралъ съ часъ траву. Поѣздка была 8 часовъ; пріѣхалъ—уморился на смерть, насилу отдохнулъ.

Если вы взяли у Ширяева послѣдніе три тома Пушкина, пришлите пожалуйста ко мнѣ. Здѣсь ихъ мало, трудно достать прочесть, а деньги, которыя я у васъ взялъ — 345 рублей ассигнаціями — подождите, пожалуйста. Богъ дастъ поправлюсь, — буду говорить о нихъ съ отцомъ. Теперь не говорю, потому—иногда надобно разсердиться, поговорить съ нимъ круто, а мнѣ это до смерти вредно. И я съ пріѣзда подалъ счетъ; раза два напоминалъ. „Будутъ деньги,—вышлемъ“—былъ отвѣтъ. А больной, ни слова ужъ ни о чемъ интересномъ: боюсь ссоры.

Въ прошедшій разъ писали вы, гдѣ я дѣлъ 18 экземпляровъ „Кота-Мурра“. Взявши въ конторѣ Песоцкаго въ тюкѣ не переплетенныя, принесъ положить въ лавку къ Василію Петровичу Полякову. Онъ былъ въ лавкѣ, спрашиваетъ: —Что это? — „Котъ-Мурръ“. — Куда? — Къ переводчику Кетчеру послать въ Москву, взялъ у Песоцкаго по порученію Кетчера“. — Какъ же вы пошлете? — „Черезъ почту“. — Вамъ дорого это будетъ стоить; а не угодно ли я вамъ пошлю ихъ при дилижансѣ, и это стоитъ бездѣлица, у насъ ужъ заведена съ нимъ годовая корреспонденція. Я пишу адресъ: „Въ Москвѣ, В. П. Боткину, купцу такому-то“, и оставилъ у него. Черезъ недѣлю зашелъ. „Послали?“ — Давно-съ. — Пріѣхалъ въ Москву, спросилъ у васъ, — вы не получили. Я писалъ къ Полякову изъ Москвы и изъ Воронежа писемъ семь. Отвѣта нѣтъ. Такъ, пожалуйста, зайдите къ нему, побраните его за подлость, и возьмите ихъ, или на эту сумму другихъ. Жаль: ни за что бѣднаго Кетчера завладѣлъ подлецъ 18 экземплярами.

Кланяйтесь отъ меня Андрею Александровичу, И. И. Панаеву, Языкову, Авдотьѣ Яковлевнѣ. До свиданья. Обнимаю и цалую васъ, милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ и Василій Петровичъ! Вашъ Алексѣй Кольцовъ.





ПРИЛОЖЕНІЯ.

ЮНОШЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

А. В. КОЛЬЦОВА

1826—1827 гг.

---

1. Пѣснь утру.

Съ зарею красною восходитъ
Солнце яркое въ востокъ,
Изъ-за лѣса, горъ выходитъ;
И шумитъ живой потокъ.
Освѣтило долъ росистой,
Озлатило зыби водъ,
Потряссся и боръ вѣтвистой.
Вдругъ поднялся хороводъ
Нѣжныхъ пташекъ, пѣнье,
И свирѣли пастуховъ.
Всюду радость и веселье
Средь долины и луговъ.
Всѣхъ плѣняло, веселило
Милой взоръ среди природъ!
О, какъ нѣжно, о, какъ мило,
Утро встрѣтить и восходъ!

10 октября 1826 г.

---

2. Первый шагъ любви.

Извините, я невольно,
Васъ увидѣлъ, полюбилъ;
Это сердцу ужъ прискорбно,
Если бъ пламень я убилъ.
Если можно, изъяснитесь...
Вы, я знаю, возгордитесь
Со мной дружбу завести.

Отказъ милой я забуду,
Но любить во вѣки буду.
Ангелъ, да иль нѣтъ? прости!

6 генваря 1827 г.

---

3. Пьянюгину.

Козьма, говорятъ, хворъ,
Ай, вздоръ!
Такъ развѣ съ пуншу заболѣлъ;
И вправду, какъ не околѣлъ!

8 генваря.

---

4. Простодушіе сосѣда.

Сосѣдъ мой пьетъ аракъ;
Такъ видно не туракъ.

12 генваря.

---

5. Ирисѣ.

„Не вѣрю, чтобъ Ириса
„Чужой красой сіяла".
Хоть какъ ты ни божися,
Но все жъ не угадала:
У ней фальшивы волоса,
Всегда поддѣльная краса.

15 генваря.

---

6. Семинаристу, писавшему эпиграмму.

Вралевъ, писавшій эпиграмму,
Теперь, признаться, докончалъ;
Но что жъ онъ ею укорялъ? —
И не мужчину, и не даму.

28 генваря.

---

7. Отцвѣтшая краса.

Жизнь моя несется,
Какъ пылиночка весной;
Пламень страстной льется
И уноситъ мой покой.
Милы гдѣ предметы:
Поле, рощи и луга,
И младыя лѣта,
И пріютные брега?

Гдѣ твоя награда —
Воля страсти молодой?
Гдѣ твоя услада,
Незамѣтная тоской?
Гдѣ цвѣточекъ лживой —
Свѣтлоокіе глаза,
Блескъ въ лицѣ игривой
И пріятная краса?
Рано ты сокрылась,
Милой юности черта,
Мнѣ же бѣдной мнилась...
Сонъ, игривая мечта!
Старость не отрада
Для поблекшаго лица:
Мнѣ жъ одна отрада
Терпѣливо ждать конца.

1 февраля.

8. Сонъ.

Въ бурной жизни сновидѣнья
Я люблю одинъ мечтать,
Посреди жъ уединенья
Я готовъ стихи кропать.
Но когда мой тихой геній
Съ музой стройной улетитъ,
Я ношусь между селеній,
Тамъ, гдѣ милымъ должно жить.
Если скучной посѣтитель
Мнѣ явится одному,
То надежда-утѣшитель
Собесѣдуетъ ему.
Одинокой, я скучаю
И утѣхъ вездѣ ищу,
И томлюся, и вздыхаю,
Самъ не знаю, чѣмъ грущу.

12 марта.

9. Посланіе къ Е. Г. О.

(Акростихъ).

Если, Лизанька милая,
Любишь нѣжно ты меня,
И, любовію сгарая,
Съ тобой счастливъ вѣчно я,—
Ахъ, любезная, жестоко,
Въ нѣмой страсти слезы лить!

Если жъ скукѣ одинокой
Терпѣливость положить,—
Есть ли что лютѣе въ свѣтѣ,
Грустнѣй, тяжче черныхъ бѣдъ?
Разлучаетъ страсть въ предметѣ
И велитъ любя терпѣть,
Горячѣе любовь станетъ,
Образъ милой сохраня.
Разъ, ахъ! тѣнь ея летаетъ
Этой милой вкругъ меня.
Въ вѣрномъ сердцѣ сохраняю
Непреложную любовь,
Отъ любови согрѣваю
И сердце, грудь, и кровь.
Ангелъ милой, я неложно
Горжусь чувствомъ и тобой!
Ахъ, красавицы, возможно ль
Разлучить меня съ драгой?
Колько жъ, Лиза дорогая,
Отягченному страдать,
Вѣрно сердце предлагая
Отъ любови увядать,
И въ любви надеждъ искать?
16 марта.

---

10. Акростихъ.

Красавицѣ любезной
Отдалъ послѣдній часъ.
Любовь, твой даръ чудесной
Царями ставитъ насъ.
О, любовь, твой милой даръ
Вездѣ ставитъ намъ алтарь,
Къ удовольствію надежный,
Тихій, мирный, безмятежный.
16 марта.

---

11. Тоска о милой.

Въ чужой странѣ далеко,
Съ тобою разлученъ,
Скитаюсь одинокой,
Лишь милой оживленъ.
Тобою только въ страсти
Питаю скорбь мою,
Вздыхаю, въ лютой части
Кончаю жизнь свою.



А. В. Кольцовъ

(съ литографіи Ап. Н. Мокрицкаго).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ СПБ.

Я вяну повсечасно
И сердцемъ и душой!
Въ разлукѣ жить ужасно.
О, милая, съ тобой!

25 марта.

12. Тоска о миломъ.

По лютой, другъ, разлукѣ
Страдаю день и ночь,
Но чѣмъ я въ лютой скукѣ
Могу душѣ помочь?
Все тщетно! Я тоскую,
Утѣхъ вездѣ ищу,
Кляну судьбу лихую
И — болѣе грущу.
Безъ друга — жить жестоко,
Всечасно тосковать,
Лишь въ скукѣ одинокой
Драгова вспоминать.
Спѣши скорѣй, о нѣжной,
И тѣмъ утѣшь меня.
Узрѣвъ тебя, безцѣнной,
Скажу: „навѣкъ твоя".
О, насъ тогда рокъ лютой
Ничѣмъ не разлучитъ...
Хоть — ахъ! спѣши! — минутой
Драгую оживить.

25 марта 1827 г.

13. Прямое счастье.

Стансы.

Лишь тотъ одинъ счастливый,
Кто истину почтилъ,
Блескъ свѣта и порывы
Лишь долгу посвятилъ;
Рѣками лившій слёзы,
Томился и вздыхалъ, —
За всѣ мечты и грезы
Достоинъ тотъ похвалъ.
И въ жизни кто волнистой
Подъ тихимъ кровомъ жилъ
Всегда съ душою чистой, —
Тотъ долгу заплатилъ;
Кто въ чувствіяхъ сердечныхъ,
Злой страстію томимъ,

Въ печали, въ скукѣ вѣчной, —
Любовь въ союзѣ съ нимъ
. . . .
Лишь честь свою хранилъ,
Стезей прямой идущій, —
Тотъ долгу заплатилъ;
И въ роскоши богатства —
Въ пороки не впадалъ,
Но честно, безъ препятства,
Ихъ храбро отражалъ.
Кто бѣдностью гонимой,
Отъ бурей защитилъ
И, участью томимой,
Себя лишь охранилъ;
Сирыхъ подъ кровъ собравшій,
Отъ бурей-непогодъ
Пріютъ имъ давшій, —
Вѣчно счастливъ тотъ...

25 марта 1827 г.

---

14. Посланіе Якову Яковлевичу Переславцову.

Любя тебя, о братъ двоюродной,
Посвящаю сей досугъ,
Ты для братства, въ часъ ненужной,
Утѣшь, прими, будь братъ, будь другъ.

Я на лирѣ вдохновенной
Съ Аполлономъ пѣть хочу
И душѣ невознесенной
Ложной славы не ищу.

Слава—блескъ пустой на свѣтѣ,
Въ ней отрады прямой нѣтъ:
Хоть въ тиши мила, въ предметѣ, —
Въ бурѣ скоро пропадетъ.

За ней горести въ награду
Несомнѣнно потекутъ...
Тогда рѣдко намъ въ усладу
И улыбку подадутъ.

Въ мигъ увидишь: пересуды
Волной всюду зашумятъ...
Безъ надежды въ жизни трудной
Будетъ тяжко умирать.

Я, повѣрь, узналъ довольно
Гордыхъ тысячи людей,

И отъ ихъ-то власти злобной
Нынѣ сдѣлался грустнѣй.

Жизнь всегда течетъ въ премѣнѣ,
И все всякой испыталъ;
Кто избѣгъ людской измѣны,
Тотъ утѣхи не видалъ!

Мы подобны иноземной
Птичкѣ: если залетитъ,
Испытаетъ, что́ измѣнно,
И на родину летитъ.

Всѣ идемъ по нити срочной,
Всѣ мы гости на землѣ:
Проживемъ — бьетъ часъ урочной
И мы сокрыты во землѣ.

Нашъ прахъ гордой обратится
Только въ малу персть земли,
Взоръ погаснетъ, ликъ затмится.
По тѣлу черви поползли.

Ты себя храни, любезной,
Жизни — бури берегись!
Помни: всюду тутъ измѣна,
Хоть куда ни повернись...

2 апрѣля 1827 г.

---

15. Рыцарь.

(Баллада).

Плыветъ рыцарь одинокой
Въ полночь быстро по рѣкѣ,
Въ путь собравшися далекой,
Темно-блѣденъ, въ челнокѣ.
И въ рукахъ весло сіяетъ;
Величавъ и милъ гребецъ;
Вѣтеръ парусомъ играетъ.
Полонъ страха, но пловецъ
Устремляетъ взоръ смущенной,
Гдѣ чернѣетъ быстрина.
Видитъ онъ: въ дали премѣнно
Колыхается волна;
Въ мигъ изъ волнъ Днѣпра глубокихъ
Появилися въ цвѣтахъ —
То три дѣвы черноокихъ,
Знать, рѣзвятся на водахъ!
Ближе къ рыцарю подходятъ,
Рыцарь мчится въ челнокѣ;

Взявъ челнокъ, его уводятъ
Быстро далѣ по рѣкѣ.
Всѣ три дѣвы молодыя
Влекутъ рыцаря и челнъ
Черезъ пурпуры сѣдые,
Не страшатся бурныхъ волнъ.
Рыцарь, въ думу погруженный,
Руки тянетъ къ небесамъ;
Но вдругъ силъ и чувствъ лишенный
Не противится красамъ.
А прелестницы игривы
Прямо къ рыцарю въ челнокъ
Страхъ! — но тщетные порывы:
Силъ лишается сѣдокъ.
Онъ Творца молить не можетъ
И рукъ къ небу не взнесетъ,
Пуще страхъ его тревожитъ,
Потъ съ чела холодной льетъ.
Видитъ берегъ обнаженный
И туманъ вокругъ сѣдой,
По лазури мѣсяцъ блѣдный
Путь свершаетъ тихо свой.
Дѣвы къ рыцарю прильнули
И невольно всѣ вздохнули;
Слышенъ милой голосъ сей:
„Рыцарь, рыцарь, бѣжишь бури
Но избѣгъ ли ты сѣтей?“
И, склоняся головами,
Онѣ тихими шагами
Влекутъ рыцаря съ собой —
И, разлившися струями,
Очутились подъ водой.
Рыцарь сдѣлался добычей
Обитательницъ Днѣпра,
А челнокъ его летучій
Очутился близъ шатра.



Русскія пословицы, поговорки, приреѣчьи и присловья, собираемыя Алексѣемъ Кольцовымъ.

Воронежъ.

[1836 г.].

А.

1. Абрёкъ на колѐ пустилъ въ полѐ—пусть гуляетъ.
2. Атальются волку коровьи слёзки.
3. Атъ казла—не молоко.

Б.

1. Были и наши рога въ торгу.
2. Борода съ ворота, а умъ съ прикалитокъ.
3. Безъ ума голова—что лукошка.
4. Безъ имяни овца—боранъ.
5. Быть бычку на обрывочки.
6. Береги денешку про чорный день.
7. Богъ дастъ день, Богъ дастъ пищу.
8. Бѣдность—не порокъ.
9. Бодливой корови Богъ рогъ не даётъ.
10. Бѣлой свѣтъ на волю данъ.
11. Бѣлой свѣтъ ни угломъ сведёнъ.
12. Брань въ боку не лежитъ.
13. Богу молись, а къ берегу гребись.
14. Борышъ съ накладомъ на одномъ полозу ѣздитъ.
15. Безъ хозяина домъ—сирота.

16. Безъ чужой вши чесатся не будетъ.
17. Бѣденъ бѣсъ, богатъ Богъ милостью.
18. Богъ далъ, Богъ взялъ.
19. Бедливъ, какъ кошка; трисливъ, какъ заяцъ.
20. Будь пьянъ, да не будь упрямъ.
21. Бѣда придётъ, умъ за разумъ зайдётъ.
22. Богъ не выдасть, злодѣй не съистъ.
23. Бей сороку и ворону, добьешся до ясна̀ сокола̀.
24. Бей въ кустъ, виноватаго Богъ выдасть.
25. Бранится—бранись; рукамъ воли не давай.
26. Бѣльмо бъ тѣ на гласъ.
27. Была бы шея, хомутъ будетъ.
28. Богъ не попуститъ—собака не съистъ.

В.

1. Всякъ пляшитъ, да не какъ скоморохъ.
2. Видишъ въ поли погоду—не ѣзди.
3. Вытяни языкъ, вылупи глаза. (Употребляется за столомъ при кушаньѣ лабши).
4. Въ старину живали дворъ обо-дворъ и калитка на дворъ.
5. Воронъ ворону гласъ не выколитъ.
6. Выстрѣлъ въ воздухъ, а чортъ въ воду.
7. Воинъ трусъ—вооруженный мундиръ.
8. Въ гостяхъ хорошо, а дома лутче.
9. Въ головахъ кулакъ, подъ бокомъ такъ.
10. Всего не переймешъ, что по морю плывётъ.
11. Всякой молодецъ на свой образецъ.
12. Видна птица по полёту.
13. Всѣмъ дѣвка, да нога.
14. Весна говоритъ: уклочу, а осень говоритъ: какъ захочу.
15. Въ лѣси жить—пенкамъ Богу молится.
16. Вольному воля, спасеному—рай.
17. Волкъ изъ щотнова берётъ.
18. Взялся за гужъ, не говори: не дюжъ.
19. Всѣмъ сестрамъ по сергамъ.
20. Въ надеждѣ конь копытомъ бьётъ; видно, подкованъ.
21. Вѣкъ живи, вѣкъ учись.
22. Вѣкъ протянится, всему достанится.
23. Въ дугу согнуть.
24. Въ бараній рогъ скручу.
25. Въ лѣсу бирюка не блюдутъ.
26. Видно по кулю, что четверть.
27. Въ одну пору сѣно косютъ.
28. Всякая лисица на свой хвость не наступитъ.
29. Въ своей семьѣ не великъ ращотъ.
30. Въ добрую голову сто рукъ.
31. Въ нашей могилѣ кости гремятъ.

Г.

1. Гляди въ оба.
2. Говори, говори: да и молъ.
3. Горбатова могила справитъ.
4. Гордому Богъ противится.
5. Грѣхъ да бѣда на комъ не лежитъ.
6. Грѣхъ сладокъ: кусаетъ и въ синимъ.
7. Громъ не грянитъ, мужикъ не перекстится.
8. Гинь на лѣсъ, и лѣсъ ломится.
9. Глаза страшатъ, руки дѣлаютъ.
10. Горькому горькая пѣсенка поётся.
11. Голодъ не свой братъ.
12. Голо—голо да и синя.
13. Горшокъ съ горшкомъ стыкается.
14. Гдѣ поведётся, тамъ и пѣтухъ понесётся.

Д.

1. Дулась гора родами, а родила мышъ.
2. Думала я такъ, передумала инакъ; ну-ка, бабушка, на новой ладъ.
3. Дурной гласъ на осину взглянитъ, осина завянитъ.
4. Дуракъ камень бросить въ воду, умной не достанить.
5. Десять разъ смѣрей, однажда отрѣжъ.
6. Добрая слава при дорошки лежитъ, а худая слава по дорошки бѣжитъ.
7. Далече куцаму за зайцомъ гнатся.
8. Денешка рубля бережотъ.
9. Дуракамъ законъ не писанъ.
10. Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ.
11. Дурака въ алтарѣ бьютъ.
12. Деньги—черви, а безъ денегъ—люди черти.
13. Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ.
14. Дареному коню въ зубы не глядятъ.
15. Дальше положишъ, ближе возмешъ.
16. Для глухова двѣ обѣдни не служатъ.
17. Дѣло мастера боится.
18. Дѣло дѣлу—рось, другое—хоть брось.
19. Будь пьянъ, да не будь упрямъ.
20. Дѣвушка пей, да дѣлцо разумѣй.
21. Дорагȧ борозднa къ загону.
22. Далеко свиньѣ на небо смотрѣть.
23. Дѣлȧ—какъ лутошки.
24. Два бѣла, третье—какъ снѣгъ.
25. Дать себѣ волю, спустишъ и отцовскую долю.
26. Дай Богъ сидню ноги.
27. Доброй жерновъ всё мелитъ.

Е.

1. Ѣдешъ на день, бери хлѣба на нидѣлю.
2. Ѣжъ, конь, сѣно; поминай, конь, лѣто.
3. Ерёма, Ерёма! сидѣлъ бы ты дома, точилъ веретёны.
4. Ѣшъ, собака, да невѣдомая.

Ж.

1. Жизнь протянится, всему достанится.
2. Жизнь пережить—не поле перейти.
3. Жила правду выведетъ.
4. Жены стыдится, дѣтей не видать.
5. Живъ живое говоритъ.
6. Жена не коза, дѣти не пчелы.

З.

1. Запросъ въ карманъ не лазитъ.
2. Залетѣла ворона въ высокія хоромы.
3. За чѣмъ пойдёшъ, то и найдёшъ.
4. За моремъ телушка по полушки, да рубль перевозу.
5. Зашолъ Макаръ въ кутъ, игдѣ телятъ пасутъ.
6. Знай больше, говори меньше.
7. Знай честь, утирай бороду.
8. Золотыя руки, да рожа.....
9. Злой собаки много нада.
10. Знай своихъ, поминай нашихъ.
11. За правду Господь лица прибавляетъ.

И.

1. Изъ пустой хоромины—либо сычь, либо сова, либо самъ чортъ сатана.
2. Изъ тово кузнецъ клещи держитъ, чтобъ руки не обжечь.
3. Изъ злой собаки хоть шерсти клокъ.
4. И на Малашку бываетъ промашка.

К.

1. Какова ловля, такова и кормля.
2. Кто нови не видалъ, тотъ вётоши радъ.
3. . . . .
4. Красенъ словами, разсудкомъ бѣдинъ.
5. Къ берегу ни попалъ, а отъ другова отсталъ.
6. Какъ кладъ—не даётся.
7. Купецъ—метла: всё подметай.
8. Конецъ дѣло вѣнчаетъ.
9. Каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку.

Рускія.
пословицы.

поговорки притчи.
и присловья
собираемые
алексѣемъ кольцовымъ

воронѣжъ.



Говори — о жизни.
Говори — о семействѣ.
Говори — объ отечествѣ.
Жизнь — есть мученье.
Семейство — тиранъ.
Отечество — колыбель бѣдствій.

Воронскій философъ.
С. Ерченко.

1836.

б.

1- были и наши рога въ торгу. 3.

2- борода съ ворота, а умъ съ при калитокъ.

3.- безъ ума голова, что лукошка.

4- безъ имени — овца: баранъ.

5- быть бычку — на обрывочки.

6- береги денюшку: про черный день.

7- богъ дастъ день: богъ дастъ пищу.

8- бедность — не порокъ.

9 бодливой корови — богъ рогъ не даётъ.

10- бѣлой свѣтъ: не воло данъ.

11- бѣлой свѣтъ: на учломъ сведёнъ.

12- брань — въ боку не лежитъ.

13- богу молись: а къ берегу гребись

14- борышъ съ накладомъ, на одномъ полозу ѣздитъ.

15- безъ хозяина домъ — сирота.

16- безъ чужой вши, чесаться не будетъ.

17- бѣденъ бесъ, богатъ богъ милостью.

18- богъ далъ, богъ взялъ.

19- бѣдливъ, какъ кошка; трусливъ какъ заяцъ.

20- будь пьянъ; да, не будь упрямъ.

21- бѣда придётъ: умъ заразумъ зайдётъ.

б.

22: богъ не выдастъ: злодѣй не съѣстъ.

23- бѣй сороку и ворону, добьёшься до бѣлаго сокола.

24- бѣй въ кустъ, виноватаго бѣгъ выдастъ.

25- бранитесь, бранись: руками воли не давай.

26- бѣльмо въ отъ не глазъ.

27- была бы шея, хомутъ будетъ.

28- богъ напуститъ-собаки не лаютъ.

10. Кто Бога не слушаетъ, тотъ Богу противникъ.
11. Какъ пришло, такъ и пошло.
12. Когда маленко, кроши меленько.
13. Кормилъ до уса, корми до бороды.
14. Кожа наружи, глаза во лбу.
15. Куда не кинъ,—вездѣ клинъ.
16. Конь о четырехъ ногъ, и то спотыкается.
17. Купилъ—сватъ; не купилъ—доброй человѣкъ.
18. Какъ аукнится, такъ и откликнится.
19. Кто кому посмѣется, тотъ тому и поработаетъ.
20. Кто людей не слушаетъ, тотъ Богу противникъ.
21. Какъ бѣльмо на глазу.
22. Кусъ—деньга, кусъ—алтынъ.
23. Каковъ царь, таковъ и псарь.
24. Казенная палата отъ мужиковъ богата.
25. Кто бабки не внукъ.

Л.

1. Лежень лежитъ, счастье растетъ.
2. Ласковое телятко двѣ матки сосетъ.
3. Либо полонъ дворъ, либо корень вонъ.
4. Лбомъ стѣну не пробьёшъ.
5. Люби ѣздить, люби возить.
6. Люблю какъ душу, трясу какъ грушу.

М.

1. Миліонъ подъ уголъ... пьетъ самъ богачь.
2. Моя изба съ краю: я ничего не знаю.
3. Мѣрила бабушка крюкой, да и махнула рукой: быть по старому, какъ поставлено!
4. Медвѣдь быка дерётъ: и тотъ ревётъ, и тотъ ревётъ; а кто ково дерётъ, чортъ ихъ разберётъ.
5. Мяхко стелитъ, да жостко спать.
6. Масляная головка—отцу матери не кормилица.
7. Мы про людей вечеринку, а люди про насъ—всю ночь не спятъ.
8. Міръ—большой человѣкъ.
9. Малъ золотникъ, да дорогъ; велика Федура, да дура.
10. Малинкая собачка—цѣлой вѣкъ щенокъ.
11. Молодое растется, старое старѣется.
12. Москва бьетъ съ носка.
13. Мы съ тобою истцы, а прежнія—молодцы.

Н.

1. Не родомъ старцы ведутся; ково Богъ приведётъ.
2. Не угадывай въ годъ, угадывай въ гробъ.
3. . . . .

4. Нашъ братъ Исайка—безъ струнъ балалайка.
5. Не штука—въ сапогахъ, штука—босикомъ.
6. Ни въ поли, ни на дворѣ.
7. Не пойманъ—не воръ; . . . . . .
8. Не ставь пышку лепешкою.
9. Не всякой громъ бьётъ; авось и староста помилуетъ.
10. Не робѣй, воробей; синицу поймали.
11. Не то, что у васъ: у насъ пряники ломай, да со щами хлебай.
12. На звукъ пчела летитъ.
13. Нѣтъ въ поли дерева, гдѣ бъ птица не сидѣла.
14. Не угадывай въ родъ, угадывай въ гробъ.
15. Не всякому слуху вѣрь.
16. На чужомъ конѣ не наѣздишся.
17. Не смѣйся, кисель: не лутче людей.
18. На гнилой товаръ—слѣпой купецъ.
19. Назвался груздемъ—лѣсь въ кузовъ.
20. На грѣхъ утка......
21. Не только за чужова, не ручись за отца роднова.
22. Не мѣсто человѣка просвѣщаетъ, а человѣкъ мѣсто.
23. Не лгетъ душа—а лгетъ мошна.
24. Не держался на головѣ, на хвостѣ не удержишся.
25. Нашолъ—молчи, потерялъ—молчи.
26. Не радуйся—нашолъ, не тужи—потерялъ.
27. На то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ.
28. На чужой ротокъ не накинишъ платокъ.
29. Не гребень голову чешетъ, а время.
30. На всякова мудреца есть доволно простоты.
31. На чужомъ конѣ далеко не уѣдишъ.
32. На лѣчиной кобылѣ не наѣздишся.
33. Не въ коня кормъ.
34. Не нашей губицы исть отрубицы.
35. Не къ шуби рукавъ.
36. Не бойся умнаго лихова, бойся смирнова дурака.
37. Не купи мѣсто, купи сосѣда.
38. Не въ пору гость,—хуже татарина.
39. Не было бѣгу, не было слѣду.
40. Не всякому слуху вѣрь.
41. Нѣтъ молодца, чтобы обмануть винца.
42. Не сули журавля въ полѣ, дай синицу въ руки.
43. На посули, какъ на стули.
44. Не вѣрь людямъ, а вѣрь глазамъ.
45. Не все коту масленница.
46. Нанялся—продался.
47. На людяхъ и смерть красна.
48. Не молись о постыломъ, Богъ возмётъ милова.
49. Не плюй въ колодясь: годится водицы напится.
50. Не рой людямъ яму—самъ упадешъ.

51. Нѣтъ конца безъ начала.
52. На ково Богъ, на тово и люди.
53. Ни Богу свѣча, ни чорту кочерга.
54. На травлю ѣхать, собакъ кормить.
55. Не зарекайся воровать.
56. Нѣтъ худа безъ добра.
57. Невольной грамоты нѣту.
58. Не влекётъ судьба, влекётъ охота.
59. Не надѣйся, Романъ, на чужой карманъ: раньше вставай, да свой наживай.
60. Не по лѣтамъ, а по ребрамъ.
61. Не нашева плеча епанча.
62. Не нашева поля ягода.
63. Не купи домъ, купи угодье.
64. Не хочешъ ли на я-ть голубей мѣнять.
65. Не разжевавши не проглотишь.
66. Недосоль на столѣ, а пересоль на спинѣ.
67. На грѣхъ мастера нѣтъ.
68. Не вошь голову точитъ, а гнида.
69. На обухи рошъ молочивали.
70. Неволя упряма.
71. Ночная кукушка денную перекукуетъ.

О.

1. Около носа вертится, да въ ротъ не попадётъ.
2. Одинъ въ поли не воинъ.
3. Отъ яблонки далече яблочко не котится.
4. Отъ бѣды не уйдёшъ.
5. Отъ чужихъ воротъ—трое поворотъ.
6. Объ исходѣ—съ ума сходя.
7. Онъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ.
8. Онъ простъ, какъ дуга.
9. Одинъ гусь травы не выт[оп]четъ.

П.

1. Пей, да не воруй; люби, да не цѣлуй; бѣды на волосъ не будетъ.
2. Пуля виноватова найдетъ.
3. Писецъ безъ пера, что солдатъ безъ ружья.
4. По сажѣ, хоть гладь, хоть бей,—все будешъ черенъ отъ ней.
5. . . . .
6. Пролито—полно не живётъ.
7. Пива на сусли не узнаешъ.
8. Плетень-то заплели; кто-то расплетётъ.
9. Плеть обуха не перебьётъ.
10. Пьяницы капля дорога.
11. Проигралъ яичко? играй желвачкомъ.

12. Противу жару камень треснитъ.
13. Птица по зернушку клюётъ, да сыта живетъ.
14. Посмотримъ мы на васъ; не будетъ ли бархатъ—атласъ.
15. Пустая трава изъ поля вонъ.
16. Пока солнце взойдётъ, роса глаза выбьетъ.
17. При пирѣ, при бесѣдѣ—друзей-братьевъ много; при горѣ, при печали—нѣтъ никово.
18. Перемелится, мука будетъ.
19. Правда свѣтлѣй солнца.
20. Пить до дна, не видать добра.
21. Проданному товару золотой верхъ.
22. Первой кусъ—разбойникъ.
23. Первой блинъ—комомъ.
24. Пьяному человѣку—море по колѣна.
25. Правда глаза колитъ.
26. Плохо не клади, вора въ грѣхъ не вводи.
27. Плохой миръ—лутче доброй брани.
28. Плохая рыбка—поганая юшка.
29. Паръ костей не ломитъ.
30. Поѣхалъ ни по шта, привесъ ничево.
31. По дѣламъ вору мука.
32. Послѣ скобля—тапоромъ.
33. Прямая дорога на кривую наведётъ.
34. Перевелъ шило на мыло.
35. Понюхалъ пробой, да поѣхалъ домой.
36. Подлѣ чертенка не заведёшъ дитенка.
37. Прошолъ Спасъ, бери рукавицы про запасъ.

Р.

1. Растрепалъ мiръ мою бороду.
2. Радъ бы душой, да хлѣбъ чужой.
3. Руби дерево по себѣ.
4. Ранняя птичка носокъ очищаетъ, а посняя только гласки продираетъ.
5. Руби дерево по себѣ.
6. Рука руку моетъ, чтобы обѣ бѣлы были.
7. Рано птичка запѣла: видно, ѣсть захотѣла.
8. Рѣшетомъ воды не наносишъ.

С.

1. Съ лица воды не пьютъ, а бы уменъ-та былъ.
2. Своя избушка—свой просторъ.
3. Съ суда—ни деньги, съ потравы—ни хлѣбъ.
4. Слово скажетъ—рублемъ подаритъ.
5. Сундукъ безъ замка—языкъ безъ привязи.
6. Собака собаку знаетъ.

7. Собакѣ собачья честь.
8. . . . .
9. . . . .
10. Сѣялъ мужикъ рѣпу, вышелъ пусторнакъ.
11. Славны бубны за горами; къ намъ пріѣдутъ—что лукошки.
12. Семеро сватаютъ, одному достается.
13. Самъ плохъ—не дасть Богъ.
14. Съ чужова коня среди грязи долой.
15. Соловья баснями не кормятъ.
16. Съ одново вола двухъ кожъ не дерутъ.
17. Стрѣляй въ кустъ, виноватаго Богъ выдасть.
18. Сила солому ломитъ.
19. Съ умомъ—суму носить.
20. Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся.
21. Съ посмѣха люди живутъ.
22. Сколько веревку ни вить, а концу дѣлу быть.
23. Слушай, доброва, что лѣсъ говоритъ.
24. Старики-дураки клали въ кучи чураки, а умники-дѣтки размотали щепки.
25. Столъ въ избѣ—хозяинъ дома.
26. Своя рубашка къ тѣлу ближе.
27. Съ боя—собака бѣжитъ.
28. Съ волками жить—по волчью выть.
29. Старъ пестрецъ,—да уха сладка.
30. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.
31. Свою клячу, какъ хочу, такъ пячу.
32. Смирной пока найдетъ, а рѣзвой самъ набѣжитъ.
33. Собака брешитъ—вѣтеръ носитъ.
34. Съ навала люди разживаются.
35. Скоро дѣлаешъ, да слѣпо родишъ.
36. Сватъ такъ сватъ,—а не сватъ, будь добрый человѣкъ.
37. Съ дуру какъ съ дубу.
38. Скупость—не глупость, бѣдность—не порокъ.
39. Смерть притчину найдетъ.
40. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ.
41. Семь дѣлъ въ одни руки не берутъ.
42. Скорую работу не хвалятъ.
43. Учи, когда поперегъ лавки лежитъ.
44. Сорочи, не сорочи, а сто рублей деньги.
45. Старое дерево цѣлой вѣкъ скрыпитъ, а молодое ломается.
46. Стоя ѣдитъ, семерыхъ везётъ.
47. Собака на сѣнѣ лежитъ, а другимъ не даетъ.
48. Стань, гора, не лежи!
49. Стань, бѣда, не лежи!
50. Своя рука—владыка.
51. Собери домокъ въ орѣховую скорлупочку.
52. Свѣтилъ бы мѣсяцъ, а звѣзды будутъ.

53. [1]) Свой своему поневоли братъ.
54. Свой—дерись, чужой—не вступайся.
55. Съ жиру гуси бѣсются.
56. . . . .
57. Суди жъ меня Губерска [2]), а не баба деревенска.
58. Сколько вору не воровать, а палачовыхъ рукъ не миновать.
59. Сися, Матрена, вчерась-родились.
60. Снаружи хорошо, а въ нутрё загляни,—волчью пѣсню затяни.
61. Старость—не радость, бѣдность—не корысть.
62. Смѣнялъ горшки на глину.
63. Съ ево лица не воду пить.
64. Сытъ голодному не разумѣетъ.

Т.

1. Тужи не тужи, а пропали гужи.
2. Тращаная кобыла пня боится.
3 Торгъ—яма: стой—пряма.
4. Тамъ лутче, гдѣ насъ нѣтъ.
5. Ты—Хомой, а Хома—тобой.
6. Топчи въ грязь, будетъ князь.
7. Тесть любитъ честь, зять любитъ взять.
8. Тише ѣдишъ—дальше будишъ.
9. Тяпъ, да ляпъ—клѣтка.
10. Тяпъ, да ляпъ—не выдетъ корабль.
11. Телѣга мяса—возъ костей.
12. Тертой калачъ: на обухѣ рошъ молачивалъ.

У.

1. У дѣвушекъ ушки золотомъ завѣшены. (Говорятъ въ бесѣдѣ при дурныхъ рѣчахъ).
2. У вора дубинку не купишъ.
3. У палки—два конца.
4. У страха глаза велики.
5. Умной человѣкъ слова на вѣтеръ не пуститъ.
6. Умъ хорошо, а два лутче.
7. Ученова учить—только портить.
8. Умѣлому пѣть, когда голосу нѣтъ.
9. У Бога всего многа.
10. У трезваго на умѣ,—у пьянова на языкѣ.
11. У чорта силы многа, да воли нѣтъ.
12. . . . .

---

[1]) Подъ этимъ № прежде была записана пословица: „скручу въ бараній рогъ“, потомъ зачеркнутая.

[2]) Губернское Правленіе?

13. У всякова начала свой конецъ.
14. У вдовушки обычій—не дѣвичей.
15. У всякова плута—свой ращотъ.

Х.

1. Худому сыну отцовское имѣніе не въ помощь.
2. Хоть сурье бѣлье, да свое рукодѣлье.
3. Хоть худенькій, да съ пугавками.
4. Хата теплая, хозяйка добрая; живи, поживай.
5. Хороша тюрма, да чортъ ей радъ.
6. Хвать въ карманъ—дыра въ горстѣ.
7. Хоть не скоро, да здорово.
8. Хоть талкачомъ, такъ есть по чёмъ.
9. Хочу—вскочу, хочу—не вскочу.
10. Хорошой жерновъ все мелитъ.
11. Хорошъ гость въ гостинку.
12. Ходя наешся, стоя выспишся.
13. Худова не снимутъ, хорошева не надѣнутъ.

Ц.

1. Цѣны Богъ строитъ.
2. Царь воды не удержитъ.

Ч.

1. Что вѣра ни попала, и то мышка украла.
2. Чужую рошъ вѣить, глаза порошить.
3. Что ему! съ пала-горя.
4. Что худо да слѣпо, то—Кузьмѣ Демьяна.
5. Чужое имѣнье прахомъ пойдетъ.
6. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.
7. Чего не знаешъ,—не берись.
8. Что съ воза упало,—пиши пропало.
9. Черезъ силу конь не повезётъ.
10. Чужіе люди вѣкъ не прокормютъ.
11. Чужая болячка никому не больна.
12. Чужую бѣду по пальцамъ разведу, а къ своей—ума не приложу
13. Что добудишъ, то и съишъ.
14. Чужому безвременью не радуйся.
15. Честь лучше безчестья.
16. Что за спица въ колесницы!
17. Что съ возу упало, то пиши пропало.
18. Что посѣишъ, то сожнешъ.
19. Чужой хлѣбъ пріѣдчивъ.
20. Чужая сторона—темной лѣсъ.
21. Чѣмъ чортъ не шутитъ.

22. Что ты привязался, какъ Смоленской солдатъ.
23. Что ни напряла, и то мышка украла.
24. Что за бѣда—во ржѣ лебеда! вотъ-то бѣды—ни ржи, ни лебеды.
25. Чужія руки—крюки.
26. Чужими руками, только жаръ загребать.
27. Что? грибъ съѣлъ.

Ш.

1. Шелъ кумъ пѣши—кумѣ лекши.
2. Шила въ мѣху не утаишъ.
3. Шиломъ море не нагрѣешъ.
4. Швецъ—портной, коновалъ—клѣтной. (Швецы по деревнямъ шьютъ по избамъ, а ночуютъ у женщинъ по клѣтямъ.)

Щ.

1. Що, братъ? люди ѣдутъ пахать, а мы съ тобой руками махать.

Э.

1. Экой ты, Янка, овчинная шапка, синій кавтанъ!
2. Экой ты щеголь—ременныя обори!

Я.

1. Языкъ не лопатка: знаетъ, гдѣ сладка.



Двѣ народныя пѣсни,

записанныя А. В. Кольцовымъ.

1.

Ты стой, моя роща,
Стой, не разцвѣтай!
Стой, милъ хороводецъ,
Стой, не расходись!
Я въ томъ хороводѣ,
Молодчикъ, плясалъ;
Плясалъ я, молодчикъ,
Водилъ я таночикъ,
Сронилъ я вѣночикъ
Противъ батюшки,
Противъ роднова.
—„Ой ты, батюшка, пойди,
Вѣнокъ подыми!“
Батюшка нейдетъ,
Родимой нейдетъ,
Вѣнка не несетъ.
То—горе мое,
Гореваньица!
Головка моя,
Побѣдненькая!
Сердечко мое
Занывчатое;
Занывчатое,
Надрывчатое!
Ты стой, моя роща,
Стой, не разцвѣтай!
Стой, милъ хороводецъ,
Стой, не расходись!
Я въ томъ хороводѣ,
Молодчикъ, плясалъ,
Таночикъ водилъ.
Плясалъ, я, молодчикъ,
Водилъ я таночикъ,
Сронилъ я вѣночикъ
Противъ матушки,
Противъ родненькой.

—„Ой ты, матушка, поди,
Родима, поди,
Вѣнокъ подыми!“
Матушка нейдетъ,
Родима нейдетъ,
Вѣнка не несетъ.
То—горе мое,
Гореваньица!
Головка моя,
Побѣдненькая!
Сердечко мое,
Занывчатое;
Занывчатое,
Надрывчатое!
Ты стой, моя роща,
Стой, не разцвѣтай!
Стой, милъ, хороводецъ,
Стой, не расходись!
Я въ томъ хороводѣ,
Молодчикъ, плясалъ,
Таночикъ водилъ.
Скакалъ я, молодчикъ,
Скакалъ и плясалъ.
Водилъ я таночикъ,
Сро́нилъ я вѣночикъ
Противъ дѣвушки,
Противъ красненькой:
—„ Ой ты, дѣвушка, поди,
Красная, поди,
Вѣнокъ подыми!“
Дѣвушка идетъ,
Красная идетъ,
Вѣночикъ несетъ.
То—радость моя,
То—радость моя
И весельица!

2.

Какъ у князя было, князя,
У князя Волконскава,
Собиралася бесѣда—
Бесѣда веселая;
Она пила и гуляла,
Прохлаждалася,

Молодыми женами
Князья выхвалялися.
Выхвалялся князь Волконской.
Молодой княгинею.
— Не хвались, Волконской князь,
Ты своей княгиней:
Какъ твоя ли та княгиня
Живетъ съ Ваней клюшникомъ,
Живетъ—поживаетъ
Ровно три годочка...

На четвертый на годочекъ
Князечекъ довѣдался.
Какъ взошелъ Волконской князь
На свой на высокъ балконъ,
Закричалъ Волконской князь
Своимъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ вы слуги мои, слуги,
„Слуги мои вѣрные,
„Вы послы мои, послочки,
„Послы мои скорые,
„Вы пойдите, приведите
„Ко мнѣ Ваню клюшника.
„Ужъ какъ стану я Ваню,
„Ванюшку допрашивать:
—„Ты скажи, скажи, Ванюша,
Скажи, варвалъ мой,
Съ акоторой поры-времяни
Ты живешъ съ княгинею?“

„Ужъ я знать того не знаю,
„Вѣдать, князь, не вѣдаю,
„Съ акоторой поры-времяни
„Я живу съ княгинею“.

Закричалъ Волконской князь
Своимъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ вы слуги мои, слуги,
„Слуги мои вѣрные,
„Вы послы мои, послочки,
„Послы скорые,
„Вы берите лопатки,
„Лопатки желѣзныя,
„Ройте вы, копайте
„Ямочки глубокія,
„Становите столбики,
„Столбики точеные,

„Вы кладите переклады,
„Перекладины дубовыя,
„Берите, вяжите
„Петельку суровую,
„Вѣшайте, цѣпляйте,
„Ванюшку за шеюшку".

Какъ возговоритъ Ванюша
Своимъ тихимъ голосомъ:
„Прикажи жъ ты мнѣ, Волконской князь,
„При смертной кончинѣ
„Проиграть въ послѣднiй разъ
„Любимую пѣсню:
„Во саду ли, во садочкѣ,
„Въ садику зеленомъ
„Съ молодой княгиней
„Было тамъ погуляно
„И во сахарны уста
„Было поцаловано".

Какъ съ вечера Ванюшу,
Ванюшу повѣсили;
Съ и полуночи Ванюша
Ванюшка качается;
Молодая же княгиня
Въ постели кончается.

СТИХОТВОРЕНІЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЯ КОЛЬЦОВУ.

1. Старый казакъ.

Зачѣмъ такъ скоро скрылась ты,
Казачья юность удалая?
О жизнь залетная, драгая,
Гдѣ ты теперь, гдѣ ты?
Бывало, смѣлая рука
Сверкнуть булатомъ не робѣла,
И въ буйной груди казака
Отвага бурная горѣла
Неугасаемымъ огнемъ.
Безъ страха, робости,—съ мечомъ
Я въ огнь и въ полымя бросался,
Съ отрядомъ цѣлымъ я встрѣчался,
Нещадно всѣхъ рубилъ, кололъ,
Для всѣхъ съ собою смерть я велъ.
Бывало, чуждыя дружины
Едва лицо мое зазрятъ,—
Уже валятся рядъ на рядъ
На лоно стонущей долины.
Теперь ужъ нѣтъ могучихъ силъ!
Осьмой десятокъ мнѣ пробилъ.
Въ мой уголъ старость заглянула
И слабость принесла съ собой.
Теперь трепещущей рукою
Я смерть лѣниво отгоняю
И умереть скорѣй желаю.
Какъ послѣ сѣчи, послѣ драки,
Бывало, ждалъ донецъ вѣнца,
Такъ нынѣ въ куренѣ бурлака
Онъ ждетъ послѣдняго конца.

Ахъ! лучше бъ съ именемъ героя
Въ дыму, въ огнѣ, средь пуль и боя,
Врагу насунуться на мечъ
И на долинѣ чести лечь,
Чѣмъ здѣсь въ безвѣстности постылой
Томиться надъ своей могилой.

---

2. * * *

Когда моей подруги взоръ
Мнѣ явно высказалъ презрѣнье,
Другаго счастья, мой позоръ
И клятвъ святѣйшихъ нарушенье,—
Тогда кольцо ея разсѣкъ
Булатомъ горскаго кинжала,
И жизнь свою на месть обрекъ,
И злоба мнѣ подругой стала!
Я все къ себѣ на помощь звалъ:
Свинецъ, и ядъ, и ухищренья,
И сердце силой заставлялъ
Одѣться въ броню озлобленья,—
Чтобъ сожалѣнье и любовь
Къ нему ужъ не были доступны,
Чтобъ ему пищей были—кровь
И пагуба клятвопреступной!
Молилъ я солнце, чтобъ оно
Свои лучи на грудь невѣрной,
Какъ лаву жгучую, лило
И выжгло бъ сердце лицемѣрной.
Молилъ я ночь, чтобы она
Къ ея очамъ не допускала
Отрады сладостнаго сна
И горькихъ слезъ съ нихъ не стирала.
Неслись ли тучи,—ихъ молилъ,
Чтобъ мракомъ жизнь ея покрыли;
Гремѣли ль громы,— ихъ просилъ,
Чтобы измѣнницу сразили.
Но съ той поры, какъ вѣсть пришла,
Что на землѣ ея не стало,—
Какъ дуновенье отъ стекла,
Отъ сердца жажда мстить отстала.

---

3. * * *

Дюканжъ! ты чародѣй и милый и ужасный.
Твой Жоржъ, игрокъ несчастный,
Твоя Амалія, твой Варнеръ—стоятъ слезъ!
Но неужель артистамъ въ честь ни слова?
Я былъ обвороженъ игрою Соколова:
Я видѣлъ Жоржа въ немъ—и жалъ меня морозъ
И сердце обмирало.
Я бъ сплелъ для той вѣнокъ изъ розъ...
Ахъ, нѣтъ! для ней и двухъ лавровыхъ мало,
Кто не Амаліей, а ангеломъ тамъ былъ.
Но кто, но кто изобразилъ
Злодѣя Варнера,—онъ, онъ меня смутилъ.
Я вѣрить не хотѣлъ, что это лишь притворство:
Такія мины, видъ, ехидность и проворство...
Неподражаемый, ты всѣхъ взбѣсилъ.
Я въ ярости на Варнера забылъ,
Что ты Канищевъ самъ!
Ты перешелъ границы похваламъ,—
И, наконецъ, тебя бранили!
Но я люблю сей блескъ таланта.
На зло злодѣямъ ты играй
И омерзеніе къ злодѣйству всѣмъ внушай,
Лишь самъ противу зла будь тверже адаманта.

---

4. Пѣсня.

Не булатный ножъ рѣжетъ грудь мою,
Не змѣя грызетъ ретивое въ ней:
Забралась туда лиходѣйка-грусть,
Сосетъ бѣлу грудь, рветъ сердечушко.
Не колдунъ-злодѣй наговорами
Въ грудь загналъ ко мнѣ ненасытную.
Занеслась она съ злою вѣсточкой,
Что дружочекъ мой разлюбилъ меня,—
И кольцомъ моимъ съ другой дѣвицей
Во чужомъ краю обручился онъ!
Сохни, бѣла грудь, рвись, сердечушко,
Отпади, коса моя черная!
Не могилѣ ты въ даръ достанешься:
Завѣщаю я родной матушкѣ
Отослать къ дружку на пиръ свадебный,
Какъ подарокъ мой, косу черную.

---

5. Пѣсня русская.

Эхъ, не во-время тучи мрачныя
По поднебесью разостлалися,
Солнца яснаго лучи красные
Потонули въ нихъ среди бѣла дня.
Не въ пору завылъ вѣтеръ пó бору:
Пѣть бы, пѣть теперь соловью въ лѣсу!
Эхъ, не во-время вспало горюшко
Въ молодую грудь добра молодца,—
Изсосало въ ней ретиво сердце,
Загубило въ немъ жизнь цвѣтущую.
Что жъ за горюшко, за кручинушка
Рано съ молодцомъ подружилася?
—Други милые! со мной дѣвица
Золотымъ кольцомъ помѣнялася,
И любить по вѣкъ слово молвила,—
А теперь съ другимъ обвѣнчалася.
Вы отдайте жъ ей золото кольцо;
Слово жъ данное пусть ей Богъ отдастъ.
Безъ меня она пусть въ добрѣ живетъ,
Безъ нея же я—лягу въ тѣсный гробъ.

---

6. Малороссійская пѣсня.

Голубонько, доню!
Чому ты не любишъ
Мене, казаченька,
Мене молодого?
Хиба жъ ты иного
Вже порубка маешъ;
Хиба жъ ты другого,
Серденько, бажаешъ?
Иль чимъ, мое сердце,
Тобѣ не влюбився?
Хиба моя бидность
Тобѣ такъ лякае?
Голубонько, доню!
Я бажавъ, кохавъ бы
Тебе дужче того,
Що въ золоти ходить.

Рукописи Кольцова.

Хотя до насъ дошло болѣе десяти тетрадей А. В. Кольцова и около 70 стихотвореній на отдѣльныхъ листкахъ, но это, къ сожалѣнію, далеко не все, что осталось въ бумагахъ поэта. Бережно отнеслись къ сочиненіямъ и письмамъ Кольцова только его столичные друзья: В. А. Жуковскій, В. Г. Бѣлинскій, кн. П. А. Вяземскій, кн. В. Ѳ. Одоевскій, А. А. Краевскій и другіе.

Быть можетъ, кое-что Кольцовское отыщется въ бумагахъ М. А. Бакунина [1]), В. Боткина [2]), М. Н. Каткова [3]), П. В. Кирѣевскаго (сборникъ пѣсенъ Воронежской губ.), А. Н. Муравьева [4]), Я. М. Невѣрова [5]), П. А. Плетнева [5]), К. Т. Солдатенкова [6]), Н. В. Станкевича [7]), и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

Но то изъ литературнаго архива Кольцова, что осталось послѣ его смерти въ домѣ отца, погибло, за немногими исключеніями, безвозвратно. Погибли письма Бѣлинскаго, Жуковскаго, Краевскаго, кн. П. А. Вяземскаго, кн. В. Ѳ. Одоевскаго, М. А. Бакунина, В. П. Боткина, В. А. Владиславлева, Ѳ. Н. Глинки, Е. П. Гребенки, А. В. Никитенка, А. П. Сребрянскаго и другихъ. Насколько они важны для біографіи и исторіи творчества поэта, распространяться нѣтъ нужды. Также не дошли до насъ и письма отца къ сыну, писанныя во время поѣздокъ послѣдняго въ Москву и Петербургъ. Изъ всей семейной переписки сохранились только одно письмо А. В. Кольцова къ отцу (1831 г.) и его же письмо къ младшей сестрѣ (1841 г.).

---

1) О перепискѣ съ нимъ Кольцовъ говоритъ въ письмѣ къ Бѣлинскому, стр. 190.

2) Письма и, можетъ быть, стихотворенія Кольцова.

3) Наброски стихотвореній (см. замѣтку Каткова о Кольцовѣ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1856, т. VI, стр. 169).

4) Ему подарилъ Кольцовъ одну рукописную тетрадь со своими стихами (Муравьевъ. „Знакомство съ русскими писателями". Кіевъ 1871 г., стр. 25).

5) Стихоторенія и письма.

6) Оригиналы писемъ Кольцова къ Бѣлинскому хранились у покойнаго К. Т. Солдатенкова; библіотека его поступила въ Румянцовскій музей, но писемъ Кольцова въ ней не оказалось.

7) Перваго издателя стихотвореній А. В. Кольцова, выбравшаго изъ довольно „увѣсистой тетради" поэта только 18 пьесъ.

Съ книгами и бумагами Кольцова поступлено было такъ: сначала сундукъ съ ними убрали въ сарай, а потомъ часть ихъ, пришедшую въ негодность (полусгнившую), уничтожили, а часть продали на базарѣ въ качествѣ оберточной бумаги. На толкучемъ рынкѣ и былъ разысканъ сборникъ русскихъ пословицъ, пріобрѣтенный тамъ г. С—вымъ отъ торговца *за пять копѣекъ. За нѣсколько копѣекъ* мѣщанинъ Дубининъ пріобрѣлъ отъ В. П. Кольцова, отца поэта, десятокъ тетрадей Кольцова, Сребрянскаго и ихъ друзей. Воронежскій литераторъ г. Малыхинъ сообщаетъ объ этомъ [1]) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Эти тетради куплены были на толкучемъ рынкѣ, гдѣ послѣ смерти Кольцова отцомъ покойнаго продавалась его литературная собственность (!). Мѣщанинъ Дубининъ пріобрѣлъ ихъ за нѣсколько копѣекъ съ цѣлію употребить бумагу для завертки москательнаго товара; но, прочитавъ на заглавномъ листкѣ одной изъ тетрадей надпись, сдѣланную рукою Кольцова: „Упражненія Алексѣя Кольцова въ стихахъ", изъ уваженія къ памяти поэта сохранилъ тетради въ совершенной цѣлости". Эпически спокойно и даже довольно высокимъ слогомъ разсказанная г. Малыхинымъ исторія нѣсколькихъ сохранившихся тетрадей Кольцова любопытна и для характеристики отношеній отца поэта къ сыну... Къ сожалѣнію, далеко не всѣ бумаги попали къ мѣщанину Дубинину, которому удалось сохранить ничтожную и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи часть ихъ.

Рукописи, случайно сохранившіяся въ рукахъ постороннихъ семьѣ поэта лицъ, оцѣнивались въ послѣднее время значительно дороже. Такъ, рукописная тетрадь Кольцова „Незабудки съ долины моей юности, 1830 года", принадлежавшая чиновнику Курской казенной палаты В. Ѳ. Малеру, пріобрѣтена была издателемъ „Нивы" А. Ф. Марксомъ за 500 рублей. (Потомъ она была пожертвована имъ въ Императорскую Публичную Библіотеку). Отецъ г. Малера, Ѳ. К. Малеръ, по спеціальности провизоръ, служилъ какъ въ Воронежѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Воронежской губ.; отъ кого-нибудь изъ воронежцевъ и достался ему автографъ Кольцова [2]).

Кольцовъ, вообще, довольно охотно раздавалъ свои рукописныя тетрадки не только столичнымъ литераторамъ, но и знакомымъ въ Воронежѣ. Такъ, одна изъ такихъ тетрадей была подарена имъ чиновнику Воронежской казенной палаты С. М. Языкову; племянникъ послѣдняго А. М. Юдинъ, тогда еще гимназистъ, снялъ съ нея для себя копію (это было еще до перваго изданія стихотвореній Кольцова) [3]). Впослѣдствіи, будучи студентомъ Харьковскаго университета, Юдинъ воспользовался цитатами изъ свой копіи въ статьѣ о Кольцовѣ [4]).

По сообщенію В. Негрескула, Кольцовъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и даже полюбилъ полового одной чайной въ Воронежѣ, Дмитрія Яремова. Если вѣрить этому сообщенію, то поэтъ часто „толковалъ съ Яремовымъ

---

1) П. Малыхинъ. „Кольцовъ и его неизданныя стихотворенія" („Отеч. Записки" 1867 г., т. 170, стр. 497).

2) Исторію этой рукописи, на основаніи сообщенія „Кіевскаго Слова", передало „Новое Время" (1899 г., № 6493).

3) М. Де-Пуле. „А. В. Кольцовъ". Спб. 1878 г., стр. 53.

4) „Опыты въ сочиненіяхъ студентовъ Харьковскаго университета". Т. И. Харьковъ 1846 г., стр. 219—236.

о томъ, о семъ, изливалъ другу горе злое; въ бесѣдѣ, за стаканомъ чая, онъ часто бралъ перо, писывалъ свои вдохновенныя пѣсенки; многія изъ нихъ остались у Яремова, какъ память друга; онъ показываетъ ихъ, но не позволяетъ переписать, не соглашается продать ихъ; онѣ остаются необнародованными, могутъ быть навсегда затеряны; о существованіи же ихъ извѣстно почти фактически; у родственниковъ, знакомыхъ [Кольцова] вѣрно немало также" [1]).

Наиболѣе важными являются рукописи, принадлежавшія П. Я. Дашкову. Большинство ихъ перешло къ покойнмому собирателю съ бумагами Бѣлинскаго. Тутъ есть и чистовыя и черновыя тетради и листки. Въ тетрадяхъ №№ 1, 5, напримѣръ, рядъ пьесъ подвергся существеннымъ передѣлкамъ. Часто эти передѣлки являлись подъ вліяніемъ замѣчаній критика [2]). Но самъ Бѣлинскій былъ только строгимъ, хотя и благожелательнымъ, цѣнителемъ и руководителемъ своего друга и внимательнаго ученика. Обыкновенно Бѣлинскій указывалъ Кольцову неудачные, по его мнѣнію, стихи и рекомендовалъ передѣлать. Иногда отзывы его были даже слишкомъ строги. Такъ, надъ стихотвореніемъ „Бѣдный призракъ" онъ пишетъ: „Эту всю надо передѣлать; я подчеркнулъ только хорошіе стихи". Такихъ хорошихъ стиховъ оказалось всего только *два*.

Сохранилось около десятка листковъ на почтовой бумагѣ, которые посылались Кольцовымъ Бѣлинскому съ произведенными поэтомъ поправками. Какъ въ нихъ, такъ и въ тетрадяхъ онъ нерѣдко давалъ два-три варіанта, предоставляя окончательный выборъ изъ нихъ своему другу-критику. Нерѣдко можно видѣть карандашный проектъ поэта, наведенный чернилами рукою Бѣлинскаго. Поправки Бѣлинскаго безъ указанія Кольцова можно считать рѣдкими исключеніями; быть можетъ также, слѣды карандаша и руки Кольцова отъ времени стерлись.

Кольцовъ до конца дней своихъ не довѣрялъ своимъ силамъ и своему поэтическому чутью [3]) и всегда со вниманіемъ прислушивался къ замѣчаніямъ не только Бѣлинскаго, но и Ѳ. Н. Глинки [4]), А. А. Краевскаго [5]), даже доктора И. А. Малышева [6]).

Какъ извѣстно, однимъ изъ первыхъ руководителей Кольцова на поэтическомъ поприщѣ былъ А. П. Сребрянскій. Можно почти безошибочно предположить, что рукою Сребрянскаго сдѣланы поправки въ стихотвореніяхъ, находящихся въ тетради „Незабудки съ долины моей юности, 1830 года", хранящейся теперь въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Не всегда удавалось Кольцову сразу выбрать для написаннаго имъ стихотворенія соотвѣтствующее заглавіе. Такъ, „Шекспиръ. Дума" — передѣ-

---

1) В. Негрескулъ. Изъ Херсона. (Письмо о Кольцовѣ). „Москвитянинъ" 1853 г., т. I, отд. VII, стр. 73—74.

2) Въ одномъ письмѣ (23 октября 1841 г.) Кольцовъ пишетъ Бѣлинскому: „О пьескахъ, съ этимъ письмомъ посылаемыхъ, я вамъ ничего не скажу; которыя хороши—напечатайте, которыя дурны—оставьте, *которыя нужно поправить—замѣтьте и пришлите*" (стр. 261).

3) Бѣлинскій. „О жизни и сочиненіяхъ Кольцова" (при изданіи 1846 г.), стр. XLIII.

4) Письмо его къ Ѳ. Н. Глинкѣ, стр. 165.

5) Письмо къ Краевскому, стр. 164.

6) Письмо его на стр. 264.

лывается въ „Проявленіе Бога“, наконецъ, получаетъ заглавіе „Поэтъ“. Извѣстное стихотвореніе „Что ты спишь, мужичокъ?“, не носящее въ окончательной редакціи никакого заглавія, имѣло слѣдующіе проекты заглавій: „Лѣнивцу“, „Русачку-мужичку“, „Къ сонѣ земляку“.

„Какъ человѣкъ необразованный, или, лучше сказать, какъ полуобразованный самоучка“,—говоритъ Бѣлинскій—„Кольцовъ нѣкоторыя изъ лучшихъ своихъ пѣсенъ хотѣлъ назвать *русскими балладами*, думая этимъ возвысить ихъ“ [1]). Это замѣчаніе можно провѣрить на "Хуторкѣ“ (тетрадь П. Я. Дашкова, № 5), который имѣлъ сперва еще подзаголовокъ „русская баллада“.

Что касается датъ подъ стихотвореніями Кольцова въ его рукописяхъ, то, по большей части, онѣ являются датами окончательной отдѣлки пьесъ и переписки ихъ съ отдѣльнаго листка въ тетрадь.

Первоначальныхъ набросковъ стихотвореній Кольцова, дающихъ текстъ такимъ, какимъ онъ вылился изъ-подъ пера поэта, до насъ дошло очень мало: въ рукописныхъ тетрадяхъ ихъ немного, отдѣльные же листки представляютъ собою почти всегда чистовыя копіи, поправки въ которыхъ сравнительно рѣдки и объясняются указаніями друзей поэта. Какъ на одно изъ немногихъ исключеній, укажемъ на „Міръ музыки“ въ первой тетради П. Я. Дашкова, гдѣ есть и черновая редакція стихотворенія. Второй и третій куплеты его долго не удавались Кольцову. Мы видимъ здѣсь цѣлый рядъ варіантовъ, написанныхъ сбоку и внизу страницы; нѣкоторые изъ нихъ зачеркнуты, иные остались незачеркнутыми. Наконецъ, черезъ страницу текстъ пьесы переписанъ начисто, авторъ выбралъ изъ многихъ варіантовъ наиболѣе удачные. Такой же характеръ подбора варіантовъ въ текстѣ и на поляхъ носятъ во второй тетради Дашкова: „Послѣдняя борьба“, „Грусть дѣвушки“, въ четвертой тетради—„Доля бѣдняка“, „Русская пѣсня“ (Не весна тогда жизнью вѣяла), въ пятой тетради—„Старому товарищу“, „Не разливай волшебныхъ звуковъ“ и немногія другія. Многіе варіанты приписаны здѣсь карандашомъ.

Рукописи, находящіяся въ Воронежѣ.

М. Де-Пуле въ статьѣ „Неизданныя стихотворенія Кольцова“, напечатанной въ шестой книжкѣ „Русскаго Архива“ 1864 г., сообщаетъ слѣдующія подробности о сохранившихся Воронежскихъ рукописяхъ А. В. Кольцова:

„Редакторъ „Воронежскаго Листка“ П. В. Малыхинъ и издатель этой газеты г. Гольдштейнъ въ мартѣ 1864 года пріобрѣли, покупкою отъ одного изъ воспитанниковъ Воронежской семинаріи, нѣсколько тетрадей стихотвореній, принадлежавшихъ Кольцову и Сребрянскому. Тетради эти достались семинаристу отъ какого-то Воронежскаго мѣщанина Дубинина и пріобрѣтены послѣднимъ за нѣсколько копѣекъ на толкучемъ рынкѣ, куда, кажется, ушла вся литературная собственность Кольцова, насколько можно судить по пріобрѣтеннымъ теперь тетрадямъ и по сборнику пословицъ“ [собранныхъ Кольцовымъ].

1) Бѣлинскій: „О жизни и сочиненіяхъ Кольцова“, стр. XLIII.

Изъ пятнадцати тетрадей пять (№№ 1, 2, 3, 4 и 7) принадлежатъ Кольцову, пять Сребрянскому (№ 5, 8, 9, 10 и отчасти 6; въ нихъ переписаны большая его поэма „Безсмертіе“ и другія стихотворенія), въ четырехъ тетрадяхъ переписаны стихи нѣсколькихъ Воронежскихъ поэтовъ; на одной изъ нихъ сдѣлана слѣдующая помѣта рукою А. В. Кольцова: „стихи Усова, Краснопольскаго, Артемьева, Введенскаго, Волкова, Попова, Цуровскаго, Веденіоса, Дарагана, Негровскаго“; наконецъ, пятнадцатая тетрадь содержитъ въ себѣ стихи Краснопольскаго, вѣроятно, одного изъ товарищей Сребрянскаго по семинаріи.

Даемъ краткое описаніе первыхъ семи тетрадей, пользуясь преимущественно описаніемъ Де-Пуле и статьей П. Малыхина „Кольцовъ и его неизданныя стихотворенія“, помѣщенной въ 170-мъ томѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1867 годъ. Изъ этихъ тетрадей только №№ 1, 6 и 8 были въ нашихъ рукахъ; онѣ принадлежали издателю „Воронеж. Телеграфа“ В. И. Исаеву.

Тетрадь № 1. Тетрадь эта въ 6 листовъ простой синей бумаги, форматъ въ листъ, или точнѣе—сшитый въ поллистъ (дѣлового формата). Она вся исписана рукою Кольцова: озаглавлена имъ такъ: *„Упражненія Алексѣя Кольцова въ стихахъ съ 1826 года съ октября 1 дня. Выбранные лучшіе и исправленные. Переписано 1827 года, марта 20 дня“*. Эпиграфъ взятъ изъ Ломоносова: „Науки юношей питаютъ...“ На оборотной сторонѣ заглавнаго листа находится оглавленіе, въ которомъ обозначено 30 стихотвореній, хотя на самомъ дѣлѣ ихъ 36 (вмѣстѣ съ мелкими), съ указаніемъ перенумерованныхъ страницъ. За исключеніемъ двухъ, всѣ стихотворенія относятся къ 1827 году. Каждое стихотвореніе помѣчено числомъ и мѣсяцемъ, хотя бы въ день написано по два (напр., 8, 15 генваря; 4 февраля; 16 и 12 марта) и по три (12 генваря); но не каждое помѣчено годомъ.

Вотъ перечень этихъ 36 стихотвореній:

„Очарованный міръ“. 1827 г., марта 12. *„Акростихъ Ив. Як. Петрову“*. Марта 15. *„Сонъ“*. Марта 12. *„Совѣтъ“*. Марта 13. *„Отцвѣтшая краса.“* Февраля 1. *„Превратность свѣта“*. Марта 14. *„Акростихъ (Елизѣ)“*. Марта 18. *„Посланіе къ Л. Г. А.“*. Марта 16. *„Акростихъ“*. Марта 16. *„Пѣснь утру“*. 1826 г., октября 10. *„Роса и цвѣтокъ“*. 1817 г., генваря 4. *„За славой смерть“*. 1826 г., октября 20. *„Первый шагъ любви“*. 1827, генваря 6. *„Пьянюгину“*. Генваря 8. *„Мнимой молодежи“*. Генваря 8. *„Ирисѣ“*. Генваря 15. *„Повытчику и секретарю“*. Генваря 12. *„Тоска о милой“*. 1827 г., марта 25. *„Тоска о миломъ“*. 1827 г., марта 25. *„Прямое счастье“*. 1827 г., марта 25. *„Безпечность“*. Марта 27. *„Мечтательность“*. Марта 27. *„Соколову“*. Генваря 15. *„Рѣзвому поэту“*. Генваря 12. *„Простодушіе сосѣда“*. Генваря 12. *„Сомнѣніе“*. Генваря 25. *„Семинаристу, писавшему эпиграму“*. Генваря 28. *„Полякову“*. Февраля 4. *„Вялому поэту“*. Февраля 4. *„Честность въ порокѣ“*. Февраля 10. *„Вертопраху“*. Марта 5. *„Разговоръ о театрѣ“*. Генваря 9. *„Надпись I: Глумовой“*. Марта 27. *„Надпись II: Кривошеину“*. Февраля 30. (*sic!*) *„Рыцарь. Баллада“*. Безъ обозначенія числа и мѣсяца. *„Посланіе Якову Яковлевичу Переславцову“*. 1827 г., апрѣля 2 дня.

Тетрадь № 2, въ 9¾ листа такой же бумаги, въ поллистъ; вся исписана рукою Кольцова, за исключеніемъ заглавнаго листа, носящаго слѣдующую надпись: „Незабудки съ долины моей юности. Алексѣй Кольцовъ. 1830 г.“ Надпись эта сдѣлана посторонн҃ею рукою, которую Де-Пуле приписываетъ А. П.

Сребрянскому, другу поэта, на томъ основаніи, что рядъ поправокъ и передѣлокъ, встрѣчающихся въ найденныхъ стихотвореніяхъ Кольцова, сдѣланы тѣмъ же самымъ почеркомъ.

На задней оберткѣ этой тетради рукою самого Кольцова написано: „*Мои стихи съ 1825 г. по 1831 годъ*". Но въ самой тетради только одно стихотвореніе не имѣетъ даты; всѣ же остальныя принадлежатъ 1828—30 годамъ и, за исключеніемъ четырехъ, обозначены числомъ, мѣсяцемъ и годомъ; но все это такъ же перепутано, какъ и въ первой тетради. Всѣхъ стихотвореній 35; изъ нихъ нигдѣ ненапечатанныхъ 20. Въ срединѣ тетради, на пятомъ листѣ, есть другой заголовокъ, сдѣланный самимъ поэтомъ: „*Пѣсни*".—На второмъ листѣ (вслѣдъ за заглавнымъ) рукою Кольцова написанъ эпиграфъ:

Пишу не для мгновенной славы,
Не для блистательныхъ честей,
Для развлеченья и забавы,
Для милыхъ, искреннихъ друзей,
Для памяти минувшихъ дней.
14 декабря 1827 г.

Эта тетрадь носитъ то же заглавіе „Незабудки", что и тетрадь, принадлежащая Имп. Публичной Библіотекѣ, но не совпадаетъ съ ней ни по формату, ни по числу страницъ и стихотвореній.

Тетрадь № 3, въ пять листовъ простой бѣлой бумаги, въ поллистъ, обернута синимъ полулистомъ; вся исписана рукою поэта. На заглавномъ листѣ находится слѣдующая надпись, сдѣланная Кольцовымъ: „*Начальные опыты въ стихахъ Алексѣя Кольцова, 1829 г., февраля 3 дня*". Подъ стихотвореніями тотъ же безпорядокъ въ обозначеніи чиселъ и мѣсяцевъ. Четыре стихотворенія совсѣмъ не имѣютъ даты, а одно обозначено 1828 годомъ. Въ концѣ этой тетради, на послѣднемъ листѣ, написаны три малорусскія стихотворенія съ особымъ наверху заголовкомъ: „Опытъ малороссійской поэзіи". Подъ малорусскими стихотвореніями нѣтъ датъ.

На первомъ листѣ тетради находится стихотвореніе, которое напечатано въ изданіи 1846 года подъ заглавіемъ „А. П. Сребрянскому", между тѣмъ, какъ въ описываемой рукописи оно носитъ заглавіе „Посвященіе Дмитрію Антоновичу Кашкину" и начинается словами:

Тебѣ, безцѣнной, милой другъ,
Я посвящаю мой досугъ,
Но, признаюсь, въ немъ умъ твой строгой
Найдетъ ошибокъ много, много...

Рядъ стихотвореній изъ второй и третьей тетрадей приведенъ въ статьѣ П. Малыхина.

Тетрадь № 4, въ два листа сѣрой и синей бумаги, форматъ поллистъ, вся исписана рукою Кольцова; въ ней пять стихотвореній 1829 и 1839 годовъ, изъ которыхъ четыре ненапечатанныхъ. Въ концѣ тетради переписана рукою Кольцова басня „*Чижъ-подражатель*", соч. И. Волкова (7 февраля 1839 г.), одного изъ Воронежскихъ стихотворцевъ. Три стихотворенія не имѣютъ даты.

Тетрадь № 5, въ $4^1/_2$ листа простой синей бумаги, форматъ поллистъ; вся исписана рукою Кольцова. Въ ней всего два стихотворенія, безъ означенія

числа, мѣсяца и года: 1) большое: „*Алій, несчастный пѣвецъ; баллада*"; 2) „*Ода дружбѣ*". Надъ балладою стоитъ слѣдующій заголовокъ „*Опытъ повѣствовательной поэзіи*".—Эти произведенія принадлежатъ А. П. Сребрянскому.

Тетрадь № 6, въ $5^3/_4$ листа простой синей бумаги, въ поллистъ. Вся эта тетрадь весьма тщательно переписана рукою друга молодости Кольцова, Воронежскаго мѣщанина Якова Переславцова; это доказывается его подписью на оборотѣ 20-ой страницы внизу: „Переписывалъ Воронежскій мѣщанинъ Яковъ Переславцовъ, 1834 года". На одной изъ страницъ есть подпись на нѣмецкомъ языкѣ „*Habe ich geschrieben. Jacob Pereslavzof*"; на другой дата: „*1834 Jahr, Genuar 25 Tag.*" На оборотѣ 21-ой страницы, внизу, помѣщенъ довольно плохой рисунокъ, изображающій, между прочимъ, вензель Я. П. въ вѣнкѣ. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ есть поправки, сдѣланныя не Переславцовымъ; однѣ изъ нихъ сдѣланы, по всей вѣроятности, рукою Сребрянскаго, другія (очень немногочисленныя) рукою Кольцова. Передъ стихотвореніемъ № 3 „*Безъ нужды сорванные цвѣтки*" въ треугольникѣ сохранилась не совсѣмъ затертая подпись карандашомъ „Сочиненія Сребрянскаго". Послѣ шестого стихотворенія рукою не переписчика запись „Василія Сребрянскаго",—очевидно, брата поэта. Передъ стихотвореніями 1, 3, 7, 11, 13, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 25, 27 и 29 рукою Кольцова написано: „послано Бѣлинскому". Извѣстно, что Кольцовъ посылалъ Бѣлинскому стихи своего друга и руководителя и удивлялся неблагопріятному о нихъ отзыву критика. (См. письма Кольцова къ Бѣлинскому начала 1839 г., 28 сентября 1839 г.). Въ срединѣ стихотворенія № 26 „*Трава съ могилы П. И. Ст—ва*" Кольцовъ приписалъ свое шуточное четверостишіе:

Что мнѣ любить?
Да что любить?
За то, чтобъ битому не быть!
То и любить.

Въ тетради № 6 всего 46 страницъ; первый листъ (обложка) оторванъ. Рукопись принадлежитъ въ настоящее время Воронежскому Губернскому Музею.

19 стихотвореній Сребрянскаго изъ этой тетради изданы А. Путинцевымъ въ „Памятной книжкѣ Воронеж. губ. на 1906 г."

Тетрадь № 7, на $1^1/_4$ листѣ простой бѣлой бумаги въ форматѣ полулиста, вся исписана рукою Кольцова. Въ ней всего 4 стихотворенія, изъ коихъ 3 (одно варіантъ) нигдѣ не напечатаны; всѣ они, за исключеніемъ варіанта, не имѣютъ даты. Не видѣвъ самой тетради, мы не рѣшаемся, хотя бы предположительно, на основаніи статьи Малыхина, указать, какія стихотворенія въ ней были помѣщены.

Воронежской Публичной Библіотекѣ принадлежитъ рукопись „*Русскихъ пословицъ*", собранныхъ А. В. Кольцовымъ. Она представляетъ собою небольшую тетрадку, формата восьмушки листа писчей бумаги, въ красномъ переплетѣ. На первой страницѣ рукою Де-Пуле обозначено: „Воронежской Публичной Библіотекѣ отъ члена Комитета по устройству оной М. Де-Пуле. 1864 г., 2-го февраля". Всего въ тетрадкѣ 41 листокъ (82 страницы), изъ которыхъ нѣкоторые въ серединѣ остались незаписанными. На бумагѣ ясно просвѣчиваетъ цифра 1830 и буквы: У У Ф Нс П. Заглавіе сборника, данное собирателемъ слѣдующее: „*Русскія пословицы, поговорки, присловья и присловья, со-*

бираемыя Алексѣемъ Кольцовымъ. Воронежъ. 183...“ Мѣсто, гдѣ обозначенъ годъ, залито темными чернилами. По всей вѣроятности, сборникъ началъ составляться не ранѣе 1836 года. На оборотѣ заглавнаго листка настоящаго сборника, какъ бы вмѣсто эпиграфа, Кольцовъ записалъ:

Говори о жизни,
Говори о семействѣ,
Говори объ отечествѣ.
Жизнь есть мученье,
Семейство — тиранъ,
Отечество — колыбель бѣдствій.

1836 г. Вор[оне]жскій философъ С. Ярченко.

Сборникъ задуманъ былъ въ довольно обширномъ размѣрѣ, о чемъ можно судить по тѣмъ бѣлымъ листкамъ, которые (иногда по два и по три) предназначались для отдѣльныхъ буквъ, а между тѣмъ на нѣкоторыхъ едва написано нѣсколько словъ. Нерѣдкое „повтореніе однѣхъ и тѣхъ же пословицъ также свидѣтельствуетъ о черновой работѣ труда, хотя многія изъ пословицъ записаны замѣчательно хорошо и съ истинно поэтическимъ тактомъ“. (М.-Де-Пуле).

Тетрадка, куда записывалъ Кольцовъ пословицы, служила ему и памятною книжкою, какъ объ этомъ можно судить по двумъ послѣднимъ листкамъ. На предпослѣднемъ изъ нихъ (40) написано слѣдующее: „Въ Псалтыри Давидъ „говоритъ: *Сѣдяй на херувимѣхъ явися*, т. е. Богъ явися. По пророчеству „Іезекіиля и по Апокалипсису разумѣютъ: херувимъ имѣетъ образъ четырехъ „животныхъ; то *левъ* означаетъ царское поколѣніе Іисуса Христа, описанное „Іоанномъ; *телецъ*—священническое, описанное Лукою; *человѣкъ*—поколѣніе „человѣческое, описанное Матвѣемъ, а *парящій орелъ* — пророческій духъ, „коимъ восхищенъ былъ Марко, когда началъ писать свое Евангеліе. Посему „4 завѣта даны роду человѣческому: 1-й до потопа, при Адамѣ; 2-й послѣ „потопа, при Ноѣ; 3-й въ Законѣ, при Моисеѣ; 4-й въ Новомъ Завѣтѣ, при „Христѣ, сокращеннѣе всѣхъ прочихъ, обновляющій человѣка и возвышающій „его чрезъ Евангеліе, въ царствіе небесное“.

Далѣе, на оборотной страницѣ предпослѣдняго (41) листа читаемъ:

Чари, нѣсколько сценъ изъ народныхъ разсказовъ украинскихъ. Кирила Тополи. Москва. 1837 г. — Аббатъ, Вальтеръ-Скотта.

Весь послѣдній листокъ исписанъ слѣдующими замѣчаніями:

Нужныя книги:

1. Отелло, венеціанскій мавръ, новое изданіе. (Эта строка зачеркнута).— 2. Серапіоновы братья. Повѣсть Гофмана. — 3. Сказаніе русскаго народа о семейной жизни его предковъ. Сахарова. 1836 года. — 4. Двумужница. Шаховскаго. — 5. 30 лѣтъ, жизнь игрока. — 6. Недоросль. Фонъ-Визина. — 7. Новый курсъ философіи. Жеразе. 1836 г. (Эта строка зачеркнута) — 8. Руководство къ исторіи литературы. Соч. Л. Вахлера, съ нѣмецкаго. 2 час. 8 руб. [1]).

Снѣгиревъ печатаетъ: Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. Полевой Николай напечаталъ Гамлета Шакспира, цѣна 5.

---

1) Этотъ списокъ книгъ совпадаетъ съ тѣмъ, который находится въ письмѣ Кольцова къ А. А. Краевскому отъ 13 марта 1837 г.

Напечаталъ Вронченко Макбета Шекспира. Цѣна 5.

Думы. Максимовича.—Мечты и жизнь. Полеваго.

Описаніе 30 свадебныхъ обрядовъ въ 1725 году. Исторія философіи. Жеразе. (Эта строка зачеркнута).

„Въ Петербургскомъ почтамтѣ, Надворному Совѣтнику Петру Андреевичу Штеру—адресъ. Выписать Собраніе сочиненій Пушкина; на ординарной бумагѣ съ пересылкою 35 р., на веленевой—50 р.; въ 6 томахъ по 1 октября 1837 г.“ Теорія.—Шевырева.—Всеобщая Исторія. Эрта.—Исторія. Погодина.

Далѣе рукою не Кольцова записано: „Какъ скопившіяся силы тѣла и соки въ голову дѣлаютъ ударъ, такъ и капиталы и все богатство, собранное въ столицу, ослабитъ и разстроитъ организмъ. Тристрамъ Стерна“.

Эта тетрадка по смерти Кольцова, вмѣстѣ съ его рукописными тетрадями, содержащими въ себѣ поэмы Пушкина, продавалась на толкучемъ рынкѣ и пріобрѣтена г. С—вымъ за пять копѣекъ; отъ него перешла къ И. С. Никитину; отъ Никитина къ Де-Пуле, который принесъ ее въ даръ Воронежской Библіотекѣ.

На выставкѣ въ память А. В. Кольцова, устроенной въ февралѣ 1910 г. въ Воронежѣ мѣстной архивной коммиссіей, было демонстрировано небольшое число рукописей съ произведеніями Кольцова и его друга А. П. Сребрянскаго.

Отмѣтимъ эти рукописи.

I. Тетрадь „*Стихотворенія Алексѣя Васильевича Г-на Кольцова*“, 4°, 16 страницъ. Написаны они очень старательною, но малограмотною рукою, повидимому, одного изъ мѣстныхъ любителей поэзіи въ началѣ сороковыхъ годовъ. Въ нее вошли шесть стихотвореній, подъ каждымъ изъ нихъ подпись: *А. Кальцовъ* или *А. Кольцовъ*.

Сюда вошли: 1. „*Путь*“. Нач.: „Путь широкій давно“. 2. „*Измѣна суженой*“. Нач.: „Жарко въ небѣ солнце лѣтнее“.—3. „*Бѣдный призракъ*“. Нач.: „Убилъ я жизнь, искавши счастья“. Дата: 20 октября 1838 г.—4. „*Военная пѣснь*“. *(Посвящ. кн. П. А. Вяземскому)*. Нач.: „Затрубили трубы бранныя“. Дата: 22 августа 1840 г.—5. „*Ночлегъ чумаковъ*“. Нач.: „Вблизи дороги столбовой“.—Полная редакція этого стихотворенія.—6. „*Послѣдняя борьба*“. Нач.: „Надо мною буря выла“.

Въ настоящее время эта тетрадь принадлежитъ Воронежскому Губернскому Музею.

II. Письмо А. В. Кольцова отъ 14 іюня 1834 г. къ Василію Ивановичу Гарденину, купцу Воронежскому. Автографъ. Принадлежитъ редактору-издателю газеты „Донъ“ В. Г. Веселовскому. Письмо это впервые издается въ настоящемъ 3-мъ Академическомъ изданіи „Сочиненій Кольцова“.

III. Письмо А. В. Кольцова къ А. Н. Черткову отъ 28 декабря 1839 года. Автографъ, принадлежавшій М. Ѳ. Черткову, теперь принесенъ въ даръ Воронежскому Губернскому Музею.

IV. Сборникъ стихотвореній А. П. Сребрянскаго, переписанныхъ А. В. Кольцовымъ. Собственность Воронежскаго Губернскаго Музея.

V. Тетрадь стихотвореній А. П. Сребрянскаго, переписанныхъ рукою А. В. Кольцова. Принадлежитъ Воронежскому Губернскому Музею. Въ числѣ другихъ стихотвореній есть одна пѣсня оды „Безсмертіе“.

VI. „Безсмертіе“ въ трехъ пѣсняхъ. Сочиненіе Андрея Сребрянскаго 1831 г. Писано писарскимъ почеркомъ. Собственность Воронежской Публич-

ной Библіотеки. По этому списку ода „Безсмертіе“ была издана свящ. С. Г. Звѣревымъ въ „Памятной книжкѣ Воронежской губ. на 1892 годъ“.

VII. Отрывокъ письма А. П. Сребрянскаго къ брату Ив. П. Сребрянскому отъ 19 февраля 1837 года. Письмо это было написано мелкимъ почеркомъ на восьми столбцахъ (4 страницахъ) формата обыкновенной четвертки. Сохранились только столбцы шестой и седьмой. Нѣтъ ни начала ни конца письма. Сохранившійся отрывокъ не позволяетъ рѣшить вопросъ о литературныхъ заимствованіяхъ Кольцова у Сребрянскаго. Въ началѣ отрывка находимъ стихотвореніе „*Слеза молитвы*“ (нач.: „Спаситель! Спаситель!“), въ которомъ подчеркнуты стихи 12, 16, 17, 18, 22, 23, а также слова „на точку“ въ стихѣ 14. Но изъ текста сохранившагося отрывка письма нельзя уяснить значеніе подчеркнутыхъ стиховъ.

Отрывокъ письма принадлежитъ редактору-издателю газеты „Донъ“ В. Г. Веселовскому и найденъ имъ недавно въ бумагахъ отца, Г. М. Веселовскаго, Воронежскаго литератора.

Найденный отрывокъ изданъ Пр. Н. Щукинымъ въ его статьѣ „А. П. Сребрянскій. (Біограф. очеркъ, поэма, письмо)“, въ „Филолог. Запискахъ“ 1910 г. и отд. Воронежъ 1910. 2+50 стр.

VIII. Въ только что названной статьѣ г. Щукина издана по рукописи, найденной воспитанникомъ Воронежской семинаріи Новиковымъ, ода А. П. Сребрянскаго „*Безсмертіе*“, носящая въ рукописи г. Новикова заглавіе „*Предчувствіе вѣчности, или восторгъ души при наступленіи весны. Соч. студента философіи Андрея Сребрянскаго. Воронежъ 1830 года.*“

Рукописи Императорской Публичной Библіотеки.

I.—Тетрадь, принесенная въ даръ А. Ф. Марксомъ, въ 4-ку, носитъ заглавіе „*Незабудки съ долины моей юности. Алексѣя Кольцова. 1830 г.*“. Она заключаетъ въ себѣ, считая и обложку, 24 листка (48 стр.). Можно предположить, что эта третрадь представляетъ собою сокращеніе Воронежской тетради №2: изъ 35 стихотвореній послѣдней въ нее вошли всего 18 стихотвореній. Эпиграфа „Пишу не для мгновенной славы“ въ ней нѣтъ. Тетрадь писана рукою Кольцова. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ встрѣчаемъ довольно много поправокъ, сдѣланныхъ постороннею рукою,—по всей вѣроятности, Сребрянскаго. Тою же рукою измѣнены даже заглавія нѣкоторыхъ стихотвореній. (Измѣненія заглавій мы обозначаемъ въ настоящемъ описаніи въ скобкахъ). Большинство стихотвореній датировано.

Въ тетрадь вошли стихотворенія:

1. „*Любовь души*“. Августа 21, 1830, близъ Муръ-могилы. Начало :„Что душу въ юности плѣнило“. Это варіантъ стих. „Первая любовь“.—2. „*Вечеръ*“, Нач.: „Ужъ рощей лиственная сѣнь“. Старобѣльскъ. 1830 г. августа 20.—3. „*Утѣшеніе*“. („*Къ другу*“). Нач.: „Внимай, мой другъ, какъ здѣсь прелестно“. Безъ даты.—4. „*Къ Ж...*“ („*Къ ней же*“). Нач.: „Не мучь, красавица моя“. Августа 8, 1830 г.—5 „*Сельская пирушка*“ („*Пирушка русскихъ поселянъ*“). Нач.: „Ворота тесовы растворилися“. Сентября 21, 1830 г.—Варіантъ „Крестьянской пирушки“—6. „*Посланіе*“ („*Къ N... N...*“). Нач.: „Опять тоску, опять любовь“. Іюля 19, 1830 г.—Варіантъ стихотворенія „Къ ней„.—7. „*Посланіе Н... П...*“ („*Къ****“). Нач.: „И вы на насъ грозой хотите?“ Іюля 25, 1830 г.—8.

„*Веселый часъ*". Нач.: „Дайте бокалы!" Безъ даты.—(Есть варіанты).— 9. „*Посланіе С... З...*" („*Къ С. З.*"). Нач.: „Когда въ груди твоей булатной". Апрѣля 8, 1830 г.—Варіантъ стихотворенія „О, не кажи улыбки страстной".—10. „*Къ молодости. Пѣсня*" („*Пѣсня старика*"). Нач.: „Осѣдлаю коня". Сентября 21, 1830 г.—11. „*Къ другу. Посланіе*". („*Утѣшеніе. Посланіе другу*"). Нач.: „Къ чему намъ духомъ унывать". Пол...чь, іюля 11, 1830 г.—Варіантъ стихотворенія „Къ другу" (Развеселись, забудь, что было)— 12. „*Перстень. Пѣсня*". Нач.: „Я затеплю свѣчу воска яраго". Сентября 20, 1830 г.—13. „*Земное счастіе*". Нач.: „Не тотъ счастливъ, кто кучи злата". Старобѣльскъ. Августа 20, 1830 г.—14. „*Мука*". („*Печаль сердца*"). Нач.: „Осиротѣлой и унылой". Кирчиская слобода, августа 27, 1830 г.—15. „*Пѣсня*". Нач.: „На что ты, сердце нѣжное, любовію горишь?" Близъ Славяносербска, сентября 5, 1830 г.—16. „*Встрѣча съ опытомъ*". („*Знакомство съ опытомъ*"). Нач.: „Дитя безпечный и свободной". Апрѣля 17, 1830 г.—Варіантъ стихотворенія „Разувѣреніе".—17. „*Сирота*" („*Сирота поселянинъ*"). Нач.: „Когда мнѣ шелъ двадцатый годъ". Кокенское поле. Сентября 4, 1830 г.—18. „*Пѣсня*" (Если встрѣчусь съ тобой). Сентября 19, 1830 г.

Эта рукопись подробно описана и издана А. И. Введенскимъ въ „Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеніяхъ къ Нивѣ" (1895 г., № 6, стлб. 193—210).

II.—Тетрадь стихотвореній Кольцова, пріобрѣтенная И. Публичною Библіотекою отъ П. В. Жуковскаго, 4°, на 32 страницахъ, писана рукою поэта очень старательно, почти безъ помарокъ. При стихотвореніяхъ рядъ отмѣтокъ, сдѣланныхъ рукою Кольцова, кому они отданы или гдѣ помѣщены. Въ этой тетради помѣщены слѣдующія стихотворенія:

1. „*Дума. Предъ образомъ Спасителя*".—„Отдана В. А. Владиславлеву".—2. „*XIII*". Нач.: „Не разливай волшебныхъ звуковъ".—„Отдана А. А. Краевскому".—3. „*Путь*". Нач.: „Путь широкій давно".—„Напечатана въ Отечественныхъ Запискахъ".—4.„*Русская пѣсня*". Нач.: „Грѣетъ солнушко".—„Напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ".—5. „*Вопль страданій*". Нач.: „Напрасно я молю святое Провидѣніе".—„Отдана П. А. Плетневу.—6. „*Военная пѣсня*". (Посвящена кн. П. А. Вяземскому). Нач.: „Затрубили трубы бранныя".—„Отдана В. А. Владиславлеву".—7. „*Русская пѣсня*". Нач.: „Не на радость, не на счастіе".— „Отдана А. А. Краевскому".—8. „*Послѣдняя борьба*".—„Отдана А. А. Краевскому".—9. „*Русская пѣсня*". Нач.: „Въ непогоду вѣтеръ".—„Напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ".— 10. „*Разлука*". Нач.: „На зарѣ туманной юности". „Отдана А. А. Краевскому".— 11. „*Лѣсъ*". Нач.: „О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?"—„Напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ".—12. „*Русская пѣсня* ". Нач.: „Дуютъ вѣтры".— „Напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ".—13. „*Дума сокола*". [Безъ посвященія В. П. Боткину].—„Напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ".— 14. „*Русская пѣсня*". Нач.: „Не скажу никому".—„Отдана В. А. Владиславлеву".—15. „*Земляку*". Нач.: „Что ты спишь, мужичокъ?"—Отдана А. А. Краевскому".—16. „*Русская пѣсня*". Нач.: Такъ и рвется душа".—„Отдана А. А. Краевскому".—17. „*Примиреніе*". Нач.: „На пиръ сердечныхъ наслажденій".— „Отдана П. А. Плетневу".—18. „*Бѣгство*". Нач.: „Ужъ какъ гляну я на поле".—„Напечатана въ „Современникѣ". 19. „*Хуторокъ*".—„Напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ".

III.—Стихотворенія Кольцова, хранящіяся въ И. Публичной Библіотекѣ на отдѣльныхъ листкахъ:

1. 2. „*Сирота*“ и „*Размолвка*“ на одномъ листкѣ небольшого почтоваго формата. Даты рукою Кольцова: „Сироты“—1827 г., „Размолвки“—1828 г.

3. 4. 5. Стихотворенія „*Что значу я*“, „*Осень*“, „*Разувѣреніе*“ на 4 страницахъ большого почтоваго листа. Изъ бумагъ А. А. Краевскаго.— Стих. безъ датъ.—Вверху первой страницы рукою А. Ѳ. Воейкова: „Въ Сборникъ 1839 г. Воейковъ. 2 августа 1838 г.“. Помѣта цензора о разрѣшеніи печатать: 14 августа 1838 г. Есть незначительные варіанты.

6. „*Отшельникъ*“. Нач.: „Да, жизнь не то, что говорили“. (Особая редакція стихотворенія 1829 г. „*Разувѣреніе*“). Дата: Воронежъ. 1837. На листкѣ большого почтоваго формата. Орѳографическія поправки сдѣланы красными чернилами (какъ и въ нѣсколькихъ, ниже указанныхъ стихотвореніяхъ). Поступило отъ проф. В. В. Григорьева.

7. „*Русская пѣсня*“. Нач.: „Я затеплю свѣчу“. На листкѣ обычнаго почтоваго размѣра. Вверху рукою Воейкова: „Въ Сборникъ 1839 г. В“. Цензорская помѣта: 13 августа 1838 г.—Изъ бумагъ А. А. Краевскаго.

8. „*Молодая жница*“—на отд. листкѣ большого почтоваго формата. Дата—1836—написана карандашомъ и рукою не Кольцова.

9. „*Божій міръ. Дума*“—на отд. листкѣ малаго почтоваго формата. Дата: 1836 г. Воронежъ.—Орѳографическія поправки сдѣланы красными чернилами. Между 22 и 23 строками читаемъ еще семь строкъ, отчеркнутыхъ краснымъ карандашомъ и не вошедшихъ въ изданія. (См. примѣчаніе къ этому стихотворенію).

10. „*Великая истина. Дума*“. Нач.: „Глубокая вѣчность огласилась словомъ“. На отд. листкѣ большого почтоваго формата. Орѳографическія ошибки исправлены красными чернилами. Дата: 1836 г. Степь графини Орловой.

11. „*Великое слово*“. Нач.: „Глубокая вѣчность огласилась словомъ“—на отд. листкѣ большого почтоваго формата. Въ витринѣ Публичной Библіотеки.

12. „*Слеза молитвы*“. Нач.: „Спаситель, Спаситель“.—На отд. листкѣ малаго почтоваго формата; орѳографическія поправки красными чернилами. Дата: 1836 г. Степь графини Орловой.

13. „*Могила*“. Нач.: „Чья это могила?“ На отд. листкѣ большого почтоваго формата; орѳографическія поправки сдѣланы красными чернилами. Дата: Воронежъ. 1836 г.

14. „*Цвѣтокъ*“. Нач.: „Природы милое творенье“.—На листкѣ большого почтоваго формата. Поправки орѳографическія сдѣланы краснымъ карандашомъ. Дата—1836 г.—написана рукою не Кольцова.

15. „*Лѣсъ*“. Нач.: „О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?“ — Въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, на четвертой страницѣ письма Кольцова къ Жуковскому отъ 1 декабря 1839 года.

IV. Въ Имп. Публичной Библіотекѣ хранится также:

1. *Письма А. В. Кольцова* къ слѣдующимъ лицамъ: а) два письма къ В. А. Жуковскому (2 мая 1838 г. и 1 декабря 1839 г.), б) одно—къ сестрѣ поэта, А. В. Кольцовой (10 января 1841 г.), в) къ А. А. Краевскому—16 писемъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ изданіи; г) три письма къ кн. В. Ѳ. Одоевскому (15 февраля 1839 г., 4 апрѣля 1840 г., 24 октября 1841 г.).

2. Записанныя Кольцовымъ двѣ *народныя пѣсни:* а) хоровая, б) о Ванькѣ клюшникѣ. (Въ бумагахъ А. А. Краевскаго).

3. Три записанныхъ Кольцовымъ *анекдота:* (а) Гаврило, б) анекдотъ, в) цыганскій анекдотъ) съ припискою: „и вотъ какія глупости слышишь въ народѣ безпрестанно“. (Въ бумагахъ А. А. Краевскаго).

4. Копія двухъ первыхъ главъ „*Евгенія Онѣгина*“, написанная рукою Кольцова.

Рукописи П. Я. Дашкова.

Рукописи А. В. Кольцова, принадлежавшія П. Я. Дашкову, переплетены въ настоящее время въ два тома.

Въ первомъ томѣ помѣщены:

Тетрадь I, въ четвертку, состоящая изъ двухъ ненумерованныхъ и 38 нумерованныхъ страницъ, имѣетъ заглавіе на особомъ титульномъ листѣ: „*Стихотворенія Алексѣя Кольцова 1836 и 1837 годовъ. Воронежъ*“. Заглавіе и весь текстъ тетради писаны рукою А. В. Кольцова. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ рядъ поправокъ, сдѣланныхъ рукою В. Г. Бѣлинскаго. Поправки эти занесены черными чернилами, но есть и поправки чернымъ карандашомъ. Поправки Бѣлинскаго касаются отчасти орѳографіи и разстановки знаковъ, отчасти замѣняютъ отдѣльныя неудачныя выраженія Кольцова или цѣлыя строчки. Такъ, въ стихотвореніи „Спящій юноша“ рукою Бѣлинскаго измѣнено заглавіе: „Спящему младенцу“, въ 10-мъ стихѣ слова „И жизни пасмурной дремоты“ замѣнены „И дней безжизненной дремоты“. Рукописный текстъ этого стихотворенія показываетъ, какъ работалъ надъ передѣлкой своихъ пѣсенъ Кольцовъ подъ вліяніемъ и руководствомъ Бѣлинскаго. Послѣднему не понравились стихи 10, 15, 16, 22; онъ отчеркнулъ ихъ карандашомъ, а противъ первыхъ 10, 15—16 поставилъ знакъ NB. На передѣлку десятаго стиха мы только что указали. Въ стихѣ тринадцатомъ слово „онъ“, стоявшее послѣ „рѣзвится“, помѣщено передъ „рѣзвится“ („Теперь онъ рѣзвится, играетъ“). Стихи 15 и 16, идущіе послѣ словъ „Незрѣлой умъ мечтой питаетъ“—

И межъ своими, какъ дитя,
Что мыслитъ, дѣлаетъ шутя—

отчеркнуты Бѣлинскимъ, какъ неудачные. Попытки Кольцова исправить ихъ

1) И всѣмъ играетъ онъ шутя,
2) Все проситъ, дѣлаетъ шутя,
3) Онъ силы пробуетъ шутя,

отмѣченныя карандашомъ, повидимому, не удовлетворили Бѣлинскаго, были перечеркнуты и не вошли въ изданіе 1846 года.

Стихъ 22-й—

Все за собой они уводятъ...

отмѣченный критикомъ, былъ исправленъ Кольцовымъ на

Прекрасный міръ съ собой уводятъ...

Эта поправка сдѣлана рукою Кольцова карандашомъ; Бѣлинскій надписалъ ее своей рукой чернилами.

Нумерація страницъ сдѣлана карандашомъ, рукою коллекціонера.

При нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ рукою Кольцова указано, когда они написаны и гдѣ помѣщены.

Въ эту тетрадь вошли слѣдующія 16 піесъ:

1. „*Молитва. Дума*". Нач.: „Спаситель, Спаситель!"—Дата: 1837 г.—„Напечатана въ Сборникѣ Воейкова 1838 г."—2. „*Что значу я?*"—Начало: „Что, крошка малая, я значу?"—„Отдана въ другую часть Сборника Воейкову".—3. „*Косарь*". Нач.: „Не возьму я въ толкъ". Дата: Москва. 1836 г.—„Напечатана въ „Телескопѣ" у Надеждина. 1836 г."—4. „*Умолкшій поэтъ. Дума*". (Слово „Дума" написано рукою Бѣлинскаго). Нач.: „Съ душою пророка". Дата: 1836 г. „Отдана въ Современникъ Плетневу".—5. *Могила. Дума*". Нач.: „Чья это могила". Дата.: 1836 г.—„Отдана въ „Наблюдатель" Бѣлинскому".—6. „*Спящій юноша*". Заглавіе измѣнено Бѣлинскимъ на „*Спящему младенцу*". Дата: 1828 г.—7. „*Разувѣреніе*". Дата: 1829.—„Отдана въ другую часть Сборника Воейкову" [1]). 8. „*Пѣсня*". Нач.: „Если встрѣчусь съ тобой". Дата: 1827.—9. „*Сирота*". Нач.: „Не прельщайте, не маните".— Дата: 1825 г.—10. „*Прекрасной поселянкѣ*". Это заглавіе перечеркнуто Бѣлинскимъ и замѣнено: „*Красавицѣ*". Начало: „Ахъ, чья ты дѣва-красота?" Бѣлинскій измѣнилъ: „Ахъ, кто ты, дѣва-красота?". Дата: 1828 г.—11. „*Ровеснику.*". Дата: 1826 г.—12. „*Размолвка*". Дата: 1824 г.—зачеркнута.—13. „*Пѣсня*". Нач.: „Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни". Это, очевидно, первый набросокъ, со многими поправками; всѣ онѣ сдѣланы рукою Кольцова. Это стихотвореніе зачеркнуто черными чернилами и краснымъ карандашомъ.—14. „*Пѣсня*". Нач.: „Если встрѣчусь съ тобой".—15. „*Міръ музыки*". Нач.: „Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни". Дата: „Москва 1838 г. Вечеръ музыкальный у Боткина".—16. „*Человѣкъ. (Дума)*". Нач.: „Всѣ творенья въ Божьемъ мірѣ". Дата: „Воронежъ 1836 г., іюня 15".

Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній перечеркнуты чернымъ или краснымъ карандашомъ. Почти всѣ перечеркнутыя пѣсни вошли во вторую часть изданія 1846 года (приложенія).

Тетрадь II, въ четвертку, состоитъ изъ титульнаго листа и 54 страницъ, изъ нихъ послѣдняя не записана. Автографъ Кольцова. Заглавіе: „*Стихотворенія Алексѣя Кольцова 1837 и 1838 годовъ. Воронежъ*".

Въ эту тетрадь вошли:

1. „*Раздумье селянина*". Дата: Москва. 1837 г., 9 апрѣля.—„Отдана В. Г. Бѣлинскому въ Московскій Наблюдатель".—2. „*Русская пѣсня*". Нач.: „Ахъ, зачѣмъ меня..." Дата: Москва. 1838 г. 5 апрѣля.—„Отдана В. Г. Бѣлинскому въ Московскій Наблюдатель".—3. „*Послѣдній поцалуй*". Дата: Москва. 1838 г., 12 апрѣля.—„ Назначена послать Кукольнику въ альманахъ".—4. „*Вопросъ. Дума*". „Напечатана въ № 12 „Литературныхъ Прибавленій" за 1838 г. у Краевскаго, и напечатана въ другой разъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ" во 2 № за 1838 г." Дата: 1837 г., 20 сентября.—5. „*Къ милой*". Нач.: „Давно разстались мы съ тобой".—„Отдана В. Г. Бѣлинскому въ „Наблюдатель". Напечатана во 2 № за 1838 годъ". Дата: Москва. 1838 г., 1 февраля.—6. „*Измѣна суженой. Русская пѣсня*". Нач.: „Жарко въ небѣ солнце лѣтнее".—„Отдана въ „Литературныя Прибавленія" Краевскому". Дата: Москва. 1838 г., 20 генваря. 7. „*Царство мысли. Дума*". 1837 г.—„Напечатана въ 1 № Современника у Плетнева 1838 г."—8. „*Лѣсъ. Посвящено памяти А. С. Пушкина*".

---

1) Спутаны страницы: конецъ стих. „Разувѣреніе" на стр. 25, начало на 20; „Ровеснику" на стр. 28 и 21, „Сирота" на стр. 24 и 29.

1837 г.—„Напечатано во 2 № кн. „Сына Отечества“ у Полеваго“.—9. „*Кольцо*“. Нач.:„ Я затеплю свѣчу“.—„Отдана В. А. Владиславлеву въ альманахъ“ на 1839 г.“.—10. „*Двѣ жизни. Дума*“. 1837 г. „Напечатана въ 12 № „Литературныхъ Прибавленій“ за 1838 г. у Краевскаго“.—11. „*Два прощанія*“. 1837 г., 18 сентября.—„Отдана въ „Современникъ“ Плетневу“.—12. *Горькая доля*“. Нач.: „Соловьемъ залетнымъ“. 4 августа 1837 г. „Отдана въ Сынъ Отечества Полевому, напечатана во 2-й книжкѣ“.—13. „*Ура!*“ 1837 г.—„Напечатана въ 10 № „Литературныхъ Прибавленій“, у Краевскаго“.—Это стихотвореніе перечеркнуто краснымъ карандашомъ; оно не вошло въ изданіе 1846 г.—14. „*Первая пѣсня Лихача Кудрявича*“. 1837 г.—„Отдана В. А. Владиславлеву въ альманахъ на 1839 г.“—15. „*Вторая пѣсня Лихача Кудрявича*“. 1837.—„Отдана В. А. Владиславлеву въ альманахъ на 1838 г.“—16. „*Пора любви*“. Нач.: „Весною степь зеленая“.—„Отдана Краевскому въ „Литературныя Прибавленія“, напечатана...“.—17. „*Деревенская бѣда*“. Нач.: „На селѣ своемъ жилъ молодецъ“. Москва. 1838 г., мая 14 дня, полночь.—„Отдана Бѣлинскому въ Наблюдатель“.— 18. „*Русская пѣсня*“. Нач.: „Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ“. Москва. 10 іюля 1838 г., утро, 12 час.

Вся рукопись писана самимъ Кольцовымъ; поправки, сдѣланныя не его рукою, немногочисленны; онѣ ограничиваются большею частью орѳографическими измѣненіями.

Тетрадь III, въ четвертку, состоитъ изъ 12 страницъ, считая въ томъ числѣ заглавный листъ. Автографъ Кольцова. Заглавіе: „*Стихотворенія Алексѣя Кольцова 1838 года. Октября 1 дня. Воронежъ*“.

На оборотѣ заглавнаго листа рукою Кольцова сдѣлана слѣдующая выписка философскаго характера:

„Если человѣкъ есть фокусъ всѣхъ стихій подсолнечнаго міра, если онъ отдѣльно не можетъ иначе жить, какъ поглощая жизнь окружающаго его, какъ черезъ смерть другихъ веществъ и существъ, то значитъ, что онъ не понялъ себя, если сочтетъ жизнь свою мелкою, если поровняется съ плотоядными неразумными, не будетъ допытливымъ наблюдателемъ всей подсолнечной жизни и дѣятельнымъ творцомъ жизни человѣческой; недаромъ многіе стыдятся и скорбятъ о томъ, что не могутъ обойтись безъ мяснаго; совѣсть, видя безплодіе жизни, шепчетъ, что они не стоютъ смерти телятъ“.

Послѣ заглавнаго листа недостаетъ одного листка. Поэтому на стр. 3 (вмѣсто 5-й) имѣемъ только:

1. Конецъ „*Пѣсни*“ („Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись“), начиная со словъ: „Не держи жъ, пусти, дай волюшку“. Дата: 2 ноября.

2. „*Лѣсъ*“. Нач.: „О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?“ Дата: 10 ноября.—„Напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1841 года.—Жуковскому и Бѣлинскому“.—Много поправокъ карандашомъ рукою Кольцова. Во многихъ мѣстахъ рукою Бѣлинскаго чернилами надписана послѣдняя редакція Кольцова.

3. „*Посланіе В. Г. Б-му и Н. П. М—му*“. Карандашомъ, рукою Кольцова, прибавлено: „Поборнику божественной идеи“.—Конца стихотворенія нѣтъ, такъ какъ здѣсь тоже недостаетъ листка.

4. „*Послѣдняя борьба*“. 1838 г. сентября 20.—„Послана въ „Московскій Наблюдатель“ Бѣлинскому и напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1841 г., № 9“.—Много поправокъ сдѣлано рукою Кольцова.

5. „*Грусть дѣвушки*“. Нач.: „Отчего, скажи, мой любимый серпъ“. Москва 10 декабря 1840 г.—„Напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1841 года“. Нѣкоторыя мѣста вызвали рядъ измѣненій, сдѣланныхъ карандашомъ рукою Кольцова. Нѣкоторыя изъ нихъ обведены чернилами рукою Бѣлинскаго.

6. „*Зарыта, зарыта могила, насыпанъ высокій курганъ*“.—Стихотвореніе переписано рукою Кольцова, но ему не принадлежитъ. Подъ стихотвореніемъ подпись: „Меркель“.

Тетрадь IV, состоящая изъ заглавнаго листка и 42 нумерованныхъ страницъ, т. е. изъ 44 страницъ, носитъ заглавіе „*Стихотворенія Алексѣя Кольцова. Перваго сентября 1840 г. Воронежъ*“. Вся она, кромѣ послѣдняго стихотворенія, написана рукою Кольцова. Нѣкоторыя стихотворенія, напримѣръ: „Шекспиръ. Дума“, „Доля бѣдняка“, имѣютъ цѣлый рядъ измѣненій и поправокъ автора.

Въ четвертую тетрадь вошли:

1. „*Русская пѣсня*“. Нач.: „Гдѣ вы, дни мои“. 3 декабря, Москва.—„Напечатана въ „Отеч. Запискахъ“ 1841 года“.—2. „*Шекспиръ. Дума*“. Нач.: „Въ душѣ человѣка возникаютъ мысли“. 7 декабря. 1840 г. Москва.—Это стихотвореніе вошло въ изданія сочиненій Кольцова подъ заглавіемъ „*Поэтъ*“. Въ настоящей тетради имѣемъ первую его редакцію, съ рядомъ поправокъ, сдѣланныхъ рукою Кольцова карандашомъ и чернилами. Въ 13 стихѣ „Гражданинъ-художникъ“ передѣлано, очевидно подъ вліяніемъ Бѣлинскаго, на „Властелинъ-художникъ“. Слово „Властелинъ“ написано рукою Бѣлинскаго чернилами на мѣстѣ соотвѣтствующей карандашной поправки Кольцова.—3. „*Русская пѣсня*“. Нач.: Много есть у меня.“ Москва. 8 декабря 1840 г.—Напечатана въ „Отеч. Запискахъ“ 1841 года“.—4. „*Жалоба*“. Посвящена Бѣлинскому“. Нач.: „Жизнь! затѣмъ ты собой“. Москва. 9 декабря 1840 г.—„Напечатана въ Отеч. Запискахъ 1841 года“. Рукою Бѣлинскаго посвященіе измѣнено такъ: „Посвящается В. Г. Б—му“. Предпослѣдній стихъ („Если бъ могъ—какъ сосудъ“) измѣненъ на „Если бъ силу Богъ далъ“. 5. „*Ночь*“. Нач.: „Не смотря въ лицо“. Москва. 11 декабря 1840 г.—Все стихотвореніе перечеркнуто. Оно переписано полностью дальше.—6. „*Ночь*“. Дата та же. (Посвящена князю В. Ѳ. Одоевскому).—„Напечатана въ „Отеч. Запискахъ“ 1841 года“.—7. „*Поминки*“. Москва. 1840, 12 декабря. Рукою Кольцова: „Николаю Владимировичу Станкевичу“. Рукою Бѣлинскаго измѣнено: „Посвящено памяти Н. В. Станкевича“. Надъ стихотвореніемъ рукою Кольцова: „Отдана Бѣлинскому“.—8. „*Доля бѣдняка*“. Нач.: „У чужихъ людей“.—Много поправокъ подъ стихотвореніемъ и на поляхъ.—9. „*Звѣзда*“. Нач.: „Гдѣ бъ ни былъ я—всегда“. Дата: 1841 г., мая 5.—10. „*Русская пѣсня*“. Нач.: „Не весна тогда жизнью вѣяла“. Мая 2 дня 1841 г. Много поправокъ въ текстѣ и на поляхъ.—11. „*Русская пѣсня*“. Нач.: „Ты прости-прощай, Сыръ-дремучій боръ“. Апрѣля 25, 1841 г.—12. „*Русская пѣсня*“. Нач: „Раступитесь, лѣса темные“. 1841 г., мая 10 дня. Нѣсколько варіантовъ 5 и 6 куплетовъ.—13. „*Пѣсня*“. Нач.: „Какъ здоровъ да молодъ“. 1841 г., мая 15. Первоначально написано было „Сельская пѣсня“.—14. „*Старая пѣсня*“. Нач.: „Изъ лѣсовъ дремучихъ сѣверныхъ 1841 г., 17 октября.—15. „*Ивану Гордѣевичу Козлову*“. Нач.: „Онъ жилъ, и былъ здѣсь всѣмъ чужой“. 1841 г., 18 октября. Стихотвореніе перечеркнуто. Въ настоящемъ изданіи оно помѣщено подъ заглавіемъ „*Эпитафія*“.—16. *Жизнь. Дума.*“ Нач.: „Умомъ легко намъ свѣтъ обнять“. 1841 года, октября 18.—**17 За-**

главіе „*Изъ Горація*" замѣнено рукою Бѣлинскаго (карандашомъ): „*Дума*". Нач.: „Не время ль намъ оставить". 1841 г., 18 декабря.—„*Русская пѣсня*". Нач.: „Я любила его". 1841 г., 20 декабря.—19. „*На новый 1842 годъ*". 1842 г. 1 генваря, полночь.—20. „*Пѣсня*". Нач.: „Что онъ ходитъ за мной". Февраля 8.—21. „У . . . . . . "Нач.: „Когда есть жизнь другая тамъ".—23. „*Русская пѣсня*". Нач.: „Нынче ночью къ себѣ". 5 марта.—23. „*Проявленіе Бога*". Нач.: „Въ душѣ человѣка возникаютъ мысли". Это стихотвореніе написано на послѣднихъ двухъ листкахъ тетради постороннею рукою.

Тетрадь № V, безъ заглавнаго листа; заключаетъ въ себѣ 64 страницы. Писана рукою Кольцова. Къ ней, по всей вѣроятности, надо присоединить заглавный листъ и 6 страницъ тетради № III (такого же формата и такой же сѣроватой бумаги), на которыхъ помѣщены: 1) конецъ пѣсни: „Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись", 2) „Лѣсъ", 3) начало „Посланія Бѣлинскому" и 4) стихотвореніе „Послѣдняя борьба". (См. ниже замѣчанія при описаніи пьесъ №№ 13 и 14). Тогда настоящая тетрадь составитъ одинъ листокъ заглавный (2 страницы) и 70 страницъ текста. Оставшіяся 2 страницы тетради № 3 относятся, кажется, къ 4-й тетради.

Повидимому, и Кольцовъ считалъ въ этой тетради 70 страницъ. На послѣдней ея страницѣ мы находимъ слѣдующій списокъ рукописныхъ его тетрадей, сдѣланный рукою поэта:

1 тетрадь,	4 пьесы,	10 страницъ
2 „	7 „	36 „
3 „	10 „	38 „
4 „	18 „	54 „
5 книга	18 „	42 „
6 эта	30 „	70 „
6-ая	87 „	250 „
7-ая	20 „	40 „

Изъ этого списка видно, что „эта", т. е. сейчасъ описываемая нами тетрадь, или „книга", заключала въ себѣ 30 пьесъ. При послѣдней „Дума двѣнадцатая" и стоитъ № 30. Передъ стих. „Не разливай волшебныхъ звуковъ" стоитъ № 13 (по нашему описанію это № 12). По всей вѣроятности, пропущено стих. „Послѣдняя борьба" (теперь въ тетради № 3). Мы насчитали 29 стихотвореній, въ числѣ коихъ два раза упомянуто стих. „Такъ и рвется душа". (№№ 21 и 23); поэтому правильнѣе считать въ этой тетради 28 стихотвореній. Если же прибавить къ нимъ изъ тетради № 3 пьесы „Лѣсъ" и „Послѣдняя борьба", то и получимъ 30 стихотвореній, какъ считалъ и Кольцовъ.

Изъ остальныхъ тетрадей—*четвертая* есть, по всей вѣроятности, та, которая у П. Я. Дашкова считается № 2; на послѣдней страницѣ ея рукою Кольцова обозначено: *18—54*, что соотвѣтствуетъ 18 пьесамъ на 54 страницахъ.

Третья тетрадь (по счету Кольцова)—у Дашкова, по всей вѣроятности, обозначена № 1; на послѣдней ея страницѣ рукою Кольцова написано: *10—38* (вмѣсто зачеркнутыхъ цифръ *9—36*), что соотвѣтствуетъ 10 пьесамъ на 38 страницахъ. Послѣднія стихотворенія, повидимому, написаны въ ней послѣ сдѣланнаго Кольцовымъ подсчета.

Седьмая—это, по всей вѣроятности, четвертая тетрадь у П. Я. Дашкова.

Если признать эти предположенія вѣрными, то окажется, что изъ перечисленныхъ Кольцовымъ восьми тетрадей не принадлежатъ П. Я. Дашкову №№ 1, 2, 5 и сборная тетрадь № 6, состоящая изъ 87 пьесъ, которыя вошли въ нее изъ первыхъ пяти (4+7+10+18+18+30).

Наконецъ, есть основаніе отождествить *пятую* тетрадь съ принадлежащею И. Публичной Библіотекѣ тетрадью „Незабудки съ долины моей юности". Въ ней 18 пьесъ на 44 страницахъ; но въ самой тетради путаница въ пагинаціи, идущая съ 31-ой страницы, которая занумерована и какъ 29-ая.

Обратимся къ тетради № 5.

Нѣкоторыя стихотворенія, въ ней помѣщенныя, представляютъ собою черновые наброски, съ рядомъ поправокъ. Особенно много поправокъ въ стихотвореніяхъ: „Бѣдный призракъ", „Старому товарищу", „Тоска по волѣ", „Примиреніе", „Не разливай волшебныхъ звуковъ", „Посланіе Бѣлинскому", „Такъ и рвется душа", „Къ ней же", „Разлука", „Не на радость, не на счастіе" и „Всякому свой таланъ".

Стихотворенія „Посланіе Бѣлинскому" и „Его Превосходительству Д. Н. Бѣгичеву" перечеркнуты краснымъ карандашомъ, по всей вѣроятности, Бѣлинскимъ, который не внесъ ихъ въ изданіе 1846 года.

Послѣ стих. № 23 („Такъ и рвется душа") рукою П. Мочалова записаны три его піесы: 1) „Дума". Нач.: „Старый боръ, черный боръ", 2) „Ахъ ты солнце, солнце красное", 3) „Спасибо". Нач.: „Дайте слово, научите". Дата: 1840 г., мая 14 дня.

Въ пятую тетрадь вошли слѣдующія стихотворенія Кольцова:

1. „*Пѣсня разбойника*" (вмѣсто зачеркнутаго заглавія „Сенька Разинъ"). Нач.: „Не страшна мнѣ, добру молодцу". 1838 г., октября 15.—„Послана въ „Московской Наблюдатель" Бѣлинскому. Напечатана въ „Отеч. Запискахъ" въ 7 № 1840 г.".

2. „*Бѣдный призракъ*". Нач.: „Убилъ я жизнь, искавши счастья". 1838 г., октября 20.—„Послана въ „Московской Наблюдатель" Бѣлинскому. Напечатана въ „Отеч. Запискахъ" 1840 г.".

3. „*Бѣгство*". Нач.: „Ужъ какъ гляну я на поле". 13 декабря 1838 г.—„Напечатана въ „Современникѣ" у Плетнева, № 2 за 1839 годъ".

4. „*Путь*". Нач.: „Путь широкій давно". 1839 г., марта 10 дня.—„Напечатанъ въ „Отеч. Запискахъ" 1839 г.".

5. „*Старому товарищу*". Нач.: „Что ты ходишь съ нуждой".—„Отдана Плетневу.—Послана Бѣлинскому".—Все стихотвореніе перечеркнуто и на полѣ написано въ новой редакціи, съ заглавіемъ „Товарищу".

6. „*Тоска по волѣ*". Нач.: „Загрустила, запечалилась". 1839 г., сентября 2.—„Послана Бѣлинскому.—Напечатана въ „Отеч. Запискахъ" 1840 года".—Послѣдній куплетъ подвергся нѣкоторой передѣлкѣ; окончательная редакція его, повторяющая поправки Кольцова, написана рукою Бѣлинскаго.

7. „*Примиреніе*". Нач.: „На пиръ сердечныхъ наслажденій". 1838 г., іюня 20. Москва.—„Послана Бѣлинскому. Напечатана въ „Московскомъ Наблюдателѣ" 1838 года, № 12".

8. „*Лѣнивцу*". (Первоначально было написано: „*Русачку-мужичку*", „*Къ сонѣ-земляку*"). Нач.: „Что ты спишь, мужичокъ?" 1839 г. сентября 25.—„Послана Бѣлинскому. Напечатана въ „Отеч. Запискахъ" 1841 года".

9. *„Дума предъ образомъ Спасителя“*. Нач.: „Предъ Тобою, мой Богъ“. 1839 г. февраля 20.—„Послана Бѣлинскому и отдана Владиславлеву“.

10. *„Хуторокъ“*. (Второе заглавіе „Русская баллада“ зачеркнуто). 1839 г. сентября 5.—„Послана Бѣлинскому. Напечатана въ „Отеч. Запискахъ“ въ 1 номерѣ 1840 г.“.

11. *„Пѣсня“*. Нач.: „Въ непогоду вѣтеръ воетъ—завываетъ“. Августа 5, 1839 г.—„Напечатана въ „Отеч. Запискахъ“ 1840 г. въ № 7“.

12. *„Не разливай волшебныхъ звуковъ“*. 1839 г., сентября 15.—„Бѣлинскому. Напечатана въ Отеч. Запискахъ 1841 г.“.

13. *„Пѣсня“*. Нач.: „Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись“.—„Бѣлинскому. Напечатана въ № 4 „Отеч. Записокъ“ за 1840 г.“. Въ этой тетради только первые три куплета. Можно предположить, что часть пятой тетради Дашкова считается особой тетрадью третьей (описанной выше), гдѣ имѣемъ конецъ этого стихотворенія (4, 5 и 6 куплеты). Въ той же тетради № III слѣдуетъ дальше „Лѣсъ“ и начало „Посланія Бѣлинскому“.

14. Конецъ этого *„Посланія Бѣлинскому“*, начиная со словъ „Не пяться, другъ! стой прямо!“ читаемъ въ тетради № V, гдѣ и дата его: 1839 г., ноября 16.

15. *„Дума сокола“*. 15 генваря 1840 г.—„Бѣлинскому. Напечатана въ 5 № „Отечественныхъ Записокъ“ за 1840 годъ“.

16. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Безъ ума, безъ разума меня замужъ выдали“. 1839 г., ноября 15.—„Бѣлинскому. Напечатана въ № 6 „Записокъ“ за 1840 г.“.

17. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Грѣетъ солнушко Да осенью“. 1840 г., февраля 12.—„Бѣлинскому. Напечатана въ 6 № „Записокъ“ 1840 г.“.

18. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Не скажу никому, отчего я весной“. 1840 г., 26 февраля.—„Напечатана въ альманахѣ Владиславлева на 1841 годъ“.

19. *„Вопль страданій“*. (Первоначально было написано *„Послѣдній вопль земныхъ страданій“*). Нач.: „Напрасно я молю Святое Провидѣніе“. 6 марта 1840 года.—„Отдана Плетневу“.

20. *„Его превосходительству Дмитрію Никитичу Бѣгичеву“*. 1840 г., 14 марта.—„Напечатана въ „Сынѣ Отечества“ 1840“.

21. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Такъ и рвется душа“. 1 апрѣля 1840 г.

22. *„Къ ней же“*. Нач.: „Ты не взяла меня съ собою, Ты въ путь иной отправилась одна“. 10 сентября 1839 г.

23. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Такъ и рвется душа“. 1 апрѣля 1840 г.—„Напечатана въ „Отеч. Запискахъ“ 1840 года“.

24. *„Разлука“*. Нач.: „На зарѣ туманной юности“. 21 мая 1840 г.—„Напечатана въ „Отеч. Запискахъ“ 1840 года“.

25. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Не на радость не на счастіе“. 12 іюня 1840 г. Бобровъ.—Въ рукописи много поправокъ.—„Напечатана въ „Отеч. Запискахъ“ 1840 г.“.

26. *„Перепутье“* (Первоначальное заглавіе *„Разгульная головка“* зачеркнуто). Нач.: „До чего ты, моя молодость“. 11 іюля 1840 г. Бобровъ.—„Напечатана въ „Отеч. Запискахъ“ 1840 года“.

27. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Дуютъ вѣтры, Вѣтры буйные“. 14 августа 1840 г.—„Напечатана въ „Отеч. Запискахъ“ 1841 года“.

28. *„Всякому свой таланъ“*. (Первоначально было дано заглавіе *„Судьба“*,

„Таланъ“, *„Свой таланъ“*). Нач.: „Какъ женился я, раскаялся“. 28 августа 1840 г. Много поправокъ.

29. *„Дума двѣнадцатая“*. Нач.: „Не можетъ быть, чтобы мои идеи“.— „Отдана Бѣлинскому“.

Второй переплетенный томъ рукописей Кольцова въ собраніи П. Я. Дашкова заключаетъ въ себѣ одну тетрадь и нѣсколько отдѣльныхъ листковъ.

Тетрадь VI, въ 4-ку большого формата, съ золотымъ обрѣзомъ, состоитъ изъ 20 страницъ. Заглавіе ея *„Стихотворенія А. Кольцова. 1838 г. Воронежъ“*. Тетрадь переписана начисто рукою Кольцова. Точныхъ датъ при стихотвореніяхъ нѣтъ. Въ эту тетрадь вошли: 1. *„Молитва. Дума“*.— 2. *„Человѣкъ. Дума“*.—3. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ“.— 4. *„Великое слово. Дума“*. Нач.: „Глубокая вѣчность“.—5. *„Плачъ“*. Нач.: „На что мнѣ, Боже сильный“. - 6. *„Раздумье селянина“*. Нач.: „Сяду я за столъ“.—7. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали“.—8. *„Къ милой“*. Нач.: „Давно разстались мы съ тобою“.—9. *„Поэтъ и няня“*. Нач.: „Няня, няня! Правда ль это“.—10. *„Цвѣтокъ“*. Нач.: „Природы милоетворенье“.

Далѣе слѣдуютъ стихотворенія на отдѣльныхъ листкахъ.

Листки I—VII писаны рукою Кольцова начисто, почти безъ поправокъ.

Листокъ I. На 2 стр. формата большой четвертки: 1. *„Къ ней же“*. Нач.: „Ты не взяла меня съ собою, Ты въ путь иной отправилась одна“. 10 сент. 1839 г.

Листокъ II. На 8 страницахъ формата большой четвертки пять стихотвореній:—2. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись“. 2 ноября.—3. *„Лѣсъ. Дума“*. Нач.: „О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?“ 10 ноября.—4. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Безъ ума, безъ разума Меня замужъ выдали“. 15 ноября.—5. *„Посланіе“* (*В. Г. Б—му*). Нач.: „Будь человѣкъ, терпи!“ 1839 г., ноября 16.—6. *„Дума сокола“*. Нач.: „Долго ль буду я“. 15 генваря 1840 г.

Листокъ III. На 2 страницахъ большого почтоваго формата:—7. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Грѣетъ солнушко Да осенью“. 12 февраля 1840 г.

Листокъ IV. На 2 страницахъ формата большой четвертки два стихотворенія: —8. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Не скажу никому“. 26 февраля 1840 г.— „Послана Владиславлеву въ альманахъ на 1841 годъ“.—9. *„Послѣдній вопль земныхъ страданій“*. Нач.: „Напрасно я молю Святое Провидѣніе“. 6 марта 1840 г.

Листокъ V. На 2 стр. большого формата въ 4-ку:—10. *„Его Превосходительству Дмитрію Никитичу Бѣгичеву“*. 14 марта 1840 г.

Листокъ VI. На 2 стр., въ 4-ку, форматъ большого писчаго листа:—11. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Такъ и рвется душа“. 1 апрѣля 1840 г. (Есть поправки, рукою Кольцова).—12. *„Дума двѣнадцатая“*. Нач.: „Не можетъ быть, чтобы мои идеи“. 1840 г.

Листокъ VII. На 2 стр. такого же формата:—13. *„Не разливай волшебныхъ звуковъ“*. Сентября 15.

Листки VIII—XVI извлечены изъ бумагъ Бѣлинскаго. Стихи написаны на листкахъ формата почтовой бумаги. Очень часто при стихотвореніяхъ есть небольшія приписочки къ Бѣлинскому, которому предоставлялось выбирать наиболѣе удачные варіанты. Листки эти заключаютъ въ себѣ стихотворенія:

14. *„Свой таланъ“*. Нач.: „Какъ женился я, раскаялся“. 1840, августа 28.

„Эту пьеску я вамъ читалъ въ Питери; вы говорили: поправить. Я поправилъ. Годится,—напечатайте, а нѣтъ—не надо. Мнѣ она иногда нравится, иногда нѣтъ“.—

[Стр. 21]:—Кто, скажи, жена, поможетъ намъ?
—Что, скажи, жена, мы сдѣлаемъ?

„Какъ лучше?“

15. „*Русская пѣсня*“: „Ты прости—прощай, Сыръ-дремучій боръ!“ 25 апрѣля 1841 г.

16. „*Дума двѣнадцатая*“. Нач.: „Не можетъ быть, чтобы мои идеи“.

„Эта пьеска ужъ была у васъ; но я ее поправилъ, и, кажется, она стала лучше; по крайней мѣрѣ выяснилась мысль“.

17. „*Звѣзда*“. Нач.: „Гдѣ бъ ни былъ я“. 5 мая 1841 г.

18. „*Доля бѣдняка*“. Нач.: „Жить въ чужихъ людяхъ“. 1 апрѣля 1841 г.

19. „*Русская пѣсня*“. Нач.: „Изъ лѣсовъ дремучихъ, сѣверныхъ“. 17 октября 1841 г.

20. „*Сельская пѣсня*“. Нач.: „Какъ здоровъ да молодъ“, 15 мая 1841 г.

„Если нельзя напечатать: „Проходи попъ, баринъ“, то можно замѣнить: „Проходи самъ баринъ“ или: „чортъ, дьяволъ“. Какъ найдете лучше, такъ и поставьте“.

21. „*Проявленіе Бога. Дума*“. Нач.: „Въ душѣ человѣка“. 7 декабря 1840 г. Москва.

„Эту пьеску я вамъ въ Питери читалъ; вамъ она не вся нравилась. Я поправилъ, сколько могъ. Да, кажется, и третій куплетъ надо вонъ; послѣ онъ иначе не повторяется; какъ лучше, такъ съ ней и сдѣлайте.—Я ее было назвалъ „Шекспиръ“, да она не йдетъ, а это, кажется, лучше“.

Подъ заглавіемъ рукою Бѣлинскаго карандашомъ: „Посвящается князю П. А. Вяземскому“.

22. „*Русская пѣсня*“. Нач.: „Раступитесь, лѣса темные“. Шестой куплетъ читается такъ:

Здѣсь мнѣ доля, все таланится;
Я нажилъ тебѣ два терема,
Сукна, шелку, много золота...
Будемъ жить съ тобой, какъ хочется!

Этотъ куплетъ отчеркнутъ слѣва скобкой.

„Въ этой пѣсни заскобенной куплетъ, я думалъ, вонъ; безъ него сильнѣе послѣдній. Но вы сами посмотрите, и, какъ лучше вамъ покажется, такъ и сдѣлайте“. Дата: 10 мая 1841 г.

23. „*Русская пѣсня*“. „Посвящаю Василію Петровичу Боткину“. Нач.: „Въ Александровской слободкѣ“.

24. „*Жизнь. Дума*“. „Посвящаю князу Петру Андреевичу Вяземскому“. Нач.: „Умомъ легко намъ свѣтъ обнять“. 18 октября 1841 г.

25. „*Русская пѣсня*“. Нач.: „Не весна тогда Жизнью вѣяла“. 2 мая 1841 г.

26. „*Разлука*“. Нач.: „На зарѣ туманной юности“. 21 мая 1840 г.

27. „*Русская пѣсня*“. Нач.: „Не на радость, не на счастіе“. 12 іюня 1840 г.

[Куплетъ]: „Тогда было: иду, ѣду ли,
Ты подлѣ меня, съ ума нейдешь;
Рѣчью сладкою на бѣлу грудь
Въ ночку темную во снѣ зовешь“.

„Этотъ куплетъ былъ сверху пятымъ; если хорошъ, вставьте, а мнѣ онъ не нравится“.

28. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Я любила его“. 1841 г. 20 декабря.

29. *„Пѣсня“*. Нач.: „Что онъ ходитъ за мной“. 1842 г. 8 февраля.

30. *„Изъ Горація“*. Нач.: „Не время ль намъ оставить“. 1841 г. 18 декабря. „Если можно ее напечатать просто, то назовите *„Дума XIIIV“ (sic)*, или дайте, которое дано, или какое придумаете“. Рукою Бѣлинскаго заглавіе карандашомъ измѣнено на „Дума“.

31. *„Русская пѣсня“*. Нач.: „Нынче ночью къ себѣ“. 1842 г. 5 марта.

Листокъ XVII. На 4 стр. 4⁰:—32. *„Умолкшій поэтъ“*. Нач.: „Съ душою пророка“.

Листокъ XVIII, На 4 стр. 4⁰:—33. *„Умолкшій поэтъ“*.

Листокъ XIX. На 3 стр. 4⁰:—34. *„Неразгаданная истина“*. Нач.: „Цѣлой вѣкъ я рылся“.

Листокъ XX. На 2 страницахъ полулистоваго формата:—35. *„Послѣдняя борьба“*. Нач.: „Надо мною буря выла“.—36. *„Лѣсъ. Дума“*. Нач.: „О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?“

Листокъ XXI. На одной сторонѣ полулиста писчей бумаги:—37. Стихотвореніе „Жарко въ небѣ солнце лѣтнее“ [*„Измѣна суженой“*].

Листокъ XXII. На 4 стр. почтоваго формата:—38. *„Молодая жница“*. Нач.: „Высоко стоитъ Солнце на небѣ“.

Листокъ XXIII. На полулистѣ формата писчей бумаги:—39. *„Молодая жница“*. Нач.: „Рано въ бѣлый день Вышло солнушко“.

Листки XXIV, XXV. На 6 страницахъ почтоваго формата написаны рукою Кольцова три стихотворенія:—40. *„Сельская бѣда“*. Нач.: „На селѣ своемъ жилъ молодецъ“.—41. *„Русская пѣсня“* Нач.: „Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ“.—42. *„Пѣсня“*. Нач.: „Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни“.

Листокъ XXVI. На 4 стр. почтоваго формата:—43. *„Могила. Дума“*. Нач.: „Чья это могила“.

Листокъ XXVII. На полулистѣ формата писчей бумаги:—44. *„Такая жизнь“*. Нач.: „Убилъ я жизнь, искавши счастья“.—45. *„Перстенечекъ золотой“*.

Листокъ XXVIII. На стр. 4⁰:—46. *„Вопросъ. Дума“*. Нач.: „Какъ ты можешь кликнуть солнцу“.—47. *„Царство мысли“*. Нач.: „Горитъ огнемъ и вѣчной мыслью солнце“.

Листокъ XXIX. На 2 страницахъ почтоваго формата:—48. *„Бѣдный призракъ“*. Нач.: „Въ несчастіи страдать о счастьи“. Это первоначальная редакція.— Подъ стихотвореніемъ Кольцовъ сдѣлалъ слѣдующую приписку къ Бѣлинскому: „Въ трехъ мѣстахъ есть иначе подписано сверху и снизу. Если эта пьеска годится, то, какъ знаете, такъ и замарайте“.—Варіанты были предложены Кольцовымъ въ слѣдующихъ стихахъ:

14. Пришелъ ихъ счастіе присвоить (разрушить).
16. Свое имъ (насильно) горе передать…
21. Приди хоть ты! (Придешь ли ты?)… Но съ этой мыслью

Бѣлинскій зачеркнулъ („замаралъ“) варіанты, поставленные нами въ скобкахъ. Это стихотвореніе, повидимому, не понравилось критику. Надъ заглавіемъ онъ написалъ: „эту всю надо передѣлать; я подчеркнулъ только хорошіе стихи“. Такихъ *хорошихъ* стиховъ оказалось только два:

6 Судьба караетъ день и ночь.
12 И „нѣту дома“ говорятъ.

Листокъ XXX. Рукою Бѣлинскаго на восьмушкѣ простой бумаги написанъ: конецъ 49. „*Пѣсни*“ (1840 г.). („Не на радость, не на счастіе“), начиная со словъ „Тогда было—иду, ѣду-ли“.

Листокъ XXXI. Рукою П. С. Мочалова на четв. простой бумаги: 50. „*Послѣдній поцѣлуй*“.

Листокъ XXXII. На четырехъ страницахъ формата большой четвертки рукою П. С. Мочалова написаны: 51. „*Умолкшій поэтъ*“.—52. „*Первая пѣсня Лихача Кудрявича*“.—53. „*Вторая пѣсня Лихача Кудрявича*“.

Листокъ XXXIII. Рукою Кольцова на 4 стр. бумаги почтоваго размѣра: 54. „*Великая истина. Дума*“. Нач.: „Глубокая вѣчность“. Дата: 1836. Степь графини Орловой.

Листокъ XXXIV. На 2 страницахъ такого же формата рукою Кольцова: 55. „*Слеза молитвы. Дума*“. Нач.: „Спаситель, Спаситель!“. Дата: 1836. Воронежъ.—Послѣдніе 5 стиховъ перечеркнуты:

Холодное горе
Ея отогрѣто
Надеждой души
И дѣтскимъ довѣрьемъ
Святой Твоей волѣ.

Листокъ XXXV. На 2 страницахъ такого же формата рукою Кольцова конецъ стихотворенія. 56. „*Примиреніе*“ (начиная съ 32 стиха), безъ даты. 57. „*Умолкшій поэтъ*“. Послѣднее стихотвореніе имѣетъ дату: 1836 г.

Листокъ XXXVI. Рукою Кольцова на двухъ страницахъ обыкновенной четвертки.—58. „*Божій міръ. Дума*“. Нач.: „Отецъ свѣта—вѣчность“. Дата: 1837.

Листокъ XXXVII. Рукою Кольцова на 4 страницахъ бумаги почтоваго формата записаны три стихотворенія В. Красова: 1. „*7 января*“. Нач.: „Тоска души! Тоска неутомимая“. 2. „*Анакреонъ*“. Нач.: „Онъ былъ сѣдой, веселый старичекъ“. 3. „*Лагерь. А. В. Кольцову*“. Нач.: „Скучно, други, подъ шатрами“. Всѣ три стихотворенія имѣютъ дату: 1841 г.

На томъ же листкѣ рукою Кольцова переписана. „Элегія на смерть Грибоѣдова“. (Нач.: „Гдѣ онъ? Гдѣ другъ? Кого спросить?“ приписанная имъ Пушкину; на самомъ же дѣлѣ она принадлежитъ кн. А. И. Одоевскому

Листки XXXVIII и XXXIX—8°. Рукою Кольцова написана: 1) „Сказка“. Нач.: „Жилъ-былъ въ Питерѣ дуракъ“, 2) другою рукою стих.: „Я пишу письмо не за море“, 3) „Послушай, Москалевъ“.—Эти три стихотворенія не принадлежатъ Кольцову.

Рукописи Кольцова, принадлежащія разнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

Кромѣ описанныхъ выше коллекцій отдѣльныя рукописи Кольцова хранились и хранятся въ рукописныхъ собраніяхъ столичныхъ и провинціальныхъ.

Августѣйшему Президенту Императорской Академіи Наукъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу принадлежитъ автографъ письма А. В. Кольцова отъ 9 апрѣля 1839 г. къ неизвѣстному лицу (А. А. Писареву?).

Въ Императорскомъ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, среди бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, въ переплетенномъ сборникѣ рукописныхъ стихотвореній находятся (лл. 55—67) автографы слѣдующихъ пьесъ Кольцова:

1. *Пора любви*.—2. *Великое слово. Дума.* (Посвященія Жуковскому нѣтъ).—3. *Два прощанія*.—4. *Лѣсъ. Посвящено памяти А. С. Пушкина*.—5. *Молитва. Дума*.—6. *Горькая доля*.—7. *Первая пѣсня Лихача Кудрявича*. Нач.: „Съ радости-веселья хмѣлемъ кудри вьются".—На самомъ дѣлѣ это *вторая* пѣсня Кудрявича.—8. *Другая пѣсня Лихача Кудрявича*. Начало ея то же, что и предыдущей.—Это *первая* пѣсня Кудрявича.—9. *Глаза*.—Всѣ стихотворенія безъ датъ. Незначительные варіанты указаны нами въ примѣчаніяхъ.

Почетному академику А. Ѳ. Кони принадлежитъ письмо Кольцова къ Ѳ. А. Кони отъ 1 марта 1841 г.

Въ коллекціи П. Л. Вакселя въ С.-Петербургѣ хранится письмо Кольцова къ Н. А. Полевому отъ 26 февраля 1838 г., печатаемое впервые въ настоящемъ изданіи.

Въ семейномъ архивѣ Бакуниныхъ (въ с. Премухинѣ Новоторжскаго у., Тверской губ.) сохранилось письмо Кольцова къ В. Г. Бѣлинскому отъ 11 октября 1836 г. и автографъ думы „Неразгаданная истина".

Письма Кольцова къ кн. П. А. Вяземскому и нѣсколько его стихотвореній на отдѣльныхъ листкахъ хранятся въ Остафьевскомъ архивѣ князей Вяземскихъ, нынѣ принадлежащемъ гр. С. Д. Шереметеву.

Одно письмо Кольцова къ кн. В. Ѳ. Одоевскому (отъ 22 марта 1841 г.), напечатанное впервые въ Академическомъ изданіи, входитъ въ составъ Татевскаго архива, принадлежащаго В. А. Рачинской.

Нѣсколько стихотвореній Кольцова и письмо его къ Бѣлинскому (декабрь 1840 г.) принадлежатъ А. З. Зиновьеву, къ которому перешли отъ Ю. Н. Бартенева. (См. „Русскій Архивъ" 1875 г., т. III, стр. 394).

Письмо Кольцова къ Ѳ. Н. Глинкѣ хранится въ настоящее время въ рукописномъ собраніи И. Общества любителей древней письменности.

Стихотвореніе „Военная пѣснь" и одно письмо къ А. Н. Черткову хранятся среди семейныхъ бумагъ Ѳ. Д. Черткова. (См. „Историческій Вѣстникъ" 1893 г., т. 51, № 1, стр. 194—195).

Наконецъ, небольшое число рукописей хранилось у наслѣдниковъ Воронежскихъ знакомыхъ Кольцова: такъ, дочери проф. А. Д. Вельяминова принадлежало стихотворное посланіе Кольцова („Отеч. Записки" 1867 г., т. 170, стр. 500), М. И. Малышевой—письмо къ И. А. Малышеву („Воронежская Бесѣда на 1861 г.", стр. 420), А. В. Никитенку—письмо къ нему; немногое хранилось у родственниковъ поэта, Андроновыхъ; кое-что перешло къ В. И. Исаеву въ Воронежѣ (черновая тетрадь № 1).

Обзоръ изданій сочиненій А. В. Кольцова.

Первое собраніе сочиненій Кольцова вышло въ Москвѣ подъ заглавіемъ: „Стихотворенія Алексѣя Кольцова. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1835“. (Цензурное разрѣшеніе дано 24 марта 1835 г.). Въ книжкѣ 40 страницъ, продавалась она за 2 рубля (ассигнаціями). Издателемъ ея былъ Н. В. Станкевичъ. По словамъ Бѣлинскаго, Станкевичъ „изъ довольно увѣсистой и толстой тетради выбралъ 18 пьесъ, показавшихся ему лучшими, и напечаталъ ихъ въ маленькой опрятной книжкѣ, которая доставила Кольцову большую извѣстность въ литературномъ мірѣ“. Эти 18 пьесъ слѣдующія: „Пѣсня старика“, „Сестрѣ при посылкѣ стиховъ“, „Удалецъ“, „Великая тайна. Дума“, „Люди добрые, скажите“, „Вздохъ на могилѣ Веневитинова“, „Пѣсня“ (Ты не пой, соловей), „Первая любовь“, „Не шуми ты, рожь“, „Путникъ“, „Видѣніе наяды“, „Пирушка русскихъ поселянъ“, „Маленькому брату“, „Къ N.“ (Опять тоску, опять любовь), „Размышленіе поселянина“, „Къ другу“ (Развеселись, забудь, что̀ было), „Пѣсня пахаря“ и „Совѣтъ старца“.—Въ первое изданіе не вошли пять стихотвореній, появившихся въ печати: „Приди ко мнѣ“, „Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный“, „Мщеніе“, „Кольцо“ и „Мой другъ, мой ангелъ милый“.—Изданіемъ завѣдывалъ Бѣлинскій, такъ какъ Станкевичъ былъ во время печатанія книжки въ деревнѣ. Бѣлинскій же хотѣлъ сообщить въ предисловіи о матеріальной поддержкѣ, оказанной изданію со стороны Станкевича, но получилъ отъ послѣдняго два письма съ требованіямъ „вырѣзать позорную страницу“. Изданіе вышло въ свѣтъ безъ всякаго предисловія.

Первое изданіе стихотвореній имѣло успѣхъ, и уже въ 1836 году поэтъ и его друзья думали о новомъ изданіи, которое предположено было поручить А. А. Краевскому (см. выше письма Кольцова къ Краевскому); но оно не осуществилось. Не наладилось оно и тогда, когда въ 1840 г. (см. стр. 217) за осуществленіе его взялся Бѣлинскій.

Только послѣ смерти поэта, въ 1846 г., были изданы „Стихотворенія Кольцова, съ портретомъ автора, его факсимиле и статьею о его жизни и сочиненіяхъ, писанною В. Бѣлинскимъ. Изданіе Н. Некрасова и Н. Прокоповича. СПб. 1846 г.“. (Цензурное разрѣшеніе 5 февраля 1846 г.). 8°. Стр. LXXX (статья Бѣлинскаго) + 102 + LXIII + портретъ и факсимиле на двухъ отдѣльныхъ листахъ.—Въ этомъ изданіи стихотворенія разбиты на 3 отдѣла, съ соблюденіемъ въ каждомъ изъ нихъ хронологическаго порядка; въ первый вошли лучшія, избранныя стихотворенія—числомъ 61; во второй—16 думъ. Остальныя 47 стихотвореній напечатаны въ особомъ отдѣлѣ, подъ особенной нумераціей, въ видѣ приложенія. Въ видѣ приложенія напечатана и статья друга Кольцова,

А. П. Сребрянскаго, „Мысли о музыкѣ". Портретъ „съ натуры и на камнѣ"— работы К. А. Горбунова. О немъ Бѣлинскій сообщаетъ: „Мы ручаемся за поразительное сходство этого портрета (снятаго въ 1838 году) съ оригиналомъ". Для факсимиле взята „Русская пѣсня" (Дуютъ вѣтры, вѣтры буйные).

Въ изд. 1846 г. не вошли стихотворенія, напечатанныя раньше: „Ура", „Военная пѣсня", „Я дома", „Человѣческая мудрость" и „Благодѣтелю моей родины".

Изданіе 1846 года перепечатывалось десять разъ, иногда съ небольшими дополненіями въ статьѣ Бѣлинскаго; сначала на нихъ обозначалось: изданіе К. Солдатенкова и М. Щепкина; потомъ же только одного К. Т. Солдатенкова. Изданія эти печатались въ Москвѣ въ 1856, 1857, 1859, 1863, 1868, 1874, 1880, 1884, 1887 и 1889 годахъ. Послѣднія изъ этихъ изданій продавались за недорогую цѣну, всего за 20 копѣекъ, и имѣли несомнѣнный успѣхъ.—Біографія Кольцова послѣ изданія 1856 г. перепечатывалась въ сокращенномъ видѣ, а съ 1874 г.—въ болѣе полномъ [1]).

До 1892 года, пятидесятилѣтія со дня смерти Кольцова, было сдѣлано нѣсколько, правда очень немного, изданій его стихотвореній и другими издателями. Такъ вышли:

1. „Стихотворенія Кольцова". 16°. 1863, б. о. м.

2. Вл. Александровъ. Русская слава. Книжка I. Пѣсни и стихотворенія Кольцова и Никитина. СПБ. 1865. Типогр. Королева. 16°, 31 стр. Цѣна 5 коп. (Здѣсь же краткія біографіи поэтовъ).

3. Заря. Иллюстрированная христоматія. Пѣсни русскаго народа и Кольцова. Составилъ Горемыкинъ. СПб. 1880. 8°. 56 стр. (Въ этой книжкѣ краткій очеркъ народной поэзіи, біографія Кольцова и 12 его стихотвореній, съ рисунками). Цѣна 40 коп.

4. Ясная зоренька. Пѣсни русскаго народа и Кольцова. Составилъ Горемыкинъ. СПБ. 1880. Цѣна 25 коп.

5. П. Вейнбергъ. Народная христоматія. Кольцовъ и его стихотворенія. Изданіе редакціи журн. „Досугъ и дѣло". СПб. 1884. 8°. 64 стр. Цѣна 15 коп.

Перечисленныя изданія носили христоматическій характеръ; съ 50-хъ годовъ стихотворенія Кольцова стали помѣщаться и въ христоматіяхъ, начиная съ „Полной русской христоматіи" А. Д. Галахова (М. 1852); см. также „Русская лира". СПб. 1860.; „Русская христоматія" А. Г. Филонова, ч. II. (СПб. 1863., было нѣсколько изданій); сборникъ Н. В. Гербеля „Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ" (СПб. 1873., 2-ое изд.—СПб. 1880) и др.

Обильныя цитаты изъ Кольцова, а также отдѣльныя стихотворенія въ видѣ приложенія, помѣщались при біографическихъ очеркахъ поэта; перечислять ихъ всѣ мы не будемъ; укажемъ три:

---

1) П. Шалфеевъ въ книгѣ „Die volkstümliche Dichtung A. Kolcovs und die russische Volkslyrik" (Berlin. 1910) указываетъ на заграничную перепечатку Солдатенковскаго изданія: „Стихотворенія Кольцова. Съ статьей о его жизни и сочиненіяхъ, писанною В. Бѣлинскимъ. 2 изданіе. Лейпцигъ, Герардъ 1880. 8° 233 стр."

[Н. Добролюбовъ]. Чтеніе для юношества. А. В. Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. СПб. 1858, М. 1865, 1877. (Въ приложеніи 17 стихотвореній Кольцова).

Русскіе знаменитые простолюдины. „Народныя бесѣды". Изд. Д. В. Григоровича. СПб. 1860. Выпускъ I.

М. Н. Паруновъ. А. В. Кольцовъ и его пѣсни. Изд. коммиссіи по устройству народныхъ чтеній. СПб. 1874, 1882, 1884 и 1888.

Въ 1892 году исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти Кольцова; это обстоятельство вызвало рядъ новыхъ изданій. Нѣкоторыя изъ нихъ (А. И. Введенскаго, П. В. Быкова, А. I. Лященка) отличаются большею полнотою, чѣмъ изданіе 1846 г. и изданія К. Т. Солдатенкова.

Сначала въ № 11 „Сборника Нивы" за 1892 г., а потомъ отдѣльно вышло „Полное собраніе стихотвореній А. В. Кольцова, изданное подъ редакціей Арс. И. Введенскаго. Съ біографич. очеркомъ и съ портретомъ К., гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ". СПб. 1892 г. Изд. А. Ф. Маркса. 1892 г. 8°. 160 стр. Цѣна 50 коп. [1])

Г. Введенскій, сохранивъ въ своемъ первомъ изданіи сочиненій Кольцова дѣленіе ихъ на три группы, въ первый разъ свѣрилъ текстъ стихотвореній нашего поэта съ напечатаннымъ ранѣе въ старыхъ журналахъ, воспользовался статьею П. Малыхина „Кольцовъ и его неизданныя стихотворенія" и рукописями И. Публичной Библіотеки. Все это позволило ему внести нѣсколько дополненій и варіантовъ къ извѣстнымъ уже пьесамъ поэта. Въ это изданіе А. И. Введенскаго не вошли письма поэта.

Въ декабрѣ 1892 г. вышло изданіе: „Стихотворенія А. В. Кольцова. Первое полное собраніе подъ редакціей П. В. Быкова. Съ біографич. очеркомъ, критическими статьями, примѣчаніями, портретомъ, снимкомъ почерка и 39 рисунками и виньетками, исполненными членами товарищества русскихъ иллюстраторовъ". СПБ. Книгоиздательство Германъ Гоппе. 1892 г., 4°. 32+XX+140[2]). Хотя это изданіе и названо „первымъ полнымъ", но и по первенству и по тщательности оно уступаетъ изданію А. И. Введенскаго. Въ немъ принятъ хронологическій порядокъ стихотвореній; письма не включены въ изданіе. Это изданіе должно быть признано наиболѣе богато иллюстрированнымъ. Въ последующихъ изданіяхъ (2-ое, СПБ. 1895 г. и 3-е, К. И. Тихомирова. М. 1907 г.) редакторъ внесъ исправленія и дополненія, воспользовавшись указаніями критики.

Слѣдующее по времени критическое изданіе вышло въ приложеніи къ журналу „Сѣверъ" и отдѣльно. Это—„Стихотворенія и письма А. В. Кольцова, изданныя подъ редакціей А. I. Лященка. Съ біографич. очеркомъ и примѣчаніями". СПБ. 1893 г. Изд. Е. Евдокимова (Библіотека „Сѣвера", № 12). 8°. XVI+236 стр. Цѣна 75 к. Редакторъ его вновь провѣрилъ рукописные и печатные тексты.

---

1) Отзывы объ этомъ изданіи: а) В. Истомина въ „Рус. Филолог. Вѣстникѣ" 1892 г., № 4, б) проф. П. В. Владимірова въ „Университет. (Кіев.) Извѣстіяхъ" 1893 г., и въ его „Критико-библіогр. замѣткахъ". (К. 1893 г., стр. 33—52).

2) Отзывы о немъ: а) П. В. Владрмірова, вмѣстѣ съ отзывомъ объ изданіи Введенскаго, б) А. I. Лященка въ „Журналѣ Мин. народ. просвѣщенія" 1893, № 4, стр. 514—522.

Кольцова. Въ его распоряженіи были и новые рукописные матеріалы въ видѣ цѣлаго ряда подлинныхъ рукописей Кольцова, принадлежащихъ П. Я. Дашкову, а также двѣ рукописныя „черновыя“ тетради, доставленныя изъ Воронежа В. И. Исаевымъ при посредствѣ Н. В. Воскресенскаго. Въ первый разъ въ это изданіе вошло собраніе писемъ Кольцова.

Остатки этого изданія были, повидимому, скуплены у перваго издателя г. Евдокимова Я. Соколовымъ, который сорвалъ прежнюю обложку и на новой обозначилъ: „Изд. 2-ое (Я. Соколова). Спб. 1895 г.“. На самомъ же дѣлѣ второе изданіе подъ редакціей А. І. Лященка не выходило.

Выпущенное въ 1892 г. А. Ф. Марксомъ изданіе стихотвореній Кольцова сравнительно скоро разошлось; понадобилось новое, которое появилось подъ заглавіемъ: „А. В. Кольцовъ. Стихотворенія и письма. Полное собраніе вновь исправленное и значительно дополненное подъ редакціей Арс. И. Введенскаго“. Спб. 1895 г. (повторено въ 1901 г.) 8⁰, 328 стр. (Цѣна 1 рубль). Для этого изданія А. И. Введенскій воспользовался матеріалами, бывшими у А. І. Лященка.

Слѣдующимъ изданіемъ А. И. Введенскаго является „Полное собраніе стихотвореній и писемъ А. В. Кольцова. Критически провѣренный текстъ, варіанты, біографія, вступительныя статьи, приложенія, примѣчанія, портреты автора, его факсимиле и пр., подъ ред. Арс. И. Введенскаго“. Спб. (1906 г.). Изд. Т-ва „Просвѣщеніе“. Мал. 8⁰ XLIII+410+портр. и факсим. на отд. листахъ. (Цѣна 1 руб.).

Указавши критическія изданія, переходимъ къ изданіямъ обычнаго типа, распредѣливъ ихъ по городамъ. Начнемъ съ С.-Петербурга.

1. А. В. Кольцовъ. Стихотворенія. Съ портретомъ автора. Изданіе А. С. Суворина. („Дешевая библіотека“). XV + 158 + II стр. Спб. 1892) Цѣна 10 коп.).—Изд. 2 (дополн.), 1892; изд. 3, 1896; изд. 4, 1898; изд. 5, 1902; изд. 6, 1904. 16⁰. Стр. XXII+183 (портретъ и видъ памятника Кольцову на отд. листахъ). Тексту стихотвореній предшествуетъ біографическій очеркъ Кольцова.

2. А. Кольцовъ. Стихотворенія. Изд. для народно-учебной библіотеки. Статья о жизни, личности и поэзіи Кольцова, редакція Н. Бунакова. 1892 г. 8⁰. Цѣна 10 коп.

3. Русскіе писатели. Стихотворенія А. В. Кольцова. Подъ ред. К. Говорова. Съ кратк. біографич. очеркомъ и портретомъ. Изд. Н. С. Аскарханова. („Маленькая хрестоматія“ № 17). 1893; 2-е изд. 1900; 3-е изд. 1901. 8⁰. 64 стр. Цѣна 10 коп.

4. А. В. Кольцовъ. Стихотворенія. Безплатное приложеніе къ журналу „Воскресеніе“ на 1893 годъ.

5. А. В. Кольцовъ. Стихотворенія. Изд. Д. Д. Ѳедорова, подъ ред. Ап. Коринфскаго. Безплатное приложеніе къ журналу „Наше время“. 1893. 8⁰. 223 стр. Цѣна въ отд. продажѣ 30 коп., въ перепл. 75 коп.

6. Альбомъ: Полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова. Изд. иллюстрир. журнала „Родина“ (А. Каспари). Спб. 1892 г. XIX табл. рисунковъ+66 страницъ текста+2 стр. оглавл. Цѣна 1 р. 50 к.

7. А. В. Кольцовъ. Полное собраніе стихотвореній. Съ біографіей. („Семейная библіотека“ № 34). Спб. 1892. 104 стр. Цѣна 25 коп.

8. Полное собраніе стихотвореній Кольцова, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Спб. 1892 г. (Прилож. къ газ. „Сынъ Отечества“, кн. VI, ноябрь—декабрь) XX+140 стр.

9. Сочиненія Кольцова. Приложеніе къ „Правдѣ" 1892.

10. Кольцовъ. Полное собраніе стихотвореній съ біографіей. (1809—1841) *(sic!)* Спб. 1900.

11. Стихотворенія Кольцова. „Книжка—копѣйка" № 8. Изд. Бермана. Спб. 1900.

12. А. В. Кольцовъ. Сборникъ стихотвореній, съ біогр. очеркомъ, сост. Коринфскимъ. (Безплатное приложеніе къ газ. „Русское Чтеніе"). Спб. 1902.

13. А. В. Кольцовъ. 1809—1842. Стихотворенія.—87 стихотвореній.— Этюды В. Г. Бѣлинскаго и В. Н. Майкова. Изданіе И. Глазунова („Русс' классная библіотека", издаваемая подъ редакціей А. Н. Чудинова. Вып. XXIX). Спб. 1905. Цѣна 50 коп. Мал. 8°. VII+292 стр. (съ 2 рис. на отд. лл.: 1) портретъ Кольцова, 2) памятникъ ему).

14. Стихотворенія А. В. Кольцова. Съ рисунками. Изданіе С.-Петербургскаго общества грамотности. № 39. Спб. 1907. 8°. XXXII+179+III стр. Цѣна 35 коп.—Вступительная статья: „Русскій народный поэтъ-пѣсенникъ А. В. Кольцовъ (о его жизни, личности и поэзіи)" принадлежитъ Н. Бунакову (стр. 1—XXXII). Въ концѣ изданія помѣщено 10 музыкальныхъ произведеній разныхъ композиторовъ на тексты Кольцова.

15. А. В. Кольцовъ. Пѣсни и думы. Съ портретомъ и краткимъ жизнеописаніемъ, составл. Ник. Жерве. („Солдатская библіотека" № 354—356). Изд. В. Березовскаго. Пѣсни. I. (№ 354). Спб. (1908). Мал. 8°.VI+34 стр. Цѣна 9 коп.— Пѣсни. II. (№ 355). Мал. 8°. 22 стр. Цѣна 6 коп.—Думы. III. (№ 356). Мал. 8°. 16 стр. Цѣна 4 коп.—Біографическій очеркъ занимаетъ всего 3 странички. Цѣна этого изданія, предназначеннаго для небогатыхъ читателей, чрезвычайно дорога, хотя бы по сравненію съ „Дешевою библіотекою" А. С. Суворина.

16. А. В. Кольцовъ и его стихотворенія. (Съ портр., жизнеописаніемъ, характеристикою, примѣчаніями и азбучнымъ указателемъ). Составилъ А. Г. Филоновъ. Изд. П. Б. Потѣхина. Спб. 1906. 8°. (Въ это изданіе вошло около 120 стихотвореній).

Наибольшее число изданій, вышедшихъ въ Москвѣ, принадлежитъ Т-ву И. Д. Сытина. Назовемъ извѣстныя намъ изданія Т-ва и другихъ издателей.

1. А. В. Кольцовъ и его стихотворенія. Цѣна 20 коп. Москва. 1893, 1896, 1899, 1901, 1903, 1906 гг. 8°. 159 стр.—По цѣнѣ, бумагѣ и формату это изданіе напоминаетъ Солдатенковскія. Біографическій очеркъ кратокъ. Нѣкоторыя стихотворенія иллюстрированы. Портретъ поэта—на заглавномъ листѣ. Мы перечислили шесть изданій; но всѣ ли намъ извѣстны, сказать трудно, такъ какъ обозначенія изданій, какъ на нихъ, такъ и на послѣдующихъ изданіяхъ И. Д. Сытина, нѣтъ.

2. Стихи А. В. Кольцова. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1902, 1905, 1908, 1909 гг. 16°. 31 стр. На заглавномъ листѣ рисунокъ, изображающій пахаря.

3. Стихотворенія А. В. Кольцова для взрослыхъ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1902, 1905, 1909 гг. 16°. 32 стр. На заглавномъ листѣ рисунокъ, изображающій путника въ степи.

4. А. В. Кольцовъ. Женская доля. Стихи и пѣсни. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1902, 1905, 1908 гг. 32 стр.

5. А. В. Кольцовъ. Молодая жница. Раздумье селянина. Что ты спишь, мужичокъ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва.

6. А. В. Кольцовъ. Пора любви. Пѣсни. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1902, 1905, 1909 гг. 16°. 32 стр. — На заглавномъ листѣ рисунокъ къ стих. „Кольцо".

7. А. В. Кольцовъ. Раззудись плечо! Пѣсни. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1902, 1905, 1908, 1909 гг. 16°. 31 стр. На заглавномъ листѣ рисунокъ къ стих. „Косарь".

8. Кольцовъ. Стихотворенія: Не шуми ты рожь, Лѣсъ, Пѣсни Кудрявича. Изд. Т-ва Сытина. Москва. 1900.

9. А. В. Кольцовъ. Пѣсни. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. 1902, 1905 г.

10. Избранныя сочиненія Кольцова. Изд. Московскаго комитета грамотности. М. 1892. Цѣна 6 коп.

11. А. В. Кольцовъ. Пѣсни и думы. (Полное собраніе сочиненій). Съ очеркомъ Кончаловскаго. Цѣна 10 коп. Москва. 1893. (Перепечатка изданія 1846 г.).

12. Полное собраніе стихотвореній А. В. Кольцова. Съ подробнымъ описаніемъ его сочиненій и біографіей. (Изъ статьи Бѣлинскаго). Изданіе С. А. Живарева. Москва. 1893, 8°. 173+III стр.

13. Кольцовъ. Стихотворенія. Изд. А. А. Губанова, подъ ред. И. Ивина. Москва, 1893 8°. Цѣна 20 коп.

14. Избранныя стихотворенія А. В. Кольцова. (1809—1842 гг). Изданіе И. Ѳ. Жиркова. Книжка I, для младшаго и средняго возраста. М. 1893 г. Цѣна 5 коп. Изд. 2. 1902—Книжка II, для старшаго возраста. М. 1893. Цѣна 5 коп. Изд. 2 1902. Книжка III, для зрѣлаго возраста. М. 1893 г. Цѣна 5 коп.

15. Стихотворенія А. В. Кольцова, съ двумя статьями о немъ П. Смирновскаго. Изд. книжн. торговли А. Я. Панафидина. М. 1900 г.—Изд. 2. М. 1905 г. 16°. XXI+135+III стр. Цѣна 10 коп. (Съ рисунками П. Литвиненка).

16. Письма А. В. Кольцова. Съ предисловіемъ П. Смирновскаго. М. 1901 г. Цѣна 30 коп. Изд. кн. торг. А. Я. Панафидина. 16°. IV+117+3 ненум. (Изданіе это ничего новаго не даетъ, повторяетъ ошибки и опечатки прежнихъ).

17. А. В. Кольцовъ. Стихотворенія. Изд. А. Д. Ступина. Съ біогр. К., составленной Н. Я. Страховымъ. 8°. М. 1893. Изд. 2. 1897 Изд. 3. 1899. Изд. 4. 1901. Цѣна 20 коп.

18. Пѣсни и романсы московскихъ пѣвицъ и хоровыя пѣсни Кольцова. Изд. Губанова. М. 1893. (Здѣсь помѣщ. 6 стихотвореній Кольцова, безъ нотъ).

Въ Кіевѣ напечатаны слѣдующія изданія сочиненій Кольцова:

1. А. В. Кольцовъ. Стихотворенія, изданныя подъ редакціей и съ приложеніемъ статьи „А. В. Кольцовъ, мотивы его поэзіи и языкъ его пѣсенъ" Н. М. Терновскаго. Кіевъ. 1892 8°. 208 стр. Цѣна 20 коп.

2. Стихотворенія А. В. Кольцова. Изд. 3, дополненное біографическимъ очеркомъ (А. Любича). Кіевъ. 1892. 360 стр. 32°. Изданіе Іогансона. Цѣна 15 коп.

3. А. В. Кольцовъ. Думы. Изд. С. М. Каракозъ. Кіевъ. 1896 г.

4. Кольцовъ. Стихотворенія. Изд. Ф. Чернухи. Кіевъ. 1892 г. 8°.

Въ Одессѣ вышли въ свѣтъ:

1. Полное собраніе стихотвореній А. В. Кольцова. Подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова, при содѣйствіи И. В. Карвацкаго и Г. М. Пекаторосъ. Съ портр. К., его біографіей и рисунками въ текстѣ. Изд. Кирилло-Меѳодіевскаго

книжнаго склада при Одесскомъ Славянскомъ Благотворит. Обществѣ. Одесса. 1892 г. 8°. XVI+96 стр. (Съ нѣсколькими рисунками—виньетками).

То же, изд. 2-ое. Одесса. 1893. 8°. 96 стр.

2. А. Кольцовъ. Стихотворенія. Изданіе Южнорусскаго общества печатнаго дѣла. Одесса. 1898. 8°. 100 стр., съ рис. и портретомъ К.

Въ Воронежѣ не было напечатано, сколько мы знаемъ, ни одного изданія сочиненій Кольцова. Въ № 1 „Кольцовской библіотеки", выходящей въ этомъ городѣ, помѣщены стихотворенія Н. И. Иванова (Воронежъ. 1896 г.).

Наконецъ, для полноты обзора упомянемъ слѣдующія изданія, являющіяся „преміями" для покупателей конфектъ и папиросъ:

1. Стихотворенія Кольцова. Изданіе конфектной и шоколадной фабрики Н. Васильева. („Шоколадная библіотека"). Спб. 1895 г. 16°. Спб. 1904 г. 16°.

2. А. Кольцовъ. Стихотворенія. Изд. Т-ва А. И. Абрикосова Сыновей. М. 1896 г. 16°.

3. А. Кольцовъ. Стихотворенія. (Прейсъ-курантъ папиросной и гильзовой фабрики У. А. Конельскаго). Одесса. 1896 г. 16°.

4. А. Кольцовъ. Стихотворенія. Изд. А. И. Дуванъ. Кіевъ. 1896. 16°.

Юбилейный 1909 и слѣдующій за нимъ 1910 годъ дали рядъ изданій сочиненій Кольцова.

Въ С.-Петербургѣ, въ количествѣ около 110.000 экземпляровъ, были выпущены слѣдующія изданія:

1. А. В. Кольцовъ. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. и съ примѣчаніями А. І. Лященко. Академическая библіотека русскихъ писателей. Вып. I. Спб. 1909. Изд. Разряда изящной словесности И. Академіи Наукъ. 8°. XXXIV+445+5 рис.+4 факсим. Цѣна 60 коп. (15.000 экз.).

Черезъ мѣсяцъ изданіе это было повторено съ небольшими измѣненіями:

А. В. Кольцовъ.... Академическая библіотека русскихъ писателей. Вып. I. Изд. 2. Спб. 1910. 8°. XXXIV+448 стр. Съ 5 портретами и рисунками и 4 факсимиле. Цѣна 60 коп. (20.000 экз.)

Академическое изданіе сочиненій Кольцова, отличающееся по сравненію съ предыдущими наибольшею полнотою, дешевизною и изяществомъ, было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ обществомъ и печатью [1]).

---

1) Отзывы объ академическомъ изданіи дали:

С. Адріановъ. „Вѣстн. Европы", ноябрь.

А. Александровъ. „Моск. Вѣд." №№ 271 и 290.

П. Бартеневъ.—И. Д.—П. Россіевъ. „Русск. Арх." ноябрь.

Библіографъ. „Нов. Русь". № 271.

А. Е. Грузинскій. „Русск. Вѣд." 1910 г., № 1, ст. 13.

Ю. В. „Новое Время", № 12.055.

П. Дилакторскій. „СПб. Вѣдом.", № 219.

В. Жерве. „Русск. Инвалидъ", № 215.

„Забайкальскія Обл. Вѣд.", № 132.

Проф. И. Замотинъ. „Варш. Дневн.", № 273.

А. Измайловъ, въ статьѣ „Воронежскій самоцвѣтъ". „Русск. Слово", № 226.

Далѣе слѣдують изданія, дающія только текстъ Кольцова и его біографію.

2. А. В. Кольцовъ. Полное собраніе стихотвореній. „Всеобщая библіотека" №№ 77 и 78 Спб. 1909. Изд. Акц. Общ. Типограф. дѣла въ Спб. 16° 175+V. Съ портретомъ автора и его біографіей, составленной В. Г. Бѣлинскимъ. Ц. 20 коп. (15.000 экз.).

3. А. В. Кольцовъ. Избранныя стихотворенія. 45 стихотвореній. Біографія Кольцова. Пояснительная статья о поэзіи Кольцова. Классное изданіе подъ редакціей В. Никольскаго. „Всеобщая библіотска". № 83. Изд. Акц. Общ. Типогр. Дѣла. Спб. 1909. 16°. 78 стр. Цѣна 10 коп. (15.000 экз.)

4. А. В. Кольцовъ. Стихотворенія. Съ портр. и рис. памятника. „Дешевая библіотека" № 239. Изд. 7-ое, А. С. Суворина. Спб. 1909. 16°. 186 стр. Ц. 10 к. (10.000 экз.).—Изд. 8. Спб. 1910. 16°. 192 стр. Ц. 10 к. (20.000 экз.).

5. А. В. Кольцовъ. Избранныя стихотворенія. Безпл. приложеніе къ журналу „Пробужденіе." Книга 14. Спб. 1909. 8°. 95 стр.

6. Собраніе стихотвореній великаго русскаго поэта—самоучки А. В. Кольцова. Съ біографіей его. Сто лѣтъ со дня его рожденія (1809—1909). Спб. 1909. Изд. Холмушиныхъ. 16°. 150 стр. Цѣна 50 коп. (3.000 экз.) (Изданіе рыночнаго характера).

Текстъ сочиненій Кольцова даютъ также слѣдующія изданія:

7. *М. И. П.* и *С. В. Д.* Поэтъ—прасолъ А. В. Кольцовъ. Жизнеописаніе.— Стихотворенія. Спб. 1909. Съ портретомъ К., изображеніемъ памятника и видомъ Воронежа. Тип. „Сельскаго Вѣстника" 8°. XXIV+77 стр. Съ 3 рис. Ц. 15 коп. (3.000 экз.)

8. *П. Б. Потѣхинъ.* Памяти А. В. Кольцова. Очеркъ и стихотворенія. Спб. 1910. 8°. 16 стр. Ц. 10 коп. (1.000 экз.)

В. К. „Нов. Время", № 12.077; отвѣтъ на эту замѣтку А. І. Лященка, тамъ же, № 12.078.

В. Н. Кораблевъ, въ статьѣ „Къ юбилею Кольцова". „Правит. Вѣстн." № 207.

Вл. Кр. „Совр. Міръ", ноябрь.

К. Кузьминскій. „Голосъ Москвы", № 226.

Н. Лернеръ. „Русск. Старина", ноябрь.

Г. М. „Пензенск. Губ. Вѣд.", № 262.

„Міръ" 1909 г., № 2, ноябрь, стр. 159—160.

Проф. Перетцъ. „Кіев. Мысль", 6 ноября 1909 г.

Н. Пиксановъ. „Журн. Мин. Нар. Просв." ноябрь, стр. 227—232.

В. Розановъ. Академическое изданіе Кольцова. „Нов. Время", № 12.076.

В. Рудаковъ. Академическій Кольцовъ. „Историч. Вѣстн." 1909 г., № 11, ноябрь, стр. 654—659.

„Рѣчь", № 280.

П. Сакулинъ. „Вѣстн. воспитанія", № 8, ноябрь.

„Соврем. Слово", № 641.

И. С—нъ. „Россія", № 1.183.

Проф. Н. Сумцовъ. „Южн. Край", № 9.803.

В. Улановъ. „Русск. Вѣдом.", № 236.

В. Якушкинъ. „Русск. Вѣд." 1910 г., № 1, ст. 14.

Въ Москвѣ за два послѣдніе года было выпущено изъ печати 325.000 экземпляровъ сочиненій Кольцова, изъ коихъ около 235.000 экземпляровъ издано одной фирмой, товариществомъ И. Д. Сытина.

Укажемъ прежде всего изданія товарищества Сытина.

1. Полное собраніе стихотвореній А. В. Кольцова. Съ его портретомъ и біографіей, составленной Н. А. Макшеевой. Со многими рисунками и снимками съ картинъ художниковъ: Н. Богданова-Бѣльскаго, А. Васнецова, Волкова, Н. Дыбовскаго, Н. Касаткина, С. Коровина, И. Крамского, К. Лебедева, И. Левитана, Г. Мясоѣдова, Н. Пимоненко, Рачкова, А. Степанова, В. Сурикова, В. Тишина, И. Шишкина. М. 1910. Изданіе тов. И. Д. Сытина. 8⁰. XXIII+184 стр. Цѣна 25 коп. (6.000 экз.).

Въ этомъ изданіи данъ обычный текстъ стихотвореній Кольцова. Рисунки большею частью являются не иллюстраціями къ тексту Кольцова, а только приспособлены къ нему[1]).

2. Избранныя стихотворенія А. В. Кольцова. Для дѣтей школьнаго возраста. Съ его портретомъ и біографіей, составленной А. Ульяновымъ. Со многими рисунками и снимками съ картинъ художниковъ: Н. Богданова-Бѣльскаго, А. Васнецова, Н. Касаткина, С. Коровина, Г. Мясоѣдова, Н. Пимоненко, А. Степанова. М. 1909. Изд. тов. И. Д. Сытина. 8⁰. 48+2 стр. (10.000 экз.).

3. Библіотека новой школы. Подъ ред. Тулупова и Шестакова. № 15. А. В. Кольцовъ. Стихи и пѣсни. Для старшихъ. М. 1910. Изд. И. Д. Сытина. 16⁰. 32 стр. Съ портр. Цѣна 3 коп. (10.000 экз.)

4. Библіотека новой школы. № 30. А. В. Кольцовъ. Стихи. Книжка для чтенія на третьемъ году обученія. М. 1909. Изд. И. Д. Сытина. 16⁰. 24 стр. Ц. 3 коп. (10.000 экз.)

5. А. В. Кольцовъ. Стихи. М. 1909. Изд. тов. И. Д. Сытина. 16⁰. 31 стр. (24.000 экз.).—М. 1910. 16⁰. 31 стр. (24.000 экз.).

6. А. В. Кольцовъ. Раззудись, плечо! Пѣсни. М. 1909. Изд. тов. И. Д. Сытина. 16⁰. 32 стр. (24.000 экз.)—М. 1910. 16⁰. 32 стр. (12.000 экз.)

7. А. В. Кольцовъ. Женская доля. Стихи и пѣсни. Изд. тов. И. Д. Сытина. 16⁰. М. 1909. 32 стр. (24.000 экз.).—М. 1910. 16⁰. 32 стр. (24.000 экз.).

8. А. В. Кольцовъ. Пора любви. Пѣсни. М. 1909. Изд. тов. И. Д. Сытина. 16⁰. 32 стр. (30.000 экз.).—М. 1910. 16⁰. 32 стр. (30.000 экз.)

Письма Кольцова и нѣкоторые другіе матеріалы вошли въ книгу В. Е. Ермилова:

9. „А. В. Кольцовъ какъ поэтъ и человѣкъ". Отзывы В. Г. Бѣлинскаго и Вал. Майкова, письма, „записная книжка" и „собраніе пословицъ Кольцова". М. 1909. Изд. и тип. тов. И. Д. Сытина. 8⁰. 96 стр. Цѣна 15 коп. (5.000 экз.).

Московское городское управленіе выпустило въ 1909 г. въ количествѣ 60.000 экземпляровъ слѣдующее изданіе:

10. Пѣсни А. В. Кольцова, изданныя для дѣтей школьнаго возраста, съ приложеніемъ жизнеописанія поэта. М. 1909. Изд. городского общественнаго управленія. 16⁰. 31 стр. Съ портр.

---

1) Отзывъ *В. Уланова* въ „Рус. Вѣдом." 1909 г., № 236.

11. А. В. Кольцовъ. Стихотворенія. Столѣтній юбилей. М. 1909. Издательство „Голубка“. 32^{0}. 127 стр. (20.000 экз.)

12. А. В. Кольцовъ. Избранныя пѣсни. М. 1910. Изд. Максимова. 8^{0}. 16 стр. (10.000 экз.)

Изъ провинціальныхъ изданій назовемъ:

А. Кольцовъ. Полное собраніе сочиненій. Съ біографіей и музыкальнымъ приложеніемъ на слова поэта. Для школъ и народа. Составили М. Соколовъ и П. Гольдманъ. Вильна. Изданіе А. Г. Сыркина. 1909. Бол. 8^{0}. 64+16 стр. нотъ. (6.000 экз.)

А. В. Кольцовъ. 1809—1909. Вильна. 1909. Изд. Общества „Крестьянинъ“. 8^{0}. 32 стр. Съ рис. (22.000 экз.)—Въ этомъ изданіи помѣщена біографія и стихотворенія К.

Памяти народнаго поэта А. В. Кольцова. По случаю истеченія ста лѣтъ со дня его рожденія. Одесса. 1909. Изд. М. Шпенцера. 8^{0} 31 стр. Съ рисунк. (5.000 экз.).

Указать точное число экземпляровъ сочиненій Кольцова, выпущенныхъ до юбилейнаго 1909 года, мы не можемъ. Приблизительный же подсчетъ даетъ слѣдующія цифры: съ 1835 по 1891 годъ вышло немногимъ больше 20 изданій, при общемъ числѣ экземпляровъ, не превышающемъ 100.000; съ 1892 по 1908 годъ вышло не менѣе 80 изданій, въ количествѣ свыше 500.000 экземпляровъ.

Въ теченіе 1909 и 1910 г. вышло въ свѣтъ 29 изданій въ количествѣ около 465.000 экземпляровъ.

Такимъ образомъ сочиненія А. В. Кольцова разошлись въ теченіе 76 лѣтъ въ количествѣ около 1.100.000 экземпляровъ.



Примѣчанія къ стихотвореніямъ[1]).

Эпиграфъ „*Пишу не для мгновенной славы*“, съ датой и съ варіантомъ во второй Воронежской тетради (см. выше, стр. 318).

1. „*Сирота*“ (стр. 3). Впервые появилось въ изд. 1846 г. Въ рукоп. Публ. Библіотеки дата: 1827 г., та же дата въ спискѣ стих., составленномъ Кольцовымъ (см. примѣч. къ письму № 8); въ рукоп. П. Я. Дашкова (тетр. I): 1825 г.; послѣдняя дата принята Бѣлинскимъ въ изд. 1846 г. Мы предпочитаемъ первую дату, принимая во вниманіе то, что стихотворенія Кольцова въ 1826—1827 гг. (образцы которыхъ см. на стр. 285—292) довольно слабы, тѣмъ слабѣе должны быть его опыты въ 1825 г. Варіанты рук. Дашкова:

2 Прошлой юности мечты
7 Что вы вихремъ не несетесь
15 И не вѣритъ въ обольщенье
18 Прошлой радости мечты

2. „*Ровеснику*“ (стр. 3—4). Изд. 1846 г. Рук. Дашк. (I тетр.) дата: 1826 г., у Бѣлинскаго: 1827 г. Варіанты рук. Дашкова.

11 и 12, 9 и 10—переставлены
13 Горячимъ (и юнымъ) пламенемъ вся кровь
25 Покоя не даваетъ
29 Прошу по-дружески со мною

Другая редакція этого стихотворенія, относящаяся къ 1829 г., извлечена изъ черновыхъ тетрадей Кольцова. „Отеч. Зап.“ 1867 г. т. 170, стр. 813—814. Приводимъ варіанты оттуда:

5 Скажи, о чемъ твоя печаль
5 (О чемъ безсмѣнная печаль?)
6 И тяжкія стенанья?
7 Страшна ли будущаго даль
7 (Страшна ли міра темна даль?)
8 (Иль жизни волнованья?)
11 Ужель житейская нужда
12 Такъ равно навѣстила
14 Раскрыла мракъ незнанья
17 Я вижу: дума на челѣ,
Безъ словъ, безъ выраженья;

---

1) Рукописи П. Я. Дашкова обозначаются для краткости: Д.—Въ скобкахъ приводятся важнѣйшіе зачеркнутые варіанты.

19 Но есть въ лицѣ, но есть въ груди
20 стихъ опущенъ
21 Примѣтное волненье

Послѣ стиха 25 „Покой твой разрушаетъ“ слѣдуетъ совсѣмъ другой конецъ:

Клянусь, когда-нибудь ты, другъ,
Волшебницѣ коварной
Открылъ души своей недугъ
Съ нераздѣлимой тайной.
И вѣрно, вѣрно думалъ ты
Съ той дѣвой съединиться
И съ ней въ объятьяхъ красоты
Любовiю упиться.
Она жъ, невѣрная, тебя
Любила... но коварно;
Обманъ и прелести любя,
Забыла своенравно.
Отмсти жъ и ты! Забудь ее,
Когда она не любитъ,
Пусть сердце юное твое
Измѣнницу забудетъ...
(Невѣрную забудетъ)
Смотри, мой другъ, какъ все кругомъ
И весело, и мило;
Тебѣ жъ въ несчастiи твоемъ
Все мертво и уныло.
Внимай, какъ юноши поютъ,
И дѣвы веселятся,
Какъ радости сердечны пьютъ,
И какъ онѣ рѣзвятся.
Лишь ты суровъ, угрюмъ и тихъ
Межъ юными друзьями;
Лишь ты одинъ глядишь на нихъ
Несвѣтлыми очами...
Невольникъ горести своей,
Алкатель сладострастiй!
Забудь любовь, и плѣнъ сѣтей,
И огненныя страсти.
Рѣзвись; друзей въ кругу простомъ
Вновь вкусишь наслажденье,
И въ семъ бокалѣ круговомъ
Потопишь огорченье!
Повѣрь, замѣна всѣхъ утратъ—
Вино: ты имъ цѣлися.
О, нашъ ровесникъ, другъ и братъ,
Будь счастливъ, веселися!

11 генваря 1829 г.

Конецъ стихотворенiя свидѣтельствуетъ о влiянiи Пушкина.

Бѣлинскiй (въ статьѣ о Кольцовѣ, при изд. 1846 г.) высказываетъ предположенiе, что это стихотворенiе „написано Кольцовымъ, кажется, первому другу его юности“, т. е. сыну купца, Варгину. Можно усумниться въ справедливости этого предположенiя, принимая во вниманiе, что мальчикъ Варгинъ, однолѣтокъ съ Кольцовымъ, умеръ въ 1824 году.

3. „*Пѣсня*“ (Если встрѣчусь съ тобой) (стр. 4—5). Напеч. въ „Моск. Набл.“ 1839, т. II, стр. 6—7, съ датою: 1827 г. Въ I тетр. Дашкова это стихотворенiе написано два раза; вторая редакцiя, безъ даты, совпадаетъ съ изд. 1846 г.: первая имѣетъ варiанты и дату: 1827 г. По свидѣтельству Бѣлинскаго, это одно изъ стихотворенiй, относящихся къ предмету первой любви поэта, Дуняшѣ, любви, „которая всю жизнь не переставала вдохновлять Кольцова“.

Въ тетради Маркса (нынѣ Публ. Библ.) помѣщена передѣлка этого стихотворенiя, съ датою: 19 сентября 1830 г.

Вотъ варiанты этой передѣлки:

3 Что за трепетъ, за огнь (тоже Д. и „Моск. Набл.“).
4 Разольется въ груди (тоже Д. и „Моск. Набл.“).

Стиховъ 5—8 нѣтъ.

13 Коль обнимешь меня,
Забываюся я,
15 Какъ дитя на груди
У родимой своей,
А съ лобзаньемъ твоимъ,
А въ восторгѣ съ тобой
Я, какъ духъ неземной,
20 Забываю сей мiръ.

Въ рукоп. Дашк. и „Моск. Набл.“

14 А восторгамъ живымъ
16 Выраженiя нѣтъ.

4. „*Размолвка*“ (стр. 5—6). Изд. 1846 г. Въ рук. Д. (тетрадь I) дата: 1824 зачеркнута. Рук. Публ. Библ. съ датой: 1828 г.; варiанты ея:

3 Что огнь любви

Послѣ 5-го есть два стиха, въ рукописи отчеркнутые краснымъ карандашомъ:

Но что виной,
Могу ли знать?

Тѣ же варiанты и въ рукописи Дашкова (тетр. I). Изъ нея видно, что 3 стихъ подвергся передѣлкѣ: *Огонь* написано рукою Бѣлинскаго по карандашу почерка Кольцова; пропущенные въ изданiи стихи отмѣчены NB и зачеркнуты.

Въ Воронежскихъ тетрадяхъ Кольцова есть другая редакцiя этого стихотворенiя, подъ заглавiемъ „Посланiе“, съ датой 28 марта 1829 года. Приводимъ варiанты по „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 816—817:

3 Что дружбы огнь
5 Въ груди твоей,
Но что виной
Могу ли знать?
Бывало, ты—
Мнѣ другъ и братъ;
10 А ныньче—грѣхъ
И вымолвить,
Какъ ты ко мнѣ
Суровъ, угрюмъ!
Молчанье, взоръ,
Движенье, видъ
Какъ бы твердятъ:
15 Незваной гость.

Остальное совпадаетъ съ обычнымъ текстомъ.

5. „*Спящему младенцу*“ (стр. 6). Напеч. въ „Литер. Газетѣ“ 1841 г., № 9, въ первоначальной редакцiи, съ варiантами:

13 Теперь рѣзвится онъ, играетъ

Послѣ 14 стиха стояли два слѣдующихъ:

И межъ своими, какъ дитя,
Онъ силы пробуетъ шутя.
18 Покойнымъ сномъ невинность спитъ.

Измѣненiя явились, повидимому, подъ влiянiемъ Бѣлинскаго, такъ какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ рукопись Дашкова (тетрадь I, см. выше опис. ея, стр. 325). Первоначальное заглавiе стихотворенiя въ рукописи было: „Спящiй юноша“. Дата рук. Д.: 1828 г.

Быть можетъ, на этомъ стихотвореніи сказалось вліяніе Жуковскаго, въ частности его „Сиротки“ (1813 г.) (Сочиненія „Жуковскаго“. Изд. 7. Спб. 1878 г., т. I, 301—302). Во всякомъ случаѣ оно по духу ближе къ Жуковскому, чѣмъ къ стихотворенію И. И. Дмитріева (1792 г.) „Къ младенцу“ („Соч. Дмитріева“, подъ редакціей А. А. Флоридова. Спб. 1893 г., стр. 131—133).

6. „*Красавицѣ*“ (стр. 6—7). Напечатано въ „Пантеонѣ“ 1840 г., т. IV, стр. 25. Въ рукописи Дашкова (тетр. I) первоначальное заглавіе „Прекрасной поселянкѣ“ измѣнено рукою Бѣлинскаго; подъ его же вліяніемъ сдѣланы и нѣкоторыя другія измѣненія (см. выше, стр. 326). Въ письмѣ Кольцова къ Краевскому дата: 1830 г. (см. примѣч. къ письму № 8).

„Какъ дѣва Пушкина, стояла“—здѣсь разумѣется стих. Пушкина (1825 г.) „Буря“ (Ты видѣлъ дѣву на скалѣ).

7. „*Путникъ*“ (стр. 7—8). Напеч. въ изд. 1835 г. Первоначальная редакція „Путника“ находится въ Воронежскихъ тетрадяхъ Кольцова, гдѣ она имѣетъ дату: 4 августа 1828 г. (ср. примѣч. къ письму № 8) и носитъ заглавіе „Привѣтный огонекъ“. (Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 811—812). Приводимъ ее:

Сгустились тучи, вѣтеръ вѣетъ,
Дубрава темная шумитъ;
За вихремъ буйнымъ вихрь летитъ
И даль пространая чернѣетъ.
Лишь тамъ, въ дали степи обширной,
Какъ тайный лучъ звѣзды призывной,
Зажженный тайною рукой
Горитъ огонь во тьмѣ ночной.
Усталой странникъ, запоздалой,
Одинъ среди родныхъ степей
Спѣшитъ къ ночлегу поскорѣй,
И мчится конь подъ нимъ удалой.
Предъ нимъ и блещетъ, и горитъ
Огонь вдали сквозь пологъ черной.—
Быть можетъ, онъ его манитъ
Подъ кровъ родныхъ уединенной.
Ему настанетъ счастья часъ,
Тамъ встрѣтитъ онъ свою отраду;
Тамъ все его... Но мнѣ погасъ
Тотъ огнь, что мнѣ сулилъ награду.
Къ нему стремился я душой,
Я съ нимъ хотѣлъ здѣсь счастье встрѣтить;
Но онъ мнѣ на землѣ не свѣтитъ!
И я одинъ во тьмѣ ночной
Скитаюсь въ мірѣ сиротой.

Я. Невѣровъ отмѣчаетъ въ этомъ стихотвореніи вліяніе Жуковскаго. („Сынъ Отеч.“ 1836 г., т. 176, статья „Поэтъ-прасолъ Кольцовъ“).

Обычная редакція несомнѣнно выдержанѣе съ художественной стороны. (П. Владиміровъ. Критико-библіогр. замѣтки. Кіевъ. 1893 г., стр. 44).

8. *„Ночлегъ чумаковъ“* (стр. 8—9). Напеч. въ „Библ. для чт.“ 1836 г., т. 16, кн. 5, стр. 9—12 (вмѣстѣ съ стих. „Домикъ лѣсника“, подъ заглавіемъ „Сельскія картины“) и въ „Журн. военно-учебн. заведеній“ 1839 г., т. 18, № 69, стр. 5—8. Въ „Библ. для чт.“ и „Журн. в.-уч. завед.“, а также въ рукописной тетради Воронеж. губ. музея (не автографъ Кольцова), находимъ слѣдующіе варіанты:

8 Вся степь роскошно почиваетъ.
Лишь у проѣзжихъ чумаковъ
Огонь горитъ между возовъ.
Старикъ раздѣтый, бородатый,
Готовя ужинъ небогатый,
Поджавшись, на ногахъ сидитъ.
28 Какой заботою полны?
32 Съ какой-то радостью невольной...
Кто бъ нынѣ съ горя пѣть началъ?
Вотъ разлилась игра свирѣли,
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
Они про жизнь своихъ дѣдовъ,
Украйны доблестной сыновъ.

Кромѣ того, въ обоихъ журналахъ помѣщенъ слѣдующій конецъ стих.:

41 Но что, украинцы, они
Все отзываются печалью?
Давнымъ-давно прошли тѣ дни,
Когда у васъ, блистая сталью,
Шумѣлъ раздора буйный гласъ,
И кровь потоками лилась.
Давно прошли тѣ времена;
Вездѣ царюетъ тишина
Подъ скиптромъ Русскаго правленья,
И край вашъ—край теперь веселья.
Любимый, самородный трудъ
Неужли давитъ вашу грудь?
Вы чумакуете по волѣ:
Чего жъ еще желать вамъ болѣ?
Я познакомился со свѣтомъ...
И, если бы... да въ добрый часъ!..
Готовъ остаться я у васъ!
Готовъ чумаковать все лѣто.
Тамъ, други, не живетъ веселье,
Гдѣ роскошь, золото, бездѣлье.
Гдѣ много словъ про наслажденье,
Тамъ для него душа мертва,
Какъ на сухой степи трава.
Живалъ въ большихъ я городахъ;
Бывалъ на вашихъ хуторахъ;
И замѣчалъ, гдѣ кáкъ живутъ,
Чтó горемъ, чтó добромъ зовутъ;
Съ какою цѣлью вѣкъ трудятся,
Къ чему и тѣ и тѣ стремятся:
Узналъ, вздохнулъ... и для меня,
Пріятно въ дождикъ обсушиться
У васъ подъ буркой, близъ огня,
Подъ возомъ отъ грозы укрыться;
Пріятно кашу ѣсть сухую,
Украйны слушать рѣчь простую,
Безпечно время проводить.
На волѣ любо, братцы, жить!
Въ степяхъ я городъ забываю,
Душой и сердцемъ отдыхаю.
У васъ все братски: хороша
Бесѣда ваша, безпритворна.
Гдѣ ты, прекрасная душа,
Своей природѣ такъ покорна?..
Чтó слободской вашъ атаманъ,
Чтó шитой шелковой кафтанъ,
Каморы полныя безъ счету
Снарядовъ разныхъ, серебра,—
Когда въ нихъ искры нѣтъ добра?
Покиньте, братцы, вы охоту
Мѣняться счастіемъ своимъ,
Мѣняться степію широкой
И продовольствіемъ простымъ:
Блистаетъ солнышко—далеко!.
Тутъ рѣчь уныла прервана
Готовой кашею простой;
Они въ кружокъ; шумитъ страна;
Усѣлись на травѣ густой.
Луна изъ облакъ выплываетъ,
Спокойный таборъ озаряетъ
И свѣтлыхъ звѣздъ—не милліонъ—
На нихъ глядитъ со всѣхъ сторонъ.

Та же редакція въ рукописной копіи Воронеж. Губ. Музея.

Въ „Ночлегѣ чумаковъ“ чувствуется вліяніе Пушкина (ср. „Цыганы“).

9. „*Пѣсня*“ (Очи, очи голубыя) (стр. 9). Изд. 1846 г. Подражаніе „Пѣснѣ“ А. А. Дельвига („На яву и въ сладкомъ снѣ“) (Соч. Дельвига, подъ ред. В. В. Майкова. 1893, стр. 65). О датѣ см. примѣч. къ письму № 8.

10. „*Осень*“ (стр. 10). Изд. 1846 г. Въ рук. Публ. Библ. варіанты:

5 Лѣса покрылись синей мглою
12 Къ людямъ въ сосѣди поселились
15 И такъ же точно для меня.

Въ „Отеч. Зап.“ 1867 г. (1867 г., т. 170, стр. 812) напечатана, повидимому, первоначальная редакція этого стихотворенія:

Настала осень, непогоды
Помчались съ юга на востокъ,
Затмилася краса природы,
Унылъ, осиротѣлъ лужокъ.
Поля, лѣса одѣлись тьмою,
Туманъ гуляетъ надъ землею,
И вѣтръ порывной съ быстротой
Свиститъ, летитъ на край земной.
Пространство дали почернѣло,
Дожди все льются день и ночь;
Все будто въ горѣ, помертвѣло,
Забавы улетѣли прочь;
Къ людямъ въ сосѣдки поселились
Тоска, печаль, досугъ и лѣнь;
Длиннѣе ночь, короче день,
И солнце и луна затмились.
Но долго ль осени туманной
Веселый край опустошать?
И долго ль вѣтеръ непрестанной
Уныло будетъ завывать?
Придетъ весна, придетъ веселье,
Къ людямъ забавы придутъ вновь,
Лишь невозвратны наслажденье
И прошлой юности любовь.

23 ноября 1828 г.

Предпочитаемъ дату 23 ноября 1828 г.; въ спискѣ при письмѣ къ Краевскому (№ 8) дата: 28 ноября 1828 г.

Я. М. Невѣровъ (н. соч.) видитъ и въ этомъ стихотвореніи вліяніе Жуковскаго.

11. „*Посланіе молодой вдовѣ*“ (стр. 10—11). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 812—813.

12. „*Я былъ у ней*“ (стр. 11). Изд. 1846 г.—Въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 812—813, это стихотвореніе напечатано по Воронежской рукописи съ варіантами:

2 Живи со мною, милой другъ,
4 Хранить мнѣ строго приказала.
5 Я былъ у ней; на кучи злата
9 Я былъ у ней; устами пилъ
10 Забвенье съ устъ прелестныхъ
И на грудяхъ ея чудесныхъ
Я все земное позабылъ.
Я былъ у ней, и вѣчно буду
Къ ней въ теремъ мыслію летать,—
15 И если буду смертью взятъ,
Ее и тамъ не позабуду.

13. „*Уныніе*“ (стр. 12—13). По Воронежской рукоп. напечатано въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 815—816. Въ рукоп. Дашкова т. II, отд. листокъ, (заглавіе „Плачъ“) находимъ значительные варіанты:

2 Далъ смыслъ и бытіе
4 Любви и братства нѣтъ?
7 И чорные туманы
8 Скрываютъ правды свѣтъ
9 Я думалъ, въ мірѣ люди
11 Я думалъ въ тайныхъ мысляхъ—
Одинъ у нихъ законъ:
Къ тебѣ, Царю Небесный,
18 Безъ ропота души
19 Послѣднюю копѣйку,
20 Какъ братьямъ, удѣлять.
23 А люди—тѣ же звѣри—
И холодны, и злы,
Мишурное величье—
Молебный ихъ кумиръ,
25 И золото и низость—
Защитникъ ихъ и богъ.
И ты, Отецъ Небесный,
Не престаешь вседневно
Щедроты лить на нихъ.
30 О, просвѣти мнѣ мысли—
Не радостны онѣ,—
И мудрости свѣтильникъ
Зажги въ моей душѣ.

14. „*Отвѣтъ на вопросъ о моей жизни*“ (стр. 13). Напеч. по Воронежск. рукоп. въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 816.

15. „*Приди ко мнѣ*“ (стр. 14). Напеч. въ „Листкахъ изъ записной книжки“ В. Сухачева (М. 1830 г., стр. 11—12). (Варіантовъ не приводимъ). Не вошло въ изд. 1835. Проф. П. В. Владиміровъ („Критико-библіографич. замѣтки“. Кіевъ 1893 г., стр. 51) видитъ здѣсь подражаніе стих. кн. П. А. Вяземскаго „Я жду тебя“ (Собр. соч. 1880 г., т. III, стр. 116). Болѣе отдаленное сходство съ юношескимъ стих. Пушкина „О Делія драгая“.

16. „*По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ*“ (стр. 14—15). Напеч. впервые въ изд. 1846 г.

17. „*Разувѣреніе*“ (стр. 15—16). Напеч. въ „Литер. Газетѣ“ 1841 г., № 5.—Рукопись Дашкова (I тетр.) совпадаетъ почти вполнѣ съ изд. 1846 г. и даетъ ту же дату: 1829 г. (Варіанты: 12. Но ужъ (совсѣмъ) не то, что прежде снилось; 20. Въ невинномъ взорѣ (взглядѣ) хитрый (льстивый) взоръ; 26. Въ ту жизнь мечты переселилъ). 1-ая рукоп. Публ. Библ. изъ бумагъ Краевскаго, безъ даты, имѣетъ незначительные варіанты. Нѣсколько больше варіантовъ даетъ рукопись, поступившая въ Публ. Библ. отъ В. В. Григорьева; она носитъ заглавіе „Отшельникъ“ и имѣетъ дату: Воронежъ, 1837 г. (Эта редакція напечатана въ „Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1867 г.“ Спб. 1868 г., стр. 143). Особую редакцію находимъ въ тетради Маркса, теперь Публ. Библ. Здѣсь стихотвореніе имѣетъ заглавіе „Встрѣча съ опытомъ“ исправлено другою рукою на „Знакомство съ опытомъ“. Дата: 17 апрѣля 1830 г. Приводимъ начало этой редакціи:

Дитя безпечный и свободной
Съ улыбкой кроткой, благородной,
Съ живой и пламенной душой,
Плѣнялся жизнію земной
И, доли приторной людской
Въ мечтахъ завидовать дерзая,
Добро и зло благословляя,
Я въ мірѣ все благословлялъ!
Но я младенецъ былъ, не зналъ
Измѣнъ непостоянныхъ счастья
И смутныхъ перемѣнъ ненастья.
Пришла пора, узналъ и я,
Но ужъ не то, что прежде снилось
(Совсѣмъ не то, какъ прежде [снилось)

Не приводимъ дальнѣйшихъ варіантовъ; укажемъ только, что въ этой редакціи есть четыре заключительныхъ стиха:

Умолкли грѣшные порывы
И буйство грѣшное страстей,
Какъ молкнетъ ручеекъ игривый
Въ оковахъ льдяныхъ хрусталей.

„Отшельникъ“ упом. въ письмѣ къ Краевскому отъ 12 февраля 1837 г.

По духу и мыслямъ „Разувѣреніе“ близко къ стихотвореніямъ Д. В. Веневитинова: „Жизнь“ и „Посланіе къ Р—ну“.

18. „*Не мнѣ внимать напѣвъ волшебной*“ (стр. 16). Напеч. въ „Листкахъ“ В. Сухачева. М. 1830 г., стр. 13—14. Не вошло въ изд. 1835 г.

19. „*Мщеніе*“ стр. 17—18. Напеч. въ „Листкахъ“ В. Сухачева. М. 1830 г., стр. 15—16. Въ изд. 1835 г. не вошло. Въ этомъ стихотвореніи можно подмѣтить вліяніе Козлова, о которомъ говоритъ А. Юдинъ въ своей статьѣ о Кольцовѣ. Ср. „Чернецъ“, въ изд. „Соч. Козлова, подъ ред. А. Введенскаго“. Спб. 1892 г., стр. 24, 26.

20. „*Пѣснь русалки*“ (стр. 18). Напеч. по Воронежск. рукоп. безъ даты въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 821—822.

21. „*На отъѣздъ Д. А. Кашкина въ Одессу*“ (стр. 18—19). Напеч. по Воронежск. рукоп. въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 817—818. Дмитрій Антоновичъ Кашкинъ (1793—1862 г.), Воронежскій книгопродавецъ, оказавшій поддержку Кольцову въ его литературныхъ опытахъ и стремленіи къ самообразованію. См. біографію Кольцова.

22. „*Къ М....*“ (стр. 19—20). Напеч. по Воронежск. рукоп. въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 818.

23. „*А. Д. Вельяминову*“ (стр. 20). Напеч. по рукоп., принадлежащей Л. А. Чайковской, въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 530—531.—Александръ Дмитріевичъ Вельяминовъ былъ съ 1825 г. по 1833 г. профессоромъ философіи и физико-математическихъ наукъ въ Воронежской семинаріи. Онъ познакомился съ Кольцовымъ въ августѣ 1829 г. Поэтъ приносилъ ему тетради своихъ стихотвореній и пользовался его указаніями. Объ ихъ отношеніяхъ см. въ статьѣ П. Малыхина „Кольцовъ и его неизданныя стихотворенія“ („Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 500—501).

24. 25. „*Къ М...*“, „*Къ подругѣ моей юности*“ (стр. 21). Напеч. въ Воронеж. рукоп. въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 818—819.

26. „*Повѣсть моей любви*“ (стр. 22—23). Напеч. по Воронеж. рукоп. въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 819—820; частью въ „Русс. Архивѣ“ 1864, № 9, гдѣ есть небольшіе варіанты. Отмѣтимъ:

27 Домой въ городъ ѣзживалъ
28 За дѣлами крайними
32 Двадцать лѣтъ ударило
38 Всѣми брезгалъ-гребовалъ

27. „*Пѣсня*“ (Увижу ль я дѣвушку) (стр. 23—24). Напеч. по Воронеж. рукоп. въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 821.

28. „*Теремъ*“ (стр. 24—25). Изд. 1846 г.—29. „*Люди добрые, скажите*“ (стр. 25 — 26). Изд. 1835 г. — О датахъ см. примѣчаніе къ письму 8-му, въ

стих. „Люди добрые...“ Я. М. Невѣровъ видѣлъ вліяніе поэзіи Жуковскаго (н. ст. въ „С. Отеч.“).

30. „*Маленькому брату*“ (стр. 26). Изд. 1835.—Дата при письмѣ къ Краевскому, „Др. и Новая Россія“ 1879 г., № 3, стр. 237. См. примѣч. къ письму № 8. Стихотвореніе посвящено младшему брату поэта, Владиміру, умершему въ дѣтствѣ.

Въ изд. 1835 г. стихъ 7: На сцену свѣта ты взойдешь.

31. „*Письмо къ Д. А. Кашкину*“ (стр. 27—28). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1867 г.,т. 170, стр. 822 (по Воронеж. рукоп.).

32. „*Сестрѣ*“—Аннѣ Васильевнѣ (стр. 28). Напеч. въ изд. 1835 г. О датѣ см. примѣч. къ письму № 8. Въ этомъ стихотвореніи, какъ и въ предыдущемъ, чувствуется вліяніе Пушкина.

33. „*Мѣщанская любовь*“ (стр. 28—29). Напеч. по Воронеж. рукоп. въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 823.

34. „*А. П. Сребрянскому*“ (стр. 29—30). Изд. 1846 г. Въ Воронеж. черновой рукоп. (см. выше, стр. 314) это стихотвореніе названо „Посвященіемъ Д. А. Кашкину“. Андрей Порфирьевичъ Сребрянскій (род. въ 1810 г., умеръ 3 августа 1838 г.) оказалъ значительное вліяніе на Кольцова. Наиболѣе обстоятельная статья о немъ принадлежитъ А. Путинцеву въ „Памятной книжкѣ Воронеж. губ. на 1906 г.“; къ ней приложено собраніе стихотвореній Сребрянскаго.

35. „*Молодой четѣ*“ (стр. 30). Напеч. по Воронеж. рукоп. въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 824. Если это стихотвореніе, какъ сообщаетъ г. Малыхинъ (тамъ же, стр. 829), написано по случаю бракосочетанія сестры поэта, то во всякомъ случаѣ не младшей—Анисьи, родившейся въ 1820 г., а Анны Васильевны, по мужу Золотаревой (1814—1854), которой посвящено и 32 стихотвореніе.

36. „*О, не кажи улыбки страстной*“ (стр. 31). Изд. 1846 г. Въ рукоп. тетради Маркса (нынѣ Публ. Библ.) есть другая редакція этого стихотворенія, подъ заглавіемъ: „Посланіе С... З...“ („Къ С. З.“) съ датою: 8 апрѣля 1830 года. Приводимъ ее:

Когда въ груди твоей булатной
Хранится вмѣсто сердца ледъ,
Когда въ немъ искры чувства нѣтъ,
Когда душѣ твоей пріятно
Такъ жалко надо мной шутить,
Такъ много равнодушной быть,—
То не кажи улыбки страстной,
Не мучь надеждою напрасной
И чувствъ моихъ не горячи;
Прошу, молю! при мнѣ молчи;
Будь больше мною недовольна,
Будь больше, больше хладнокровна;
Прошу! такъ нѣжно не гляди,
Со мной рѣчей не заводи;
Въ бесѣдахъ, съ злобою нѣмою,
Какъ недруга, пренебрегай,

Меня порочь, меня ругай.
И ты холодностью такою
Меня, быть можетъ, охладишь,
И всѣ надежды истребишь.

37. „*Утѣшеніе*“ (Внимай, мой другъ) (стр. 31—32). Напеч. во 2 изд. Введенскаго по рук. Маркса, въ которой это заглавіе замѣнено „Къ другу“ не рукою Кольцова (по всей вѣроятности, рукою Сребрянскаго). Это стихотвореніе близко напоминаетъ стихотворные опыты Сребрянскаго, отличающіеся меланхолическимъ настроеніемъ.

38. „*Пѣсня*“ (Утративъ то, что̀ прежде было) (стр. 32). Напеч. въ „С.-Петерб. Вѣд.“ 1864 г., № 141 и въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 824—825. Варіанты въ „С.-Пет. Вѣд.“:

1 Утративъ то, что было мило
8 Земною бъ жизнью заплатили!

Послѣднее четверостишіе любопытно сравнить съ письмами на стр. 168.

39. „*Къ другу*“ (Развеселись) (стр. 32—33). Изд. 1835 г.

40. „*Къ ней*“ (стр. 33—34). Напеч. въ журн. „Листокъ“ 1831 г., стр. 82, подъ заглавіемъ „Посланіе къ А—ой“; потомъ въ изд. 1835 г. подъ заглавіемъ „Къ N.“—Стихотвореніе относится къ Елизаветѣ Григорьевнѣ Огарковой, которой посвящено и „Посланіе къ Е. Г. О.“ (напечатанное на стр. 287, среди юношескихъ произведеній Кольцова). — Е. Г. Огаркова была дѣвушка изъ купеческой семьи, чрезвычайно красивая собою. Кольцовъ впослѣдствіи горячо полюбилъ ея сестру Варвару Григорьевну, по мужу Лебедеву. (См. ст. П. Малыхина въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 513). Бѣлинскій (въ статьѣ о жизни и соч. Кольцова) полагалъ, что стихотвореніе это посвящено Дунящѣ, предмету первой любви поэта.

41. „*Посланіе Н. П.*“ (стр. 34—35). Напеч. въ изд. Введенскаго по рук. Маркса.

42. „*Элегія*“ (стр. 35—36). Напеч. по Воронеж. рукоп. въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 825—826.

43. „*Къ рѣкѣ Гайдарѣ*“ (стр. 36—37). Изд. 1846 г.

44. „*Совѣтъ старца*“ (стр. 37). Напеч. въ изд. 1835 г. О датѣ см. въ примѣч. къ письму № 8.

45. „*Веселый часъ*“ (стр. 37—38). Изд. 1846 г. Это стихотвореніе, какъ и предыдущее, относится къ немногимъ анакреонтическимъ пьесамъ Кольцова, на которыхъ сказалось несомнѣнное вліяніе раннихъ произведеній Пушкина. „Веселый часъ“ написанъ тѣмъ же размѣромъ, что и „Заздравный кубокъ“ Пушкина (1816 г.).

46. „*Къ Ж...*“. (стр. 38—39). Напеч. во 2-мъ изд. А. Введенскаго, по рукоп. Маркса, гдѣ заглавіе стихотворенія рукою не Кольцова измѣнено на „Къ ней же“.

47. „*Вечеръ*“ (стр. 39—40). По рукоп. Маркса напечатанъ во 2-мъ изд. А. Введенскаго. Нѣкоторое вліяніе на это стихотвореніе могла оказать элегія Жуковскаго „Вечеръ“ (1805 г.).

48. „*Земное счастіе*“ (стр. 40—41). Напеч. во 2-мъ изд. А. Введенскаго по рукоп. Маркса. Вопросу объ истинно счастливомъ человѣкѣ посвящено и

юношеское стихотвореніе Кольцова „Прямое счастіе“ (стр. 285), сходное по мыслямъ съ настоящимъ. Хотя и стихотвореніе 1830 г. слабо въ художественномъ отношеніи, но оно всетаки свидѣтельствуетъ о сильномъ ростѣ таланта Кольцова, если сравнить „Земное счастіе“ съ пьесою 1827 г.

49. „*Первая любовь*“ (стр. 42). Изд. 1835 г. Въ рукоп. Маркса заглавіе „Любовь души“ съ датой, принятой въ нашемъ изданіи. Въ рукоп. Маркса любопытные варіанты:

5 То все я тщусь предать забвенью
8 Сулю ему я розы, рай,
Красы заоблачнаго края,—
И, къ нимъ любовію сгорая,
Лишь ихъ желалъ бы я любить.
9 Но все вотще: тѣнь прежней милой
15 И взоръ къ своимъ очамъ прикуетъ
16 Знать то, что въ юности любилъ я въ первый разъ
17 Во вѣкъ не разлюбить душою!

„Первая любовь“ посвящена, несомнѣнно, Дуняшѣ.—Я. М. Невѣровъ („Сынъ Отеч.“ 1836, № 12, стр. 268) отмѣчаетъ вліяніе Жуковскаго на это стихотвореніе Кольцова; онъ разумѣлъ, по всей вѣроятности, „Воспоминаніе“ и „Минувшихъ дней очарованье“ (оба стихотворенія 1816 г.). Прекрасное стихотвореніе Жуковскаго „Ты предо мной стояла тихо“ (1823 г). едва ли могло быть извѣстно Кольцову.

50. „*Мука*“ (стр. 42—43). Напеч. во 2-мъ изд. А. Введенскаго по рукоп. Маркса; Варіантовъ (поправокъ въ рукописи) не приводимъ, такъ какъ всѣ они, начиная съ измѣненія заглавія на „Печаль сердца“, сдѣланы рукою не Кольцова (вѣроятно, Сребрянскимъ). Стихи 9—12 въ рукописи зачеркнуты.

51. „*Сирота*“ (стр. 43—44). Напеч. по рукоп. Маркса во 2 изд. А. Введенскаго. Къ заглавію въ рукописи постороннею рукою приписано: „поселянинъ“, тою же рукою приписана 7-ая строка.

52. „*Пѣсня*“ (На что ты, сердце нѣжное) (стр. 44—45). Напеч. тамъ же по рукоп. Маркса.

Стихъ 15 въ рукописи даетъ еще варіантъ (рукою Кольцова):

Зачѣмъ же ты собою всѣхъ

53. „*Кольцо*“ (стр. 45—46). Напеч. въ первый разъ въ „Литерат. Газетѣ“ 1831 г., № 34, стр. 277, подъ заглавіемъ „Перстень“, съ присоединеніемъ примѣчанія редакціи: „Пѣсню сію издатель получилъ изъ Москвы при слѣдующей запискѣ: „Вотъ стихотвореніе самороднаго поэта г. Кольцова. Онъ Воронежскій мѣщанинъ, и ему не болѣе двадцати лѣтъ отъ роду; нигдѣ не учился и, занятый торговыми дѣлами по порученію отца, пишетъ часто дорогою, ночью сидя верхомъ на лошади. Познакомьте читателей „Литературной Газеты“ съ его талантомъ. *Н. С—чъ*“. Записка принадлежитъ Н. В. Станкевичу.

Рукоп. Маркса (Имп. Публ. Библ.) даетъ ту же редакцію, что и печатный текстъ „Лит. Газеты“ и имѣетъ дату: 20 сентября 1830 г. Та же дата въ спискѣ стихотвореній Кольцова при письмѣ къ Краевскому (см. примѣч. къ письму № 8). Заглавіе „Перстень. Пѣсня“. Варіанты: „Лит. Газеты“:

4 Чиста золота
8 Перстень милова

10 Ты не надобенъ
14 Растоскуюся
15 Калены, горючи
16 Слезы выроню
18 Иль хоть вѣсточкой
24 Перстень горестный

Стихи 25—28 отсутствуютъ.

Вторично напеч. въ „Утренней Зарѣ на 1839 г.", стр. 32. Рукоп. Публ. Библ. „Русская пѣсня", рукоп. Дашкова („Кольцо. Пѣсня", въ тетр. II) изд. 1846 г. и послѣдующія даютъ вторую редакцію этой пѣсни. Любопытно, что эта пѣсня не вошла въ изданіе 1835 года.

54. *„Крестьянская пирушка"* (стр. 46—47). Изд. 1835 г. Въ изд. 1846 дата: 1834 г.; въ прилож. къ письму № 8 дата: 21 сентября 1834 г. Между тѣмъ въ рукоп. тетради Маркса (Имп. Публ. Библ.) дата: 21 сентября 1830 г. Въ изд. 1835 г. заглавіе: „Пирушка русскихъ поселянъ". Въ тетр. Маркса стояло раньше: „Сельская пирушка"; потомъ передѣлано рукою не Кольцова на „Пирушку русскихъ поселянъ".

Важнѣйшіе варіанты рукоп. Маркса:

26 Чашу радостей
Послѣ 40 Какъ о святкахъ зимой
Долго иней былъ
Послѣ 42 Говорилъ Пантелей
Свату Якову
Послѣ 50 На дворѣ не [же?] саней
Въѣзжихъ не было
51 Отъ воротъ тесовыхъ
Слѣдъ яснѣется.

Поправка послѣднихъ стиховъ „Отъ воротъ поворотъ виденъ по снѣгу" сдѣлана не рукою Кольцова.

Проф. П. Владиміровъ въ ст. „Критико-библіогр. замѣтки". Кіевъ. 1893, стр. 51, указываетъ на нѣкоторую связь „Крестьянской пирушки" съ „Сельскою поэмою" Ѳ. Слѣпушкина: „Четыре времени года русскаго поселянина". Въ доказательство приводятся имъ такія мѣста изъ поэмы Слѣпушкина:

„Гостей старинушка ведетъ,
За столъ дубовый ихъ сажаетъ,
Друзей по лавкамъ на скамьѣ,
И всѣмъ честитъ ихъ, угощаетъ,
И сынъ привѣтливъ молодой
Ихъ проситъ пивомъ жатвы новой.
Вотъ старики заговорили:
Кто сколько хлѣба съ поля снялъ" и т. д.

Если поэма Слѣпушкина и натолкнула Кольцова написать „Пирушку", то въ ней онъ далеко оставилъ за собой „Сельскую поэму".

55. *„Пѣсня старика"* (стр. 47—48). Напеч. въ „Молвѣ" 1835 г., ч. IX, № 11, и въ изд. 1835 г. Въ изд. 1846 г. дата: 1831 г., въ прилож. къ письму № 8 дата: 21 сентября 1831 г., въ рукоп. Маркса (Публ. Библ.)—21 сентября 1830 г. Принимаемъ послѣднюю, хотя за точность ея нельзя ручаться: она обозначена и подъ предыдущимъ стихотвореніемъ. Вѣрно только то, что обѣ эти пьесы *переписаны* въ тетрадь 1830 г. въ одинъ день.—Въ рукоп. Маркса было заглавіе „Къ молодости. Пѣсня". Варіанты:

6 Въ дальни стороны;
14 Къ чародѣйницѣ!
15 Научите жъ забыть
16 Видъ прелестницы.

56. *„Вздохъ на могилѣ Веневитинова“* (стр. 48). Напеч. въ журн. „Листокъ“ 1831 г., № 22. О датѣ см. примѣч. къ письму № 8.

57. *„Что значу я?“* (стр. 48—49). Изд. 1846 г. Рукоп. Дашкова (тетр. I) совпадаетъ съ этимъ текстомъ; въ рукоп. Публ. Библ. (бумаги Краевскаго) есть незначительные варіанты. Въ статьѣ А. Юдина (въ „Опытахъ въ соч. студентовъ Харьк. унив.“ 1846 г.) есть также особые варіанты.

58. *„Утѣшеніе“* (Какъ жаль, что счастія звѣзда) (стр. 49). Изд. 1846 г.

59. *„Мой другъ, мой ангелъ милой“* (стр. 49—50). Напеч. въ журн. „Листокъ“ 1831 г., № 39, подъ заглавіемъ „Посланіе къ **“, въ болѣе распространенной редакціи, которую приводимъ:

Мой другъ, мой ангелъ милой,
Тебя ль я въ тишинѣ унылой
Такъ страстно, пламенно лобзалъ,
Съ такимъ восторгомъ руку жалъ?
Иль былъ то сонъ, иль въ изступленьи
Я обнималъ одну мечту,
Въ жару сердечнаго забвенья,
Въ своей душѣ рисуя красоту?
Твой видъ, твой взоръ смущенной,
Твой пламенный, горячій поцалуй
Такъ упоительны душѣ влюбленной,
Какъ изнуренному кристаллъ холодныхъ струй.
Ахъ! мигъ одинъ я былъ съ тобою,—
И мигъ съ тобой я счастливъ былъ;
И этотъ мигъ съ твоею красотою
Навѣкъ я въ сердцѣ затаилъ...
Тобой любимымъ быть—прекрасно;
Прекраснѣй же—тебя любить.
Что муки мнѣ? Душою страстной
О милой мило мнѣ грустить,
Съ тобою чувствами мѣняться
И на привѣтливой твой взглядъ
Отвѣтнымъ взоромъ отвѣчать;
Съ тобою плакать, забываться—
Прекрасно, милая моя!
Счастливъ, счастливъ тобою я!..
Пускай, пускай огнемъ тяжелымъ
Лежитъ въ груди моей любовь;
Пусть сердце съ чувствомъ онѣмѣлымъ
Мою изсушитъ кровь,—
Какъ вóрона о смерти предвѣщанье,
Она не возмутитъ мнѣ грудь:

Любви мнѣ сладостно страданье,
Мнѣ сладко о тебѣ вздохнуть!
Пусть безнадежна страсть моя;
Пусть гробъ — любви моей награда!
Но, милой другъ мой! за тебя
Снесу я муки ада.
Что до меня?.. лишь ты спокойна будь
И горе забывать старайся;
Живи, и жизнью наслаждайся, —
И бѣднаго страдальца не забудь...

60. „*Соловей*“ (стр. 50). Изд. 1846 г. Близкое подражаніе стих. Пушкина „Соловей“ (1827 г.). Литературной исторіи этого стихотворенія касается проф. Н. Сумцовъ въ кн. „Пушкинъ“. (Харьковъ 1900 г., стр. 174—179).

61. „*Наяда*“ (50—52). Въ изд. 1835 г. заглавіе „Видѣніе Наяды“.

62. „*Пѣсня пахаря*“ (стр. 52—54). Напеч. въ „Молвѣ“ 1835 г., ч. IX, № 11, и въ изд. 1835 г. Дата въ примѣч. къ письму № 8.

63. „*Домикъ лѣсника*“ (стр. 54—55). Напеч. подъ заглавіемъ „Домикъ лѣсника“ въ „Библ. для чтенія“ 1836 г., т. 16, кн. 1, стр. 8—9, вмѣстѣ съ „Ночлегомъ чумака“, съ общимъ заголовкомъ „Сельскія картины“. Послѣднія 12 строкъ („Духи неба, дайте мнѣ“) составляютъ особое стих. „Изступленіе“. Въ изд. 1846 г. оно отнесено къ 1832 г. Варіантовъ не приводимъ.

64. „*Изступленіе*“ (стр. 55). Въ „Библ. для чтенія“ 1836 г., т. 16, кн. 1, напечатано, вѣроятно по ошибкѣ, какъ конецъ стих. „Домикъ лѣсника“.

65. „*Пѣсня*“ (Ты не пой, соловей) (стр. 55—56). Изд. 1835 г.

66. „*Размышленія поселянина*“ (стр. 56—57). Изд. 1835 г.—Въ изд 1846 г. дата—1831 г.—опечатка, потому что стих. поставлено послѣ другихъ пьесъ 1832 г. Въ спискѣ Кольцова (примѣч. къ 8 письму) дата: 1832 г.

67. „*Поэтъ и няня*“ (стр. 58). Изд. 1846 г.—Въ рукоп. Дашкова (отд. листокъ) есть варіанты; приводимъ главнѣйшіе.

4 Бутто придется узнать
8 Будетъ горестно и хило,
После 10 Не прельститъ меня природа,
Съ скукой смолвится свобода,
Улетитъ отъ ложа сонъ,
Иль взволнуетъ сердце онъ.
12 Выдетъ съ грустью на крыльцо
21 Ей раздумье... и слеза
25 Предсказаньямъ не внимай,
Плюнь на книжку и играй.

По всей вѣроятности, это стихотвореніе озаглавлено въ спискѣ, составленномъ Кольцовымъ,—„Поэтъ“ (см. примѣч. къ письму № 8).

68. „*Удалецъ*“ (стр. 50—60). Изд. 1835 г.—„Сынъ Отеч.“ 1836 г., т. 176 (въ статьѣ Невѣрова).—Въ изд. 1846 г. (дата: 1833 г.) пропущены (вѣроятно, по цензурнымъ условіямъ) 8, 9, 10 строфы. Въ „Сынѣ Отеч.“:

30 Убью барина.

Упоминаемая въ письмѣ къ Краевскому (1837 г.) „Грусть удалова“ (стр. 172)—не „Удалецъ“, а, по всей вѣроятности, „Горькая доля“ (1837).

69. „*Великая тайна*“ (стр. 60—61). Напеч. въ „Телескопѣ“ 1835 г., кн. 26, № 8, ст. 495.—Изд. 1835 г.—Въ изд. 1846 г. дата: 1833 г.

Разбирая это стихотвореніе, Бѣлинскій видитъ въ немъ „удивительную глубину мысли, соединенную съ удивительною простотою и благородствомъ... Это дума Шиллера, переданная русскимъ простолюдиномъ, съ русскою отчетливостью, ясностью и съ простодушіемъ младенческаго ума“. („Сочин.“ подъ ред. С. Венгерова, II, 311). Бѣлинскій, близко знавшій Кольцова и вліянія, при которыхъ онъ работалъ, сдѣлалъ цѣнное указаніе. Въ этой думѣ несомнѣнно вліяніе на Кольцова Н. В. Станкевича. Довольно перечитать переписку Станкевича, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ вопросы мірозданія были ему близки. Онъ восхищается „*Resignation*“ („Примиреніе“) Шиллера (П. Анненковъ. „Станкевичъ“. Москва. 1857 г., стр. 43), говоритъ о „Мудрой Благости“, утѣшается вѣрою въ „кроткую десницу, распростертую надъ главою созданія“ (стр. 52 и т. д.). Рядомъ шло увлеченіе Шеллингомъ.—„Великая тайна“ близка къ „*Die Grösse der Welt*“ („Величіе міра“) и къ „*Die Worte des Glaubens*“ („Слова вѣры“) Шиллера.—Первое изъ нихъ было переведено еще С. Шевыревымъ („Моск. Вѣстникъ“ 1827 г., № 12) и П. Ободовскимъ („Сѣверные цвѣты“ 1827); были также старинные переводы „Словъ вѣры“ и „Примиренія“. (См. „Библіотека великихъ писателей. Шиллеръ“. Изд. Брокгауза-Ефрона, ред. С. Венгерова, т. I).—Очень высокаго мнѣнія о поэтическихъ достоинствахъ „Великой тайны“ былъ Я. М. Невѣровъ (въ статьѣ въ „Сынѣ Отеч.“ 1836 г., т. 176, стр. 312), членъ кружка Станкевича, находившійся подъ тѣми же вліяніями.

70. „*Не шуми ты, рожь*“ (стр. 61).—Изд. 1835 г.—Въ изд. 1846 г. дата: 1834 г.—Написано на смерть невѣсты Кольцова (Дуняши).

71. „*Урожай*“ (стр. 62—65).—Напеч. въ „Современникѣ“ 1836 г., т. 2, стр. 189—191, съ незначительными варіантами.—Въ изд. 1846 г. дата: 1835 г.; въ прил. къ письму № 8: 1836 г.

72. „*Глаза*“ (стр. 65). Напеч. въ „Сборникѣ на 1838 г.“, стр. 273—274, подъ заглавіемъ „Глаза. (Русская пѣсня)“.—Въ изд. 1846 г. дата: 1835 г. Рукописный текстъ стих. „Глаза“ въ бумагахъ къ В. Ѳ. Одоевскаго (Истор. Музей въ Москвѣ, л. 67 об.) совпадаетъ съ печатнымъ.

73. „*Женитьба Павла*“ (стр. 66). Изд. 1846 г. съ датой: 1836 г.—См. выше письма, стр. 165, 186.

74. „*Молодая жница*“ (стр. 67—68).—Упом. на 159 стр. Напеч. въ изд. 1846 г. съ датой: 1836 г.—Рукоп. Публ. Библ. съ датою (рукою не Кольцова): 1836 г.;—листокъ въ рукоп. Дашкова. Въ обѣихъ рукописяхъ:

33 Разминется съ ней

Особая редакція на другомъ рукописномъ листкѣ изъ собранія П. Я. Дашкова:

1 Рано въ бѣлый день
2 Вышло солнышко
5 Что-то грустно мнѣ
6 Одной на полѣ
9 Всю сожгло меня
10 Горитъ гормо все

Послѣ 12 стиха:

Какъ сѣдой туманъ,
Роса—на землю,
15 Пала на сердце
Грусть тяжолая.

Отчего, скажи,
Мой любимый серпъ
Не играешь ты
Краснымъ солнушкомъ?
Не блистаешь ты
Чистымъ золотомъ
Иглой аглицкой
Не щетинишься?
Отчего, скажи,
Почернѣлъ ты весь,
Что коса моя,
Коса чорная.
Отчего, мой серпъ,
Чорна бровь моя,
Въ одинъ жаркой день
Изогнулся ты?
Али солнушко
Горячѣй огня
Разожгло тебя
И расправило?
Али мой другъ
На чужой степи
Косой вострою
Вырылъ гробъ себѣ?
Съ Дона тихова
Не воротится,
Съ края дальнева
Не придетъ ко мнѣ?
Часто матушка
Замѣчала мнѣ:
„Когда выглянетъ
Солнце изъ тучи,—
„То за нимъ какъ разъ
Либо бурѣ быть,
Либо дождичку
Цѣлой день итить“.
Иль ко мнѣ, младой,
Какъ къ землѣ сырой,
Того жди, придетъ
Непогодушка.

Этотъ варіантъ очень любопытенъ, такъ какъ изъ него выдѣлились два стихотворенія: „Молодая жница“ (1836 г.) и „Грусть дѣвушки“ (1840 г.).

75. *„Косарь“* (стр. 68—71). Напеч. въ „Телескопѣ“ 1835 г., т. 28, стр. 295—299. (Цензурное разрѣшеніе 7 марта 1836 г.).—Упом. въ письмѣ 1836 г. (стр. 157). Въ изд. 1846 г. дата: 1836 г.—Въ рукоп. Дашкова (тетр. I) дата: 1836 г., Москва. Въ рукоп. отмѣтимъ:

послѣ 96 стиха:
Какъ пчелиный рой!
Молоньей, коса

Важнѣйшіе варіанты „Телескопа“:

послѣ 51 стиха:
Что же, Груня, мнѣ
Дѣлать надобно?
Охъ, не свыкнуться.
56 Не плачь, милая,
Твоего отца не зарѣжу я.
Куплю косу я,
Отобью ее,
Наточу ее
Востро-на-востро,
И, прости-прощай,

76. *„Божій міръ“* (стр. 71—72). Напеч. въ „Отеч. Запискахъ“ 1840 г., т. XI, стр. 179.—Въ изд. 1846 г. дата: 1836 г.; въ рукоп. Публ. Библ. дата: 1836 г., Воронежъ; въ той же рукописи: послѣ 22 стиха слѣдуютъ:

Плоть ихъ укрѣпляетъ.
Свѣтъ даетъ имъ силу,
Возрождаетъ душу;
Всѣ изгибы жизни
Творецъ Всемогущій
Собой обнимаетъ,
Живитъ, сохраняетъ.

Эти 7 строкъ отчеркнуты краснымъ карандашомъ.

Въ рукоп. Дашкова (дата: 1837 г.) и въ „Отеч. Запискахъ" послѣ 22 стиха слѣдуютъ:

Свѣтъ даетъ имъ силу—
Возрождаетъ душу...

Изъ писемъ Кольцова видно, что „Міръ Божій" 27 ноября 1836 г. былъ отданъ Краевскому для „Современника" (стр. 164); но не былъ помѣщенъ въ этомъ журналѣ. Въ письмѣ къ Бѣлинскому 20 февраля 1840 г. (стр. 211) поэтъ объясняетъ это тѣмъ, что „Божій міръ" — „и не того...", т. е. неудаченъ, 28 апрѣля 1840 г. „Божій міръ" былъ посланъ Бѣлинскому для „Отечественныхъ Записокъ" (стр. 217).—Есть основаніе предполагать, что первоначальное заглавіе этой думы было „Кольцо вѣчности" (см. ниже примѣч. къ письму № 8.).

Мы остановились на подробностяхъ, показывающихъ работу Кольцова надъ этимъ стихотвореніемъ, потому что оно принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ созданіи которыхъ значительная доля участія приписывается Сребрянскому.

В. Ярмерштедтъ въ ст. „Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія Кольцова" („Вопросы философіи и психологіи" 1894 г., кн. I) (22) останавливается на думѣ „Божій міръ". Шеллингіанство имѣло на нашего поэта особое вліяніе: онъ, народный поэтъ-реалистъ, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ думъ между прочимъ въ „Божьемъ мірѣ", является поэтомъ мистикомъ. „Трезвый умъ, въ связи съ жинерадостнымъ настроеніемъ молодости, удержалъ нашего поэта отъ крайностей туманнаго мистицизма. Туманно-загадочными, или просто непонятными, являются только начальныя строки думы „Божій міръ". Можно догадываться, что здѣсь поэтъ намѣревался выразить натурфилософскую теорію, въ родѣ теорій Павлова или Велланскаго" (стр. 170).

77. „*Неразгаданная истина*" (стр. 72—73). Напеч. въ „Литер. Прибавл. къ Инвалиду" 1838 г., № 15, стр. 289.—Есть незначительные варіанты по сравненію съ изд. 1846 г. (гдѣ дата: 1836 г.) и съ рукописью Дашкова (отд. листокъ, безъ даты). Въ послѣднюю же внесена поправка, о которой говорится въ письмѣ къ Краевскому 27 ноября 1836 (г. стр. 164—165). По рукописи архива Бакуниныхъ издана съ документальною точностью, которая отмѣчаетъ „поражающую внѣшнюю безграмотность" поэта, въ „Юбилейномъ сборникѣ Литературнаго фонда" (Спб. 1909, стр. 140—141).

Варіанты: 15 Въ бездну властелины
16 Съ шумомъ низвергались
27 А жизнь молодая

Внѣшняя безграмотность Кольцова значительно исправилась въ позднѣйшей рукописи Дашкова.

Варіанты рукописи Дашкова:

15 Въ бездну властелины
16 Съ шумомъ низвергались.
29 Подрублю жъ я крылья.

78. „*Человѣкъ*" (стр. 73—74). Напеч. въ „Литер. Газетѣ" 1841 г., № 3, стр. 12.—Рукописи Дашкова: 1) въ тетр. I, съ датой: 15 іюня 1836 г. Воронежъ, 2) тетр. VI, безъ даты.—Рукоп. при письмѣ къ Бѣлинскому 27 іюля 1838 г.—

Въ изд. 1846 г. дата: 1836 г. Незначительныхъ варіантовъ не приводимъ.—Въ письмѣ къ Бѣлинскому (стр. 190) любопытное сообщеніе о созданіи этой думы.

Первоначальная редакція находится въ I и VI тетрадяхъ Дашкова и въ рукописи при письмѣ къ Бѣлинскому.

Въ нихъ найдемъ варіанты:

1 Всѣ творенья въ нашемъ мірѣ
6 То собою дорожитъ;
9 Дастъ желаньямъ онъ свободу,
10 Кровь на землю побѣжитъ;
13 Но измѣнятся желанья
16 Все на свѣтѣ затемнитъ.

Изъ тетради I видимъ, что Бѣлинскій исправилъ стихи 10, 13 и 16.

Стихъ первый исправленъ (тетр. I) рукою Кольцова; поправки въ въ стихахъ 6 и 9 сдѣланы также рукою поэта карандашомъ; но повторены чернилами рукою Бѣлинскаго.

Дата—1836 г. вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія, хотя она и принята въ изданіи 1846 г. Въ I тетради дата можетъ быть принята и за 1836 и за 1838 г. Хотя въ этой тетради находятся болѣе раннія стихотворенія Кольцова, но дума „Человѣкъ" помѣщена въ ней послѣдней, послѣ стихотворенія „Міръ музыки", датированнаго 1838 г. Въ VI тетради дума „Человѣкъ" помѣщена среди стихотвореній 1838 г. Изъ письма къ Бѣлинскому (27 іюня 1838 г.) можно заключить, что дума эта написана поэтомъ въ Воронежѣ въ іюнѣ 1838 г.—Высказывая эти сомнѣнія, мы не рѣшились однако измѣнить дату, принятую Бѣлинскимъ.

Л. К. Ильинскій (въ статьѣ объ Академическомъ изданіи сочиненій Кольцова) указываетъ на отзвуки въ думѣ „Человѣкъ" мыслей Бѣлинскаго. („Рус. Филолог. Вѣстникъ" 1910, № 1, стр. 179—180).

79. „*Умолкшій поэтъ*" (стр. 74—75). Напечат. въ „Отеч. Запискахъ" 1840 г., т. VIII, стр. 142.—Въ изд. 1846 г. дата: 1836 г.—Рукописи Дашкова: 1) въ тетради I; дата: 1836 г., 2) на листкѣ, съ датою: 1836 г., 3 и 4) на листкахъ, безъ датъ; 5) писанная рукою Мочалова, безъ даты.

Въ 1-ой рукописи стихъ 41 измѣненъ рукою Бѣлинскаго такъ:

Очарованный утромъ.

Въ 3-ей рукописи послѣ 48 стиха слѣдуютъ:

Тебѣ уступилъ,
Рабъ случая?—Да,
Жди, будетъ отъ скуки
Онъ брататься съ чернью
И тѣшить ее!
Жди этого, жди!
Тебѣ незамѣтна
Высокая дума,
Огонь благодатный
Во взорѣ его...

Въ 4-ой рукописи, кромѣ этихъ, есть еще три стиха:

Возьми же, безумецъ,
Возьми и мою
Улыбку презрѣнья.

Упоминается въ письмахъ на стр. 159, 202, 211. Любопытно сравнить эту думу съ письмомъ къ Краевскому 13 марта 1837 года.

80. „*Великое слово*“ (стр. 75—77). Напеч. въ „Современникѣ“ 1838 г., т. XI, стр. 197.—Двѣ рукоп. Дашкова на листкахъ (первая озаглавлена „Великая истина“ съ датой: 1836 г., степь гр. Орловой) рукопись В. Ѳ. Одоевскаго (въ Историч. музеѣ въ Москвѣ, л. 56) и рукоп. Публ. Библ. (въ витринѣ) совпадаютъ съ печатнымъ текстомъ. 2-ая рукоп. Публ. Библ. (въ бумагахъ Краевскаго) носитъ заглавіе „Великая истина“; въ ней послѣ 49 стиха слѣдуетъ:

Оно ея слава

Дата: 1836 г., степь гр. Орловой. Первая редакція этой думы носила заглавіе „Великая истина“.—Во 2-ой рукоп. Публ. Библіотеки 4-ая строфа отчеркнута красными чернилами. Объясненіе этого обстоятельства находимъ въ письмѣ Кольцова къ Краевскому 27 ноября 1836 г. (стр. 164). Здѣсь онъ поясняетъ смыслъ словъ „Свобода, свобода“... до: „Но слово: „да будетъ“. Объясненіе это важно отмѣтить потому, что Сребрянскій заявлялъ притязанія и на эту думу. Письмо Кольцова писано изъ Воронежа, а Сребрянскій жилъ въ это время въ Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе Кольцовъ далъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе непонятаго Я. М. Невѣровымъ мѣста. Это лучшее доказательства того, что дума создана Кольцовымъ, а Сребрянскому принадлежатъ, можетъ быть, только нѣкоторыя поправки. А между тѣмъ въ отрывкѣ изъ письма Сребрянскаго, напечатанномъ въ „Петербургскихъ Вѣд.“ 1867 г., № 88, говорится, что Кольцову въ ней принадлежатъ только слова: „На пестрой страницѣ широкой земли“. (Ср. слѣд. примѣч.).

81. „*Молитва*“ (стр. 77—78). Напеч. въ „Сборникѣ на 1838 годъ“, стр. 287—288.—Первая редакція этого стихотворенія „Слеза молитвы. Дума“ находится во II томѣ рукописей Дашкова, на отд. листкѣ; въ ней дата: 1836 г., Воронежъ. Варіанты:

13 На небо и землю
18 Положилъ печать
25 Слезу моей грустной

послѣ 28 слѣдуютъ еще 5 стиховъ, потомъ зачеркнутыхъ:

Холодное горе
30 Ея отогрѣто
Надеждой души
И дѣтскимъ довѣрьемъ
Святой Твоей волѣ.

Любопытно отмѣтить, что эта редакція совпадаетъ вполнѣ (кромѣ даты) съ приведенною въ письмѣ Сребрянскаго (19 февраля 1837 г.) „Слезою молитвы“; пять послѣднихъ стиховъ въ письмѣ не зачеркнуты. Тѣ же варіанты въ другой рукописи Дашкова (тетрадь VI), безъ даты и съ опущеніемъ пяти стиховъ.—Къ ней близки: 1) рукопись Публ. Библ., съ датой: „1836 г., степь гр. Орловой“ 2) рукопись кн. Одоевскаго (въ Историч. Музеѣ); въ послѣдней варіанты:

13 На небо и землю
18 Печать положилъ
25 Слезу моей грустной

Нѣсколько измѣненная редакція, совпадающая съ печатнымъ текстомъ, находится въ I тетради Дашкова. Въ ней читаемъ:

13 На небо, на землю
18 Налóжилъ печать
25 Слезу моей грѣшной.

Оканчивается 28-мъ стихомъ. Дата: 1837 г. Въ „Сборникѣ“ стихъ 18 „Печать наложилъ“ является, очевидно, поправкой редактора.

„Слеза молитвы“ упоминается въ письмѣ къ Краевскому 27 ноября 1836 г. (стр. 164); посланная Краевскому рукопись думы принадлежитъ теперь Публ. Библіотекѣ.

Въ № 88 „С.-Петерб. Вѣд.“ за 1867 г. въ корреспонденціи изъ Воронежа (по всей вѣроятности, М. Де-Пуле) помѣщены отрывки изъ письма Сребрянскаго, обвиняющаго Кольцова въ плагіатѣ. Въ приведенной въ текстѣ думѣ Сребрянскій подчеркнулъ стихи, принадлежащіе Кольцову, именно, стихи 12, 16, 17, 18, 22 и 23 и слова „на точку“ (въ стихѣ 14) и „ее“ (въ стихѣ 20). Корреспонденція вызвала большое волненіе. Нашлись и защитники Кольцова. Е. Сталинскій въ газетѣ „Донъ“ 1868, № 36 и 37 (ст. „Кольцовъ и Сребрянскій“) анализомъ стихотвореній Кольцова и его друга пытался установить фактъ полнаго различія ихъ настроеній и поэтическихъ формъ. Были и скептики, заподозрѣвшіе подлинность письма (статья Кромова въ газ. „Русскій“ 1867 г., № 23—24). Хотя собственникомъ письма обѣщано было полное изданіе его и пожертвованіе въ Публичную Библіотеку, но ни то, ни другое не было исполнено. До послѣдняго времени письмо считалось затерявшимся. О письмѣ мы сообщимъ ниже, въ обзорѣ литературы. Здѣсь же остановимся только на томъ странномъ сотрудничествѣ, которое проявили въ созданіи этой думы два поэта; причемъ одинъ изъ нихъ указалъ на шесть полныхъ стиховъ и на три слова, принадлежащіе другому... Невольно приходитъ въ голову вопросъ, какимъ же путемъ создавалась эта пьеса. Неужели подбирались отдѣльные стихи? Кому же принадлежитъ идея думы? Объ этомъ письмо не говоритъ. Кольцовъ, до конца жизни Сребрянскаго находившійся съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, не отрицавшій его сильнаго вліянія на себя, не могъ присвоить чужого. Положеніе Сребрянскаго, жившаго въ Петербургѣ, если бы онъ пожелалъ серьезно протестовать, было болѣе благопріятно, чѣмъ Кольцова, находившагося тогда въ отдаленномъ отъ столицы Воронежѣ. Между тѣмъ, протестъ свой противъ дѣйствій Кольцова Сребрянскій направилъ не въ среду столичныхъ литераторовъ, а брату, служившему на военной службѣ въ г. Чугуевѣ... Дѣло можетъ быть объяснено такъ: Три думы „Великая истина“, „Божій міръ“ и „Слеза молитвы“, идея и созданіе которыхъ принадлежатъ Кольцову, подверглись значительной передѣлкѣ подъ вліяніемъ указаній Сребрянскаго. Похвалы „Великой Истинѣ“, слышанныя имъ въ Петербургѣ, могли раздражить уже больного Сребрянскаго потому, что о вліяніи его на Кольцова никто не зналъ. Результатомъ раздраженія и явилось письмо. Что это раздраженіе было непродолжительно, видно изъ того, что дальнѣйшія отношенія Кольцова и Сребрянскаго были очень хороши. (См. примѣч. къ письму № 29).

Трудно рѣшить вопросъ о значеніи письма Сребрянскаго, хотя подлинность его едва ли подлежитъ сомнѣнію. Лица, признававшія его поддѣлку, должны допустить, что поддѣлыватель зналъ первоначальную редакцію „Молитвы“, зналъ, что въ первой редакціи „Великое слово“ было озаглавлено „Великая истина“. Найденный недавно отрывокъ (четвертая часть) письма изданъ П. Н. Щукинымъ въ брошюрѣ „А. П. Сребрянскій“ (Воронежъ 1910). Къ сожалѣнію, отрывокъ не даетъ достаточнаго матеріала для рѣшенія вопроса объ авторствѣ Сребрянскаго. Въ началѣ отрывка письма помѣщена *первая* редакція думы „Слеза молитвы“.

Если разсматривать „Молитву“ со стороны языка и стиля, то она должна быть признана несомнѣнно думою Кольцова. Объ этомъ говорятъ и повтореніе словъ при обращеніи („Спаситель, Спаситель!“), и вопросительная форма при переходахъ мысли, и повтореніе предлоговъ („На крестъ, на могилу“). Вообще, вся она написана въ одномъ духѣ, однимъ стилемъ, и едва ли возможно отличить тутъ стихи Кольцова и не Кольцова.

82. „*Могила*“ (стр. 78—79). Напеч. въ „Моск. Наблюд.“ 1838, т. XVI, стр. 569—570.—Первая редакція этого стихотворенія, безъ даты, въ рукоп. Дашкова на отд. листѣ (т. II). Варіанты:

21 Что жъ съ твоей невинной,
22 Чистою душою,
23 Ангелъ мимолетный?..
24 Вѣетъ надъ могилой,

Послѣ 34 стиха слѣдуетъ еще продолженіе:

35 И встаютъ видѣнья
Въ душѣ одинокой,
Завѣтныя думы,
Смутныя мечты.
Свяжите тотъ вѣтеръ!
40 Окуйте неволей
Тревожную душу!
Напрасно! Блуждая,
По доламъ, по горамъ,—
Она въ поднебесье
45 Отъ узъ улетитъ...
Не такъ ли, младенецъ,
Свободною мыслью
Уходишь ты въ небо,
Родное тебѣ...

Въ рукоп. Публ. Библ. послѣ 42 ст.: Осеннимъ туманомъ, дата: 1836, Воронежъ.

Вторая редакція, совпадающая съ печатной, въ I тетр. Дашкова, съ датой: 1836 г. Въ этой I тетради стихотвореніе заканчивается:

35 И встаютъ видѣнья
Въ душѣ одинокой...

83. „*Цвѣтокъ*“ (стр. 79). Напеч. въ „Сынѣ Отеч.“ 1838, т. II, стр.22—23.—Въ „Отеч. Зап.“ 1867, т. 170, стр. 823—824, напечатана по Воронеж. рукоп. между стихотвореніями 1829 г., съ датою 21 декабря, первоначальная редакція „Цвѣтка“, отличающаяся отъ окончательной, начиная съ 4-го стиха,

4 Чудесной, милой! Красотой
5 Какъ ты цвѣтешь, какъ ты алѣешь,
Росой заискрясь, пламенѣешь
И дышишь чѣмъ-то неземнымъ!
Но для кого въ степи широкой?..
Конечно, дѣвамъ молодымъ
10 Здѣсь не найти тебя далеко;
Быть можетъ, мой же конь ногой
Потопчетъ здѣсь тебя съ травой!
И я, съ душою нѣжной, страстной,
Сюда, вздыхая о прекрасной,
15 Въ прохладѣ утренней приду—
И ужъ тебя здѣсь не найду.
О дѣва, цвѣтъ моей души;

Такъ безмятежна ты въ тиши
Растешь, цвѣтешь красой небесной...
Но милой другъ, мой другъ прелестной,
Я ль, съ вѣрной, пламенной душой,
Путь жизни раздѣлю съ тобой?..

Рукописи Дашкова (на листкѣ) и И. Публ. Библ. совпадаютъ съ печатнымъ текстомъ, кромѣ

20 Не тронулъ ты степи своей

Въ рукоп. Публ. Библ. дата—1836 г.—обозначена рукою не Кольцова.

Въ письмахъ Кольцова (162, 165 стр.) сообщается о времени отдѣлки второй редакціи „Цвѣтка".—По замѣчанію проф. Владимірова („Критико-библіогр. замѣтки". Кіевъ. 1893, стр. 50), „Цвѣтокъ" представляетъ нѣкоторое сходство съ стих. Жуковскаго „Мотылекъ и цвѣтокъ" (1822); оно могло быть навѣяно „Цвѣткомъ" Жуковскаго (1810).

84. „*Пѣсня*" (Перстенечекъ золотой) (стр. 80). Напеч. въ „Отеч. Зап." 1841 г., т. XV, стр. 282, съ ошибочной датой: 1840.—Въ изд. 1846 г. дата: 1836.—Рук. Дашк. (отд. листокъ), безъ даты, имѣетъ варіанты:

10 Душа чувство проживетъ
12 Почернѣй ты самъ собой
13 Ты разсыпься самъ собой.

Упоминается въ письмѣ 1838 г. (стр. 186).

85. „*Раздумье селянина*" (стр. 80—81). Напеч. въ „Моск. Наблюд." 1838 г., т. XVI, апрѣль, кн. 2, стр. 565—566, подъ заглавіемъ „Русская пѣсня". Текстъ двухъ рукописей Дашкова совпадаетъ съ печатнымъ. Въ первой (тетр. II) дата: 9 апрѣля 1837 г. *Москва.*—Въ это время Кольцовъ не былъ въ Москвѣ. Вслѣдъ за этимъ идутъ стихотворенія 1838 г.—Въ изд. 1846 г. дата: 1837.

Въ статьѣ о Кольцовѣ („Сынъ Отеч.", 1852, № 4, стр. 70 и 76) В. Стоюнинъ приводитъ для сравненія съ „Раздумьемъ селянина" народныя пѣсни: одну, гдѣ говорится о раздумьѣ добраго молодца надъ синимъ кувшиномъ („Да спасибо же тебѣ, синему кувшину"), другую, начинающуюся словами: „Ой ты, дума моя, думушка".

86. „*Пора любви*" (стр. 81—83). Напеч. въ „Литер. Приб. къ Инвалиду" 1838, № 22, стр. 426, съ датой: 1837 г.; та же дата въ изд. 1846 г.—Рукоп. Дашкова (тетр. II) совпадаетъ съ изд. 1846 г. и нашимъ.—Рукопись кн. Одоевскаго (въ Историч. Музеѣ, безъ даты) ближе къ редакціи „Литературныхъ Прибавленій къ Р. Инвалиду". Отмѣтимъ варіанты:

3 Вся птичками пѣвучими
4 Полнымъ—полна, населена.
16 Не то, какъ разъ бѣду наслушаешь:
Послѣ 21 Блеснула мысль, какъ молнія,
Зажгла любовь сердечушко,
Запала въ грудь недобрая
25 Что рѣченька глубокая:
26 Со дна песка не выкинетъ;
40 Нельзя никакъ; жди череди.
47 Наружи кладъ—да взять нельзя.

Поправки въ стихахъ 40 и 47 (череду, наружѣ) сдѣланы въ рукописи Дашкова рукою Бѣлинскаго.—(Упом. въ письмахъ, на 172, 175, 187 стр.)— „Пора любви" близка къ „Русской пѣснѣ" Дельвига (Скучно, дѣвушки, весною жить одной) („Соч. Дельвига, подъ ред. В. Майкова". Спб. 1893, стр. 66).— Не безъ труда далась Кольцову эта прекрасная пѣсня, о чемъ сообщаетъ М. Катковъ, долгое время хранившій черновой набросокъ стихотворенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ говоритъ: „Помню, какое электрическое дѣйствіе произвела на друзей Кольцова эта пьеса, когда въ ней оказались слѣдующіе стихи: „Стоитъ она, задумавшись, Дыханьемъ чаръ овѣяна"... („Рус. Вѣстн." 1856, т. VI, стр. 169).

87. *„Лѣсъ"* (стр. 83—85). Напеч. въ „Сынѣ Отеч." 1838 г., т. II, стр. 17—20.—Въ рукоп. Дашкова (тетр. II) текстъ совпадаетъ съ текстомъ изд. 1846 г. (дата: 1837 г.).—Небольшихъ варіантовъ „Сына Отеч." и изъ статьи А. Юдина (1846 г.) не приводимъ. Рукопись кн. Одоевскаго (Историч. Музей въ Москвѣ) имѣетъ варіанты:

16 И разсыпалъ въ прахъ
58 Мощь зеленая?
64 На безвременье... (Тоже рук. Д.)
67 Всю ты жизнь свою

Первымъ откликомъ Кольцова на смерть Пушкина было письмо отъ 13 марта 1837 г. къ Краевскому, наполовину написанное стихами (стр. 168).

88. *„Ура!"* (стр. 85—86). Напеч. въ „Литер. Приб. къ Инвалиду" 1838 г., № 10, стр. 189—190.—Редакторъ (А. А. Краевскій) снабдилъ это стихотвореніе слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Читатели наши вѣрно уже слышали о дарованіи г. Кольцова, того простолюдина-поэта, который, будучи влекомъ благородной страстью къ высокому искусству, самъ образовалъ себя чтеніемъ лучшихъ нашихъ писателей (иностранныхъ языковъ онъ не знаетъ) и, при врожденномъ талантѣ, продолжаетъ теперь упражняться на этомъ поприщѣ, къ которому предназначила его природа. Помѣщенное здѣсь стихотвореніе внушено ему было прибытіемъ въ Воронежъ (мѣсто жительства г. Кольцова) Государя Императора, Государыни Императрицы и Государя Цесаревича, Наслѣдника престола. Въ скоромъ времени мы сообщимъ читателямъ еще нѣсколько новѣйшихъ стихотвореній г. Кольцова. Замѣтно, что талантъ его развивается все болѣе и болѣе." Объ этомъ-то примѣчаніи выразился Кольцовъ въ письмѣ къ Бѣлинскому: „Краевскій напечаталъ „Ура" съ ужаснѣйшей похвальбой, надѣясь еще печатать мои новыя [пьесы]" (стр. 181; см. еще 172, 176, 187 стр. и примѣч. къ письму 18).

Въ рукоп. Дашкова (тетр. II, съ датой: 1837 г.) есть еще одинъ перечеркнутый карандашомъ куплетъ, слѣдующій послѣ третьяго:

Ходитъ окликъ по горамъ,
По долинамъ, по морямъ:
Трубы русскія трубятъ,
Браво ходитъ нашъ солдатъ
Передъ царскою семьей—
Онъ шумитъ, гремитъ: ура!

89 и 90. „*Пѣсни Лихача Кудрявича*“ (стр. 86—90). Напеч. въ „Утренней зарѣ“ 1839 г., стр. 195—200.—Рукоп. Дашкова (тетр. II) совпадаютъ съ изд. 1846 г. (дата: 1837 г.); у Дашкова есть листокъ съ этими же пѣснями, писанный рукою П. Мочалова.

Интересно отмѣтить, что въ рукописи кн. Одоевскаго (Историческій Музей) „Первая“ пѣсня Лихача названа „другой“, а вторая считается тамъ первой; въ этой же рукописи обѣ „Пѣсни Лихача“ начинаются одинаково:

Съ радости веселья
Хмѣлемъ кудри вьются

Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ П. Анненковъ отмѣчаетъ, что въ разгарѣ философскаго настроенія у В. П. Боткина шелъ идейный споръ при радостномъ, оживленномъ подъемѣ. „Кольцовъ, не вполнѣ разумѣвавшій основанія восторженныхъ рѣчей своихъ друзей,… самъ просвѣтлѣлъ и, удалившись въ кабинетъ хозяина, сѣлъ за письменный его столъ и возвратился черезъ нѣсколько минутъ къ пріятелямъ съ бумажкою въ рукахъ. „А я написалъ пѣсенку“, сказалъ онъ робко и прочелъ „Пѣснь Лихача Кудрявича“, пьесу, въ которой по-своему какъ бы отвѣчалъ и вторилъ шумной рѣчи молодыхъ московскскихъ энтузіастовъ“. Если это такъ, то набросокъ первой пѣсни явился въ 1836 г.

Бѣлинскій ставилъ эти пѣсни выше всякихъ похвалъ. (Соч. IV, 81). Сильная народная струя въ нихъ несомнѣнна. В. Стоюнинъ („Сынъ Отеч.“ 1852 г., № 4, 73—74) отмѣчаетъ близкую по духу народную пѣсню „Коли будетъ совѣтъ да любовь“. Отмѣтимъ пословицу: „Отъ радости кудри вьются“ отъ горя сѣкутся“ (М. Дикаревъ. „Пословицы… Воронежской губ.“, въ „Ворон. этногр. сборн.“ 1891 г., стр. 75). Ср. разборъ „Второй пѣсни Лихача Кудрявича“ въ „Филолог. Запискахъ“ 1870 г., I.

91. „*Горькая доля*“ (стр. 89—90). Напеч. въ „Сынѣ Отеч.“ 1838 г., т. II, стр. 99—100.—Рукоп. Дашкова (тетр. II) имѣетъ дату: 4 августа 1837 г. и совпадаетъ съ изд. 1846 г.—Въ рукописи кн. Одоевскаго (Историческій Музей) варіантъ

12 И та измѣнила!

Очень можетъ быть, что эта пьеса носила заглавіе „Грусть удалова“ (см. стр. 172).

92. „*Два прощанія*“ (стр. 90—92). Напеч. въ „Литер. Приб. къ Инвалиду“ 1838 г. № 25, стр. 486. Рукоп. Дашкова (тетр. II) имѣетъ дату: 18 сентября 1837 г. и почти совпадаетъ съ изд. 1846 г. Поправки ст. 37, 47 и 63 сдѣланы въ рукописи неизвѣстною намъ рукою; у Кольцова (и въ „Сынѣ Отеч.“) они читались:

37 Но и теперь
47 И дó-воли
63 Но я люблю

Въ рукописи кн. Одоевскаго (Историческій Музей) стихи 35—38 и 49—50 отсутствуютъ. Варіанты:

53 Въ лицо мое
63 Но я люблю

93. „*Вопросъ*“ (стр. 92—94). Напеч. въ „Моск. Наблюд.“ 1838 г., т. XVI.— Рукоп. Дашкова (тетр. II) имѣетъ дату: 20 сентября 1837 г. и совпадаетъ съ изд. 1846 г.—Другая рукопись на листкѣ, безъ даты, имѣетъ варіанты:

9 Выдь на берегъ,
27 Что жъ мнѣ сдѣлать
68 Въ безднахъ моря,
75 Иль на вѣки

Въ этой же рукописи два короткихъ стиха соединены въ одинъ, какъ въ стих. „Человѣческая мудрость“.

94. „*Человѣческая мудрость*“ (стр. 94—95). Напеч. въ „Литерат. Приб. къ Инвалиду“ 1838 г., № 12, стр. 248.—Это особая редакція предыдущей думы „Вопросъ“ (упом. въ письмѣ къ Краевскому, на стр. 172). Эта редакція напоминаетъ стих. Шиллера „*Das menschliche Wissen*“ („Человѣческое знаніе“—въ русскомъ переводѣ Ѳ. Миллера).

95. „*Двѣ жизни*“ (стр. 95—96). Напеч. въ „Литер. Приб. къ Инвалиду“ 1838 г., № 12, стр. 248.—Рукоп. Дашкова (тетр. II), съ датой: 1837 г., совпадаетъ съ изд. 1846 г.—Варіанты въ „Литер. Приб.“:

7 И это — жизнь Святова Духа:
8 Она долга, — долга, какъ Божья вѣчность

96. „*Царство мысли*“ (стр. 96). Напеч. въ „Современникѣ“ 1838 г., т. IX, стр. 139. Въ рукоп. Дашкова (тетр. II, дата: 1837 г.) за 24-мъ слѣдуютъ еще 3 зачеркнутые стиха:

25 И какъ великъ, какъ счастливъ человѣкъ,
Благоговѣйно, тихо созерцая
Поэзію святую—Божьей мысли!

Другая рукоп. Дашкова (безъ даты) имѣетъ варіанты, совпадающіе съ текстомъ въ „Соврем.“:

20 Въ глубокомъ снѣ разряженнаго камня
22 И въ дикой силѣ львиной мышцы крѣпкой
24 Всюду—она одна, идея бытія!

В. Ярмерштедтъ въ ст. „Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія Кольцова“ („Вопросы философіи и психологіи“ 1893, ноябрь, кн. 20, стр. 109) и недавно Л. Ильинскій („Рус. Филологич. Вѣстникъ“ 1910, № 1, стр. 178—179) указываютъ на отраженіе въ этой думѣ идей Бѣлинскаго, высказанныхъ имъ въ статьѣ „Литературныя мечтанія“.

97. „*Измѣна суженой*“ (стр. 97). Напеч. въ „Моск. Наблюдат.“ 1838 г., т. XVII, іюнь, кн. 1, стр. 387—388 („Пѣсня“) и въ „Отеч. Зап.“ 1839 г., т. I, стр. 87. Обѣ рукоп. Дашкова: 1) въ тетради II, съ датой: 20 генваря 1838 г., Москва, 2) на отд. листкѣ, безъ даты,—имѣютъ текстъ тотъ, что въ изд. 1846 г. Тотъ же текстъ въ рукописи (не автографъ) Воронежскаго Губ. Музея.— Варіантовъ изъ „Моск. Наблюд.“ и изъ статьи А. Юдина (1846 г.) не сообщаемъ. В. Стоюнинъ (въ „Сынѣ Отеч.“ 1852 г. № 4, стр. 71) приводитъ для сравненія народную пѣсню о безталанномъ молодцѣ: „Ахъ ты сердце, мое сердце“.

98. „*Къ милой*“ (97—98). Напеч. въ „Моск. Наблюд.“ 1838 г., т. XVI, мартъ, кн. 2, стр. 204—205, и въ „Соврем.“ 1838 г., т. XII, стр. 92.—Въ рукоп.

Дашкова (тетр. II) дата: 1 февраля 1838 г., Москва; въ стихѣ 21 „прояснилъ" измѣнено рукою Бѣлинскаго „озарилъ".—2-ая рукоп. Дашкова на листкѣ, безъ даты; въ ней варіанты:

16 Чудеснѣй храма Божества!
21 Святой любовью прояснилъ,

Варіантовъ изъ „Соврем." не приводимъ, такъ какъ они принадлежатъ, вѣроятно, редактору журнала.

По мнѣнію Бѣлинскаго, стихотворенія „Къ милой" и „Примиреніе" посвящены Дунѣшѣ. У насъ нѣтъ увѣренности принять это мнѣніе.

99. „*Пѣсня*" (Ахъ, зачѣмъ меня) (стр. 98—99). Напеч. въ „Московск. Наблюд." 1838 г., т. XVII, май, кн. 2, стр. 215—216.—Рукоп. Дашкова (тетр. II) сходна съ изд. 1846 г. и имѣетъ дату: 5 апрѣля 1838 г., Москва. Послѣ 2-ой строфы слѣдовали еще 8 стиховъ (потомъ перечеркнутыхъ):

Хорошо глядѣть
На цвѣтистой садъ,
Хорошо гулять
Лѣтомъ по полю;

Каково жъ смотрѣть
На немилова,
Цѣлый вѣкъ съ нимъ жить,
Мукой мучиться?

Во 2-ой рукоп. Дашкова (чистовой, на листкѣ) эти 8 строкъ опущены.— Въ обѣихъ рукописяхъ стихъ

28 На полъ сыпится.

По сюжету эта пѣсня очень близка къ народнымъ; срв., напр.: „Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы".

100. „*Послѣдній поцалуй*" (стр. 99—100). Напеч. въ „Отеч. Зап." 1839 г., т. II, 275.—Въ рукоп. Дашкова (тетр. II), съ датой: 12 апрѣля 1838 г., Москва,— послѣ 10-го слѣдовали еще два стиха:

Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня (то же въ „Отеч. Зап.").

Въ ст. 26 „разберись" передѣлано потомъ на „разрядись" . (Въ „Отеч. Зап.": разберись). Другой списокъ этой пѣсни, сдѣланный рукою Мочалова, совпадаетъ съ текстомъ „Отеч. Зап.".

101. *Деревенская бѣда* (стр. 101—102). Напеч. въ „Моск. Наблюд." 1839 г., ч. I, стр. 9—11, подъ заглавіемъ „Русская пѣсня". Въ рук. Дашкова (тетр. II) съ датою: Москва 1838, мая 14 дня, полночь,—ст. 25—28 перечеркнуты; ихъ нѣтъ въ „Моск. Набл." и въ отд. листкѣ Дашкова (безъ даты, съ заглавіемъ „Сельская бѣда"); въ послѣднемъ—слова въ ст. 13 „съ улицы" подчеркнуты.—Незначительныхъ варіантовъ не приводимъ.

102. „*Примиреніе*" (стр. 103—104). Напеч. въ „Моск. Набл." 1838 г., ч. XVIII, августъ, кн. 1, стр. 302—303, и въ „Соврем." 1841 г., т. XXI. (См. письмо къ Бѣлинскому на стр. 244). Рукоп. Дашкова (тетр. V) имѣетъ дату: 30 іюня 1838 г., Москва; рукоп. Публ. Библ. (тетр. Жуковскаго)—безъ даты. „Въ Моск. Набл." есть варіанты первой редакціи стихотворенія; нѣкоторые изъ нихъ появляются и въ рукоп. Дашкова, гдѣ они зачеркнуты и передѣланы.

11 На смертный бой судьбу я вызвалъ,
12 Противъ гиганта грудью сталъ,

Схватилъ его въ объятьяхъ мощныхъ,
И этотъ страшный призракъ
Упалъ, — и все кругомъ меня
Склонилося безмолвно ницъ.
А я стоялъ, смотрѣлъ на небо

После 23 Ни низкими дарами счастья

34 и 35, 40 и 41 пропущены.

Въ письмѣ къ Бѣлинскому (28 сентября 1839 г.) Кольцовъ пишетъ: „Въ „Примиреніи" я то мѣсто, что говорили, поправилъ и отмѣтилъ черточками нѣсколько стиховъ; не угодно ли будетъ выкинуть . . . „(стр. 202). Поправки эти въ рукоп. Дашкова касаются варіантовъ, приведенныхъ нами изъ „Моск. Набл."; стихи 29—33 отмѣчены черточками, которыя потомъ зачеркнуты. Въ отрывкѣ „Примиренія" на отд. листкѣ (конецъ стихотворенія) въ рукоп. Дашкова черточками отмѣчены тѣ же стихи.

Любопытно сравнить ст. 33 съ поговоркою „одною жизнью живутъ" (№ 99 въ „Воронежскомъ этногр. сборникѣ" Дикарева. 1891).

Относительно датъ стихотвореній „Примиреніе", „Міръ музыки" и „Пѣсни" (Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ) необходимо указать, что онѣ вызываютъ сомнѣнія. 20 іюня и 10 іюля 1838 г. Кольцовъ былъ уже не въ Москвѣ, а въ Воронежѣ; отъ 15 іюня этого года сохранились два письма его изъ Воронежа: къ Бѣлинскому и Краевскому. Правда, они писаны, по всей вѣроятности, очень скоро послѣ пріѣзда поэта на родину. Въ письмѣ къ Бѣлинскому (стр. 186) Кольцовъ говоритъ о послѣднихъ двухъ мѣсяцахъ жизни въ Москвѣ; а такъ какъ 30 марта поэтъ еще былъ въ Петербургѣ, что видно изъ его письма къ Краевскому, то, очевидно, въ Москвѣ онъ былъ въ апрѣлѣ, маѣ и началѣ іюня. — Поэтому мы рѣшаемся измѣнить въ датахъ первыхъ двухъ стихотвореній *іюнь* на *май,* а въ датѣ „Пѣсни" *іюль* на *іюнь.* Послѣднее стихотвореніе не могло быть написано 10 іюля потому, что въ письмѣ Бѣлинскаго къ Бакунину отъ 20 іюня 1838 г. мы находимъ варіантъ третьяго куплета „Пѣсни":

Соловьемъ залетнымъ
Молодецъ засвищетъ,
Безъ пути, безъ свѣта
Свою долю сыщетъ.

(А. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изд. 2. СПБ. 1908, стр. 172).

Что касается „Міра музыки", то рукописная дата этого стихотворенія: Москва 1838 г., вечеръ музыкальный у Боткина.

103. „*Міръ музыки*" (стр. 104). Напеч. въ „Моск. Набл." 1839, ч. I, стр. 31 („Концертъ"), въ „Лит. Приб. къ Инвалиду" 1839, т. 1, № 1, стр. 39.—Въ I тетради Дашкова записаны первоначальный набросокъ стихотворенія и окончательная его отдѣлка, совпадающая съ обычнымъ текстомъ; послѣдняя имѣетъ дату: Москва 1838 г., вечеръ музыкальный у Боткина. Въ „Моск. Набл." дата: 1838 г., 20 іюня. (См. примѣч. къ стих. 102). Въ „Моск. Набл." варіанты:

7 И въ пространствѣ безпредѣльномъ
15 Безконечною любовью
18 Изчезайте вы во мглѣ

Въ „Литер. Приб. къ Инвалиду“ варіанты:

7 Въ тихомъ, сладостномъ забвеньи
16 Озарила міръ земной.

Нѣкоторые изъ этихъ варіантовъ встрѣчаются и въ первоначальномъ наброскѣ, имѣющемъ заглавіе „Пѣсня“. Изъ этого наброска видно, какъ работалъ надъ своими рукописями Кольцовъ. Ему удались сразу куплеты I, III, V; II же и IV подверглись значительной переработкѣ; мы видимъ, какъ онъ подбиралъ образныя выраженія, будучи недоволенъ тѣми, которыя явились первоначально. Такъ, мы найдемъ здѣсь: „очарованный мечтой, (упиваюся) наслаждаюся душой, обнимая міръ собою, погружаюся мечтой, погрузился я душой“, „въ безпредѣльномъ наслажденьи (забвеньи), въ царствѣ вѣчномъ наслажденья“ и т. д.

Текстъ другой рук. Дашкова (листокъ безъ даты) совпадаетъ съ обычнымъ. О написаніи „Міра музыки“ см. письмо на стр. 222 и примѣчаніе къ этому письму.

104. „*Пѣсня*“ (Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ) (стр. 105). Напеч. въ „Моск. Набл.“ 1839, ч. I, стр. 26—27.—Въ тетр. II Дашкова (дата: 10 іюля 1838 г., утро 12 час., Москва) стихъ 18 „Не судьба людская“ передѣланъ на „Доля не людская“.—Рукоп. Дашкова на отд. листкѣ (безъ даты):

18 Не судьба людская

Въ VI тетр. Дашкова (безъ даты)

18 Доля не людская

Во всѣхъ рукописяхъ и въ „Моск. Наблюдателѣ“ заглавіе: „Русская пѣсня“.

Относительно даты см. примѣчаніе къ стих. 102.

105. „*Послѣдняя борьба*“ (стр. 105—106). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. XVIII, стр. 160.—Въ III тетр. Дашкова дата: 1838, сентября 20; здѣсь первоначальный набросокъ, со многими поправками; послѣ второго куплета слѣдовали еще два куплета, довольно слабые и потомъ зачеркнутые:

(И теперь вотъ надо мною)
Тѣ же бури надо мною
(Идутъ страшныя опять)
Такъ же идутъ и шумятъ.
Но спасаетъ подъ грозою
Чистой вѣры благодать.

Съ ней покойно я любуюсь
(На ихъ вѣчную вражду),
На житейскую вражду;
Въ морѣ бѣдъ земныхъ волнуюсь—
И погибели не жду.

Рукоп. Публ. Библ. (тетрадь Жуковскаго) и 2-я Дашкова (на листкѣ) не имѣютъ датъ и варіантовъ. Въ письмѣ къ Бѣлинскому (28 сентября 1839 г.) Кольцовъ писалъ: „Послѣдняя борьба“, можетъ, пахнетъ Пушкинымъ,—не скрою; но въ ней своя форма, свои слѣдствія битвы“. Кольцовъ разумѣлъ здѣсь „Предчувствіе“ Пушкина (1828 г.), начинающееся стихомъ: „Снова тучи надо мною“.

106. „*Пѣсня разбойника*“ (стр. 106—107). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1840 г., т. XI, № 7, стр. 147.—Въ V тетр. Дашкова дата: 15 октября 1838 г.; первоначальное заглавіе было „Сенька Разинъ“, потомъ зачеркнутое. На поляхъ

карандашомъ приписанъ еще одинъ куплетъ, который долженъ былъ слѣдовать послѣ куплета четвертаго:

Среди лѣта, среди краснова
Что ты грустно, поле чистое?
Послѣ дождя благодатнова
О чемъ воешь ты, дремучій лѣсъ?

Важны упоминанія о „Пѣснѣ" въ письмахъ Кольцова (стр. 191, 202, 223).

107. *„Бѣдный призракъ"* (стр. 107—108). Напеч. въ „Отеч. Зап." 1841 г., т. XVI, стр. 132.—Первоначальная редакція сохранилась на отдѣльномъ листкѣ, на которомъ Бѣлинскій отмѣтилъ только два хорошихъ стиха (см. выше, стр. 334). Приводимъ варіанты этой первой редакціи:

1 Въ несчастіи страдать о счастьи,
2 До смерти больно—мочи нѣтъ
14 Пришелъ ихъ счастіе присвоить (разрушить)
16 Свое имъ (насильно) горе передать
17 И вотъ на старость лѣтъ
18 Мнѣ не съ кѣмъ слова перемолвить
20 И доброй ночи пожелать
21 Приди хоть ты!.. (Придешь ли ты?..) Но съ этой мыслью
24 И страшно мучіетъ меня.

Измѣненія этой редакціи, приближающія ее къ обычному тексту, сдѣланы въ V тетради Дашкова. Часть поправокъ внесена и въ листокъ (рук. Дашкова), съ датою, писанною рукою Бѣлинскаго: 1838 г., октября 20.

„Бѣдный призракъ" упоминается въ письмахъ Кольцова къ Бѣлинскому (стр. 192, 202).

108. *„Бѣгство"* (стр. 108—109). Напеч. въ „Соврем." 1839, т. XIV, стр. 159. Текстъ „Соврем." близокъ къ рукоп. Публ. Библ. (тетр. Жуковскаго). Незначительные варіанты:

13 Я чрезъ рѣку, огородомъ
34 Есть гдѣ будетъ отдохнуть
37 Будемъ жить съ тобой мы пански

измѣнены въ рукоп. Дашкова (въ тетр. V, съ датой: 13 декабря 1838 г.) соотвѣтственно тексту изд. 1846 г.; поправка стиха 34 сдѣлана рукою Бѣлинскаго.— „Бѣгство" имѣетъ отдаленное сходство съ стих. Пушкина „Козакъ" (1814 г.)—Въ Воронежской губ. есть поговорка „жить панъ-паномъ" (Дикаревъ, н. изд. № 1885).

109. *„Товарищу"* (стр. 110). Въ изд. 1846 г., дата: 1838 г.—Рукоп. Дашкова (въ тетр. V, безъ даты) даетъ черновой набросокъ, подъ заглавіемъ „Старому товарищу", и окончательную редакцію, совпадающую съ изд. 1846 г. Варіантовъ наброска не приводимъ.

110. *„Я дома"* (стр. 111). Напеч. по Воронежской рук. въ „Отеч. Зап." 1867 г., т. 170, стр. 826. Первоначально появилось въ „Литер. Приб. къ Инвалиду" 1839 г., т. II, № 9, стр. 170, съ подписью: *Лѣсникъ,* и съ примѣч.: „Сообщено А. В. Кольцовымъ". Послѣднее обстоятельство вызываетъ нѣкоторыя со-

мнѣнія въ принадлежности стихотворенія Кольцову, хотя по духу, стилю и даже по біографическимъ совпаденіямъ оно можетъ быть признано Кольцовскимъ.

111. „*Предъ образомъ Спасителя*“ (стр. 111—112). Изд. 1846 г.— Текстъ рук. Д. (тетр. V, съ датою: 20 февраля 1839 г.) и Публ. Библ. (тетр. Жуковскаго) безъ варіантовъ.—Въ рукоп. Дашкова заглавіе: „Дума предъ образомъ Спасителя“.

112. „*Путь*“ (стр. 112—113). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1839 г., т. IV, стр. 81.— Рукоп. Д. (тетр. V, съ датой: 10 марта 1839 г.) и Публ. Библ. (тетр. Жуковскаго) съ незначительными варіантами.

113. „*Пѣсня*“ (Въ непогоду вѣтеръ) (стр. 113—114). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1840 г., т. XI, № 7, гдѣ есть варіанты; приводимъ важнѣйшіе:

1 Цѣлый день на небѣ
2 Солнушко сіяетъ;
3 Цѣлый вѣкъ мнѣ душу
4 Злая грусть терзаетъ.
7 Цѣлый вѣкъ любовью

13 Гдѣ жъ ты, моя душка,
Разошлась со мною?
15 Что жъ ты, моя доля,
Пала предъ судьбою?

Они находятся и на поляхъ рукоп. Д. (въ тетр., V, съ датой: 5 августа 1839 г.), рядомъ съ обычнымъ текстомъ. Есть незначительные варіанты и въ рукоп. Публ. Библ.

114. „*Тоска по волѣ*“ (стр. 114—115). Нап. въ „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. XIV, кн. 2, стр. 272, съ датой: 2 сентября 1839 г.: та же дата въ рукоп. Д. (тетр. V), имѣющей нѣсколько варіантовъ. „Тоска по волѣ“ въ рукоп. Д. передѣлывалась подъ вліяніемъ указаній Бѣлинскаго (см. выше стр. 202).

115. „*Хуторокъ*“ (стр. 115—117). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1840 г., т. VIII.—Рукоп. Публ. Библ. (тетр. Жуковскаго) и Д. (тетр. V съ датою: 5 сентября 1839 г.). Варіанты рукописей незначительны.—Интересно отмѣтить мнѣніе самого Кольцова о „Хуторкѣ“ (см. стр. 203, письмо къ Бѣлинскому, а также примѣчаніе къ этому письму).

116. „*Къ* *** (стр. 118). Изд. 1846 г. Первоначальная редакція съ поправками, въ V тетр. Д., съ датою: 10 сентября 1839 г.; та же дата и подъ переписаннымъ начисто стихотвореніемъ (отд. лист. Д.). Варіанты послѣдней рук., гдѣ заглавіе стих. „Къ ней же“:

(передъ 1 ст.)

Ты не взяла меня съ собою:
5 Но этотъ путь далеко ли пройдетъ?
6 Но что? Какія впечатлѣнья
послѣ 7 И чѣмъ вдали твои желанья
Навѣки могутъ обладать?
9 Съ тобою есть ли хоть одинъ?
16 Одна ты грустная стоишь
17 Одна предъ сыномъ Божьимъ

18 Рѣкой ты слезы льешь
21 Постой: Дай руку мнѣ: еще [есть время.
Послѣ 23 Какъ зябну я съ тобой!
И какъ намъ тѣсно, тяжело
На путь оставленный взойтить
Но я взялся, но я пойду
И до конца тебя не брошу,

Въ тетр. V много поправокъ Кольцова, приближающихъ стих. къ обычной редакціи. Оно посвящено В. Г. Лебедевой, о которой говоритъ поэтъ въ письмахъ къ сестрѣ (стр. 232) и къ Бѣлинскому (стр. 247 слл.).

117. „*Не разливай волшебныхъ звуковъ*“ (стр. 119). Нап. въ „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. XV, стр. 263.—Въ изд. 1846 г. дата: 1839 г. Въ V тетр. Д. дата: 15 сентября (рукою Бѣлинскаго приписано: 1839 г.), здѣсь первоначальная редакція; съ небольшими имѣненіями она повторена въ рук. Публ. Библ. и на отд. листкѣ Д. (дата: 15 сентября). Варіанты первой редакціи:

4 Твоя вся жизнь — какъ свѣтлый день (такъ и въ „Отеч. Зап.“)
Вся жизнь твоя — какъ свѣтлый день (рукою Бѣлинскаго)

Стихи 7 Они въ твоихъ видѣньяхъ чудныхъ
8 До рая — неба возведутъ;

измѣнены потомъ такъ, какъ читаются въ изд. 1846 г.; въ стихѣ

8 Въ твоихъ видѣньяхъ разовьютъ (такъ и въ рук. Публ. Библ.)

рукою Бѣлинскаго исправлено: разольютъ

Въ 12 стихѣ два варіанта: 1) „Святаго Духа благодать“ и 2) принятый въ изд.; послѣдній предпочтенъ, повидимому, подъ вліяніемъ Бѣлинскаго, рукою котораго и написанъ въ тетр. Д. — Варіантъ былъ и для стиха 15; первоначально: „Мгновенно ото сна пробудятъ“. Послѣ 16 стиха въ обѣихъ рукоп. Д.:

Иныхъ духовъ одѣнутъ лица
Въ пустую даль на гибель поведутъ.
И въ безконечномъ сожалѣньи
Терзать мученьями начнутъ.

Стихи 23 и 24 читались въ обѣихъ рукоп. Д. такъ:

Ни мертвой ни живой воды
Я не найду ужъ никогда

Потомъ они измѣнены въ одной изъ нихъ (тетр. V).

118. „*Что ты спишь, мужичокъ?*“ (стр. 119—121). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. XIV, стр. 155. Первоначальная редакція въ V тетр. Д., съ датою: 25 сентября 1839 г., имѣла заглавіе: „Русачку-мужичку“, „Къ сонѣ земляку“, „Лѣнивцу“. Въ рукоп. Публ. Библ. (тетр. Жуковскаго) заглавіе „Земляку“. Не приводя другихъ незначительныхъ варіантовъ, укажемъ, что въ рукоп. Д. послѣ 20 стиха слѣдовали еще восемь, потомъ перечеркнутыхъ:

Что ты спишь, мужичокъ?
Что ты дурь напустилъ?
Чѣмъ твой вѣкъ вѣковать,
Знать совсѣмъ позабылъ.

Или руки твои
Работать не могутъ?
Иль въ пустой головѣ
Нѣтъ ума ни на грошъ?

119. „*Пѣсня*“ (Говорилъ мнѣ другъ прощаючись) (стр. 121—122). Напеч. въ „Отеч. Зап“. 1840 г., т. IX, стр. 212. — Рук. Д.: 1) на отд. листкѣ, съ датою: 2 ноября, 2) въ тетр. V (начало стих.) и III (конецъ его, съ датой: 2 ноября). Незначительныхъ варіантовъ не приводимъ.

120. „*Лѣсъ. Дума*“ (стр. 122—123). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1840 г., т. XIII.—Первоначальную редакцію находимъ въ рукоп. Публ. Библ., при письмѣ къ В. А. Жуковскому отъ 1 декабря 1839 г. (см. выше. стр. 208,

211, 222, 233), а также въ тетради III Д. и на отд. листкѣ Д. (дата: 10 ноября). Главнѣйшіе варіанты ея:

2 Какія въ немъ чернѣютъ думы?
3 Ужель въ его суровомъ царствѣ
5 Коня скорѣй! Какъ соколъ ясный,
10 Хотѣла землю всю обнять...
15 Изъ глубины своей выходятъ —
20 Печаль глубокая лежитъ...
23 Въ забвенье душу погружаетъ,
24 И воскрешаетъ чувство въ ней?
25 Ужели въ насъ живая воля
26 Такой свободою живетъ,
27 Что нужно ей въ предѣлахъ смерти.

Подъ вліяніемъ указаній Бѣлинскаго (см. стр. 222—223) поэтъ пытался ее исправить. Всѣ поправки первоначальной редакціи можно видѣть въ III тетр. Д. (дата: 10 ноября), гдѣ измѣненныя мѣста перечеркнуты, и надъ ними написанъ новый текстъ. Вторая рукоп. Публ. Библ. (въ тетради Жуковскаго) и вторая рук. Д. (на отд. листкѣ) — соотвѣтствуютъ новой редакціи. Мелкихъ разночтеній не приводимъ.

121. *„Пѣсня“* (Безъ ума, безъ разума) (стр. 123). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1840 г., т. X, стр. 133.—Рук. Д.: 1) въ тетр. V, съ датою: 15 ноября 1839 г. 2) на отд. листкѣ, съ датою: 15 ноября, имѣютъ заглавіе „Русская пѣсня“. Незначительныхъ варіантовъ не приводимъ.—Стихотвореніе навѣяно народными пѣснями. (Ср., напр., пѣсню: „Не давай меня, батюшка, замужъ“).

122. *„Посланіе В. Г. Бѣлинскому“* (стр. 124—125). Напеч. впервые въ изд. А. Лященка, 1893 г., по двумъ рук. Д.: 1) на отд. листкѣ (переписано начисто), съ датою: 16 ноября 1839 г., 2) въ тетр. III (начало) и V (конецъ), съ тою же датою, — первоначальный набросокъ. — Мы полагаемъ, что на этомъ „Посланіи“ сказалось вліяніе стихотворенія Н. В. Станкевича „Подвигъ жизни“ („Н. В. Станкевичъ“. Москва. 1900 г., стр. 61 — 62).—Варіантовъ не приводимъ.

123. *„Дума сокола“* (стр. 125—126). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1840 г., т. X, стр. 132. — Рукоп. Д. 1) на отд. листкѣ, съ датою: 15 генваря 1840 г., 2) въ V тетр., съ тою же датою, 3) Публ. Библ. (тетр. Жуковскаго), безъ даты. — Варіантовъ не приводимъ.

124. *„Пѣсня“*. (Свѣтитъ солнышко) (стр. 126—127). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1840 г. т. X, стр. 133. Двѣ рукоп. Д. 1) въ V тетр., 2) на отд. листкѣ, обѣ съ датою: 12 февраля 1840 г. и съ заглавіемъ „Русская пѣсня“. Въ первой изъ нихъ были еще 8 стиховъ:

И пришла она
Къ сѣдымъ кудрямъ,
А сѣдымъ кудрямъ
Что надобно?
Межъ друзей сижу,
(На добро гляжу),
Друзей ищу,
По людямъ хожу
Душой грущу.

Рукоп. Публ. Библ. (тетр. Жуковскаго) и рукоп. Д. имѣютъ варіанты:

1 Грѣетъ солнышко (тоже въ „Отеч. Зап.“)
7 Тучи плавали (Публ. Библ.)
7 (Тучки плавали)
Тучки шли надъ ней (отд. л. Д.)

13 И всѣ пташечки („Отеч. Зап.")
13 И все пташечки (отд. л. Д.)

125. *„Пѣсня"* (Не скажу никому) (стр. 127—128). Напеч. въ „Утренней Зарѣ" 1841 г., стр. 9 („Русская пѣсня"). Рукоп. Д.: 1) въ V тетр., 2) на отд. листкѣ, обѣ съ датою: 26 февраля 1840 г. Рукоп. Публ. Библ. (тетр. Жуковскаго) безъ даты. Въ всѣхъ рукоп.:

7 Изъ которыхъ я съ нимъ
8 Завивала вѣнки

Эти стихи измѣнены въ тетр. Д. рукою Бѣлинскаго. (Упоминается въ письмѣ на 216 стр.).

126. *„Вопль страданія"* (стр. 128). Изд. 1846 г. Двѣ рукоп. Д. 1) въ V тетр., 2) на отд. листкѣ, обѣ съ датою: 6 марта 1840 г., съ заглавіемъ „Послѣдній вопль земныхъ страданій". Рукоп. Публ. Библ. безъ даты. (Вопль страданій"). Незначительныхъ варіантовъ не приводимъ. (Стих. упом. въ письмѣ на стр. 213).

127. *„Благодѣтелю моей родины"* (стр. 128—129). Напеч. въ „Сынѣ Отеч." 1840 г., т. II, кн. 4, стр. 681—682; въ „Русск. Архивѣ" 1874 г., т. I, стр. 1577 (по рукоп., сообщенной кн. Ю. А. Оболенскимъ). Это слабое стихотвореніе Кольцова подверглось редакціоннымъ передѣлкамъ и сокращеніямъ Н. А. Полевого въ „Сынѣ Отеч."; поэтому не приводимъ изъ него варіантовъ. Обѣ рукописи Д. 1) въ V тетр., 2) на листкѣ — имѣютъ дату: 14 марта 1840 г.; онѣ совпадаютъ съ принятымъ нами текстомъ. Отмѣтимъ только одинъ варіантъ:

6 Съ безумной гордостью глядятъ.

Любопытно упоминаніе объ этомъ стих. въ письмѣ на стр. 216. О Д. Н. Бѣгичевѣ см. въ примѣч. къ письму № 46.

128. *„Пѣсня"* (Такъ и рвется душа) (стр. 129—130). Напеч. въ „Отеч. Зап." 1840 г., т. XIII, стр. 266 („Русская пѣсня"). Рукоп. Публ. Библ.—безъ даты; три списка въ рукоп. Д.—1) черновой и 2) чистовой въ V тетр. 3) на отд. листкѣ; всѣ съ датой: 1 апрѣля 1840 г. Во всѣхъ рукоп. заглавіе „Русская пѣсня" и есть пятый куплетъ:

То ли дѣло—по немъ
Въ хороводѣ грустить,
То ли дѣло—душой
20 Мила друга любить.

На отд. листкѣ Д. есть нѣсколько варіантовъ стиха 17 и 18:

17 То ли дѣло—вдвоемъ
18 (При дорожкѣ грустить,)
Въ хороводѣ грустить
Хороводы водить

Варіантовъ черноваго наброска не приводимъ.

129. *„Разлука"* (стр. 130—131). Напеч. въ „Отеч. Зап." 1840 г., т. XIII.— Рукоп. Публ. Библ. (тетр. Жуковскаго)—безъ даты; рукоп. Д.: 1) въ тетр. V

и 2) на отд. л., обѣ съ датою: 21 мая 1840 г. 2-ая Рукоп. Д. имѣетъ варіанты:

10 Когда съ вами дѣлишь грусть свою
15 Намъ разстаться съ тобой надобно
16 Богъ поможетъ, — вновь увидимся
24 Замерла рѣчь, — и задумалась.

Въ V тетр. Д. поправка 10 стиха:

Когда съ вами дѣлишь грусть-тоску

и нѣкоторыя другія поправки написаны рукою Бѣлинскаго чернилами, на мѣстѣ карандашныхъ поправокъ Кольцова.

Въ „Отеч. Зап." стихи 15—16:

Когда Богъ велѣлъ,—разстанемся...
Можетъ быть, опять увидимся...

130 „*Пѣсня*" (Не на радость, не на счастіе) (стр. 131—132). Напеч. въ „Отеч. Зап." 1841, т. XVI, стр. 133.—Рукоп. Публ. Библ. (тетр. Жуковскаго)—безъ даты; рукоп. Д.: 1) въ тетр. V съ датой: 12 іюня 1840 г. Бобровъ (первый набросокъ, со многими поправками), 2) на отд. л., съ датою: 12 іюня 1840 г., 3) конецъ стих., со словъ „Тогда было иду, ѣду ли", рукою Бѣлинскаго. Во всѣхъ рукоп. заглавіе „*Русская пѣсня*". Не касаясь варіантовъ перваго наброска, приведемъ разночтенія 2-ой рукоп. Д.:

4 Другъ мы друга душой поняли
19 Гдѣ мнѣ взять дары? какъ будемъ жить?
20 Какъ противъ людей поправиться?
21 Но куда умомъ ни кидаю
24 Смѣшать разумъ мой стараются.
25 Кончить жизнь свою? — не хочется.

О стих. 13—16 см. выше, въ описаніи этой рукописи на стр. 333.

131. „*Перепутье*" (стр. 132). Напеч. въ „Отеч. Зап." 1840 г., т. XII стр. 313. Въ рукоп. Д. (тетр. V) первоначальное заглавіе, тамъ же измѣненное, было „*Разгульная головка*"; дата: 11 іюля 1840 г., Бобровъ.

132. „*Пѣсня*" (Дуютъ вѣтры) (стр. 133). Напеч. въ „Отеч. Зап." 1840 г., т. XIII, стр. 47.—Рукоп. Д. (тетр. V), съ датою: 14 августа 1840 г.; взята какъ автографъ при изд. 1846 г. Заглавіе въ рук. „*Русская пѣсня*".

133. „*Военная пѣсня*" (стр. 134). Напеч. въ „Утренней Зарѣ" 1842 г., стр. 63, въ „Рус. Архивѣ" 1869 г., въ „Отчетѣ И. Публичн. Библіотеки за 1884 г.", въ „Ист. Вѣстн." 1893 г., за № 1, стр. 194. Рукоп. Публ. Библ. совпадаетъ съ принятымъ текстомъ.—Первая редакція стих., сохранившаяся въ бумагахъ Ѳ. Д. Черткова, имѣетъ слѣдующія отличія:

2 Ополчилась рать могучая
4 За царя, за домъ, за родину
12 Мому дѣду, храбру воину.
16 Выпьемъ брагу басурманскую

Послѣ 20 ст. Труба бранная, военная,
Затруби же ты въ послѣдній разъ
На врага-злодѣя глянувши,
Я душой тебя послушаю.
22 Не молчи, труба, дай волю мнѣ!

134. „*Всякому свой таланъ*" (стр. 134—135). Изд. 1846 г.—Двѣ рукоп. Д.: 1) въ V тетр., первый набросокъ, со многими поправками, 2) на

листкѣ изъ бумагъ Бѣлинскаго, обѣ съ датою: 28 августа 1840 г. Въ 1-й заглавіе было „*Судьба*“, въ листкѣ Бѣлинскаго „*Свой таланъ*“; въ послѣдней нѣтъ стих. 29—32.—Нѣкоторые варіанты указаны выше, въ описаніи рукописей (стр. 331—332).

135. „*Дума двѣнадцатая*“ (стр. 135—136). Напеч. во 2-мъ изд. Введенскаго. Рукоп. Д. 1) въ V тетр., 2) на листкѣ, съ датою: 1840 г., 3) на листкѣ, изъ бумагъ Бѣлинскаго (см. выше, въ опис. рукоп., стр. 333). Какъ слабое стихотвореніе, не вошло въ изд. 1846 г. Въ немъ Кольцовъ пытался передать слышанныя имъ въ Москвѣ сужденія и самъ призналъ, что они заимствованы (см. стр. 217, письмо къ Бѣлинскому отъ 28 апрѣля 1840 г.)

136. „*Пѣсня*“ (Гдѣ вы, дни мои) (стр. 136). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. XV, стр. 259 („Русская пѣсня“), въ „Русск. Арх.“ 1875 г., кн. III, № 11, стр. 396 (дата: 3 декабря 1840 г. Москва.—Рукоп. Д. (тетр. IV), съ датою: 3 декабря. Москва; заглавіе „*Русская пѣсня*“).

137. „*Поэтъ. Дума*“ (стр. 137). Напеч. въ изд. 1846 г., въ „Русск. Арх.“ 1875 г., кн. III, № 11, стр. 395 („*Шекспиръ. Дума*“). Рукоп. Д. 1) листокъ изъ бумагъ Бѣлинскаго заглавіе „*Проявленіе Бога. Дума*“; дата: 7 декабря 1840 г. Москва, 2) въ тетр. IV (первоначальный текстъ, съ поправками), дата та же. Ср. выше опис. рук. стр. 328 и 333. Варіантовъ не приводимъ.

По мнѣнію г. Ярмерштедта, въ статьѣ „Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія Кольцова“ („Вопросы философ. и психолог.“ 1894 г., кн. 22, стр. 162 сл.), идея стихотворенія „цѣлая природа въ душѣ человѣка“ господствовала въ кружкѣ Станкевича и совпадаетъ съ „Мыслями о музыкѣ“ Сребрянскаго.

В. Даниловъ въ замѣткѣ „Источникъ думы Кольцова „Поэтъ“ („Рус. Филолог. Вѣстникъ“ 1910, № 1, стр. 43—45) и Л. Ильинскій (въ рецензіи на Академическое изданіе, тамъ же, стр. 180—181) указываютъ на отзвуки въ стихотвореніи „Поэтъ“ мыслей Бѣлинскаго.

138. „*Пѣсня*“ (Много есть у меня) (стр. 138). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. XV, въ „Русск. Арх.“ 1875 г., кн. III, № 11, стр. 396, гдѣ, а также въ рукоп. Д. (тетр. IV) дата: 8 декабря 1840 г., Москва.

139. „*Расчетъ съ жизнію*“ (стр. 138—139). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. XV, стр. 50; въ „Русск. Арх.“ 1875 г., кн. III, № 11, стр. 396 („Жалоба“); дата въ рукоп. Д.: 9 декабря 1840 г.—Незначительныхъ варіантовъ не приводимъ. Упоминается въ письмахъ (стр. 230, 236).

140. „*Грусть дѣвушки*“ (стр. 139—140). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. XIV, стр. 158; въ „Русск. Арх.“ 1875 г., кн. III, № 11, стр. 395; рукоп. Д. (тетр. III) вездѣ дата: 10 декабря 1840 г. Москва. См. примѣч. къ стих. 74.

141. „*Ночь*“ (стр. 140—141). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. XIV, стр. 250; въ „Русск. Арх.“ 1875 г., кн. III, № 11, стр. 397; рукоп. Д. (тетр. IV) двѣ редакціи: черновая и чистовая, вездѣ дата: 11 декабря 1840 г. Въ черновомъ наброскѣ есть любопытные варіанты:

17 Изъ пригорка дубъ
Онъ схватилъ рукой,
Бросилъ вверхъ его —
Словно прутъ какой.

25 Самъ не помню, что
Мнѣ старикъ сказалъ.
Только долго трупъ
Я въ ногахъ топталъ

Послѣ 36 стиха: Ея нѣтъ давно...
И мой конченъ путь...
Но ея слова
Все съ ума нейдутъ:
„Не любила я
Старика душой...
Но мнѣ стало жаль
Головы сѣдой.
„Прости жъ, мирный сонъ,
Прости, старый мужъ!...
Прежде всѣхъ прощай
Ты, мой милый другъ!
„На полу одинъ
Онъ убитъ лежитъ,
За тобой—другой
Весь въ крови стоитъ...“

142. „*Поминки*“ (стр. 142—143). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1842 г., т. XX, стр. 238.—Рукоп. Д. (тетр. IV) съ датою: 12 декабря 1840 г. (Упоминается въ письмахъ на стр. 227, 233, 234, 265, 268).

143. „*Доля бѣдняка*“ (стр. 143—144). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1843 г. т. XXVI, стр. 298. Рукоп. Д.: 1) въ тетр. IV, съ многими поправками поэта, безъ даты, 2) на листкѣ изъ бумагъ Бѣлинскаго, съ датою: 1 апрѣля 1841 г.—Варіантовъ не приводимъ.—Въ этомъ стихотвореніи чувствуются народные мотивы. В. Стоюнинъ (н. ст., „Сынъ От.“ 1852 г., № 4, стр. 81—82) приводитъ одну изъ народныхъ пѣсенъ („Добрый молодецъ—въ свѣтѣ бѣломъ сиротинушка“), разрабатывающихъ тотъ же сюжетъ, что и „Доля бѣдняка“.

144. „*Пѣсня*“ (Ты прости-прощай) (стр. 144). Изд. 1846 г.—Рук. Д.— „*Русская пѣсня*“ 1) въ тетр. IV, 2) на листкѣ изъ бумагъ Бѣлинскаго, обѣ съ датою: 25 апрѣля 1841 г.

145. „*Пѣсня*“ (Не весна тогда) (стр. 145). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1842 г. т. XX. Рук. Д. 1) въ тетр. IV, 2) на листкѣ изъ бумагъ Бѣлинскаго; обѣ имѣютъ заглавіе „*Русская пѣсня*“ и дату: 2 мая 1841 г. Въ тетради были еще три куплета этой пѣсни, потомъ зачеркнутые:

Но и гдѣ жъ они—
Вьюги, ночи, сны?
Иль въ другой—съ тобой
Не придутъ они?
Не придутъ,—придутъ,—
Но я помню ихъ...
Та пора съ души,
Изъ ума нейдетъ.
Какъ тогда, теперь
На меня всю ночь
Ты сидишь-глядишь,
Глазъ не сводючи.

146. „*Звѣзда*“ (стр. 145—146). Изд. 1846 г.—Рукоп. Д. 1) въ тетр. IV, 2) на листкѣ изъ бумагъ Бѣлинскаго, съ незначительными варіантами. Въ обѣихъ рукоп. дата: 5 мая 1841 г.—Въ стихотвореніи вспоминается образъ Дуняши, невѣсты поэта.

147. „*Пѣсня*“ (Разступитесь, лѣса темные) (стр. 146—147). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1843 г., т. XXVI, стр. 69. Рукоп. Д. 1) въ тетр. IV, 2) на отд. листкѣ изъ бумагъ Бѣлинскаго; въ обѣихъ заглавіе „*Русская пѣсня*“ и дата: 10 мая 1841 г. Варіантовъ не приводимъ. Въ „Отеч. Зап.“ стиховъ 21—24 нѣтъ.

148. „*Пѣсня*“ (Какъ здоровъ да молодъ) (стр. 147). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1843 г., т. XXVI, стр. 69. („*Сельская пѣсня*“). Рукоп. Д. 1) въ тетр. IV, 2) на листкѣ изъ бумагъ Бѣлинскаго, обѣ съ датою: 15 мая 1841 г. (См. опис. рукоп., стр. 328).

149. „*Старая пѣсня*“ (стр. 147—148). Изд. 1846 г.—Рукоп. Д. 1) въ тетр. IV, 2) на отд. листкѣ, обѣ съ датою: 17 октября 1841 г.

150. „*Еще старая пѣсня*“ (стр. 148—149). Напеч. А. Н. Афанасьевымъ въ „Рус. Арх.“ 1871 г., № 6, стр. 0250. Рукоп. Д. (на двухъ листкахъ изъ бумагъ Бѣлинскаго) носитъ заглавіе „*Русская пѣсня. Посвящаю В. П. Боткину.*“ Варіанты:

7 Тихо псальмы распѣваетъ,
8 Въ полъ жезломъ своимъ стучитъ
28 Того скушаемъ съ дѣтьми.

Обѣ „Старыя пѣсни“, равно какъ и „Пѣсня разбойника“ (1838 г.) явились у Кольцова, повидимому, подъ вліяніемъ Лермонтова и его „Пѣсни про купца Калашникова“. Изъ переписки нашего поэта (стр. 203, 269) видно, что онъ интересовался народной эпической поэзіей, увлекался Лермонтовымъ и статьей Бѣлинскаго о „Древнихъ стихотвореніяхъ „Кирши Данилова.— Впрочемъ, обѣ „Старыя пѣсни“, особенно вторая изъ нихъ, принадлежатъ къ числу слабыхъ стихотвореній Кольцова.

151. „*Эпитафія*“ (стр. 149). Напеч. въ „Библ. Зап.“ 1861 г., т. III, № 16, стр. 497, съ примѣч.: „Это не болѣе, какъ экспромптъ, шутка, эпитафія, написанная по поводу смерти одного господина, извѣстнаго по всему Воронежу возліяніями въ честь Вакха“. Въ рукоп. Д. (тетр. IV) это стихотвореніе озаглавлено: „Ивану Гордѣевичу Козлову.

152. „*Жизнь*“ (стр. 149—150). Изд. 1846 г.—Рукоп. Д.: 1) въ тетр. IV, 2) на отд. листкѣ изъ бумагъ Бѣлинскаго, обѣ съ датою: 18 октября 1841 г. Въ послѣдней озаглавлено: „*Жизнь. Дума. Посвящаю Кн. П. А. Вяземскому*“.— Въ обѣихъ рукоп. есть еще одна строфа:

25 И если бъ не было дано
У духа чувства убѣжденія,—
Такъ родъ людской бы весь давно
Себя сгубилъ безъ сожалѣнія.

153.*** „*Князю П. А. Вяземскому*“ (Не время ль намъ оставить) (стр. 150—151). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1843 г., т. XXVI, стр. 211 (*Дума. Князю Вяземскому*“). Рукоп. Д.: 1) въ тетр. IV, 2) на листкѣ изъ бумагъ Бѣлинскаго; въ обѣихъ дата: 18 декабря 1841 г. и заглавіе „Изъ Горація“ измѣнено на „Дума“ рукою Бѣлинскаго.—Незначительныхъ варіантовъ не приводимъ.

154. „*Пѣсня*“ (Я любила его) (стр. 151). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1843 г., т. XXVI, стр. 300 („*Русская пѣсня*“).—Рукоп. Д.: 1) тетр. IV, 2) листокъ изъ бумагъ Бѣлинскаго, обѣ имѣютъ заглавіе „*Русская пѣсня*“ и дату: 20 декабря 1841 г. Въ рукописяхъ и „Отеч. Зап.“ варіанты:

3 Какъ другія любить
4 Не могутъ никогда
4 Не смогутъ никогда („Отеч. Зап.“)
11 И блѣдна, холодна
24 И кипитъ горячо
25 И блистаютъ глаза
Лучезарной звѣздой;...
Я жила для него,
28 Я любила душой...

Въ тетради Д. поправки этихъ варіантовъ, дающія чтеніе изд. 1846 г. и настоящаго, сдѣланы рукою Бѣлинскаго.

155. „*На новый 1842 годъ*“ (стр. 152). Изд. 1846 г. Рукоп. Д. (тетр. IV) съ указанной въ текстѣ датой.

156. „*Пѣсня*“ (Что онъ ходитъ за мной) (стр. 153). Изд. 1846 г. Рукоп. Д.: 1) въ тетр. IV, 2) на листкѣ изъ бумагъ Бѣлинскаго съ датою: 8 февраля 1842 г.

157. „*Когда есть жизнь другая тамъ*“ (стр. 153). Напеч. въ изд. А. Лященка (1893 г.). Рукоп. Д., въ тетр. IV, послѣ предыдущаго стихотворенія.

158. „*Пѣсня*“ (Ныньче ночью къ себѣ) (стр. 154). Изд. 1846 г. Рукоп. Д.— 1) въ IV тетр., 2) на листкѣ изъ бумагъ Бѣлинскаго, съ датою: 5 марта 1842 г.—

Варіантъ рук. Дашкова:

17 Что замокъ и отецъ,

Проф. П. Владиміровъ („Критико-библіограф. замѣтки“. Кіевъ. 1893 г., стр. 50) сближаетъ это стихотвореніе съ „Хатой“ Дельвига (нач.: „Мѣсяцъ свѣти, не свѣти...)“

Примѣчанія къ письмамъ.

1. В. П. Кольцову (стр. 155—156). Напеч. въ газ. „Донъ“ 1893 г., перепеч. въ „Нов. Времени“ 1893 г., № 6110.—Иванъ Ѳедоровичъ,—по всей вѣроятности Андроновъ (мужъ Александры Васильевны Кольцовой). Василій Ивановичъ—Золотаревъ (мужъ Анны Васильевны) или Гарденинъ, которому адресовано слѣдующее письмо.

2. В. И. Гарденину (стр. 156). Издается впервые по автографу, принадлежащему В. Г. Веселовскому.—Костянская отава—Костенка въ 40 верстахъ отъ Воронежа.—Чужовское дѣло (Де-Пуле. Кольцовъ, стр. 103) касается подгородней слободы Чижовки, теперь слившейся съ Воронежемъ.

3. В. Г. Бѣлинскому (стр. 157). Отрывокъ изъ письма въ книгѣ А. Н. Пыпина о Бѣлинскомъ. Въ нашей копіи этого письма вмѣсто: „Косаря“, котораго прирядилъ ужъ вамъ“ (такъ у Пыпина) читается: „котораго прежде далъ ужъ вамъ“. Статья Я. М. Невѣрова появилась въ „Сынѣ Отечества“ 1836 г., ч. 176.

4. В. Г. Бѣлинскому (стр. 158). Впервые напечатано въ изд. „Сѣвера“, подъ ред. А. Лященка. Новая комедія Гоголя—„Ревизоръ“, первое представленіе котораго на Александринской сценѣ состоялось 16 апрѣля 1836 г.— „Вѣроятно, въ Питерѣ я проживу Святую“. Пасха въ 1836 г. была 29 марта.

5. Кн. П. А. Вяземскому (стр. 158). Напеч. въ „Рус. Архивѣ“ 1868 г., № 3, стр. 458. Кольцовъ познакомился съ кн. Вяземскимъ въ январѣ 1836 г., въ письмѣ отъ 23 января къ Тургеневу князь сообщаетъ объ этомъ знакомствѣ и говоритъ о Кольцовѣ: „Вотъ настоящая поэзія [Стихотвореніе „Великая тайна“]... Онъ здѣсь по дѣламъ отца своего. Дитя природы, скромный, простосердечный“ („Остафьевскій архивъ“, т. III, стр. 289).

6. А. А. Краевскому (стр. 159). Напеч. въ „Др. и новой Россіи“ 1879, № 3, стр. 284. Слова, поставленныя нами въ скобки (въ концѣ письма), были зачеркнуты Кольцовымъ.

7. Неизвѣстному лицу (стр. 159—161). Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 507—509. Письмо это отнесено нами къ 1836 г. предположительно; оно написано послѣ поѣздки поэта въ столицу и послѣ знакомства съ малоизвѣстными въ провинціи идеями. Вѣроятнѣе всего, что эти идеи особенно поразили Кольцова послѣ первой поѣздки, да и отрывки стиховъ, въ немъ помѣщенные, скорѣе можно отнести къ 1836 г., чѣмъ, напр., къ 1838 г.: и по формѣ и по мысли они мало напоминаютъ стихотворенія 1838 г.—О томъ, кто была „сестрица“, скудныя свѣдѣнія, со словъ сестры поэта А. В. Андроновой, даетъ М. Де-Пуле въ біографіи Кольцова (СПб. 1878 г., стр. 170). Это была недальняя родственница поэта, очень красивая собою; впослѣдствіи она вышла

замужъ, но не любила мужа. Кольцовъ восхищался ея красотой и сравнивалъ съ Софіей Грибоѣдова. Основываясь на этомъ извѣстіи Де-Пуле, мы можемъ предположить, что о ней довольно нелестно отзывается поэтъ въ письмѣ къ сестрѣ Анисьѣ Васильевнѣ отъ 10 января 1841 г. (стр. 233 настоящаго изданія). Въ 1841 г. эта „Софія Павловна" вышла замужъ.

8. А. А. Краевскому (стр. 161). Напеч. въ „Др. и нов. Россіи" 1879 г., № 3, стр. 235.—Приложенный къ письму списокъ стихотвореній Кольцова съ датами не сохранился въ бумагахъ Краевскаго, поступившихъ въ Имп. Публичную Библіотеку; но онъ былъ въ рукахъ М. Де-Пуле, который напечаталъ его такъ же небрежно, какъ и самыя письма. Почему-то онъ напечаталъ этотъ списокъ, произвольно разбивъ его на группы, и тѣмъ затруднилъ провѣрку его.

Приводимъ примѣчаніе Де-Пуле („Др. и нов. Россія", ук. м., стр. 237): „Для будущаго изданія полнаго собранія стихотвореній Кольцова представляемъ слѣдующія указанія, заимствованныя нами изъ списка, о которомъ говорится выше въ письмѣ.

„Стихотвореніе „Урожай" по Бѣлинскому 1835 г., по списку 1836 г., „Размышленіе поселянина" 1831 г., по списку—1832 г.; „Сирота" 1825 г.—1827 г.; „Если встрѣчусь съ тобой" 1827 г.—по списку 1835 г.

„Не довольствуясь годами, при слѣдующихъ стихотвореніяхъ Кольцовъ обозначаетъ даже мѣсяцы и дни, въ которые они написаны. Приводимъ ихъ въ порядкѣ этого списка: „Къ брату" 1829 г., ноября 23; „Сестрѣ" 1829 г., декабря 11; „Путникъ" 1828 г., августа 4; „Я былъ у ней" 1830 г., января 7; „Очи, очи голубыя" 1828 г., ноября 12; „Люди добрые, скажите" 1829 г., ноября 21; „Теремъ" 1829 г., ноября 16; „Осень" 1828 г., ноября 28; „Совѣтъ старца" 1830 г., августа 1; „Вздохъ на могилѣ Веневитинова" 1830 г., октября 30; „Пѣсня пахаря" 1831 г., ноября 26; „Кольцо" 1830 г., сентября 20; „Пѣсня старика" 1831 г., сентября 21; „Къ ней" 1830 г., іюля 19; „Первая любовь" 1830 г., августа 1; „Пирушка" 1834 г., сентября 21.

„Слѣдующія стихотворенія совсѣмъ не вошли въ изданіе Бѣлинскаго: „Прекрасной поселянкѣ" 1830 г.; „Плачъ, дума" 1836 г.; „Кольцо вѣчности" 1836 г.; „Поэтъ" 1830 г.; „Нищій" 1830 г.; „Острогожскъ"—дата не обозначена; „Спящій юноша" 1836 г."

Въ поясненіе этого списка замѣтимъ, что „Прекрасной поселянкѣ"—это стихотвореніе „Красавицѣ"; „Плачъ"—то же, что и „Уныніе"; „Кольцо вѣчности"—по всей вѣроятности,—„Божій міръ" (Нач.: „Отецъ свѣта—вѣчность, Сынъ вѣчности—сила, Духъ силы—есть жизнь"); „Поэтъ"—очевидно, „Поэтъ и няня"; „Спящій юноша"—„Спящему младенцу"; „Нищій"—по всей вѣроятности, „Сирота" 1830 г. (Когда мнѣ шелъ двадцатой годъ); „Къ брату"—„Маленькому брату".

Что касается „Острогожска", то такого стихотворенія нѣтъ у Кольцова, это, конечно, обозначеніе мѣста написанія какой-нибудь пьесы; но какой именно, сказать не можемъ, такъ какъ Де-Пуле нарушилъ порядокъ списка стихотвореній.

Этотъ списокъ нуженъ былъ Краевскому для предполагавшагося въ 1836 г. новаго изданія стихотвореній Кольцова, о чемъ говорится въ дальнѣйшихъ письмахъ поэта къ Краевскому.

9. А. А. Краевскому, Я. М. Невѣрову и В. В. Григорьеву (стр. 162). Напеч. въ „Др. и нов. Россіи" 1879 г., № 3, стр. 235.—Кривосудовъ—вице-губернаторъ А. Я. Мѣшковскій.—„Бездѣлка въ уплату за вашу хлѣбъ-соль", повидимому, какая-то соленая рыба, которую Кольцовъ привозилъ изъ Воронежа и которою угощалъ своихъ гостей (И. Панаевъ. „Литерат. воспоминанія". Спб. 1876 г., стр. 148).

10. В. Г. Бѣлинскому (стр. 163). Напеч. въ „Юбилейномъ сборникѣ Литературнаго фонда". Спб. 1909, стр. 140.—Ефремовъ (въ автографѣ „Ехремовъ")—Александръ Павловичъ (1810—1879), другъ и товарищъ Бѣлинскаго.

11. В. Г. Бѣлинскому (стр. 163—164). Напеч. въ изд. А. Лященка (Спб. 1893 г.).—Исторію закрытія „Телескопа" за помѣщеніе „Философическаго письма" П. Я. Чаадаева см. у А. Пыпина („Бѣлинскій". 2-ое изд. Спб. 1907 г., стр. 130) и въ объясненіяхъ С. А. Венгерова къ I т. „Сочиненій Бѣлинскаго" (стр. 404—405).—О гостинцѣ съ Дона Ивановича см. примѣч. къ предыдущему письму.

12. А. А. Краевскому (стр. 164—165). Напеч. въ „Др. и нов. Россіи" 1879 г., № 3, стр. 236.—Небольшой отрывокъ въ статьѣ Бѣлинскаго при изд. 1846 г.

Новый журналъ Краевскаго—„Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду".

„Слеза молитвы", т. е. „Молитва" (стр. 77—78).

13. Ѳ. Н. и А. П. Глинкамъ (стр. 165). Напеч. въ „Сборникѣ литер. статей, изд. въ пользу Смирдина" (Т. I. Спб. 1858, стр. 345—346).

14. А. А. Краевскому (стр. 166—167). Напеч. въ „Др. и нов. Россіи" 1879 г., № 3, стр. 237—238.—Сборникъ пословицъ, собранныхъ Кольцовымъ, вошелъ въ настоящее изданіе (стр. 293—304).—„Отшельникъ"—особая редакція „Разувѣренія" (стр. 15—16).

15. А. А. Краевскому (стр. 168). Напеч. въ „Др. и нов. Россіи" 1879 г.: № 3, стр. 239.—Въ этомъ горячемъ откликѣ Кольцова на смерть Пушкина сказался истинный поэтъ; изъ-подъ его пера сами собою выливаются стихи: „Прострѣлено сердце, лицо помрачилось, безобразной глыбой упало на землю..."

16. А. А. Краевскому (стр. 169—170). Напеч. въ „Др. и нов. Россіи" 1879 г., № 3, стр. 240—241.—Изъ этого письма видно, что народныя пѣсни сталъ собирать Кольцовъ по совѣту Краевскаго, а не Жуковскаго, какъ утверждалъ біографъ Кольцова М. Де-Пуле (стр. 94). О пребываніи своемъ въ Воронежѣ и свиданіи съ Кольцовымъ В. А. Жуковскій оставилъ очень краткія замѣтки въ своемъ дневникѣ, подъ 6 и 7 іюля 1837 г.

17. А. А. Краевскому (стр. 170—171). Напеч. въ „Др. и нов. Россіи" 1879 г., № 3, стр. 241—242.—Пѣсня, записанная Кольцовымъ, напечатана въ настоящемъ изданіи (305—306).—Строгій къ Кольцову, М. Де-Пуле удивляется, почему Кольцовъ записывалъ пѣсни не только въ Воронежской губ., но и въ Московской—проѣздомъ, второпяхъ. Слова Кольцова: „Эта пѣсня удивительно какъ хороша на голосъ; жаль, что не умѣю положить голоса", быть можетъ, разъяснятъ это недоумѣніе.—Въ бумагахъ Краевскаго сохранилась еще пѣсня о Ванькѣ клюшникѣ (стр. 306—308); кромѣ того, неудобныя къ печати: 1) „Гаврила, а Гаврила", 2) „Анекдотъ", 3) „Цыганскій анек-

дотъ". За ними слѣдуетъ приписка Кольцова: „И вотъ какія глупости слышны въ народѣ безпрестанно".

18. А. А. Краевскому (стр. 171—172). Напеч. въ „Др. и нов. Россіи" 1879 г., № 3, стр. 242—243.—Не останавливаясь на другихъ примѣрахъ небрежнаго изданія писемъ Кольцова его біографомъ Де-Пуле, укажемъ, что имъ въ настоящемъ письмѣ допущены значительныя неточности; такъ, „Двѣ жизни" у него превратились въ „Идею жизни", „Ура"—въ „Кудри".—Изъ перечисленныхъ Кольцовымъ въ этомъ письмѣ стихотвореній его намъ неизвѣстны: „Грусть удалова" и „Весна". Изъ нихъ „Грусть удалова" во всякомъ случаѣ не „Удалецъ", напечатанный еще въ изданіи 1835 г., скорѣе можно предположить, что это—первая редакція стих. „Горькая доля". Слово „Весна" написано въ подлинникѣ довольно неразборчиво; но трудно видѣть въ немъ и „Вопросъ" (стих. 1837 г.).

19. В. Г. Бѣлинскому (стр. 172—174). Отрывокъ изъ этого письма былъ напечат. въ кн. А. Пыпина „Бѣлинскій". Дата настоящаго письма—2 февраля 1837 г.,—поставлена предположительно. Въ нашей копіи оно помѣчено 21 февраля, что очевидная ошибка. Свиданіе съ Полевымъ состоялось до юбилея Крылова, бывшаго 2 февраля и описаннаго въ слѣдующемъ письмѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно не могло состояться и въ январѣ, такъ какъ о немъ не упоминаетъ сохранившійся дневникъ Н. А. Полевого за январь 1838 г. („Историч. Вѣстн." 1888 г., т. XXXI, № 3, стр. 658—662). Свиданіе могло состояться во вторникъ; 1 февраля 1838 г. падало на вторникъ; а на слѣдующій день, по всей вѣроятности, Кольцовъ давалъ уже Бѣлинскому отчетъ объ этомъ свиданіи.—Объ отношеніяхъ Бѣлинскаго и Полевого въ это время см. 1) А. Пыпинъ. Бѣлинскій. Изд. 2 (Спб. 1908 г., стр. 180—188), 2) Полн. собр. соч. Бѣлинскаго, подъ ред. С. Венгерова, т. III (Спб. 1901 г., стр. 515—523).

20. В. Г. Бѣлинскому (стр. 174—176). Отрывки изъ этого письма были помѣщены въ книгѣ Пыпина „Бѣлинскій".—И въ этомъ письмѣ, которое въ рукописи безъ даты, выставлена нами предположительная дата: 14 февраля. Наканунѣ поэтъ былъ на обѣдѣ у А. Г. Венеціанова, принимавшаго по воскресеньямъ (ср. стр. 179). Въ воскресенье, 13 февраля, кончалась въ этомъ году масляница, и прекращались спектакли въ театрахъ. Спектакли, о которыхъ упоминаетъ въ этомъ письмѣ Кольцовъ, шли: „Гамлетъ" (въ Александринскомъ театрѣ)—3 февраля, „Жизнь за царя" (въ Большомъ театрѣ)—6 и 9 февраля, опера „Жидовка" (въ Большомъ театрѣ)—7 февраля.

Дѣла издателя „Энциклопедическаго Лексикона" А. А. Плюшара въ это время пошатнулись. (О немъ 1) Н. Гречъ. „Исторія перваго Энц. Лексикона въ Россіи"—„Русск. Архивъ" 1870 г., столб. 1247—1272; 2) М. Лонгиновъ. „По поводу статьи Греча о Плюшарѣ". Тамъ же, столб. 1940—1942; 3) Старый библіографъ. „Наши энциклопед. словари". „Истор. Вѣстн." 1888 г., т. 32, май). Денежныя затрудненія Я. М. Невѣрова были устранены при помощи Т. Н. Грановскаго (А. Станкевичъ. „Грановскій и его переписка". Москва. 1897 г. Изд. 2, т. II, стр. 323).

О какомъ выговорѣ Булгарину и Гречу говорится здѣсь, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, отсутствіе этихъ двухъ журналистовъ на юбилеѣ Крылова было отмѣчено даже печатно „Русскимъ Инвалидомъ", и Гречу пришлось напечатать объясненіе за себя и за своего друга; онъ указывалъ, что опо-

здалъ съ записью на обѣдъ и потому не получилъ билета. („Сѣв. Пчела" 1838 г., № 32).

Нѣкоторое разъясненіе этого эпизода даютъ „Записки" Н. И. Греча (498—502), а также сохранившаяся въ архивѣ Булгарина рукопись Греча „Почему Гречъ и Булгаринъ не были на празднествѣ Крылова", изданная Н. К. Пиксановымъ въ „Рус. Старинѣ" 1905 г., т. 122, апрѣль, стр. 201—203.

„Жуковскому передалъ „Ура"; онъ ничего на нее не сказалъ". Повидимому, Кольцовъ ожидалъ какого-нибудь поощренія отъ Императора. По пріѣздѣ въ Воронежъ Кольцовъ пишетъ Бѣлинскому: „до меня люди выдумали, будто меня оставили въ Питерѣ стихи писать, будто за „Ура" я получилъ тьму благоволеній" (стр. 184). Эти толки (для которыхъ, можетъ быть, давалъ поводъ и самъ Кольцовъ) отразились даже на безграмотной надписи перваго могильнаго памятника Кольцова, гдѣ читалось: „Просвещеной безнаукъ Природою, награжденъ Монаршою милостію". Фактъ представленія Кольцова Императору Николаю Павловичу подлежитъ большому сомнѣнію. Я. М. Невѣровъ, сообщившій о немъ Де-Пуле, въ 1838 г. былъ за границей. (Де-Пуле. „Кольцовъ", стр. 80—81).

Объ Эд. Ив. Губерѣ (1814—1847), поэтѣ и переводчикѣ „Фауста", см. Г. Геннади „Словарь о русск. писателяхъ", т. I (1876), стр. 267—268.

Любопытно упоминаніе о рукописной тетради Кольцова, изъ которой Краевскій выбиралъ стихотворенія для своего журнала.

Михаилъ Александровичъ—Бакунинъ. Объ его отношеніяхъ къ Бѣлинскому см. въ книгѣ А. Н. Пыпина „Бѣлинскій" и въ IV томѣ „Полн. собр. сочин. Бѣлинскаго", подъ ред. С. А. Венгерова.

21. В. Г. Бѣлинскому (стр. 176—178). Отрывки изъ письма въ книгѣ Пыпина о Бѣлинскомъ. Недоброжелательный отзывъ Краевскаго о Бѣлинскомъ, быть можетъ, вызванъ письмомъ къ нему Бѣлинскаго еще отъ 4 февраля 1837 г. Оно напечатано: 1) въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1889 г. Спб. 1893 г., 2) въ IV томѣ 2-го Павленковскаго изд. „Соч. Бѣлинскаго", стр. 1039—1040, 3) во 2 изд. соч. Бѣлинскаго, подъ ред. Н. Зинченка. Спб. 1900, стр. 3—5.

22. Н. А. Полевому (стр. 178). Издается впервые по автографу, принадлежащему П. Л. Вакселю. Въ рукоп. ошибочная дата 26 февраля *1837 года.*

23. В. Г. Бѣлинскому (стр. 179). Отрывокъ въ книгѣ А. Пыпина о Бѣлинскомъ. Въ этомъ письмѣ впервые упоминается Аксаковъ—Константинъ Сергѣевичъ и Боткинъ—Василій Петровичъ.

24. В. Г. Бѣлинскому (стр. 180—183). Отрывокъ напеч. въ кн. А. Пыпина о Бѣлинскомъ.—Вечеръ у Плетнева, на которомъ былъ Кольцовъ, описанъ И. С. Тургеневымъ („Литературный вечеръ у Плетнева").

„Краевскій напечаталъ „Ура" съ ужаснѣйшей похвальбой, надѣясь еще печатать мои новыя..." См. прим. къ стих. „Ура" (стр. 369).

О доброжелательномъ отношеніи къ молодежи Алексѣя Гавриловича Венеціанова помѣстилъ любопытныя воспоминанія его ученикъ А. Н. Мокрицкій, въ „Отеч. Зап." 1857 г., т. 115, № 2. У Венеціанова и свелъ, по всей вѣроятности, знакомство Кольцовъ съ молодыми художниками; къ числу ихъ относятся школьный товарищъ Гоголя, Апол. Ник. Мокрицкій (о немъ въ

кн. „Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко". Изд. 3. Спб. 1881, стр. 421—423), Алексѣй Вас. Тырановъ (1808—1859), котораго Кольцовъ называетъ Турановымъ.—Григоровичъ—вѣроятно, Вас. Ив.,—конференцъ-секретарь Академіи Художествъ. Кромѣ Посылина и Шевцова, лицъ, о которыхъ мы не нашли свѣдѣній, и трехъ художниковъ (Венеціанова, Мокрицкаго и Тыранова), остальные посѣтители вечеровъ Кольцова были литераторы. Одинъ изъ земляковъ-воронежцевъ, бывавшій на вечерахъ, сохранилъ воспоминаніе о нихъ и о гостепріимномъ хозяинѣ. (Де-Пуле. „Кольцовъ", стр. 90). Къ числу „земляковъ" нужно отнести и троихъ Крашенинниковыхъ, изъ коихъ одинъ Сергѣй Петровичъ, упоминаемый ниже на стр. 209, былъ литераторомъ.

Объ Ив. Ал. Бекѣ, переводчикѣ „Фауста", см. въ „Критико-біограф. словарѣ писателей" С. Венгерова, т. II.—Андрей Ник. Муравьевъ (1806—1874), авторъ „Путешествія по св. мѣстамъ", которое Кольцовъ называетъ „Странствованіями".

Александра Осиповна Ишимова (ум. въ 1881 г.)—извѣстная писательница для дѣтей и издательница журналовъ для дѣтей. Съ ней Кольцовъ могъ познакомиться у П. А. Плетнева.

Я отдалъ двѣ пьесы Воейкову въ „Сборникъ"—это „Глаза" и „Молитва".

— „три пьесы въ альманахъ Владиславлева"—„Кольцо" и двѣ „Пѣсни Лихача Кудрявича".

— „двѣ въ „Современникъ" Плетневу"—„Великое слово" и „Къ милой"

— „три пьесы оставилъ у Полеваго"—„Лѣсъ", „Цвѣтокъ" и „Горькая доля".

25. А. А. Краевскому (183). Напеч. въ „Др. и нов. Россіи" 1879 г. № 3, стр. 243. Письмо послано по городской почтѣ, очевидно, передъ самымъ отъѣздомъ Кольцова въ Москву.

26. Неизвѣстному лицу (стр. 183). Напеч. въ „Рус. Старинѣ" 1881 г. т. 31, № 8, стр. 632. Мы предполагаемъ, что это письмо адресовано Александру Александровичу Писареву, сенатору 7-го Департамента Сената (въ Москвѣ), въ которомъ было въ производствѣ дѣло Кольцова. А. А. Писаревъ (1780—1848), бывшій попечитель Московскаго университета и предсѣдатель общества любителей рос. словесности, въ 1830 г. былъ назначенъ сенаторомъ (см. примѣч. къ слѣдующему письму). Вполнѣ естественно было со стороны Кольцова поднести ему, какъ литератору, книжку своихъ стихотвореній.—Подлинникъ этого письма принадлежитъ Августѣйшему Президенту Императорской Академіи Наукъ Великому Князю Константину Константиновичу.

27. В. А. Жуковскому (стр. 183—185). Напеч. въ „Рус. Архивѣ" 1871 г., № 2, стр. 0180—0181.—Въ подлинникѣ письма (рукоп. И. Публ. Библ.) вмѣсто фамилій только иниціалы: О., П. и М.—Относительно перваго лица, къ которому писалъ также и кн. Вяземскій, почти навѣрное можно сказать, что это былъ сенаторъ 7-го департамента Петръ Ив. Озеровъ (1776—1843). По крайней мѣрѣ, передъ тѣмъ же Озеровымъ хлопоталъ Вяземскій о Кольцовѣ въ 1840 году. 3 апрѣля 1840 г. А. И. Тургеневъ писалъ кн. Вяземскому: „Записку по дѣлу Кольцова вчера списалъ у Свербеевой, а она отдастъ князю Оболенскому и черезъ него или другихъ Озерову, а я черезъ сына—князю Лобанову, оберъ-прокурору сего департамента. За повытчиками надобно ѣхать въ клубъ св. Станислава; передамъ

другимъ. Попрошу и сенатора Салтыкова, если отъ него зависитъ". Въ письмѣ отъ 5 апрѣля 1840 г. онъ же сообщаетъ князю П. А.: „Вотъ тебѣ собственноручное сенаторское обѣщанiе хлопотать по дѣлу твоего *protegé*. Князь Ал. Оболенскiй ищетъ случая дѣлать угодное своей племянницѣ" (т. е. Е. А. Свербеевой). См. „Остаф. архивъ", т. IV, стр. 108 и 112.

Сенаторъ П. — вѣроятно, А. А. Писаревъ, присутствовавшiй въ 7 департаментѣ (см. примѣч. къ предыдущему письму).

Гамалѣя — Николай Михайловичъ, товарищъ министра государственныхъ имуществъ.

Недавно („Рус. Архивъ" 1910, т. III, № 12, стр. 680—681) напечатаны два письма Жуковскаго къ Н. М. Гамалѣю отъ 15 и 19 марта 1838 г., въ очень лестныхъ выраженiяхъ рекомендующiя Кольцова и просящiя о содѣйствiи въ его дѣлахъ.

28. А. А. Краевскому (стр. 185—186). Напеч. въ „Др. и нов. Россiи" 1879 г., № 3, стр. 244.

Вас. Ив. Красовъ, о которомъ упоминается въ перепискѣ Кольцова нѣсколько разъ (род. 1810, умеръ 15 сен. 1854 г.), былъ нѣкоторое время профессоромъ Кiевскаго университета, потомъ учителемъ въ Москвѣ. Его стихотворенiя не отличаются глубиной, но полны задушевности и теплоты. (Его бiографiя въ „Словарѣ проф. универ. св. Владимiра" написана Н. П. Дашкевичемъ; см. также изд. „Лепта Бѣлинскаго", М. 1892; переписку Погодина съ Максимовичемъ въ „Сбор. Отд. рус. яз. Акад. Наукъ", т. 31; „Грановскiй и его переписка").

Степанъ Петр. Шевыревъ (1806—1864) — извѣстный профессоръ Московскаго университета. — Ник. Александр. Мельгуновъ (ум. въ 1867 г.)—сотрудникъ „Московскаго Наблюдателя", „Москвитянина", потомъ „Отечественныхъ Записокъ".

„Плачъ души" — въ окончательной редакцiи „Унынiе" (стр. 12—13), „Спящiй юноша" — то же, что „Спящему младенцу" (стр. 6).

29. В. Г. Бѣлинскому (стр. 186—188). Напеч. (съ сокращенiями) въ ст. Бѣлинскаго о жизни Кольцова, въ изд. 1846 г., стр. XXII—XXIV.

Отношенiя Кольцова къ Сребрянскому оставались до смерти послѣдняго хорошими. Чахотка у Сребрянскаго открылась въ Петербургѣ. „Врачи ему посовѣтовали оставить занятiя и отправиться на родину. Но у бѣдняка не было никакихъ средствъ, и вотъ тутъ-то въ пору и кстати пришла ему помощь друга. Алексѣй Васильевичъ далъ ему возможность переѣхать на родину и устроиться въ слободѣ Козловкѣ, гдѣ жила мать больного и сестра его и гдѣ онъ вскорѣ умеръ." (Де-Пуле. „Кольцовъ", стр. 122).

Василiй Петровичъ — Боткинъ.—Князь—П. Д. Козловскiй, инспекторъ межевого института въ Москвѣ, въ которомъ недолгое время (въ 1838 г.) преподавалъ Бѣлинскiй. Иванъ Петровичъ — братъ В. П. Боткина. Кирюша — художникъ Кириллъ Антоновичъ Горбуновъ (1815—1893).

30. А. В. Никитенку (стр. 188—189). Напеч. въ „Русской Старинѣ" 1892 г. № 12, стр. 683—684. Статью Марбаха о „Фаустѣ" перевелъ Боткинъ. Объ этой статьѣ и о переводѣ сохранился любопытный отзывъ Бѣлинскаго въ письмѣ къ И. И. Панаеву отъ 19 августа 1839 г. (Панаевъ. „Литер. воспом." Спб. 1876 г., стр. 379—380).—На основанiи этого письма Кольцова

можно предположить, что Никитенко хлопоталъ у Смирдина объ изданіи его стихотвореній.—Головченко—крупный купецъ въ Острогожскѣ.

Цензорами „Моск. Наблюдателя" были И. М. Снегиревъ и Булыгинъ.

31. В. Г. Бѣлинскому (стр. 189—190). Небольшой отрывокъ изъ письма въ ст. Бѣлинскаго при изд. 1846 г., стр. XXVIII—XXIX.

Иванъ Петровичъ,—по всей вѣроятности, Клюшниковъ (1811—1895), даровитый поэтъ кружка Станкевича. Онъ имѣлъ хуторъ въ Харьковской губ.; въ Харьковѣ онъ могъ встрѣтить А. В. Никитенка.

32. В. Г. Бѣлинскому (стр. 190—191). Отрывокъ въ статьѣ Бѣлинскаго при изд. 1846 г., стр. XXIX.

Въ нашей копіи письмо имѣетъ дату: 7 октября, 1838 г.; правильнѣе, однако, обозначить его 17 октября, такъ какъ при немъ приложена „Пѣсня разбойника", написанная 15 октября 1838 г.

Въ концѣ письма говорится, по всей вѣроятности, о „Примиреніи", которое помѣстилъ въ „Моск. Наблюдателѣ" Бѣлинскій; позднѣе, въ 1841 г., оно все-таки появилось и въ „Современникѣ", несмотря на нежеланіе Кольцова (см. стр. 244).

Появленіе этого стихотворенія въ „Современникѣ" вызвало замѣчаніе Я. К. Грота въ письмѣ къ П. А. Плетневу: „Поэзія Кольцова мнѣ не по нутру". („Переписка Грота съ Плетневымъ", т. I, стр. 218).

33. В. Г. Бѣлинскому (стр. 191—192). Напеч. въ первый разъ въ изд. А. Лященка (1893 г.) Повидимому, Никитенко отозвался на письмо Кольцова о Бѣлинскомъ.—Въ концѣ письма говорится, по всей вѣроятности, о стихотвореніи „Бѣдный призракъ", которое написано 20 октября 1838 г.—Влад. Андр. Владиславлевъ (1807—1856), авторъ повѣстей, издатель альманаха „Утренняя заря".

34. А. А. Краевскому (стр. 192—193). Напеч. въ „Др. и нов. Россіи" 1879 г., № 3, стр. 245.—Владиміръ Андреевичъ—т. е. Владиславлевъ; о немъ гораздо откровеннѣе высказался Кольцовъ въ предыдущемъ письмѣ, къ Бѣлинскому.

„Какъ я думаю кой о чемъ?—вы спросите". Очевидно, уже въ 1838 г. Кольцова настойчиво звали на житье въ Петербургъ (см. стр. 188—199, 204).

35. В. Г. Бѣлинскому (стр. 193—195). Напеч. полностью въ изд. А. Лященка (1893 г.), отрывокъ у Пыпина (т. II, 65—66)—Ник. Лук. Грабовскій былъ первымъ редакторомъ „Воронеж. Губ. Вѣдомостей" (1838—1845 гг.). Въ этомъ изданіи, довольно безсодержательномъ при немъ, Грабовскій не помѣстилъ ни строки о Кольцовѣ; даже некролога Воронежскаго поэта нѣтъ въ этой газетѣ. А. В. Никитенко сохранилъ о Грабовскомъ, какъ своемъ учителѣ, самыя лучшія воспоминанія. (О Грабовскомъ см.: 1) Н. Воскресенскій. Пятидесятилѣтіе Ворон. Г. Вѣд. 1888. 2) А. Никитенко. Записки и дневникъ. Спб. 1904 г., т. I, 54, 57, 64, 119).

36. Кн. В. Ѳ. Одоевскому (стр. 196—197). Напеч. въ „Рус. Архивѣ" 1864 г., стр. 1024—1025.

37. В. Г. Бѣлинскому (стр. 197—198). Отрывокъ письма въ статьѣ при изд. 1846 г., стр. XLII—XLIII. Дата письма установлена нами приблизительно.

„Бела" Лермонтова напечатана въ 3 № „Отеч. Записокъ" за 1839 г.

И. В. Росковшенко (псевдонимъ его: Вильгельмъ Мейстеръ) помѣщалъ стихотворенія въ журналахъ 30-хъ годовъ. (Его некрологъ въ „Рус. Архивѣ"

1890 г., № 2, стр. 310—315). Сочувственный отзывъ о его переводѣ „Ромео и Юліи“ см. въ „Собр. соч. Бѣлинскаго“, подъ ред. С. Венгерова, т. V 249—250.

Вашъ подарокъ получилъ—„Московскій Наблюдатель“ (ср. стр. 196, перечисленіе журналовъ въ письмѣ къ кн. В. Ѳ. Одоевскому).

„Да я къ вамъ послалъ прежде три пьески“.—Это, вѣроятно: „Послѣдняя борьба“, „Бѣдный призракъ“ и „Предъ образомъ Спасителя“.

38. В. Г. Бѣлинскому (стр. 200—203). Отрывки письма въ статьѣ Бѣлинскаго при изд. 1846 г., стр. XXX, и въ книгѣ А. Пыпина о Бѣлинскомъ (2 изд., стр. 239—241).—Поэтъ, писавшій по-малорусски, Мартовицкій, пьесы котораго помѣщены въ альманахѣ Е. П. Гребенки „Ластовка“.— „Нетерпѣливо жду услышать о стихахъ Сребрянскаго“ (ср. стр. 195). Въ Воронежской тетради № 6 Кольцовъ отмѣтилъ стихотворенія Сребрянскаго, посланныя имъ Бѣлинскому. Они изданы недавно въ статьѣ А. Путинцева о Сребрянскомъ („Памятная книжка Воронеж. губ. на 1906 г.“).

Вопросъ о „Флейтѣ“ Кудрявцева въ той же формѣ задавалъ и Станкевичъ. Впослѣдствіи и самъ Бѣлинскій увидѣлъ, что эта повѣсть не такое совершенство, какъ ему казалось. (А. Пыпинъ. „Бѣлинскій“, изд. 2, стр. 241, 249, 251 слл.).

Среди рукописей П. Я. Дашкова сохранилась писанная рукою Кольцова „Сказка“, начинающаяся словами: „Жилъ-былъ въ Питерѣ дуракъ“. Это и есть, должно быть, сказка Усова.

Пять *народныхъ* пѣсенъ (не Лермонтова) обратили на себя вниманіе и Бѣлинскаго, который писалъ изъ Москвы Краевскому (24 августа 1839 г.): „Пѣсни народныя интересны“.—Сообщилъ ихъ П. М. Языковъ.

Объ изданіи своего альманаха пишетъ Бѣлинскій И. И. Панаеву (22 февраля 1839 г.). Нѣсколько лѣтъ собиралъ критикъ для него статьи; наконецъ, передалъ ихъ въ „Современникъ“ Некрасова.

39. В. Г. Бѣлинскому (стр. 203—204). Напеч. въ изд. А. Лященка (1893 г.).—

„Пѣсня“,—по всей вѣроятности, „Въ непогоду вѣтеръ“ (5 августа 1839 г.).

Сомнѣнія Кольцова относительно „Хуторка“ были напрасны. Бѣлинскому онъ понравился. „Богатырь—да и только“,—писалъ критикъ Боткину 3 февраля 1840 г.—„Каковъ его „Хуторокъ“!

40. А. А. Краевскому (стр. 204—205). Напеч. въ „Др. и нов. Россіи“ 1879 г., № 3, стр. 245—247.—Письмо въ подлинникѣ безъ даты, которая устанавливается нами приблизительно.

41. В. Г. Бѣлинскому (стр. 206—207). Напеч. въ первый разъ въ изд. А. Лященка (1893 г.).

„Плетневъ пишетъ, чтобъ я прислалъ къ нему реестръ пьесъ, которыя я назначаю ему собственно въ „Современникъ“, а то, говоритъ, одну пьесу...“ Можно сравнить это неясное мѣсто съ стр. 210—211, гдѣ читаемъ: „Я поступаю передъ ними (т. е. передъ Плетневымъ и Краевскимъ) нехорошо: въ прошлый годъ получилъ „Современника“ четыре книги, а напечаталъ онъ мою только одну пьеску („Бѣгство“), а за одну пьеску взять четыре книги—довольно жирно“.

Такова была болѣе чѣмъ скромная оцѣнка Кольцовымъ его литературныхъ трудовъ!

42. В. А. Жуковскому (стр. 207—208). Напеч. въ „Рус. Архивѣ" 1871 г., № 2, стр. 0183—0186.—О губернаторѣ Н. И. Лодыгинѣ см. примѣчаніе къ письму 60-му.

43. А. Н. Черткову (стр. 209). Напеч. въ „Историч. Вѣстникѣ" 1893 г., № 1, стр. 195.—Алексѣй Николаевичъ Чертковъ, Воронежскій помѣщикъ, относился по-дружески къ Кольцову, который бывалъ у него въ домѣ.

44. В. Г. Бѣлинскому (стр. 209—211). Отрывокъ изъ этого письма въ книгѣ Пыпина о Бѣлинскомъ (изд. 2, стр. 329).—„Мой землякъ, а вашъ морякъ"—С. П. Крашенинниковъ (умеръ въ 1870 г.) онъ былъ редакторомъ „Морского Сборника". (Біографія его въ „Рус. Біогр. Словарѣ". Спб. 1902; см. также „Воспом." В. Бурнашева въ „Рус. Вѣстн." 1871 г., № 9, 10, 11).

Братья Н. В. Станкевича—Иванъ и Александръ Владиміровичи Станкевичи.

„Андрей Александровичъ присылаетъ мнѣ свою газету".—Въ 1840 г. Краевскій, вмѣсто „Литерат. прибавленій къ Рус. Инвалиду", сталъ издавать „Литературную газету"; въ 1841—1843 гг. редакторомъ ея былъ Ѳ. А. Кони.

„Особенное наводненіе ощутительно въ стихописателяхъ... и есть штукъ 25, и чаще всего пописываютъ рифмованными стихами и даже на разные случаи пакостныя критики".—Фамиліи нѣкоторыхъ изъ этихъ стихописателей см. въ описаніи Воронежскихъ рукописей (стр. 320). Сюда надо присоединить Мартовицкаго (прим. къ 35 письму). Что касается „пакостныхъ критикъ", то здѣсь разумѣется, должно быть, басня Ив. Ив. Волкова (7 февраля 1839 г.), направленная противъ Кольцова. Эта басня и другая „Неровня" напечатаны П. Малыхинымъ въ „Отеч. Запискахъ" 1867 г., т. 170, стр. 505—507.

45. Кн. В. Ѳ. Одоевскому (стр. 211—213). Напеч. въ „Рус. Архивѣ" 1864 г. (изд. 2), стр. 1026—1029.—Н. И. Карачинскій, управлявшій палатой государственныхъ имуществъ въ Воронежѣ, принадлежалъ къ числу послѣднихъ могиканъ-крѣпостниковъ. Онъ былъ убитъ своими крѣпостными въ 1859 г. (Де-Пуле. „Кольцовъ", стр. 113—114).

46. В. Г. Бѣлинскому (стр. 213—217). Напеч. впервые у Пыпина и въ статьѣ Бѣлинскаго.

Пав. Степ. Мочаловъ, посѣтившій Кольцова, записалъ потомъ (14 мая) въ тетради Кольцова три своихъ пѣсни: 1) „Старый боръ, черный боръ", 2) „Ахъ ты, солнце, солнце красное", 3) „Спасибо" (см. стр. 216 и 330).

Кольцовъ хотѣлъ написать статейку о Мочаловѣ, „а чортовы размѣры не даютъ хода прозѣ и велятъ молчать". Отсюда Де-Пуле дѣлаетъ выводъ, что поэтъ чувствовалъ зависть къ И. С. Дацкову, учителю Воронежской гимназіи, писавшему рецензіи, хотя самъ же признаетъ, что Кольцовъ прошелъ подъ вліяніемъ Бѣлинскаго хорошую эстетическую школу (Де-Пуле, н. соч., 151).—Завидовать заурянымъ рецензіямъ Дацкова („Ворон. Г. Вѣд." 1840, № 50, 51) Кольцовъ едва ли могъ.

Николай Христофоровичъ Кетчеръ (1809—1886) осуществилъ свое намѣреніе полнаго перевода сочиненій Шекспира; онъ впослѣдствіи редактировалъ „Сочиненія Бѣлинскаго" въ изданіи Солдатенкова. Въ его распоряженіи были многія письма къ Бѣлинскому, которыя родственники критика, несмотря на напоминанія, не могли получить обратно. („Въ пользу голодающихъ. Лепта Бѣлинскаго". М. 1892, стр. 30; ср. Пыпинъ, н. с., предисл.).

„Я встрѣтилъ кой-какихъ харьковцевъ изъ университета“ — тутъ Кольцовъ разумѣлъ, быть можетъ, Александра Митроф. Юдина, написавшаго впослѣдствіи статью о поэтѣ. (О Юдинѣ см. у Де-Пуле. „Кольцовъ“, стр. 53—54).

Въ № 5 „Сына Отечества“ за 1840 г. напечатана „Сказка о попѣ и работникѣ его Балдѣ“ Пушкина.

Стихотвореніе „Его Превосходительству Дм. Б.“, т. е. Дмитрію Никитичу Бѣгичеву, управлявшему Воронежской губ. съ 1830 по 9 апрѣля 1836 г. Бѣгичевъ — авторъ романа „Семейство Холмскихъ“ и другихъ произведеній. (О немъ въ: 1) „Запискахъ“ Кс. А. Полевого. Спб. 1888, 2) Соч. Бѣлинскаго, ред. С. Венгерова, V, 572). — „Ему она не понравилась“, т. е. тому родственнику („роднѣ“) Бѣгичева, который и побудилъ Кольцова написать пьеску въ честь бывшаго губернатора. Самъ Бѣгичевъ, вѣроятно, одобрилъ ее, такъ какъ она появилась въ „Сынѣ Отечества“ 1840 г.

„Къ ней же“ — т. е. „Къ ***“ (Ты въ путь иной отправилась одна).

„Дума двѣнадцатая“ — очень слабое стихотвореніе, явившееся подъ вліяніемъ философскихъ бесѣдъ въ кружкѣ Бѣлинскаго; оно и повторяетъ чужія мысли, „хоть я и не охотникъ на чужбинку“ — говоритъ поэтъ.

Русская пословица, начало которой приводитъ Кольцовъ (стр. 217): „охотку держать — домъ разорять“. (В. Даль. „Пословицы русскаго народа“. Изд. 2. 1876, т. II, стр. 420).

„Вамъ пошлю тетрадь (стихотвореній) и письмо (т. е. довѣренность на изданіе книги) и полную волю: что хотите, то и дѣлайте — вы ея хозяинъ“. Изданіе не состоялось при жизни Кольцова.

„Что напишу, буду посылать къ вамъ: прямо одни стихи, безъ письма“ — рядъ такихъ листковъ, съ краткими приписками Кольцова, описанъ нами выше (стр. 333—334).

47. В. Г. Бѣлинскому (стр. 218—224). Отрывки письма напеч. въ статьѣ Бѣлинскаго при изд. 1846 г., стр. XXX—XXXII, и въ книгѣ А. Пыпина о Бѣлинскомъ, 2 изд., стр. 331—332.

„А есть много и старовѣровъ, которые почему-то не понимаютъ васъ и говорятъ, что слова „субъектъ и объектъ“ ставятся напрасно“. Къ числу такихъ старовѣровъ относится учитель гимназіи И. С. Дацковъ, который въ дневникахъ (мартъ — іюнь 1840 г.) отмѣтилъ свои отзывы о Кольцовѣ и споры съ нимъ. (Де-Пуле. „Кольцовъ“, стр. 150—151).

„Пророчески вы угадали“ — такъ въ изд. 1846 г., въ нашей копіи: „Пророчески вы узнали“.

Вопросъ о женитьбѣ Кольцова (219) поднимался „въ третьемъ годѣ“ (см. стр. 188).

„Если я начну торговать; — будь у меня 5.000, дай мнѣ Андрей Александровичъ 5.000, вы — 2.000, всего — 12.000“ (стр. 220). Изъ этого мѣста видно, что одно изъ предложеній Кольцову заключалось въ открытіи книжной лавки. Это соотвѣтствуетъ словамъ Бѣлинскаго въ біографіи Кольцова: „Въ это время Кольцову было сдѣлано изъ Петербурга предложеніе принять управленіе книжною лавкою, основанною на акціяхъ. Другое предложеніе было сдѣлано ему А. А. Краевскимъ — принять на себя завѣдываніе конторою „Отечественныхъ Записокъ“. Первое предложеніе было ему совершенно не по душѣ“.

„Приказчикомъ же быть мнѣ — я тоже не гожусь" — отвѣчаетъ Кольцовъ (стр. 220) въ настоящемъ письмѣ на второе предложенiе.

„Онъ (отецъ) человѣкъ простой, купецъ, *спекуляторъ*" (стр. 221) — въ нашей копiи; въ изд. 1846 г.: *спекулянтъ*.

„Я до сихъ поръ помню Лангера и тотъ вечеръ, и никогда его не забуду" (стр. 222). Өедоръ Өедоровичъ Лангеръ „былъ извѣстный въ то время музыкантъ, участникъ вечеровъ и квартетовъ Боткина, и чрезъ него другъ кружка". (Пыпинъ. „Бѣлинскiй", 2 изд., 287). Въ 1838 г. на вечерѣ у Боткина, подъ впечатлѣнiемъ музыки Лангера, Кольцовъ написалъ стих. „Мiръ музыки".

„Изъ тѣхъ, что прислали вы, я не буду поправлять, кромѣ двухъ „Стеньки Разина" и „Пѣсни" (стр. 223). — Это мѣсто письма ясно указываетъ, что Бѣлинскiй самъ не исправлялъ стиховъ Кольцова, но указывалъ ему слабыя мѣста и рекомендовалъ ихъ поправить. — „Пѣсня" — вѣроятно, — „Въ непогоду вѣтеръ" (стр. 113).

„Посылаю вамъ еще новыхъ четыре пьески" (стр. 123). Это были по всей вѣроятности: „Разлука" (21 мая 1840 г.), „Не на радость не на счастье" (12 iюня), „Перепутье" (11 iюля), „Дуютъ вѣтры" (14 августа).

„Недоумѣнiе" — повѣсть П. Н. Кудрявцева.

Рѣзкiй отзывъ Кольцова (стр. 224) относится къ переводчику и знатоку Шекспира, Андрею Ивановичу Кроненбергу, котораго очень цѣнилъ за его знанiя Бѣлинскiй. (А. Пыпинъ. „Бѣлинскiй", 2 изд., 320, 322).

Павелъ Степановичъ — Мочаловъ. Михаилъ Семеновичъ — Щепкинъ.

Въ концѣ письма высказано предположенiе, не потерялъ ли Бѣлинскiй рукописную тетрадь народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Кольцовымъ. Извѣстно, что П. В. Кирѣевскiй пользовался собранiемъ пѣсенъ, записанныхъ Кольцовымъ въ Воронежской губ.

При письмѣ приложена „Пѣсня" (Въ непогоду вѣтеръ), о которой выше (стр. 223) сказано, что она поправлена поэтомъ.

По поводу этого письма Бѣлинскiй писалъ Боткину 5 сентября 1840 г.: „Бѣдный Кольцовъ! Какъ глубоко страдаетъ онъ! Его письмо потрясло мою душу. Все благородное страждетъ — одни скоты блаженствуютъ... Какъ прiѣдетъ въ Москву Кольцовъ, скажи, чтобъ тотчасъ онъ увѣдомилъ меня, а если поѣдетъ въ Питеръ, чтобы прямо ко мнѣ и искалъ бы меня на Васильевскомъ острову".

48. А. А. Краевскому (стр. 225—226). Напеч. впервые въ изд. А. Лященка (1893) съ неправильной датой (*1 января* 1840 г.), которая повторена А. Введенскимъ.

Книгопродавецъ Ник. Ник. Улитинъ умеръ въ 1856 г. (Сѣв. Пчела 1856, № 96). — О немъ и ниже, стр. 228.

Подозрительность, проявленная Кольцовымъ по отношенiю къ Өедору Алексѣевичу Кони (1809—1879), не имѣла основанiй.

По поводу этого письма редакторомъ настоящаго изданiя получена отъ одного знатока русской литературы слѣдующая замѣтка:

„Письмо Кольцова къ Краевскому отъ 1 декабря 1840 г. является, повидимому, плодомъ какого-то недоразумѣнiя. Опытный журналистъ и плодовитый писатель для театра, авторъ ряда критическихъ статей по исторiи искус-

ства и обширной „Исторіи Фридриха Великаго", переводчикъ „Исторіи Консульства и Имперіи" Тьера, — не могъ говорить дурно и малопонятно по-русски и едва ли могъ проживать въ это время въ Москвѣ, такъ какъ состоялъ учителемъ исторіи во второмъ кадетскомъ корпусѣ и наставникомъ-наблюдателемъ по тому же предмету въ Дворянскомъ Полку *въ Петербургѣ*. Вѣроятно, Кольцовъ принялъ за Ѳ. А. Кони какое-нибудь другое лицо, наслушавшись предъ тѣмъ злословія противъ Кони отъ недоброжелателей послѣдняго. Въ числѣ этихъ недоброжелателей стоялъ долгое время Булгаринъ, котораго впослѣдствіи Кони изобразилъ въ лицѣ журналиста Задарина въ водевилѣ „Петербургскія квартиры", снискавшемъ большое одобреніе Бѣлинскаго".

Съ своей стороны, можемъ прибавить, что впослѣдствіи предубѣжденіе Кольцова противъ Кони разсѣялось. Доказательствомъ ихъ хорошихъ отношеній служитъ письмо Кольцова къ Ѳ. А. Кони (отъ 1 марта 1841 г.), сообщенное намъ почетнымъ академикомъ А. Ѳ. Кони, которому приносимъ за это глубокую признательность.

49. В. Г. Бѣлинскому (стр. 226—230). Небольшіе отрывки этого письма напеч. въ кн. Пыпина „Бѣлинскій", изд. 2, стр. 333—334; въ изд. „Стих." Кольцова 1846 г., стр. XXXIII.

„Письма князя Вяземскаго имѣли полный успѣхъ"—см. примѣч. къ письму 27-му.

„Стишонки", которыя началъ кропать „Кольцовъ", перечислены въ слѣдующемъ письмѣ (стр. 230—231).

Начало этого письма Кольцова получаетъ хорошій комментарій изъ письма Бѣлинскаго къ К. С. Аксакову отъ 10 января 1840 г. Начинается оно съ сердечной благодарности „за вниманіе и ласки къ брату". Переходя къ литературнымъ дѣламъ, Бѣлинскій пишетъ: „Радуюсь твоей новой классификаціи: Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь; но и дивлюсь ей. Куда же дѣвался Гете? О юноша! пылка душа твоя, но и я люблю ея прекраснодушную пылкость! Вотъ мы и сошлись съ тобою; только у меня на мѣстѣ Гоголя стоитъ Пушкинъ". (Далѣе идутъ возраженія). „Интересно мнѣ знать, что ты скажешь о Ломоносовѣ!... Со стороны его вліянія на словесность я крѣпко усомнился. Говорятъ, что онъ въ литературѣ Петръ, а мнѣ кажется, что даже и не Меньшиковъ . . . . Мой искренній поклонъ Сергѣю Тимофѣевичу. Вѣрь, Константинъ, что я уважаю твоего отца искренно, хотя онъ, какъ мнѣ кажется, и предубѣжденъ противъ меня". („Систематич. собр. соч. Бѣлинскаго". Изд. 2, Н. Зинченко. Спб. 1900, стр. 22—23). Въ письмѣ отъ 23 августа уже чувствуется охлажденіе. (Тамъ же, стр. 26).

Статья Бѣлинскаго „Русскій театръ въ Петербургѣ" помѣщена въ „Отеч. Запискахъ" 1840, т. XII, № 10; статья о сочиненіяхъ Ломоносова—тамъ же, т. XIII, № 11. (См. „Полн. собраніе сочин. Бѣлинскаго". Подъ ред. С. А. Венгерова. Т. V. Спб. 1901).

Александръ Анѳимовичъ Орловъ (стр. 227)—очень посредственный писатель (умеръ въ 1840 г.). О немъ статьи С. А. Венгерова и А. В. Смирнова въ „Литерат. Вѣстникѣ" 1901 г., т. I, кн. 3.

По сообщенію И. С. Аксакова, Кольцовъ изрѣдка бывалъ на субботнихъ обѣдахъ у С. Т. Аксакова; съ семьей Аксаковыхъ поэтъ не сблизился: не

было къ нему ни симпатій, ни антипатій. (Де-Пуле. „Кольцовъ". Спб. 1878, стр. 88– 89).

Въ Москвѣ В. Г. Бѣлинскимъ былъ оставленъ самый младшій (рагъ, Никаноръ, на попеченіи родственника Дмитрія Петровича Иванова, котораго Кольцовъ раза два называетъ Дмитріемъ Ивановичемъ. Матеріальныя обстоятельства самого критика были первое время его жизни въ Петербургѣ, какъ почти всегда, впрочемъ, очень не важны, и онъ посылалъ въ Москву деньги неаккуратно. По отзыву кн. Н. Н. Енгалычева, Никаноръ Бѣлинскій былъ очень умный, способный мальчикъ, но крайне избалованный и даже испорченный нравственно. Отецъ мало заботился о немъ, и только въ 1836 г. (послѣ смерти отца) удалось Бѣлинскому поселить у себя брата, который, однако, занимался плохо. („Рус. Старина" 1876 г., т. 15, стр. 344 и сл.). О Дмитріи Петровичѣ Ивановѣ см. въ книгѣ А. Пыпина „Бѣлинскій", 2 изд., 149 слл.

По поводу строгаго отзыва Боткина о переводахъ „Ромео"—М. Н. Каткова и „Бури"—Н. М. Сатина (стр. 247), Бѣлинскій писалъ ему, что къ переводчикамъ Шекспира можно быть поснисходительнѣе—благо переводятъ.—Бѣлинскій жалѣетъ, что П. Н. Кудрявцевъ отказывается писать рецензіи для „Отеч. Записокъ". (А. Пыпинъ, н. с., 348—349).

Повѣсть Гофмана „Котъ Мурръ" переведена Н. Х. Кетчеромъ.—Отзывъ о немъ Бѣлинскаго въ „Полн. собр. соч., подъ редакціею С. Венгерова", т. V, 392—394.

И. Песоцкій—издатель „Репертуара русскаго театра", перешедшаго потомъ къ Ѳ. А. Кони. О Песоцкомъ см. „Воспом." Головачевой-Панаевой" (Спб. 1890, стр. 111).

„Братъ Боткина началъ писать драму изъ малороссійской исторіи". По всей вѣроятности, Николай Петровичъ Боткинъ (1813—1869); онъ жилъ долго въ Римѣ, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Гоголемъ (не подъ его ли вліяніемъ взятъ сюжетъ этой драмы?) и нерѣдко помогалъ за границей русскимъ художникамъ и учащимся. 1) Некрологъ въ „Илл. Газ." 1869 г., № 12, 2) „Воспом." Головачевой, 3) Письма Гоголя, подъ ред. В. Шенрока, 4) „Воспом." Фета. М. 1890 г.).

„Сладили съ Плетневымъ; да я думаю, еще нѣтъ" (стр. 229). А. Пыпинъ полагаетъ, что Бѣлинскій думалъ оставить „Отеч. Записки" и перейти въ „Современникъ" Плетнева. Едва ли это такъ; изъ дальнѣйшаго видно, что дѣло скорѣе шло объ урокахъ.—Знакомство Бѣлинскаго съ Плетневымъ состоялось, повидимому, при помощи И. И. Панаева. („Переписка Грота съ Плетневымъ". СПБ. 1896 Т. I, стр. 120, 138, 224).

О Марвѣ Ивановнѣ (стр. 229, 248, 259) см. Пыпинъ, н. с., стр. 620).

„Александру Александровичу искреннее почтеніе ... Михаилу Александровичу низкой поклонъ" (стр. 230). А. А. Комаровъ—преподаватель русской словесности во второмъ кадетскомъ корпусѣ, принадлежалъ къ кружку И. И. Панаева („Воспом." Панаева. 1876 г., стр. 138, 320, 444, 398 слл.).—М. А. Языковъ—пріятель Бѣлинскаго („Воспом." Головачевой-Панаевой, стр. 236—242; „Воспом." Панаева, 129, 461 слл.).

Родныя сестры—Авдотья Яковлевна—Панаева и Анна Яковлевна—Краевская.

50. В. Г. Бѣлинскому (стр. 230—231). Напеч. въ „Рус. Архивѣ" 1875 г., т. III, стр. 394—395.

„Жалоба“—потомъ была названа „Расчетъ съ жизнью“.

Рабусъ, переведшій на нѣмецкій яз. пѣсню „Много есть у меня“,—Карлъ Ивановичъ, пейзажистъ (умеръ въ 1857 г.); онъ былъ въ Москвѣ преподавателемъ Констаитиновскаго межевого института, гдѣ недолгое время преподавалъ и Бѣлинскій.

Въ письмѣ къ Боткину (26 декабря 1840 г.) Бѣлинскій писалъ: „Каковы послѣднія стихотворенія Кольцова? Экой чортъ! Коли размахнется—такъ посторонись—ушибетъ. А „Ночь“? Да это просто—и слова нѣту“.

51. А. А. Краевскому (стр. 231—232). Напеч. въ „Др. и нов. Россіи“ 1879 г., № 3, стр. 247—248.

„Боткинъ къ вамъ посылаетъ славную статью, которую перевелъ онъ съ англійскаго, изъ какой-то миссъ... миссъ... ей Богу, позабылъ“ (стр. 232). Статья миссъ Анны Джемсонъ (см. „Отеч. Зап.“ 1841 г., т. XIV).

52. А. В. Кольцовой (стр. 232—234). Напеч. въ „Нивѣ“ 1893 г., № 38.

Варя (стр. 232)—Варвара Григорьевна Лебедева (урожд. Огаркова), которой потомъ увлекся Кольцовъ.—Капканщиковъ—Воронежскій купецъ.

„Соловей“ (Ты не пой, соловей)—романсъ А. Е. Варламова.

Софья Павловна—см. примѣч. къ письму № 7.

Есть нѣкоторое основаніе отождествить „Софью Павловну“ съ племянницей Кольцова Вѣрой Ивановной Башкирцевой, которая дѣйствительно вышла за небогатаго чиновника Н. И. Тимоѳеева, получившаго образованіе въ Харьковскомъ университетѣ. Бракъ состоялся безъ особой симпатіи къ жениху, „подъ единственнымъ побужденіемъ скорѣе выбраться изъ родительскаго дома“. (Де-Пуле, н. соч., стр. 168). Это отождествленіе не противорѣчитъ тому, что „Софья Павловна“ была не дальней родственницей и называлась Кольцовымъ „сестрицей“. В. И. Башкирцева, по словамъ Де-Пуле, „бойкая и красивая, была старше Анисьи Васильевны и въ жизни Кольцовыхъ играла больше роль *сестры*, чѣмъ племянницы“ (Тамъ же, стр. 61). Что касается письма къ „сестрицѣ“ (стр. 159—161), то, по нашему мнѣнію, Де-Пуле преувеличилъ его значеніе. Это—наборъ фразъ, едва ли при томъ отосланныхъ по назначенію. Вѣдь подлинникъ этого письма къ „сестрицѣ“ сохранился въ *бумагахъ Кольцова.*

„Пѣла Паста“ (стр. 232), которая была приглашена въ 1840 г. въ петербургскую итальянскую оперу и имѣла въ Россіи большой успѣхъ.

„Я написалъ еще нѣсколько пьесокъ, и довольно удачно; послалъ ихъ къ Бѣлинскому. Онъ просто отъ нихъ въ восторгѣ“ (стр. 231).—См. примѣч. къ письму № 50.

53. В. Г. Бѣлинскому (стр. 234—249). Напеч. впервые въ изд. А. Лященка (1893 г.).

Объ отношеніяхъ Н. Ф. Павлова къ Бѣлинскому см. въ книгѣ Пыпина о Бѣлинскомъ, 2 изд., стр. 297—298. Слухъ объ отказѣ Бѣлинскаго отъ „Отеч. Записокъ“ исходилъ отъ самого критика, который говорилъ объ этомъ Н. В. Савельеву (стр. 244). Ср. Пыпинъ, н. с., стр. 227.

Петровъ, занимавшійся англійскимъ языкомъ съ Никаноромъ Бѣлинскимъ,—по всей вѣроятности, проф. Павелъ Яковлевичъ Петровъ, университетскій товарищъ В. Г. Бѣлинскаго.

„Онъ (т. е. братъ Бѣлинскаго, Никаноръ) съ Дмитріемъ Петровичемъ теперь ладитъ“ (стр. 235). Здѣсь Кольцовъ называетъ Иванова уже правильно—Дмитріемъ Петровичемъ.

О поступкѣ Полякова съ экземплярами „Кота Мурра“ (стр. 236) упоминалось уже на стр. 228; упоминается еще нѣсколько разъ. Книгопродавецъ Поляковъ, вообще, не отличался аккуратностью и добросовѣстностью, что засвидѣтельствовано и Панаевымъ („Воспом.“ 1876 г., стр. 313 слл.).

Объ Ив. Ерм. Великопольскомъ (1797—1868) есть спеціальная монографія Б. Л. Модзалевскаго („Памяти Л. Н. Майкова“. 1902 и отд. Спб. 1902 г.), гдѣ разсмотрѣны его отношенія къ К. С. Аксакову и Бѣлинскому.— Замѣтка Бѣлинскаго о трагедія К. Аксакова „Олегъ подъ Константинополемъ“ напечатана въ „Полн. Собр. сочин. Бѣлинскаго. Подъ ред. С. Венгерова. Т. II, стр. 141—142.

„На дняхъ былъ я у Чаадаева...“ (стр. 237). Кольцовъ здѣсь сообщаетъ со словъ непосредственнаго свидѣтеля очень интересный фактъ объ отношеніи Пушкина къ Бѣлинскому. Другая версія этого разсказа едва ли справедливо замѣняетъ Чаадаева М. С. Щепкинымъ (И. Панаевъ. „Воспом.“ 1876 г., стр. 385).

Еще 28 апрѣля 1840 г. Кольцовъ думалъ передѣлать въ оперу разсказъ Даля „Ночь на распутьи“ (стр. 217). Теперь онъ сообщаетъ о слухѣ, что за ту же тему взялись А. А. Шаховской и А. Н. Верстовскій. Осуществилось ли это предпріятіе, не знаемъ. Въ 1841 г. вышла опера Верстовскаго „Чурова долина“.

На стр. 237 названы лица, встрѣчавшія новый годъ у В. П. Боткина, Это все—профессора и литераторы изъ кружка Бѣлинскаго.—Иванъ Петровичъ, очевидно, братъ В. П. Боткина (р. 1819 г., ум. 1878 г.) (ср. стр. 278).— Иванъ Ивановичъ—можетъ быть, врачъ Ив. Ив. Молнаръ (1802—1872 г.), двоюродный братъ Ю. Венелина, писавшій тоже по исторіи. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Бѣлинскимъ.

О бенефисѣ Мочалова см. въ слѣдующемъ письмѣ, стр. 242.

„Ширяевъ очень боленъ“ (стр. 238).—Александръ Серг. Ширяевъ, книгопродавецъ въ Москвѣ, умеръ въ 1841 году. (О немъ въ „Запискахъ“ Кс. Полевого. Спб. 1888).

„Пѣсня“ (стр. 238)—„Много есть у меня“.

54. В. Г. Бѣлинскому (стр. 239—245). Отрывки изъ письма въ книгѣ Пыпина, 2 изд., стр. 334—336, и въ статьѣ Бѣлинскаго при изд. 1846 г., стр. XXXII—XXXIV.

Никольскій (стр. 242)—художникъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ К. И. Рабусомъ и К. А. Горбуновымъ.

Три стихотворенія В. И. Красова („7 января“, „Анакреонъ“, „Лагерь“, съ посвящ. А. В. Кольцову) сохранились въ бумагахъ Бѣлинскаго (см. стр. 335).

Графиня Сарра Өедоровна Толстая (1821—1838 г.), скончавшаяся въ ранней молодости, пріобрѣла извѣстность, какъ писательница. О ея сочиненіяхъ въ „Отеч. Запискахъ“ 1839 г. октябрь, была помѣщена статья М. Н. Каткова.—См. у Пыпина, н. соч., стр. 622.

Нащокинъ—, м. б., Петръ Александровичъ, разсказы котораго о семьѣ Толстыхъ напечатаны въ „Рус. Старинѣ“ 1878 г., т. XXI и XXIII.

„Я добылъ „Элегію" Пушкина на смерть Грибоѣдова" (стр. 240). Среди рукописей П. Я. Дашкова хранится эта элегія, писанная рукою Кольцова. Начало ея: „Гдѣ онъ? Гдѣ другъ? Кого спросить?" Это стихотвореніе принадлежитъ не Пушкину, а кн. А. И. Одоевскому. („Соч. кн. А. И. Одоевскаго". Изд. „Сѣвера", подъ ред. М. Н. Мазаева. СПб. 1893 г., стр. 6—7).

Н. Степановъ—владѣлецъ большой типографіи въ Москвѣ.

55. Кн. П. А. Вяземскому (стр. 245—246). Напеч. въ „Рус. Архивѣ" 1863 г. № 3, стр. 458—460.—Докторъ А. А. Іовскій (стр. 246) былъ профессоромъ Московскаго университета.—О книгопродавцѣ Кузнецовѣ см. въ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти" М. Дмитріева (М. 1869 г., стр. 153).—Княгиня Щербатова, вѣроятно, кн. Варвара Петровна (1774—1843 г.), мать Ек. Ал. Свербеевой, принимавшей тоже нѣкоторое участіе въ дѣлѣ Кольцова. (См. примѣч. къ письму 27).

Дѣло, по поводу котораго Кольцовъ хлопоталъ передъ кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, была тяжба съ крестьянами села Большая Приваловка. Это Приваловское дѣло подробно изложено у Де-Пуле (назв. соч., стр. 105—116).

56. В. Г. Бѣлинскому (стр. 246—248). Напеч. впервые въ изд. А. Ляценка (1893 г.).

„Спасибо одному человѣку—вызволилъ" (стр. 248). Изъ другихъ писемъ видно, что выручилъ Кольцова В. П. Боткинъ (стр. 241).

Предметомъ увлеченія Кольцова была В. Г. Лебедева.

Упоминаемыя на стр. 248 письма къ Краевскому и Кони сохранились и печатаются ниже.

57. А. А. Краевскому (стр. 249—250). Напеч. въ „Др. и нов. Россіи" 1879 г., № 3, стр. 248—249.—Со словъ Краевскаго тамъ же (стр. 248) объясняется: „редакціи („Отеч. Зап.") было извѣстно, что Кольцовъ не находился въ Воронежѣ, а потому и журналъ ему не высылался".

58. Ѳ. А. Кони (стр. 250—251). Напеч. въ „Рус. Архивѣ" 1909 г. и во 2-мъ Академическомъ изданіи сочиненій Кольцова.

Въ „Пантеонѣ" 1840 г. было помѣщено стих. „Красавицѣ"; въ „Литературной Газетѣ" 1841 г.: „Человѣкъ", „Разувѣреніе", „Спящему младенцу".

59. А. Н. Черткову (стр. 251). Напеч. въ „Библіогр. Запискахъ" 1859 г. № 18, стр. 554—555.—Письмо безъ даты; оно, вѣроятнѣе всего, относится къ 1841 году, до болѣзни, когда Кольцовъ еще живо слѣдилъ за литературою и нуждался въ книгахъ и журналахъ. (Ср. три предыдущія письма).

60. Кн. В. Ѳ. Одоевскому (стр. 251—252). Напеч. впервые, по рукописи изъ Татевскаго архива, въ Академическомъ изданіи.

Ген.-маіоръ Ник. Ив. Лодыгинъ былъ губернаторомъ въ Воронежѣ съ августа 1836 г. по 14 февраля 1841 г.—Назначенный его преемникомъ ген.-маіоръ Влад. Порфир. Молоствовъ не вступалъ въ должность и былъ уволенъ отъ нея 15 апрѣля 1841 года.

Графъ П. Д. Киселевъ былъ министромъ государственныхъ имуществъ съ 1837 г. по 1856 годъ.

61. В. Г. Бѣлинскому (стр. 252—256). Небольшой отрывокъ напеч. въ статьѣ Бѣлинскаго при изд. 1846 г.

62. В. Г. Бѣлинскому (стр. 256—258). Напеч. въ первый разъ въ изд. А. Лященка (1893 г.). Въ нашей копіи дата: 22 іюля 1841 г.; у Пыпина: 2 іюля 1841 г. (Назв. соч. 2 изд., стр. 413).

Родственникъ, на дачѣ котораго жилъ лѣтомъ 1841 г. Кольцовъ,—Иванъ Сергѣевичъ Башкирцевъ, мужъ его старшей сестры Маріи (умершей въ 1831 году). Лѣчилъ Кольцова Иванъ Андреевичъ Малышевъ, къ которому адресовано помѣщенное ниже письмо.

63. В. Г. Бѣлинскому (стр. 258—263). Отрывки изъ письма въ статьѣ Бѣлинскаго при изд. 1846 г., стр. XXXIV—XXXV.

Подъ статьей Бѣлинскаго, „ошельмованной цензурой" (стр. 261), разумѣется вторая статья о „Дѣяніяхъ Петра Великаго" и объ „Исторіи Петра" В. Бергмана, напечатанная въ XVI т. „Отеч. Записокъ" 1841 г. (см. выше, стр. 257).

Стихотвореніе „Чинаръ" (стр. 262) Кольцовъ ошибочно приписалъ Лермонтову.

64. Кн. П. А. Вяземскому (стр. 263). Напеч. въ „Русск. Архивѣ" 1868 г., № 3, стр. 460—461.—Лицомъ, которое должно было доставить по принадлежности это письмо, былъ, вѣроятно, учитель Воронежской гимназіи Як. Ѳед. Фламмъ; пансіонъ содержала его жена. О немъ же идетъ рѣчь на стр. 253.

65. Кн. В. Ѳ. Одоевскому (стр. 264). Напеч. въ „Русск. Старинѣ" 1904 г., т. 119, стр. 414—415.

Ген.-маіоръ Христофоръ Христофоровичъ фонъ-деръ-Ховенъ управлялъ Воронежской губерніей съ іюня 1841 г. по январь 1847 г.

66. И. А. Малышеву (стр. 264—265). Напеч. въ „Воронежской Бесѣдѣ на 1861 годъ", стр. 420—421.—Въ письмѣ отрывокъ изъ „Эпитафіи", напечатанной на стр. 149.

67. В. Г. Бѣлинскому (стр. 265—270). Напеч. въ изд. А. Лященка (1893 г.).

„Безконечный романъ Кукольника" (стр. 268), печатавшійся въ девяти книжкахъ „Библіотеки для чтенія" 1841 г.,—„Эвелина де Вальероль".

О Баталинѣ, товарищѣ М. П. Погодина, см. у Н. Барсукова „Жизнь и труды Погодина" Т. I, 165; VI, 82.

Объ Иванѣ Егоровичѣ Бецкомъ (стр. 269), издателѣ альманаха „Молодикъ", см. „Словарь русскихъ писателей" С. А. Венгерова. Т. VI, 253—255, 290.

Статья Бѣлинскаго о „Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ" Кирши Данилова и о „Сказаніяхъ русскаго народа" Сахарова помѣщена въ XVIII т. „Отеч. Записокъ" 1841 г.

Бѣлинскому не удалось закончить своей „Критической исторіи русской литературы", о ходѣ работъ надъ которой спрашивалъ его Кольцовъ (стр. 270). Нѣсколько статей, которыя должны были войти въ этотъ трудъ, напечатаны въ VI т. „Собранія соч. Бѣлинскаго", подъ ред. С. А. Венгерова (стр. 500—552); тамъ же (стр. 630—636) замѣчанія объ этомъ трудѣ.

68. В. Г. Бѣлинскому (стр. 270—274). Напеч. въ изд. А. Лященка (1893 г.).

Слухъ о подпискѣ на „Отеч. Записки" при содѣйствіи губернаторовъ (стр. 272) подтверждаетъ Плетневъ („Переписка Грота съ Плетневымъ". Спб. 1896 Т. I, стр. 356). Денежныя затрудненія отражались и на неаккуратной

разсылкѣ журнала Краевскаго, о чемъ неоднократно говоритъ Кольцовъ (стр. 247, 249). О томъ, какъ прижимали Краевскаго кредиторы, сообщаетъ и Никитенко. („Записки и дневникъ" Спб. 1905. Т. I, стр. 301).

„Мѣсяца три назадъ Краевскій писалъ къ моему знакомому Черткову, чтобы онъ увѣдомилъ его, какъ я живу"... Объ этомъ письмѣ Краевскаго (отъ 8 октября 1841 г.) говорится въ статьѣ Л. Вейнберга въ „Историч. Вѣстникѣ" 1893 г., № 1, стр. 195. Отвѣтное письмо А. Н. Черткова не сохранилось въ бумагахъ Краевскаго, находящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ.

69. В. П. Боткину (274—279). Напеч. въ изд. А. И. Введенскаго (1895); отрывокъ въ статьѣ Бѣлинскаго.

70. В. Г. Бѣлинскому и В. П. Боткину (стр. 279—282). Напеч. въ изд. А. Лященка (1893 г.); отрывокъ въ статьѣ Бѣлинскаго при изд. 1846 г. А. И. Введенскій совершенно справедливо указалъ, что оно писано не въ 1841 г., а въ началѣ мая (около 7 мая) 1842 г. Его соображенія можно дополнить еще тѣмъ, что въ концѣ апрѣля 1842 г. Боткинъ переѣхалъ въ Петербургъ, а потомъ поселился на лѣтнее время на дачѣ въ Павловскѣ. Вотъ почему Кольцовъ писалъ своимъ обоимъ друзьямъ одно письмо.



Примѣчанія къ приложеніямъ.

I. — Юношескія произведенія Кольцова извлечены изъ 1-ой Воронежской тетради. Всѣ они, кромѣ №№ 12, 13 и 14, были напечатаны П. Малыхинымъ въ „Отеч. Зап." 1867 г., т. 170, стр. 510, 515. *„Прямое счастье"* и *„Посланіе Я. Я. Переславцову"* напеч. впервые въ изд. А. Лященка (1893 г.) *„Тоска о миломъ"* — впервые печатается въ этомъ изданіи.

О Елизаветѣ Григорьевнѣ Огарковой, которой посвящено „Посланіе" (стр. 287—288), см. выше, стр. 356.

Яковъ Яковлевичъ Переславцевъ (или Переславцовъ) (стр. 290) — двоюродный братъ Кольцова со стороны матери, принадлежалъ къ довольно многочисленному кругу Воронежскихъ стихотворцевъ. Ему принадлежала одна изъ Воронежскихъ тетрадей (см. выше, стр. 319), въ которой переписаны были стихи Сребрянскаго и другихъ поэтовъ.

II. — Русскія пословицы (стр. 293—304) — сборникъ Кольцова изданъ былъ въ первый разъ М. Де-Пуле въ „Воронежской Бесѣдѣ на 1861 г.", съ „исправленіемъ" орѳографическихъ ошибокъ Кольцова. Это исправленіе стерло особенности народнаго языка, сохраненныя Кольцовымъ. Но, и помимо этого, изданіе не лишено ошибокъ и искаженій (напр.: 23 пословица на букву Н напечатана у Де-Пуле такъ: не „лжетъ душа — алѣетъ мошна"; 2-ая пословица на букву Г напечатана: „говори, говори да и молъ (молчи)"; примѣчанія Кольцова спутаны съ примѣчаніями Де-Пуле). — Сборникъ Кольцова почти цѣликомъ вошелъ въ собраніе М. Дикарева „Пословицы, поговорки, примѣты и повѣрья Воронежской губ." („Воронежскій этнографическій сборникъ" 1891 г.). Онъ подробно описанъ выше, на стр. 319—321.

III. — Сборникъ пѣсенъ Воронежской губ., составленный Кольцовымъ и бывшій въ рукахъ Бѣлинскаго (письмо Кольцова къ Бѣлинскому отъ 15 августа 1840 г., стр. 221) и П. В. Кирѣевскаго („Предисловіе" его къ „Русскимъ народнымъ пѣснямъ", въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Рос." 1848 г.) пока не розысканъ. Нами издаются (стр. 305—308) только *двѣ народныя пѣсни,* записанныя Кольцовымъ, которыя сохранились въ бумагахъ Краевскаго (въ Публ. Библ.). Первая изъ нихъ, записанная въ Серпуховскомъ у. Московской губ., комментирована самимъ Кольцовымъ въ его письмѣ къ Краевскому отъ 28 іюля 1837 г. (стр. 171—172). Вторая является однимъ изъ многочисленныхъ варіантовъ извѣстной пѣсни о Ванькѣ-ключникѣ. (Тексты ея см. въ I т. „Великорусскихъ народныхъ пѣсенъ", изд. А. И. Соболевскимъ, стр. 1—87).

IV. — Стихотворенія, приписываемыя Кольцову (стр. 309—312).

1. *„Старый казакъ"*. Напеч. въ „Ворон. Губ. Вѣд." 1891 г., № 58, И. И. Струковымъ по старой рукописной тетради, въ которой оно помѣщено съ подписью: А. Кольцовъ.

2 и 3. „Когда моей подруги взоръ“ и *„Дюканжъ! Ты—чародѣй и милой и ужасный“*. Напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., т. 170, стр. 527—528, по Воронежской тетради, писанной рукою Кольцова.

4 и 5. „Пѣсня“ и „Пѣсня русская“. Напеч. въ „Сынѣ Отеч“. 1839 г., т. IX, стр. 10—11, съ подписью: *Лѣсникъ* и подъ заглавіемъ „Двѣ русскія пѣсни“. Онѣ же найдены были и въ Воронежской тетради, писанной рукою Кольцова, и переизданы съ варіантами въ „Отеч. Зап.“ 1867 г., с. 170, стр. 826—827.

6. *„Малороссійская пѣсня“*. Извлечена изъ Воронежской тетради № 3 и напечатана въ „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1864 г., № 141.

Принадлежность всѣхъ этихъ стихотвореній Кольцову сомнительна, хотя послѣднія пять и записаны рукою поэта въ его тетрадяхъ.

Кромѣ нихъ, въ изданіяхъ сочиненій Кольцова помѣщались еще нѣсколько стихотвореній, приписываемыхъ Кольцову, безо всякаго основанія. Таковы:

1. *Вечернее размышленіе о Божіемъ величіи, соч. Ломоносова, переложенное въ русскій размѣръ* (Нач.: День сокрылъ лицо, ночь въ поляхъ лежитъ). Напеч. въ „Лит. Приб. къ Р. Инв.“. 1838 г., № 32, стр. 627, съ подписью: *К—въ.*—Первый приписалъ его Кольцову М. И. Сухомлиновъ („Соч. Ломоносова“ Спб. 1891 г., т. I, стр. 241 примѣчаній). Въ художественномъ отношеніи переложеніе слабо; „русскій размѣръ“ его далекъ отъ размѣра и стиля Кольцова.

2 и 3. „Бояну“ (Нач.: Не играй, молодецъ, Мой домашній пѣвецъ) *„Измѣна“* (Цвѣлъ цвѣтокъ лазоревый) напечатаны въ „Репертуарѣ“ 1848 г., (іюнь), какъ принадлежащія Кольцову. Но оказалось, что авторъ ихъ нѣкій М. Владиміровъ (см. „Литер. Газета“ 1848 г., № 41, стр. 646).

4 и 5. „Пѣсня“ (Вянетъ травка осенью), *„Пѣсня“* (Пламенѣя, горя) присланы изъ Тулы М. Колоколовымъ въ „Литерат. Газету“, гдѣ напечатаны въ 1848 г., № 41, стр. 645—646, какъ Кольцовскія. Вскорѣ, однако, авторомъ ихъ оказался Геннадій Серебряковъ (см. „Сынъ Отечества“ 1851 г., № 7, стр. 29—30).

6 и 7. „Русская пѣсня“ (Во широкой степи), *„Русская простонародная пѣсня“* (Ахъ, не сонъ клонитъ буйну голову) напечатаны были въ „Ярослав. Губ. Вѣд.“ 1853 г., №№ 43 и 44, съ подписью: *Александръ Мыльниковъ*. По поводу ихъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1853 г., № 282, появилась замѣтка Сеславина, указывавшаго на то, что Мыльниковъ присвоилъ себѣ купленные имъ на рынкѣ стихи Кольцова.—А. Мыльниковъ (въ „Яросл. Г. Вѣд.“ 1854 г., № 8) отвѣчалъ на обвиненіе стихами: „Никогда стиховъ Кольцова я не думалъ покупать“, а впослѣдствіи помѣстилъ ихъ въ свой сборникъ „Русскія пѣсни, сочиненія А. Мыльникова“. Спб. 1859 г.

Мыльниковъ и Серебряковъ находились подъ сильнымъ вліяніемъ Кольцова и подражали ему. Такихъ подражателей было очень много (см. ниже, стр. 419). Любопытно отмѣтить, что очень близкія подражанія начались еще при жизни поэта. Такъ, нѣкій Тимоѳеевъ помѣстилъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1838 г. (т. XXVI, № 2, стр. 98—99) стихотвореніе подъ заглавіемъ „Тоска“. Оно начинается такъ: „Осѣдлаю коня, коня быстраго...“

Обзоръ литературы о Кольцовѣ.

Обзоръ литературы мы находимъ наиболѣе цѣлесообразнымъ разбить на отдѣлы: 1) воспоминанія и статьи, имѣющія характеръ первоисточника, 2) критическія и самостоятельныя біографическія статьи о Кольцовѣ, 3) біографическіе очерки и чтенія о Кольцовѣ, предназначенные для юношества и для народа, 4) библіографическіе труды.

1. Воспоминанія о Кольцовѣ и статьи о немъ, имѣющія характеръ первоисточниковъ.

Первымъ лицомъ, сообщившимъ въ печати довольно подробныя біографическія свѣдѣнія о Кольцовѣ, былъ Я. М. Невѣровъ („Поэтъ-прасолъ Кольцовъ", статья въ „Сынѣ Отеч." 1836 г., т. 176, стр. 259—272; 309—324). Данныя, имъ приведенныя, нельзя не признать цѣнными и вполнѣ достовѣрными. Такъ, его свидѣтельство о томъ, что родители пригласили семинариста для первоначальныхъ занятій съ мальчикомъ, правдоподобнѣе позднѣйшаго разсказа о томъ, будто онъ выучился грамотѣ самоучкою. Невѣровъ говоритъ о дѣтствѣ, обученіи Кольцова, о страсти къ ученію, о первыхъ его литературныхъ опытахъ и знакомствахъ. Вторая часть статьи посвящена разбору стихотвореній Кольцова.

В. Г. Бѣлинскій помѣстилъ въ „Отеч. Зап." (1843 г., т. XXVI, кн. 1, стр. 41—42; „Соч." Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. VIII, стр. 41—42) краткій, но прочувствованный некрологъ Кольцова; въ концѣ некролога сообщалось о намѣреніи друзей поэта издать его сочиненія съ біографіей. Это намѣреніе было осуществлено въ 1846 г., когда вышло указанное выше (стр. 337—338) изданіе „Стихотвореній" Кольцова, въ началѣ котораго помѣщена обширная (стр. 1—LXXX) статья Бѣлинскаго „О жизни и сочиненіяхъ Кольцова". Статья эта печатается въ XII томѣ „Сочиненій" Бѣлинскаго. (Отдѣльно она издана Лесманомъ въ Мелитополѣ въ 1900 г.). Вмѣстѣ со статьею Невѣрова она является главнѣйшимъ матеріаловъ для жизнеописанія поэта. Во многомъ Бѣлинскій повторяетъ сообщенія Невѣрова, затѣмъ дополняетъ его разсказомъ о жизни К., начиная съ 1836 г. по день смерти. Близкія личныя отношенія позволили критику освѣтить постоянное стремленіе поэта къ самообразованію, отмѣтить разладъ его съ окружающею средою, въ частности съ семьею, и борьбу его за самостоятельность. Эта борьба и погубила Кольцова. Бѣлинскій стоитъ вполнѣ на сторонѣ поэта. Свои положенія онъ подкрѣпляетъ обширными выписками изъ писемъ къ нему Кольцова, хотя и показываетъ этимъ, что освѣщаетъ семейныя отношенія своего друга односторонне. Тѣмъ не менѣе характеристика тношеній дана имъ, въ

общемъ, вѣрная. Написанная горячо, съ чувствомъ глубокой любви и сожалѣнія къ безвременно погибшему поэту, статья эта надолго сохранила господствующее положеніе въ оцѣнкѣ жизни и дѣятельности Кольцова.

Одновременно съ Бѣлинскимъ, не зная, однако, изданія 1846 г., А. Юдинъ помѣстилъ въ „Опытахъ въ соч. студ. Харьк. унив." (1846 г., т. I. стр. 219—236) статью „Поэтъ Кольцовъ и его стихотворенія". Юдинъ зналъ лично К., бесѣдовалъ съ нимъ, имѣлъ тетрадку съ его стихами (которые цитируетъ). Изъ его сообщеній цѣнно, напр., свидѣтельство о знакомствѣ нашего поэта съ Пушкинымъ.

Некрологъ, написанный Бѣлинскимъ, былъ единственнымъ въ русской литературѣ, если не считать стихотворнаго „Разговора на Воронежскомъ кладбищѣ", П. С. Мочалова („Репертуаръ и Пантеонъ" 1846 г., т. XIV, № 7, стр. 125—128), который посѣтилъ могилу поэта и отмѣтилъ его высокія душевныя качества и тяжелую жизнь.

Въ 1851 г. въ журналѣ для дѣвицъ „Лучи" (А. О. Ишимовой) помѣщены (№ 4, стр. 269—279) анонимныя воспоминанія о Кольцовѣ, сообщающія нѣкоторыя новыя подробности о поэтѣ. Воспоминанія называютъ двухъ лицъ, довольно близкихъ къ поэту въ послѣдніе годы его жизни: помѣщика М. М. Скіадана и юнкера драгунскаго полка А. Н. Карѣева; послѣдній, тоже поэтъ, часто навѣщалъ Кольцова въ послѣдній годъ его жизни и одинъ изъ немногихъ сопровождалъ тѣло его къ могилѣ.

В. И. Аскоченскій (1813—1879), воспитанникъ Воронежской семинаріи, въ ст. „Мои воспоминанія о Кольцовѣ" („Русск. Инвалидъ" 1854 г., № 244; „Кіев. Губ. Вѣд." 1854 г., № 41) сообщаетъ о кружкахъ семинаристовъ въ Воронежѣ, о Сребрянскомъ, о появленіи среди семинаристовъ К., наконецъ, о послѣднемъ своемъ свиданіи съ поэтомъ за три мѣсяца до его смерти (ср. „Воспом." Аскоченскаго въ „Истор. Вѣстн." 1882 г., т. VII, стр. 343—344).

Очень цѣнна краткая замѣтка М. Н. Каткова „Нѣсколько дополнительныхъ словъ къ характеристикѣ Кольцова" („Русск. Вѣстн." 1856 г., т. VI, ноябрь, стр. 169—171). Широкообразованный молодой критикъ-философъ проводилъ въ бесѣдѣ съ К. цѣлыя ночи, присутствовалъ иногда при его „мукахъ творчества". Здѣсь же говорится о личномъ характерѣ поэта, его практичности, о вліяніи на него Сребрянскаго и Станкевича.

Къ книгѣ П. В. Анненкова „Н. В. Станкевичъ" (М. 1857 г., стр. 21—22, 40, 139—142, переп. 128—129, 183) находимъ нѣкоторыя данныя о сближеніи его съ поэтомъ-прасоломъ. — О сближеніи К. со Станкевичемъ вспоминаетъ А. И. Герценъ („Полярная Звѣзда" 1857 г., т. III и „Сочиненія", т. VII, Женева 1879 г., стр. 153).—И. С. Тургеневъ, въ ст. „Литературный вечеръ у Плетнева" (первонач. въ „Русск. Арх." 1868 г. стр. 1668—1671; потомъ въ собр. соч.) подробно описываетъ свою единственную встрѣчу съ Кольцовымъ.

Въ № 88 „Спб. Вѣд." за 1867 г., въ корреспонденціи изъ Воронежа, помѣщены отрывки изъ письма А. П. Сребрянскаго къ брату (19 февраля 1837 г.), въ которомъ онъ обвиняетъ поэта въ присвоеніи написанныхъ авторомъ письма въ сотрудничествѣ съ Кольцовымъ думъ: „Великая истина", „Божій міръ" и „Слеза молитвы".

Краткія воспоминанія о знакомствѣ съ Кольцовымъ въ 1837 г. въ Воронежѣ находимъ въ брошюрѣ А. Н. Муравьева „Знакомство съ русскими поэтами". (Кіевъ 1872 г., стр. 25).

Гораздо важнѣе „Литературныя воспоминанія" И. И. Панаева (Спб. 1876 г., стр. 145, 314 слл., 359, 360, 364; въ изд. 1888 г. стр. 118—120, 137, 153—154, 285), въ которыхъ дана характеристика Кольцова, его отношеній къ Бѣлинскому, Панаеву.—Книга А. Н. Пыпина „Бѣлинскій, его жизнь и переписка" (Спб. 1876 г.; первонач. въ „Вѣстн. Евр." 1874, 1875 г.г., отд. Спб. 1876, въ 2-хъ томахъ; 2-е изд. Спб. 1908 г.) подробно выясняетъ отношенія критика къ нашему поэту, въ ней приведены обширныя цитаты изъ писемъ Кольцова къ Бѣлинскому, писемъ Бѣлинскаго къ Боткину, раскрывающихъ предъ читателемъ горячую привязанность критика къ Кольцову.

Любопытны „Воспоминанія" П. В. Анненкова (Спб. 1881 г., т. III, стр. 52—53), „Записки" Кс. А. Полевого (Спб. 1888 г., стр. 422; первоначально въ „Истор. Вѣстн." 1887 г., т. XXIX, стр. 531), воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой „Русскіе писатели и артисты" (Спб. 1890 г., стр. 84—86, первоначально въ „Историч. Вѣст." 1889 г.), „Записки и дневникъ" А. В. Никитенка („Русск. Стар." 1889 г., т. 64, стр. 120; отд. Спб. 1904 г., ч. I, стр. 307); „Воспоминанія" Юрія Арнольда (М. 1892 г., вып. II, стр. 212—213).

Краткія воспоминанія о Сребрянскомъ помѣщены въ газетѣ „Сынъ Отеч." 1892 г.; изложеніе ихъ находимъ въ № 138 „Ворон. Телегр." за 1892 г.—Болѣе важна статья Студина („Ворон. Телегр." 1892 г., № 121), сообщающая со словъ Т. Г. Епифановой и М. В. Колыбихина, о семейныхъ отношеніяхъ поэта.

Поднятый А. С. Суворинымъ вопросъ „Когда умеръ Кольцовъ" („Нов. Время" 1892 г., октябрь, № 5976) вызвалъ замѣтку „Когда умеръ К.?" (тамъ же, № 5978) и „Когда родился и умеръ К.?" (тамъ же, № 5983); авторы первыхъ двухъ замѣтокъ приводили надписи на старомъ и новомъ могильномъ памятникѣ К., авторъ послѣдней—сообщилъ выписки изъ метрическихъ книгъ о рожденіи поэта (3 октября 1809 г.) и его смерти (29 октября 1842 г.).

Л. Ф. Змѣевъ напечаталъ въ LV т. „Сборн. отд. русск. языка и слов." (Спб. 1893 г., прилож. къ протокол., стр. XIII—XIV) „Родословную рода Кольцовыхъ", составленную въ 1803 г. Василіемъ и Алексѣемъ Акимовичами Исаевыми. Къ сожалѣнію, родословная издана безъ документальной точности (введенъ, напр., Алексѣй Васильевичъ, родившійся послѣ 1803 г.); неясенъ также источникъ, откуда она извлечена (кажется, изъ дѣлъ Воронежскаго дворянскаго собранія; дѣло въ томъ, что вѣтвь Исаевыхъ принадлежала къ служилымъ людямъ).

Нѣкоторые штрихи для біографіи и характеристики К. можно извлечь изъ недавно изданной „Переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ" (Спб. 1896 г., т. I, стр. 140, 218); изъ переписки кн. П. А. Вяземскаго и А. И. Тургенева („Остафьевскій Архивъ". Спб. 1899 г., т. III, 289, 610, 675—676, 679—698; т. IV, стр. 107—108, 112).

Краткое упоминаніе о пребываніи въ Воронежѣ В. А. Жуковскаго и о двухъ свиданіяхъ его съ Кольцовымъ находимъ въ „Дневникахъ" В. А. Жуковскаго. (Съ примѣч. И. А. Бычкова. Спб. 1901, стр. 337—338).

Въ „Рускомъ Архивѣ" 1910 г. (т. III, № 12, стр. 680—681) А. Ѳ. Кони сообщилъ два письма В. А. Жуковскаго къ Н. М. Гамалею о Кольцовѣ.

2. Критическія и самостоятельныя біографическія статьи о Кольцовѣ.

Я. М. Невѣровъ напечаталъ двѣ статьи о Кольцовѣ; обѣ были вызваны сборникомъ стихотвореній, вышедшимъ въ 1835 г. Въ статьѣ, помѣщенной въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ (1836 г., № 3, отд. VI, стр. 653—658), онъ, сообщивъ краткія свѣдѣнія о поэтѣ, переходитъ къ характеру его поэзіи. „К.—преимущественно поэтъ сельской природы и русскаго быта. Онъ пейзажистъ оригинальный, неподражаемый, который въ простыхъ очеркахъ... умѣетъ вдохнуть и перевесть и жизнь и даже мысль, иногда высокую, но всегда простую и натуральную—черты таланта истиннаго... Но не однѣ сельскія картины изображаетъ поэтъ; взоръ его широкъ и свободенъ; онъ проникаетъ въ тайны природы и въ таинства души человѣческой; любовь, радость, горе, разгулъ иногда являются у него въ простой, наивно-народной формѣ; иногда же извлекаетъ звуки строгіе и важные“. (Въ примѣръ приводится „Великая тайна“).—„К. то оригиналенъ въ мысли и формахъ, то заимствуетъ послѣднюю, но всегда сохраняетъ свѣжесть и новость въ первой. Въ русской литературѣ онъ займетъ не послѣднее мѣсто, особенно, если будетъ придерживаться тѣхъ предметовъ, которые наиболѣе доступны его таланту, т. е. сельской природы, простонароднаго быта и сельскихъ пѣсенъ“.—Тѣ же мысли, но болѣе подробно, повторяетъ Невѣровъ въ статьѣ „Поэтъ-прасолъ Кольцовъ“ („Сынъ Отеч.“ 1836 г., т. 176), первая часть которой носитъ біографическій характеръ и отмѣчена нами выше. Здѣсь же Невѣровъ подробнѣе указываетъ на вліяніе Жуковскаго и другихъ поэтовъ на Кольцова. Онъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „Изъ всѣхъ напечатанныхъ стихотвореній К. мы не можемъ указать ни на одно, которое было бы ничтожно по своему содержанію, хотя изрѣдка проглядываютъ стихи неудачные, недостаетъ строгой послѣдовательности, встрѣчаются несвязность и неестественные переходы. Впрочемъ, это неизбѣжно въ талантѣ необразованномъ“. Отводя К. почетное мѣсто въ русской литературѣ, Невѣровъ заканчиваетъ такъ: „Кольцовъ идетъ впередъ, талантъ его все крѣпнетъ... Инстинктъ поэзіи, которымъ онъ владѣетъ, собственное чувство и вкусъ скажутъ ему, что и какъ должно писать“.

Болѣе сдержано отнесся къ новому поэту рецензентъ „Сѣв. Пчелы“ (1835 г., № 290), подписавшійся: П. Лучшими онъ признаетъ „Пѣсню старика“, „Крестьянскую пирушку“, „Маленькому брату“, „Не шуми ты, рожь“. Въ нихъ есть „много чувства, есть мысли, есть поэзія“. Въ другихъ пьесахъ, написанныхъ общелитературнымъ языкомъ, рецензентъ не видитъ только-что указанныхъ достоинствъ.

В. Г. Бѣлинскій (статья въ „Телескопѣ“ 1835 г., т. XXVII, № 12, стр. 470—483; „Собр. соч.“, подъ ред. С. Венгерова, т. II, стр. 307—315) встрѣтилъ выходъ въ свѣтъ „Стихотвореній К.“ очень сочувственно. По его словамъ, К. „владѣетъ талантомъ не большимъ, но истиннымъ, даромъ творчества не глубокимъ и не сильнымъ, но не поддѣльнымъ и не натянутымъ“. Указавъ, что изъ присланной поэтомъ тетради вошло въ изданіе далеко не все, критикъ говоритъ: „Природа дала К—у безсознательную потребность

творить, а нѣкоторыя вычитанныя изъ книгъ понятія о творчествѣ, заставили его *сдѣлать* многія стихотворенія. Изъ помѣщенныхъ въ изданіи найдется два-три слабыхъ, но ни одного такого, въ которомъ не было бы хотя нечаяннаго проблеска чувства, хотя одного или двухъ стиховъ, вырвавшихся изъ души. Бо́льшая часть положительно и безусловно прекрасны".

Въ дальнѣйшихъ отзывахъ Бѣлинскій доброжелательно слѣдилъ за развитіемъ таланта К., отмѣчая достоинства и недостатки появлявшихся въ періодическихъ изданіяхъ его стихотвореній. Не касаясь отдѣльныхъ отзывовъ, укажемъ на то, что разбору „Новыхъ досуговъ" Ѳ. Слѣпушкина („Отеч. Зап." 1840 г., № 5; „Соч.", подъ ред. Венгерова, т. V, 268—274) онъ предпосылаетъ характеристику поэзіи К., видитъ въ ней истинное чувство, простоту и художественную правду. Въ „Обзорѣ литературы за 1841 г." („Отеч. Зап." 1842 г., № 1; „Соч.", н. изд., т. VII, стр. 54) онъ относитъ К. къ числу поэтовъ, которые не могутъ претендовать на всеобъемлемость, но „которые, избравъ себѣ *одну* сторону жизни, исчерпываютъ ее глубоко и мощно".

Въ обширной статьѣ, при изданіи сочиненій К. 1846 г., Бѣлинскій дѣлитъ стихотворенія его на три разряда. Къ первому отнесены пьесы, написанныя правильнымъ размѣромъ (ямбомъ и хореемъ). Большинство ихъ относится къ первымъ опытамъ. Въ нихъ К. является подражателемъ, хотя и здѣсь виденъ сильный, самостоятельный талантъ. „Съ 1831 года онъ рѣшительно обратился къ русскимъ пѣснямъ, и если писалъ иногда правильнымъ размѣромъ, то уже безъ всякихъ претензій на особенный успѣхъ. Въ русскихъ пѣсняхъ талантъ К. выразился во всей своей полнотѣ и силѣ". Для опредѣленія степени этого таланта, Б. прибѣгаетъ къ выраженію „геніальный талантъ", которое означаетъ талантъ гораздо выше обыкновеннаго таланта, хотя и ниже генія. „Сила геніальнаго таланта основана на живомъ, непрерывномъ единствѣ *человѣка* съ *поэтомъ*". Сравнивая пѣсни К. съ пѣснями Мерзлякова и Дельвига, Б. ставитъ ихъ значительно выше. Предшественники К-ва были далеки отъ народа, а европейское образованіе мѣшало имъ быть истинно народными. Въ пѣсняхъ же К. и содержаніе и форма чисто русскія. „Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Онъ зналъ его бытъ, его нужды, горе и радость, прозу и поэзію его жизни. Онъ носилъ въ себѣ всѣ элементы русскаго духа, въ особенности—страшную силу въ страданіи и въ наслажденіи, способность бѣшено предаваться и печали и веселію, и, вмѣсто того, чтобы падать подъ бременемъ самаго отчаянія, способность находить въ немъ какое-то буйное, удалое, размашистое упоеніе, а если уже пасть, то спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своего паденія, не прибѣгая къ ложнымъ утѣшеніямъ, не ища спасенія въ томъ, чего не нужно было ему въ его лучшіе дни".

„Къ третьему разряду произведеній Кольцова принадлежатъ *думы*—особый и оригинальный родъ стихотвореній, созданный имъ. Эти думы далеко не могутъ равняться въ достоинствѣ съ его пѣснями; нѣкоторыя изъ нихъ даже слабы, и только немногія прекрасны. Въ нихъ онъ силился выразить порыванія своего духа къ знанію, силился разрѣшить вопросы, возникавшіе въ его умѣ. И потому, въ нихъ естественно представляются двѣ стороны:

вопросъ и *рѣшеніе*. Въ первомъ отношеніи, нѣкоторыя думы прекрасны, какъ напримѣръ: „Великая Тайна", „Неразгаданная Истина", „Молитва", „Вопросъ". Но во второмъ отношеніи эти думы, естественно, не могутъ имѣть никакого значенія".

Посмертное изданіе стихотвореній Кольцова вызвало рядъ рецензій [1]. Остановимся вкратцѣ на одной изъ нихъ, принадлежащей перу Вал. Н. Майкова, замѣнившаго Бѣлинскаго въ качествѣ критика „Отеч. Зап.". (Статья эта вошла въ книгу: „Вал. Майковъ. Критическіе опыты". Изд. журн. „Пантеонъ литературы". СПб. 1889 г., стр. 1—116, въ I т. „Сочиненій В. Майкова". Изданіе Фукса. Кіевъ. 1901, стр. 1—99), а также въ „Классную библіотеку" Чудинова). Сравнивая поэтовъ-романтиковъ съ Кольцовымъ, критикъ отдаетъ предпочтеніе послѣднему, сумѣвшему „возводить дѣйствительность въ поэзію". Въ противоположность Бѣлинскому Майковъ находитъ, что сфера поэзіи К. шире предѣловъ крестьянскаго быта. Главныя свои положенія критикъ резюмируетъ такъ: „Все содержаніе поэзіи Кольцова выражается въ трехъ отдѣлахъ стихотвореній. Къ первому принадлежатъ тѣ, въ которыхъ выполнилъ онъ задачу гуманизированія русскаго крестьянскаго быта. Во второмъ является онъ чистымъ лирикомъ и выражаетъ свою исполинскую личность, отличительная черта которой заключается во всестороннемъ развитіи потребностей. Наконецъ, въ третій отдѣлъ входятъ „Думы", неудачныя попытки самоучки замѣнить истину, къ которой стремился, призраками, которые для самого его имѣли силу кратковременно дѣйствующаго дурмана. Но если вникнуть глубже въ это разнообразіе поэтическихъ мотивовъ, то всѣ они приводятся къ одной темѣ, которая есть жизненность въ высочайшемъ ея развитіи. По нашему мнѣнію, совершенно несправедливо смотрѣть на Кольцова, какъ на такого поэта, который, по натурѣ своей (не говоримъ по развитію), былъ рожденъ для тѣснаго круга сельской поэзіи и который, сверхъ того, могъ писать съ грѣхомъ пополамъ и въ другихъ родахъ. Неестественно, слишкомъ неестественно допустить такое предположеніе о человѣкѣ, который всю жизнь чувствовалъ себя связаннымъ по рукамъ и по ногамъ въ сферѣ воспѣтаго имъ быта... А между тѣмъ, разумѣется, какъ художникъ, онъ долженъ былъ чаще всего обращаться къ тому самому быту, который тяготѣлъ надъ его личностью; онъ долженъ былъ это дѣлать, потому что не зналъ, а только угадывалъ другую сферу дѣйствительности..."

В. Стоюнинъ въ статьяхъ „Кольцовъ" („Сынъ Отеч." 1852 г., № 3, стр. 40—60; № 4, стр. 51--86; № 5, стр. 1—42), въ противоположность Бѣлинскому и Майкову, отводитъ Кольцову довольно скромное мѣсто, основываясь на томъ, что К. не внесъ въ нашу литературу никакихъ новыхъ идей, не сумѣлъ развить идей, до него высказанныхъ. Критикъ отмѣчаетъ также небольшую, по его мнѣнію, популярность пѣсенъ К. Цѣнность статьи Стоюнина заключается въ сближеніи стихотвореній К. съ народными пѣснями, которое подтверждено многими примѣрами.

---

1) 1. „Отеч. Зап.", т. 46, стр. 57;—2. *В. Н. Майковъ*. „Отеч. Зап.", 1846 г. т. 49, № 11—12, стр. 1—70;—3. „Финскій Вѣстн.", т. XI, стр. 6—25; 4. „Библ. для Чтен.", т. 76, іюнь, 36—44;—5. „Москвит.", ч. 3, № 5, стр. 144—155;—6. „Рус. Инвал.", № 97 и 103;—7. „Сѣв. Пчела", № 105.

Н. Чернышевскій въ своихъ „Очеркахъ Гоголевскаго періода" („Современникъ" 1856, № 6; отд. изд. СПб. 1893 г.), въ нѣсколькихъ мѣстахъ (см. указатель къ отд. изд. „Очерк.") бѣгло касается поэзіи Кольцова; въ своемъ взглядѣ на нее онъ примыкаетъ къ Бѣлинскому.

Статья *М. С.* о „Стихотвореніяхъ" Кольцова („Рус. Вѣстн." 1856 г., т. VI, ноябрь, стр. 147—168) проводитъ ту мысль, что К. сумѣлъ посмотрѣть на жизнь народа трезво, безъ излишней идеализаціи, подмѣтилъ и правдиво указалъ на его достоинства и недостатки. Статья эта является какъ бы противовѣсомъ крайней идеализаціи крестьянской жизни, присущей народникамъ 50-хъ и 60-хъ годовъ; но авторъ статьи впадаетъ въ противоположную крайность. Поэтому нѣкоторыя положенія его спорны.

В. Водовозовъ въ ст. „Кольцовъ, какъ народный поэтъ" („Журн. Мин. Нар. Просв." 1861 г., ч. 112, № 10, стр. 1—17; № 12, стр. 19—35; потомъ въ кн. „Новая рус. литература"), сравнивая стихотворенія К. съ народными пѣснями, приходитъ къ выводу, что пѣсни поэта носятъ своеобразный характеръ; поэтъ останавливается въ нихъ на внутренней психологической сторонѣ чувства, чего не дѣлаетъ народная пѣсня, довольствующаяся изображеніемъ его внѣшней стороны.

До 60-хъ годовъ прошлаго вѣка характеристика семейныхъ отношеній Кольцова, данная Бѣлинскимъ, не подвергалась сомнѣнію. Въ 1861 г. М. Де-Пуле въ статьѣ о Кольцовѣ, помѣщенной въ „Воронежской Бесѣдѣ на 1861 г." (СПб., 1861 г., стр. 401—432) и названной имъ „критической статьей", первый сдѣлалъ попытку пересмотрѣть этотъ вопросъ. Эту попытку нельзя не признать слабой. Де-Пуле пытался доказать, что К. своими насмѣшками, сарказмами и желаніемъ просвѣщать другихъ самъ вооружалъ противъ себя семью и общество, и что напрасно поэтому считалъ себя въ Воронежѣ одинокимъ человѣкомъ, что въ 30—40-хъ гг. Воронежъ уже имѣлъ нѣсколькихъ просвѣщенныхъ людей, въ частности педагоговъ.

Возражалъ на эту статью извѣстный этнографъ А. Н. Афанасьевъ, бывшій воспитанникъ Воронежской гимназіи, въ ст. „Кольцовъ и Воронежскіе педагоги" („Рус. Рѣчь" 1861 г., № 100), подписанной И. М—нъ. Разсказомъ о дѣятельности этихъ педагоговъ Афанасьевъ разрушилъ идиллію, нарисованную Де-Пуле. Горячо также онъ протестовалъ противъ слѣдующаго оригинальнаго мнѣнія послѣдняго: „Кольцова народъ нашъ не знаетъ, его народъ нашъ въ настоящее время не понимаетъ и понять не можетъ; когда же пойметъ, то, увы! и жизнь и поэзія такъ далеко уйдутъ впередъ даже отъ нашей эпохи, что Кольцовъ уже будетъ старъ". И въ этомъ пунктѣ Афанасьевъ легко разбиваетъ Де-Пуле. Прибавимъ отъ себя, что странно видѣть въ „критической статьѣ" пророчество.

Интересна статья А. Радонежскаго „Значеніе Кольцова при первоначальномъ обученіи" (Отеч. Записки" 1862 г., т. 140, кн. 2, стр. 529—551). Главное положеніе автора: „Знать и любить Россію—первая задача русскаго воспитанія". Авторъ приводитъ мнѣніе Бѣлинскаго, что „въ дѣтствѣ фантазія—преобладающая способность и сила души. Поэтому въ книгѣ для дѣтей важны не столько выводы, сколько образы. Въ этомъ отношеніи народная поэзія и поэзія Кольцова близки душѣ и пониманію дѣтей".

Этого же вопроса, но болѣе обстоятельно подтверждая свои положенія хорошо подобранными примѣрами и цѣннымъ разборомъ такихъ стихотво-

ренiй, какъ „Пѣсня пахаря", „Крестьянская пирушка", „Урожай", касается Н. Бунаковъ въ ст. „Педагогическiй элементъ въ поэзiи Кольцова" („Педагог. Сборн." 1869 г., № 4, 632—662).

Рядомъ съ этими двумя статьями можетъ быть поставлена работа В. Острогорскаго „Русскiе писатели, какъ воспитательно-образовательный матерiалъ для занятiй съ дѣтьми" (сначала въ „Педагог. Листкѣ" 1872, потомъ отд. Спб. 1874 г. Изд. Д. Е. Кожанчикова; были изд. 1879 г. и 1883 г. „Невской книжн. торг."; 1885 г. Спб. Изд. Н. Евстафѣева). О Кольцовѣ авторъ говоритъ въ началѣ книги, разсматривая крестьянское довольство и его условiя, бѣдность и горе вообще, характеры сильные, ищущiе выхода изъ тяжелаго положенiя въ самихъ себѣ.

Статья П. Малыхина „Кольцовъ и его неизданныя стихотворенiя" („Отеч. Зап." 1867 г., т. 170, февраль, стр. 493—515, 810—834) носитъ отчасти характеръ первоисточника, такъ какъ въ ней сообщены тексты ряда произведенiй Кольцова по Воронежскимъ рукописямъ. Во вступительной главѣ и въ примѣчанiяхъ авторъ примыкаетъ къ мнѣнiямъ Де-Пуле.

27 октября 1868 г. состоялось открытiе въ Воронежѣ памятника Кольцову. Это торжество вызвало двѣ рѣчи: 1) А. В. Никитина (произнесена въ домѣ Дворянскаго собранiя и напеч. въ „Ворон. Г. Вѣд." 1868 г., № 85, 86 и 87 и въ „Воронеж. юбилейн. сборникѣ" 1886 г., т. II, стр. 564—587) и 2) Н. П Рощупкина „Нѣсколько словъ о содержанiи поэзiи Кольцова. Рѣчь при открытiи ему памятника" (Филолог. Зап." 1868 г., в. IV—V, стр. 391—410, и отд. Воронежъ. 1869).

Хорошая бiографiя А. В. Кольцова, написанная М. Д. Хмыровымъ, помѣщена въ „Портретной галлереѣ рус. дѣятелей" Мюнстера. Спб. 1869 г., т. II.

Въ № 102 газеты „Донъ", за 1869 г., начата Г. Веселовскимъ „Жизнь Кольцова", которую авторъ задумалъ довольно широко. Въ первой статьѣ дана характеристика отца и матери поэта, причемъ указывается на благотворное влiянiе послѣдней. Въ № 123 обѣщано было продолженiе бiографiи, въ составъ которой должны были войти матерiалы для разъясненiя отношенiя Кольцова къ Сребрянскому. Продолженiя этой бiографiи въ газ. „Донъ" 1870 г. мы не нашли.

С. Ставринъ въ первой половинѣ ст. „Кольцовъ и Никитинъ" („Дѣло" 1874 г., кн. 3, стр. 46—61) сдѣлалъ попытку воспользоваться для своего бiографическаго очерка о Кольцовѣ новыми матерiалами (напр., изданными Малыхинымъ).

Обширная бiографiя Кольцова, написанная М. Де-Пуле, подъ заглавiемъ „А. В. Кольцовъ въ его житейскихъ и литературныхъ дѣлахъ и въ семейной обстановкѣ" (Спб. 1878 г., 2+IV+199 стр.), печаталась первоначально въ „Др. и нов. Россiи" 1878 г. (№№ 3—6). Авторъ ея, уроженецъ Воронежа и воспитанникъ мѣстной гимназiи, изучилъ печатные матерiалы для бiографiи поэта, пополнилъ ихъ письменными и устными сообщенiями лицъ, знавшихъ Кольцова (Я. М. Невѣрова, А. А. Краевскаго, В. И. Аскоченскаго, А. В. Андроновой, А. М. Юдина, М. И. Некрасова, И. С. Дацкова, И. Г. Мелентьева, Ѳ. Д. Трясорукова и другихъ), воспользовался неизданными еще тогда письмами Кольцова къ Краевскому. Все это составляетъ несомнѣнную цѣнность книги. Но авторъ внесъ въ нее сильный полемическiй элементъ, направивъ его противъ Бѣлинскаго и сдѣланной имъ оцѣнки Кольцова. Де-Пуле упрекаетъ Бѣлин-

скаго въ томъ, что тотъ „создалъ цѣлое уголовное дѣло" противъ родителей и знакомыхъ поэта, но не замѣчаетъ самъ, что, желая ослабить упреки критика противъ лицъ, окружавшихъ Кольцова, самъ принимаетъ роль прокурора противъ поэта, во всемъ стараясь обѣлить его родныхъ и знакомыхъ. Основная мысль біографіи та, что вліяніе Бѣлинскаго на Кольцова было только отрицательнымъ, что, благодаря критику, Кольцовъ изъ простого „пѣсенника" хотѣлъ сдѣлаться кабинетнымъ литераторомъ, а это обстоятельство и внесло разладъ въ его душу и въ отношенія къ окружающимъ. Приводя факты поразительные по своей жестокости (напр., насильственное удаленіе изъ дому невѣсты поэта, отпѣваніе сестрой больного К., какъ покойника), Де-Пуле или оправдываетъ родныхъ К., или же не даетъ никакихъ объясненій. Приводитъ онъ безъ объясненій и слѣдующій, напр., фактъ. Зашелъ отецъ К. въ лавку Мелентьевыхъ. „Начались тары-бары между пріятелями. Василій Петровичъ пустился въ разсказы о томъ, что у него вышло какое-то подходящее дѣло съ дворниками... А кому это ты парчу покупаешь?"—прервалъ его хозяинъ лавки.—„Сыну... Алексѣю: вчерась померъ"... (стр. 187). Въ началѣ же книги (стр. 8) дана характеристика отца, какъ человѣка трезваго, не безобразника, наводящаго ужасъ на людей ему близкихъ. „Жену и семью онъ держалъ „честно и грозно". „Онъ былъ только строгъ, но строгость (хорошо это или дурно) была положена въ основаніе всей прежней русской жизни и т. д." Въ эпизодѣ съ Дуняшей, по мнѣнію біографа, виноватъ только одинъ поэтъ. (Ее удалили изъ семьи К. и насильно выдали замужъ). „Бѣдная дѣвушка была несомнѣнно жертвою Кольцовской любви; но нельзя, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, назвать ее несчастной жертвой варварскаго разсчета" (стр. 42). Такія сужденія, конечно, далеки отъ безпристрастія. Опровергая многія показанія Бѣлинскаго, біографъ противопоставляетъ имъ свои, часто ничѣмъ не подтвержденныя. Такъ, онъ исправляетъ годъ рожденія поэта (1809 г. у Бѣлинскаго) на 1808 (стр. 4). Вопреки очевидности, онъ старается ослабить фактъ вліянія Станкевича на К. (стр. 49—51). Даже значеніе изданія Станкевичемъ и его друзьями перваго сборника „Стихотвореній" К. старается умалить его біографъ, по словамъ котораго „издать брошюрку ровно въ 40 страничекъ не составляло ровно никакого великодушія по отношенію къ К., который самъ могъ бы издать десятокъ такихъ брошюръ; сверхъ того, брошюрка издана въ складчину и т. д." (стр. 47). Итакъ, по мнѣнію Де-Пуле, все дѣло изданія нужно разсматривать съ матеріальной стороны... Біографъ готовъ оправдать даже Сухачева, напечатавшаго подъ своимъ именемъ стихотворенія К. „Сухачевъ оказался полезенъ; главная цѣль была достигнута: стихотворенія нашего поэта явились, наконецъ, въ печати" (стр. 46). Опровергая Невѣрова, указывавшаго, что Сухачевъ напечаталъ нѣсколько пьесъ К., Де-Пуле, видѣвшій книгу Сухачева, нашелъ тамъ только одно стихотвореніе нашего поэта, тогда какъ на самомъ дѣлѣ тамъ ихъ три. Такихъ ошибокъ у Де-Пуле довольно много. Въ погонѣ за разоблаченіями, направленными противъ поэта, Де-Пуле мало слѣдилъ за точностью своихъ сообщеній, не провѣрилъ даже даты рожденія и смерти К. Его коренная ошибка въ томъ, что онъ не сознавалъ неизбѣжности разлада въ душѣ Кольцова и былъ почему-то болѣзненно предубѣжденъ противъ дѣятельности Бѣлинскаго.

Книга Де-Пуле вызвала рядъ отзывовъ въ изданіяхъ 1878 г. [1]). Особенно рѣзко возражалъ ему С. Шашковъ въ ст. „Кольцовъ и новый розыскъ объ его поведеніи" („Дѣло" 1878 г., кн. 9, стр. 1—42). Рядъ фактическихъ ошибокъ въ ст. Де-Пуле указалъ Рульевъ [2]). Съ другой стороны, газета „Воронежскій Телеграфъ" помѣстила три статьи (1878 г., №№ 46, 47, 51, 52), всецѣло основываясь на положеніяхъ новаго біографа.

Еще до появленія статьи Де-Пуле много толковъ вызвало появленіе въ печати отрывковъ изъ письма А. Сребрянскаго (см. выше, стр. 366—367). Е. Сталинскій въ ст. „Кольцовъ и Сребрянскій" („Донъ" 1868 г., №№ 36 и 37, и отд. Воронежъ. 1869) далъ анализъ стиля и содержанія нѣкоторыхъ думъ К. и, сравнивъ ихъ съ несомнѣнными произведеніями Сребрянскаго, пришелъ къ выводу о принадлежности думъ нашему поэту. На послѣднихъ страницахъ своей работы онъ полемизируетъ съ выводами статьи Де-Пуле, помѣщенной въ „Воронеж. Бесѣдѣ на 1861 г."—П. Кромовъ въ „Письмѣ изъ Воронежа" („Русскій" 1867 г., № 23—24) считаетъ письмо Сребрянскаго подложнымъ, написаннымъ кѣмъ-то подъ почеркъ друга-руководителя К-ва, и требуетъ экспертизы.—Н. Ѳ. Бунаковъ (въ ст. „Кольцовъ, какъ человѣкъ и поэтъ" въ „Филол. Зап." 1892 г., вып. V, стр. 15—16) говоритъ объ этомъ письмѣ: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы имѣли въ рукахъ письмо Сребрянскаго, въ которомъ онъ подчеркнулъ въ одной изъ думъ К. строки, принадлежащія ему. Мы тогда же обращали вниманіе лица, у котораго видѣли это письмо, что подчеркнутыя строки самыя отвлеченныя, безцвѣтныя, слабыя въ поэтическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, письмо это въ настоящее время затеряно".

Слѣдующими по времени работами являются біографіи К.: 1) въ изд. М. О. Вольфа „Русскіе дѣятели". СПБ. 1866 т. II, стр. 479—501, 2) въ изд. А. Баумана. „Наши дѣятели" т. VIII. (Спб 1880), 3) въ Ворон. юбилейномъ сборникѣ" (1886 г.. т. II, 647—664), принадлежащая Н. В. Воскресенскому.

Г. И. Успенскій въ ст. „Крестьянинъ и крестьянскій трудъ" (см. „Соч. Успенскаго." Изд. Павленкова. Спб. 1889 г., стр. 342—344) въ особой главѣ касается „поэзіи земледѣльческаго труда". „Эта поэзія—не пустое слово. Въ русской литературѣ есть писатель, котораго невозможно иначе назвать, какъ поэтомъ земледѣльческаго труда исключительно. Это—Кольцовъ. *Никто*, не исключая и самого Пушкина, не трогалъ *такихъ* поэтическихъ струнъ народной души, народнаго міросозерцанія, воспитаннаго исключительно въ условіяхъ земледѣльческаго труда, какъ это мы видимъ у поэта-прасола". Это сужденіе совпадаетъ съ мнѣніемъ Бѣлинскаго; въ дальнѣйшей части главы оно развивается.

Хорошей біографіей К. слѣдуетъ признать трудъ В. В. Огаркова „А. В. Кольцовъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ" („Біографическая библіотека Ф. Павленкова". Спб. 1891 г. Мал. 8°. 95 стр. Цѣна

---

1) „Отеч. Зап." т. 241, № 12, стр. 200—208; „Моск. Вѣд." № 285; „Голосъ", № 336; на рецензію „Голоса" Де-Пуле отвѣчалъ въ „Нов. Врем." № 1020; С. Шашковъ въ „Дѣлѣ", кн. 9, стр. 1—42; И. П. въ „Рус. Вѣстн." 1879 г. кн. 6, стр. 927—939; Рульевъ въ газ. „Донъ" 1879 г., № 10 и 11.

2) „Донъ" 1879, № 10, 11.

25 коп.). Авторъ пользовался главнѣйшими трудами своихъ предшественниковъ, къ которымъ сумѣлъ отнестись критически. Мнѣніе Де-Пуле о вредномъ вліяніи Бѣлинскаго на Кольцова онъ считаетъ „страннымъ", такъ какъ, несомнѣнно, разладъ въ душѣ поэта неминуемо долженъ былъ сказаться рано или поздно. Авторъ скорѣе примыкаетъ къ сужденіямъ Бѣлинскаго, хотя упрекаетъ его въ сгущеніи красокъ при описаніи семейныхъ отношеній поэта. Въ концѣ книги напечатанъ обширный указатель стихотвореній К., положенныхъ на музыку.

Юбилейный 1892 г. вызвалъ массу статей и замѣтокъ въ русской періодической печати. Назовемъ главнѣйшія:

Н. Бунаковъ въ ст. „Кольцовъ какъ человѣкъ и какъ поэтъ" („Филол. Зап." 1892 г., вып. V, стр. 1—55) сдѣлалъ, по его собственному заявленію, попытку изложить жизнь и обрисовать личность К. безъ излишней идеализаціи, въ которую невольно впадалъ Бѣлинскій, какъ современникъ и другъ поэта, и безъ тѣней, искусственно и несправедливо налагаемыхъ на личность К. и на его поэзію преувеличеннымъ скептицизмомъ Де-Пуле, а затѣмъ—попытку установить историческое значеніе поэзіи К.

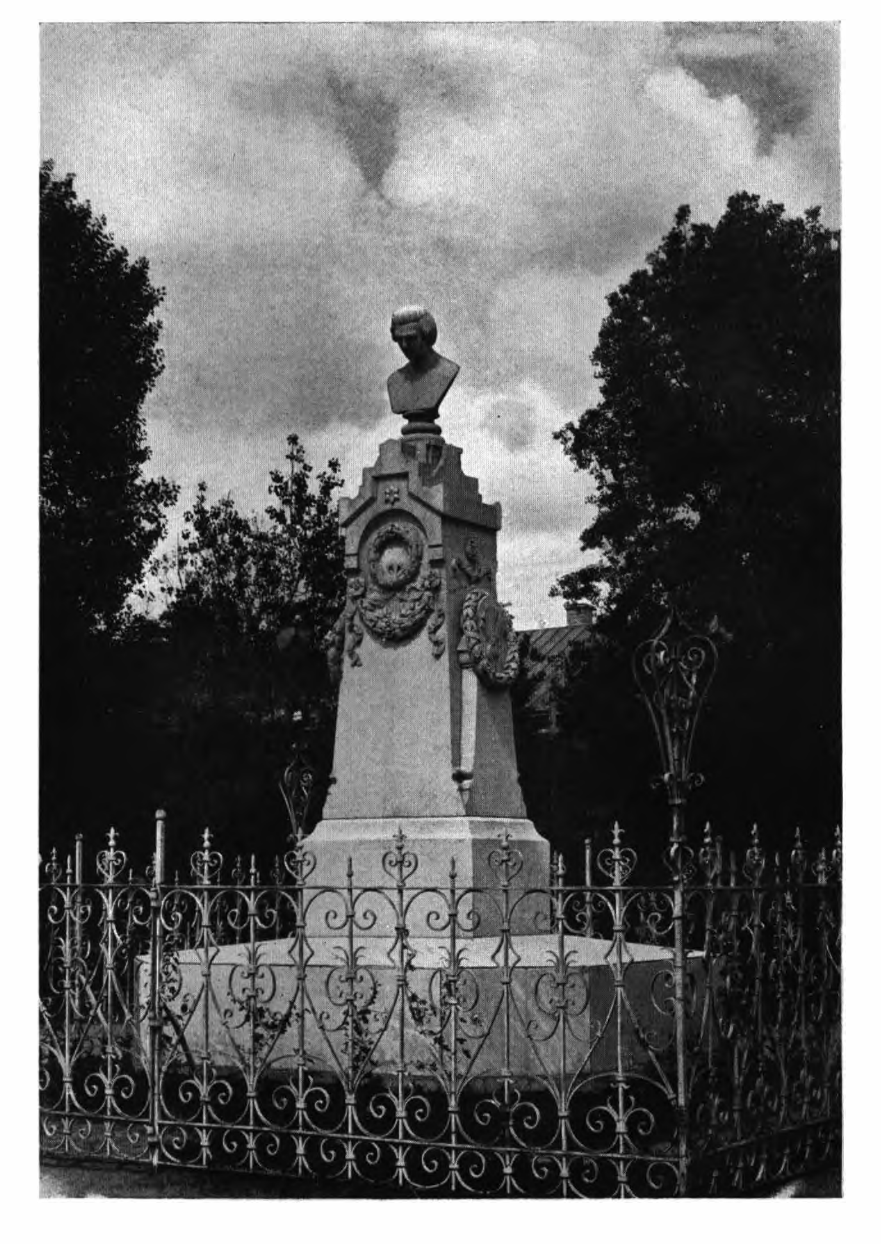
Статья Веденѣева о К. („Русск. Вѣдом." 1892 г., №№ 289, 305) написана съ полнымъ знакомствомъ съ литературою предмета; она носитъ преимущественно біографическій характеръ. Авторъ придерживается взглядовъ Бѣлинскаго и вноситъ поправки въ сообщенія Де-Пуле.

Характеръ біографическій носитъ статья А. Ярцева („Моск. Вѣд." 1892 г., октябрь).

Интересна и важна ст. А. Волынскаго („Сѣверн. Вѣстн." 1892 г., № 11; вошла въ его книгу „Борьба за идеализмъ". Спб. 1900 г., стр. 149—180). Въ ней дана характеристика поэзіи К., въ частности, его думъ. Г. Волынскій вкратцѣ останавливается на работахъ о К. предшествующихъ критиковъ и дѣлаетъ рядъ цѣнныхъ замѣчаній о статьяхъ Бѣлинскаго, Майкова, М. С., Стоюнина, Водовозова и юбилейныхъ статьяхъ гг. Веденѣева, Ярцева, Николаева (Ю. Н. Говорухи-Отрока) („Моск. Вѣд.", № 293), П. Краснова („Книжки Недѣли", октябрь, стр. 175—189) и М. Протопопова („Русск. Мысль", № 10, стр. 62—69).

Одной изъ лучшихъ журнальныхъ статей является статья В. Острогорскаго „Художникъ русской пѣсни" („Міръ Бож." 1892 г., № 10). Она написана тепло и живо. „Не претендуя на новое освѣщеніе, авторъ имѣлъ въ виду дать сводъ того, что высказано о К. лучшими изъ нашихъ критиковъ, въ связи съ характеристикою его, какъ человѣка". Это статья вошла въ IV вып. „Этюдовъ о русск. писателяхъ" В. Острогорскаго (М. 1893 г., мал. 8°. 194 стр. Ц. 50.). Въ отд. изд. авторъ прибавилъ двѣ главы о художественно-народной пѣснѣ до К. Въ концѣ книги приложены: 1) пѣсни Нелединскаго-Мелецкаго, Дельвига, Мерзлякова и Цыганова, 2) собраніе лучшихъ (по указанію Бѣлинскаго) пѣсенъ и стихотвореній К.

На торжествѣ въ Воронежѣ произнесена была рѣчь Е. Л. Марковымъ „Значеніе поэзіи А. В. Кольцова какъ народнаго пѣвца" („Филолог. Зап." 1892 г., вып. V, и отд. Воронежъ. 1892 г. 2×20 стр.)—(Та же рѣчь, подъ заглавіемъ „Кольцовъ какъ народный поэтъ" напечатана въ „Пам. книжкѣ Воронежской губ. на 1893 годъ", стр. 114—124). И. Стефановскій въ ст. „На-



Памятникъ А. В. Кольцову въ Кольцовскомъ скверѣ въ Воронежѣ

(съ фотографіи М. Н. Селиверстова).

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

родный поэтъ-пѣвецъ А. В. Кольцовъ" („Филолог. Зап. 1892 г., вып. V и отд. 8⁰, 12 стр.) разсматриваетъ общее содержаніе стихотвореній Кольцова, особенности въ языкѣ, связь съ народной поэзіей, мотивы поэзіи,—необходимыя условія для счастья человѣка: трудъ, борьба, любовь, природа съ ея красою и глубокая вѣра.

Далѣе слѣдуютъ статьи: Н. И. Алякритскаго „А. В. Кольцовъ" (въ „Сборн. ист.-филолог. общ. при Харьк. унив.", т. V, и въ „Трудахъ педагог. отд. Харьк. ист. филол. общества" Вып. I, 1893), Н. Валеріанова „Кольцовъ и его доля" („Путь-дорога". Сборникъ въ пользу переселенцевъ. Спб. 1893 г., стр. 388—400), Н. Василькова „Педагогическое значеніе пѣсенъ Кольцова" („Вѣстн. восп." 1893 г., III, стр. 9—21).

Л. Вейнбергъ въ ст. „Къ біографіи К." („Истор. Вѣстн." 1893 г. № 1, стр. 188—197) сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ поэта къ А. Н. Черткову (приведены: письмо къ нему К., особая редакція стих. „Военная пѣсня") и о популярности К. въ народѣ.

Проф. П. В. Владимірову принадлежатъ: 1) хорошая характеристика К. въ статьѣ „А. В. Кольцовъ, какъ человѣкъ и какъ поэтъ" (Кіевъ. 1894 г. 8⁰, 2+30 стр.; оттискъ изъ VIII кн. „Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца"), 2) упомянутый выше (стр. 339) обстоятельный разборъ юбилейныхъ изданій А. Введенскаго и П. Быкова.

Характеристику поэзіи Кольцова можно найти въ трудахъ общаго характера, какъ „Исторія русской литературы" А. Н. Пыпина (т. IV), „Исторія русской литературы отъ Гоголя до нашихъ дней". Лекціи, читанныя Н. А. Котляревскимъ. Вып. I. Спб. 1897 г., „Общественное самосознаніе въ русской литературѣ". Критическіе очерки Арс. И. Введенскаго (Спб. 1900 г.), „Философскія теченія русской поэзіи" П. Перцова (Спб. 1896 г., 2-ое изд. 1899 г.), „Исторія русской литературы XIX в., подъ редакціею Д. Н. Овсянико-Куликовскаго", въ X вып. которой (М. 1909) помѣщена небольшая, но вдумчивая статья В. В. Каллаша.

Біографіи А. В. Кольцова—А. Шалыгина въ „Рус. Біограф. Словарѣ" (Кнаппе-Кюхельбекеръ. Спб. 1903 г., стр. 85—93), Ив. Иванова въ „Энцикл. Словарѣ" Брокгауза-Ефрона (т. XV. Спб. 1895 г., стр. 796—803) принадлежатъ къ лучшимъ статьямъ этихъ изданій.

С. Н. Прядкинъ въ статьѣ „Очеркъ поэзіи А. В. Кольцова" (оттискъ изъ „Филол. Записокъ" 1892, 1902, 1905 гг., Воронежъ. 1906 г. 8°. 2+VII+97+2 стр.) касается исключительно пѣсенъ К., разсматривая ихъ, какъ характеристику крестьянскаго быта, его горя и радости. Небольшая глава посвящена языку К.

Характеристика поэзіи К-ва во II вып. „Силуэтовъ русскихъ писателей" Ю. Айхенвальда (М. 1908 г., стр. 1—11) субъективна. Кольцовъ характеризуется здѣсь какъ поэтъ пахарь, центральный элементъ поэзіи котораго составляетъ „святыня хлѣба".

Изъ новѣйшихъ работъ, разсматривающихъ частные вопросы творчества Кольцова, необходимо прежде всего назвать работу В. Ярмерштедта „Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія Кольцова" („Вопросы философіи и психол.", 1893 г., кн. 20 (V), 94—124; 1894 г., кн. 22 (I), 162—181). Путемъ анализа думъ К. авторъ приходитъ къ выводу о несомнѣнномъ и сильномъ вліяніи шеллингіанцевъ Н. В. Станкевича и А. П. Сребрянскаго на Кольцова.

Н. А. Янчукъ въ своихъ „Литературныхъ замѣткахъ" („Изв. отд. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ", 1907 г., т. XII, кн., стр. 223—241) разсматриваетъ статью А. Юдина (см. выше, стр. 407), какъ источникъ для біографіи К. Подробно онъ касается знакомства поэта съ Пушкинымъ и интереса его къ народнымъ пѣснямъ и пословицамъ.

Вопросу о языкѣ Кольцова отведено много мѣста въ статьяхъ: В. Истомина „Основные мотивы поэзіи Кольцова" (Варшава. 1893 г. 8°, 2+41 стр., оттискъ изъ „Рус. Филолог. Вѣстника") и Н. М. Терновскаго „А. В. Кольцовъ, мотивы его поэзіи и языкъ пѣсенъ" (сначала при изд. „Стих." Кольцова. Кіевъ 1892 г., потомъ въ его кн. „Историко-литературные очерки". Житомиръ. 1898 г., стр. 139—184). Спеціально посвящена изслѣдованію о языкѣ К-ва статья И. С. Крылова „Языкъ и слогъ произведеній Кольцова" („Филол. Зап.". 1902 г., вып. 1, стр. 1—25). Отд. оттискъ. Ворон. 1903 г.

Для характеристики А. П. Сребрянскаго и уясненія его вліянія на Кольцова важно изданіе: „Въ память пятидесятилѣтія кончины Кольцова. „Безсмертіе" ода религіознаго содержанія, въ трехъ пѣсняхъ. Соч. Андрея Сребрянскаго. 1831 г.". Съ предисл. Ст. Звѣрева. („Пам. книжка Воронеж. губ. на 1892 годъ", вып. 2-ой, стр. 315—342).

Сребрянскому посвящена обстоятельная статья А. Путинцева „А. П. Сребрянскій, его жизнь и литературныя произведенія" („Пам. книжка Ворон. губ. на 1906 г.", стр. 31—71), въ приложеніи къ которой напечатаны 17 его стихотвореній (по 6-й Воронежской рукоп., см. стр. 319 настоящаго изданія) и его статья „Мысли о музыкѣ".

Въ другой статьѣ „Къ вопросу о вліяніи Сребрянскаго на Кольцова" („Филол. Зап." 1909 г., вып. I, стр. 1—16) А. Путинцевъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „Сребрянскій повліялъ на К. не только въ отношеніи стиха, но и, что главнѣе всего, указалъ (?) ему, конечно, на народную жизнь, какъ предметъ его музы. Что касается *содержанія* пѣсенъ К., то вліяніе Сребрянскаго здѣсь едва ли могло быть".

Въ небольшой замѣткѣ „Сребрянскій или Серебрянскій—фамилія друга Кольцова" (историческая справка) („Филол. Зап." 1905 г., отд. оттискъ, стр. 1—3) А. Путинцевъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу начертанія *Серебрянскій*. Мы придерживаемся обратнаго мнѣнія, основываясь на документахъ семинарскаго архива, на Воронежской рукописи № 6, гдѣ есть подпись: *Василій Сребрянскій*. Неправильное же начертаніе этой фамиліи явилось исключительно благодаря тому, что такъ привыкъ называть своего друга Кольцовъ.

Вопросъ объ отношеніи Кольцова къ другимъ поэтамъ мало разработанъ. Назовемъ статью Эн—кова „Поэзія Никитина, ея содержаніе и особенности" („Филол. Зап." 1869 г., № 4, стр. 21—48, „Воронеж. Телеграфъ" 1869 г., №№ 60, 69, 76 и 77), гдѣ есть глава „Кольцовъ и Никитинъ".

Подражателей у Кольцова явилось довольно много. Мы называли уже (стр. 405) Тимоѳеева; укажемъ здѣсь еще на нѣсколькихъ. Таковъ былъ, напр., А. Аллилуевъ; его „Русская пѣсня" (нач.: „Долго ль быть мнѣ въ горѣ, Долго ль быть въ кручинѣ?") помѣщена въ „Реперт. и Пантеонѣ" 1846 г., (т. XIV, стр. 41—42).

Въ „Стихотвореніяхъ Н. Брускова" (СПб. 1862 г.) находимъ на стр. 46: „Подражаніе Кольцову".

Нѣкій *И. В.*, выпустившій въ 1877 г. въ Кременчугѣ два сборника: „Нѣсколько стихотвореній" и „Поэзія юности и среднихъ лѣтъ", въ послѣднемъ изъ нихъ (стр. 6—7) прямо называетъ себя „продолжателемъ Кольцова", потому что „пишетъ безъ теоріи" (ср. первый сборникъ, стр. 35—37, 39—41).

Вліяніе Кольцова сказалось внѣ всякаго сомнѣнія на И. З. Суриковѣ (1841—1880 г.) и кружкѣ поэтовъ-самоучекъ, объединившихся около послѣдняго. Имъ посвященъ рядъ статей А. И. Яцимирскаго „Писатели-крестьяне" („Литерат. Вѣстн. "1904 г.). Можно отмѣтить также статью А. И. Яцимирскаго „Поэты-крестьяне о русскихъ писателяхъ" („Истор. Вѣсти." 1904 г., т. 97, стр. 508—510, 523 и др.).

О памятникѣ на могилѣ поэта—въ періодической печати появилось много замѣтокъ; укажемъ на замѣтки: 1) въ „Москвитянинѣ" (1853 г., № 19, стр. 93—94), 2) „Рус. Живоп. Библ." (1858 г., № 39), 3) А. Студинъ. Открытіе памятника Кольцову. Сценка съ натуры. „Искра" 1868, стр. 627—631.

Исторія памятника, открытаго 27 октября 1868 г. въ честь поэта въ Кольцовскомъ скверѣ г. Воронежа, разсказана А. Сѣдовымъ въ „Историч. Вѣстн." 1892 г. (т. L, дек., стр. 785—796). Здѣсь приведено любопытное письмо сестры Кольцова (отъ 2 марта 1863 г.) А. В. Андроновой, пожертвовавшей на памятникъ—600 руб. (Ср. „Истор. замѣтка о памятникѣ К." Ст. Звѣрева въ „Воронеж. Губ. Вѣд." 1892 г., № 80, 81, и его же статью „Къ исторіи памятника Кольцову", отд. оттискъ изъ „Воронеж. Телеграфа" 1909 г., ноябрь).

Столѣтній юбилей со дня рожденія Кольцова значительно оживилъ литературу о Кольцовѣ въ 1909 и 1910 годахъ.

Императорская Академія Наукъ выпустила ко дню юбилея изданіе сочиненій Кольцова (которое пришлось повторить черезъ мѣсяцъ), устроила торжественное собраніе, на которомъ произнесены были рѣчи академиками А. Н. Веселовскимъ и А. И. Соболевскимъ, организовала Кольцовскую выставку въ Петербургѣ, наконецъ, оказала содѣйствіе устройству выставки въ Воронежѣ.

Академикъ Алексѣй Н. Веселовскій въ рѣчи „Памяти Кольцова" („Извѣстія отд. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ" 1909 г., т. XIV, кн. 4, стр. 49—64) далъ прекрасную характеристику К., какъ поэта крестьянства, деревни и земледѣльческаго труда. Въ концѣ ея онъ остановился на западноевропейскихъ поэтахъ, близкихъ къ Кольцову по происхожденію и направленію поэзіи (напр., на Вильгельмѣ Мюллерѣ, Робертѣ Бэрнсѣ и др.).

Академикъ А. И. Соболевскій въ рѣчи „Кольцовъ въ исторіи русской литературы" („Извѣстія отд. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ" 1909, т. XIV, кн. 4, стр. 40—48) поставилъ себѣ задачей указать, съ одной стороны, на то, что К. по своимъ идеаламъ является отзвукомъ до-петровской Москвы, съ ея памятованіемъ о Богѣ и крѣпкою думою о душѣ, съ другой стороны, на то, что, оставаясь вѣрнымъ традиціямъ народной поэзіи, онъ однако не остановился на подражаніи ей, а явился одновременно творцомъ новыхъ образовъ и выраженій, близкихъ по духу къ народнымъ.

Выставка въ память Кольцова была устроена въ залахъ Академіи Наукъ, согласно постановленію Разряда изящной словесности. Труды по устройству

ея приняли на себя Ф. А. Витбергъ, А. І. Лященко и Б. Л. Модзалевскій. Послѣдніе два составили „Каталогъ выставки въ память А. В. Кольцова въ И. Академіи Наукъ". (Спб. 1909. 8° 32 стр., 2-ое изд. 1909. 35 стр.).

Воронежъ отозвался на юбилей устройствомъ выставки, которую организовала въ февралѣ 1910 г. Воронежская архивная коммиссія при дѣятельномъ участіи ея членовъ: свящ. С. Г. Звѣрева, В. Д. Языкова, М. К. и М. П. Паренаго, М. Н. Селиверстова. На выставкѣ были и коллекціи изъ Петербурга. Ко дню выставки вышелъ „Каталогъ выставки въ память Кольцова". (Воронежъ 1910. 37 стр. Съ 8 рис.). Воронежская выставка подробно описана въ „Правит. Вѣстникѣ", 1910, № 42.

На этой выставкѣ появилось нѣсколько рукописей (см. стр. 321—322), въ томъ числѣ отрывокъ извѣстнаго письма А. П. Сребрянскаго къ брату, новая рукопись поэмы Сребрянскаго „Предчувствіе вѣчности". Указанные нами матеріалы вызвали работу Пр. Н. Щукина. „А. П. Сребрянскій" (біограф. очеркъ, поэма, письмо) въ „Филолог. Записк." 1910, в. I, стр. 104—150, и отд. Воронежъ 1910. 2+50 стр.). Принадлежность думъ „Божій міръ", „Великая истина", „Слеза молитвы" Сребрянскому не доказана; напрасно поэтому г. Щукинъ напечаталъ ихъ полностью въ своей статьѣ.

А. Путинцевъ посвятилъ Кольцову въ Воронежскихъ изданіяхъ нѣсколько статей: 1) „О значеніи К. для русской этнографіи" („Филологич. Записки" 1910 и отд. 11 стр.), 2) „Къ Кольцовскому юбилею" (Тамъ же 1910, вып. III), 3) „Пѣвецъ народа—Кольцовъ" и 4) „Пѣсни Кольцова и народныя въ отношеніи пріемовъ поэтическаго творчества" („Памятная книжка Ворон. губ. на 1910 г.", стр. 47—50 и 51—55).

Краткую характеристику поэзіи Кольцова далъ Адр. Круковскій въ ст. „Столѣтіе русской пѣсни" („Филолог. Зап." 1910 и отд. Воронежъ. 1910. 2+17 стр.).

„Воронежскія Епарх. Вѣдомости" помѣстили статью Ив. Козлова: „А. В. Кольцовъ, какъ выразитель коренныхъ воззрѣній русскаго народа на важнѣйшіе предметы жизни". (1909 г. № 19 и отд. 8° 23 стр.; перепеч. въ „Прибавл. къ Церковн. Вѣдом." 1909 г., № 45, стр. 1132—1141).

Воронежскія газеты „Донъ", „Воронежскій Телеграфъ" и „Живое Слово" посвятили Кольцову рядъ статей, замѣтокъ, стихотвореній, рисунковъ. Укажемъ главнѣйшіе.

Въ „Донѣ" появились: 1) статья Е. Р. (С. Прядкина). Кольцовъ (№ 209), 2) рѣчь архіеп. Анастасія (№ 222), 3) свящ. Милованова (тамъ же).

„Воронежскій Телеграфъ" выпустилъ особыя иллюстрированныя приложенія, къ №№ 220 и 221 (на 1909 г.). Отмѣтимъ въ нихъ статьи: 1) С. Прядкинъ. Памяти К., 2) А. Цикавый. Къ біографіи Кольцова, 3) А. Путинцевъ. „Что Воронежскаго въ произведеніяхъ Кольцова", 4) Прок. Щукинъ. Кольцовъ и Сребрянскій.

Въ №№ 222 и 225 „Живого Слова" находимъ статьи: 1) „Кольцовъ какъ человѣкъ и поэтъ", 2) В. Письменная. А. В. Кольцовъ, 3) Проѣзжій. Кольцовскій юбилей.

Отд. оттисками изъ „Воронеж. Телеграфа" (1909 г. декабрь) вышла статья „Архивная коммиссія о Кольцовѣ". (Бол. 8° 5 стр.), излагающая

рефератъ А. Д. Θаддеева „Вопросы, связанные съ юбилеемъ Кольцова", а также сообщающая нѣкоторыя свѣдѣнія о семьѣ Кольцова, его домѣ и т. д.

Юбилейное засѣданіе Воронежской архивной коммиссіи состоялось 7 февраля 1910 г., одновременно съ открытіемъ выставки. На этомъ засѣданіи произнесли рѣчи: 1) вступительную—предсѣдатель гр. П. Н. Апраксинъ, 2) А. Д. Θаддеевъ. „Памяти Кольцова" и 3) свящ. С. Г. Звѣревъ „Работы архивной коммиссіи къ юбилею Кольцова".

Въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ" помѣстили статьи: И. И. Замотинъ „Кольцовъ и русскіе модернисты" (1909, т. LXII, стр. 312—335); В. А. Францевъ. „Кольцовъ въ чешской литературѣ" (1909, т. LXII, стр. 299—311, и отд. Варшава. 2+13 стр.); В. В. Даниловъ. Очерки поэзіи Кольцова. I. К., какъ поэтъ личныхъ настроеній. II. Источникъ думы К. „Поэтъ" (1910, т. LXIII, стр.19—45), В. А. Лугаковскій. Кольцовъ въ польской литературѣ. Библіографическая справка (тамъ же, стр. 146—148).

Почти всѣ періодическія изданія, какъ столичныя, такъ и провинціальныя, посвятили въ 1909 г. Кольцову рядъ статей; нѣкоторыя работы о К. вышли отдѣльно. Изъ громаднаго числа этихъ статей и отдѣльно вышедшихъ трудовъ мы перечислимъ только важнѣйшія.

Ю. И. Айхенвальдъ. Нѣсколько словъ памяти Кольцова. („Рус. Мысль" 1909, октябрь, 136—141). Эта же статья вошла въ кн. Айхенвальда „Отдѣльныя страницы" (М. 1910. Т. II, стр. 131—141).

И. Александровъ. В. Г. Бѣлинскій и А. В. Кольцовъ. („Историч. Вѣстникъ" 1910, іюнь, стр. 961—971).

К. Бархинъ. Поэзія А. В. Кольцова. 1809—1909. (Одесса 1909. 8° 32 стр.).

Н. Н. Бахтинъ. Кольцовъ въ школьныхъ пѣсенникахъ. („Народ. Образованіе" 1909, ноябрь, стр. 512—517).

Д. Брянцевъ. Думы Кольцова. („Вѣра и разумъ" 1909, № XIX-XX, стр. 196—214).

Статьи Бѣлинскаго появились въ изданіи: „Литературная библіотека. № 4. В. Г. Бѣлинскій. Статьи о Кольцовѣ. Съ приложеніемъ библіографич. указателя литературы о К. и списка темъ по его сочиненіямъ" (Изд. Сѣв.-Запад. книгоиздательства. Вильна. 1911).

Статья Бѣлинскаго „О жизни и сочиненіяхъ Кольцова" (1846 г.) напечатана полностью безъ цензурныхъ урѣзокъ въ новомъ изданіи „Собранія сочин. Б-го", подъ редакціей Иванова-Разумника. (СПб. 1911. Т. III, столб. 646—696), съ интереснымъ предисловіемъ редактора (637—645).

Н. Девель. Душевный разладъ Кольцова. („Журн. мин. народ. просв." 1910, мартъ, отд. 3, стр. 1—30).

Н. С. Державинъ. Кольцовъ и его поэзія („Историч. Вѣстникъ" 1909, октябрь, 113—151).

А. М. Евлаховъ. Кольцовъ и Руссо. („Варшав. унив. извѣстія" 1910, VI, стр. 1—15, и отд. Варш. 1910. 15 стр.).

А. Измайловъ. Воронежскій самоцвѣтъ. („Русское Слово" 1909, № 226).

А. Измайловъ. Трагедія несчастнаго счастливца. („Биржев. Вѣдом." 1909, № 11343).

Н. А. Котляревскій. М. Ю. Лермонтовъ. Изд. 3. СПб. 1909. (На стр. 310—317 говорится о лирикѣ Кольцова).

Вл. Кранихфельдъ. Неудавшійся романъ. А. В. Кольцовъ. („Современный міръ" 1909 г., октябрь).

Б. Лавровъ. Мотивы творчества Кольцова. („Волгарь" 1909 г., № 249).

М. Новикова. (М. А. Каллашъ). А. В. Кольцовъ. („Вѣстн. воспитанія" 1909, № 7; отд. оттискъ, 17 стр.).

Н. Преображенскій. Сила пѣсни Кольцова. („На Кавказѣ" 1909, № 5).

А. Путинцевъ. Самодѣльная лира. (Памяти А. В. Кольцова). Казань. 1910 8° 10 стр.

А. Рождествинъ. Поэзія Кольцова. Къ столѣтію со дня рожденія. Казань. 1909. 8° 2 стр. Ц. 15 к.

И. Н. Сироткинъ. А. В. Кольцовъ. Жизнь и нѣкоторыя черты его творчества. („3-й годовой отчетъ коммерч. училища I товарищества преподавателей" СПб. 1909, стр. 34—46).

Леонидъ Соколовъ. А. В. Кольцовъ и его поэзія природы, труда и пѣсни. Кіевъ. 1910. 8° 34 стр.

А. Я. Кольцовъ. („Рѣчь" 1909 г. № 271).

А. Яцимирскій. Поэтъ или пѣвецъ. („Вѣстникъ литературы. Изд. Тов-а. М. О. Вольфъ". 1909, № 9, сентябрь).

Въ обзорѣ литературы о Кольцовѣ необходимо назвать вышедшую на нѣмецкомъ языкѣ книгу: „Die volkstümliche Dichtung A. Kolcovs und die russische Volkslyrik. Eine litteraturhistorische Untersuchung von Dr. phil. P. Schalfejew, Professor an der Kriegsakademie Berlin. Mit zwei Beilagen: 1. Ausgaben der Werke Kolcovs. 2. Uebersetzungen der volkstümlichen Lieder Kolcovs. (Berlin. Alex. Duncker Verlag. 1910. 8° 160 стр.). Авторъ, основываясь на „Сказаніяхъ русскаго народа" Сахарова, знакомитъ со стилемъ русской народной поэзіи и приводитъ большое количество примѣровъ народно-поэтическаго стиля: эпитетовъ, сравненій, уменьшительныхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ, тавтологическихъ выраженій и т. д. Затѣмъ даетъ краткую характеристику подражаній народнымъ пѣснямъ Нелединскаго-Мелецкаго, Мерзлякова, Цыганова, Дельвига; наконецъ, переходитъ къ народно-поэтическимъ произведеніямъ Кольцова. Онъ останавливается на 50 слишкомъ пѣсняхъ К., указывая въ нихъ на образы, взятые изъ народной поэзіи, и на сходные мотивы народныхъ пѣсенъ. Всѣ примѣры приводятся въ подлинникѣ и въ переводахъ Михельсона, Фидлера, Ашарина, Боденштедта и др. Къ книгѣ приложенъ обзоръ (неполный) изданій сочиненій К., переводовъ на нѣмецкій языкъ и главнѣйшихъ критическихъ и біографическихъ статей. Трудъ г. Шалфеева исполненъ тщательно, хотя примѣры изъ народной поэзіи можно было бы увеличить, если бы авторъ, кромѣ Сахарова, привлекъ и другія изданія произведеній русскаго народнаго творчества.

3. Популярныя біографія и статьи о Кольцовѣ.

1) Статьи для юношества и школъ.

Первымъ должно быть названо „Чтеніе для юношества. А. В. Кольцовъ, его жизнь и сочиненія" (Спб. 1858 г., М. 1865 г., М. 1877 г.), составленное

Н. А. Добролюбовымъ. Оно принадлежитъ къ лучшимъ книгамъ о К. для юношества.

Въ книгѣ В. Стоюнина „О преподаваніи русской литературы" (Спб. 1864 г., стр. 287—294) данъ разборъ стих. „Что ты спишь, мужичекъ?" (значеніе труда) и „Лѣсъ" (связь поэзіи съ жизнью).

К. Говоровъ. Разборъ образцовыхъ литературныхъ произведеній. Вторая пѣсня Лихача Кудрявича. („Филол. Зап." 1870 г., I).

Заря. Иллюстрированная христоматія. Пѣсни русскаго народа и Кольцова, Составилъ Горемыкинъ. (Съ 7 картин. и портретомъ. Спб. 1880 г.).

С. В. Чикилевскій. Пѣсни и думы А. В. Кольцова. (Актовая рѣчь).— („Отчетъ о состояніи Ковенской гимназіи за 1884—85 уч. годъ").

М. Куклинъ. Разборъ стих. „Лѣсъ" („Филол. Зап." 1890 г. вып. III).

Е. А. Богословскій. Поэтъ-пѣсенникъ—А. В. Кольцовъ. Очеркъ. (Тифлисъ. 1892 г. 16°. 40 стр. Цѣна 15 к. Изданіе „Новаго Обозрѣнія").

П. Барышниковъ. Жизнь А. В. Кольцова. (Изд. Е. Н. Тихомирова. М. 1893 г. 16°. 128 стр. Цѣна 25 коп.).

С. Н. Браиловскій. Кольцовъ. Разборъ его произведеній. (Воронежъ. 1893 г. 8°. 26 стр., отт. изъ „Филол. Зап.").

С. Бураковскій. Кольцовъ. Біографическія свѣдѣнія и разборъ его стихотвореній для учащихся. (Спб. 1898. 8°. 40 стр. Цѣна 35 коп.; изд. 3. Спб. 1901. Ц. 35 к.).

Школьная библіотека. № 16. А. В. Кольцовъ. Его жизнь и творчество. Истор.-литерат. очерки Н. Г. Григорьева. Спб. 1910. 8°. 87 стр. Книгоиздательство „Образованіе". Цѣна 40 коп.

2) Статьи для широкой публики и народныя чтенія.

Русскіе знаменитые простолюдины. „Народныя бесѣды". Вып. V. Изд. Д. В. Григоровича. (Спб. 1860 г., стр. 103 слл.).

В. Варенцовъ. Листокъ для народнаго чтенія. (Вильна. 1861 г.; о Кольцовѣ, стр. 41—47).

О Кольцовѣ и его пѣсняхъ. (Для народнаго чтенія). 4°. Стр. 1—8. (Изъ № 106 „Приб. къ Харьков. Губ. Вѣд." за 1861 годъ).

П. А—ъ. Сборникъ русскихъ стихотвореній для чтенія простолюдинамъ и краткія жизнеописанія Ломоносова, Кольцова, Никитина, Слѣпушкина. (Спб. 1862 г.).

А. Пятковскій. А. В. Кольцовъ. („Грамотей" 1862 г., кн. 5, стр. 47—53).

А. Кондратенко. А. В. Кольцовъ. Бесѣда. („Мірское Слово, народная газета" 1863 г., №№ 19, 21, 23).

Н. Нестроевъ. А. В. Кольцовъ. („Мірской Вѣстникъ" 1863 г., кн. 5, отд. III, стр. 40—56).

А. В. Кольцовъ. Біографическій очеркъ. Съ рисункомъ. („Воскресный досугъ" 1864 г. №№ 72, 74).

А. В. Кольцовъ (съ портр.). („Иллюстр. Газета" 1868 г., № 21).

„Жизнеописаніе Кольцова"—въ изданіи „Сборникъ для народнаго чтенія". (Спб. 1870 г., кн. I, стр. 133—164).

А. В. Кольцовъ. Народный стихотворецъ. Съ прилож. портрета. Изд. ред. народнаго журн. „Мірской Вѣстникъ" (Спб. 1872 г. 8°. Стр. 2+30).

Н. Шустиковъ. А. В. Кольцовъ.—„Чтеніе для солдатъ" (1872 г., № 4, стр. 108—134).

Николичъ. А. В. Кольцовъ и его пѣсни. Чтеніе для народа. (Труды Ком. Педаг. Отд. Музея прикладныхъ знаній). Спб. 1873 г. 8°. 2+24 стр.

М. Н. Паруновъ. А. В. Кольцовъ и его пѣсни. (Съ 2 картинами.) Спб., 1874 г. 8°. 24 стр.; 2 изд. Спб. 1882; 3 изд. Спб. 1884 г.; изд. 4 Спб. 1888 г. (Изд. ком. по устройству народн. чтеній).

А. В. Кольцовъ (съ портр.). („Грамотей" 1876 г., № 2, стр. 25—51).

А. В. Кольцовъ.—(„Народный Листокъ" 1877 г., № 4).

Народные поэты и пѣвцы. Съ портр. Кольцова, Никитина и др. Изд. ред. журн. „Грамотей". М. 1877 г. 8°. 84 стр.

А. В. Кольцовъ. Жизнеописаніе. („Сельская Бесѣда" 1880 г., № 10, стр. 122—127).

„Сборникъ". Проза и стихи. Для солдатскаго чтенія. Подъ ред. А. Погоскаго. Кн. 2-я Спб. Изд. Фену. 1880 г.

П. И. Вейнбергъ. Народная христоматія. А. В. Кольцовъ и его стихотворенія. Изд. ред. журн. „Досугъ и Дѣло" (Спб. 1884 г. 8°. Стр. 44. Цѣна 15 коп.).

А. В. Кольцовъ.—(Прилож. къ „Вѣстнику Краснаго Креста" 1884 г.).

А. В. Кольцовъ (простолюдинъ-стихотворецъ). Съ потретомъ. Изд. редакціи „Чтеніе для народа". Изд. 2, дополн. 1886 г., 2+35 стр. Цѣна 15 коп.

Эм. Кислинская. А. В. Кольцовъ, народный поэтъ. („Читальня народной школы", № 13). Спб. 1888 г. 24 стр. Цѣна 3 коп. (Съ 1 рис.).

Эм. Кислинская. А. В. Кольцовъ, его пѣсни. Изд. Пост. ком. народныхъ чтеній. Спб. 1908 г. Изд. 3; 19—25 тысяча. Мал. 8°. 28 стр. Цѣна 5 коп.

В. Э. Кольцовъ, поэтъ изъ народа. М. 1898 г.

Ч. Вѣтринскій. Кольцовъ. („Колосья" 1892, № 10).

Ю. Яворскій. Русскіе народные пѣвцы Кольцовъ и Шевченко. (Львовскій журн. „Бесѣда" 1892 г.).

Ч. Вѣтринскій. Жизнь и пѣсни А. В. Кольцова. М. 1893. Цѣна 7 коп.— Изд. 2. кн. маг. „Знаніе". Спб. 1902 г. 72 стр. Цѣна 10 коп.

Русскій. Знаменитые люди. Кольцовъ. (Оч. краткая біогр., съ портр.— „Деревенскій Досугъ" 1907 г., вып. 37-й, годъ I).

Въ книгу В. И. Покровскаго „А. В. Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей" (М. 1905. 4+100 стр. Цѣна 25 к.) вошли отрывки статей Бѣлинскаго, Майкова, Водовозова, Владимірова и Введенскаго.

Есть также біографическіе очерки Кольцова, напечатанные въ полубеллетристической формѣ. Таковы труды: 1) В. Е. Миляевъ. „А. В. Кольцовъ. Біогр. разсказъ." (Изд. Іогансона. Кіевъ—Харьковъ. 1894. 32° 138 стр.) 2) Н. Носковъ. „Наши самоучки. А. В. Кольцовъ". (Изд. журн. „Всходы". Спб. 1905. 16° 106 стр.).

Число популярныхъ біографій Кольцова значительно увеличилось въ 1909 и 1910 гг. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Ив. Аносовъ. Святая Русь въ поэзіи А. В. Кольцова. (Къ 100-лѣтію со дня его рожденія). Харьк. 1909. Тип. „Мирный трудъ". 8° 11 стр.

Евгеній Б. Къ столѣтію со дня рожденія А В. Кольцова. Баку. 1909. 8° 3 ненум. стр.

Русскій народный поэтъ Кольцовъ. Съ портр., снимкомъ памятника и стихотвореніями. Составилъ П. Борзаковскій. Одесса. 1909. 8° 32 стр. Цѣна 10 к.

А. И. Звѣздинъ. Къ столѣтію со дня рожденія А. В. Кольцова. Н.-Новгородъ. 1909. 8° 8 стр. Типогр. „Волгарь".

А. Іерусалимскій. Столѣтней памяти А. В. Кольцова 1809 — 1909, 3 октября. Благотворительность и поэзія. Посвящается народу. Въ 2 частяхъ. 2-ая часть съ избр. стихами Кольцова. Бобровъ. 1909. Изд. журн. „Жизнь за жизнь". 8° Цѣна 20 коп.

Общедоступное чтеніе о Кольцовѣ, въ годовщину 100-лѣтія его рожденія. Составила Н. В. Колодезникова. Казань. 1909. 8° 52 стр. Цѣна 20 к.

М. П.—А. В. Кольцовъ. (Съ портретомъ и видами Воронежа). („Сельскій Вѣстникъ", 1909 г. № 230).

Родныя думы. — П. Т. — А. В. Кольцовъ. Сборникъ стихотвореній памяти народнаго поэта А. В. Кольцова. Прил. къ № 12 газ. „Доля бѣдняка" М. 1909. Изд. Н. Дыниной. 8° 8 стр.

В. Скрипицынъ. Поэтъ-простецъ. („Вѣрность". Изд. прот. Восторгова, 1909, № 21, стр. 29 — 42; въ томъ же изданіи, № 22, стр. 5 — 14, помѣщены избранныя стихотворенія Кольцова).

В. Г. Сахновичъ. А. В. Кольцовъ. („Крестьянское дѣло" 1909 г.).

Дѣтскіе годы знаменитыхъ людей. Біографическіе очерки. Подъ ред. А. А. Ѳедорова-Давыдова. Томикъ IV. Іоаннъ Гутенбергъ. А. В. Кольцовъ. Безпл. прилож. къ журн. „Путеводный огонекъ" М. 1909 8° 84 стр. Съ рис.

4. Библіографическіе матеріалы о Кольцовѣ.

Литература о Кольцовѣ указана въ трудахъ В. И. Межова: 1) „Исторія рус. и всеобщей словесности. Библіогр. матеріалы". (СПб. 1872 г.), 2) „Русская историческая библіографія за 1865 — 1876 г. включительно". (Изд. Академіи Наукъ. Т. I—VIII. СПб. 1882—1890 г.), 3) въ книгѣ г-жи А. В. Мезіеръ „Рус. словесность съ XI по XIX ст." (ч. II. СПб. 1902 г.).

Главнѣйшія работы о Кольцовѣ названы въ 1) „Справочн. словарѣ о рус. писателяхъ" Г. Геннади. (Т. II. Берлинъ. 1880 г., стр. 153—154), 2) „Словарѣ писателей средняго и новаго періода русской литературы XVII—XIX в." А. В. Арсеньева. (СПб. 1887 г., стр. 227—229), 3) въ указанныхъ выше біографіяхъ К., написанныхъ М. Де-Пуле, И. Ивановымъ, В. Огарковымъ, А. Шалыгинымъ.

Спеціально Кольцову посвящена библіографическая работа Лѣтописца Дмитрія (Д. Д. Языкова) „Кольцовъ въ русской и иностранной литературѣ". („Библіогр. Зап." 1892 г., № 9, 640—646).

Обзоръ нѣкоторыхъ трудовъ о Кольцовѣ данъ 1) въ указанной выше статьѣ А. Волынскаго, 2) въ ст. С. Переселенкова „Литература о Кольцовѣ" („Педаг. Листокъ", прилож. къ „Дѣтскому Чтенію" 1892 г., іюль — декабрь, стр. 128 — 141).

Переводы стихотворенiй Кольцова на иностранные языки.

Начнемъ библiографическiй обзоръ переводовъ стихотворенiй Кольцова съ переводовъ *нѣмецкихъ*.

Саксонскiй посланникъ въ Россiи (съ 1833 по 1842 г.) баронъ Карлъ Люцероде, прекрасно знавшiй русскiй языкъ („Рус. Арх." 1902 г., кн. I, стр. 604), перевелъ на нѣмецкiй языкъ „Великую тайну". Этотъ первый переводъ стихотворенiя К. напечатанъ въ книгѣ Н. И. Греча „Путевыя письма изъ Францiи, Германiи и Англiи" (Ч. I. СПб. 1839 г., стр. 5—6; см. „Остаф. Архивъ", т. III, стр. 610).

Пѣсня „Много есть у меня" переведена на нѣмецкiй яз. К. И. Рабусомъ въ концѣ 1840 г. (См. письмо Кольцова на стр. 231).

Далѣе въ хронологическомъ порядкѣ назовемъ слѣдующiе переводы изъ К. и статьи о немъ въ нѣмецкой литературѣ:

„Der Naturdichter Kolzow", von W. Schott (Archiv f. wissensch. Kunde von Russland, 1843, B. III, S. 64—69).

Anthologie russischer Dichter", von A. Wald. (Odessa. 1860).

„A. W. Kolzow".—„St.-Pet. Wochenschrift" (1866, № 27, 29).

Переводъ стих. Кольцова „Что ты спишь, мужичокъ" („Was schläfst du, Bäuerlein").—„Zeitschrift für Slav. Litteratur" (1869, 2 B. 3 Heft).

Russische Volks-Romanze. Von Kolzow, ins Deutsche frei übertragen und in der vorliegenden musikalischen Fassung herausgegeb. von E. Schirmer. Musik von Olga Miklaschewsky (Lpz. 1872).

„Der Volksdichter Koltzoff", von E. und Th. Lybin.—„Wiener Abendpost" (1875, № 121—132).

Лекторъ С.-Петербургскаго университета А. Ѳ. фонъ-Видертъ (1829—1888) помѣстилъ статью о Кольцовѣ въ 10-мъ нѣмецк. изд. „Энциклопедич. Словаря" Брокгауза. Ему же принадлежатъ переводы пѣсенъ К.—„Russische Lieder" въ разныхъ нѣмецкихъ журналахъ и сборникахъ. Такъ, въ „Belletristische Blätter aus Russland" (Aus dem Feuilleton der „St. Petersburger Zeitung" gesammelt und herausgegeben von Dr. Clemens Friedrich Meyer), помѣщенъ въ I томѣ (1853 г.) переводъ двухъ пѣсенъ, во II томѣ (1854 г.) переводъ 15 стихотворенiй Кольцова. (См. также „Deutsches Museum", „Novellenzeitung", „Dresdener Album"). Часть его переводовъ осталась въ рукописи (см. „Рус. Стар." 1887 г., т. LV, стр. 562, 567; некрологъ его въ „Журн. Мин. нар. просв." 1888 г., № 6).

Въ „Illustr. Deutsche Monatshefte", кромѣ Видерта, помѣщалъ переводы пѣсенъ Кольцова Ф. Боденштедтъ. Стихотворенiя Кольцова въ переводѣ Ф. Боденштедта вошли въ его „Gesammelte Schriften" (Berlin. 1865, Band VI—VII), а также частью въ сборникъ „Bibliothek der Gesamtlitteratur. Aus russischen Dichtern in deutschen Uebertragungen. Gesammelt von Alex. Tshernow." Verlag von Otto Hendel. Halle).

A. Wald. Russlands bedeutendste Dichter von Lomonossow bis auf die Gegenwart, metrisch ins Deutsche übersetzt. Riga. 1880 (Переведены 3 стих. Кольцова).

И. Ф. Головацкiй въ своей русско-нѣмецкой христоматiи „Русская книга для чтенiя. Russisches Lesebuch. Poetischer Theil". (Wien. 1860) помѣстилъ 4 стихотворенiя Кольцова со своимъ переводомъ.

Выдающимися по близости къ подлиннику и поэтическимъ достоинствамъ являются переводы Ф. Ф. Фидлера „Gedichte von Alexej Kolzow. Deutsch von Friedrich Fiedler". (Reclams Universal-Bibliothck". Lpz. 1885). Отзывъ въ „Рус. Мысли" 1885 г., IV, 6—7; „Истор. Вѣстн." 1885 г., т. 20, стр. 478. Сочувственный отзывъ о переводахъ Ф. Фидлера даетъ Н. Михайловскій („Литер. воспом." СПб. 1900 г., т. II, стр. 203). Ф. Ф. Фидлеромъ въ названномъ сборникѣ переведено 75 стихотвореній Кольцова, въ предисловіи дана краткая біографія поэта и обзоръ его поэтической дѣятельности.—Въ другой сборникъ Фидлера „Der russische Parnass. Anthologie russischer Lyriker". (2 Auflage. Dresden u. Lpz. Verlag. von H. Winden) вошло 12 стихотвореній Кольцова.—Ф. Ф. Фидлеръ въ воскресныхъ номерахъ „S. Petersburger Herold" 1909 г. (начиная съ № 261) помѣстилъ нѣсколько новыхъ переводовъ пѣсенъ Кольцова.

Хорошій и точный переводъ 63 стихотвореній сдѣланъ М. И. Михельсономъ: „Russische Gedichte von A. Kolzow. Deutsch von Moritz Michelsson". (S.-Ptbrg. 1890. 8°. VIII+267+4 стр. Texte in regard. Цѣна 1 р. 50 к.).—Переводу предшествуетъ замѣтка о значеніи К., основанная на статьѣ Бѣлинскаго. Отзывы о немъ въ „Истор. Вѣстн." 1890 г., т. 39, стр. 470—471, въ „Нивѣ" 1890, № 2.

A. Ascharin. Nordische Klänge. Riga. 1894. (Переведено нѣсколько стих. К.).

H. Gerschmann. Russische Lyrik in der Versmassen der Originale. Königsberg. 1895. (Одно стих. Кольцова).

Въ книгѣ P. Schalfejew „Die Volkstümliche Dichtung A. Kolzovs" (Berlin. 1910) приведены (по рукописи переводчика) переводы нѣсколькихъ пѣсенъ Кольцова, сдѣланные A. Orlt.

Изданія музыкальныхъ произведеній на слова К., особенно сдѣланныя за границей, имѣютъ, кромѣ русскаго текста, иногда также нѣмецкій (и французскій) переводы. Такъ издана пѣсня „Не скажу никому"—въ переводѣ: „Ich will's Niemand gestehn"; напечатана при музыкѣ А. Даргомыжскаго. (Изд. Юргенсона 1896 г.).

Такъ издаются романсы М. Балакирева; напр.: 1) „Приди ко мнѣ". „O komm zu mir". Deutsch von Lina Esbeer.—„Viens près de moi". Traduction française par M. D. Calvocoressi.—Москва. Изд. Гутхейль. Lpz. Breitkopf u. Härtel, 2) „Пѣсня старика"—„Lied eines Greises". Deutsch v. Lina Esbeer.—„La chanson du vieillard" par M. D. Calvocoressi. (Изданіе то же).

Знакомство *французовъ* съ пѣснями Кольцова началось еще въ 30-хъ годахъ. Князь П. А. Вяземскій, посылая въ Парижъ А. И. Тургеневу при письмѣ отъ 23 января 1836 г. „Великую тайну" Кольцова, говоритъ: „Прочти, переведи и передай его Ламартину, въ ожиданіи стиховъ Пушкина, да не забудь сказать, „que c'est un *bouvier*..." Подбей его перевести „Великую тайну" и посвятить свой переводъ Жуковскому". („Остаф. Арх." III, стр. 289). Не знаемъ, было ли исполнено это желаніе кн. Вяземскаго.

Кн. Э. П. Мещерскій (1808—1844), долго жившій во Франціи и знакомившій въ цѣломъ рядѣ работъ французовъ съ Россіей и ея литературой, помѣстилъ переводы нѣсколькихъ стихотвореній Кольцова въ двухъ своихъ сборникахъ: 1) „Les boréales". Paris. 1839; 2) „Les poètes russes, traduits en vers français". Paris. 1846.—Труды кн. Мещерскаго встрѣтили восторженные отзывы французской печати. (О немъ см. въ „Остаф. Арх.", т. III, стр. 695—698).

Въ 60-хъ гг. появилась статья о Кольцовѣ Ральстона (статья изъ „Fortnigthly Review) во французскомъ переводѣ „Koltsof, le poète marchand de bestiaux". Traduit par M-me de Vielers.—„Revue Britannique" 1867, № 8, p. 361—378).

Въ книгѣ Emm. de Saint—Albin „Les poètes russes. Anthologie et notices biographiques" (Paris. 1893, pp. 204—221) помѣщена краткая біографія Кольцова и прозаическій переводъ 16 его стихотвореній.

О французскихъ переводахъ M. D. Calvocoressi указано выше.

При изданіи музыки Мусоргскаго къ стих. „Пирушка" помѣщенъ французскій переводъ: „Pirouchka (Petite fête, petit festin)". Version française de I. Sergennois. (M. P. Belaieff. Lpz. 1898).

Въ *англійской* литературѣ находимъ статьи о Кольцовѣ Ральстона и В. Морфиля.

О статьѣ Ральстона въ „Fortnigthly Review" 1866 г. сообщаетъ корреспонденція „Рус. Инвалида" (1867 г., № 232).

Ему же принадлежитъ статья о русской идилліи съ переводами стихотвореній Кольцова и Никитина на англійскій языкъ въ журн. „Contemporary Review" 1874, april. (См. „Рус. Арх." 1875 г., кн. 5, № 2, стр. 0257; „Нов. Время" 1876 г., № 80).

Въ 1880 г. вышла работа проф. Морфиля: „The peasant poets of Russia" By *W. R. Morfill.* (Reprinted from the „Westminster Review" for July, 1880). London 1880. 8°. 32 стр.—Работа эта вызвана новыми изданіями сочиненій Ломоносова, Кольцова (стр. 14—24) и Шевченка. Авторъ знакомъ со статьями Бѣлинскаго, Де-Пуле; онъ даетъ краткую біографію Кольцова и литературную его оцѣнку, иллюстрируя ее переводами стих. „Звѣзда", „Раздумье селянина", „Великая тайна" и др. (О книгѣ проф. Морфиля см. „Истор. Вѣстн." 1880 г., т. III, стр. 624).

Въ The Anglo-Russian Literary Society. Proceedins. (1897, № 16) помѣщенъ переводъ стих. Кольцова „Лѣсъ", сдѣланный Гаррисономъ.

Въ сборникѣ С. Заруднаго (1885 г.) „Fiori della poesia, versione italiana di Sergi Zarudni" помѣщены, между прочимъ, и переводы изъ Кольцова на *итальянскій* языкъ. (См. „Историч. Вѣстникъ" 1885 г., т. 20, стр. 479).

Мы не знаемъ, есть ли переводы Кольцова на *датскій* языкъ; но писатель Кнутъ Гамсунъ знаетъ біографію его и вспоминаетъ ее при проѣздѣ мимо Воронежа. („Полн. собр. соч." Изд. Маркса. 1909, т. III. кн. II, стр. 466). На *шведскій яз.* переводилъ К. проф. А. Янсенъ („Ист. Вѣстн." 1899, т. 76, стр. 644).

Въ „Библіотекѣ *греческихъ* переводовъ знаменитѣйшихъ русскихъ поэтовъ" Г. Маразли должны были появиться и переводы стихотвореній Кольцова („Истор. Вѣстн." 1899 г. т. 76, стр. 664).

Изъ славянскихъ народовъ *болгары* проявили къ Кольцову довольно большой интересъ. Его стихотворенія „Что значу я" („Що значу азъ"), „Товарищу" („Кьмъ приятеля") и „Пѣсня пахаря" („Пѣсеньта на орача") были помѣщены въ „Библиотекѣ Св. Климента".

Кольцова переводилъ болгарскій поэтъ П. Славейковъ, см. „Периодическо Списание", LXVII, 3—4, стр. 212).

Въ журн. „Българская Сбирка" 1894 г. (кн. I, стр. 46—64) помѣщена статья С. С. Бобчева „Русский самоукъ-поетъ Колцовъ"; въ томъ же жур-

налѣ (тамъ же, стр. 8—11) помѣщены переводы Д. К. Попова: 1) „Пѣсня пахаря" („Пѣсеньта на орача"), 2) „Косарь" („Косачътъ"), 3) „Размышленіе поселянина" („Размишлението поселянина").

Пользуясь сообщеніемъ проф. П. А. Заболотскаго, мы можемъ указать на слѣдующіе переводы на *сербскій языкъ* отдѣльныхъ стихотвореній Кольцова: проф. С. Новаковича („Старачка песма", въ изд. „Вила" 1865 г.), проф. Р. Одавича (2 пѣсни въ „Бр. Коло" 1895 г., стр. 295; 1896 г., стр. 1031), проф. Р. Кривокапича (3 стих. въ изд. „Луча" 1900 г., стр. 32, 583; 1901 г., стр. 297); наконецъ, на переводъ стих. „Послѣдняя борьба"—въ журн. „Srdj" 1903 г., № 5, стр. 212.

Три стихотворенія К. перевелъ Адольфъ Макале въ журн. „Pobratim" (1908. Godiste XVIII).

Въ изд. Iv. Vesel in Ant. Aškerc „Ruska antologia v slovenskih prevodih". V Gorici. 1901) вошли 15 стихотвореній Кольцова въ переводѣ на *словинскій языкъ* I. Tesel, Dr. Kette, I. Prijatelj, R. Peterlin.

Переводамъ на *чешскій* языкъ посвящена статья проф. В. Францева „Кольцовъ въ чешской литературѣ" въ „Русск. Филол. Вѣстн." 1909 г. (вып. III—IV, стр. 299—311). На основаніи матеріаловъ, собранныхъ авторомъ этой статьи, сообщаемъ слѣдующія данныя. Первое упоминаніе о Кольцовѣ, по поводу перваго собранія его стихотвореній, встрѣчается въ журн. „Květy" 1838 г. (стр. 58).—Первый переводъ (стих. „Могила") принадлежитъ I. Б. Пихлю и помѣщенъ въ „Časop. Česk. Mus." 1852 г. (стр. 152); онъ вошелъ потомъ въ его же антологію „Společenský krasnořečnik ceský" (1853 г.) и въ сборникъ Ф. Вымазала „Slovanská poezie".

Вторымъ переводчикомъ пѣсенъ Кольцова является знаменитый чешскій поэтъ Ф. Челаковскій; прекрасные его переводы семи стихотвореній Кольцова напечатаны въ „Časop. Česk. Mus." 1857 г., (стр. 28—31) и вошли частію въ указанный сборникъ Вымазала.

Въ томъ же журналѣ за 1860 г. (стр. 25—45) помѣстилъ переводъ 19 стихотвореній Кольцова другой замѣчательный чешскій дѣятель I. Коларъ. Его переводы вошли также въ сборникъ „Slovanská poezie".

Далѣе переводили Кольцова I. Голечекъ (5 стих. въ журн. „Osvěta" 1873 г., III, 62—65), Фр. Халупа (въ сборн. „Niva" 1886 г., въ журн. „Světozor" 1884 г. и въ его сборн. „Kvítí z ruských luhů". Praha 1885 г.), Р. Покорный („Slovanský Sborník" 1887 г., № 11), Фр. Вымазалъ („Slovanská poezie"). Вл. Штястный (тамъ же), Яр. Липенскій („Koleda" 1879 г., № 31), Вильма Соколова („Jarý věk" 1887, V, 46).

Авторъ біографіи Кольцова проф. Штепанекъ (въ „Чешскомъ Научн. Словникѣ") называетъ въ числѣ переводчиковъ Кольцова Г. Мейснара и Эмиля Вавру.

Чешскій поэтъ Ладиславъ Квисъ (Quis) выпустилъ въ 1892 г. въ изданіи Чешской Академіи „Sborník světové poezie" (sv. 9) сборникъ избранныхъ стихотвореній Кольцова подъ заглавіемъ „A. V. Kolcov. Básně. Přeložil Lad. Quis". (V. Praze. 1892. 8⁰ 148 str.) Квисъ перевелъ всего 78 стихотвореній. Переводъ вызвалъ замѣчанія проф. Ю. Поливки („Časop Č. M." 1893 г., 291—294). Въ статьѣ Dva slovanští básníci samoukové" (въ журн. „Slovanský Přehled" 1898 г., стр. 365—370) Квисъ сравниваетъ Кольцова съ

чешскимъ поэтомъ Фр. Хладкомъ (Chládek, умерш. въ 1861 г.). Авторъ не дѣлаетъ вывода о вліяніи Кольцова на Хладка; но этотъ выводъ напрашивается читателю, который видитъ близкое сходство въ мотивахъ, образахъ и даже размѣрѣ стихотвореній обоихъ поэтовъ.

Нѣкоторыя стихотворенія Кольцова переведены на чешскій языкъ Ф. И. Іезберою, о чемъ есть замѣтка въ газетѣ „Донъ" 1869 г., № 15.

Словаки также знакомы съ музой Кольцова. Пользуясь сообщеніемъ проф. В. А. Францева, мы можемъ указать на переводы Nezabudov'ой въ альманахѣ „Tatran" 1872 г. („Poslednia borba" и „Sädnem ja za stôl") и Сомолицкаго („Poslednia borba") въ „Slov. Pohl'ady" 1896 г., XVI.

Въ Slov. Pohl'ady" 1910, (XXX, s. 8—9, st. 518—519) Horal помѣстилъ въ переводѣ на *словенскій* языкъ думы Кольцова „Великую тайну" и „Предъ образомъ Спасителя".

Пользуясь указаніями статьи В. Лугаковскаго „Кольцовъ въ польской литературѣ" („Р. Филолог. Вѣстн". 1910, № 1 стр. 146—149), сообщаемъ нѣкоторыя данныя о *польскихъ* переводахъ пѣсенъ Кольцова.

Первый по времени переводъ стих. „Не скажу никому" Ляховича помѣщенъ въ сборникѣ „Niezabudka" (СПб. 1842).

Другой переводъ „Урожая" принадлежитъ Іосифу Корвинъ-Кучинскому, въ его „Poezye" (Warsz. 1883).

Есть и *малорусскіе* переводы; таковы, напр.: М. Комаръ „Українські вірші А. Кольцова" („Зоря", Львів, 1895, стр. 177—179); „Гірка доля" въ переводѣ Б. Д. Гринченка (см. его „Писанія". Кіевъ. 1903 Т. I, 118—119).

Изъ переводовъ на *литовскій языкъ* можемъ указать на переводъ стих. „Раздумья селянина" Дагилиса въ книгѣ: M. Dagilélis. Dainos, daineles. Eilin kinkinys. (1909. Ковно). Есть еще переводы Дагилиса и другихъ писателей.

Латышскій библіографъ М. Аронсъ указалъ на переводъ 43 стихотвореній Кольцова на *латышскій* языкъ. См. его „Указатель латышской переводной беллетристики. Latweeschu tulkotás belletristikas rahditais. (Riga. 1902, стр. 100—102).

На Кольцовской выставкѣ въ Петербургѣ былъ рукописный переводъ на *латинскій* языкъ стих. „Что ты спишь, мужичокъ?". Переводъ этотъ сдѣланъ Э. Э. Мооль. (Нач.: „Rustice, rustice, quid dormis?")

Портреты Кольцова, иллюстраціи къ его біографіи и произведеніямъ.

Въ 1838 году другъ В. Г. Бѣлинскаго, художникъ К. А. Горбуновъ (1815—1893 гг.), нарисовалъ акварельный портретъ Кольцова, принадлежащій нынѣ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ. Снимокъ съ этого портрета, отличавшагося, по словамъ Бѣлинскаго, поразительнымъ сходствомъ, былъ приложенъ къ изданію 1846 года. По словамъ И. И. Панаева, портретъ очень вѣрно передаетъ черты поэта; художникъ не умѣлъ только схватить тонкаго и умнаго выраженія глазъ его.—Въ Императорской Академіи Наукъ хранится принад-

лежащая Пушкинскому Дому автокопія этого портрета, рисованная красками. Снимокъ съ нея прилагается къ настоящему изданію.

Другой портретъ Кольцова рисованъ ученикомъ Венеціанова, А. Н. Мокрицкимъ (1811—1871 гг.); подлинникъ его въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія принадлежалъ В. Д. Кашкину (въ Воронежѣ); онъ былъ изданъ по рисунку Д. Трунова на камнѣ въ „Древней и новой Россіи" 1878 г. (№ 4, стр. 329).

Есть портретъ Кольцова, приписываемый А. И. Теребеневу; онъ воспроизведенъ геліогравюрой въ листъ, а также на открытыхъ письмахъ, изданныхъ Обществомъ вспомоществованія учащимъ въ низшихъ училищахъ города Москвы. Въ углу портрета легко читается монограмма А. Т. Къ его типу приближаются два слѣдующіе портрета, изъ коихъ второй приписывается А. А. Агину.

Въ Воронежской Публичной Библіотекѣ хранится портретъ поэта. По сообщенію С. Н. Прядкина, онъ исполненъ лѣтъ 20 тому назадъ ученикомъ Воронежскаго художника-самоучки Л. Г. Соловьева. По отзывамъ мѣстныхъ жителей, портретъ отличается сходствомъ. Если судить по присланному редактору настоящаго изданія фотографическому снимку съ этого портрета, послѣдній очень близокъ по композиціи къ указанному ниже портрету, приписываемому Агину.

Въ „Иллюстрированной Газетѣ" 1868 г., № 21, помѣщенъ портретъ Кольцова. Приложенная при немъ замѣтка сообщаетъ, что онъ „снятъ въ 1846 г. (!) и, кажется, вѣрнѣе передаетъ черты народнаго русскаго поэта, чѣмъ портретъ Горбунова".—Этотъ портретъ рисованъ Агинымъ и былъ первоначально помѣщенъ въ „Иллюстраціи" 1846 г., № 15.

На Кольцовской выставкѣ 1910 г. въ Воронежѣ былъ выставленъ портретъ масляными красками, работы Д. Курепина. Писанъ онъ съ натуры въ Воронежѣ въ 1836 г. Хранился въ семьѣ друга Кольцова Виктора Ивановича Титова. Доставленъ былъ на выставку С. В. Титовымъ; въ настоящее время пожертвованъ въ Воронежскій Губернскій Музей. По семейной традиціи Титовыхъ, портретъ изображаетъ Кольцова. Снимокъ съ этого портрета прилагается къ 3-му Академическому изданію. (Воспроизведенъ на открыткахъ, изданныхъ Воронежскою архивною коммисіею).

Итакъ, есть четыре типа портретовъ Кольцова: Горбунова, Мокрицкаго, Теребенева (Агина) и Курепина.

Принадлежащій Румянцовскому Музею портретъ Кольцова работы А. Брызгалова принадлежитъ ко времени болѣе позднему; кажется, на немъ отразилось вліяніе портрета, приписываемаго Теребеневу. (См. воспроизведеніе въ № 12048 „Новаго Времени" 1909 г., отъ 26 сентября).

Наиболѣе распространеннымъ портретомъ является первый портретъ, принадлежащій кисти Горбунова. Онъ изданъ, напримѣръ, въ „Портретной галлереѣ" А. Мюнстера (Литографія въ листъ. СПб. 1869 г.); правда, лицо поэта сдѣлано здѣсь болѣе молодымъ, шуба—болѣе роскошной, чѣмъ въ оригиналѣ. Еще болѣе молодымъ сдѣлано лицо Кольцова на портретѣ, изданномъ въ листъ такъ же, какъ и Мюнстеровскій, В. П. Водовозовой („Фотогравюра С. Кульженки". Кіевъ 1904 г.); на лицѣ Кольцова нѣтъ ни одной морщинки, глаза совсѣмъ потеряли задумчиво-грустный оттѣнокъ оригинала Горбунова.

Есть рисунокъ И. Н. Крамского (1837—1887 гг.), изображающій Кольцова (Н. Собко. Каталогъ картинъ и гравюръ Крамского. СПб. 1887 г., стр. 15).

Открытыхъ писемъ съ портретами Кольцова немного; намъ извѣстны открытки, изданныя фототипіей Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ, Обществомъ вспомощ. учащимъ низшихъ училищъ г. Москвы, фирмой „Разсвѣтъ" въ Кіевѣ, Воронежской архивной коммисіей.

При біографіи поэта, составленной Де-Пуле и напечатанной въ „Древней и новой Россіи" (1878 г., № 3, стр. 209 и 217), помѣщены портреты отца и матери Кольцова, по фотографіи, снятой съ портрета масляными красками (рис. на камнѣ Д. Трунова). По словамъ Де-Пуле, портретъ матери отличается замѣчательнымъ сходствомъ. Портреты родителей поэта помѣщены въ изданіяхъ П. В. Быкова, Т-ва „Просвѣщеніе", подъ ред. А. И. Введенскаго, и въ 3-мъ Академическомъ.

Въ Подмосковной князей Вяземскихъ хранится подлинникъ картины „Субботнее собраніе у Жуковскаго" („Русск. Вѣдом." 1892 г., № 305, статья Веденѣева). Она была воспроизведена полностію въ „Иллюстраціи" 1859 г., № 99, и частью въ „Альбомѣ Пушкинской выставки" (1880 г.). По воспоминаніямъ А. Мокрицкаго, картина эта исполнена по заказу Жуковскаго нѣсколькими учениками А. Г. Венеціанова; такъ, Михайловъ написалъ кабинетъ, другіе ученики писали фигуры; на долю Мокрицкаго достались также двѣ фигуры. („Воспом. о Венеціановѣ" въ „Отеч. Зап." 1857 г., т. 115, стр. 93). По всей вѣроятности, одной изъ нихъ и была фигура Кольцова, хорошаго знакомаго Мокрицкаго, который изобразилъ поэта скромно стоящимъ посреди кабинета. Впрочемъ, картина художественными достоинствами не отличается.

Библіографу А. Д. Торопову принадлежитъ оттискъ рѣдкой картины З. Пичугина „Кольцовъ у книгопродавца Кашкина", гравированной на деревѣ А. Мартиновскимъ. Гравюра исполнена, по всей вѣроятности, въ 60-хъ годахъ. Юноша Кольцовъ стоитъ около сидящаго пожилого книгопродавца, въ очкахъ, со вниманіемъ читающаго только-что принесенный листокъ со стихами. Кашкинъ изображенъ здѣсь старикомъ, хотя онъ былъ только на 16 лѣтъ старше Кольцова. Эта картина воспроизведена въ изд. Сытина „Полн. собр. стих. Кольцова" (М. 1910, стр. IX) по другому снимку.

Приложенный къ настоящему изданію снимокъ съ рисунка П. Бореля былъ помѣщенъ въ „Сѣверѣ" 1892 г. Онъ воспроизводитъ литературный вечеръ у П. А. Плетнева, описанный И. С. Тургеневымъ. Взятъ тотъ моментъ, когда Плетневъ, обратившись къ скромно сидѣвшему въ уголку Кольцову, просилъ его прочесть послѣднюю думу; но „Кольцовъ чрезвычайно сконфузился и принялъ такой растерянный видъ, что Плетневъ не настаивалъ". Противъ Плетнева, у камина сидитъ Э. И. Губеръ, рядомъ съ нимъ стоитъ В. А. Владиславлевъ; по правую руку отъ Плетнева—Карлгофъ.

Значительно слабѣе рисунокъ Н. Бореля „Кольцовъ у Пушкина" („Нива" 1892 г., № 47, стр. 1036).

Отмѣтимъ еще рисунокъ „Кольцовъ въ степи" (гравюра Э. Шмидта, съ съ рис. З-ва,) помѣщенный въ книгѣ Горемыкина („Заря. Пѣсни русскаго народа и Кольцова" 1880 г.); здѣсь мальчикъ Кольцовъ изображенъ съ отцомъ на привалѣ въ степи.

Первоначальный памятникъ на могилѣ Кольцова, съ описаніемъ его, изображенъ въ № 39 „Живописной русской библіотеки" 1858 г.

Снимки съ памятника Кольцову помѣщались въ нашей періодической печати не разъ; см., напр., „Всем. Иллюстр." 1872 г., № 162 (рисовалъ по дереву Ос. Май, гравировалъ Г. Сѣряковъ), „Иллюстрацію" 1886 г., № 984, „Ниву" 1892 г., № 47 (съ фотогр.), Истор. Вѣстн." 1892 г., т, L, № 12, стр. 787.

Памятникъ Кольцову и могила его (въ настоящемъ ихъ видѣ) воспроизведены въ академическомъ изданіи по спеціально исполненной для него фотографіи М. Н. Селиверстова.

Устроенная Академіей Наукъ Кольцовская выставка была богата портретами поэта, его современниковъ, иллюстраціями, видами Воронежа, рисунками типовъ Воронежской губ. (См. „Каталогъ выставки"). Общій видъ выставки по фотографіи Буллы воспроизведенъ въ журн. „Искры" 1909, № 44.

Общій видъ „Выставки въ память А. В. Кольцова въ Академіи Наукъ" даютъ шесть фотографическихъ снимковъ, соединенныхъ вмѣстѣ, работы художника А. М. Садовскаго (Было сдѣлано ограниченное количество экземпляровъ).

Наиболѣе богато иллюстрированнным является изданіе сочиненій Кольцова Г. Гоппе (ред. П. Быкова); оно иллюстрировано 10 отдѣльными рисунками, 10 рисунками-виньетками и 19 рисунками въ иниціалахъ. Въ немъ участвовали художники: К. О. Брожъ, С. С. Волотовскій, Н. П. Загорскій, М. И. Зощенко, баронъ М. П. Клодтъ, М. Е. Малышевъ, М. Манизеръ, М. О. Микѣшинъ, К. И. Тихомировъ и А. Н. Шильдеръ.

Значительно слабѣе въ художественномъ отношеніи изданіе А. Каспари — „Альбомъ. Пол. собр. сочин. Кольцова" (СПб. 1892 г.). Здѣсь помѣщено 18 рисунковъ двухъ художниковъ В. А. Полякова и М. О. Микѣшина.

Иллюстрированы также изданія Товарищества И. Д. Сытина, Панафидина, Горемыкина, Одесское—подъ ред. А. Кирпичникова, чтеніе о Кольцовѣ М. Парунова и нѣкоторыя другія.

Чтеніе о Кольцовѣ Е. Кислинской можетъ быть иллюстрировано 12 свѣтовыми картинами для волшебнаго фонаря (Постоянной коммиссіи народныхъ чтеній). Въ „Каталогѣ свѣтовыхъ картинъ Ф. Турчанинова" (СПб. 1900 г.) указано 18 картинъ для чтенія „Кольцовъ и его пѣсни", въ каталогѣ Мина (СПб. 1904 г.)—9 картинъ.

Въ иллюстрированныхъ журналахъ имѣется немало рисунковъ на темы стихотвореній Кольцова. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ: 1) П. Чистякова къ стих. „Сяду я за столъ" — „Живоп. Обозр." 1879 г., № 33; „Лучъ" 1880 г., 2) рис. къ „Крестьянской пирушкѣ"—„Сельск. Бесѣда" 1880 г., № 2, 3) В. Трутовскаго „Хуторокъ"—„Нива" 1892 г., № 11, 4) Р. Штейна. Изъ стихотвореній Кольцова („Ночлегъ чумаковъ", „Домъ лѣсника", „Путникъ", „Пѣсня пахаря", „Осень"), 5) В. Табурина. Пѣсни и думы Кольцова („Косарь", „Хуторокъ" и др.)—„Сѣверъ" 1892 г., № 42, 6) В. Сокорнова „Не шуми ты, рожь"—„Сѣверъ" 1893 г., № 28, 7) Ѳ. Козачинскаго „Хуторокъ".—„Сѣверъ" 1894 г., № 41.

Всѣ иллюстрированные журналы, а также нѣкоторыя газеты 1909 г. посвятили Кольцову и его произведеніямъ рядъ рисунковъ. См., напр., „Искры" 1909 г. № 39, „Огонекъ", „Ниву".

Литографіей І. Пашкова въ Москвѣ изданъ на отдѣльномъ листкѣ прекрасный рисунокъ А. Саврасова „Урожай“ (прилож. къ журн. „Баянъ“).

Въ 1887 г. на выставкѣ въ Академіи художествъ былъ барельефъ П. Г. Стадницкаго изъ воска на текстъ стихотворенія Кольцова „Пѣсня пахаря“.

Изъ открытыхъ писемъ съ иллюстраціями намъ извѣстно только одно (изд. литогр. В. Кудинова въ Москвѣ), съ стихотвореніемъ „Сяду я за столъ да подумаю“ и рисункомъ къ нему Е. Соколова. Къ сожалѣнію, рисунокъ исполненъ въ стилѣ извѣстныхъ рисунковъ-каррикатуръ къ „Сказкѣ о Конькѣ-Горбункѣ“.

Одновременно могутъ быть указаны каррикатуры на слова Кольцова. Ихъ можно найти въ „Шутѣ“, „Искрахъ“, Осколкахъ“. Такъ, есть двѣ каррикатуры М. Свириденка на слова пѣсни „Что онъ ходитъ за мной“; первая озаглавлена „Балъ“ (Помню, какъ-то давно у знакомыхъ былъ балъ), вторая—„Онъ“ (Слова нѣтъ—онъ хорошъ) („Искры“ 1902, №№ 44 и 46).

Близки къ каррикатурамъ два рисунка Смурковичъ на слова пѣсни „Не скажу никому“ („Шутъ“ 1901, № 49).

Въ „Осколкахъ“ намъ встрѣтилась каррикатура Порфирьева къ стих. „Человѣкъ“.

Наконецъ, необходимо отмѣтить лубочныя картины и листы, издающіеся съ 1860-хъ годовъ до послѣдняго времени преимущественно въ Москвѣ и въ с. Мстерѣ Влад. губ. Подъ такими картинами, художественная сторона которыхъ очень слаба, обыкновенно помѣщаются тексты иллюстрируемыхъ произведеній. Картины эти остаются безо всякой регистраціи; слѣдить за выходомъ ихъ въ свѣтъ довольно трудно. Мы пользовались коллекціями лубочныхъ картинъ и отдѣльныхъ листовъ съ картинами И. Публичной Библіотеки, И. Академіи Наукъ и Ф. А. Витберга. Приводимъ списокъ картинъ на темы Кольцова, конечно, не ручаясь за полноту его.

„Пѣсня пахаря“.—1) Литогр. И. Голышева въ с. Мстерѣ, Владим. губ. Дозвол. цензур. 27 января 1864 г. 2) Тамъ же. Дозвол. цензурою 6 апрѣля 1866 г. 3) Тамъ же. Дозвол. цензур. 5 іюня 1871 г.

„Пѣсня старика“.—1) Печ. въ металлографіи П. Шарапова. М. Дозв. цензурою 19 марта 1857 г.—2) Москва. Металлографія А. Морозова. 1862 г.; доз. цензурою 18 августа 1865 г.; 15 іюня 1866 г.; ... іюля 1872 г.; 12 іюля 1875 г.—3) Тотъ же рисунокъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. М. Литогр. Д. Стрѣльцова.Изданіе П. Шарапова. Дозб. ценз. 6 октября 1876 г.—М. Литогр. Васильева. Дозв. ценз. въ мартѣ 1884 г.; 4) Литогр. И. Д. Сытина. М. Дозв. цензур. 16 февр. 1877.—5) Рисунокъ въ краскахъ. М. Хромолитогр. М. Соловьева. Дозв. ценз. 15 февраля 1886 г.

Пѣсня „Кудри вьются“ (Лихача Кудрявича). Литографія П. Глушкова. М. Дозв. цензурою 16 мая 1870 г.

„Хуторокъ“.—1) М. Литогр. Д. Руднева. Дозв. ценз. 24 марта 1878 г. На большомъ листѣ 7 довольно удовлетворительныхъ въ художественномъ отношеніи и хорошо исполненныхъ рисунковъ; это самая лучшая изъ извѣстныхъ намъ лубочныхъ картинъ къ пьесамъ Кольцова. 2) Литогр. И. Голышева въ с. Мстерѣ. Дозвол. цензурою 6 апрѣля 1866 г.; 9 іюня 1871 г. 3) Литогр. И. Голышева въ Голышевкѣ. Дозв. ценз. 3 января 1881 г. На одномъ листѣ два довольно слабыхъ рисунка. 4) М. Хромо-литогр. А. Стрѣльцова.

Дозв. ценз. 10 августа 1883 г. Рисунокъ въ краскахъ. 5) Значительно лучше изданіе хромолитогр. Е. Коноваловой въ Москвѣ (дозв. ценз. 13 ноября 1902 г.); здѣсь 5 рисунковъ на одномъ листѣ.—„Хуторокъ" переизданъ хромо-литогр. Коноваловой въ 1908 г.

„Что ты спишь, мужичокъ"—1) Литогр. Голышева въ Мстерѣ. Дозв. ценз. 1 апрѣля 1872 г. На одномъ листѣ 5 довольно слабыхъ рисунковъ. 2) Еще слабѣе изд. литогр. П. Глушкова. М. Дозв. цензур. 17 января 1871 г.; 12 іюня 1878 г. 3) Изд. П. Н. Шарапова. Литогр. А. Стрѣльцова. Дозв. ценз. 7 февраля 1876 г.

Въ послѣднее время литографіи почти совсѣмъ вытѣснены рисунками въ краскахъ. Авторы этихъ рисунковъ мало считаются съ требованіями дѣйствительности и художественной правды. Такъ, въ указанной выше пятой картинѣ къ „Пѣснѣ старика" крестьянскія дѣвушки представлены наряженными въ роскошныя разноцвѣтныя платья, сидящими въ искусственно принятыхъ позахъ. Не лучше и другія изданія въ этомъ же родѣ.

„Косарь".—М. Хромо-литогр. А. Абрамова. Дозв. ценз. 4 іюня 1883 г. Косарь изображенъ здѣсь въ праздничномъ нарядѣ.

„Сяду я за столъ да подумаю".—М. Лит. Т-ва И. Сытина. Рисунокъ въ краскахъ, несомнѣнно нерусскаго происхожденія; на немъ изображенъ въ саду при ресторанѣ старикъ за столикомъ, уставленнымъ напитками; недалеко отъ него два офицера и дама. Все это мало вяжется съ заглавіемъ стихотворенія „Раздумье селянина".

Пѣсни А. В. Кольцова въ музыкѣ.

В. Г. Бѣлинскій въ статьѣ о Кольцовѣ высказался и о музыкальномъ значеніи его пѣсенъ: „Русскіе звуки поэзіи Кольцова должны породить много новыхъ мотивовъ національной музыки. И придетъ время, когда пѣсни Кольцова пройдутъ въ народъ и будутъ пѣться на всемъ пространствѣ безпредѣльной Руси".

Это предсказаніе исполнилось. Дѣйствительно, распространеніе пѣсенъ Кольцова въ музыкальной иллюстраціи велико. Оно началось давно: русскіе композиторы стали писать музыку на тексты Кольцова еще при жизни поэта.

Ю. Арнольдъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о томъ, при какихъ обстоятельствахъ написана имъ музыка на слова пѣсни „Не шуми ты, рожь, спѣлымъ колосомъ". Натолкнулъ его на эту мысль В. Г. Бѣлинскій, къ которому однажды зашелъ композиторъ. Это было въ октябрѣ—ноябрѣ 1840 г., когда Кольцовъ жилъ у Бѣлинскаго въ Петербургѣ [1]).

---

1) „Воспоминанія Ю. Арнольда". Москва. 1892 г. Вып. II, стр. 212—213. По мнѣнію критиковъ, романсы Арнольда вполнѣ заурядны (Н. Финдейзенъ, „Русск. художественная пѣсня". Москва 1905, стр. 28); въ своихъ композиціяхъ онъ не выказалъ особенной талантливости. (Н. Кашкинъ. „Очеркъ исторіи русской музыки". Москва. 1908, стр. 212).

Нѣсколько позже (10 января 1841 г.) Кольцовъ, одновременно съ письмомъ изъ Москвы, посылаетъ сестрѣ ноты на слова стихотворенія „Соловей" (А. Е. Варламова).

На родинѣ Кольцова, въ Воронежѣ, еще при жизни поэта было положено на музыку мѣстнымъ учителемъ-піанистомъ С. Н. Нагаевымъ нѣсколько его пѣсенъ; напр.: „Не шуми ты, рожь", „Хуторокъ". По воспоминаніямъ Нагаева, учившаго игрѣ на фортепіано младшую сестру поэта Анисью Васильевну, онъ, по просьбѣ послѣдней, написалъ музыку для „Хуторка", когда эта пѣсня только что была сочинена и ходила еще въ рукописяхъ между любителями стиховъ. „Эта пѣсенка имѣла громадный успѣхъ; ее пѣла въ первый разъ съ аккомпаниментомъ фортепіано сама Анисья Васильевна на вечерѣ у Башкирцевыхъ. На вечерѣ этомъ присутствовалъ и поэтъ, и ему громко апплодировали, какъ автору романсовъ" [1]).

По словамъ г. Студина, пѣсни Кольцова проникли въ народъ еще при его жизни, ихъ пѣли крестьяне въ захолустныхъ селахъ и деревняхъ [2]).

Въ 1847 г., въ приложеніи къ „Невскому альманаху" на 1847—48 гг., издана музыка Г. А. Ломакина на слова „Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ". Ломакину же принадлежитъ музыка на слова „Не весна тогда жизнью вѣяла".

О музыкѣ П. Булахова на слова „Я затеплю свѣчу воску ярова" („Кольцо") помѣщена краткая замѣтка въ „Москвитянинѣ" (1853, № 4, 108),

Таковы были первыя музыкальныя произведенія, написанныя на тексты Кольцова. За 70 лѣтъ число ихъ значительно возросло, и въ настоящее время можно насчитать до 90 произведеній Кольцова, положенныхъ на ноты, принадлежащія перу болѣе ста композиторовъ, начиная съ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія и кончая нашими днями. Не подлежитъ сомнѣнію, что колоритныя пѣсни Кольцова имѣли свою долю вліянія на характеръ композицій музыкантовъ, къ нимъ обращавшихся, и своеобразной музѣ Кольцова историкъ музыки отведетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи развитія русскаго романса, русской художественной пѣсни. Но пока, музыкальная критика наша не только не имѣетъ спеціальныхъ изслѣдованій по интересующему насъ вопросу, но и сколько-нибудь обстоятельной хотя бы общей характеристики Кольцова въ музыкѣ. Въ увѣренности, что современемъ этотъ пробѣлъ будетъ пополненъ спеціалистами, ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями, которыя заключимъ спискомъ произведеній Кольцова въ музыкѣ.

Общую, но слишкомъ краткую, характеристику ихъ далъ критикъ „Новаго Времени". Приводимъ ее:

„Русская вокальная литература представляетъ собою огромный выборъ романсовъ съ текстомъ Кольцова, ибо музыкантовъ, писавшихъ на тексты этого поэта, наберется не менѣе сотни, музыкантовъ большихъ и малыхъ, знаменитыхъ и никому неизвѣстныхъ. У насъ [3]) приведены въ качествѣ образчиковъ романсы, музыка которыхъ принадлежитъ М. И. Глинкѣ („Если встрѣчусь съ тобой"), О. И. Дютшу („Не скажу никому"), А. Е. Варламову

---

1) „Воронеж. Телеграфъ" 1892 г., № 121.
2) Тамъ же.
3) т. е. въ „Новомъ Времени".

(„Осѣдлаю коня") и А. Г. Рубинштейну („Свѣтитъ солнышко")... Извѣстностью пользуется романсъ Дютша „Не скажу никому"—и пользуется по всей справедливости—онъ далеко оставляетъ за собою романсъ Даргомыжскаго на тѣ же слова. Романсъ, или какъ его окрестилъ Варламовъ „баллада", „Осѣдлаю коня" заброшенъ только въ послѣдніе годы; онъ былъ необыкновенно популяренъ; Варламову дѣйствительно удалось передать въ немъ то настроеніе русской удали и лихости и вмѣстѣ грусти, которыми проникнуто стихотвореніе Кольцова. Несмотря на то, что почти нѣтъ русскаго композитора, который бы не пользовался Кольцовымъ, наибольшее распространеніе получили однако романсы, написанные далеко не первостепенными авторами. Такъ, громкая извѣстность выпала на долю Климовскаго съ его „Хуторкомъ". Этотъ „Хуторокъ" распѣвался Никольскимъ, Тамберликомъ, Бантышевымъ, Владиславлевымъ, вообще пѣвцами и любителями въ концертахъ и въ семейныхъ домахъ. Пользовались также большою извѣстностью романсы московскаго композитора А. И. Дюбюка на слова Кольцова; напр. „Перстенечекъ" и др. [1]).

Нѣсколько дополненій къ этой характеристикѣ можно найти въ трудахъ: 1) Ц. А. Кюи. „Русскій романсъ. Очеркъ его развитія" СПб. 1896 г., 2) Н. Финдейзена „Русская художественная пѣсня. Романсъ". Москва 1905 г., 3) проф. Н. Кашкина „Очеркъ исторіи русской музыки". Москва 1908 г. и др. Пользуясь ими, назовемъ въ хронологическомъ порядкѣ нѣсколько именъ композиторовъ, вдохновлявшихся пѣснями Кольцова.

Псевдо-народный, сентиментальный характеръ носили русскіе романсы отъ конца XVIII и начала XIX вѣка, вплоть до М. И. Глинки. Романсы начала XIX в. вышли изъ-подъ пера композиторовъ-диллетантовъ. Таковъ, напримѣръ, плодовитый А. Л. Гурилевъ (1802—1856 г.). Общій характеръ его произведеній—меланхоличность, становящаяся иногда скучной и надоѣдливой; впрочемъ, романсы его мелодичны и искренни, чѣмъ и объясняется, по всей вѣроятности, ихъ былая популярность, особенно въ провинціи. Гораздо талантливѣе его А. А. Алябьевъ (1787—1851) и А. Е. Варламовъ (1801—1848). У А. Е. Варламова, сравнительно съ его предшественниками, рельефнѣе выдѣляется *народный* отпечатокъ его пѣсенъ.

П. П. Булаховъ (умеръ въ 1873 г.), извѣстный въ свое время оперный теноръ, обогатившій русскую диллетантскую литературу сотней пѣсенъ, написалъ на слова Кольцова романсы: „Кольцо" (Я затеплю свѣчу воску ярова), „Горькая доля" (Соловьемъ залетнымъ), „Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали", „Въ непогоду вѣтеръ".

Выше своихъ предшественниковъ стоитъ А. И. Дюбюкъ (1812—1897), хотя онъ не преслѣдовалъ высокихъ художественныхъ задачъ и писалъ салонныя сочиненія. Сердечность и теплота чувства отличаетъ романсы О. И. Дютша (1826—1863). Одинъ изъ лучшихъ его романсовъ „Не скажу никому"—на слова Кольцова.

Какъ извѣстно, эпоху въ исторіи русской музыки представляетъ дѣятельность М. И. Глинки (1804—1857). Ему принадлежитъ, кажется, только одно музыкальное произведеніе на слова Кольцова „Если встрѣчусь съ тобой". Но

---

1) „Новое Время" 1892 г., № 5983.

и въ немъ отразились особенности его музыкальнаго творчества—введеніе истинной, а не поддѣльной народности. Глинку справедливо считаютъ „пѣвцомъ, создавшимъ новый путь для русской художественной пѣсни, вдохнувшимъ въ ея формы новую струю напѣвовъ, новую жизнь". (Н. Финдейзенъ, н. с., 35).

А. С. Даргомыжскій (1813—1869 г.) сдѣлалъ замѣтный шагъ впередъ въ развитіи художественной формы и содержанія русской пѣсни (введеніе болѣе правдивой декламаціи, даже речитатива). По отзыву Ц. А. Кюи, „лучшіе лирическіе романсы Даргомыжскаго тѣ, въ которыхъ сказывается глубокое чувство, неисцѣлимая, часто затаенная скорбь, какъ напр. „Безумная", „Не скажу никому". Эти романсы, кромѣ глубокаго чувства и симпатичности, отличаются еще замѣчательной красивостью, закругленностью формы и широкою мелодичностью" (Ц. Кюи, н. с., 27, 31—32).

А. Г. Рубинштейнъ (1829—1894), какъ авторъ романсовъ на слова русскихъ поэтовъ, заслужилъ со стороны критики упреки въ томъ, что у него слишкомъ слабъ народный элементъ. „Онъ какъ бы не былъ въ состояніи отрѣшиться отъ западнаго вліянія". „Даже въ своихъ „пѣсняхъ", написанныхъ на тексты лучшихъ народныхъ русскихъ поэтовъ (напр. Кольцова), онъ только подражаетъ, къ тому же мало удачно, русскому характеру, передавая лишь внѣшне схваченные обще-русскіе обороты". Впрочемъ, такія пѣсни его, какъ „Ты не пой, соловей" признаются критикой въ высокой степени изящными и граціозными. (Н. Финдейзенъ, н. с., 46).

Ц. А. Кюи даетъ болѣе суровый отзывъ о романсахъ Рубинштейна, которые, по его замѣчанію, гораздо однообразнѣе романсовъ Глинки и Даргомыжскаго. „У него есть „русскія пѣсни" безъ малѣйшаго русскаго оттѣнка („Ты прости, прощай", гдѣ все не русское, за исключеніемъ довольно смѣшной псевдо-русской ритурнели)... Есть и такія, въ которыхъ только слегка сквозитъ народный характеръ,—русскій („Перстенечекъ", „Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали"—съ ораторіально-нѣмецкой голосовой каденцой въ концѣ)... У Рубинштейна не мало и дуэтовъ, а изъ нихъ немало написано въ русскомъ народномъ духѣ. Между послѣдними... есть удачные, какъ „Свѣтитъ солнышко", дуэтъ, который Рубинштейнъ начинаетъ безъ акомпанимента и потомъ украшаетъ ловкими контръ-пунктами". (Ц. Кюи, н. с., 48, 52—54).

Самобытный народный характеръ носитъ пѣсня М. П. Мусоргскаго (1839—1881), этого мастера превосходной и гибкой фразировки. Замѣчателенъ въ этомъ отношеніи его *разсказъ* „Пирушка", „съ красивой, величавой, чисто русской музыкой" (Ц. Кюи, н. с., 95), хотя онъ имѣетъ недостатки съ музыкально-технической точки зрѣнія.

М. А. Балакиревъ (1836—1910 г.) является, по мнѣнію критиковъ, достойнымъ продолжателемъ Глинки. „Для того, чтобы удовлетворить своему стремленію къ широкимъ кантиленамъ, г. Балакиревъ дѣлаетъ соотвѣтствующій выборъ стихотвореній, преимущественно Кольцова и Лермонтова... Нѣкоторые его романсы представляютъ совершеннѣйшіе образцы сліянія музыки съ текстомъ въ одно гармоническое цѣлое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, образцы гибкости и разнообразія романсныхъ формъ—отъ закругленныхъ строкъ, какъ въ „Приди ко мнѣ",—до непрерывно льющейся музыки безъ всякихъ повтореній. Романсы г. Балакирева разнообразны... „Приди ко мнѣ" полонъ огня и страсти, выраженной широкой и эффектной кантиленой съ неменѣе эффектнымъ форте-

піаннымъ сопровожденіемъ... Всѣ романсы г. Балакирева поются удобно и эффектно, за исключеніемъ „Такъ и рвется душа", въ которомъ исполнителю негдѣ перевести дыханія, за совершеннымъ отсутствіемъ паузъ. „Пѣсня старика" (на слова Кольцова)—суровый романсъ съ образнымъ аккомпаниментомъ и безотраднымъ окончаніемъ". (Ц. Кюи, н. с., 60—68).

Восточный романсъ Н. А. Римскаго-Корсакова (1844—1908 г.) „Плѣнившись розой, соловей" состоитъ изъ милой, простой темы общаго характера, заключенной между болѣе колоритнымъ фортепіаннымъ вступленіемъ и заключеніемъ, съ восточными завитушками, на постоянной басовой квинтѣ (Ц. Кюи, н. с., 142).

Изъ болѣе молодыхъ композиторовъ, писавшихъ на слова Кольцова, критики отмѣчаютъ А. Н. Корещенка (род. въ 1870 г.), С. В. Рахманинова (род. въ 1873 г.).

Нѣкоторыя пѣсни Кольцова получили широкое распространеніе въ такъ называемыхъ „цыганскихъ хорахъ". Въ изданіи Губанова „Пѣсни и романсы московскихъ пѣвицъ и хоровыя пѣсни Кольцова" (М. 1893, безъ нотъ) помѣщены шесть стихотвореній Кольцова: „Сяду я за столъ", „Соловьемъ залетнымъ", „Я любила его", „Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ", „Хуторокъ" и „Обойми, поцѣлуй".

Въ особыхъ нотныхъ тетрадяхъ „Цыганскія пѣсни" можно найти слѣдующіе романсы на слова Кольцова: „Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали", „Въ непогоду вѣтеръ", „Глаза" (Погубили меня твои черны глаза), „Дуютъ вѣтры", „Если встрѣчусь съ тобой", „Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный", „Послѣдній поцѣлуй" (Обойми, поцѣлуй) и нѣкоторые другіе.

Что касается знакомства Западной Европы съ русскими музыкальными произведеніями, написанными на темы Кольцова, то оно несомнѣнно, хотя, быть можетъ, и въ незначительной степени. Извѣстно, что „Пирушка" Мусоргскаго съ французскимъ переводомъ подъ нотами, издана М. П. Бѣляевымъ въ Лейпцигѣ. Романсы М. А. Балакирева издаются съ нѣмецкимъ и французскимъ стихотворными переводами А. Гутхейлемъ въ Москвѣ и фирмой „Брейткопфъ и Гертель" въ Лейпцигѣ. Наконецъ, въ 1879 году въ Лейпцигѣ вышло въ свѣтъ слѣдующее изданіе: *„Russische Volks-Romanze. Von Kolzov, in deutsche frei übertragen und in der vorliegenden musikalischen Fassung herausgegeben von E. Schirmer. Musik von Olga Miklaschewsky"*.

Въ заключеніе настоящей библіографической замѣтки приводимъ списокъ стихотвореній Кольцова, положенныхъ на музыку русскими композиторами.

Въ основу этого списка, конечно, не полнаго, положенъ указатель, который былъ помѣщенъ при біографіи поэта, составленной В. В. Огарковымъ (СПб. 1891 г.). Этотъ указатель нами исправленъ и дополненъ на основаніи имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ (напр., коллекціи Ф. А. Витберга старинныхъ романсовъ на слова Кольцова, собранія библіотеки И. Академіи наукъ и Публичной Библіотеки). Къ сожалѣнію, намъ удалось видѣть не всѣ перечисленные въ указателѣ романсы; за отсутствіемъ библіографическихъ пособій, пришлось пользоваться каталогами издательскихъ музыкальныхъ фирмъ, отличающимися слишкомъ большою краткостью. Да и на самихъ текстахъ музыкальныхъ произведеній только въ очень рѣдкихъ случаяхъ можно встрѣтить указанія, какимъ изданіемъ они выходятъ; часто бываетъ

въ нихъ пропущенъ годъ изданія; въ послѣднемъ случаѣ помогаетъ дата цензурнаго разрѣшенія, если она обозначена. Въ настоящее время есть библіографическое описаніе около 150 изданій романсовъ на слова Кольцова, данное въ „Каталогахъ выставки въ память Кольцова“ И. Академіи Наукъ и Воронежской архивной коммисіи. Пользуясь этими каталогами, а также „Книжною лѣтописью“ за 1909 и 1910 годы, мы обозначили при многихъ романсахъ годы выхода ихъ въ свѣтъ, которые не всегда совпадаютъ со временемъ ихъ написанія.

Списокъ стихотвореній Кольцова, положенныхъ на музыку русскими композиторами [1]).

Для одного голоса и дуэты.

„Ахъ зачѣмъ меня силой выдали“.—П. Базилевскій (1886 г.), С. Бармотинъ (1909 г.), П. Булаховъ (1859 г.), К. Вильбоа, П. Романусъ, А. Рубинштейнъ, кн. Н. Трубецкой, Н. Христіановичъ, И. Яковлевъ (ок. 1860 г.).

„Безъ ума, безъ разума меня замужъ выдали“.—А. Даргомыжскій, П. Бларамбергъ, Н. де-Витте, кн. Н. Трубецкой (1887 г.).

„Бѣгство“ (Ужъ какъ гляну я на поле).—Л. Малашкинъ, В. Прокунинъ, И. Яковлевъ (ок. 1860 г.).

„Веселый часъ“ (Дайте бокалы).—П. Афанасьевъ (1878 г.), Н. Барановичъ, А. Дюбюкъ, Ельховскій.

„Всякому свой таланъ.“—А. Даргомыжскій.

„Въ непогоду вѣтеръ“. (Въ романсахъ иногда начало: „Цѣлый день на небѣ солнышко сіяетъ“). Н. Барановичъ (1869, 1871 г.), П. Булаховъ, А. Варламовъ, И. Васильевъ (1871 г.), Н. де-Витте, Я. Горбенко, Н. Дмитріевъ (1853 г.), Дроздовъ, П. Москалевъ (1906 г.), В. Соколовъ, Н. Христіановичъ (1865 г.).

„Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ“.—А. Астафьевъ, А. Варламовъ, В. Глинка. Г. Ломакинъ (1847 г.), Орловъ (1910 г.), В. П. Прокунинъ (1875 г.), Н. Соколовскій (1898 г.), В. Соколовъ, Н. Христіановичъ.

„Гдѣ вы, дни мои“.—П. Архангельскій, Н. Барановичъ (1871 г.), Л. Малашкинъ, М. Офросимовъ, В. Соколовъ, Н. Христіановичъ, М. Черно-Ивановъ (1897 г.).

„Глаза“ (Погубили меня твои черны глаза).—Бобриковъ, А. Варламовъ, Н. Витляро, П. Воротниковъ (1865 г.), А. Дерфельдъ (1852 г.), Добрышина, А. Дюбюкъ (1864 г.), Авг. Клеффель (1882 г.), Л. Д. Малашкинъ (Кіевъ), Н. А. Малышевъ (Курскъ 1861 г.), М. Н. Офросимовъ (соло и дуэтъ), Н. Подменнеръ, Я. Пригожій, А. Рахманиновъ, П. В. Романусъ, А. Титовъ, С. И. Штуцманъ (1897 г.).

„Горькая доля“ (Соловьемъ залетнымъ).—П. Булаховъ, А. Варламовъ, А. Дюбюкъ (1855 г.), В. Соколовъ.

„Грусть дѣвушки“ (Отчего, скажи, мой любимый серпъ).—П. Афанасьевъ, Віардо-Гарсіа, А. Гурилевъ (1848 г.), В. Кашперовъ, А. Корещенко, Л. Малашкинъ, Н. Христіановичъ (соло и дуэтъ, 1853 г.).

„Два прощанія“.—А. Дюбюкъ (1853 г.).

„Деревенская бѣда“.—А. Дюбюкъ, О. Дютшъ.

---

1) „Пѣсни“ и Русскія пѣсни“ приводимъ по первому стиху.

„Доля бѣдняка".—В. Соколовъ.

„Дума сокола".—Де-Витте, В. Кашперовъ (1864, 1891 г.).

„Дуютъ вѣтры".—К. Вильбоа, А. Гречаниновъ, Н. Дмитрiевъ, А. Рубинштейнъ, Д. Усатовъ, Н. Христiановичъ.

„Если встрѣчусь съ тобой".—Н. Витляро, М. И. Глинка (1857 г.), А. С. Даргомыжскiй (соло и дуэтъ), А. Дюбюкъ (1853, 1871), З. Коганъ (1897 г.), Н. Кочетовъ, Е. А. П. (1897 г.), А. Рубинштейнъ, Н. Соколовскiй (1898 г.), М. Сухоровскiй (1871 г.). Цыг. пѣсни.

„Женитьба Павла".—А. Дюбюкъ.

„Измѣна суженой" (Жарко въ небѣ солнце лѣтнее).—К. Божановскiй, А. Е. Варламовъ, Векшинъ, А. Дюбюкъ (1860 г., 1874 г.), А. Гурилевъ, В. Соколовъ (1892 г.), М. Л. Пресманъ (1910 г.).

„Изступленiе" (Духи неба, дайте мнѣ крылья сокола скорѣй!)—М. Балакиревъ, Бобриковъ, В. Имберда, П. Е. Комаровскiй (1891 г.), Н. А. Малышевъ (Курскъ, 1861 г.), М. Офросимовъ, А. Рубинштейнъ.

„Какъ здоровъ да молодъ".—Н. Дмитрiевъ (1869 г.), А. Дюбюкъ (1852 г., 1869 г.), В. Кашперовъ (1865 г.).

„Кольцо". (Я затеплю свѣчу).—В. А—скiй, П. Булаховъ, А. Гурилевъ (1848 г.), Даргомыжскiй (1899 г.), А. Корещенко, С. Зайцевъ, Черниковъ.

„Косарь". (Не возьму я въ толкъ).—А. Гурилевъ, Мещериновъ.

„Крестьянская пирушка".—А. Дюбюкъ (1872 г.), Мусоргскiй.

„Люди добрые, скажите".—К. Божановскiй (1864 г.).

„Лѣсъ" (О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ).—А. Дерфельдтъ (1856 г.), М. Ивановъ, В. Соколовскiй (1878 г.).

„Лѣсъ" (Что дремучiй лѣсъ).—К. И. Нечай-Грузевичъ (Одесса., 1895 г.), В. Прокунинъ (1871 г.), П. Сокальскiй, Д. Усатовъ, Н. К.

„Мiръ музыки" (Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни).—А. Евгенiевъ, Д. Корниловъ. В. Соколовъ (дуэтъ), Б. Шель.

„Много есть у меня".—С. Зайцевъ.

„Молитва" (Спаситель, Спаситель!).—И. Игнатьевъ.

„Молодая жница" (Высоко стоитъ солнце на небѣ).—А. Варламовъ, К. Вильбоа, А. Гурилевъ, Махотинъ, Н. Христiановичъ.

„Не весна тогда жизнью вѣяла".—М. А. Андреевъ (Кiевъ 1885 г.), Л. Варгунинъ, А. Гедике (1910 г.), Л. В. Гончаровъ (Кiевъ 1892 г.), А. Дюбюкъ (1874 г.), С. Зайцевъ, В. Кашперовъ, А. Кирѣевъ (1855 г.), А. Корещенко, Г. Ломакинъ, А. Рубинштейнъ, Н. Христiановичъ.

„Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный".—Цыг. пѣсни (соло и дуэтъ).

„Не на радость, не на счастiе".—А. Дерфельдтъ, В. Соколовъ.

„Не разливай волшебныхъ звуковъ".—Л. Малашкинъ (1873 г.).

„Не скажу никому". Пѣсня.—Архангельскiй, П. Афанасьевъ (дуэтъ), Бармотинъ (1909 г.), М. Бернардъ, А. Герцбергъ (прилож. къ ж. „Радуга" 1886 г.), А. Даргомыжскiй, Н. Дмитрiевъ (1871 г.), С. Донауровъ, О. Дютшъ, И. Игнатьевъ (1856 г.), Г. Кузминскiй, Л. Малашкинъ, I. Помазанскiй, Шахтъ, Е. Шашина, К. Шидловскiй.

„Не шуми ты, рожь".—Ю. Арнольдъ (1840 г.; есть изд. 1890 г.), П. Воротниковъ (1904 г.), А. Гурилевъ (соло и дуэтъ), Гр. Г. А. Кушелевъ-Безбородко, С. Н. Нагаевъ, Н. Самсонова (дуэтъ), Лазаревъ, Н. В. Щербачевъ (1869 г.).

„Ночь“ (Не смотря въ лицо, она пѣла мнѣ).—А. Дюбюкъ.

„Нынче ночью къ себѣ“.—Л. Петровъ (1865 г.), В. Соколовъ (1873 г.).

„О, не кажи улыбки страстной“.—А. Н. Шеферъ (1894 г.).

„Очи, очи голубыя“.—Д. Кладищевъ, И. В. Романусъ, А. Н. Шеферъ.

„Перепутье“ (До чего ты, моя молодость).—М. В. Бѣгичева.

„Перстенечекъ золотой“.—Н. Барановичъ (1871 г.), К. Божановскій, А. Варламовъ, Г. Демидовъ, Ю. Капри, Ларме, Я. Пригожій, П. Романусъ, А. Рубинштейнъ, Н. Соколовскій, Н. Стрекаловъ.

„Поминки“.—А. Бигдай (1898 г.).

„По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ“.—А. Дюбюкъ, П. Кавелинъ, М. Мусоргскій (изд. 1909 г.).

„Послѣдняя борьба“.—Н. Малышевъ.—Цыганскія пѣсни.

„Послѣдній поцѣлуй“ (Обойми, поцѣлуй!).—М. Балакиревъ, Бларамбергъ, Де-Витте, Лобановъ, И. М., П. Романусъ, И. Я. Самецкій (1909 г.), Баронъ Фитингофъ, Цыг. пѣсни (соло и дуэтъ), С. И. Штуцманъ (1873, 1897 г.).

„Предъ образомъ Спасителя“.—Н. Дмитріевъ, А. Дюбюкъ, М. Черно-Ивановъ (1897 г.).

„Приди ко мнѣ, когда зефиръ“.—М. Балакиревъ (1859 г.), Барановичъ, М. Р. Блюменфельдтъ (1894 г.), С. Донауровъ, Н. Самсонова (соло и дуэтъ), А. Н. Шеферъ, Энгель.

„Путь“ (Путь широкій давно).—Эггерсъ.

„Пѣсня Лихача Кудрявича (первая)“.—Архангельскій, П. Афанасьевъ, Векшинъ, П. Воротниковъ (соло съ хоромъ), А. Дюбюкъ, В. Кашкинъ, (Орелъ 1895 г.), В. Кашперовъ (1864 г.), Е. Климовскій, В. Соколовъ (дуэтъ).

„Пѣсня Лихача Кудрявича (2-я)“.—Мещериновъ.

„Пѣсня пахаря“.—Н. Бороздинъ, Над. Самсонова.

„Пѣсня разбойника“.—Афанасьевъ, М. Балакиревъ, Л. Малашкинъ, К. Вильбоа.

„Пѣсня старика“.—М. Балакиревъ, А. Варламовъ (есть изд. 1899 г.), П. Макаровъ, В. Соколовъ (1878 г.), Н. Соколовскій (1898 г.).

„Раздумье селянина“.—Г. Базилевскій (1905 г.), Н. Барановичъ (1871 г.), С. Бармотинъ (1909 г.), Н. А. Бороздинъ, А. Бурнашевъ, В. Золотаревъ, А. Копыловъ (1893 г.), Г. Ломакинъ (1872 г.), П. Ренчицкій, Н. Соколовскій (1898 г.), П. Ф., Д. Усатовъ.

„Разлука“. (На зарѣ туманной юности).—А. Гурилевъ, Н. Христіановичъ (1865 г.).

„Разступитесь, лѣса темные“.—В. Золотаревъ, Н. Христіановичъ.

„Расчетъ съ жизнію“.—(Жизнь! Зачѣмъ ты собой) К. Вильбоа, Де-Витте, Эмилія Дельвигъ (1856 г.). Е. Зайцева (Ревель. 1883), Ржевскій, В. Соколовъ.

„Свѣтитъ солнышко“.—Н. Дмитріевъ, Б. Прокунинъ, А. Рубинштейнъ (дуэтъ), Соломирскій (1872 г.), Н. Самсонова (дуэтъ), Н. Христіановичъ, А. Н. Шеферъ (1894 г.), А. Эйхенвальдъ (1909 г.).

„Сирота“.—(Не прельщайте, не маните).—П. Макаровъ (1862 г.), П. Щуровскій.

„Соловей“.—(Плѣнившись розой, соловей).—Е. Аленевъ, Арцыбушевъ, А. Глазуновъ, А. Гурилевъ, Данилевская, А. Дерфельдъ, Д. Кладищевъ,

Н. Ладухинъ, А. Рубинштейнъ (изд. 1898 г.), Н. Римскій-Корсаковъ (1894 г.), Б. Шель, В. Соколовъ (дуэтъ).

„Старая пѣсня". (Изъ лѣсовъ дремучихъ). — В. Беневскій („Народ. Образ". 1905 г.), А. С. Ильяшенко (1905 г.), А. Рубинштейнъ.

„Такъ и рвется душа".—К. Альбрехтъ (1878 г.), М. Балакиревъ, А. Варламовъ, Я. Горбенко, Н. де-Витте, Н. Дмитріевъ, В. Золотаревъ (1905 г.), В. Ивановъ (1895 г.), В. Кашперовъ, З. Коганъ (1897 г.), Ц. А. Кюи, Гр. Г. А. Кушелевъ-Безбородко, П. Лобановъ, Ржевская, Н. Римскій-Корсаковъ, О. Смирнитская (1895 г.), Н. Соколовскій (1898 г.), В. Соколовъ, І. Сѣтовъ (1856 г.), Н. В. Щербачевъ (1869 г.).

„Теремъ".—Ельховскій (дуэтъ).

„Тоска по волѣ". (Загрустила, запечалилась).—В. Соколовъ (1872 г.).

„Ты не пой, соловей".—П. Богдановъ (1909 г.), А. Варламовъ (соло и дуэтъ), А. Гурилевъ, С. Зайцевъ, Монюшко, А. Паскуа, А. Рубинштейнъ, В. Соколовъ (соло и дуэтъ), Б. Шель, А. Шеферъ (1890 г.).

„Ты прости,—прощай".—С. Донауровъ, А. Дюбюкъ (1852, 1869 г.), В. Зирингъ (1910 г.), К. Лядовъ, А. Рубинштейнъ, Эрарскій.

„Удалецъ".—(Мнѣ ли, молодцу).—М. Балакиревъ, А. Манухинъ (1871 г.), Эрарскій.

„Хуторокъ"—А. Дюбюкъ (1852 г.), Е. Климовскій (дуэтъ) (6-е изд. въ 1869 г.), С. Н. Нагаевъ.

„Цвѣтокъ"—А. Дюбюкъ (1873 г.).

„Что онъ ходитъ за мной". (Въ романсахъ иногда начало: „За глаза ненавижу его").—А. Дюбюкъ (1868 г.), В. Золотаревъ, Ю. Капри, А. Клеффель, Н. Самсонова (1853 г.), В. Эбанъ.

„Что ты спишь, мужичокъ".—В. Беневскій (2 голоса съ акком. „Нар. Образов." 1904 г.), И. Васильевъ, В. Золотаревъ (1909 г.).

„Я былъ у ней".—Н. Фонъ-Дервизъ (1863 г.), А. Дюбюкъ (1855 г.), С. Рахманиновъ (1896 г.).

„Я любила его".—Н. Андреевъ, М. Балакиревъ, А. Варламовъ, Віардо-Гарсія, А. Дюбюкъ, О. Дютшъ (1880 г.), Ю. Капри (соло и дуэтъ), В. Соколовъ, С. Траилинъ (1909 г.), Н. Христіановичъ.

Тріо, квартеты и хоры.

„Бѣгство".—С. Панченко (1909 г.).

„Великая тайна".—Н. Римскій-Корсаковъ.

„Веселый часъ". (Дайте бокалы!).—Афанасьевъ, Бернардъ, Вильбоа, В. Ребиковъ, Н. Римскій-Корсаковъ, Соколовъ, Сычевъ (1879 г.), Н. И. Шишкинъ (1898 г.).

„Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ".—Вильбоа, В. Соколовъ, Сычевъ.

„Горькая доля". (Соловьемъ залетнымъ).—В. Соколовъ.

„Домикъ лѣсника".—В. Главачъ.

„Дума сокола".—А. („Баянъ" 1908 г.).

„Дуютъ вѣтры".—Цыг. пѣсни.

„Какъ здоровъ да молодъ".—В. Кашперовъ, Н. Ладухинъ.

„Косарь".—П. Афанасьевъ.

„Крестьянская пирушка“. — Н. Римскій-Корсаковъ, М. Ипполитовъ-Ивановъ, П. Чесноковъ.

„Лѣсъ“.—П. Чесноковъ (1910 г.).

„Могила“. — П. Чесноковъ (1910 г.).

„Молитва“. (Спаситель, Спаситель!).—М. Гольтисонъ, В. Завадскій, И. Игнатьевъ, А. Ружницкій (1895 г., 1896 г.).

„Пѣсня Лихача Кудрявича“ (1-я). — В. Гунке, Воротниковъ.

„Разступитесь, лѣса темные“.—Ив. Ковалевскій.

„Свѣтитъ солнышко“.—Б. Левензонъ (1910 г.), И. Ковальскій, В. Орловъ.

„Соловей“ (Плѣнившись розой, соловей). — Н. Римскій-Корсаковъ.

„Старая пѣсня“. (Изъ лѣсовъ дремучихъ).—Беневскій, В. Орловъ, Н. Римскій-Корсаковъ.

„Такъ и рвется душа“.—В. Соколовъ.

„Урожай“.—С. Булгаковъ, В. Золотаревъ (1909 г.), А. М. Покровскій (1910 г.). В. Ребиковъ, Н. К.

„Что ты спишь, мужичокъ“.—В. Золотаревъ (1909 г.), В. Беневскій, В. Ребиковъ.

Что касается дѣтскихъ и школьныхъ пѣсенъ, то составители ихъ иногда пользуются для текста Кольцова мотивами изъ русскихъ и славянскихъ народныхъ пѣсенъ, а также изъ оперъ М. И. Глинки „Жизнь за царя“ и „Русланъ и Людмила“. Такъ, напр., въ сборникѣ Н. К.: „Пѣсни моей Антонинушки“ (изданіе П. Юргенсона) мы находимъ мотивы Глинки, приноровленные къ пѣснямъ Кольцова: „Что ты спишь, мужичокъ“ (женскій хоръ изъ „Руслана и Людмилы“, 4 д., № 18), „Пѣсня пахаря“ (изъ „Жизни за царя“, актъ 2, № 9), „Лѣсъ“ (мелодія хора „Лель таинственный, упоительный“, финалъ I акта „Руслана и Людмила“), „Урожай“ (женскій хоръ изъ „Жизни за царя“, д. 3, № 13) и др.

Мы не будемъ останавливаться на школьныхъ пѣсенникахъ, такъ какъ имъ посвящена спеціальная статья Н. Н. Бахтина „Кольцовъ въ школьныхъ пѣсенникахъ“ („Народное Образованіе“ 1909, ноябрь, стр. 512—517). Авторъ этой статьи перечислилъ пѣсни Кольцова, находящіяся въ сборникахъ школьныхъ пѣсенниковъ и указалъ, въ какихъ изъ нихъ мотивы являются оригинальными, въ какихъ заимствованными. Г. Бахтинъ привлекъ для своей работы около 40 школьныхъ пѣсенниковъ.

Особымъ видомъ музыкальной иллюстраціи пѣсенъ Кольцова является такъ называемая „мелодекламація“, получившая большое распространеніе въ послѣднее время. Такъ въ 1909 году вышли мелодекламаціи А. Н. Шеффера на слова Кольцова:

„Въ непогоду вѣтеръ вѣетъ“. (Спб. Изд. Бессель).

„Красавицѣ“. (Спб. Изд. „Сѣверной лиры“).

„Міръ музыки“ (Спб. Изд. „Сѣверной лиры“).

„Молитва“ (Спб. Изд. Ю. Циммермана).

„Цвѣтокъ“ (Спб. Изд. Ю. Циммермана).

„Я любила его“ (Изд. Бессель).

Въ 1910 г. магазинъ П. Юргенсона выпустилъ въ Москвѣ въ свѣтъ мелодекламаціи А. Юрасовскаго на слова стихотвореній Кольцова: „Бѣгство“ и „Домикъ лѣсника“.

Хронологическая канва

для біографіи А. В. Кольцова [1]).

1809.

„*Октября 3* рожденъ у купца Василія Петрова сына Кольцова и жены его Параскевы Ивановой сынъ Алексій. Воспринимали при крещеніи купецъ Николай Ивановъ Галкинъ и купецкая жена Евдокія Васильева Чеботарева". (Выписка изъ „метрической книги города Воронежа Входо-Іерусалимской (она же Ильинская) церкви" въ ст. „Когда родился и умеръ Кольцовъ", въ „Нов. Времени" 1892 г., № 5983).

1818.

[Осенью] когда Кольцову минуло 9 лѣтъ, родители пригласили семинариста обучать его грамотѣ. (Невѣровъ).

Послѣ краткой подготовки Кольцовъ поступаетъ въ Воронежское уѣздное училище. (Невѣровъ, Бѣлинскій, стр. V).

1819.

Переходъ Кольцова во второй классъ училища. (Невѣровъ).

1820.

Начало года. Во второмъ классѣ Кольцовъ пробылъ только 4 мѣсяца и по волѣ родителей оставилъ ученіе *на одиннадцатомъ году,* чтобы принять участіе въ торговыхъ занятіяхъ отца. (Невѣровъ, стр. 263, Бѣлинскій, стр. V, „Остафьевскій архивъ" III, 289).

---

1) Сокращенія при цитатахъ: Невѣровъ — статья Я. М. Невѣрова „Поэтъ-прасолъ Кольцовъ" въ „Сынѣ Отеч." 1836 г., т. 176; Бѣлинскій — статья о жизни и сочиненіяхъ Кольцова при изд. 1846 г.; Де-Пуле — книга М. Де-Пуле „Кольцовъ въ его житейскихъ и литературныхъ дѣлахъ и въ семейной обстановкѣ". Спб. 1878 г.; Пыпинъ — А. Пыпинъ. Бѣлинскій. Изд. 2-е. Спб. 1908 г.

1821—1823.

Дружба съ товарищемъ по училищу (Варгинымъ) и чтенiе книгъ изъ его библiотеки, прерываемое поѣздками съ отцомъ въ степи. (Невѣровъ, Бѣлинскiй, стр. IX; ср. М. Де-Пуле. „Кольцовъ", стр. 12).

1824.

Смерть Варгина, оставившаго Кольцову въ наслѣдство библiотеку изъ 70 книгъ. (Де-Пуле, стр. 12).

Знакомство съ сочиненiями И. И. Дмитрiева и влiянiе ихъ, особенно „Ермака", на Кольцова. (Невѣровъ, стр. 265, Бѣлинскiй, VIII—IX).

1825.

Когда Кольцову минуло 16 лѣтъ, онъ пишетъ первое стихотворенiе „Три видѣнiя" (Невѣровъ, стр. 266, Бѣлинскiй, стр. X).

Знакомство съ сочиненiями Ломоносова, Державина, Богдановича. (Бѣлинскiй, стр. XI).

Знакомство съ Воронежскимъ книгопродавцомъ Дм. Ант. Кашкинымъ, который даритъ Кольцову „Русскую просодiю" и предлагаетъ безденежно брать книги для чтенiя. (Невѣровъ, стр. 267).

1825—1829.

„Пять лѣтъ наслаждался Кольцовъ правомъ безденежно пользоваться библiотекою [Кашкина] и покупалъ только тѣ сочиненiя, которыя ему особенно нравились. Онъ ознакомился съ стихотворенiями Жуковскаго, и этотъ поэтъ, вмѣстѣ съ Дельвигомъ и Пушкинымъ, сдѣлался его любимцемъ". (Невѣровъ, стр. 268). — Кашкинъ поощряетъ стихотворные опыты Кольцова и является первымъ его критикомъ и руководителемъ. (Де-Пуле, стр. 18—21)

1826.

Октября 1. Первая тетрадь „Упражненiй Алексѣя Кольцова въ стихахъ" начата имъ съ 1 октября 1826 г., переписана 27 марта 1827 г. Первые извѣстные намъ стихотворные опыты Кольцова: *Октября 10.* „Пѣснь утру" (см. стр. 285 изданiя).—*Октября 20.* „За славой смерть. Баллада" (въ рукописи).

1827.

Первая любовь къ Дуняшѣ, жившей въ домѣ Кольцова въ качествѣ прислуги.

Января 4 — Марта 27. Рядъ юношескихъ произведенiй Кольцова, перечисленныхъ въ описанiи рукописей (стр. 317) и отчасти изданныхъ (стр. 285—292).

Апрѣля 2. „Посланiе Я. Я. Переславцову" (двоюродному брату). — „Сирота" (Не прельщайте, не маните).—„Ровеснику"—„Пѣсня" (Если встрѣчусь съ тобой).—*Декабря 14.* „Пишу не для мгновенной славы".

1828.

Насильственный отъѣздъ изъ дому Кольцовыхъ Дуняши. (Бѣлинскій, XII—XIII). Вліяніе любви и разлуки сказалось на творчествѣ Кольцова. Вліяніе меланхолической поэзіи Жуковскаго на стихи Кольцова. (Невѣровъ, стр. 268; Бѣлинскій, XIII).

„Размолвка".—„Спящему младенцу".—„Красавицѣ".—„Путникъ". *Августа 4.* „Привѣтный огонекъ" (вторая редакція стих. „Путникъ").—„Ночлегъ чумаковъ".—*Ноября 12.* „Пѣсня" (Очи, очи голубыя).—*Ноября 23.* „Осень".—*Декабря 27.* „Посланіе молодой вдовѣ".

1829.

Знакомство съ А. П. Сребрянскимъ. Сребрянскій читалъ стихи Кольцова, критиковалъ ихъ, объяснялъ правила версификаціи. Но это знакомство было непродолжительно. Сребрянскій поступилъ въ медико-хирургическую академію (1831 г.) (Невѣровъ, стр. 269; Бѣлинскій, стр. XIV сл.). О кружкахъ А. П. Сребрянскаго и другихъ семинаристовъ, гдѣ бывалъ и Кольцовъ, вспоминаетъ В. Аскоченскій („Кіев. Губ. Вѣд." 1854 г., № 45).

Д. А. Кашкинъ знакомитъ Кольцова съ литераторомъ В. Сухачевымъ, которому поэтъ поднесъ тетрадь своихъ стихотвореній. (Невѣровъ, стр. 271).

Въ августѣ, на постояломъ дворѣ села Можайскаго, близъ Воронежа, состоялось знакомство Кольцова съ проф. Ворон. семинаріи А. Д. Вельяминовымъ. (Свидѣтельство дочери Вельяминова, въ статьѣ Малыхина, „Отеч. Зап." 1867 г., т. 170, стр. 500).

Января 7. „Я былъ у ней".—*Января 11.* „Ровеснику" (вторая редакція).—*Января 26.* „Уныніе" (вторая редакція въ изд. 1846 г.).—*Марта 17.* „Отвѣтъ на вопросъ о моей жизни".—*Марта 28.* „Посланіе" (вторая редакція „Размолвки"—стих. 1828 г.).—„Приди ко мнѣ".—„По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ".—„Разувѣреніе".—„Не мнѣ внимать напѣвъ волшебной".—„Мщеніе".—„Пѣснь русалки".—*Августа 2.* „На отъѣздъ Д. А. Кашкина въ Одессу„.—*Октября 6.* „Къ М..." (Вы милы всѣмъ, вы очень скромны).—*Октября 9.* [А. Д. Вельяминову].—*Октября 12.* „Къ М..." (Подобныхъ Машѣ очень мало).—*Октября 25.* „Къ подругѣ моей юности".—*Ноября 1.* „Повѣсть моей любви" (Посвящ. Воронежскимъ дѣвушкамъ).—*Ноября 16.* „Пѣсня" (Увижу ль я дѣвушку).—*Ноября 16.* „Теремъ".—*Ноября 21.*—„Люди добрые, скажите".—*Ноября 23.* „Маленькому брату".—*Декабря 5.* „Письмо къ Д. А. Кашкину".—*Декабря 11.* „Сестрѣ" (При посылкѣ ей моихъ пѣсенъ).—*Декабря 19.* „Мѣщанская любовь".—*Декабря 21.* Первая редакція стих. „Цвѣтокъ".—„А. П. Сребрянскому" (Въ первонач. редакціи послѣднее стихотвореніе имѣло заглавіе „Посвященіе Д. А. Кашкину").

1830.

Появленіе трехъ стихотвореній Кольцова: 1) „Не мнѣ внимать", 2) „Приди ко мнѣ", 3) „Мщеніе" въ „Листкахъ изъ записной книжки Сухачева" (М. 1830). (Невѣровъ, стр. 271).—Знакомство съ Н. В. Станкевичемъ, по свидѣтельству Я. М. Невѣрова, вскорѣ послѣ свиданія съ Сухачевымъ (Невѣровъ, стр. 271; Бѣлинскій, стр. XVII, Де-Пуле, стр. 23—24).

Января 4. „Молодой четъ".—„О, не кажи улыбки страстной".—„Утѣшеніе" (Внимай, мой другъ, какъ здѣсь прелестно).—*Апрѣля 8.* „Посланіе С... З..." („Особая редакція стих. „О, не кажи улыбки страстной").—*Апрѣля 17.* „Встрѣча съ опытомъ". (2-ая редакція „Разувѣренія").—*Мая 26.* Лебедянь. „Пѣсня" (Утративъ то, что прежде было).—*Іюля 11.* „Къ другу".—*Іюля 19.* „Къ ней" (Опять тоску, опять любовь); въ „Листкѣ" 1831 г.: „Посланіе А—ой (т. е. Огарковой)".—*25 іюля.* „Посланіе Н... П..."—*Іюля 30.* „Элегія" (Въ твои объятія, гробъ холодный).—„Къ рѣкѣ Гайдарѣ".—*Августа 1.* „Совѣтъ старца".—„Веселый часъ".—*Августа 8.* „Къ Ж..."—*Августа 20.* Старобѣльскъ. „Вечеръ".—*Августа 20.* Старобѣльскъ. „Земное счастье".—*Августа 21.* Близъ Муръ-могилы. „Первая любовь".—*Августа 27.* Кирчиская слобода. „Мука".—*Сентября 4.* Кокенское поле. „Сирота" (Когда мнѣ шелъ двадцатой годъ).—*5 сентября.* Близъ Славяносербска. „Пѣсня". (На что ты, сердце нѣжное).—*Сентября 19.* „Если встрѣчусь съ тобой" (2-ая редакція).—*Сентября 20.* „Кольцо" (Я затеплю свѣчу).—*Сентября 21.* „Крестьянская пирушка".—*Сентября 21.* „Пѣсня старика".—*Октября 30.* „Вздохъ на могилѣ Веневитинова".—„Что значу я?"—„Утѣшеніе" (Какъ жаль, что счастія звѣзда).

1831.

Мая 2. Пріѣздъ Кольцова въ Москву (письмо къ отцу 8 мая).—*Мая 8.* Москва. Письмо къ отцу (В. П. Кольцову).—*Май.* Москва. Знакомство К. съ Бѣлинскимъ. (Бѣлинскій, стр. XVIII; А. Пыпинъ, стр. 65—66.

„Мой другъ, мой ангелъ милой".—„Соловей" (Подражаніе Пушкину).— „Наяда".—*Ноября 26.* „Пѣсня пахаря" (Ну, тащися, сивка).—Начиная съ *мая*, К. принимаетъ участіе въ московскомъ журналѣ „Листокъ" (Бѣлинскій, стр. XVIII; А. Пыпинъ, стр. 65). Здѣсь помѣщены: 1) „Вздохъ на могилѣ Веневитинова" (№ 22), 2) „Посланіе къ *** „Мой другъ, мой ангелъ милой") (№ 39), 3) „Посланіе А—ой" (Опять тоску, опять любовь) (№ 42).—Н. В. Станкевичъ помѣщаетъ въ „Литературной Газетѣ" 1831 г., № 34, стих. Кольцова „Кольцо", съ своимъ краткимъ письмомъ въ редакцію.

1832.

„Домикъ лѣсника"—„Изступленіе".—„Пѣсня" (Ты не пой, соловей).— „Размышленіе поселянина".

1833.

„Поэтъ и няня".—„Удалецъ".—„Великая тайна" (Дума).

1834.

Іюня 14. Письмо къ В. И. Гарденину.—„Не шуми ты, рожь".

1835.

Знакомство Кольцова съ А. М. Юдинымъ (тогда еще гимназистомъ) и бесѣды съ нимъ о русской литературѣ, о предполагаемомъ изданіи альманаха и сочиненій Кольцова. (Де-Пуле. Кольцовъ, стр. 53).—*Марта 9.* Н. В. Станке-

вичъ въ письмахъ сообщаетъ Я. М. Невѣрову о томъ, что онъ съ друзьями („мы") издаетъ „Стихотворенія" Кольцова, и проситъ Невѣрова дать безпристрастный отзывъ въ „Сѣв. Пчелѣ". (П. Анненковъ. „Н. Станкевичъ". М. 1857, стр. 128 переписки).—*Іюля 17 и 31.* Въ двухъ письмахъ изъ деревни Н. В. Станкевичъ упрекаетъ В. Г. Бѣлинскаго за предисловіе къ „Стихотвореніямъ Кольцова", которое предлагаетъ вынуть изъ книги. Въ предисловіи сообщалось о матеріальномъ содѣйствіи Станкевича изданію. (А. Пыпинъ. Бѣлинскій, 2 изд. 1908 г., стр. 124). Ср. письмо Н. Станкевича къ Я. М. Невѣрову отъ 14 іюня 1836 г. (Анненковъ, Станкевичъ. М. 1857 г., стр. 183 переписки).—Стихотворенія Кольцова выходятъ отдѣльнымъ изданіемъ, при содѣйствіи Н. В. Станкевича и В. Г. Бѣлинскаго. (Цензур. разрѣшеніе 24 марта 1835 г.).

„Урожай".—„Глаза".—К. принималъ участіе въ „Молвѣ", „Телескопѣ".

1836.

Январь. Кольцовъ въ Москвѣ „довольно ласково" принятъ Бѣлинскимъ (см. письмо къ Бѣлинскому отъ 3 марта 1836 г.). Въ Москвѣ К. „коротко сблизился съ однимъ молодымъ литераторомъ" (т. е. Бѣлинскимъ). „Новый пріятель познакомилъ его со многими московскими литераторами". (Бѣлинскій, стр. XVIII и слѣд.; здѣсь же нѣсколько подробностей объ этихъ знакомствахъ).

Конецъ января, февраль, мартъ и начало апрѣля Кольцовъ прожилъ въ Петербургѣ по торговымъ дѣламъ отца. Здѣсь онъ познакомился съ нѣсколькими литераторами:—Я. М. Невѣровымъ: „Невѣровъ о бытѣ моемъ составилъ біографію, которая печатается въ „Сынѣ Отечества" (письма, стр. 157); см. „Сынъ Отеч." 1836 г., т. 176, стр. 172; цензурн. разрѣшеніе этой статьи 12 февраля 1836 г.);—съ А. А. Краевскимъ, В. В. Григорьевымъ (см. письма К. 22 мая и 2 іюля 1836 г.);—кн. П. А. Вяземскимъ; сочувственный отзывъ о Кольцовѣ въ письмѣ кн. Вяземскаго отъ *23 января* („Остафьевскій архивъ" Спб. 1899 г., т. III, стр. 289); кн. Вяземскій оказалъ содѣйствіе письмами въ Москву и Воронежъ (см. письма Кольцова отъ 22 мая 1836 г. къ кн. Вяземскому и А. А. Краевскому);—съ И. И. Панаевымъ („Литерат. воспоминанія" И. Панаева. Спб. 1876, стр. 145 сл.),—съ В. А. Жуковскимъ (Де-Пуле. „Кольцовъ", стр. 79)—съ А. С. Пушкинымъ (В. Бѣлинскій „О жизни и сочиненіяхъ Кольцова", XXI—XXII, А. Юдинъ. „Поэтъ Кольцовъ и его стих." въ „Опытахъ въ соч. студентовъ Харьк. унив." 1846 г., стр. 220—221; разборъ извѣстій о знакомствѣ К. съ Пушкинымъ въ ст. Н. А. Янчука „Литературныя замѣтки" въ „Извѣст. отд. русск. языка и слов. Академіи Наукъ" 1907 г., т. XII, кн. 4, стр. 223—231; ср. Де-Пуле. „Кольцовъ", стр. 79—81),—съ П. А. Плетневымъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, И. С. Тургеневымъ, А. Ѳ. Воейковымъ, В. А. Владиславлевъ, Е. П. Гребенкою, Э. И. Губеромъ и другими (И. С. Тургеневъ. „Литературный вечеръ у Плетнева").

Марта 3. С.-Петербургъ. Письмо къ Бѣлинскому.—*Марта 21.* С.-Петербургъ. Письмо къ Бѣлинскому; К. сообщаетъ: „вѣроятно, въ Питерѣ я проживу Святую". (Пасха въ 1836 году была 29 марта).—*Апрѣль.* Кольцовъ

въ Москвѣ. Онъ сближается съ В. П. Боткинымъ. Подъ вліяніемъ жизнерадостнаго настроенія кружка Боткина Кольцовъ сдѣлалъ первый набросокъ „Пѣсни Лихача Кудрявича" (П. Анненковъ. „Воспоминанія". Спб. 1881 г., отд. III, стр. 53).—*Апрѣль.* Сближеніе въ Москвѣ съ М. Н. Катковымъ.— Первый набросокъ стих. „Пора любви" написанъ въ Москвѣ; стихотвореніе это нѣсколько разъ передѣлывалось, прежде чѣмъ достигло своего настоящаго вида (М. Катковъ. „Нѣсколько словъ къ характ. Кольцова". „Русск. Вѣстн." 1856 г., т. VI, стр. 169).—*Апрѣль.* „Въ Москвѣ познакомился я съ Глинкою, Θ. Н., онъ меня обласкалъ весьма хорошо" (изъ письма К-ва къ Краевскому 28 мая 1836 г.).

Мая 11. Пушкинъ въ письмѣ къ женѣ изъ Москвы пишетъ: „Гоголя печатать, а Кольцова разсмотрѣть" (т. е. разсмотрѣть стихотворенія К. передъ напечатаніемъ ихъ въ „Современникѣ") (Соч. Пушкина, ред. П. Ефремова, изд. А. Суворина. Спб. 1903 г., стр. 643; Де-Пуле. „Кольцовъ", стр. 81).

Письмо К. къ его дальней родственницѣ (разсужденія о любви, о бракѣ, съ рядомъ стихотворныхъ отрывковъ).—*Мая 22.* Воронежъ. Письмо къ кн. П. А. Вяземскому.—*Мая 22.* Воронежъ. Письмо къ А. А. Краевскому.— *Мая 23.* Воронежъ. Дата поднесенія стихотвореній сестрѣ поэта А. В. Золотаревой. (Экз. принадлежитъ Воронежскому Губерскому музею).—*Мая 28.* Воронежъ. Письмо къ Краевскому. (К. возвращаетъ ему долгъ—95 р., посылаетъ списокъ стихотвореній съ хронологическими датами).—*Лѣто.* „Въ степи ѣздилъ только разъ, и то на скору руку". (Письмо къ Краевскому 2 іюля 1836 г.).—*Іюля 2.* Воронежъ. Письмо къ Краевскому, Я. М. Невѣрову и В. В. Григорьеву. (Посылаетъ стих. „Цвѣтокъ"; мало писалъ).— *Сентября 11.* Письмо къ Бѣлинскому (съ приложеніемъ думы „Неразгаданная истина").—*Начало ноября.* Былъ въ Воронежѣ Θ. Н. Глинка съ женою, и оба посѣтили два раза Кольцова, обласкали все семейство. (Письмо К. къ А. А. Краевскому. 27 ноября).—*Ноября 20.* Воронежъ. Письмо къ Бѣлинскому.—*Ноября 27.* Воронежъ. Письмо къ А. А. Краевскому. (Начало переговоровъ по изданію Краевскимъ книжки стихотвореній Кольцова).—*Декабря 9.* Воронежъ. Письмо съ Θ. Н. и А. П. Глинкамъ.

„Женитьба Павла".—„Молодая жница".—*Январь.* Москва. „Косарь".— Воронежъ. „Божій міръ" (Дума).—„Неразгаданная истина". Дума.—*Іюня 15.* Воронежъ. „Человѣкъ" (Дума).—„Умолкшій поэтъ" (Дума).—„Великое слово". Степь графини Орловой. Дума. (В. А. Жуковскому).—„Молитва". (Дума). Степь графини Орловой.—Воронежъ. „Могила".—*Апрѣль.* „Цвѣтокъ".— „Пѣсня" (Перстенечекъ золотой).

Кольцовъ принималъ участіе въ „Телескопѣ" (въ запоздавшихъ номерахъ за 1835 г.), „Библіотекѣ для чтенія", „Современникѣ".

1837.

Февраля 22. Воронежъ. Письмо къ Краевскому. (Объ изданіи сборника стихотвореній К.).—*Февраль.* Кольцовъ сообщаетъ о собираніи имъ народныхъ пословицъ. (Письмо къ Краевскому 12 февраля).—*Февраля 19.* Письмо А. П. Сребрянскаго къ брату въ Чугуевъ съ жалобою на Кольцова, присвоившаго себѣ три думы: „Великая истина", „Божій міръ" и

„Слеза молитвы", которыя, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ **стиховъ**, принадлежатъ, по словамъ автора письма, А. П. Сребрянскому. (Отрывки изъ этого письма напечатаны въ корресп. изъ Воронежа въ „С.-Петерб. Вѣд." 1867 г., № 88; разборъ этого письма въ статьѣ Е. Сталинскаго „Кольцовъ и Сребрянскій" — „Донъ" 1868 г., и отд. Воронежъ, 1868 г.).— *Марта 13.* Воронежъ. Письмо къ А. А. Краевскому. (Откликъ на смерть Пушкина, просьба о присылкѣ ряда книгъ для чтенія).—*Весною* 1837 г. у А. Н. Муравьева, посѣтившаго Воронежъ, былъ Кольцовъ и подарилъ ему тетрадь своихъ стихотвореній. (А. Муравьевъ. „Знакомство съ русскими поэтами". Кіевъ. 1871 г., стр. 25).—*Іюль.* Кольцовъ начинаетъ, по совѣту А. А. Краевскаго, собирать народныя пѣсни. (Его письма къ Краевскому 16 и 28 іюля).—*Іюля 6.* В. А. Жуковскій въ Воронежѣ. „Въ 5 часовъ съ Кольцовымъ. Рисовалъ садъ Петра. Дубовая роща". *Іюля 7.* „Кольцовъ у меня". (Дневники Жуковскаго. Спб. 1901, стр. 337—338. См. также письмо Кольцова къ Краевскому 16 іюля 1837 г.)—*Іюля 7.* По воспоминаніямъ Де-Пуле, В. А. Жуковскій посѣтилъ два раза Воронежскую гимназію; во второй разъ онъ обратился къ учителямъ съ рѣчью о Кольцовѣ, совѣтовалъ поддержать его стремленіе къ самообразованію, сблизиться съ поэтомъ. (Де-Пуле. „Кольцовъ" стр. 93). У Де-Пуле (стр. 93—95) рядъ подробностей о свиданіи Кольцова и Жуковскаго.

Сближеніе нѣкоторыхъ Воронежскихъ педагоговъ (Ив. Ант. Добровольскаго, Ст. Як. Долинскаго); грубый пріемъ ихъ отцомъ поэта, В. П. Кольцовымъ (Де-Пуле. „Кольцовъ", стр. 127).—*Іюля 16.* Письмо къ А. А. Краевскому.—*Іюля 28.* Воронежъ. Письмо къ А. А. Краевскому. (Посылается одна хороводная пѣсня, съ поясненіями).—*Декабря 15.* Воронежъ. Письмо къ А. А. Краевскому.—*Конецъ декабря.* К. выѣзжаетъ изъ Воронежа въ Москву. (Письмо къ Краевскому 15 декабря 1837 г.).

Апрѣля 9. „Раздумье селянина".—Пора любви".—„Лѣсъ". (Памяти А. С. Пушкина).—„Ура".—„Первая пѣсня Лихача Кудрявича".—„Вторая пѣсня Лихача Кудрявича".—*Августа 4.* „Горькая доля".—*Сентября 18.* „Два прощанія".—*Сентября 20.* „Вопросъ" (Дума).—„Человѣческая мудрость" (Дума).—„Двѣ жизни"(Дума).—„Царство мысли" (Дума).

1838.

Январь. Кольцовъ въ Москвѣ. Сближеніе его съ М. А. Бакунинымъ, знакомство съ К. С. Аксаковымъ (ср. письма К. въ февралѣ и мартѣ 1838 г. къ В. Г. Бѣлинскому), К. А. Горбуновымъ, кн. П. Д. Козловскимъ.— *Февраля 2.* (Петербургъ). Письмо В. Г. Бѣлинскому. (О знакомствѣ и свиданіи съ Н. А. Полевымъ).—[*Февраля 14.* Петербургъ]. Письмо къ В. Г. Бѣлинскому. (О свиданіи съ В. А. Жуковскимъ, кн. П. А. Вяземскимъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, П. А. Плетневымъ, А. А. Краевскимъ, Э. И. Губеромъ, В. Г. Бенедиктовымъ, Е. П. Гребенкою, Бернетомъ, (А. К. Жуковскимъ), Н. Я. Прокоповичемъ, В. И. Карлгофомъ; нѣкоторые изъ нихъ поднесли Кольцову свои сочиненія; знакомство съ Д. В. Давыдовымъ; о вечерѣ у Венеціанова).—*Февраля 21.* Петербургъ. Письмо къ Бѣлинскому (о его „Грамматикѣ").—*Февраля 26.* Письмо къ

Н. А. Полевому, съ приглашенiемъ на вечеръ 27 февраля.—*Марта 7.* Петербургъ. Письмо къ В. Г. Бѣлинскому.—*Марта 9.* Кольцовъ на литературномъ вечерѣ у П. А. Плетнева. (Письмо къ Бѣлинскому) 14 марта: „Въ прошлую среду былъ я на вечерѣ у Плетнева").—*Марта 14.* Петербургъ. Письмо къ В. Г. Бѣлинскому. (Хлопоты К. по своимъ личнымъ дѣламъ у Жуковскаго, кн. Вяземскаго, А. Н. Муравьева, кн. Одоевскаго; сотрудничество К. въ изданiяхъ А. А. Краевскаго, А. Ѳ. Воейкова, В. А. Владиславлева, П. А. Плетнева, Н. А. Полевого; литературные обѣды и вечера у Венецiанова, Григоровича, Гребенки, Кукольника, Плетнева, Никитенка; два вечера у А. В. Кольцова).—*Марта 15.* Кольцовъ у А. О. Ишимовой.—[*Мартъ*]. „Въ 1838 г. Кольцовъ, съ которымъ я былъ знакомъ очень близко, просилъ отъ имени Бѣлинскаго участвовать въ „Московскомъ Наблюдателѣ". По этому поводу... между нами завязалась переписка". (И. Панаевъ. „Литерат. воспоминанiя". СПб. 1876, стр. 359).—*Марта 15 и 19.* Два рекомендательныя письма В. А. Жуковскаго къ Н. М. Гамалею.—*Марта 29.* Петербургъ. Изъ письма И. И. Панаева къ В. Г. Бѣлинскому: „Отъ добраго и умнаго А. В. Кольцова узналъ я о переходѣ „Наблюдателя" въ ваши руки". (А. Пыпинъ, стр. 220).—*Марта 30.* Петербургъ. Н. А. Полевой въ письмѣ къ брату Кс. А. Полевому даетъ очень сочувственный отзывъ о Кольцовѣ. („Записки" Кс. А. Полевого. СПб. 1888, стр. 442).—*Марта 30.* Петербургъ. Письмо къ А. А. Краевскому (о тетради стиховъ, отданной В. А. Жуковскому и П. А. Плетневу). [Письмо послано Краевскому по городской почтѣ; очевидно, передъ самымъ отъѣздомъ Кольцова въ Москву].—*Апрѣля 9.* Письмо къ неизвѣстному лицу (по всей вѣроятности, сенатору А. А. Писареву).—*Апрѣля 26.* Москва. В. Г. Бѣлинскiй въ письмѣ къ И. И. Панаеву шлетъ ему поклонъ отъ Кольцова. („Литерат. воспом." И. Панаева. СПб. 1876 г., стр. 360).—*Мая 2.* Москва. Письмо къ В. А. Жуковскому. (Благодарность за рекомендательное письмо, оказавшее влiянiе на ходъ дѣла въ Москвѣ; просьба повлiять на Гамалею).—*Апрѣль—Май.* Москва. Знакомство К. съ С. П. Шевыревымъ и Н. А. Мельгуновымъ (см. письмо его къ А. А. Краевскому 15 Iюня 1838).—*Апрѣль—Май.* Москва. Знакомство съ Ѳ. А. Кони. („Въ М. слышалъ я отъ Кони"... (письмо К. къ Никитенку 27 iюля 1838 г.).—*Около 8 iюня* прiѣздъ К. въ Воронежъ изъ Москвы: „я въ Воронежѣ недѣля, какъ прiѣхалъ изъ Москвы" (письмо къ Краевскому 15 iюня 1838 г.)—*Iюня 15.* Воронежъ. Письмо къ А. А. Краевскому. (Благодарность за участiе въ дѣловыхъ хлопотахъ К.; сообщенiе о „Женитьбѣ Павла" и другихъ стихотворенiяхъ).—*Iюня 15.* Письмо къ В. Г. Бѣлинскому. (Благодарность ему и московкимъ друзьямъ за содѣйствiе развитiю К-ва; сожалѣнiе о томъ, что многое изъ философскихъ понятiй остается ему недоступнымъ; поѣздка съ отцомъ въ степи; опасная болѣзнь Сребрянскаго; родители подыскали Кольцову невѣсту; разладъ съ воронежцами).—*Iюля 27.* Воронежъ. Письмо къ А. В. Никитенку. (Благодарность за хлопоты въ Петербургѣ у Смирдина: передается просьба Бѣлинскаго о содѣйствiи ему Никитенка, какъ цензора; о новыхъ стихотворенiяхъ).—*Iюля 27.* Воронежъ. Письмо. Бѣлинскому. (Жалоба на умственную лѣнь и отсутствiе книгъ и журналовъ; о перепискѣ съ Е. П. Гребенкою и М. А. Бакунинымъ; о добрыхъ отношенiяхъ съ отцомъ; прило-

жена дума „Человѣкъ").—*Августа 10.* Москва. Изъ письма В. Г. Бѣлинскаго къ И. И. Панаеву: „Читали ли вы въ 5 № статью" О музыкѣ"? Такихъ статей немного въ европейскихъ, не только русскихъ журналахъ. Сребрянскій—другъ Кольцова, который и доставилъ мнѣ статью. Представьте себѣ что этотъ даровитый юноша (Сребрянскій) умираетъ отъ изнурительной лихорадки" („Литерат. воспом." И. Панаева. СПб. 1876, стр. 564).—*Августа 3.* Смерть А. П. Сребрянскаго (А. Путинцевъ. „А. П. Сребрянскій", въ „Пам. кн. Ворон. губ. на 1906 г.", стр. 39; ср. письмо К. къ Бѣлинскому отъ 17 октября).—*Октября 17.* Воронежъ. Письмо къ Бѣлинскому.—*Октября 28.* Воронежъ. Письмо къ Бѣлинскому.—*Ноябрь-начало декабря.* Кольцовъ провелъ верстъ за 100 отъ Воронежа въ лѣсу, на рубкѣ дровъ. (Письмо къ Краевскому 27 декабря 1838 г.).—*Декабря 27.* Воронежъ. Письмо къ А. А. Кревскому.

Январь 20. Москва. „Измѣна суженой".—*Февраля 1.* Москва. „Къ милой".—*Апрѣля 5.* Москва. „Пѣсня" (Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали).—*Апрѣля 12.* Москва. „Послѣдній поцалуй".—*Мая 14.* Полночь. Москва. „Деревенская бѣда".—[*Мая 20.*] Москва. „Примиреніе".—[*Мая 20*], полночь. Москва, вечеръ музыкальный у Боткина. „Міръ музыки".—*Іюня 10,* утро 12 часовъ. Москва. „Пѣсня" (Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ).—*Сентября 20.* „Послѣдняя борьба".—*Октября 15.* „Пѣсня разбойника". (Памяти друга А. П. Сребрянскаго).—*Октября 20.* „Бѣдный призракъ".—*Декабря 13.* „Бѣгство".—„Товарищу".

Въ 1838 г. К. сотрудничалъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ", „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду", въ „Современникѣ", „Сынѣ Отечества", въ „Сборникѣ на 1838 годъ".

1839.

Начало года. Письмо къ Бѣлинскому.—*Февраля 15.* Воронежъ. Письмо къ В. Ѳ. Одоевскому. (Съ письмомъ отъ князя Одоевскаго К. былъ у графа и гр. Е. П. Растопчиной).—[*Май*]. Письмо къ Бѣлинскому. (О перепискѣ съ Владиславлевымъ; Краевскій приглашаетъ въ Петербургъ для занятія книжной торговлей).—*Сентября 28.* Письмо къ Бѣлинскому.—*Октября 12.* Воронежъ. Письмо къ Бѣлинскому.—[*Ноябрь*]. Письмо къ А. А. Краевскому. (О дѣловыхъ неудачахъ).—[*Ноябрь*]. Воронежъ. Письмо къ Бѣлинскому. (О тяжеломъ положеніи дѣлъ; разладъ съ воронежцами).—*Декабря 1.* Письмо къ В. А. Жуковскому.—*Декабря 28.* Письмо къ А. Н. Черткову.

Января 5. „Я дома".—*Февраля 20.* „Предъ образомъ Спасителя".—*Марта 10.* „Путь".—*Августа 5.* „Пѣсня" (Въ непогоду вѣтеръ).—*Сентября 2.* „Тоска по волѣ".—*Сентября 5.* „Хуторокъ".—*Сентября 10.* „Къ ***" (Ты въ путь иной отправилась одна).—*Сентября 15.* „Не разливай волшебныхъ звуковъ".—*Сентября 25,* „Что ты спишь, мужичокъ".—*Ноября 2.* „Пѣсня" (Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись).—*Ноября 10.* „Лѣсъ" (Дума).—*Ноября 15.* „Пѣсня" (Безъ ума, безъ разума).—*Ноября 16.* „Посланіе В. Г. Бѣлинскому".

Въ 1839 г. К. принималъ участіе въ „Московскомъ Наблюдателѣ", „Литературныхъ прибавленіяхъ къ Рус. Инвалиду", „Современникѣ", „Отечественныхъ Запискахъ", въ „Утренней Зарѣ".

Февраля 20. Письмо къ Бѣлинскому.—*Марта 18.* Рѣзкій отзывъ учителя Воронежской гимназіи И. С. Дацкова (въ его дневникѣ) о думѣ Кольцова „Умолкшій поэтъ“ (Де Пуле. „Кольцовъ“, стр. 150).—*Марта 28.* Встрѣча И. С. Дацкова съ А. В. Кольцовымъ у учителя С. Я. Долинскаго. Упреки Кольцову за повтореніе сужденій „Отечеств. Записокъ“ (Де-Пуле. „Кольцовъ“, стр. 150).—*Апрѣля 3 и 5.* По дѣламъ К. хлопочутъ кн. П. А. Вяземскій и А. И. Тургеневъ. (Письма Тургенева къ Вяземскому отъ 3 и 5 апрѣля 1840 г., въ „Остаф. Арх.“ IV, СПб. 1899, стр. 107, 112).—*Апрѣля 4.* Письмо къ кн. В. Ѳ. Одоевскому.—*Апрѣля 28.* Воронежъ. Письмо къ В. Г. Бѣлинскому. (М. пр., о посѣщеніи П. С. Мочалова).—*Мая 14.* Воронежъ. П. С. Мочаловъ записалъ въ тетради Кольцова (нынѣ принадлежащей П. Я. Дашкову) три свои думы.—*Іюня 29.* Учитель И. С. Дацковъ у Кольцова знакомится съ новыми пьесами К., „въ которыхъ много прекрасныхъ мыслей“ (Де-Пуле, стр. 151).—Сборникъ пѣсенъ Воронежской губ., записанныхъ А. В. Кольцовымъ, былъ въ рукахъ П. В. Кирѣевскаго. (См. предисловіе его къ „Рус. народн. пѣснямъ“ въ „Чтен. Общ—ва Ист. и Древн. Росс.“ 1848 г.). О немъ упоминаетъ К. въ письмѣ къ Бѣлинскому 15 августа: „А „русскія народныя пѣсни“ тетрадь, вѣрно, вы затеряли“.—*Августа 15.* Воронежъ. Письмо къ Бѣлинскому. (О тяжеломъ положеніи поэта въ Воронежѣ и о невозможности оставить родину).

Сентябрь. Кольцовъ въ Москвѣ. (Де-Пуле, стр. 156).—*Октября 5.* Бѣлинскій, Кольцовъ и Панаевъ провожали до Кронштадта на пароходѣ П. В. Анненкова и М. Н. Каткова, отправлявшихся за границу. (П. Анненковъ. „Воспоминанія и критическія статьи“. СПб. 1881 г., т. III, стр. 52; М. Катковъ. „Нѣсколько словъ къ характеристикѣ Кольцова“—„Рус. Вѣстн.“ 1856 г., т. VI, ноябрь, стр. 171; И. Панаевъ. „Литерат. воспом.“ СПб. 1876 г., стр. 314).—*Октября 25.* Письмо Бѣлинскаго къ Боткину о совмѣстной жизни съ К. въ Петербургѣ: „Кольцовъ у меня. Мои отношенія къ нему легки; я ожилъ немножко отъ его присутствія. Экая богатая и благородная натура!“ (А. Пыпинъ, стр. 333).—*Октябрь—ноябрь.* Кольцовъ на вечерахъ у Панаева (о его наружности, объ отношеніи Бѣлинскаго къ К. и т. д.). (А. Головачева-Панаева. „Русскіе писатели и артисты“. СПб. 1890 г., стр. 84—85).—*Октябрь—ноябрь.* Ю. Арнольдъ написалъ музыку на слова К. „Не шуми ты рожь“. („Воспоминанія“ Ю. Арнольда. М. 1892 г. Вып. II, стр. 212—213).—*Ноября 13 и 16.* К. посѣщаетъ П. А. Плетнева въ Петербургѣ. („Переписка Я.К. Грота съ П. А. Плетневымъ“. СПб. 1896 г., т. I, стр. 140).—*Ноября 20.* Посѣщеніе Кольцовымъ А. В. Никитенка въ Петербургѣ. („Записки и дневникъ“ А. В. Никитенка. СПб. 1904 г., изд. 2, т. II, 307).—*Ноября 26.* Отъѣздъ Кольцова изъ Петербурга въ Москву. („Восемнадцать дней я живу въ Москвѣ“—пишетъ К. Бѣлинскому *15 декабря* 1840).—*Ноябрь—декабрь.* Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину описываетъ совмѣстную жизнь съ К. въ Петербургѣ и грустить по поводу его отъѣзда. (Пыпинъ, 345).—*Декабря 1.* Москва. Письмо къ А. А. Краевскому. (Отзывъ о Ѳ. А. Кони и Московской конторѣ „Отеч. Зап.“).—*Декабря 15.* Москва. Письмо къ Бѣлинскому. (Участіе въ дѣлахъ Б. и его брата, оставшагося

въ Москвѣ).—*Декабрь*. Москва. Письмо къ Бѣлинскому. (О пьесахъ конца 1840 г.).—*Декабря 23*. Москва. Письмо къ А. А. Краевскому. (Хлопоты по поводу бенефиса М. С. Щепкина).—*Конецъ декабря*. Рѣшено тяжебное дѣло отца Кольцова съ крестьянами Большой Приваловки. (Письмо К. къ Бѣлинскому 27 января 1841 г.: „шесть недѣль, какъ дѣло мое кончилось;— ну, положимъ, кончилось передъ самымъ Рождествомъ", Де-Пуле, стр. 107; на стр. 101—106 подробно изложенъ весь ходъ этого дѣла).

Января 15. „Дума сокола" (В. П. Боткину).—*Февраля 12*. „Пѣсня" (Свѣтитъ солнышко).—*Февраля 26*. „Пѣсня". (Не скажу никому).—*Марта 6*. „Вопль страданія".—*Марта 14*. „Благодѣтелю моей родины" (Д. Н. Бѣгичеву).—*Апрѣля 1*. „Пѣсня" (Такъ и рвется душа).—*Мая 21*. „Разлука".— *Іюня 12*. Бобровъ. „Пѣсня" (Не на радость, не на счастье).—*Іюля 11*. Бобровъ. „Перепутье".—*Августа 14*. „Пѣсня" (Дуютъ вѣтры, вѣтры буйные).— *Августа 22*. „Военная пѣсня". (Посвящена кн. П. А. Вяземскому).—*Августа 28*. „Всякому свой таланъ".—„Дума двѣнадцатая".—*Декабря 3*. Москва. „Пѣсня" (Гдѣ вы, дни мои).—*Декабря 7*. „Поэтъ" (Дума).—*Декабря 8*. Москва. „Пѣсня" (Много есть у меня).—*Декабря 9*. Москва. „Расчетъ съ жизнію" (В. Г. Бѣлинскому).—*Декабря 10*. Москва. „Грусть дѣвушки".— *Декабря 11*. „Ночь" (Князю В. Ѳ. Одоевскому).—*Декабря 12*. Москва. „Поминки" (Памяти Н. В. Станкевича).

Въ 1840 г. К. принималъ участіе въ „Отечественныхъ Запискахъ", „Пантеонѣ", „Сынѣ Отечества".

1841.

Января 4. Кольцовъ на концертѣ г-жи Паста.—Въ *январѣ* свиданіе съ П. Я. Чаадаевымъ. (стр. 437).—*Января 10*. Москва. Письмо къ А. В. Кольцовой.—*Января 10*. Москва. Письмо къ Бѣлинскому. (Встрѣча новаго года у Боткина, сообщенія о К. С. Аксаковѣ, Н. Ф. Павловѣ и другихъ лицахъ).— *Января 27*. Москва. Письмо къ Бѣлинскому. (О личныхъ непріятностяхъ К., одиночествѣ; на *1 февраля* назначенъ отъѣздъ изъ Москвы).—*Марта 1*. Воронежъ. Письмо къ кн. П. А. Вяземскому.—*Марта 1*. Письмо къ Бѣлинскому. (Любовь К. къ В. Г. Лебедевой).—*Марта 1*. Письма къ А. А. Краевскому и къ Ѳ. А. Кони.—[*Мартъ*]. Письмо къ А. Н. Черткову.—*Марта 22*. Письмо къ кн. В. Ѳ. Оодоевскому.—*Марта 25*. Письмо къ Бѣлинскому. (Отношенія къ отцу и къ семьѣ. Любовь).—*Апрѣль*. Начало тяжелой болѣзни). (стр. 463)—*Іюля 22*. Письмо къ Бѣлинскому. (Два съ половиною мѣсяца, *май, іюнь, начало іюля*, К. провелъ на дачѣ у Башкирцева для лѣченія). —Конецъ *сентября*. Свиданіе съ Ѳ. Н. Глинкой и его женой.—*Октября 8*. А. А. Краевскій въ письмѣ къ А. Н. Черткову проситъ сообщить, „что дѣлается съ нашимъ А. В. Кольцовымъ". (Статья Л. Вейнберга въ „Ист. Вѣстн." 1893 г., № 1, стр. 195).—*Октября 23*. Письмо къ Бѣлинскому. (Подробности хода болѣзни и лѣченія).—*Октября 24*. Письмо къ кн. П. А. Вяземскому.—*Октября 24*: Письмо къ кн. В. Ѳ. Одоевскому.—[*Октябрь*]. Письмо къ И. А. Малышеву..—*Декабря 18*. Письмо къ Бѣлинскому. (Помолвка сестры, семейныя непріятности).

Апрѣля 1. „Доля бѣдняка".—*Апрѣля 25*. „Пѣсня" (Ты прости, прощай).— *Мая 2*. „Пѣсня" (Не весна тогда).—*Мая 5*. „Звѣзда"—*Мая 10*. „Пѣсня"

(Разступитесь, лѣса темные).—*Мая 15.* „Пѣсня“ (Какъ здоровъ да молодъ).—*Октября 17.* „Старая пѣсня“.—„Еще старая пѣсня“.—*Октября 18.* [„Эпитафія“].—*Октября 18.* „Жизнь“.—*Декабря 18.* „Кн. Вяземскому. Дума“ (Не время-ль намъ оставить).—*Декабря 20.* „Пѣсня“ (Я любила его).

Въ 1841 г. К. принималъ участіе въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ „Современникѣ“, „Литературной Газетѣ“, „Утренней Зарѣ“.

1842.

Февраля 27. Письмо къ Бѣлинскому.—Письмо къ Боткину. (Свадьба сестры, состоявшаяся *17 февраля.* Семейные нелады. Примиреніе. Болѣзнь).—*Мартъ 31.* Письмо Бѣлинскаго къ В. П. Боткину. (Свѣдѣнія о хлопотахъ о Кольцовѣ). (Пыпинъ, стр. 414).—Весною и лѣтомъ изрѣдка А. В. Кольцовъ, „блѣдный и понурый“, гулялъ по улицамъ Воронежа, нерѣдко съ учителемъ С. Я. Долинскимъ. (Де-Пуле, 182—183).—[*Май*]. Письмо къ В. П. Боткину и В. Г. Бѣлинскому. (Объ отъѣздѣ въ Петербургъ. Нѣкоторое улучшеніе здоровья).—*Іюля 12.* Посѣщеніе Кольцова В. И. Аскоченскимъ. („Кіев. Губ. Вѣд.“ 1854 г., № 45 („въ августѣ 1842 г.“); „Историческій Вѣстникъ“ 1882 г., т. VII, стр. 343—346 („*12 іюля 1841 года*“; въ *годѣ* несомнѣнная опечатка).—Сближеніе съ Кольцовымъ поэта-юнкера А. Н. Карѣева („Лучи“ 1851 г. № 4).—*Сентябрь.* Сопротивленіе крестьянъ села Большая Приваловка исправнику и землемѣру при приведеніи въ исполненіе рѣшенія тяжебнаго дѣла съ Кольцовыми. (Де-Пуле, стр. 108).

Января 1. „На новый 1842 годъ“.—*Февраля 8.* „Пѣсня“ (Что онъ ходитъ за мной).—„Когда есть жизнь другая тамъ“.—*Марта 5.* „Пѣсня“ (Нынче ночью къ себѣ).—Въ 1842 г. К. принималъ участіе въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

„*Октября 29-го* умеръ, *ноября 1-го* погребенъ на кладбищѣ Всѣхъ Святыхъ воронежскій мѣщанинъ Алексѣй Васильевъ Кольцовъ, 33 лѣтъ, отъ чахотки“. (Изъ метрической книги, см. „Нов. Время“ 1892 г., № 5983).



Алфавитные списки стихотвореній.[1])

1. По алфавиту заглавій.

[1]) Приписываемыя Кольцову стихотворенія обозначены звѣздочкой.

2. По первому стиху.

Заглавія стихотвореній Кольцова, впослѣдствіи измѣненныя.

Благотворителю моей родины—Благодѣтелю моей родины.
Великая истина—Великое слово.
Видѣніе Наяды—Наяда.
Вопль страданій—Вопль страданія.
Встрѣча съ опытомъ—Разувѣреніе.
Грусть удалова—Горькая доля.
Дума предъ образомъ Спасителя—Предъ образомъ Спасителя.
Дума XIIIV—„Не время ль намъ оставить".
Его Превосходительству Дмитрію Никитычу Бѣгичеву—Благодѣтелю моей родины.
Жалоба—Расчетъ съ жизнію.
Земляку—„Что ты спишь, мужичокъ?"
Знакомство съ опытомъ—Разувѣреніе.
Ивану Гордѣевичу Козлову—Эпитафія.
Изъ Гораціи—„Не время ль намъ оставить".
Кольцо вѣчности—Божій міръ (см. списокъ при письмѣ № 8).
Концертъ—Міръ музыки.
Къ ***—Посланіе Н... П... (рук. Маркса).
Къ брату—Маленькому брату.
Къ другу—Утѣшеніе (Внимай, мой другъ) (рук. Маркса).
Къ молодости. Пѣсня—Пѣсня старика.
Къ N ...—Къ ней.
Къ ней же—Къ Ж... (въ рук. Маркса).
Къ ней же—Къ ***
Къ сонѣ-земляку — „Что ты спишь, мужичокъ?".
Къ С. З.—„О, не кажи улыбки страстной".
Лѣнивцу—„Что ты спишь, мужичокъ?".
Любовь души—Первая любовь.
Нищій—Сирота (списокъ при письмѣ № 8).
Отшельникъ—Разувѣреніе.
Перстень—Кольцо.
Печаль сердца—Мука.
Пирушка. / Пирушка русскихъ поселянъ } Крестьянская пирушка.
Плачъ / Плачъ души } Уныніе.
Посвященіе Д. А. Кашкину—А. П. Сребрянскому.
Посланіе—Размолвка.
Посланіе къ А-ой—Къ ней.
Посланіе къ N... N...—Къ ней.
Посланіе къ ***—„Мой другъ, мой ангелъ милый".
Посланіе С... З...—„О, не кажи улыбки страстной".
Послѣдній вопль земныхъ страданій—Вопль страданія.
Поэтъ — Поэтъ и няня (прилож. къ письму № 8).
Прекрасной поселянкѣ—Красавицѣ.
Привѣтный огонекъ—Путникъ.
Проявленіе Бога—Поэтъ.
Разгульная головка—Перепутье.
Русачку-землячку (мужичку)—„Что ты спишь, мужичокъ".
Свой таланъ—Всякому свой таланъ.
Сельская бѣда—Деревенская бѣда.
Сельская пирушка — Крестьянская пирушка.
Сенька Разинъ—Пѣсня разбойника.
Сирота - поселянинъ — Сирота (рук. Маркса)
Слеза молитвы—Молитва.
Спящій юноша—Спящему младенцу.
Старому товарищу—Товарищу.
Страданіе—Вопль страданія.
Судьба.—Всякому свой таланъ.
Такая жизнь—Бѣдный призракъ.
Утѣшеніе. Посланіе другу—Къ другу.
Шекспиръ. Дума.—Поэтъ. Дума.

Указатель именъ.

